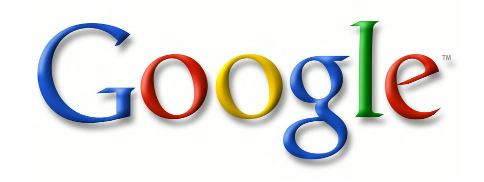

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

ТОМЪ III.

ЭТНОГРАФІЯ МАЛОРУССКАЯ

А. Н. Пыпина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., № 28
1891.

(1833)

Въ изложеніи малорусской этнографіи также сдѣланы значительныя дополненія, такъ что оно является иногда болѣе подробнымъ, чѣмъ другія части моей работы. Это возможно было между прочимъ потому, что объемъ предмета былъ здѣсь гораздо тѣснѣе, а притомъ и мало извѣстнѣе внѣ круга малорусскихъ спеціалистовъ и любителей. Значительную долю дополненій заняли подробности біографическія. Мы указывали прежде (т. II, стр. 422), какой интересъ подобныя черты могли бы представить для объясненія развитія самой науки,—даже еслибы шла рѣчь не только о руководящихъ, но и второстепенныхъ дѣятеляхъ науки: не лишено исторической важности, именно въ изученіяхъ народныхъ, и особливо мѣстныхъ, опредѣлить, въ какихъ условіяхъ возникало влеченіе къ изслѣдованіямъ народности, какъ взаимно питались и вліяли чувство личное и общественное съ одной стороны, и съ другой—чисто научный интересъ; присоединялся наконецъ и общій вопросъ литературной біографіи. Къ сожалѣнію, мы не могли въ желательной степени указать эту сторону предмета; многое, отчасти и по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, должно было остаться одинокой чертой и намекомъ,— по крайней мѣрѣ мы обращаемъ вниманіе на эту сторону въ развитіи народныхъ изученій. Приведенныя свѣдѣнія доставлены большею частію самими учеными писателями; но въ особенности мы обязаны въ собираніи этихъ свѣдѣній В. П. Горленку и А. А. Русову.

Въ первоначальномъ изложеніи, составлявшемся въ разное время, мнѣ приходилось иногда возвращаться съ новыми данными къ предмету, затронутому раньше по другимъ отношеніямъ; я

счелъ возможнымъ оставить это изложеніе въ прежнемъ видѣ, такъ какъ читатель безъ труда можетъ проследить предметъ по подробному оглавленію.

Къ судьбамъ малорусской этнографіи имѣетъ весьма близкое отношеніе вопросъ о такъ-называемомъ украинофильствѣ. Я предпочелъ не вводить его въ эту книгу: нѣсколько обстоятельное изложеніе его должно было бы завлечь далеко отъ предмета настоящей работы, предназначенной больше для фактовъ собственной этнографіи и, можетъ быть, внѣшнимъ образомъ было бы трудно въ данное время. Мой взглядъ, давно сложившійся и досѣлѣ не измѣнившійся, былъ не однажды изложенъ, и я ограничусь ссылкой на „Исторію слав. литературъ", т. I, на относящіяся сюда прежнія статьи въ „В. Евр.", а для литературы предмета на посвященный ей отдѣлъ въ „Покажчикѣ" г. Комарова (1883).

Настоящая книга вызвала нѣсколько разборовъ, между прочимъ враждебныхъ; избѣгая вносить полемику въ книгу, я въ концѣ моей работы сдѣлаю въ послѣсловіи обзоръ тѣхъ замѣчаній, которыя заслуживаютъ вниманія.

А. Пыпинъ.

Іюнь, 1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ историческомъ очеркѣ русской этнографіи мы только мимоходомъ коснулись развитія этнографіи малорусской. Естественно, что послѣдняя должна представить многія общія или параллельныя черты съ великорусской; но въ то же время въ ея развитіи были особенности, только ей принадлежавшія. Общность являлась въ самомъ единствѣ племенъ, языкъ, бытъ и поэтическія созданія которыхъ, несмотря на долгое историческое раздвоеніе, сберегли много общихъ основъ; древность обѣихъ племенныхъ отраслей была одна и та же— кіевская. Новѣйшій интересъ къ народному одинаково и одновременно одушевлялъ ученыхъ и любителей, работавшихъ на сѣверѣ и на югѣ: они чувствовали свою солидарность, находили взаимно опору въ своихъ изслѣдованіяхъ; нерѣдко однѣ и тѣ же лица трудились въ обѣихъ областяхъ, какъ напр. Срезневскій, Бодянскій, Максимовичъ, Костомаровъ... Но, съ другой стороны, были отличія, происходившія изъ самого положенія малорусской народности. Русская по своей глубочайшей основѣ, она цѣлые вѣка прожила раздѣльно отъ другой русской отрасли, которой суждено было основать самостоятельное государство и стать господствующей стихіей русскаго міра; и тѣ особенности этнографическія, которыя можно угадывать еще въ древнемъ характерѣ южно-русскаго племени сравнительно съ сѣвернымъ, развились подъ вліяніемъ исторіи въ такія своебразныя формы, которыя бросались въ глаза самому народу и рѣзко отличили „хохла" отъ „москаля". Всѣ различныя условія, дѣйствовавшія на образованіе народности—а именно: свойства и обстановка природы, искони вліявшія на физическій складъ племени и его бытъ (формы земледѣльческой и вообще хозяйственной культуры); племенное сосѣдство въ древніе и средніе вѣка, издавна дѣйствовавшее въ южномъ племени иначе, чѣмъ въ сѣверномъ, на этнологическій составъ народ-

ности; остатки первобытной старины, уцѣлѣвшіе на югѣ и забытые на сѣверѣ, или наоборотъ, позднѣйшія историческія отношенія, неизвѣстныя на сѣверѣ и сообщавшія новыя понятія и обычаи на югѣ (какъ напр. давнія восточныя, а затѣмъ польскія вліянія XV—XVII в.); національная историческая борьба XVI—XVII столѣтій и т. д., все это вмѣстѣ создавало типъ народности, столь отличный отъ сѣвернаго, что при „возсоединеніи". въ половинѣ XVII-го столѣтія, онъ не могъ слиться съ господствующей народностью и прибавился къ ней особымъ оттѣнкомъ. Нѣкогда княжества удѣльной Руси, подпадавшія московскому объединенію, при всѣхъ (какія бывали иногда) отличіяхъ отъ московскаго люда, сливались съ нимъ въ одной великорусской основѣ; въ крайнихъ случаяхъ, какъ въ Новгородѣ, московская власть помогала объединенію простыми истребленіями неподдающихся населеній, выведеніемъ туземцевъ и переводомъ на ихъ мѣста московскихъ жителей, установленіемъ московскихъ порядковъ управленія и быта. Здѣсь подобныя мѣры были невозможны: слишкомъ велика была масса, которую нужно было бы приводить къ одному знаменателю; самое возсоединеніе сопровождалось политическими условіями, согласіемъ московскаго правительства на сохраненіе мѣстнаго права и обычая, когда притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кіевскій бытъ стоялъ выше московскаго, напр., въ школѣ и извѣстномъ развитіи образованія. Но присоединеніе къ сильному государству, притомъ одноплеменному, не могло не сглаживать племенныхъ различій. Въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го столѣтія объединеніе шло большими шагами: мѣстныя особенности не имѣли настолько внутренней силы, чтобы удержаться подъ властью могущественной имперіи, при подавляющемъ господствѣ администраціи, нравовъ, а затѣмъ новаго просвѣщенія и литературы, развивавшихся съ XVIII-го столѣтія. Малорусская старина политическая, „малороссійскія права", исчезали окончательно; малорусскіе люди шли въ русскую службу, военную и гражданскую, поставляли іерарховъ, чиновниковъ, государственныхъ дѣльцовъ и даже фаворитовъ; старая войсковая и земельная аристократія стала русскимъ дворянствомъ, какъ народъ, наравнѣ съ русскимъ, дѣлался крѣпостнымъ; умственныя силы вступали въ потокъ русской науки и литературы;—но на мѣстѣ еще очень долго держалось преданіе бытовое, нравы и обычаи средняго и мелкаго дворянства, среднихъ и мелкихъ горожанъ и, всего болѣе, народной массы. Въ тѣ времена, до самыхъ 1860-хъ годовъ, не задавались тѣми задачами абсолютнаго обрусѣнія, какія ставились въ послѣднія десятилѣтія; правительство довольствовалось полнымъ объединеніемъ административнымъ и не думало, чтобы внѣ этого еще слѣдовало гнаться за истребленіемъ мѣстныхъ бытовыхъ

отличій, языка, нравовъ и книжности. Въ литературѣ, развивавшейся съ Петровской реформы подъ разными европейскими вліяніями, малорусскія силы участвовали вмѣстѣ съ великорусскими, работали надъ тѣми же общими образовательными вопросами и литературными направленіями, какъ ложный классицизмъ, сентиментальная школа, романтизмъ, и долго совсѣмъ не возникало вопроса о мѣстныхъ народныхъ элементахъ, которые однако продолжали жить,—точно также ихъ долго еще не касалась и наука.

Такимъ образомъ, вопросъ этнографическій оставался незатронутымъ въ старой литературѣ, не былъ возбуждаемъ какими-нибудь внѣшними толчками; въ жизни шелъ постепенно процессъ племенного объединенія, и если съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка возникли и стали все больше расширяться этнографическія изученія и выростать стремленіе къ своенародному, то побужденіе къ нимъ лежало въ глубокихъ основаніяхъ самой внутренней жизни народности. Говоря объ исторіи русской этнографіи, мы указывали, изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ складывалось то направленіе, которое съ тридцатыхъ годовъ получило названіе „народности". Самымъ глубокимъ источникомъ былъ тотъ элементъ русскаго содержанія, который не былъ никогда заглушенъ въ самыхъ искусственныхъ и натянутыхъ произведеніяхъ прошлаго вѣка, и напротивъ былъ только усиливаемъ новыми нравственными и общественными понятіями, какія приходили изъ классическихъ произведеній европейской литературы. Соціальная мысль о народѣ, а съ нею и мысль о національномъ характерѣ просвѣщенія и литературы возникаетъ еще съ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ столѣтіи выростала въ цѣлое направленіе, подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ (двѣнадцатый годъ), романтической школы и политическаго либерализма; наконецъ, интересъ народности поднятъ былъ дошедшими къ намъ отголосками славянскаго возрожденія и вліяніями нѣмецкой историко-филологической науки. Всѣ эти элементы, нравственные, политическіе, литературные, научные, имѣли свое дѣйствіе и на развитіе этнографіи малорусской: когда разъ въ образованныхъ литературныхъ кругахъ выдѣлилась ясно мысль о народѣ, то особность малорусской стихіи представлялась тотчасъ сама собой—оставалось въ нее вникнуть. При первыхъ этнографическихъ приступахъ къ малорусской народности, ярко выступалъ фактъ, что при всемъ единствѣ племенъ исторія провела между ними рѣзкую разницу во всемъ народно-бытовомъ характерѣ, въ языкѣ, преданіи, народной поэзіи и обычаѣ. Все оригинальное, самобытное бросалось въ глаза, и когда этнографическій интересъ сталъ серьезнымъ литературнымъ вопросомъ, онъ естественно расширился съ одной стороны до научнаго изученія народной старины и

современности, съ другой—до общественной постановки вопроса. Первымъ серьезнымъ началомъ даны были всѣ послѣдующія развѣтвленія этого движенія. Этнографическій интересъ, *какъ всегда*, переходитъ въ стремленіе къ извѣстнаго рода реставраціи народности.

Этнографическая наука, вытекая изъ желанія познать народъ, доставляетъ обыкновенно матеріалъ для народническихъ стремленій (въ прежнее время романтическихъ, въ новѣйшее—болѣе реальныхъ), оживляетъ и усиливаетъ ихъ; такъ малорусскія этнографическія изученія уже вскорѣ соединились съ стремленіями поднять общественное и нравственное состояніе самого народа, съ этой цѣлью создать для него литературу на народномъ языкѣ; рядомъ съ этимъ шла идеализація малорусской старины. Чѣмъ сильнѣе становилось это народническое стремленіе, тѣмъ больше въ глазахъ энтузіастовъ выростала особенность родного племени, даже противорѣчіе двухъ отраслей русской народности; въ тѣмъ болѣе увлекательныхъ очертаніяхъ вставала малорусская старина или патріархально-идиллическая современность, украшенная изящными произведеніями народной поэзіи... Возникновеніе интереса къ малорусской народности и начатки новой малорусской литературы казались возрожденіемъ старины, паденіе которой являлось какъ бы несправедливостью исторіи. Отсюда рождалось представленіе о томъ, что новое малорусское движеніе вообще равнозначительно съ славянскимъ возрожденіемъ (съ которымъ и дѣйствительно имѣло многія связи и параллельныя явленія). Въ послѣднее время этнографическая ревность нѣкоторыхъ южно-русскихъ (особливо галицкихъ) ученыхъ настаивала на полной раздѣльности великорусскаго и малорусскаго племени и языка, какъ особыхъ, независимыхъ отраслей славянскаго корня...

Такія ступени проходило, въ общихъ чертахъ, изученіе малорусской народности. Первоначальный интересъ къ народному, какъ и въ развитіи русской этнографіи, исходилъ изъ простого продолженія стараго, еще незабытаго обычая, изъ привычки къ той или другой старинѣ, изъ вкуса къ народной пѣснѣ; когда позднѣе этотъ интересъ получилъ мѣсто въ кругу литературныхъ понятій, т.-е. занялъ людей образованныхъ, перешелъ въ книгу, то народность сначала привлекала элементомъ патріархальности (которую давно превозносила псевдо-классическая идиллія и эклога, а потомъ теоріи Руссó), потомъ внушала сочувствія соціально-филантропическія (какъ это было и въ русской литературѣ), затѣмъ прошла стадіи сантиментальной и романтической школы и оффиціальной народности. Въ послѣднія десятилѣтія, этнографическое движеніе, какъ русское, такъ и малорусское, опять было въ извѣстной связи съ новыми направленіями литературы, западничествомъ и славянофильствомъ, совпадая

то съ тѣмъ, то съ другимъ, и, между прочимъ, московская исключительность новѣйшаго славянофильства не мало способствовала развитію того малорусскаго историческаго патріотизма, который (подъ названіемъ украинофильства) въ послѣднее время вызывалъ крайнее раздраженіе не только газетныхъ публицистовъ, но даже и нѣкоторыхъ людей ученыхъ и, по нашему мнѣнію, вовсе не требовалъ бы этого раздраженія.

Племенную своеобразность двухъ народныхъ отраслей видѣлъ издавна, и съ обѣихъ сторонъ, самъ народъ: съ обѣихъ сторонъ былъ русскій народъ, издавна раздѣлившійся, по политическому положенію и политической мѣркѣ, на *великую* и *малую Русь*, но эта Русь на одной сторонѣ были „хохлы", на другой „москали" или „кацапы"—простонародныя клички, имѣвшія для обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ. Пунктомъ очевиднаго историческаго дѣленія двухъ племенъ былъ XII—XIII вѣкъ, начало политическаго объединенія на сѣверѣ, и особенно татарское нашествіе. Съ тѣхъ поръ исторія обѣихъ отраслей разошлась на многіе вѣка и политически, и культурно: онѣ стали принадлежать двумъ разнымъ государствамъ, и вступили въ совершенно различныя культурныя условія. Историческія обстоятельства были таковы, что это государственное дѣленіе не казалось удивительнымъ или неправильнымъ, потому что было неизбѣжно и вынуждено силою вещей. Обѣ стороны, великое княжество московское, великое княжество литовское, были русскія; русская стихія уже вскорѣ возобладала въ строѣ литовскаго княжества; князья-литвины стали русскими по вѣрѣ и языку—какъ будто произошла только смѣна династій; но затѣмъ положеніе осложнилось: сближеніе, потомъ окончательное сліяніе великаго княжества литовскаго съ Польшей ввели южно-русское племя въ связь и вмѣстѣ столкновеніе съ инороднымъ элементомъ племеннымъ и религіознымъ. Высшій классъ, сначала понемногу, потомъ почти поголовно отпалъ въ чужую народность и чужую вѣру, отпалъ отчасти по доброй волѣ, соблазненный матеріальными выгодами и блескомъ общественнаго положенія польскаго магнатства и шляхетства, отчасти вынужденный; но народная масса осталась вѣрна преданію, и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выносила страшный гнетъ религіозный и соціальный, не уступивъ ни своей вѣры, ни народности. Кончилось тѣмъ, что Малая Русь присоединилась къ Москвѣ, съ которой въ томъ и другомъ отношеніи сознавалась давняя связь. Москва приняла политическія условія „возсоединенія", но крайне исключительная, вслѣдствіе вѣковыхъ условій *своей* исторіи, съ недовѣріемъ смотрѣла на новую для нея разновидность русскаго племени. Отчасти это недовѣріе было понятно: отпаденіе высшаго малорусскаго класса въ католичество, принятіе польскихъ обычаевъ и, наконецъ, языка,

заставили москвичей думать, что и вообще западное православіе слабо; но москвичи вообще не могли понять ни несходства иныхъ обычаевъ юго-западной Руси, даже православной, съ московскими, ни южно-русскаго образованія. Это недовѣріе, равнявшееся недружелюбному предубѣжденію, какъ будто обновилось опять въ литературныхъ и административныхъ врагахъ малорусскаго народническаго движенія, но съ русской точки зрѣнія должно было бы признать, что „возсоединеніе“ было великой побѣдой южно-русскаго племени надъ исключительно тяжелыми обстоятельствами и было заслугой въ самомъ русскомъ смыслѣ: приходилось бороться съ врагомъ очень сильнымъ и упорнымъ въ своихъ стремленіяхъ, притомъ вооруженнымъ гораздо болѣе высокою культурою, и побѣда принесла великую пользу *всему* русскому цѣлому, потому что та же борьба на западной границѣ предстояла бы самбй московской Россіи. Правда, сожительство съ польскимъ обществомъ—кромѣ той потери, которая испытана была отпаденіемъ высшихъ классовъ—оставило и на православной массѣ извѣстный оттѣнокъ польскаго вліянія; но, во-первыхъ, бытовое отличіе южной Руси (приписывавшееся москвичами только этому вліянію) на дѣлѣ выходило вовсе не изъ одного польско-католическаго вліянія, а изъ всѣхъ историческихъ условій южно-русской жизни, а во-вторыхъ, рядомъ съ тѣмъ, чтб казалось не національно-русскимъ для москвичей, были пріобрѣтены изъ польскаго источника важныя культурныя выгоды, опять послужившія для цѣлой русской народности. Церковная борьба создала потребность въ образованіи; стали заводиться школы по латинско-польскому схоластическому образцу; южно-русскіе дѣятели XVI—XVII вѣка внесли въ латино-польскій обиходъ своей школы греко-русское православное содержаніе, и новое образованіе уже вскорѣ проникло въ самую Москву, гдѣ кіевскіе ученые стали его первыми представителями и начинателями. Языкъ, которымъ говорила южно-русская ученость и книга, былъ своеобразной амальгамой церковно-славянскаго съ формами рѣчи южно-русской, съ отдѣльными добавками изъ латинскаго и польскаго; въ церковныхъ предметахъ онъ, конечно, больше пользовался церковной стихіей, въ предметахъ историческихъ и житейскихъ ближе подходилъ къ народной рѣчи. На этомъ языкѣ составилась съ XVI-го вѣка цѣлая литература, удовлетворявшая популярнымъ потребностямъ, такъ что новѣйшее возникновеніе малорусской литературы со временъ Котляревскаго, собственно говоря, было только подновленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ стараго книжнаго преданія [1]). Выученики Кіевской Академіи имѣли свою историческую

[1]) Въ газетѣ „Кіевлянинъ“, 1885, явился цѣлый рядъ статей по поводу моихъ замѣчаній о происхожденіи украинофильства, высказанныхъ въ статьѣ: „Волга и Кіевъ“

роль въ московской умственной жизни XVII-го вѣка, были дѣятелями въ Никоновскомъ исправленіи книгъ, въ установленіи Славяно-греко-латинской Академіи, были придворными учеными и піитами, отъ временъ Алексѣя Михайловича и до Петра; въ эпоху реформъ, это были ревностные сотрудники Петровскаго преобразованія; въ теченіе прошлаго вѣка, изъ ихъ среды вышелъ цѣлый рядъ значительныхъ іерарховъ; они были главными дѣятелями въ установленіи духовныхъ школъ. Наконецъ, въ Малороссіи все еще были свои гетманы; до половины царствованія Екатерины II цѣла была Запорожская Сѣчь.

Въ концѣ XVIII и даже началѣ XIX столѣтія старый, спеціально малорусскій бытъ былъ еще цѣлъ, и начинатели новой литературы были еще окружены живыми остатками оригинальной родной старины. Въ то время еще не ставили утонченныхъ національныхъ

(„В. Е.", 1885, іюль). Между прочимъ, мысль о малорусскомъ литературномъ преданіи съ XVI вѣка, котораго я тамъ коснулся, показалась газетѣ „просто глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ" и „дѣтски неловкой передержкой". И для блистательнѣйшаго опроверженія, „Кіевлянинъ" указывалъ на великую разницу между писателями кіевскаго періода, работавшими будто бы надъ обще-русскимъ языкомъ, и новѣйшими украинофилами, стремящимися обособить малорусскій языкъ.

Остановимся на этомъ возраженіи, потому что оно является однимъ изъ множества другихъ подобныхъ, направляемыхъ противъ историческаго права малорусской литературы. Оно заключаетъ въ себѣ простую путаницу или извращеніе фактовъ. Чтобы кіевскіе ученые въ XVII стол. именно заботились объ обще-русскомъ языкѣ, это есть нелѣпость: въ то время не было идеи о русскомъ книжномъ языкѣ въ нашемъ смыслѣ; они просто писали на языкѣ, который образовался въ южной книжной практикѣ—на церковно-славянской основѣ. Но что впослѣдствіи, когда ихъ дѣятельность стала простираться и на сѣверъ, ихъ труды имѣли свою долю участія въ образованіи книжнаго языка обще-русскаго, это извѣстный фактъ, не однажды и мною указанный. А въ данномъ случаѣ, у меня шла рѣчь совсѣмъ о другомъ, именно о присутствіи въ южной письменности чисто *малорусской стихіи* не только языка, но и содержанія, и о продолженіи ея съ XVI до XIX вѣка. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Напр., писатель, котораго газета не рѣшится, вѣроятно, обвинить въ попущеніи украинофильству, находитъ, что малорусское литературное движеніе въ концѣ прошлаго вѣка (съ Энеиды Котляревскаго), которое проложило путь новѣйшей украинской литературѣ, „*не есть что-либо новое и является только непосредственнымъ отзвукомъ предыдущаго развитія кіевской искусственной литературы XVIII вѣка* (Петровъ, Очерки изъ ист. укр. литерат. XVIII в., стр. 149),—такимъ же образомъ литература XVIII вѣка была продолженіемъ и отзвукомъ предыдущей,—что я и говорилъ.

Какъ странно прямое, безъ всякихъ историческихъ церемоній, сопоставленіе XVII-го вѣка съ XIX-мъ, нечего и говорить.

Подробное и строго научное обоснованіе упомянутыхъ мною связей новой малорусской литературы съ старымъ книжнымъ преданіемъ сдѣлано было потомъ въ замѣчательной книгѣ Н. П. Дашкевича, представляющей „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія", въ XXIX-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1888, стр. 37—301.

вопросовъ, не считали малоруссовъ какъ будто за чужое племя и не думали видѣть ущерба для достоинства русскаго народа въ признаніи извѣстной малорусской особности: это былъ фактъ, который странно было оспаривать или въ заявленіи его видѣть сепаратизмъ. Такимъ образомъ, съ самой эпохи возсоединенія до начала нашего столѣтія, когда явились первые опыты научной этнографіи и первыя сознательныя попытки литературы на народномъ языкѣ, племенное и бытовое малорусское преданіе хранилось еще и въ языкѣ, и въ особенностяхъ типа, и въ своеобразномъ обычаѣ, и въ прекрасныхъ произведеніяхъ народной поэзіи, и въ близкихъ еще воспоминаніяхъ историческихъ.

Но исторія дѣлала свое. Старина политическая была уничтожена окончательно съ прекращеніемъ гетманства и Запорожской Сѣчи,— послѣдняя теряла и смыслъ съ завоеваніемъ Крыма, съ раздѣлами Польши; никакихъ протестовъ это паденіе политической старины не вызвало; Малороссія вживалась спокойно въ общіе гражданскіе порядки. Объединеніе совершалось и въ области образованія и литературы съ неоспоримымъ первенствомъ господствующей народности. Сколько ни ушло малорусскихъ силъ на служеніе русской школѣ и литературѣ, въ дальнѣйшемъ развитіи это были школа и литература русскія. Сначала, съ половины XVII-го вѣка, когда началось сильное воздѣйствіе Кіевской Академіи, и почти до Ломоносова, сама русская литература переживала безформенное переходное состояніе, когда и въ содержаніи ея мѣшались отголоски старины съ начатками новыхъ знаній и общественныхъ интересовъ, и въ языкѣ еще стояло смѣшеніе церковнаго и русскаго языка, съ примѣсями словъ иностранныхъ или тяжело переведенныхъ съ иностраннаго; но уже съ Петровской реформы новая литература пріобрѣтаетъ черты, которыя должны были утвердить за ней полное господство. Это былъ притокъ новыхъ реальныхъ знаній всякаго рода, общественныхъ идей и поэтическихъ элементовъ, заимствованныхъ изъ западно-европейскихъ литературъ, и этотъ новый матеріалъ, развивавшійся на широкой государственной почвѣ, въ ученыхъ учрежденіяхъ, какъ напр., Академія наукъ, позднѣе Московскій Университетъ и спеціальныя школы, на господствующемъ языкѣ имперіи, въ трудахъ разнородныхъ представителей ея населенія, составилъ умственную силу, у которой должна была заимствоваться сама Малороссія [1]). Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, русская литература дѣлала все болѣе широкія пріобрѣтенія и въ запасѣ научныхъ знаній, и въ развитіи

---

[1]) Ср. Петрова, Очерки изъ украинской литературы XVIII вѣка. Кіевъ, 1880, стр. 11—13.

художественныхъ элементовъ, и полагала все болѣе прочныя основы для своего будущаго національнаго значенія; то, чтó нѣкогда принесено было малорусскими силами, поглощалось въ цѣломъ русскомъ движеніи, а мѣстная малорусская книжность или была застарѣлой схоластикой, или становилась провинціализмомъ. Самъ малорусскій языкъ,—когда образованіе распространялось уже на русскомъ языкѣ,—все больше дѣлался языкомъ низшаго класса, простонародья, и еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, по наставленіямъ тогдашнихъ піитикъ, этотъ „деревенскій, мужицкій слогъ“ могъ быть употребляемъ только въ низшихъ родахъ литературы, напр., въ комедіяхъ. Итакъ, еще съ прошлаго вѣка высшіе интересы науки, общественности, художества выражались уже на болѣе широкомъ поприщѣ русской литературы: на это поприще сами собой переходили и писатели, которые были уроженцами юга; ихъ образованіе бывало уже русское, ихъ литературный языкъ—русскій.

Въ такомъ броженіи были двѣ народныя силы. Повидимому, южно-русскій племенной элементъ сдѣлалъ свое историческое дѣло, и ему оставалось окончательно слиться съ господствующей народностью и затеряться въ ней. Вмѣсто того, съ той самой поры, когда повидимому истощились ея послѣднія литературно-образовательныя стихіи, мы видимъ живое, оригинальное возрожденіе, которое выразилось—началомъ южно-русской этнографіи и попытками литературы на народномъ языкѣ. Гдѣ источникъ этого возрожденія?—Глубочайшій источникъ его заключается въ жизненной силѣ народнаго существа, въ томъ новомъ соціальномъ и литературно-поэтическомъ интересѣ къ народному, который составляетъ знаменательное историческое явленіе не только русско-славянской, но всей европейской жизни новаго времени... Въ то время, когда, какъ мы сказали, стихіи народности казались истощенными, онѣ продолжали жить въ скрытомъ состояніи и обнаружились, какъ скоро явилась возможность ихъ дѣйствія... Этнографическое изученіе указало богатую оригинальность южно-русской народности, исторія раскрывала ея старыя преданія: передъ научнымъ изслѣдованіемъ возставалъ цѣлый особый элементъ русскаго народа, его характера и содержанія, и ихъ изученіе являлось дѣломъ не только мѣстнаго патріотизма, но глубокимъ вопросомъ науки и цѣлаго національнаго самосознанія. Южно-русскіе элементы вступали въ общую русскую жизнь не безъ своего особеннаго дѣйствія; они неуловимо присутствовали и въ трудѣ тѣхъ людей, которые, повидимому, работали только на обще-русской почвѣ, покидая свою мѣстную,—но именно силою своей мѣстной оригинальности они и могли иногда оказывать великія услуги этому обще-русскому дѣлу. Таковъ былъ Гоголь.

Итакъ самый ходъ исторіи пробуждалъ эти народныя силы и вниманіе къ нимъ общества, научное и практическое. Въ средѣ самихъ малоруссовъ создавался этимъ горячій интересъ къ своей старинѣ и народности, и естественное чувство любви къ мѣстной родинѣ стремилось собрать сокровища ея историческаго преданія и поэзіи. Высокое достоинство малорусской народной поэзіи оцѣнено было не одними малоруссами, и не было ничего мудренаго, что у мѣстныхъ патріотовъ съ поэтическимъ настроеніемъ рождалась мысль создать новую литературу для своего народа на языкѣ этой поэзіи, воспользоваться имъ для своихъ новыхъ произведеній, навѣянныхъ жизнью этого же народа—хотя бы не было опредѣленной мысли о томъ, чѣмъ должна стать дальше эта новая литература. Если бы въ ней явился сильный талантъ, способный увлечь земляковъ и быть вмѣстѣ проводникомъ общечеловѣческаго чувства и идеала, это было бы уже оправданіемъ существованія подобной новой литературы. Такимъ оправданіемъ малорусской литературы былъ Шевченко.

Мы не разъ объясняли, что подобное развитіе мѣстныхъ элементовъ не только не ослабляетъ цѣлую народность, но усиливаетъ ее, раскрывая богатства ея внутренняго содержанія, давая исходъ разнообразію ея оттѣнковъ, поощряя проявленія народной и личной даровитости, расширяя объемъ литературы, обогащая языкъ. Относиться враждебно къ этимъ мѣстнымъ элементамъ значитъ умалять внутреннее достоинство самой господствующей народности. Ея преобладаніе не уменьшится отъ ихъ развитія, а напротивъ ея собственное содержаніе обогатится свободной дѣятельностью ея отраслей.

ГЛАВА I.

Князь Н. А. Цертелевъ.—М. А. Максимовичъ.

Разнообразныя проявленія малорусской народности въ прошломъ вѣкѣ: еще хранившаяся до Екатерины II память политической старины, сберегавшіеся обычаи. малорусскій языкъ въ литературныхъ памятникахъ прежнихъ и попыткахъ новыхъ, естественно могли наводить и на мысль объ описаніи этого быта, объ этнографическомъ наблюденіи [1]). Идущая издавна и продолжавшаяся въ XVIII вѣкѣ малорусская лѣтопись начинаетъ переходить въ опыты историко-географическихъ описаній, какъ у Рубана, Шафонскаго, Якова Марковича; являются и описанія этнографическія, какъ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ" и проч., Григорія Калиновскаго (Спб. 1777), и др. Когда въ русскомъ литературномъ кругу проявился впервые вкусъ и любопытство къ произведеніямъ народной поэзіи, началось собираніе народныхъ пѣсенъ или печатаніе рукописныхъ сборниковъ, ходившихъ ранѣе по рукамъ (изданія Чулкова, Новикова), то въ эти сборники тогда уже вносимы были и пѣсни малорусскія. Повидимому, въ самомъ русскомъ обществѣ былъ уже тогда интересъ къ малорусскимъ пѣснямъ и оцѣнивалась ихъ оригинальность: вѣроятно, онѣ и пѣвались въ русскихъ кружкахъ, какъ это было и послѣ [2]).

---

[1]) О малорусской печатной и письменной литературѣ прошлаго вѣка см. названную книгу Н. Петрова (Кіевъ, 1880).

[2]) Укажемъ, напр., находящійся у насъ подъ руками: „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ, или собраніе всѣхъ употребительныхъ, доселѣ извѣстныхъ новыхъ и старыхъ отборныхъ пѣсенъ лучшихъ въ семъ родѣ сочинителей, въ шести частяхъ съ присовокупленіемъ арій и хоровъ изъ оперъ и пр. П. Ш". Спб. 1819, въ тип. И. Глазунова. Во 2-й части, отдѣленіе 2-е: „Пѣсни малороссійскія", 147 — 175, № 148—186.

Первый этнографъ, обратившійся къ изученію народной малорусской поэзіи, былъ князь Н. А. Цертелевъ: онъ остановился именно на одной изъ ея любопытнѣйшихъ сторонъ — эпической думѣ [1]. Издавая произведенія малорусскаго эпоса, кн. Цертелевъ руководится двумя побужденіями — своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ и первыми неясными догадками о научной важности изслѣдованія народно-поэтическихъ памятниковъ этого рода. Малорусскій патріотизмъ издателя выразился эпиграфомъ, который онъ поставилъ на первой страницѣ (изъ трагедіи „Пожарскій“):

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, я сердцу чту святымъ.

Книжка посвящена Дм. Прок. Трощинскому, который, живя на покоѣ въ Малороссіи, былъ своего рода центромъ для любителей малорусской старины. Кн. Цертелевъ видимо питаетъ теплую привязанность къ малорусской народной поэзіи,—думы записывалъ онъ самъ отъ слѣпого бандуриста, — но не знаетъ, какъ помирить народную пѣсню съ псевдо-классической піитикой и вообще какое мѣсто опредѣлить ей въ словесности.

„Собирая старинныя малороссійскія пѣсни,—говоритъ онъ,—я увѣренъ былъ, что не отыщу другой Иліады; но не сомнѣвался также въ томъ, что пѣсни, сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ, могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя. Не одни греки и римляне умѣли видѣть и чувствовать... Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсней; но есть ли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ малороссійской исторіи, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ піитическій геній народа, духъ его, обычаи описываемаго времени, и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссіяне и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ, ихъ окружавшихъ!“

Въ понятіяхъ кн. Цертелева борются естественныя красоты ма-

[1] „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“. Спб. 1819. 8 ненум. и 64 стр. 8°. Предисловіе „о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ и замѣчанія читателю, не знающему малороссійскаго нарѣчія, стр. 1 — 20; десять думъ и эпическихъ пѣсенъ, стр. 21—58; въ концѣ объясненіе малорусскихъ словъ. — Краткая біографія (онъ умеръ въ 1869) и свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ его по народной поэзіи см. въ статьѣ г. Безсонова, „Вѣстн. Евр.“ 1870, іюнь, стр. 867—871. Въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ помощникомъ попечителя Харьковскаго университета и, въ какомъ-то соучастіи съ извѣстнымъ Иннокентіемъ, игралъ роль въ дѣлѣ запрещенія диссертаціи Костомарова объ уніи. Кн. Цертелеву принадлежатъ между прочимъ весьма цѣнныя замѣчанія о метрикѣ русской народной поэзіи.

лорусской народной поэзіи съ школьнымъ представленіемъ о „слогѣ“; онъ старается смягчить ожидаемое осужденіе критиковъ, недоумѣваетъ, какъ будетъ принятъ самый языкъ, — но увлеченіе родною поэтическою стариной очевидно беретъ въ немъ верхъ надъ литературными привычками:

„Языкъ старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, конечно, далеко отошелъ отъ своего народа и еще болѣе отъ языка россійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ, и политическими переворотами, и самымъ образованіемъ народа. Намѣреніе мое обратить вниманіе читателей не на слогъ, но на силу чувствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, наученыхъ природою. Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части русскихъ покажется, можетъ быть, страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самихъ малороссіянъ): но изъ того несправедливо было бы заключить, что и самыя стихотворенія странны и никуда не годны. Романсы трубадуровъ и пѣсни древнихъ скальдовъ, при всей необработанности слога ихъ, заключаютъ въ себѣ много выраженій и мыслей, которыми плѣняются новѣйшіе писатели. Наконецъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нарѣчіе малороссійское, бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ *отдѣльнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными, весьма облегчаютъ стихотвореніе малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго.

„Касательно достоинства старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, какъ піитическихъ произведеній, можно назвать оныя счастливымъ отпечаткомъ первыхъ временъ стихотворства—поэзіи безъискусственной, естественной. Вездѣ видна въ оныхъ природа, вездѣ слышны разговоры дѣйствующихъ лицъ и рѣдко, очень рѣдко сочинитель. Правда, что сіи памятники народнаго генія, сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ, много испорчены, впрочемъ, судя по нѣкоторымъ стихамъ, убѣжавшимъ отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженія, и прелесть гармоніи. Это безобразныя развалины, свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія! Умирающій отголосокъ гармоніи, слышанной нѣкогда на берегахъ Днѣпровскихъ!“

Онъ приводитъ примѣры дѣйствительно прекрасныхъ поэтическихъ картинъ изъ собранныхъ имъ пѣсенъ: „малороссійскій сочинитель, —прибавляетъ онъ еще разъ, — безъ сомнѣнія не читывалъ Иліады и не слыхалъ о Гомерѣ; но *законы природы* общи и неизмѣнны“.—Оканчивая предисловіе, онъ говоритъ: „...боюсь наскучить читателю предметомъ, который для меня столь занимателенъ; воспоминаніе о родинѣ наполняетъ душу какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ“.

Итакъ, на первый разъ вниманіе къ народной поэзіи было результатомъ простой любви къ своей мѣстной народности; научная важность ея изученія полагалась въ томъ, что она можетъ „удовлетворить любопытству нашему касательно протекшаго“; литературный ея

характеръ приходилось оправдывать въ виду сравненія съ Гомеромъ, извинять „необработанность слога“, „странности“ языка—ту самую „необработанность“ и „странности“, которыя уже вскорѣ, въ слѣдующемъ поколѣніи этнографовъ, казались вѣрхомъ оригинальнаго поэтическаго изящества.

Книжка кн. Цертелева была первымъ приступомъ къ предмету, который до тѣхъ поръ былъ чуждъ литературѣ русской и малорусской, но самая мысль о народномъ поэтическомъ преданіи и въ то время была уже не нова. Въ это самое время наши любители старины были особенно заинтересованы Словомъ о полку Игоревѣ; Калайдовичъ переиздавалъ „Древнія Россійскія стихотворенія“ (1818), которыя еще раньше (1804), но не сполна напечаталъ Якубовичъ, посвятивъ „сей простой гласъ славенской музы“ тому же Трощинскому; въ это же время дошли до нашей литературы свѣдѣнія о сербскихъ пѣсняхъ Вука Караджича и о чешской Краледворской рукописи, которую сталъ переводить Шишковъ (1820). Къ интересу литературному прибавлялся уже и научный: памятники разныхъ народовъ сравнивались и подводились подъ одинъ разрядъ, и угадывалась древняя эпоха народнаго поэтическаго творчества.

Самъ Цертелевъ не ограничился изданіемъ пѣсенъ. Въ 1820 г. онъ напечаталъ (въ „Сынѣ Отечества“): „Взглядъ на старинныя русскія сказки и пѣсни“, „О произведеніяхъ древней русской поэзіи“, „О стихосложеніи старинныхъ русскихъ пѣсенъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заинтересовался появлявшимися тогда памятниками народной поэзіи славянской, и въ 1824 помѣстилъ (въ „Сѣверномъ Архивѣ“) замѣтку о сборникѣ славянскихъ пѣсенъ, изданныхъ Челяковскимъ. Онъ перепечаталъ изъ Челяковскаго восемь пѣсенъ на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, прибавилъ русскій переводъ и по поводу малорусскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ этомъ сборникъ, замѣчалъ: „Странно, что отдѣленіе сіе столь бѣдно тогда, когда оно могло быть однимъ изъ богатѣйшихъ, ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка славянскаго не имѣетъ столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе малороссійское“,—и въ концѣ: „Весьма желательно, чтобы сей примѣръ нашелъ себѣ послѣдователей между нашими соотечественниками. Намъ Русскимъ, старшимъ потомкамъ Славянъ, стыдно уступить въ любви къ народной славѣ Сербамъ и Богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умирающій, совершенно не радѣть о томъ“.

Впослѣдствіи еще разъ кн. Цертелевъ изложилъ свои мысли о значеніи народной поэзіи, въ письмѣ къ Максимовичу (въ „Вѣстн.

Европы", 1827). Взглядъ его становится уже болѣе опредѣленнымъ. Онъ опять указываетъ на то, что русскіе отстали отъ просвѣщенныхъ европейцевъ во вниманіи къ народной поэзіи; между тѣмъ она имѣетъ важное значеніе: „Знаете ли, что сію безъискусственную поэзію предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ, и (слушайте! слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ... Скажу смѣло, что тотъ, кто хочетъ быть хорошимъ отечественнымъ писателемъ и въ особенности отечественнымъ поэтомъ; кто хочетъ дать, если можно такъ выразиться, народный колоритъ своимъ произведеніямъ, тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ сколько можно болѣе; ибо сіи бѣдные памятники... сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другого". „Не только отечественные нравы и обычаи, — замѣчаетъ Цертелевъ, — не только характеры и происшествія, но самая мѣстность, даже языкъ и особенности его, сильно дѣйствуютъ на душу читателя".

Указывая эту статью, г. Дашкевичъ замѣчаетъ, что изъ нея видно, что кн. Цертелевъ „проникался все болѣе и болѣе воздѣйствіемъ романтическаго движенія и примыкалъ къ сознательно выработанной программѣ народности. Во имя народности Цертелевъ требовалъ вниманія литераторовъ къ народной поэзіи, изученія родной природы, нравовъ и характеровъ своего народа и его языка. Этому призыву и подобнымъ и послѣдовали украинскіе литераторы съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка. Съ того времени украинскіе литераторы стали этнографами подобно Котляревскому и примыкали къ романтическому увлеченію народностью. Въ такомъ направленіи трудились Квитка и выдающіеся дѣятели молодого поколѣнія: Бодянскій, Срезневскій и выступившіе нѣсколько позже Могила (Метлинскій) и Галка (Костомаровъ). Ближайшимъ преемникомъ Цертелева на поприщѣ украинской этнографіи явился Максимовичъ" [1]).

Не болѣе какъ черезъ восемь лѣтъ послѣ „Опыта" Цертелева, вышла новая книжка, посвященная малорусской народной поэзіи, въ которой находимъ вторую ступень малорусской этнографіи, и именно гораздо болѣе опредѣленный взглядъ на сущность и исто-

[1]) Н. П. Дашкевичъ, въ XXIX-мъ присужденія Уваровскихъ наградъ, стр. 116—122. Эта рецензія сочиненія г. Петрова, составляющая цѣлую книгу, есть вообще лучшій трудъ по объясненію источниковъ и развитія новѣйшей малорусской литературы, съ многостороннимъ изученіемъ предмета, причемъ разсѣяны въ ней также важныя и новыя замѣчанія по исторіи малорусской этнографіи.

рическое значенiе народной поэзiи. Издателемъ этой книжки былъ извѣстный Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (1804 — 1873).

Уроженецъ полтавской губернiи, Максимовичъ происходилъ изъ стараго рода козацкой старшины, превращенной потомъ въ русское дворянство. Многiе предки его бывали въ свое время извѣстными людьми: родоначальникъ фамилiи, Максимъ изъ Василькова, обновилъ Лаврскую трапезную церковь въ 1694 году; одинъ изъ сыновей Максима былъ извѣстный въ свое время плодовитый писатель, Iоаннъ Максимовичъ, митрополитъ тобольскiй; другiе Максимовичи бывали войсковыми товарищами, сотниками и т. д. [1]). Изъ новгородъ-сѣверской гимназiи, онъ поступилъ въ 1819 въ московскiй университетъ, сначала на словесный факультетъ, потомъ на физико-математическiй, куда влекла его рано развившаяся любовь къ ботаникѣ. Окончивъ курсъ въ 1823, онъ былъ оставленъ на службѣ при университетѣ; въ 1827, получилъ магистерскую степень и началъ чтенiе лекцiй по ботаникѣ; въ 1829, получилъ званiе адъюнкта, а въ 1833—ординарнаго профессора по этой каѳедрѣ. Такъ какъ труды

[1]) Подробная бiографiя Максимовича написана была С. Пономаревымъ по случаю 50-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, въ 1871 г.: „М. А. Максимовичъ. Бiографическiй и историко-литературный очеркъ“, въ Журн. минист. просв. 1871, октябрь, стр. 175—249.

— Краткая, съ подробнымъ перечисленiемъ сочиненiй, въ „Бiографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владимiра“. Кiевъ, 1884, стр. 379—397.

— „Юбилей М. А. Максимовича. 1821—1871“. Спб. 1872 (второе изданiе).

— Некрологъ его, М. П. Драгоманова, Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 442—453.

— Очерки исторiи украинской литературы XIX столѣтiя, Н. И. Петрова. Кiевъ, 1884, стр. 177—183, и дополненiя и исправленiя къ нимъ въ разборѣ Дашкевича.

— „Альбомъ М. А. Максимовича“, С. Пономарева (и здѣсь же указанiя разныхъ статей о немъ и некрологовъ), въ Кiевской Старинѣ, 1882, т. I, стр. 152—173.

— „Изъ писемъ къ Максимовичу“ (С. Аксакова и др.), сообщ. С. Пономаревъ въ К. Старинѣ, 1883. т. V, стр. 829—852.

— „Три письма Квитки къ Максимовичу“, тамъ же, 1883, VI, стр. 346—352.

— „Изъ писемъ Максимовича къ Шевченку“, тамъ же, 1884, VIII, стр. 644—648, и друг.

— Упоминанiя (очень враждебныя) о началѣ литературной дѣятельности Максимовича, въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого. Спб. 1888 (см. въ указателѣ).

Въ 1875 г. Кiевскiй (нынѣ не существующiй) отдѣлъ Географ. Общества предпринялъ изданiе полнаго собранiя сочиненiй Максимовича (кромѣ устарѣвшихъ естественно-научныхъ): по закрытiи Отдѣла, 2-й томъ этого изданiя вышелъ подъ вѣдѣнiемъ Церковно-археологическаго Общества при Кiевской Духовной Академiи; 3-й томъ изданъ на счетъ Кiевскаго университета: „Собранiе сочиненiй М. А. Максимовича“. Томъ I, отдѣлъ историческiй (подъ ред. В. Б. Антоновича). Кiевъ, 1876; Томъ II, отдѣлы: историко-топографическiй, археологическiй и этнографическiй (подъ ред. того же лица), 1877; Томъ III: языкознанiе, исторiя словесности (подъ ред. А. А. Котляревскаго), 1880.—Невошедшiя сюда статьи перечислены въ „Бiографическомъ Словарѣ“.

Максимовича по русской словесности дали ему уже тогда извѣстность и въ этой области, то въ 1834, при основаніи Кіевскаго университета, министерство предложило ему занять здѣсь каѳедру русской словесности; въ то же время онъ былъ сдѣланъ ректоромъ новаго университета. Но здѣсь онъ оставался недолго: въ слѣдующемъ году онъ уже отказался отъ ректорства, а въ 1841, оставилъ и профессуру, по разстроенному здоровью. Впослѣдствіи, въ 1843—45 годахъ, онъ снова занялъ ту же каѳедру въ качествѣ сторонняго преподавателя—и затѣмъ окончательно простился съ университетскою дѣятельностью и поселился въ своемъ небольшомъ имѣньѣ, „Михайловой Горѣ", золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, на высокомъ берегу Днѣпра, откуда открывались широкія картины края. Онъ дѣлалъ потомъ отсюда нѣсколько поѣздокъ въ Кіевъ и Москву, гдѣ проживалъ нѣкоторое время, но большею частью пребывалъ въ своемъ уединеніи, поглощенный своими изученіями малорусской старины. Здѣсь онъ и умеръ въ ноябрѣ 1873 г.

Максимовичъ былъ живой, талантливый человѣкъ; пристрастившись въ молодости къ ботаникѣ, онъ не ограничивался этимъ однимъ предметомъ: очень рано развились у него также литературные интересы, и во вкусѣ того времени, самая ботаника не была для него тѣсной спеціальностью, но расширялась до натуръ-философскихъ теорій о жизни природы. Его изложеніе пдобныхъ предметовъ, ясное и образное, на первыхъ же порахъ обратило вниманіе въ литературномъ кругу, съ которымъ онъ скоро сошелся. Еще студентомъ, Максимовичъ былъ знакомъ съ Полевымъ, и потомъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ „Московскомъ Телеграфѣ"; позднѣе, онъ разошелся съ Полевымъ и примкнулъ къ возникшему тогда „Телескопу", журналу его товарища по профессурѣ, Надеждина, съ которымъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ и который, — какъ человѣкъ, гораздо болѣе крупнаго дарованія и учености, — имѣлъ повидимому немалое вліяніе на дальнѣйшее направленіе трудовъ Максимовича. Связи съ этими журналами ввели Максимовича въ лучшій литературный кругъ того времени, звѣздою котораго былъ Пушкинъ. Когда Максимовичъ, по тогдашней модѣ, задумалъ издавать альманахи („Денница", 1830, 1831, 1834), въ числѣ его вкладчиковъ были самъ Пушкинъ, его ближайшій другъ—Жуковскій, кн. Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, затѣмъ Хомяковъ, Иванъ Кирѣевскій, кн. Одоевскій, С. Т. Аксаковъ, Лажечниковъ, Вельтманъ и др. Впослѣдствіи, онъ вступилъ въ очень дружескія отношенія съ Гоголемъ, съ которымъ соединяла его общая любовь къ малороссійской родинѣ и ея народной поэзіи, далѣе съ Погодинымъ, а въ Кіевѣ съ извѣстнымъ іерархомъ, Иннокентіемъ

Борисовымъ; связи съ славянофилами были такъ близки, что одно время его вызвали изъ Михайловой Горы, чтобы быть редакторомъ „Русской Бесѣды".

Эти личныя отношенія близко характеризуютъ самый складъ литературныхъ понятій Максимовича. Это было то народно-романтическое направленіе, которое процвѣтало у насъ особливо въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда оно внушало Жуковскому и Пушкину ихъ экскурсіи въ народно-поэтическую старину, когда съ другой стороны Рылѣевъ въ этой старинѣ отыскивалъ и поэтизировалъ политическіе мотивы древней народной свободы и между прочимъ поэтизировалъ и старую Украйну. „Народность" была въ воздухѣ; мы указывали прежде, какой различный смыслъ получало тогда это направленіе въ разныхъ оттѣнкахъ нашего общественнаго мнѣнія и литературы,—до того, что наконецъ оно вошло и въ извѣстную оффиціальную программу, опредѣлявшую обязательный характеръ нашего просвѣщенія, литературы и общественности: православіе, самодержавіе и народность. Мы разсказывали также, что въ первое время по заявленіи этой программы литература стремилась примыкать къ ней въ вѣрующемъ предположеніи, что наступила эпоха, когда „народность" дѣйствительно получитъ свое право въ общественно-политической жизни и въ просвѣщеніи; литература привѣтствовала наступленіе національной самобытности, которой такъ давно не доставало русской жизни и образованности. Литературные толки о народности даже задолго предшествовали оффиціальной программѣ. Такія идеи о необходимости самостоятельнаго развитія національныхъ началъ, объ освобожденіи отъ европейскаго ига и т. п. проповѣдовалъ Надеждинъ въ своемъ „Телескопѣ" и, говоря объ его дѣятельности, мы упоминали, что рядомъ съ нимъ тѣ же мысли излагалъ и Максимовичъ.

Эти призывы къ самобытности соединялись у Надеждина иной разъ съ слишкомъ самоувѣренными оцѣнками настоящаго, съ преувеличенными ожиданіями, но онъ справедливо угадывалъ (1832), что въ нашей литературѣ „близокъ долженъ быть поворотъ отъ искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она доселѣ не могла дышать свободно, къ естественности, къ народности". Его оправдало появленіе разсказовъ Гоголя, которымъ Надеждинъ восхищался и который дѣйствительно своей дѣятельностью ознаменовалъ поворотъ нашей литературы на новую, болѣе обѣщавшую, дорогу. Въ томъ же смыслѣ говоритъ университетская рѣчь Максимовича „О русскомъ просвѣщеніи", читанная на актѣ 12 января 1832 г. [1]). Основная

[1]) Телескопъ, 1832, кн. I, стр. 167—190.

мысль рѣчи заключается въ томъ, что европейское просвѣщеніе, котораго мы искали, стало нашей потребностью; но это самое стремленіе, дошедши до своего предѣла, должно было привести къ „отчетному сознанію, которое столь прилично европейской просвѣщенности", и именно проявиться въ обращеніи къ своему народному. „Самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія". Со временъ Петра Великаго, „русскій духъ" заимствовался отъ европейскаго просвѣщенія, но не увлекался окончательно ни однимъ одностороннимъ направленіемъ и только на-время принималъ чуждую физіономію; въ этомъ Максимовичъ видѣлъ ручательство его жизненной крѣпости и способности къ самобытному развитію, при величайшей понятливости и переимчивости. По его мнѣнію, въ русской натурѣ заключается не только способность къ опытному мышленію европейскому, но и та „восточно-пламенная способность, съ которою онъ быстро и живо объемлетъ предметы и прямо ощущаетъ истину". Уважая чужое, мы не должны забывать своенароднаго; должны не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго. Служить человѣчеству можно, только служа Россіи. Авторъ желалъ, чтобы Россія явила въ себѣ самое высокое, полное и прочное, самое жизненное образованіе человѣческаго духа. Средствомъ къ этому должно было служить просвѣщеніе, „органически цѣльное" и многостороннее, основанное на религіозно-нравственномъ образованіи сердца и воли...

Взглядъ, выраженный въ рѣчи Максимовича, заключалъ въ себѣ справедливую мысль, что вліяніе европейской образованности въ концѣ концовъ должно было возбудить самостоятельную дѣятельность русскаго образованія въ національномъ смыслѣ. Но какъ у Надеждина, такъ и здѣсь оставались открытыми вопросы: какъ достигнуть этой самобытности, въ чемъ спеціальныя особенности „русскаго духа", въ чемъ состоитъ и какъ достигается „органическая цѣльность" и т. д. Максимовичъ ближе не опредѣлялъ этихъ вопросовъ, и это общее, довольно туманное заявленіе идеальныхъ цѣлей русскаго просвѣщенія въ сущности вѣрно отражало дѣйствительную туманность этого перваго нашего народничества—въ тѣ времена, да и много послѣ: подъ это обозначеніе новыхъ стремленій подходила и народность оффиціальная (Максимовичъ, вѣроятно, искренно въ нее вѣрилъ, предполагая въ ней тѣже мысли, какія имѣлъ самъ),—которая на дѣлѣ была однако очень казенная и чиновническая,—и настоящее исканіе „многосторонняго просвѣщенія" въ прогрессивныхъ направленіяхъ литературы, и наконецъ зародыши будущаго славянофильства. Эти

разные элементы, сходившіеся около 1830 годовъ на темѣ „народности“, впослѣдствіи, и даже весьма скоро, обособились въ совершенно разныя направленія, которыя не замедлили обнаружить взаимную несовмѣстимость. Но въ Максимовичѣ они, повидимому, остались навсегда нераздѣленными. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣтимъ въ его тогдашней и послѣдующей дѣятельности то, и другое, и третье.

Что касается до перваго, то Максимовичъ по всему характеру, воспитанію, литературнымъ связямъ былъ человѣкъ, не понимавшій иначе своей дѣятельности, какъ въ условіяхъ оффиціально предначертанной программы, въ которую вполнѣ вѣрилъ. Когда основался Кіевскій университетъ, которому ставилась оффиціально задача насаждать въ южномъ краѣ русское просвѣщеніе въ противодѣйствіе польскимъ вліяніямъ, Уваровъ не ошибся, назначивъ еще молодого тогда Максимовича ректоромъ этого университета, получавшаго воинствующую роль распространителя русской народности и просвѣщенія. Правда, Максимовичъ, собственно говоря, не былъ воинственнаго характера,—но пока въ этомъ не настояло надобности. Человѣкъ мягкаго, гуманнаго характера, онъ мирно уживался съ профессорами-поляками (въ первые годы ихъ было огромное большинство), переведенными въ Кіевъ изъ закрытаго передъ тѣмъ Кременецкаго лицея; по слабости здоровья, онъ не долго остался и ректоромъ; но весь его образъ мыслей, и въ частности взгляды на русское значеніе Кіева, были именно тѣ, какихъ желало министерство. Въ 1837 году, когда въ Кіевъ неожиданно пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія, въ университетѣ происходилъ актъ, на которомъ Максимовичъ читалъ свою рѣчь „Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи“ [1]. „Выборъ темы былъ какъ нельзя болѣе кстати,—замѣчаетъ біографъ Максимовича,—ибо возникавшія въ это время политическія волненія обнаружили польскія притязанія на Кіевъ; благовременно было показать всю незаконность этого притязанія. И кому же это лучше было сдѣлать, какъ не служителю науки, профессору университета съ русскою миссіей? Максимовичъ уразумѣлъ знаменіе времени, понялъ свою задачу какъ русскаго человѣка, какъ кіевлянина, и выполнилъ ее блистательно. С. С. Уваровъ такъ былъ одушевленъ этою рѣчью, что когда произнесъ ораторъ послѣднія слова,—онъ былъ уже у каѳедры и привѣтствовалъ Максимовича одобрительными рукопожатіями“. Иннокентій былъ также отъ этой рѣчи въ полномъ восторгѣ. Уваровъ не былъ изъ людей чувствительныхъ, и его удовольствіе означало полное совпаденіе рѣчи Максимовича съ оффиціальными требованіями [2].

[1]) Собраніе сочиненій, т. II, стр. 5—23.

[2]) Пономаревъ, стр. 217. „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“, Макси-

Но, совпадая съ народностью оффиціальной, Максимовичъ съ другой стороны остается, кажется, совершенно свободенъ отъ тѣхъ непривлекательныхъ свойствъ, какими отличались обыкновенно, почти всегда, сторонники ея въ литературѣ. Эти сторонники дѣлались обыкновенно ея панегиристами, забѣгали, такъ сказать, ей впередъ и брали на себя роль охранителей истинной русской народности противъ литературныхъ направленій, которыя, по ихъ мнѣнію, не отвѣчали ея духу. Со времени провозглашенія оффиціальной народности (1833), эти литературные охранители получили болѣе прочную опору, чѣмъ имѣли прежде; въ подтвержденіе своихъ нападеній на своихъ противниковъ другого лагеря они стали пользоваться и ссылками на оффиціальную программу, изображая себя самыми подлинными ея истолкователями. Такую роль играли „Маякъ" и нерѣдко „Москвитянинъ" въ рукахъ Погодина и Шевырева. Максимовичъ былъ въ большой дружбѣ съ Погодинымъ по ихъ общимъ историко-археологическимъ интересамъ, но не увлекался въ тѣ рискованныя полемическія кампаніи, которыя давали нѣкогда „Москвитянину" не весьма благовидную репутацію. Максимовичъ не сходилъ съ научной почвы и остался свободенъ отъ нареканій, которыя тяготѣли надъ его друзьями.

Подобнымъ образомъ, онъ издавна былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ славянофильскимъ кружкомъ, главныхъ представителей котораго зналъ еще въ своей и ихъ молодости. Въ складѣ понятій Максимовича до послѣднихъ дней было много общаго съ славянофильскими положеніями. Для него, какъ и для этой школы народная самобытность была высшей цѣлью, къ которой должны были стремиться усилія русской науки и литературы; эта народность освящалась православіемъ и становилась съ нимъ тождественной. „Русская Бесѣда", основавшаяся въ 1856 году, была для него открыта не какъ для гостя, а какъ для своего человѣка; но и здѣсь опять Максимовичъ не увлекался въ преувеличенія славянофильства; не въ характерѣ его ума были ухищренныя философскія и теологическія теоріи, какъ вѣроятно совсѣмъ не въ характерѣ его общественныхъ и литературныхъ понятій были бы тѣ обрусительныя крайности, въ которыя впадало славянофильство позднѣе. Для этого послѣдняго Максимо-

---

мовича, Спб. 1871 (не вошедшія въ „Собраніе сочиненій"), стр. 75. Тамъ же Максимовичъ разсказываетъ (стр. 85—86), что Уваровъ, при отъѣздѣ, прощаясь со студентами, говорилъ въ такомъ тонѣ: „Университетъ св. Владиміра—*мое созданіе*; но я первый *наложу на него руку*, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства. А назначеніе университета,—говорилъ министръ во всеуслышаніе,—распространять русское образованіе и русскую народность въ ополяченномъ краѣ западной Россіи".

вичъ былъ слишкомъ человѣкомъ стараго вѣка, приверженцемъ романтической народности, для которой всякое народное право было священно: если въ рѣчи о Кіевѣ онъ явился врагомъ полонизма, то это относилось къ захватамъ и притязаніямъ послѣдняго на малорусской землѣ, право которой было несомнѣнно; но ему вѣроятно въ голову не приходило отрицать польскую народность тамъ, гдѣ она была у себя дома, на своей этнографической и исторической почвѣ. Быть можетъ, присутствіе Максимовича въ славянофильскомъ кругу было отчасти причиной, что этотъ старый кругъ относился сочувственно къ самому малорусскому движенію, къ которому позднѣйшее славянофильство было крайне недружелюбно.

Но господствующей чертой во всемъ учено-литературномъ характерѣ Максимовича были его малорусскія стремленія. Онѣ овладѣли имъ съ самыхъ первыхъ шаговъ его на книжномъ поприщѣ. Біографъ его разсказываетъ, что „тоска по родинѣ" побуждала Максимовича въ 30-хъ годахъ оставить московскую службу [1],—и назначеніе въ Кіевъ явилось очень кстати. Съ тѣхъ поръ старая страсть къ ботаникѣ, повидимому, совершенно удаляется; Максимовичъ попалъ въ ту народно-историческую и народно-поэтическую область, изъ которой уже не выходилъ потомъ никогда и труды въ которой дали ему одно изъ почетнѣйшихъ именъ въ исторіи изученія малорусскаго народа.

Еще въ разгарѣ своихъ ботаническихъ трудовъ, готовясь къ магистерству и ботанической профессурѣ, Максимовичъ работалъ надъ изданіемъ малорусскихъ пѣсенъ. Эта первая работа вышла подъ названіемъ: „Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ" (М., 1827. XXXVI, 234 и 9 стр. баллады „Твардовскій"). Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ его первыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, которыя даютъ историческій образчикъ тогдашнихъ взглядовъ малорусской этнографіи.

„Наступило, кажется, то время,—говорилъ Максимовичъ въ предисловіи,—когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши Поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

„Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность; это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки—гдѣ отсвѣчивается фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствитель-

---

[1]) Пономаревъ, стр. 197.

нія, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: сказка—складка, а пѣсня—быль, говоритъ пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а посему достойны вниманія и уваженія были бы разысканія слѣдовъ народной миѳологіи, обрядовъ, собраніе пѣсень, пословицъ и т. д. Особенно языкъ совершенствуется изслѣдованіями остатковъ отъ прошедшаго, въ коихъ онъ ближе къ своему корню, слѣдовательно, чище въ составѣ и крѣпче въ силѣ. Это можно отнести въ особенности къ пѣснямъ Славянскимъ, кои видимо отличаются своимъ *изяществомъ*. Сіе изящество ихъ можетъ послужить яснымъ доказательствомъ, что поэзія есть врожденное качество духа человѣческаго, что истинная поэзія можетъ быть его *собственнымъ* произведеніемъ.

„Съ такимъ образомъ мыслей я обратилъ вниманіе на сіи предметы въ Малороссіи и на первый разъ издаю выборъ пѣсень сей страны, полагая, что онѣ будутъ любопытны и даже во многихъ отношеніяхъ полезны для нашей Словесности—будучи совершенно увѣренъ, что онѣ имѣютъ несомнѣнное достоинство и между пѣснями племенъ Славянскихъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ“...

Общій характеръ малорусскихъ пѣсенъ въ связи съ характеромъ народа Максимовичъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Возникшая, подобно кометѣ, Малороссія долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и безпокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена Славянскія, но и другіе Европейцы, а еще болѣе, кажется, Азіятцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто; а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ Азіятцовъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и теперь, глядя на малороссіянина въ его костюмѣ, съ его привычками. Такимъ образомъ, коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмельницкимъ. Свойства коренного племени, кажется, наиболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ козаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости, и не имѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней сельской жизни.

„Скоропостижное [1]) соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни—нѣкогда *наѣздничеcкой*, буйной, беззаботной, съ лѣнивымъ однообразіемъ и скудостію жизни *пастушеской* и осѣдлостію *земледѣльческой*—вотъ что составило потомъ особенность малороссіянъ, замѣтную еще и до нынѣ, по причинѣ малолюдности. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе и характеръ ихъ пѣсень“.

Онъ указываетъ затѣмъ различные разряды пѣсенъ по ихъ содержанію. Такъ, есть пѣсни, посвященныя собственно козацкому боевому быту—изображающія отъѣздъ на чужбину, тоску по родинѣ, смерть козака, тоску матери о сынѣ, сестры о братѣ; „любовь отцов-

[1]) Т. е. одновременное. А. П.

скую едва ли гдѣ встрѣтите". Здѣсь же пѣсни о гайдамакахъ, и особенно думы. Далѣе, пѣсни о частныхъ домашнихъ событіяхъ у козаковъ, составляющія переходъ отъ думъ къ „повѣствованіямъ вымышленнымъ или балладамъ" (какъ пѣсня о Твардовскомъ, о построеніи Кіева и др.). Пѣсни женскія, находящія содержаніе въ разныхъ положеніяхъ и условіяхъ женской жизни, отличаются глубокимъ, страстнымъ чувствомъ; въ числѣ ихъ есть какъ бы повѣствовательныя; мужскія пѣсни любовнаго содержанія кажутся автору болѣе поздними. Къ пѣснямъ женскимъ могутъ быть отнесены праздничныя или обрядныя,—„кои носятъ на себѣ иногда печать древней славянской миѳологіи, но вообще, показывая приверженность къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, представляютъ собою образцы весьма изящной, естественной идилліи", какъ веснянки, пѣсни троицкія, свадебныя, на обжинки и проч. Далѣе, пѣсни „заклинательныя", которымъ онъ придаетъ особенное археологическое значеніе; наконецъ, пѣсни веселыя и каррикатурныя.

По формѣ, малорусскія пѣсни, какъ и самый языкъ, занимаютъ, по мнѣнію Максимовича, средину между русскими и польскими: съ первыми онѣ сходны своимъ тоническимъ размѣромъ, сообщающимъ стиху движеніе, какого не имѣютъ польскія; съ послѣдними—частымъ употребленіемъ риѳмы или, по крайней мѣрѣ, созвучія, уменьшительными словами.

Укажемъ, наконецъ, какъ Максимовичъ сравниваетъ пѣсни русскія и малорусскія по ихъ содержанію и тону.

„Существенное ихъ различіе, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Русскихъ пѣсняхъ выражается духъ покорный своей судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ. Русскій не привыкъ брать дѣятельнаго участія въ переворотахъ жизни, потому онъ сдружился съ природою и любитъ живописать ее, часто прикрашивая; ибо здѣсь только можетъ свободно излиться его душа. Онъ не ищетъ выразить въ пѣснѣ обстоятельства жизни дѣйствительной; но напротивъ желаетъ какъ бы отдѣлиться отъ всего существующаго и, закрывъ ухо рукою, хочетъ, кажется, потеряться въ звукѣ. Посему Русскія пѣсни отличаются глубокою унылостію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностію. Въ Малороссійскихъ меньше такой роскоши (исключая пѣсни обрядныя, гдѣ часто онѣ сходятся съ Русскими и другими: почему такъ—видно изъ предъидущаго) и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются *порывами* страсти, *сжатою* твердостію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и не унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія. Сіе-то дѣйствіе отпечаталось и въ послѣдующихъ пѣсняхъ драматическою формою, и князь Цертелевъ справедливо замѣчаетъ [1]), что въ Русскихъ превосходнѣе описательная поэзія, что въ нихъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя,

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1827. № 12, 276.

между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Малороссійскихъ находимъ драматическое изложеніе предмета. Сила ихъ много зависитъ отъ *лаконизма* самаго ихъ языка.

„Тоска, которая составляетъ важнѣйшее *свойство* Малороссійскихъ пѣсней, не прикрываетъ ихъ, но проницаетъ. Она отзывается во всѣхъ пѣсняхъ; даже иронія, къ коей весьма склонны Малороссіяне, часто смѣшивается съ оною, изъ чего происходитъ совсѣмъ особенный, отлично хорошій родъ пѣсень...

„Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ безпрерывныя сравненія. Духъ, не находя еще въ себѣ самомъ особенныхъ формъ для полнаго выраженія въ его глубинѣ зарождающихся чувствъ, невольно обращается къ природѣ, съ которою онъ, по своему младенчеству, еще друженъ, и въ ея предметахъ видитъ, чувствуетъ подобіе свое гораздо явственнѣе и вѣрнѣе. Посему-то находите столь частыя сравненія съ окружающею безукрашенною природою—столь частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, дробнымъ дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая зозуля, одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый барвинокъ—сіи эмблемы отдѣльныхъ состояній духа невольно ему напоминаютъ его самого, и онъ выражается ими какъ бы потому, что не можетъ иначе; когда напротивъ въ метафорахъ Русскихъ пѣсень замѣчаемъ больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ и желаніе прикрасъ...

„Что касается до пѣнія, то у Русскихъ гораздо лучше поютъ мужчины—это какъ бы ихъ принадлежность; въ Малороссіи сею способностію, и часто въ высшей степени, обладаетъ полъ женскій.

„Самый напѣвъ или музыка, если онъ равно хорошъ и въ Русскихъ, и въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, то должно признаться, что въ послѣднихъ онъ несравненно разнообразнѣе; различіе тоже: въ Малороссійскихъ нѣтъ такого раздолья, но сильнѣе страсть“.

Далѣе, Максимовичъ продолжаетъ свой комментарій къ пѣснямъ замѣтками объ ихъ собираніи, о выборѣ лучшихъ текстовъ, о складѣ стиха, о принятомъ у него правописаніи (онъ дѣлалъ нѣкоторыя нововведенія, стараясь дать правописанію характеръ историческій), наконецъ, объ особенностяхъ малорусскаго языка. Въ концѣ книжки онъ прибавилъ словарь малорусскихъ словъ, указывая на сходство ихъ съ другими славянскими нарѣчіями, особенно съ польскимъ, — но еще въ предисловіи оговаривается, что при этомъ имѣлъ въ виду „показаніе, въ какихъ еще языкахъ повторились слова малороссійскія, а не съ какого языка перешли они въ малороссійскій“. Его мнѣніе объ этомъ языкѣ было вообще таково, что „во многихъ свойствахъ малороссійскій языкъ ближе великороссійскаго и польскаго къ прочимъ языкамъ славянскаго корня, такъ что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе странъ, гдѣ говорятъ симъ языкомъ“.

Ученая литература, которою могъ тогда воспользоваться Максимовичъ относительно русской народной поэзіи и малорусскаго языка, была очень невелика [1]).

---

[1]) Статья „О народныхъ пѣсняхъ славянъ“ К. Бродзинскаго, очень извѣстнаго

Если сравнить это изданіе Максимовича не только съ тѣмъ, что̀ работалось тогда у насъ по народной словесности, но и съ подобными изданіями въ остальной литературѣ славянской и даже западной европейской, надо признать за нимъ большую заслугу разумнаго пониманія и исполненія дѣла. Какая громадная разница, напр. съ Сахаровымъ, первыя работы котораго явились нѣсколькими годами позднѣе. Максимовичъ отчетливо представляетъ себѣ тѣ стороны предмета, которыя замѣчены были тогдашней начинающей этнографіей; у него нѣтъ ни пустыхъ, притомъ самохвальныхъ фразъ, ни путаницы въ понятіяхъ о дѣлѣ. Точка зрѣнія его значительно ушла впередъ отъ взглядовъ его предшественника: онъ ждетъ еще отъ изученія народной поэзіи успѣховъ литературнаго романтизма (въ чемъ и не совсѣмъ ошибся); но понимаетъ и его самостоятельное значеніе—содержаніе малорусской поэзіи для него есть живое историческое и бытовое явленіе, въ своемъ родѣ единственное, потому что отражаетъ спеціально единичный народъ, съ его особенной судьбой и нравами. Сравненіе съ великорусской поэзіей представляется само собой, и Максимовичъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, не весьма отчетливыхъ для нашего времени, но важныхъ въ свое и не лишенныхъ истины. Онъ замѣчаетъ археологическую цѣнность народныхъ пѣсенъ, ихъ поэтическую символику (которую потомъ разработывалъ Костомаровъ); его краткія бытовыя объясненія къ нѣкоторымъ пѣснямъ были зачаткомъ этнографическаго комментарія, и т. д.

Сборникъ Максимовича знакомилъ съ новымъ отдѣломъ малорусской поэзіи, лирическо-бытовымъ и обряднымъ. Онъ былъ встрѣченъ въ литературѣ съ большими сочувствіями и послужилъ однимъ изъ главныхъ основаній для извѣстности Максимовича. Всего больше радовалъ его отзывъ Пушкина; сборникъ его привлекъ также вниманіе Гнѣдича, Шишкова, и повелъ къ дружескимъ связямъ съ Гоголемъ.

тогда и у насъ польскаго поэта, археолога и критика, переведенная въ „Вѣстн. Европы", 1826, № 13 (о Бродзинскомъ см. въ Исторіи слав. литературъ, въ изложеніи польской литературы, т. II, стр. 611—615); статья кн. Цертелева, тамъ же въ В. Евр. 1827, № 12; статья Глаголева „О русскихъ народныхъ пѣсняхъ", въ Трудахъ Общества любителей росс. словесности, М. 1818, ч. XI; замѣчанія Гнѣдича въ „Простонар. пѣсняхъ нынѣшнихъ грековъ", Спб. 1825. По языку передъ нимъ была только книга Алексѣя Павловскаго („Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями". Спб. 1818, и „Прибавленіе къ Грамматикѣ малор. нарѣчія или отвѣтъ на рецензію" и пр. Спб. 1822). Въ своемъ второмъ сборникѣ 1834 г., Максимовичъ упоминаетъ вышедшія у галичанъ малорусскія грамматики Левицкаго и Лозинскаго, 1833, но онъ зналъ о нихъ только по извѣщенію въ Журналѣ минист. просвѣщенія, 1834.

Послѣ изданія 1827 года, Максимовичъ продолжалъ усердно собирать матеріалъ для новаго собранія. Этотъ второй сборникъ [1]) вышелъ также еще въ Москвѣ, и въ предисловіи Максимовичъ указывалъ, что собраніе его простиралось тогда уже до $2^{1}/_{2}$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ. Собраніе его обогатилось сообщеніями другихъ любителей и собирателей, въ ряду которыхъ онъ называетъ кн. Цертелева, Гоголя—„новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", Срезневскаго—издателя „Запорожской Старины" [2]), А. Г. Шпигоцкаго, И. В. Крамаренка, Бодянскаго; кромѣ того, Максимовичъ пріобрѣлъ собраніе умершаго передъ тѣмъ археолога-народника Зоріана Ходаковскаго, богатое пѣснями обрядными и особенно свадебными. Изданіе предполагалось въ четырехъ частяхъ (1—пѣсни былевыя и бытовыя; 2—женскія; 3—„гулливыя"; 4—обрядныя), но вышла только первая часть. занятая думами и бытовыми, собственно козацкими пѣснями. Дальше мы скажемъ подробнѣе о томъ, что въ новомъ сборникѣ оказались и нѣкоторыя поддѣльныя пѣсни, именно заимствованныя изъ „Запорожской Старины". Тогда никто не замѣтилъ этихъ поддѣлокъ, которыя стали ясны только позднѣе при внимательномъ изученіи стиля думъ; но по своему времени поддѣлки были искусны и производили впечатлѣніе, даже болѣе сильное, чѣмъ думы настоящія [3]).

Знакомство Максимовича съ Гоголемъ началось въ 1829 въ Петербургѣ и стало особенно тѣснымъ съ 1832, послѣ того, какъ они свидѣлись ближе въ Москвѣ. Самъ Гоголь въ это время былъ увлеченъ Малороссіей, ея стариной и поэзіей, мечталъ писать ея исторію, приходилъ въ восторгъ отъ украинскихъ пѣсенъ. Въ этомъ настроеніи, пѣсни завязали тѣснѣйшую связь между „земляками", одинаково увлекавшимися родиной; Гоголя тянуло къ Максимовичу, имѣвшему въ рукахъ драгоцѣнное сокровище и готовившему тогда второй свой сборникъ. Одинъ отрывокъ изъ ихъ переписки дастъ понятіе о тогдашнемъ настроеніи Гоголя:

„Теперь я принялся за исторію нашей Украины,—писалъ онъ къ Максимовичу въ ноябрѣ 1833 года.—Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ

---

[1]) Украинскія народныя пѣсни, изданныя Мих. Максимовичемъ. Часть первая. (Книга I. Украинскія Думы. Книга II. Пѣсни козацкія былевыя. Книга III. Пѣсни козацкія бытовыя). М. 1834. Второй части не было.

[2]) „Запорожская Старина" была только-что начата въ это время и продолжалась послѣ (Харьковъ, 1833 - 1838).

[3]) Въ томъ же 1834 г. Максимовичъ издалъ „Голоса украинскихъ пѣсенъ", положенныхъ на ноты для пѣнія и фортепьяно Алябьевымъ (25 пѣсенъ). Въ 1849 г. въ Кіевѣ вышелъ послѣдній „Сборникъ украинскихъ пѣсень" — разсчитанный на шесть частей, изъ которыхъ опять вышла только одна первая.

кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

„Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть!.. Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ... Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже п... онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе— —прошедшую жизнь и— —прошедшихъ людей... Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ и что замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые" [1])...

Въ другомъ письмѣ, Гоголь дѣлаетъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно распредѣленія пѣсенъ, принятаго Максимовичемъ въ его второмъ сборникѣ, и даже совсѣмъ считаетъ ненужными какія-нибудь раздѣленія... „По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія" [2]). Гоголя влекла не этнографія, а поэтическое дѣйствіе пѣсенъ.

Впечатлѣніе, произведенное сборниками Максимовича на первостепенныя силы русской литературы, было фактомъ большого историческаго значенія. Тогдашніе энтузіасты народности, ожидавшіе литературнаго переворота отъ вліянія этнографическихъ изученій, полагали, что въ поэзіи этотъ переворотъ произойдетъ въ томъ народно-романтическомъ направленіи, какое они сами исповѣдовали. Въ это самое время и дѣйствительно совершался глубокій переворотъ въ нашей литературѣ—подъ вліяніемъ цѣлой совокупности общественно-историческихъ и литературныхъ причинъ: въ ряду ихъ и

---

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, 1857, т. V, стр. 188—189.
[2]) Тамъ же, стр. 203.

реставрація народной поэзіи имѣла свое обширное дѣйствіе, потому что принесла живой, глубоко поэтическій отзывъ народа на интересы, возникшіе среди образованнаго класса, въ высшихъ сферахъ литературнаго развитія,—и эта реставрація подѣйствовала не тѣмъ только, что дала новые поэтическіе сюжеты и краски, но тѣмъ, что указала нравственное содержаніе народной жизни, ранѣе едва или совсѣмъ не подозрѣваемое, внушила къ ней уваженіе и потребность вниманія къ ней и въ соціальномъ смыслѣ...

Одинъ изъ біографовъ Максимовича указываетъ на это явленіе слѣдующими замѣчаніями:

„Максимовичъ разсказывалъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ:—„А я обираю ваши пѣсни",—сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву", вышедшую въ 1829 г. „Полтава"—одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной (по теперешнимъ понятіямъ) блѣдности изображенія — одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ; нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ Максимовичемъ, засвидѣтельствовано показаніемъ Погодина и письмомъ Гоголя, который говоритъ о сборникѣ 1834 г.: „я похвастаюсь имъ передъ Пушкинымъ" [1]).

По мнѣнію біографа, еще болѣе тѣсная нравственная связь и аналогія существовала между Максимовичемъ и Гоголемъ. Хотя дѣятельность обоихъ возникала безъ всякаго внѣшняго соотношенія и у каждаго была своя дорога труда и таланта, но внутреннее настроеніе обоихъ въ первые годы было аналогично и можетъ послужить къ объясненію того значенія, какое имѣли для нашего общественнаго и литературнаго развитія малорусскія пѣсни и преданія, увлекавшія Максимовича и Гоголя. Петербургъ въ первый разъ произвелъ на Гоголя тяжелое впечатлѣніе своей сухой безплодностью, отсутствіемъ національнаго характера; ему припомнилась народная жизнь на его родинѣ, и онъ пишетъ домой просьбы присылать ему народныя пѣсни, преданія, сказки, описывать старинные предметы— „какъ это все дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ". Въ результатѣ этнографическихъ поисковъ Гоголя явились „Вечера на хуторѣ близь Диканьки", одинъ изъ первыхъ фактовъ произведеннаго имъ лите-

[1]) Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 447.

ратурнаго переворота. Извѣстно, что Пушкинъ живо его почувствовалъ, повѣсти Гоголя „изумили“ его: „все это такъ *необыкновенно* въ нашей литературѣ, — писалъ онъ, — что я доселѣ не образумился“. Есть факты, намекающіе, что дружба Пушкина, плодотворная для Гоголя, сопровождалась и обратнымъ вліяніемъ Гоголя не только на Пушкина, но и на Жуковскаго, старѣйшаго и консервативнаго, и именно, болѣе пристальнымъ вниманіемъ къ народной поэзіи.

Есть и другая сторона въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя создавалъ этнографическій интересъ, возбужденный малорусской народной поэзіей. Гоголь мечталъ написать исторію Малороссіи, даже немного хвастался ею впередъ; исторіи этой онъ не написалъ,—за то въ этотъ періодъ онъ создалъ „Тараса Бульбу“. „Но —говоритъ біографъ Максимовича, взглядъ котораго мы приводили, — въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ „Женитьбу“, „Ревизора“ и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самосознанія. Мы никогда не поймемъ причины появленія такихъ вещей, а, слѣдовательно, не поймемъ вѣрно и всей послѣдующей дѣятельности Гоголя,—не поймемъ, чтб дало силу недоучившемуся провинціалу, чуждому результатовъ передовой европейской мысли, стать возбудителемъ критическаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, если не обратимъ вниманія на связь появленія „Ревизора“ и т. п. вещей съ тѣмъ увлеченіемъ, какому предавался Гоголь, занимаясь пѣснями и исторіей Малороссіи,—и не оцѣнимъ того контраста, каковой представляютъ симпатическіе и грандіозные образы въ этихъ пѣсняхъ и въ этой исторіи, какъ она представлялась Гоголю, съ тѣми „мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь“, какія видѣлъ Гоголь около себя въ дѣйствительности. А если такъ, то вотъ какую службу сослужили украинскія народныя пѣсни нашему отечеству! И не мала доля участія въ этой службѣ и Максимовича“ [1]).

Эта доля участія выразилась его любящимъ отношеніемъ къ преданіямъ малорусской исторіи и народной поэзіи, и добросовѣстнымъ ихъ изученіемъ. Кромѣ второго и третьяго сборника пѣсенъ [2]), у Максимовича, со времени пребыванія въ Кіевѣ, начинается рядъ разнообразныхъ работъ по древностямъ, исторіи, топографіи, литературѣ и языку южной Руси, работъ, которыя въ свое время, при

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 443—450. Этотъ взглядъ на вліяніе малорусскихъ источниковъ и отголосковъ на складъ дѣятельности Гоголя въ русской литературѣ, развитъ въ предисловіи къ вышедшему нѣсколько лѣтъ назадъ малорусскому переводу повѣстей Гоголя („Переклады зъ Н. Гоголя. Два розмаитыхъ зразки“. Олены Пчилкы. Кіевъ, 1881).

[2]) Послѣдній вышелъ въ 1849 г., но цензурованъ еще въ 1845.

малой извѣстности источниковъ и маломъ числѣ дѣятелей, имѣли большую цѣну, какъ начало критической разработки фактовъ и возбужденія научныхъ вопросовъ.

Въ первый годъ кіевской жизни, Максимовичъ опять встрѣтился съ Гоголемъ, на котораго Кіевъ и его старыя мѣстности и святыни произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Максимовичъ думалъ впослѣдствіи, что именно къ этому пребыванію въ Кіевѣ надо отнести начало извѣстнаго крутого переворота въ мысляхъ Гоголя [1]). Въ Кіевѣ же Максимовича навѣстили Погодинъ, Петръ Кирѣевскій, Надеждинъ; онъ еще засталъ здѣсь и послѣдніе годы знаменитаго митрополита Евгенія Болховитинова (ум. 23 февр. 1838). Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей стараго ученаго круга Александровскихъ временъ: всегда готовый дѣлиться своими учеными богатствами, митрополитъ Евгеній любилъ подолгу бесѣдовать о старинѣ, снабжалъ Максимовича книгами и рѣдкими рукописями, и этотъ живой примѣръ неутомимаго труда снова побуждалъ Максимовича заняться изученіемъ своего южнаго края, и особенно Кіева.

Максимовичъ уже вскорѣ становился необходимымъ участникомъ возникавшихъ въ Кіевѣ научныхъ предпріятій. Къ концу 1835 г. основался здѣсь комитетъ объ отысканіи древностей, подъ предсѣдательствомъ попечителя университета; Максимовичъ былъ членомъ этого комитета; тогда же онъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ статистическаго отдѣленія въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1839 онъ выбранъ былъ въ члены дѣятельнаго тогда Одесскаго Общества исторіи и древностей. Въ началѣ 1841, Максимовичъ, вмѣстѣ съ его другомъ, Иннокентіемъ, пришли къ мысли, что и въ Кіевѣ пора быть своему историческому обществу; мысль эта нашла отголосокъ, собрался кружокъ любителей старины, составилась даже программа будущей дѣятельности, — но какія-то, повидимому, оффиціальныя, препятствія не дали основаться этому обществу; притомъ, Максимовичъ и Иннокентій въ это время оставили Кіевъ... Взамѣнъ общества и упомянутаго комитета о древностяхъ учреждена была при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", куда приглашенъ былъ и Максимовичъ (съ Н. Д. Иванишевымъ и Домбровскимъ); онъ принималъ дѣятельное участіе въ ея архивныхъ работахъ и издалъ первые томы ея „Памятниковъ". Позднѣе, въ 1847, по порученію кіевскаго губернатора Фундуклея, Максимовичъ редактировалъ издававшееся тогда „Обозрѣніе Кіева" (текстъ котораго былъ составленъ С. П. Крыжановскимъ), а потомъ другую книгу, изданную тѣмъ же Фундук-

[1]) Пономаревъ, стр. 211.

леемъ: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ въ Кіевской губерніи“ (текстъ былъ составленъ польскимъ писателемъ Мих. Грабовскимъ). Не входя въ подробности трудовъ Максимовича, отмѣтимъ лишь главные предметы, на которыхъ останавливались его изслѣдованія. Въ собраніи его сочиненій (къ сожалѣнію, не заключающемъ нѣкоторыхъ статей, любопытныхъ для его литературной біографіи), труды его распредѣлены на слѣдующіе отдѣлы.

Во-первыхъ, сочиненія историческія. Начиная съ изслѣдованія „Откуда идетъ Русская земля?“ (изданнаго въ Кіевѣ, 1837), гдѣ Максимовичъ утверждалъ славянское происхожденіе варяго-руссовъ противъ норманской теоріи,—въ историческихъ изысканіяхъ Максимовича излагаются разные частные вопросы изъ древней русской исторіи, изъ среднихъ вѣковъ и козацкой эпохи южной Руси. Укажемъ особенно статьи: О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ, 1857; о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ,—письмо къ М. Грабовскому, 1857; изслѣдованіе о гетманѣ Сагайдачномъ, 1843, 1850; письма о Богданѣ Хмельницкомъ, 1859; сказаніе о Коліевщинѣ, написано 1839, напечатано 1875; Бубновская сотня, 1848—вездѣ богатый матеріалъ свѣдѣній по политической и бытовой исторіи южной Россіи, весьма цѣнный и до настоящаго времени.

Во-вторыхъ, сочиненія историко-топографическія, гдѣ собрано множество отдѣльныхъ изысканій о самомъ Кіевѣ, его старыхъ памятникахъ, урочищахъ, старыхъ городахъ кіевскаго края, и пр.

Въ-третьихъ, отдѣлъ археологическій,—нѣсколько статей, между прочимъ о предметахъ ископаемой древности, найденныхъ въ южной Россіи.

Въ-четвертыхъ, отдѣлъ этнографическій, гдѣ помѣщены вводныя статьи Максимовича о малорусскихъ пѣсняхъ и думахъ изъ его сборниковъ 1827 и 1834 г., и замѣчательная статья: „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“ (1856), со множествомъ этнографическихъ фактовъ объ украинскомъ бытѣ, народномъ календарѣ, повѣрьяхъ, примѣтахъ, преданьяхъ и т. д.

Въ пятомъ отдѣлѣ, языкознанія, особенно интересны „Письма къ Погодину о старобытности малороссійскаго нарѣчія“ (1856, 1863) противъ мнѣнія, утверждавшаго, что жители древняго Кіева были великоруссы, а что племя малорусское, и съ нимъ его языкъ, являются только послѣ XIII столѣтія, когда въ опустошенную татарами южную Русь надвинулись новые поселенцы изъ-за Карпатъ. Мы дальше возвратимся къ этимъ статьямъ, тема которыхъ продолжаетъ быть предметомъ ученой полемики и до послѣднихъ годовъ.

Въ шестомъ отдѣлѣ, исторіи словесности, рядъ трудовъ, весьма замѣчательныхъ по своему времени, какъ напр., „Исторія древней русской словесности“, 1839, первая попытка освѣтить древній періодъ нашей литературы; далѣе нѣсколько работъ надъ „Словомъ о полку Игоревѣ“, русскій и малорусскій переводъ его, и комментарій; наконецъ, нѣсколько статей о старой малорусской литературѣ.

Многіе изъ трудовъ Максимовича уже совсѣмъ устарѣли въ настоящее время, напр., его филологическія теоріи, его сужденія о древней литературѣ и пр. Это и не могло быть иначе при быстромъ развитіи нашей филологической и этнографической науки съ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, когда она воспользовалась готовыми уроками цѣлой науки европейской и когда новѣйшая усиленная разработка старой письменности и живой народной словесности открыла множество памятниковъ, не только неизвѣстныхъ, но даже совсѣмъ не подозрѣваемыхъ пятьдесятъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ; но въ свое время Максимовичъ былъ самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ историко-этнографической области. Наконецъ, рѣдко ученый стараго вѣка сохранялъ такую дружелюбную близость съ молодыми поколѣніями, какъ Максимовичъ. Наука прошла гораздо дальше тѣхъ основаній и пріемовъ, какими онъ нѣкогда руководился; онъ понялъ это, покинулъ старые теоретическіе пріемы и продолжалъ работать надъ собираніемъ и ближайшимъ истолкованіемъ фактовъ, всегда необходимымъ для науки, а его преданность своему дѣлу, живое чувство своей мѣстной народности, остались тѣ же и образовали ту нравственную связь съ новыми поколѣніями, которая, къ сожалѣнію, рѣже встрѣчается въ нашей „ученой республикѣ“, чѣмъ должно бы быть.

Въ Кіевъ, кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, привела Максимовича „тоска по родинѣ“, той родинѣ, гдѣ, по его позднѣйшему выраженію, была „земля и небо его предковъ“. Изъ переписки съ нимъ Гоголя видно, что, когда шелъ вопросъ о кіевской профессурѣ, Максимовичъ зазывалъ туда и Гоголя. „...Туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! — отвѣчалъ Гоголь. — Тамъ, или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами“ [1]... Гоголь не попалъ въ Кіевъ, но на Максимовича Кіевъ произвелъ это сильное одушевляющее

[1]) Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, стр. 192—193. Письмо отъ конца 1833 или начала 1834 года.

дѣйствіе. Онъ, видимо, вступилъ въ свою настоящую сферу. Съ первыхъ шаговъ здѣсь его литературная роль опредѣляется навсегда: изученіе родного края, его древности, исторіи, языка становится его исключительнымъ интересомъ, отъ котораго онъ уже ничѣмъ и никуда не отвлекается. Его литературная предпріимчивость продолжается, но пріобрѣтаетъ мѣстную складку. Онъ затѣваетъ сборникъ „Кіевлянинъ" (три книги, 1840, 1841, 1850), гдѣ допущены были, для оживленія изданія, стихи и повѣсти, но основнымъ содержаніемъ были историческія изслѣдованія и матеріалы о Кіевѣ и всей южной Руси, гдѣ главнымъ работникомъ былъ самъ Максимовичъ. Онъ обращался ко всѣмъ, живущимъ въ южно-русскомъ краѣ, прося доставлять ему статьи, относящіяся къ мѣстной исторіи, старинныя записки, грамоты, универсалы, акты, листы, легенды, народныя преданія, пѣсни, рисунки значительныхъ изданій и предметовъ. Съ просьбой о содѣйствіи Максимовичъ обращался и къ своимъ литературнымъ друзьямъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и Хомяковъ, между прочимъ, писалъ ему: „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ — городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями". Увидимъ далѣе, насколько удобно было даже Максимовичу дѣйствовать „словомъ и мыслью"... Появленіе „Кіевлянина" встрѣчено было въ нашей исторической литературѣ съ большимъ сочувствіемъ, — между прочимъ, въ критической статьѣ Соловьева [1]), который высказывалъ желаніе, чтобы за „Кіевляниномъ" послѣдовалъ Смолянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Казанецъ,—„но за матерью городовъ русскихъ останется честь и слава благого начинанія".

Біографъ Максимовича прибавляетъ, что кромѣ своего значенія для исторической науки, „Кіевлянинъ" замѣчателенъ и тѣмъ, что былъ первымъ историко-литературнымъ періодическимъ изданіемъ, явившимся въ Кіевѣ, и послѣ него еще долго не появлялось въ Кіевѣ ни литературныхъ сборниковъ, ни газетъ [2]).

Позднѣе, опять въ тѣхъ же интересахъ мѣстнаго изученія, Максимовичъ издаетъ „Украинца" (двѣ книги, 1859, 1864). И всю свою жизнь, въ Кіевѣ, онъ посвятилъ собиранію южно-русской старины, изученію ея мѣстности, памятниковъ вещественныхъ письменныхъ остатковъ, исторіи старыхъ малорусскихъ фамилій, которыхъ такъ много затерялось въ охватившей южную Русь польской волнѣ, собиранію этнографическому и т. д. Онъ не сомнѣвался, что древнѣйшая

[1]) Въ Москвитянинѣ, 1844, ч. VI, № 12.

[2]) Пономаревъ, стр. 223—224.

русская исторія была дѣломъ южно-русскаго племени и его гордостью, что въ наши средніе вѣка та же южная Русь оказала великія услуги русскому цѣлому, когда съ послѣднимъ напряженіемъ силъ защищала свою вѣру и народность въ XVI—XVII столѣтіяхъ, когда въ Кіевской Академіи полагала первыя основы русскому просвѣщенію, въ связи съ европейской образованностью. „Слово о полку Игоревѣ“ было въ глазахъ Максимовича памятникомъ спеціально южно-русскимъ; оттого онъ съ особенною любовью занимался изученіемъ этого единственнаго поэтическаго остатка нашей древности и никто до него не съумѣлъ указать его внутренней связи съ чувствомъ и образами еще живущей поэзіи народной, и именно украинской. Наконецъ, Максимовичъ перевелъ его на малорусскій языкъ, чтобы возвратить новому народу полу-книжное созданіе его предковъ...

Эта привязанность къ своей родинѣ и народной жизни, руководившая его историко-этнографическими интересами, соединялась и съ живой потребностью послужить народному образованію, хотя на обще-русскомъ, а не украинскомъ языкѣ. Результатомъ этого желанія былъ извѣстный трудъ Максимовича: „Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ“, 1833, одна изъ лучшихъ книгъ нашей популярной литературы, много разъ потомъ переизданная. Спеціально для украинскихъ народныхъ читателей, онъ переложилъ позднѣе псалмы на малорусскій языкъ (Москва, 1859).

При всемъ томъ, Максимовичъ не былъ украинофиломъ въ болѣе позднемъ смыслѣ этого слова. Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія, какія читались па 50-лѣтнемъ юбилеѣ его литературной дѣятельности въ 1871 году, Максимовичъ говорилъ о себѣ: „Уроженецъ южной Кіевской Руси, гдѣ земля и небо моихъ предковъ, я преимущественно ей принадлежалъ и принадлежу до нынѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, возмужавшій въ Москвѣ, я такъ же любилъ, изучалъ и сѣверную, Московскую Русь, какъ родную сестру нашей Кіевской Руси, какъ вторую половину одной и той же *святой Владиміровой Руси*, чувствуя и сознавая, что какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ, одной безъ другой, недостаточны, односторонни“ [1])... Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли его старыя литературныя связи, отвѣчавшія и тогдашнему складу его идей: онъ развивался въ школѣ русскаго романтизма, начинавшаго принимать народный колоритъ, и съ своей стороны прибавилъ къ нему оттѣнокъ малорусскій, какъ чисто областной, не выдѣляясь нимало изъ общаго литературнаго движенія. Украинофильство выростало изъ иныхъ историческихъ возбужденій—

[1]) Юбилей, стр. 61.

послѣ болѣе или менѣе успѣшныхъ попытокъ литературы на народномъ языкѣ (съ 1830—40 годовъ), въ ряду которыхъ была поэзія Шевченка, послѣ вліяній славянскаго возрожденія, послѣ либеральныхъ увлеченій правительства и общества вслѣдъ за Крымской войной, послѣ освобожденія крестьянъ, наполнившаго довѣрчивыхъ людей самыми оптимистическими ожиданіями; и когда въ новыхъ поколѣніяхъ жила мечта о болѣе дѣятельномъ служеніи своему народу и о поднятіи его образованія возвышеніемъ его литературной рѣчи, Максимовичъ оставался вѣренъ своимъ старымъ взглядамъ: онъ былъ убѣжденъ, — говоритъ его біографъ, — что малороссійскій языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ *поэзіи* и для современнаго малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованнаго общества, ни языкомъ ученыхъ [1]).

Внѣшнія условія дѣятельности Максимовича не всегда однако были благопріятны. Мы видѣли прежде въ біографіи Сахарова, что, при всей его благонамѣренности, при всемъ патріотическомъ усердіи, онъ встрѣчалъ не только препятствія, но, по словамъ его, даже небезопасныя угрозы. У Максимовича дѣло, кажется, не доходило до такихъ крайностей; тѣмъ не менѣе и ему привелось испытывать большія цензурныя неудобства. Онъ, котораго самъ Уваровъ привѣтствовалъ какъ писателя и оратора, блестящимъ образомъ изложившаго программу оффиціальной народности относительно значенія Кіева,—долженъ былъ быть очень осмотрителенъ. Біографъ его разсказываетъ, что когда Максимовичъ занятъ былъ своимъ „Кіевляниномъ", то другъ его, Иннокентій Борисовъ, очень интересовавшійся изданіемъ, самъ исправлялъ статьи это сборника, опасаясь цензуры, которая была очень строга. Дѣйствительно, цензура не пропустила стихотворенія: „Кіевъ", присланнаго Хомяковымъ; статьи историческія печатались „съ великими ущербами"; статья Максимовича о Коліевщинѣ 1768 года, по его мнѣнію, самая интересная для читателей, не только не была пропущена цензоромъ, но, по его настоянію, отправлена была мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ [2]). При всей осторожности, какая требовалась въ то время, Максимовичъ однажды въ письмѣ къ Иннокентію изъ своей Михайловой Горы (въ 1840) говорилъ о печальномъ упадкѣ двухъ сословій тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣпостнымъ правомъ съ 1783 года. Иннокентій, посылая отвѣтъ по почтѣ и опасаясь говорить о мудреномъ предметѣ, отвѣчалъ Максимовичу на латинскомъ языкѣ [3]).

---

[1]) Пономаревъ, стр. 241.

[2]) Пономаревъ, стр. 221.

[3]) Тамъ же, стр. 222.

На этихъ примѣрахъ подтверждалось еще разъ, какъ мало оффиціальная народность тѣхъ временъ могла удовлетворить самымъ умѣреннымъ идеямъ о народномъ интересѣ. Эта „народность" была народность крѣпостного права, и въ Кіевскомъ краѣ ея обоюдный смыслъ сказывался тѣмъ болѣе странными противорѣчіями. Само правительство считало необходимымъ защищать интересы русской народности и просвѣщенія противъ полонизма; но русскую народность представляла здѣсь малорусская крѣпостная масса, а полонизмъ представляемъ былъ многолюднымъ польскимъ помѣщичьимъ сословіемъ, интересы котораго охранялись защитой крѣпостного права. Хомяковъ совершенно справедливо находилъ, что слово и мысль дѣйствовали бы здѣсь всего лучше; но въ силу указанныхъ обстоятельствъ, слово и мысль не могли не столкнуться съ внутреннимъ противорѣчіемъ положенія вещей, и цензура относилась ко всякому слову и мысли съ крайней подозрительностью. Статья Максимовича о Коліевщинѣ касалась именно больного мѣста въ отношеніяхъ южнаго края, и цензоръ былъ къ ней особенно суровъ: статья, писанная въ 1839 году, напечатана была (по смерти автора) только въ 1875, въ „Русскомъ Архивѣ", какъ архивный матеріалъ. Мы видѣли въ то же время, какимъ угрожающимъ тономъ говорилъ министръ народнаго просвѣщенія въ Кіевскомъ университетѣ въ 1837 году; въ 1839, университетъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ закрытъ—вслѣдствіе того, что нѣсколько польскихъ студентовъ были замѣшаны въ заговорѣ, открытомъ въ сѣверо-западномъ краѣ; извѣстно, какъ атмосфера доноса, вмѣстѣ съ произволомъ администраціи, господствовала здѣсь въ сороковыхъ годахъ, когда была такъ раздута исторія Костомарова, и т. д.

Въ такихъ условіяхъ шла работа Максимовича. Едва ли сомнительно, что они стѣснили эту работу, отклонили ее отъ извѣстныхъ сторонъ южно-русской исторіи и дѣйствительности; но Максимовичъ продолжалъ трудиться и былъ въ тѣ десятилѣтія наиболѣе авторитетнымъ представителемъ южно-русской исторической и этнографической науки.

ГЛАВА II.

Зоріанъ Доленга-Ходаковскій.

Имя Ходаковскаго пользовалось большою славой въ двадцаты
и тридцатыхъ годахъ, да и долго послѣ ставилось въ ряду зам
чательныхъ изслѣдователей славянской и русской народной старин
тѣхъ, которые, въ первое время этихъ изученій, пролагали нові
пути, бросали свѣтъ на темное еще поле древности и народна
преданія. Литературное поприще Ходаковскаго было очень кратк
при жизни онъ успѣлъ напечатать лишь нѣсколько небольших
статей; болѣе обширныя работы его явились долго спустя послѣ е
смерти; иное осталось въ рукописяхъ, которыя частью неизвѣст
гдѣ обрѣтаются; самая біографія его до послѣдняго времени ост
валась темной и загадочной, — но это не мѣшало его извѣстност
Карамзинъ съ интересомъ прислушивался къ его замѣчаніямъ; поздн
Погодинъ, въ рукахъ котораго собрались его рукописи и которь
напечаталъ значительную ихъ часть въ изданіяхъ московскаго Общ
ства исторіи и древностей, былъ великимъ его почитателемъ;
польской литературѣ Ходаковскій (родомъ полякъ) до послѣдня
времени сохранилъ великую славу, какъ одинъ изъ первыхъ нач
нателей народныхъ изученій и какъ человѣкъ, который своимъ обр
щеніемъ къ народности положилъ первое основаніе новому напра
ленію польской поэзіи, давшему ей Мицкевича и поэтовъ украинск
школы. Пересматривая теперь труды Ходаковскаго, можно не ра
вынести впечатлѣніе, что его значеніе было преувеличено его с
временниками, русскими и польскими, и до сихъ поръ преувелич
вается въ новѣйшей польской литературѣ [1]); но такое впечатлѣн

---

[1]) Относительно перваго укажемъ, напр., русскіе отзывы Погодина, Старч
скаго; относительно второго — отзывы Д. Ходзько, Скимборовича, Лелевеля, „В
общей Энциклопедіи" и т. д.

вообще легко получается, когда, послѣ цѣлаго періода научной и литературной исторіи, мы обращаемся къ ея первымъ начинаніямъ: бросаются въ глаза всѣ несовершенства этихъ первыхъ начатковъ, всѣ ошибки, давно отстраненныя позднѣйшими работами; съ другой стороны, высокое мнѣніе составлялось подъ вліяніемъ оригинальной личности Ходаковскаго. Намъ осталось мало современныхъ свѣдѣній объ этой личности, о характерѣ, о способѣ работы, — но по всему видно, что это былъ энтузіастъ, говорившій о своей любимой древности и народности съ такимъ одушевленіемъ, которое дѣйствовало даже на людей равнодушныхъ, такъ что, при всѣхъ преувеличеніяхъ проповѣдника, видѣлся, однако, въ его словахъ какой-то новый міръ неизвѣстныхъ дотолѣ понятій; современникамъ казалось, что они имѣютъ передъ собой открытіе. И дѣйствительно, въ этихъ идеяхъ было нѣчто новое, что̀ должно было занять мѣсто въ наукѣ и принести богатые результаты, хотя зерну, изъ котораго выросталъ новый плодъ, надо было исчезнуть [1]).

Ходаковскій былъ, или хотѣлъ быть, археологомъ и этнографомъ. Онъ умеръ въ 1825 г. (лѣтъ сорока̀), когда только-что начиналъ свои работы Шафарикъ, когда высказывались первыя неясныя мысли о значеніи до-исторической старины и томъ важномъ содержаніи, которое скрыто въ народно-поэтическомъ преданіи. Ходаковскій, какъ говорятъ, еще съ юношескихъ лѣтъ, при скудномъ школьномъ образованіи, проникся страстью къ этой темной старинѣ и сталъ рьянымъ проповѣдникомъ ея изученія и восторженнымъ любителемъ живой народной поэзіи. Какъ развились въ немъ эти стремленія; что̀ внушило ему эту страсть, когда его собственныя научныя средства были очень умѣренны, когда его окружала искусственная литература совсѣмъ иного склада, когда подобные вопросы были совсѣмъ чужды его средѣ? Передъ нами стоитъ вопросъ, не разъ повторяющійся въ исторіи литературы и общества, когда мы наблюдаемъ первое неясное возникновеніе понятій, которымъ суждено впослѣдствіи стать великой движущей силой, и когда, повидимому, данная среда не даетъ никакихъ поводовъ къ зарожденію новыхъ стремленій: онѣ являются какъ будто безъ достаточной причины; на дѣлѣ причина, конечно, есть—въ извѣстныхъ общихъ условіяхъ и въ частныхъ обстоятельствахъ біографіи новаго дѣятеля. Потому біографіи людей открывающихъ новыя направленія литературы, бываютъ особенно любопытны: къ сожалѣнію, вопросъ о біографіи Ходаковскаго именно представляется довольно смутнымъ.

---

[1]) Мы оставляемъ эту главу почти въ прежнемъ ея объемѣ (В. Е. 1886), въ виду малой извѣстности біографіи Ходаковскаго.

Еще недавно тотъ, кто желалъ бы познакомиться съ біографіей Ходаковскаго, могъ встрѣтить въ исторіяхъ польской литературы [1]) и энциклопедіяхъ совершенно разнорѣчащія свѣдѣнія о томъ, гдѣ родился Ходаковскій, какую проходилъ школу, вообще какъ прожилъ первыя тридцать лѣтъ своей жизни. Согласіе біографическихъ источниковъ начиналось только съ послѣднихъ годовъ его жизни, когда онъ окончательно предался своимъ археологическимъ и этнографическимъ изысканіямъ и выступилъ съ ними въ литературѣ. При жизни Ходаковскаго, біографія его была мало извѣстна или извѣстна въ превратномъ видѣ, даже людямъ, которые были съ нимъ близки; и впослѣдствіи, долго спустя по смерти Ходаковскаго, его ранняя біографія передавалась въ двухъ разныхъ видахъ, не имѣвшихъ между собой ничего общаго и, что̀ приводило въ особое недоумѣніе, обѣ біографіи опирались на *личныхъ показаніяхъ* самого Ходаковскаго.

Когда Ходаковскій умеръ, то первыя біографическія свѣдѣнія о немъ даны были въ извѣстныхъ „Библіографическихъ Листахъ" Кёппена (1826), въ слѣдующемъ видѣ:

„Польскій дворянинъ, Зоріанъ Яковлевичъ Долуга-Ходаковскій (Zorijan Dolęga Chodakowski), родился въ Коповѣ, что̀ въ Хелмской землѣ (Царства Польскаго) 24-го дек. 1784 года. Съ 1796 по 1803 г. онъ обучался въ межирецкомъ училищѣ ксендзовъ піаровъ; потомъ, продавъ доставшееся ему (въ Восточной Галиціи) послѣ родителей небольшое имѣніе, онъ съ 1806 по 1810 г. обучался въ волынской гимназіи (въ Кременцѣ). Состоя поручикомъ въ польской военной службѣ, онъ съ 5-мъ пѣхотнымъ полкомъ въ 1812 г. былъ въ Курляндіи, подъ начальствомъ Макдональда. Взятъ въ плѣнъ казаками при ретирадѣ изъ Москвы, подъ Борисовымъ, и отправленъ съ прочими плѣнниками въ черниговскую губернію. Тутъ сталъ онъ искать отрады въ книгахъ, и съ сего времени совершенно посвятилъ себя ученымъ изслѣдованіямъ. Варшавское Общество Любителей наукъ избрало его своимъ членомъ, еще до выѣзда его изъ Польши въ Россію, когда онъ занимался частными дѣлами князя А. Чарторыжскаго; а Имп. Виленскій университетъ снабдилъ его открытымъ листомъ, рекомендуя его, какъ изыскателя словенскихъ древностей, наипаче всѣмъ обладателямъ библіотекъ и архивовъ. Представленный имъ въ 1819 году проектъ его путешествія (на совершеніе котораго ему, по Высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 г., отпущено три тысячи руб. сер.), былъ предварительно разсмотрѣнъ нѣкоторыми отличными учеными, и приведеніе онаго въ дѣйствіе, по мнѣнію

[1]) Въ исторіи русской литературы его имя было очень забыто.

Главнаго Правленія училищъ, могло принести пользу наукамъ. Не взирая на нѣкоторыя странности или предубѣжденія г-на Ходаковскаго, знатоки умѣли цѣнить въ немъ усердіе къ любопытнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для первобытной исторіи Россіи и всѣхъ вообще словенъ. Особенное вниманіе онъ всегда обращалъ на такъ-называемыя городища, небольшіе окопы, которые онъ обрѣталъ по всему пространству, нѣкогда обитаемому словенами. Неоднократно бесѣдуя съ нимъ, мы, между прочимъ, замѣтили, что, по его наблюденіямъ, таковыя городища имѣли, по большей части, выходъ къ востоку, — что оныя одно отъ другого нерѣдко находились въ опредѣленномъ разстояніи (которое, однако, разнствовало по разнымъ странамъ),—что около таковыхъ городищъ урочища весьма часто и почти постоянно имѣли одни и тѣ же названія, наконецъ, и самыя городища, которыя, можетъ быть, служили идолопоклонническими капищами, имѣли свои названія. Намъ даже и самимъ, при случаѣ, удавалось по примѣтамъ г-на Ходаковскаго, развѣдывать и узнавать о таковыхъ городищахъ (помнится, въ тверской губерніи), почему и не сомнѣваемся въ томъ, что замѣчанія его заслуживаютъ уваженія ревностныхъ изслѣдователей отечественныхъ древностей, которые, впрочемъ, не оставятъ безъ вниманія и сужденій о семъ предметѣ К. Ѳ. Калайдовича. Къ отличнымъ свойствамъ нашего изслѣдователя причислить должно способность его *бесѣдовать съ простолюдинами*. На торжищахъ, въ хижинахъ ихъ, въ своей собственной обители, онъ и жена его всегда съ успѣхомъ умѣли пользоваться ихъ простодушными повѣствованіями, преданіями, мѣстными познаніями и самымъ суевѣріемъ. Такимъ образомъ, онъ успѣлъ собрать драгоцѣнные матеріалы, въ числѣ коихъ мы всегда, съ особеннымъ удовольствіемъ, вспоминали *о географическихъ его фоліантахъ и собраніи народныхъ пѣсней,* подслушанныхъ имъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, и обыкновенно записывавшихся со словъ самихъ поселянъ. Сказываютъ, что бумаги сего необыкновеннаго изслѣдователя, который въ теченіе послѣднихъ годовъ управлялъ имѣніями одного помѣщика тверской губерніи, въ коихъ онъ и скончался въ ноябрѣ 1825 г., будутъ пріобрѣтены Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и что съ оныхъ и въ С.-Петербургъ, къ одному изъ почтеннѣйшихъ изслѣдователей отечественной исторіи, будутъ доставлены списки. Говоря откровенно, мы не думаемъ, чтобы г. Ходаковскій могъ систематическимъ образомъ воспользоваться собранными имъ матеріалами; но потеря его, во всякомъ случаѣ, для наукъ весьма значительна, ибо безъ его собственныхъ показаній и постояннаго содѣйствія, едва ли кто успѣетъ привести все въ над-

лежащій порядокъ и приготовить къ изданію, дабы тѣмъ принести существенную пользу наукамъ?" [1])

Издатель „Библіографическихъ Листовъ" съ самаго начала своей ученой дѣятельности отличался какъ трудолюбивый и точный собиратель фактовъ; между тѣмъ, хотя Кёппенъ лично зналъ „необыкновеннаго изслѣдователя" и его свѣдѣнія шли, какъ увидимъ, изъ собственныхъ показаній Ходаковскаго, оказывается, что приведенная біографія вплоть до послѣднихъ годовъ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ: напр., отецъ Ходаковскаго и самъ онъ не были Ходаковскіе, онъ не учился въ межирецкой школѣ и въ Кременцѣ, не былъ подъ Борисовымъ взятъ въ плѣнъ козаками и т. д.

Въ 1835 году было переиздано въ Краковѣ небольшое сочиненіе Ходаковскаго (напечатанное первоначально по-польски, въ 1818) „О славянщинѣ передъ христіанствомъ", съ примѣчаніями и біографическими замѣтками извѣстнаго польскаго изслѣдователя славянской древности, Суровецкаго; здѣсь повторены факты, сообщенные Кёппеномъ [2]).

Первымъ источникомъ этихъ свѣдѣній была, повидимому, та самая автобіографическая записка, которую Ходаковскій сообщилъ (кажется, въ 1822 году) Н. А. Полевому, съ которымъ былъ тогда близокъ. Полевой только долго спустя, именно въ 1839, напечаталъ эту записку, гдѣ заключаются, нѣсколько съ бо́льшими подробностями тѣ данныя о начальной жизни Ходаковскаго, которыя были приведены Кёппеномъ въ его некрологѣ.

„Жаль,—писалъ Полевой,—что до сихъ поръ никто не описалъ жизни и трудовъ Ходаковскаго — оригинала, добраго, страннаго и достойнаго памяти. Я коротко зналъ его, любилъ, и у меня сохраняется собственноручная его записка объ его жизни, которую просилъ я составить мнѣ для воспоминанія нашей дружбы. Предлагаю здѣсь упомянутую записку слово въ слово" [3])... Здѣсь именно говорится, что Ходаковскій родился въ селѣ Комовѣ, въ Хелмской землѣ которая, по послѣднему раздѣлу Польши, перешла во владѣніе австрійское и заключалась въ новой Галиціи, а съ 1809 г. принадлежала къ герцогству Варшавскому, переименованному послѣ въ Царство Польское (выходило, такимъ образомъ, что Ходаковскій

[1]) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кёппеномъ. № II. Библіографическіе Листы 1825 года. Спб. 1826, стр. 562—564.

[2]) Z. D. Chodakowskiego, O Słowiańszczyznie przed Chrześćianstwem, i W. Surowieckiego Zdanie o pismie témże z dodaniem krótkiéj wiadomości o Chodakowskim i korrespondencyi jego. W Krakowie, 1835. Малое 8°, 51 стр.

[3]) „Сынъ Отечества", 1839, томъ, 8, отд. VI, стр. 89—90.

родился свободнымъ полякомъ, а потомъ былъ австрійскимъ подданнымъ). О родителяхъ его говорится, что они были дворянскаго состоянія и назывались Яковъ и Анна Долуга-Ходаковскіе; мать была изъ рода Кореневскихъ, т.-е. по-польски Корженёвскихъ. „Они, — продолжаетъ Ходаковскій,—въ томъ селѣ имѣли небольшое владѣніе, состоящее въ 7-ми дворахъ крестьянскихъ; 1790 года, по смерти отца моего, мать моя завезла меня на Волынь къ дядьямъ и природнымъ опекунамъ моимъ; одинъ изъ нихъ, Антоній Ходаковскій, бывшій судья повѣтовый Кременецкій, владѣвшій имѣніемъ Михалковцами въ Острожскомъ повѣтѣ, отдалъ меня въ училище Межирецкое Ксендзовъ Піяровъ. 1803 года окончилъ я сіе училище. 1804 года возвратился я въ Новую Галицію, гдѣ, по смерти моей матери, долженъ я былъ управить разстроенное хозяйство, уплатить долги, и ради того въ будущемъ году 1806-мъ продалъ оное вѣчно. Отъ 1806 до 1810 года, въ волынской губернской гимназіи въ Кременцѣ, которая на особенномъ положеніи, слушалъ наукъ въ высшихъ курсахъ, и по оныхъ, 1810 года, въ осени, поѣхалъ къ родственникамъ моей матушки въ Холмскій повѣтъ, и послѣ въ Варшаву, гдѣ я опредѣлился въ полковую военную службу. По желанію моему, я былъ назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ, стоявшій въ Пруссіи, и послѣ на предѣлахъ прусскихъ. 1811 года, въ Бытгощи, произведенъ былъ въ адъютанты подъ-офицеры. 1812 года въ подпоручики. Въ войнѣ, открывшейся противъ Россіи, я былъ въ корпусѣ маршала Макдональда, въ Курляндіи, и оттуда отправленъ въ Москву. Въ ретирадѣ, подъ Борисовымъ, взятъ въ плѣнъ однимъ отрядомъ казачьимъ, и заведенъ въ Черниговъ, гдѣ по разнымъ мѣстечкамъ содержался я съ прочими плѣнными. Послѣ того, какъ государь императоръ, всемилостивѣйшимъ манифестомъ своимъ, уволилъ всѣхъ поляковъ изъ плѣна, возвратился я на Волынь. Бывъ прежде свидѣтелемъ величайшихъ событій, скучая въ неизвѣстности, я искалъ утѣшенія въ книгахъ, полюбопытствовалъ знать начала того государства, которое менѣе всѣхъ намъ было извѣстно и столь сильно дѣйствовало въ нашихъ глазахъ; къ тому же послѣ присоединилась надежда, что Славянскіе народы отнынѣ могутъ болѣе и болѣе возвращаться въ первобытное свое единство, я занялся извѣстнымъ изслѣдованіемъ“.

За исключеніемъ послѣдней фразы, здѣсь опять нѣтъ ни слова правды. Но еще раньше напечатанія этой автобіографической записки Полевымъ, въ польской литературѣ были уже намѣчены настоящіе факты біографіи Ходаковскаго [1]), которые потомъ получали

[1]) Encyklopedya Powszechna, издав. Одыньцомъ въ Вильнѣ, 1838, IV, стр. 270—272.

все новыя подтвержденія. Нѣкто Л. Войниловичъ [1]), обративъ вниманіе на то, что писалось о „Ходаковскомъ", заявилъ, что имѣетъ о немъ совершенно достовѣрныя свѣдѣнія, какъ самый близкій его сосѣдъ (по словамъ его, только одна межа отдѣляла его отъ того мѣста, гдѣ первоначально воспитывался *мнимый* Ходаковскій), какъ свидѣтель его дѣтства и ревностный читатель оставшихся послѣ него бумагъ. Войниловичъ заявлялъ, что Зоріанъ Доленга-Ходаковскій на самомъ дѣлѣ былъ *Адамъ Чарноцкій*, что родился онъ въ минскомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, что учился онъ въ слуцкой школѣ, жилъ потомъ въ Слуцкѣ и въ новогрудскомъ уѣздѣ, въ 1813 году былъ въ Галиціи, гдѣ, „неизвѣстно по какому поводу", перемѣнилъ свою фамилію и назвался сначала Хржановскимъ, а потомъ принялъ имя Зоріана Доленги-Ходаковскаго. „Я не имѣлъ цѣли оцѣнить и разобрать сочиненія Ходаковскаго,—писалъ Войниловичъ,—но хотѣлъ только *сорвать завѣсу заблужденія*, и голосомъ правды произнести надъ могилою заслуженнаго соотечественника *его настоящее имя*, чтобы позднее потомство могло съ благодарностію сохранить это имя". Но здѣсь все-таки осталось недосказаннымъ главное.

Новая біографія Ходаковскаго явилась въ 1841 г. въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" Плюшара [2]). Біографъ зналъ о статьѣ Войниловича, явившейся „къ общему удивленію" (такъ всѣ увѣрены были въ прежней біографіи); но такъ и остался въ недоумѣніи о томъ, какъ согласить данныя *собственноручной* записки Ходаковскаго, не предназначавшейся вовсе для печати, съ неожиданными показаніями Войниловича.

Между тѣмъ явилось нѣсколько писемъ Ходаковскаго въ „Атенеѣ" Крашевскаго [3]), которыя опять бросали свѣтъ на дѣйствительную біографію Ходаковскаго, но гдѣ повторяется и прежнее жизнеописаніе, несмотря на то, что оно опровергалось новыми фактами. Такъ, оно было опять повторено въ статьѣ Старчевскаго: „Русская историческая литература въ первой половинѣ XIX-го вѣка" [4]). Старчевскій, не зная статьи въ „Энциклопедіи" Одыньца, зналъ (вѣроятно, по „Лексикону" Плюшара) о статьѣ Войниловича и уже называетъ Ходаковскаго Черноцкимъ („если вѣрить Войниловичу"), но опять не умѣлъ помирить противорѣчія. Что „открытіе" Войниловича о

---

[1]) Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ „Варшавской Утренней Газетѣ", 1840, № 15, статья подъ названіемъ: „Кто именно былъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій?"

[2]) Томъ XVII, стр. 97—102, подписано: Н. В. С., вѣроятно: Савельевъ-Ростиславичъ.

[3]) Athenaeum, 1842, oddz. II, zeszyt II, стр. 204—218.

[4]) „Карамзинскій періодъ съ 1800 до 1825 года", въ „Библ. для Чтенія" 1852, томъ 112, Науки, стр. 49—108. О Чарноцкомъ стр. 95 и слѣд.

настоящей фамиліи Ходаковскаго было вѣрно, доказательство этому Старчевскій видѣлъ въ томъ, что еще въ 1823 году Ходаковскій сообщилъ въ „Сѣверный Архивъ“ одну статью — подъ видомъ статьи г-жи Черноцкой [1]),—но г. Старчевскій былъ все-таки въ недоумѣніи. „Сообразивъ все сказанное о Черноцкомъ или Ходаковскомъ,—говоритъ онъ,—нельзя заключить о причинахъ, по которымъ онъ скрывалъ настоящую фамилію; можетъ быть, это была *безпричинная манія*, отъ которой несвободны даже и ученые люди. Во всякомъ случаѣ, мы считали нужнымъ изложить и его собственныя показанія, и показанія о немъ другихъ“.

Недоумѣнія разрѣшены были въ концѣ 1850-хъ годовъ лицами, которыя имѣли въ рукахъ другія, скрывавшіяся до тѣхъ поръ въ тайнѣ, также *личныя* показанія самого Чарноцкаго. Это были статьи Доминика Ходзьки, Ипполита Скимборовича и особливо Іоахима Лелевеля [2]). Не повторяя ихъ разнорѣчій, приведемъ основные факты, какъ они были выяснены новыми вышедшими на свѣтъ документами и личными воспоминаніями Лелевеля. Два главныхъ документа, которые не оставляютъ сомнѣнія о дѣйствительной біографіи Ходаковскаго, были, во-первыхъ, его письмо къ оффиціальному лицу, минскому губернатору З. Я. Карнѣеву, писанное въ 1809 году (у Д. Ходзьки), и собственноручный дневникъ, веденный многіе годы и высланный Ходаковскимъ въ 20-хъ годахъ къ одному изъ друзей на родину въ пакетѣ, который онъ просилъ раскрыть только послѣ его смерти (у Скимборовича и Лелевеля). Лучшій сводъ извѣстій о біографіи Ходаковскаго находится въ статьѣ Лелевеля, который самъ былъ современникомъ Ходаковскаго и имѣлъ въ рукахъ его бумаги. Изъ сравненія этихъ источниковъ и другихъ свѣдѣній подлинная біографія Ходаковскаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Настоящее его имя было Адамъ Чарноцкій. Онъ родился въ мин-

---

[1]) Такая статья дѣйствительно была помѣщена въ „Сѣв. Архивѣ“, какъ переводъ съ польскаго (подъ заглавіемъ: „Остатки славянской миѳологіи, сохранившіеся у бѣлорусскихъ поселянъ“, Сѣв. Арх. IV, стр. 463—473), но она не имѣетъ никакого отношенія къ Ходаковскому. Въ подлинникѣ она была напечатана въ польскомъ журналѣ „Tygodnik Wileński“ 1817, и авторша названа Маріей Чарновской; характеръ статьи вовсе не въ духѣ Ходаковскаго.

[2]) Wzmianka o życiu i pismach Adama Czarnockiego, przez Dominika C. Chodźkę,—въ журналѣ „Teka Wileńska“. 1857, Numer drugi, стр. 27—53, или 277—303.

— Jeszcze o Zoryanie Chodakowskim czyli Adamie Czarnockim,—Koresp. z Warszawy Hip. Skimborowicza,— тамъ же, 1858, Numer szosty, стр. 243—253 или 457—467.

— Adam Czarnocki, przez Joachima Lelewela,— въ львовской газетѣ Dziennik Literacki, 1859, № 79, стр. 941—944.

— Другіе біографическіе матеріалы о Чарноцкомъ указаны въ статьѣ Скимборовича, стр. 252 (466).

скомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, отецъ его назывался Якобъ; мать была не Корженевская, а Бородзичъ. Она умерла довольно рано; отецъ съ 1792 до 1795 г. жилъ въ Мазовшѣ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; потерявши много отъ политическихъ волненій края, онъ занимался управленіемъ имѣніями; но средства его были такъ скудны, что онъ не могъ дать сыну никакого обученія. Поэтому отецъ отвезъ Адама къ болѣе богатымъ родственникамъ, жившимъ въ слуцкомъ уѣздѣ; Ксаверій Чарноцкій, витебскій подстолій, помѣстилъ Адама въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ и прошелъ первую школу; потомъ онъ продолжалъ ученіе въ тогдашнемъ уѣздномъ слуцкомъ училищѣ. Одинъ изъ біографовъ разсказываетъ, что Чарноцкій съ самыхъ раннихъ лѣтъ отличался большими способностями и особенно громадной памятью, и изъ наукъ всего больше любилъ исторію и географію; говорятъ, что еще юношей онъ задавалъ себѣ историческіе вопросы и спорилъ противъ застарѣлыхъ, общепринятыхъ тогда понятій, и чтеніе старыхъ книгъ и рукописей было для него любимымъ занятіемъ. Біографы удивляются, что въ то время, когда польская литература еще не знала настоящей исторической критики, когда польская поэзія жила искусственной жизнью въ тѣсныхъ рамахъ рутиннаго стихотворства, Чарноцкій, еще небогатый знаніями, не владѣвшій иностранными языками, кромѣ нѣкотораго знанія школьной латыни, не встрѣчая никакого особеннаго поощренія и, напротивъ, навлекая на себя осужденіе старшихъ и насмѣшки, говоритъ однако съ жаромъ о необходимости болѣе внимательнаго изученія исторіи, о воскрешеніи національной поэзіи, о собираніи народныхъ пѣсенъ, объ изслѣдованіи преданій и обычаевъ, освященныхъ древностью. Говорятъ, что уже въ 1800 году онъ составилъ карту одного имѣнія съ исторической записью всѣхъ его владѣтелей съ 1591 года до 1800, отъ Олельковичей до Ксаверія Чарноцкаго. Отецъ Чарноцкаго женился во второй разъ, живя въ минскомъ краѣ, но вскорѣ умеръ (1-го февраля 1800). Черезъ годъ по смерти отца, Адамъ кончилъ свое школьное ученье (30-го іюня 1801); потомъ прожилъ два года у разныхъ знакомыхъ людей и практически изучалъ право у адвоката въ Новогрудкѣ; затѣмъ оставался въ Минскѣ до 1807 г. Еще не выбравши себѣ никакого постояннаго занятія, онъ посвящалъ все это время изученію мѣстнаго права, рылся въ архивахъ, пересматривалъ старые документы и пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ большое знаніе. Въ Минскѣ онъ частнымъ образомъ помогалъ многимъ обывателямъ, имѣвшимъ въ судахъ процессы, и хотя получилъ (20 декабря 1805) „инструментъ“, т.-е. патентъ на „земскую регенцію“ въ Слуцкѣ, но не хотѣлъ сдѣлать адвокатуры своей профессіей и не хотѣлъ занять какого-нибудь мѣста при судахъ. На рукахъ его оста-

вались еще малолѣтніе братъ и сестра (кажется, отъ второго брака отца); онъ помѣстилъ ихъ у родныхъ, но и самъ заботился объ ихъ обезпеченіи, хотя его личныя средства были весьма ограничены.

Въ 1807 г., 2-го марта онъ взялъ частную должность, кажется, помощника управляющаго у гр. Несѣловскаго, воеводы новогрудскаго, въ тогдашней гродненской губерніи, новогрудскаго уѣзда; затѣмъ, по смерти управляющаго, онъ одинъ занялся обширными и запутанными дѣлами своего довѣрителя. Здѣсь онъ неутомимо работалъ, разобравъ запутанный архивъ, и хотя біографъ упрекаетъ его въ излишней ревности, вслѣдствіе которой онъ затѣвалъ процессы тамъ, гдѣ можно было бы улаживать дѣло мирнымъ соглашеніемъ, но рядомъ съ тѣмъ біографъ восхваляетъ его неутомимое трудолюбіе, способность быстро схватывать сущность дѣлъ и всегда руководившее имъ чувство справедливости. Въ позднѣйшихъ замѣткахъ Ходаковскій высказывалъ, однако, что эта жизнь на чужой службѣ очень его тяготила.

Но здѣсь ожидали его и бѣдственныя обстоятельства, бросившія мрачную тѣнь на всю его жизнь. Между прочимъ, онъ близко сдружился съ однимъ молодымъ родственникомъ Несѣловскаго. Этотъ молодой человѣкъ, обуреваемый патріотизмомъ, перебрался черезъ границу и поступилъ въ войско, которое формировалось тогда въ великомъ герцогствѣ варшавскомъ, и письмомъ звалъ къ себѣ Чарноцкаго. Послѣдній отвѣчалъ, что желалъ бы сколько можно скорѣе покинуть Литву, и въ неосмотрительной торопливости послать отвѣтъ, отправилъ его почтой. Въ то время тайный выѣздъ изъ края строго преслѣдовался; письмо Чарноцкаго, перехваченное на почтѣ, навлекло на него суровое преслѣдованіе. Ночью, 25-го марта 1808 г., онъ былъ арестованъ въ имѣньѣ Ворончѣ, гдѣ онъ жилъ, и отвезенъ былъ подъ стражей въ Гродно; отсюда, послѣ допроса, его отвезли въ Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи отъ 30-го апрѣля до 31-го декабря, послѣ чего, вмѣстѣ съ другими заключенными, отправленъ былъ въ Новгородъ. Здѣсь только каждый изъ нихъ узналъ о рѣшеніи своей участи. Чарноцкій былъ лишенъ дворянства и отданъ въ солдаты во 2-ю дивизію, генерала Глазенапа, стоявшую въ Омскѣ, тобольской губерніи [1]).

---

[1]) Ходзько, излагая эти данныя, замѣчаетъ: „Всѣ до сихъ поръ помѣщенныя подробности жизни Чарноцкаго я взялъ изъ его собственной записки. Эту записку Чарноцкій писалъ въ Новгородѣ, въ первыхъ дняхъ января 1809 г., къ бывшему минскому губернатору Карнѣеву, прося его о заступничествѣ для смягченія его наказанія. Я имѣлъ въ рукахъ экземпляръ этой записки, писанный собственною рукою Чарноцкаго, частью по-польски, частью по-русски, но больше по-польски, потому что въ то время онъ еще очень мало зналъ русскій языкъ. Дальнѣйшія подробности,—

Отсюда, новый источникъ для біографіи Чарноцкаго является въ другомъ, также собственноручномъ документѣ, извлеченія изъ котораго сообщаютъ Скимборовичъ и Лелевель; это — записная книжка или дневникъ, начатый Чарноцкимъ на пути въ Сибирь и доведенный потомъ, повидимому, до 1821 года.

Біографы говорятъ, что Чарноцкій съ мужествомъ переносилъ постигшее его бѣдствіе (ему было тогда 24 года). Прибывши на мѣсто, онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе своего начальника, что̀ должно было очень облегчить его положеніе. Онъ пробылъ въ Омскѣ [1]) четыре года, и это по крайней мѣрѣ принесло ему ту пользу, что онъ хорошо научился русскому языку.

Въ своемъ дневникѣ Чарноцкій отмѣчаетъ свой путь черезъ Новгородъ, Москву, Владиміръ-на-Клязьмѣ, Казань, Пермь и т. д. Печаль охватила его, когда онъ переѣзжалъ Волгу, какъ будто послѣднюю границу Европы. И тогда уже въ немъ сказался любознательный наблюдатель и выносливый путешественникъ. По дорогѣ онъ записываетъ что̀ приходилось слышать, напр., о черемисахъ, чувашахъ, вотякахъ, вогулахъ, киргизахъ и пр. Въ полгода онъ сдѣлалъ почти четыре тысячи верстъ; въ одномъ мѣстѣ записной книжки онъ, по замѣчанію Скимборовича, „помѣщаетъ рядъ именъ земляковъ“ (imion krajowych), т.-е., разъясняетъ Лелевель, польскихъ сосланныхъ семействъ отъ временъ Пулавскаго: онъ описываетъ ихъ положеніе, занятія отцовъ, сыновей и внуковъ, для нѣкоторыхъ устроилъ сношенія съ родными, оставшимися дома, особливо на Волыни, пишетъ за нихъ письма и т. п. Онъ замѣчаетъ, гдѣ что̀ ростетъ и чего нѣтъ, записываетъ обычаи, которые случалось наблюдать, выписываетъ мысли изъ читанныхъ сочиненій (напр. эклогу о обычаяхъ сѣверныхъ народовъ J. U. N.,—указываетъ Скимборовичъ, а Лелевель объясняетъ: Нѣмцевича); записываетъ мѣстные лечебные секреты; отмѣчаетъ, къ кому въ то время писалъ, вноситъ извѣстія о горныхъ рудахъ, татарскіе стихи, названія славянскихъ мѣстностей, теперь переиначенныя, наконецъ, слова и выраженія или словарикъ на языкѣ черемисъ, чувашъ, татаръ, вотяковъ и т. д.

Полкъ, въ которомъ служилъ Чарноцкій, получилъ приказъ двинуться къ Литвѣ. Маршъ начался въ понедѣльникъ 12-го сентября 1810 года; на зимовку полкъ расположился въ Перми, отъ 7-го ноября 1810 года до 18-го февраля 1811 г. [2]). Въ лагерѣ подъ Бобруй-

---

прибавляетъ Ходзько,—я почерпнулъ изъ подлинныхъ писемъ Чарноцкаго и изъ разсказовъ хорошо его знавшихъ лицъ“.

[1]) Т.-е. собственно въ заключеніи и въ солдатствѣ; въ самомъ Омскѣ онъ жилъ недолго.

[2]) Лелевель замѣчаетъ, что въ Омскѣ Чарноцкій пробылъ только іюль и августъ,

скомъ стояли два мѣсяца, отъ 21-го іюня до 21-го августа. Здѣсь, по выраженію Скимборовича, Чарноцкій „устроилъ себѣ выѣздъ въ Польшу“ [1]), и вещи его, какъ умершаго, отосланы были въ слуцкій уѣздъ, а по словамъ Лелевеля, Чарноцкій, исполняя одно служебное порученіе, *пропалъ;* доказано, что его смерть была засвидѣтельствована оффиціально [2]). Говоря проще, Чарноцкій бѣжалъ.

Такимъ образомъ Чарноцкій былъ, что называется, военнымъ дезертиромъ; вотъ причина, почему съ этого времени онъ мѣняетъ свое имя и тщательно скрываетъ свое прошедшее; съ этой цѣлью, когда потомъ доспрашивались у него объ его жизни, онъ придумалъ ту автобіографію, которую передалъ Полевому и которую зналъ Кёппенъ. Эта поддѣльная біографія долго и считалась самой подлинной, не только у русскихъ, но и у польскихъ его почитателей, пока не явились объясненія Одыньца, Войниловича и новѣйшихъ біографовъ.

Въ декабрѣ 1811 года Чарноцкій пишетъ уже изъ Варшавы. Въ дневникѣ помѣщены черновыя письма къ князю Іосифу Понятовскому—„съ объясненіемъ плана одного изъ городовъ“, по словамъ Скимборовича; письма къ Соболевскому и другимъ, съ разными проектами. Въ 1812 году, 18-го февраля, онъ доноситъ князю Радзивиллу, что назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ адъютантомъ подъофицеромъ, чтó Ходаковскій, вѣроятно не безъ цѣли, правильно отмѣчаетъ и въ автобіографической запискѣ, данной Полевому.

Лелевель говоритъ прямо, что, „появившись въ Варшавѣ, Чарноцкій передалъ тамошнимъ военнымъ властямъ нарисованный имъ планъ Бобруйска: онъ не записалъ этого въ своей книжкѣ, но мнѣ извѣстно объ этомъ отъ военныхъ, которые его знали и видѣли планъ, а именно, отъ А. Р.“.

Дальше, Скимборовичъ опять сообщаетъ отрывочныя свѣдѣнія изъ дневника Чарноцкаго.

„Въ письмѣ къ о. Ипполиту греческаго обряда (т.-е. уніату) Чарноцкій подписался Зоріаномъ Любраньскимъ“ (это былъ первый его псевдонимъ).

„Маршаломъ Даву онъ былъ посланъ на Нѣманъ и, по данному ему порученію, подавалъ рапорты 4-го и 19-го мая 1812 г., которыми командиръ былъ доволенъ, какъ говоритъ самъ Адамъ или также Зоріанъ Любраньскій, Хржановскій, Ходаковскій, а собственно Чарноцкій.

и что пребываніе въ Перми объясняетъ, какъ онъ могъ заниматься чувашами и черемисами.

[1]) „Tam wyrobił sobie wyjazd do K. i L.“, т.-е. въ Корону и Литву.

[2]) Замѣтимъ, что Скимборовичъ писалъ въ виленскомъ изданіи, подъ русской цензурой, а Лелевель—въ львовскомъ журналѣ.

„Мая 30-го онъ по собственной просьбѣ получилъ увольненіе отъ службы и, имѣя неограниченный отпускъ, находился при главной квартирѣ корпуса, принимая на себя, вѣроятно, особенныя порученія. По отступленіи Наполеоновской арміи и своемъ отъ Смоленска, послѣ приключенія подъ Борисовымъ (?), онъ по многимъ обстоятельствамъ долженъ былъ укрываться около Кезгаловицъ, у С.

„Наконецъ онъ записываетъ въ дневникѣ, гдѣ онъ былъ отъ 15-го апрѣля до 10-го сентября 1814 года (?)...

„Имя Хржановскаго онъ принялъ на себя въ Галиціи, гдѣ былъ обломкомъ, оставшимся отъ французской арміи".

Эти неясныя данныя понятнѣе излагаетъ Лелевель. „Въ недолгое пребываніе свое въ Варшавѣ,—говоритъ онъ,—Чарноцкій пріобрѣлъ личныя знакомства. Онъ исполнилъ какую-то тайную военную услугу и былъ также употребленъ и для услуги иного рода. Наполеонъ намѣренъ былъ устроить славянскую іерархію греческаго обряда (т.-е. уніатскую). Съ этой цѣлью прибыло въ Варшаву нѣсколько духовныхъ лицъ изъ Далмаціи. Чарноцкій, подъ вымышленнымъ именемъ, велъ съ ними дѣло и также „бѣгалъ" въ русскія губерніи къ духовенству греческаго обряда. Именъ духовныхъ лицъ онъ не называетъ, а свое прибранное записалъ въ книжку (имя Любраньскаго). За эти различныя услуги онъ получалъ отъ князя Іосифа Понятовскаго и отъ Даву благодарственныя письма, которыя вписалъ въ свою книжку. Когда подготовлялся Наполеоновскій походъ, онъ былъ захваченъ тяжкой болѣзнью. Слабый отъ болѣзни онъ былъ въ Торуни, и тамъ зрѣлище Наполеона быстро сдѣлало его здоровымъ, не зрѣлище извѣстной его низкой шляпы, но появляющіяся надежды на возрожденіе Польши.

„Онъ бросается опять въ службу; ему хотѣли дать офицерскій рангъ, но онъ заявилъ, что можетъ оказать бóльшія услуги какъ волонтеръ въ солдатскомъ мундирѣ, если въ этомъ будетъ надобность. Такимъ образомъ онъ пошелъ съ великой арміей до Смоленска. Когда наступила ретирада, онъ остался въ новогрудскомъ уѣздѣ... На амнистію, великодушно данную Александромъ, онъ разсчитывать не могъ: Чарноцкій не могъ ожить. Болтливость женщинъ дѣлала жизнь его тамъ небезопасной, и онъ скрылся тогда въ Галицію, гдѣ явился подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго".

Лелевель ничего не говоритъ „о приключеніи подъ Борисовымъ". Припомнимъ, что по поддѣльной біографіи Ходаковскій былъ взятъ въ плѣнъ подъ Борисовымъ козаками и отведенъ въ Черниговъ, гдѣ потомъ воспользовался амнистіей Александра [1]). Повидимому, этого

[1]) Ходзько (стр. 33 — 283) вѣритъ еще въ эту амнистію для Ходаковскаго и недоумѣваетъ, почему онъ измѣнилъ теперь свою фамилію.

плѣна подъ Борисовымъ вовсе не было, и обстоятельство это придумано (въ подложной біографіи) только для того, чтобы подвести Ходаковскаго подъ амнистію и тѣмъ покрыть его прошлое. Дальше увидимъ, что „приключеніе подъ Борисовымъ“ послужило, однако, темой для легендарныхъ разсказовъ.

Повидимому, съ этого времени онъ въ первый разъ отдался со страстью той народной археологіи, которая заняла вторую половину его жизни [1]). Какъ собственно шли его странствія и изслѣдованія, чѣмъ онъ существовалъ, объ этомъ извѣстно мало точнаго. Мы упоминали, что для своихъ соотечественниковъ Ходаковскій остался чрезвычайно популярнымъ изслѣдователемъ народности, которому они приписываютъ великую заслугу, какъ начинателю новаго отношенія къ народности. О немъ шла молва, какъ потомъ шла подобная молва и въ Россіи, гдѣ у него были не менѣе ревностные почитатели, чѣмъ въ Польшѣ. Лелевель разсказываетъ такъ:

„Въ Галиціи Ходаковскій отдался начатымъ, въ его молодые годы, изслѣдованіямъ народныхъ пѣсенъ и преданій, урочищъ, могилъ, древнихъ кладбищъ, городищъ и ихъ названій. Поддержка, какую онъ могъ получить отъ Чарторыйскаго или изъ какого иного частнаго источника, была бы во всѣхъ отношеніяхъ недостаточна. Онъ мечталъ о гораздо болѣе широкомъ изслѣдованіи славянщины, о пріисканіи средствъ къ этому. Онъ посѣтилъ Волынь, гостилъ въ Кременцѣ, бывалъ въ Кіевѣ и въ полтавской губерніи. Плоды своихъ трудовъ онъ посылалъ въ „Общество друзей наукъ“ (Towarzystwo przyjaciół nauk) въ Варшавѣ, гдѣ Сташицъ говорилъ о пособіи на путешествіе, настаивая на томъ, чтобы изслѣдователь началъ прежде всего съ обозрѣнія Мазовіи. Ходаковскій не могъ отважиться ходить въ области великаго князя (Константина), гдѣ знали Адама Чарноцкаго. Кураторъ (виленскаго учебнаго округа) Чарторыйскій могъ располагать денежными средствами, назначенными на путешествіе, но не торопился тронуть ихъ самъ для Ходаковскаго, и только представилъ дѣло университету, гдѣ рѣшеніе оказалось также неспѣшнымъ.

„Зоріанъ отчаявался, что найдетъ что-нибудь въ кругу земляковъ. Въ 1819 году онъ отправился въ Петербургъ. Пока онъ былъ на польской землѣ, онъ могъ все достать на дорогѣ; но едва онъ миновалъ границу Польши, ему пришлось плохо. На почтовыхъ станціяхъ ни хлѣба и никакого подкрѣпленія. Утомленный и наскучившій этимъ, онъ встрѣтилъ между проѣзжими живую и ловкую

[1]) Въ 1818 и 1819 г. онъ ссылается на четыре и пять лѣтъ своихъ археологическихъ и этнографическихъ изысканій.

панну, которая каждый разъ умѣла себѣ что-нибудь найти, что-ни будь сварить и устроить такъ, что не оставалась голодна. Смотря на это, Ходаковскій подумалъ, что именно такую и нужно было ему жену для задуманныхъ странствій. Началось знакомство, ухаживаніе и освѣдомленія; они были приняты любезно. Это была панна Констанція Флемингъ, инфляндка, возвращавшаяся къ родителямъ въ Петербургъ. Во Псковѣ нашелся католическій ксендзъ; онъ повѣнчалъ ихъ, а въ Петербургѣ родители не отказали молодымъ въ своемъ благословеніи...

„Зоріанъ развернулся въ столицѣ имперіи. Онъ имѣлъ, конечно нѣкоторыя рекомендаціи, но пріобрѣталъ знакомства самъ даже съ тѣми, которые разбирали дѣло Адама Чарноцкаго и полагали его рѣшеніе"...

Нѣсколько иначе разсказываетъ другой біографъ. „Въ Галиціи,— пишетъ Ходзько,—не имѣя никакого постояннаго занятія, Ходаковскій отдался любимой склонности къ изысканію древней славянщины добыванію изъ преданій народа болѣе чистыхъ историческихъ понятій. Привыкнувъ къ неудобствамъ, любя странствовать, онъ задумалъ обозрѣть цѣлое славянское племя и изъ него вывести рядъ новыхъ представленій, столь необходимыхъ для объясненія древней исторіи сѣвера. Не разъ, онъ одинъ, съ тростью въ рукѣ, съ мѣшкомъ съѣстныхъ припасовъ за плечами, ходилъ по мѣстечкамъ и деревнямъ, говорилъ со стариками, записывалъ народныя пѣсни, раскапывалъ старыя могилы, которыя мѣтко называлъ „жальниками" отъ слова „żal" [1]), пересматривалъ старые документы и рукописи словомъ—пользовался всѣми способами, чтобы открыть помраченны вѣками слѣды давней сѣверной исторіи.

„Среди этихъ ученыхъ странствій, онъ посѣтилъ Пулавы [2]) далъ узнать себя ближе опекунамъ наукъ, князьямъ Чарторыйскимъ которые тотчасъ оцѣнили его дарованія и стремленія. Съ ихъ помощью онъ обозрѣлъ остальную Галицію и нѣсколько ближайшихъ польскихъ воеводствъ, затѣмъ отправился на Волынь въ Кременецъ Чарторыйскіе, видя необычайную жажду Чарноцкаго посвятить себ исторической наукѣ, дѣятельнѣе и усерднѣе всѣхъ оказывали ем помощь; наконецъ, рекомендовали его вниманію и покровительств истиннаго любителя, опекуна и знатока наукъ, канцлера графа Румянцова. Чарноцкій, въ 1819, отправился въ Петербургъ. Тамъ, любезно принятый канцлеромъ, онъ вскорѣ познакомился съ лучшим русскими учеными, какъ, напр., съ исторіографомъ Карамзинымъ

[1]) Это названіе вовсе не было придумано Ходаковскимъ; это—народное русское названіе древнихъ кладбищъ.

[2]) Знаменитое имѣніе и резиденція Чарторыйскихъ.

адмираломъ Шишковымъ, Уваровымъ, попечителемъ казанскаго университета Магницкимъ [1]), профессоромъ права Кукольникомъ и многими другими, а также съ ученымъ землякомъ, католическимъ митрополитомъ Станиславомъ Сестренцевичемъ. Наконецъ, Румянцовъ представилъ его императору Александру I, который утвердилъ поданный Чарноцкимъ проектъ путешествія по славянскимъ землямъ, приказалъ зачислить его въ число чиновниковъ министерства просвѣщенія, одарилъ значительной пенсіей, поручилъ ему изслѣдованіе давняго славянства по цѣлой Россіи, а для наибольшаго облегченія его въ такомъ громадномъ трудѣ, онъ издалъ приказы всѣмъ губернаторамъ государства и другимъ высшимъ чиновникамъ, чтобы при каждомъ обращеніи ему доставляемо было всякое содѣйствіе"... Біографу представляется, наконецъ, что Ходаковскаго „окружилъ всеобщій почетъ", что предъ нимъ открылись двери цесарскія и важнѣйшихъ русскихъ пановъ; нѣсколько ученыхъ обществъ, польскихъ и русскихъ, приняли его въ число своихъ членовъ...

На дѣлѣ это было вовсе не такъ великолѣпно. Лелевель изображаетъ исторію Ходаковскаго въ Россіи проще, гораздо болѣе мрачно и болѣе близко къ истинѣ. Здѣсь есть уже опредѣленныя русскія свѣдѣнія, на которыя мы указывали. Явившись въ Петербургъ съ рекомендаціями отъ Чарторыйскаго, Ходаковскій встрѣтилъ интересъ къ своимъ предпріятіямъ у графа Румянцова и князя Голицына, тогда министра народнаго просвѣщенія; составленный имъ проектъ археологическаго путешествія по Россіи и славянскимъ землямъ переданъ былъ на разсмотрѣніе Карамзина и главнаго управленія училищъ и, бывъ одобренъ, представленъ былъ Голицынымъ на усмотрѣніе императора Александра и былъ принятъ. По высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 года, на издержки путешествія назначено было Ходаковскому 3,000 руб. Кромѣ того, его снабдили открытыми листами отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, къ мѣстнымъ начальствамъ объ оказаніи содѣйствія его изслѣдованіямъ. Ходаковскій видѣлъ исполненіе своихъ давнишнихъ желаній. „Слѣдствіемъ того насталъ въ моей жизни праздничный годъ, jubileus annus", писалъ онъ объ этомъ времени [2]). Путешествіе должно было продолжаться четыре года. Ходаковскій намѣренъ былъ проѣхать Россію съ сѣвера на югъ въ четырехъ линіяхъ, а потомъ съ востока на западъ, отъ Уральскихъ горъ до устья Дуная [3]). Когда путешествіе было рѣшено, онъ напечаталъ въ журналахъ подробный его планъ, вѣроятно, тотъ самый, который былъ на разсмотрѣніи

[1]) Одинъ изъ „лучшихъ ученыхъ"!
[2]) Р. Историческій Сборникъ, т. I, кн. 3, стр. 5.
[3]) „Сынъ Отечества". 1820, ч. 63-я, стр. 527—528.

Карамзина и получилъ оффиціальное одобреніе. Печатая планъ, онъ хотѣлъ познакомить „благомыслящихъ россіянъ“ съ своимъ предпріятіемъ и просилъ „всѣхъ внуковъ Радогоста содѣйствовать ему въ изысканіяхъ древнѣйшихъ памятниковъ ихъ знаменитыхъ предковъ“.

Но путешествіе не было счастливо.

Въ 1820 году, 17-го августа, онъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ женой, „неразлучной товаркой“ его путешествія. Ходаковскій осмотрѣлъ мѣста по Невѣ и около Ладоги, раскапывалъ старые курганы и могилы около Новгорода, между прочимъ такъ называемую могилу Гостомысла [1]), потомъ около Твери, и въ 1821 г. прибылъ въ Москву. Въ Ладогѣ у него родился сынъ: Ходаковскій хотѣлъ дать ему какое-то древне-славянское имя [2]), но священникъ (повидимому, православный) не согласился на это, и ребенка окрестили подъ именемъ Александра. Они отдали его на руки какой-то знакомкѣ, но ребенокъ, вѣроятно, отъ невнимательнаго ухода, умеръ, и Ходаковскій похоронилъ его „середи древней церкви въ замкѣ Старой Ладоги“. Въ Москвѣ, съ разрѣшенія межевой канцеляріи, Ходаковскій занялся изученіемъ подробныхъ картъ, разсмотрѣлъ планы двадцати-одной губерніи, составилъ общую карту славянскаго „городства“ и огромный географическій словарь, о которомъ скажемъ дальше. Въ 1822 г., 13-го іюля, онъ послалъ изъ Москвы „Донесеніе“ о результатахъ своего путешествія, и разсмотрѣніе его (въ какой-то коммиссіи) поручено было извѣстному Калайдовичу. Около этого времени Калайдовичъ самъ занимался археологическими изслѣдованіями въ рязанской губерніи; какъ ученый, это былъ человѣкъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ Ходаковскій; онъ отнесся несочувственно къ выводамъ послѣдняго (собственно къ теоріи городищъ), въ которыхъ находилъ слишкомъ много произвольнаго, и его отзывъ имѣлъ фатальныя послѣдствія для Ходаковскаго: послѣдній потерялъ правительственную поддержку, остался безъ всякихъ средствъ не только къ продолженію своихъ трудовъ, но и къ самому существованію. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, онъ пріобрѣлъ знакомства въ ученомъ и литературномъ кругу и особенно сблизился съ Полевымъ, который, повидимому, относился къ нему съ искреннимъ участіемъ и помогалъ ему. По смерти первой жены, онъ женился во второй разъ, кажется, на русской, но это, кажется, не устроило его домашняго благополучія. Наконецъ, нужда заставила его принять на себя должность управителя у одного земляка, тверского помѣщика. Онъ

[1]) Ср. Лелевеля, Polska srednich wiek. IV.

[2]) „Nazwalismy go Olesiem, bo protorej nie chciał chrzcić go pod imieniem sławiańskim“ (O Słow. przed Chrześć., стр. 49).

продолжалъ еще работать: въ его громадномъ рукописномъ словарѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, мы видѣли дополнительныя замѣтки отъ 1824 года. Здѣсь, въ тверской губерніи, въ селѣ Петровскомъ, Ходаковскій умеръ скоропостижно 17 ноября 1825 г. на сорокъ-первомъ году жизни [1]).

Передъ поѣздкой въ Петербургъ, Ходаковскій оставилъ въ рукахъ своихъ друзей, а по другимъ свѣдѣніямъ, выслалъ имъ изъ Петербурга записную книжку, о которой мы выше говорили и которая заключала его подлинную біографію. По словамъ Скимборовича, Чарноцкій, живя долго на Волыни, оставилъ эту книгу у домашняго учителя своего пріятеля, извѣстнаго археолога и этнографа Луки Голембѣвскаго (этого учителя, кажется, звали Cieszej). Рукопись была запечатана, и на пакетѣ Ходаковскій надписалъ: „можно открыть только послѣ моей смерти". Голембѣвскій убѣждалъ владѣльца, чтобы онъ принесъ эту драгоцѣнную память въ даръ „Обществу друзей наукъ", въ Варшавѣ. Сдѣлалъ ли это упомянутый Цѣшей, и если сдѣлалъ, то находится ли эта книга въ бывшей библіотекѣ Общества, объ этомъ Скимборовичъ не зналъ. Онъ утверждалъ только, что Голембѣвскій лично зналъ Чарноцкаго по библіотекамъ, сначала Порыцкой, а потомъ Пулавской, въ которыхъ тотъ проводилъ не мало времени, и очень интересовался узнать подробности его жизни, и когда въ 1826 и 1827 годахъ всѣ уже знали, что Ходаковскій умеръ, тогда Цѣшей распечаталъ рукопись, а Голембѣвскій, не ожидая того неопредѣленнаго времени, когда рукопись дойдетъ до библіотеки Общества друзей наукъ, выписалъ изъ нея наиболѣе любопытныя вещи и въ 1840 г. собственноручно переписалъ ихъ для Скимборовича, какъ своего пріятеля [2]).

Лелевель разсказываетъ объ этомъ такъ. Упомянувши о жизни Ходаковскаго въ Петербургѣ, онъ замѣчаетъ: „Въ то время Адамъ-Зоріанъ, кажется, сходилъ съ польскаго свѣта. Онъ запечаталъ свою записную книжку и переслалъ Обществу друзей наукъ, съ просьбою, чтобы она была открыта только по его смерти. Воля его была исполнена. По его смерти мы открыли рукопись; я выписалъ, что̀ въ ней находилось, и теперь повторяю по памяти. Мое воспоминаніе, можетъ быть, не полно, но въ цѣломъ съ увѣренностью повторяю то, что̀—не Зоріанъ, а Адамъ Чарноцкій записалъ о себѣ въ теченіе 1810—1820 годовъ"... Лелевель считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Чарноцкій разстался съ своей книжкой на Волыни въ 1818 или 1819 г., пускаясь въ путь въ Петербургъ... „Мнѣ неизвѣстно, какъ эта книжка

---

[1]) „Podobno zabity", замѣчаетъ Лелевель.

[2]) Teka Wileńska, 1858, VI, стр. 249—463.

попала въ Общество друзей наукъ, но я имѣлъ ее въ рукахъ в библіотекѣ Общества, запечатанную, съ предостереженіемъ открыт ее только послѣ смерти. Когда книжка была открыта, я дѣлалъ из нея замѣтки въ библіотекѣ Общества, но онѣ пропали и остались только въ памяти... Чарноцкій разстался съ своей книжкой развѣ только послѣ 1821 года, а не раньше. До Общества она дошла, может быть, черезъ посредство Луки Голембѣвскаго... Всѣ разсказы его, противорѣчащіе этой книжкѣ, были выдумкою; и повѣсть Ходаковскаго, написанная для дорогого пріятеля, Николая Полевого есть слишкомъ явная выдумка. Въ своемъ положеніи *Ходаковскій* не могъ говорить о *Чарноцкомъ*".

„Теперь скажу, что̀ случилось мнѣ знать о Зоріанѣ еще при жизни Чарноцкаго; быть можетъ, это пригодится на что-нибудь тѣмъ кто займется біографіей и плодами трудовъ знаменитаго нашего соотечественника. Ходаковскій, потерявши свою первую жену Флемингъ, женился потомъ на русской и не былъ такъ счастливъ, как прежде: по этому поводу говорили, что ему недоставало его ежегоднаго пособія [1]); подвинувши успѣшно свои свѣдѣнія, онъ могъ обдумать и начертать общіе выводы своихъ изысканій. Съ этой цѣлью онъ приготовилъ прекрасную общую карту округовъ городищъ в Россіи и, съ краткимъ описаніемъ, листахъ на двухъ, прислалъ въ Общество друзей наукъ въ Варшаву. Изъ Варшавы этотъ интересный трудъ пересланъ былъ къ Твардовскому, ректору виленскаго университета. „Я иду отъ ректора и видѣлъ эту работу,—сказалъ мнѣ профессоръ гимназіи Шидловскій, порядочно выпивавшій:—но панъ ректоръ говорилъ мнѣ, что это—не Ходаковскій, а Чарноцкій". Меня проняла дрожь. Кромѣ столь распространенныхъ слуховъ, опасность не переставала грозить Чарноцкому.

„Я видѣлъ эту прекрасную работу, какъ бы суммировавшую его изысканія, и хотѣлъ скопировать ее себѣ, но она пропала у Твардовскаго. Тѣмъ временемъ положеніе Ходаковскаго омрачалось. Были люди, къ нему нерасположенные, а онъ не умѣлъ прилаживаться к обстоятельствамъ. Довольно долго онъ прожилъ въ Москвѣ. Днем онъ ходилъ по площадямъ и рынкамъ, разспрашивалъ людей, сходившихся съ разныхъ сторонъ, и, получивъ разрѣшеніе, даже с свѣчей разсматривалъ многія подробныя топографическія карты. Быть можетъ, съ такого разсматриванія картъ и слѣдовало всего лучше начать путешествіе, но нашлись просвѣщенные россіяне, ворчавшіе что водить пальцемъ по картѣ—не значитъ ходить по землѣ, и упрекавшіе Ходаковскаго, что онъ пренебрегаетъ путешествіемъ.

---

[1]) Это кажется, не точно, потому что это пособіе Ходаковскій имѣлъ, повидимому, только на одинъ годъ и въ 1823 гоѣу уже потерялъ его.

„Въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя онѣ не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши. Въ своихъ письмахъ онъ иногда весело задѣвалъ Карамзина, который раздражителенъ, но отъ котораго, однако, зависитъ все будущее [1]). Я знаю это отъ Лобойки [2]) и видѣлъ записки этого рода.

„Надо было, наконецъ, приготовить донесеніе о результатахъ минувшихъ двухлѣтнихъ усилій; оно было огромное... Посылая его, Зоріанъ выразился съ особеннымъ уваженіемъ о Карамзинѣ, отдавая свою работу только на его судъ, потому что хотя и есть въ коммиссіи просвѣщенные мужи, но что это слишкомъ бы ихъ утрудило, а онъ легко можетъ оцѣнить дѣло и положить рѣшеніе. Черезъ три дня по представленіи донесенія въ коммиссію, положено было оффиціальное мнѣніе, что трудъ Ходаковскаго очень хорошъ, но что издержки на него излишни. Это съ удовольствіемъ выразилъ Калайдовичъ. Этимъ все было прервано. Ходаковскій остался на мели (osiadł na koszu").

До сихъ поръ еще не было, кажется, сообщено подробностей о ходѣ этого дѣла; наши извѣстія говорятъ только, что Калайдовичъ дѣйствительно принималъ участіе въ разсмотрѣніи донесенія Ходаковскаго, и отрицательное рѣшеніе приписывается именно ему. Около того же времени Калайдовичъ высказался и въ литературѣ противъ изслѣдованій Ходаковскаго, и въ бумагахъ послѣдняго остался обширный отвѣтъ, напечатанный Погодинымъ послѣ смерти обоихъ противниковъ.

„Всѣ рукописи Ходаковскаго остались у Полевого,—продолжаетъ Лелевель.—Начальство припомнило о нихъ и довѣрило ихъ Погодину [3]), который напечаталъ въ „Наблюдателѣ" сочиненіе Зоріана о системѣ могилъ славянскихъ, обнимающихъ въ извѣстной связи всю древнюю славянщину. Шло дѣло объ изданіи собранныхъ Ходаковскимъ малорусскихъ пѣсенъ. Меня спрашивали, будутъ ли онѣ имѣть сбытъ въ Польшѣ; я отвѣчалъ, что будутъ, если будутъ напечатаны латинскими буквами. Максимовичъ напечаталъ ихъ своими. Латинскія буквы въ Москвѣ были бы поражающею ересью, и, можетъ быть, вызвали бы перуны [4])..."

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о томъ времени, когда шелъ вопросъ о первомъ устройствѣ путешествія.

[2]) Лобойко былъ тогда профессоромъ виленскаго университета и былъ въ сношеніяхъ съ русскими учеными.

[3]) Нѣкоторыя подробности о судьбѣ бумагъ Ходаковскаго см. между прочимъ въ „Запискахъ" Ксенофонта Полевого. Спб. 1888.

[4]) Максимовичъ, печатая малорусскія пѣсни русскими буквами, руководился

„Изъ переписки Ходаковскаго кое-что уже издано. Изъ многихъ писемъ не одно заслуживаетъ быть сообщеннымъ свѣту и, конечно, будетъ сообщено. Къ сожалѣнію, Адамъ велъ свои изслѣдованія на почвѣ нетвердой и темной,—не старой, а болѣе новой славянщины, въ странахъ, позднѣе заселенныхъ славянами, и притомъ уже крещенными. Можно ли было тамъ искать чисто языческихъ элементовъ? Книжка собственныхъ записокъ Адама Чарноцкаго, о которой я вспомнилъ, можетъ быть, отыщется въ Петербургѣ. Она заслуживаетъ изданія цѣликомъ. Въ ней нѣтъ ничего, что̀ оскорбляло бы русскихъ, но, конечно, она имъ не понравится. Для насъ она будетъ неоцѣненна, потому что даетъ узнать мысль и сердце дорогого Адама Чарноцкаго".

Приведенные отзывы Лелевеля, который былъ не только горячій польскій патріотъ, но и большой ученый, даютъ понятіе о сильномъ впечатлѣніи, какое производила дѣятельность Ходаковскаго еще при его жизни и которое потомъ надолго окружило его имя уваженіемъ. Можно было бы привести цѣлый рядъ другихъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ сильнымъ толчкомъ была эта дѣятельность Ходаковскаго и въ польской, и въ русской литературѣ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Припомнимъ отзывъ Вацлава Залѣскаго. „Ходаковскій,—пишетъ Залѣскій о двадцатыхъ годахъ,—внушалъ мнѣ истинное почитаніе. Его разсужденіе о „Славянщинѣ передъ христіанствомъ", полное глубокихъ мыслей, свидѣтельствовало объ основательномъ знаніи дѣла, о рѣдкомъ дарѣ изслѣдованія, наконецъ о любви къ предмету и долгихъ занятіяхъ имъ. Я слышалъ о его способѣ собиранія народныхъ пѣсенъ, какъ онъ, въ коротенькомъ кожухѣ, съ котомочкой за плечами и фляжкой водки подъ мышкой, ходитъ отъ деревни до деревни, отъ ксендза до ксендза, отъ органиста до органиста, отъ дьяка до дьяка, отъ одной бабы-пѣвуньи до другой, отъ одного сельскаго музыканта или дѣда-лирника до другого, и какъ онъ вездѣ, то просьбой и уговорами, то угощеніемъ и принужденіемъ, то самъ запѣвая пѣсни, умѣетъ извлечь все, что̀ только касается славянства. Это есть единственный и настоящій способъ собиранія пѣсенъ".

Люди новыхъ поколѣній говорили о Ходаковскомъ съ не меньшимъ удивленіемъ: „Есть люди великаго сердца и души,—писалъ одинъ изъ польско-русинскихъ народниковъ 1860 годовъ,—которымъ дана была сила опережать настоящую минуту, чтобы понять будущее и, предавая себя въ жертву, служить тому дню будущаго, который

просто тѣмъ соображеніемъ, что малоруссы вообще употребляютъ русскую азбуку, которою писана вся ихъ литература.

закрытъ для другихъ таинственнымъ покрываломъ. Бѣдные пророки!—Ихъ судьба быть побитымъ каменьями отъ тѣхъ, которымъ они хотятъ объяснить вѣщую истину... Этотъ день будущаго есть *народная жизнь*... Гдѣ же тѣ, которые вѣрили бы ему? Гдѣ люди, которые не покрывали бы насмѣшками имѣющихъ это убѣжденіе? Лучшіе изъ нихъ—усмѣхнутся съ состраданіемъ; и мало, очень мало такихъ, которые повѣрятъ вѣщимъ словамъ и поднимутъ на себя трудъ—прольютъ потъ и кровь, готовя пути святой будущности! Человѣкъ, которому будущее будетъ ставить памятники, нашъ племенной апостолъ и пророкъ, есть Адамъ Чарноцкій, иначе называемый Зоріаномъ Ходаковскимъ. Онъ первый развернулъ знамя будущности, первый указалъ намъ его конечную цѣль—народъ; первый взялся за вѣковой трудъ и всѣхъ призывалъ къ нему. Честь ему и слава на вѣки! И несмотря на свою великость, онъ сошелъ со свѣта неузнанный, безъ признанія его генія, и теперь еще люди, занимающіе высокое положеніе въ научномъ мірѣ, говорятъ о Зоріанѣ съ нѣкотораго рода сожалѣніемъ, точно о капризномъ ребенкѣ, котораго своевольная шалость не требуетъ наказанія, но все-таки есть капризная шалость. И, однако, славянство имѣло не много подобныхъ людей" [1]).

Панегирикъ слишкомъ восторженный, но Ходаковскій не безъ нѣкотораго основанія могъ считаться пророкомъ народности, человѣкомъ, указывавшимъ новый путь для науки и для національнаго сознанія. Его вліяніе, хотя бы и не прямое вліяніе самыхъ его работъ, но нравственное вліяніе личности, поэтизированной молвою, не подлежитъ сомнѣнію, и не только въ польской, но и въ русской литературѣ. Имя его уже вскорѣ стало окружаться легендой, чему не мало помогла долгая и заботливо оберегаемая тайна, окружавшая жизнь этого человѣка, которому пришлось съ молодости испытать много тяжелыхъ невзгодъ, сохранить подъ ихъ гнетомъ неодолимое влеченіе въ народную среду, собирать усиленнымъ трудомъ тѣ знанія, какія обезпечиваетъ обыкновенная школа, и, наконецъ, искать опоры для своего труда тамъ, гдѣ открытіе его тайны могло навлечь ему величайшую опасность. Извѣстно было, что Ходаковскій—не даромъ прибравшій себѣ такой псевдонимъ—любилъ и умѣлъ жить и говорить съ народомъ, чего тогда не умѣлъ никто, особливо въ польской средѣ, и эта черта была разработана его почитателями до цѣлаго грандіознаго подвига: Ходаковскій представлялся исходившимъ чуть не всю славянщину—„отъ Камы до Эльбы и отъ Балтійскаго

[1]) См. въ воспоминаніяхъ о Вагилевичѣ, Стахурскаго-Свенцицкаго—въ журналѣ „Sioło", Львовъ, 1866, вып. 1, стр. 79—80.

моря до Дуная": фигура его рисовалась такъ, какъ напримѣръ представлялась она Вацлаву Залѣскому: это былъ образецъ народнаго изыскателя и другъ народа. Такую легенду о Ходаковскомъ разсказалъ, напр., одинъ изъ очень извѣстныхъ польскихъ писателей той особой группы тридцатыхъ годовъ, которая подъ вліяніемъ перваго разсвѣта славянскаго возрожденія увлекалась этнографическими литературами и питала въ себѣ извѣстную долю панславизма—Луціанъ Сѣменьскій. Въ его сочиненіяхъ есть разсказъ подъ названіемъ „Приключеніе путника" [1]), написанный въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Считаемъ нелишнимъ привести вкратцѣ его содержаніе, чтобы дать понятіе о томъ, какъ представлялся Ходаковскій его соотечественникамъ въ то время, когда факты его біографіи еще не были выяснены.

Дѣйствіе происходитъ, повидимому, гдѣ-то на Волыни, гдѣ живутъ польскіе помѣщики съ малорусскими крестьянами. Молодой польскій панычъ, сынокъ изъ богатой семьи, отправляется на охоту и чуть не тонетъ въ озерѣ, желая достать подстрѣленную птицу. Его спасаетъ какой-то прохожій, который совершаетъ этотъ подвигъ очень просто, съ большимъ хладнокровіемъ и добродушнымъ юморомъ. Панычъ собирался уже умирать и долго не могъ опомниться, когда путникъ вытащилъ его изъ воды съ его ружьемъ, собакой и бекасомъ; путникъ, взявши свою палку и дорожный кошель, хотѣлъ уже идти своимъ путемъ, когда панычъ, опамятовавшись, сталъ высказывать ему свою благодарность и непремѣнно хотѣлъ зазвать его въ свой домъ и представить матери, которая, по его мнѣнію, сама захотѣла бы его благодарить. Путникъ, подшучивая надъ изнѣженнымъ панычемъ (едва для него замѣтно), соглашается. Домъ былъ важный панскій, въ немъ господствовали свѣтскія церемоніи и французскій языкъ; путникъ совсѣмъ не подходилъ ни къ этой обстановкѣ своимъ грубымъ костюмомъ, ни къ этимъ людямъ съ ихъ спѣсью и французскими манерами. Хозяйка дома, какъ ни была обязана незнакомцу за спасеніе сына, никакъ не могла переварить его демократической простоты, которая представилась ей невыносимою грубостью. Путникъ относится ко всему этому съ философскимъ спокойствіемъ, подсмѣиваясь въ душѣ надъ нелѣпыми людьми, надъ спѣсивой барыней, надъ французомъ гувернеромъ и, между прочимъ, намѣренно скрываетъ свое знаніе французскаго языка. Хозяйка не могла понять, куда причислить этого человѣка; узнавши отъ сына, что это, кажется, антикварій, она выразила сожалѣніе, что въ ихъ краѣ нѣтъ ни готическихъ костеловъ, ни зàмковъ. — „Этого рода памятники, — сказалъ, какъ будто съ пренебреженіемъ, путникъ,—нисколько меня не интересуютъ; наша земля съ ея могилами, урочищами, вотъ мои древности, мои сокровища; а народное слово, преданіе, сказка, пѣсня... въ этомъ цѣлое прошедшее, котораго не найдешь въ писанныхъ книгахъ, и этого-то я ищу".

Хозяйка все еще думаетъ удержать у себя незнакомца; дѣло идетъ къ ночи, и она спрашиваетъ, гдѣ его лошади, его слуга.

— Мои лошади? мой слуга?—Путникъ разсмѣялся и, ударивъ себя по обоимъ

---

[1]) „Przygoda podróżnika". См. Dzieła Lucyana Siemieńskiego, Warszawa, 1881, VI. стр. 213—238; этотъ разсказъ (помнится, не вполнѣ) переведенъ былъ въ „Денницѣ" П. П. Дубровскаго. Варш. 1843.

колѣнямъ, прибавилъ:—мои кони всегда со мною, а мой слуга никогда не потребуетъ ѣсть,—и онъ указалъ на суковатую палку, стоявшую въ углу.

— Неслыханное дѣло! Панъ вояжируетъ пѣшкомъ, какъ нѣмецкій студентъ.

— Да; чтобы поѣсть и переночевать, я захожу къ честнымъ хлопамъ, отъ которыхъ, кромѣ гостепріимства, я заимствуюсь еще многимъ.

— Но, кажется, только не хорошимъ тономъ и приличными манерами?—прервала панн маршалкова, когда какъ разъ въ эту минуту панъ Доленга протянулъ ноги и оперся головой на руку.

— О, нѣтъ, не этимъ, но честной простотой и здравымъ разсудкомъ, что̀, по моему мнѣнію, стоитъ больше, чѣмъ какой-нибудь этикетъ и модныя гримасы.

Кончилось тѣмъ, что путникъ (это былъ, конечно, Ходаковскій) ушелъ изъ панскаго палаца, къ большому смущенію панича, который чувствовалъ невольное уваженіе къ незнакомцу, искренно желалъ его чѣмъ-нибудь отблагодарить и недоумѣвалъ, не слѣдуетъ ли, напримѣръ, подарить ему за свое спасеніе часы. Вышедши изъ палаца, путникъ направился въ деревню, къ корчмѣ, въ надеждѣ, что найдетъ тамъ у кого переночевать, и какъ разъ попалъ на человѣка, который по дорогѣ къ дому сталъ напѣвать „маршъ Домбровскаго". Съ первыхъ словъ оказалось, что этотъ хлопъ бывалъ на войнѣ, и когда они оба вглядѣлись другъ въ друга, путникъ и крестьянинъ оказались старыми знакомцами; у нихъ нашлись общія воспоминанія—„приключеніе подъ Борисовымъ", гдѣ они были оба. „Ни одинъ отецъ съ сыномъ или другъ съ другомъ не могли бы свидѣться сердечнѣе". Дѣло въ томъ, что они были сподвижниками въ 1812 году. Старый Остафій (такъ звали крестьянина) жилъ теперь въ достаткѣ, съ семьей, и, конечно, предложилъ гостю полное гостепріимство. Они вспоминали старое. Остафій проклиналъ „предателя, который подвелъ тогда непріятелей", жаловался на судьбу, которая такъ печально разлучила его съ „паномъ поручикомъ"; путникъ успокоиваетъ его, что „когда-нибудь будетъ лучше", и Остафій молится, чтобы дали это „святой Іезусъ Боромельскій и святая панна Почаевская"... Путникъ проситъ Остафія, чтобы онъ не звалъ его ни паномъ, ни поручикомъ, а выдавалъ его за своего брата хлопа, Грицька или Ивася. Въ этотъ самый вечеръ въ хатѣ у Остафія оказались гости; путникъ попадаетъ какъ разъ на вечерницу. Остафій стѣснялся этимъ, но путникъ былъ именно тѣмъ доволенъ: онъ скоро съумѣлъ сойтись съ парнями и дѣвчатами, съ наслажденіемъ смотритъ ихъ игры и слушаетъ ихъ пѣсни, угощаетъ ихъ и, тѣмъ временъ, тайкомъ вноситъ свои замѣтки въ записную книжку; наконецъ, является и старая баба Макрина, обладающая громаднымъ запасомъ всякихъ сказокъ о короляхъ и королевахъ, трехъ дочеряхъ и трехъ сыновьяхъ, волшебникахъ, зачарованныхъ дворцахъ, о разбойникахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, и все это она разсказываетъ. Разошлись съ вечерницы поздно. Между тѣмъ путникъ успѣлъ выспросить своего хозяина объ окружающей мѣстности и съ утра уже отправляется съ Остафіемъ раскапывать оказавшійся въ сосѣдствѣ курганъ. Остафій лучше Макрины знаетъ объ этихъ могилахъ. „Еще покойникъ отецъ сказывалъ мнѣ, что была какая-то княгиня Ольга, и что когда шелъ Батый, она убѣгала изъ одного зàмка въ другой, превративши себя и войско въ мышей, которыя, роясь подъ землей, на много миль накопали такой валъ; только гдѣ-то въ городѣ Плѣсньскѣ она сильно укрѣпилась и побила поганыхъ... Ахъ, кумъ, въ этой землѣ должны быть дорогія вещи, потому что тамъ каждый вечеръ свѣтятся деньги". Раннимъ утромъ они отправились вдвоемъ на работу.

Тѣмъ же утромъ, но позже, въ палацѣ пани маршалковой, въ ея покояхъ велись толки о вчерашнемъ незнакомцѣ; пришли къ заключенію, что это человѣкъ подозрительный, и старая приживалка полагала, что это, пожалуй, изъ шайки Кармелюка, а можетъ быть, и самъ Кармелюкъ. Паничъ Эмиль объяснялъ своему французу, что это, должно быть, ученый, но тотъ находилъ это невозможнымъ, потому что всѣ ученые ходятъ въ пудрѣ и носятъ манжеты, какъ графъ Бюффонъ. Какъ разъ въ это время является еврей-шинкарь и разсказываетъ съ большимъ волненіемъ, что Остафій съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, въ короткомъ кожухѣ и пестромъ платкѣ, нашли богатый кладъ на панской землѣ и что Остафій приходилъ въ шинокъ мѣнять старыя серебряныя деньги. Извѣстіе произвело страшный переполохъ; надо, конечно, захватить грабителя—послали тотчасъ за экономомъ и за капитанъ-исправникомъ, а тѣмъ временемъ дѣлаются предположенія о томъ, какъ поступить съ найденными сокровищами: если денегъ много, то вся семья отправится въ Парижъ, если меньше, то въ Петербургъ. Между тѣмъ привели грабителей и привезли кладъ; экономъ снялъ съ воза огромный горшокъ; незнакомецъ кричалъ ему, чтобы онъ снималъ осторожнѣе, потому что это кладъ неоцѣненный. Пани увѣрилась, что ее ограбили, и толкнула ногою горшокъ, который разсыпался. Незнакомецъ пришелъ въ ужасъ: „чѣмъ же виноватъ этотъ горшокъ?—сказалъ онъ почти со слезами:—знаешь ли ты, чего стоитъ цѣлый „жальникъ" съ пепломъ? Знаешь ли ты, что я раскопалъ много могилъ отъ Волги до Буга и нигдѣ не могъ найти цѣлаго? Желалъ бы я лучше, чтобы твоя злость пала на меня, чѣмъ на этотъ памятникъ славянской тризны". Между тѣмъ послышался звонъ колокольчика: подъѣхалъ капитанъ-исправникъ и дѣло выяснилось неожиданнымъ образомъ: на вопросъ исправника, путникъ, не говоря ни слова, подалъ ему свои бумаги.—„Что я вижу,—воскликнулъ чиновникъ, вставая съ почтеніемъ:—рекомендательное письмо отъ канцлера Румянцова, паспортъ для свободнаго путешествія по цѣлой имперіи для изслѣдованія славянскихъ древностей".—Исправникъ очень извинялся за непріятность, происшедшую только отъ незнанія. Ходаковскій не заявлялъ на это никакой претензіи; онъ требовалъ только, чтобы не дѣлали ничего Остафію и не мѣшали ему самому искать другого подобнаго клада.

„И на этомъ кончилось приключеніе, которымъ нашъ путникъ воспользовался такъ, что изъ собранныхъ на этой вечерницѣ преданій построилъ свою несравненную поэму—разсужденіе о „предхристіанской славянщинѣ", а въ палацѣ произошла та великая реформа, что Эмиль часто вступалъ въ споры со своимъ менторомъ, доказывая ему свое знаніе людскихъ характеровъ, когда причислилъ пана Доленгу къ ученымъ, съ чѣмъ его французъ никогда не могъ вполнѣ согласиться, говоря, что это былъ ученый à la manière tartare".

Въ одномъ письмѣ Ходаковскій упоминаетъ о какой-то польской госпожѣ, которая, подобнымъ образомъ, удивлялась его пристрастію къ деревенскимъ пѣснямъ; вѣроятно, былъ съ нимъ какой-либо подобный случай, какъ бывали позднѣе въ самой Россіи, но самый разсказъ Сѣменьскаго носитъ всѣ черты легенды. Герой его есть воображаемый Ходаковскій, въ которомъ авторъ хотѣлъ совмѣстить и военныя его дѣянія, и любовь къ поэзіи и старинѣ, и ученыя странствія подъ эгидою Румянцова. Но разсказъ исполненъ неточностями. „Приключеніе подъ Борисовымъ", поставленное, впрочемъ,

авторомъ въ какой-то неопредѣленной тѣни, принадлежитъ вѣроятно къ выдуманнымъ фактамъ біографіи. Изображеніе малорусскаго крестьянина (Остафій — несомнѣнный малоруссъ; на его вечерницѣ поются малорусскія пѣсни) польскимъ патріотомъ есть извѣстная фикція польской украинской школы. Изображеніе вечерницы опять не точно: обыкновенно, на вечерницахъ молодежь собирается одна, безъ старшихъ, и идетъ вечерница не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ авторъ. Есть и несообразности хронологическія: бумага отъ канцлера Румянцова и открытый листъ для путешествія по Россіи получены Ходаковскимъ только въ 1820 году, и въ южной Россіи онъ этими бумагами не пользовался, а книжка „о Славянщинѣ передъ христіанствомъ" написана и напечатана въ 1818. Наконецъ, легендарна и та подробность, гдѣ Ходаковскій изображается странствующимъ отъ Камы до Эльбы и роющимъ курганы отъ Волги до Буга: дѣйствительныя работы Ходаковскаго не были такъ обширны.

Такимъ образомъ, разсказъ Сѣменьскаго ничего не прибавляетъ къ фактической біографіи и имѣетъ интересъ лишь какъ отраженіе легенды [1]). Но есть и черты вѣрныя—въ изображеніи самого Ходаковскаго: его увлеченія всѣмъ, въ чемъ видѣлась ему древняя славянщина, умѣнья странствовать среди народа и говорить съ нимъ, его народнической простоты, которая могла поражать въ гостинныхъ, какъ грубость.

Эти черты подтвердитъ, съ другой точки зрѣнія, еще одинъ біографическій матеріалъ, который находимъ въ жизнеописаніи Н. А. Полевого. Авторъ этого жизнеописанія, Ксенофонтъ Полевой, относился свысока, къ „грубому" чудаку и „невѣждѣ", но въ разсказѣ проглядываетъ и невольное уваженіе къ „достопамятному Зоріану Ходаковскому". Приведемъ нѣсколько подробностей, неизвѣстныхъ другимъ біографамъ Ходаковскаго [2]).

„Въ наше время, софизмовъ и мнѣній, внушаемыхъ корыстолюбіемъ, изображаютъ этого человѣка непризнаннымъ геніемъ [3]),—говоритъ К. Полевой:—

---

[1]) Укажемъ еще такія же сочувственныя упоминанія о Ходаковскомъ въ другой статьѣ Сѣменьскаго: „Księżyć w archeologii, poezyi, sztuce", см. Dzieła, t. I, Warzs. 1881, стр. 61, гдѣ Ходаковскій называется „отцомъ теперь многолюдно расплодившейся семьи археологовъ, странствовавшимъ по славянщинѣ отъ Вислы до Волги", и т. д.

[2]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого, составленныя братомъ его К. Полевымъ. Часть первая. Спб. 1860, стр. 87—94. „Записки К. А. Полевого" (въ трехъ частяхъ). Спб. 1888, стр. 71—77, 213—219.

[3]) Непонятно, къ кому могъ относиться этотъ укоръ: какому корыстолюбію могло быть выгодно „въ наше время" (въ 1860 г. прошло уже 35 лѣтъ по смерти Ходаковскаго), изображать Ходаковскаго непризнаннымъ геніемъ? Въ нашей литературѣ

я опишу его, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Происхожденіе его покрыто таинственностью. Въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ даже представлена, въ видѣ исторической загадки, двойственная его біографія. Несомнѣнно то, что онъ былъ польскаго происхожденія и даже не зналъ порядочно никакого другого языка, кромѣ польскаго. По-русски онъ писалъ плохо, а говорилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, и самымъ простонароднымъ нарѣчіемъ. Онъ самъ разсказывалъ намъ много разъ, что, во время нашествія Наполеоновыхъ армій на Россію, онъ служилъ въ корпусѣ Даву, былъ взятъ въ плѣнъ около Москвы, но вообще не любилъ распространяться объ этомъ времени своей жизни, и отклонялъ всѣ вопросы, какъ и что происходило въ глазахъ его. Казалось, ему совѣстно было представлять себя непріятелемъ русскихъ, отъ которыхъ видѣлъ онъ впослѣдствіи ласку и гостепріимство [1]. Карамзинъ одобрилъ его предположеніе отыскивать и описывать городки, то-есть небольшія земляныя насыпи извѣстной формы, разбросанныя на великихъ пространствахъ Россіи и, какъ полагаетъ Ходаковскій, означающія древнѣйшее мѣстопребываніе славянъ, такъ что по нимъ думалъ онъ опредѣлить пространство, которое занимали славяне, а изъ сохранившихся названій городковъ вывести нѣкоторыя филологическія и историческія заключенія. Огласивши въ журналахъ свой проектъ и получивъ денежное пособіе отъ нашего правительства, Ходаковскій началъ свои изслѣдованія съ новгородской губерніи; но въ два года не сдѣлалъ ничего [2], и ему прекратили выдачу назначенной на путешествіе его суммы. Онъ кой-какъ добрался до Москвы и былъ въ затруднительномъ положеніи. Не только продолжать свое фантастическое (?) путешествіе, но и жить ему было нечѣмъ. Оправдать возбужденныхъ имъ надеждъ онъ не могъ, и въ разговорахъ давалъ разумѣть, что правительство перестало давать пособіе для ученыхъ трудовъ его—по интригѣ Карамзина, будто бы ненавидѣвшаго его за нѣкоторыя критическія замѣтки на „Исторію государства Россійскаго“. Знакомые равнодушно выслушивали многорѣчивыя его разглагольствія, но со свойственнымъ русскому человѣку радушіемъ оказывали ему гостепріимство и пособіе. Надобно сказать, что личныя потребности Ходаковскаго были чрезвычайно умѣренны. Всегдашній костюмъ его составляли: сѣрая куртка и сѣрые шаровары, а на головѣ что-то въ родѣ колпака. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ всюду, и обращалъ на себя вниманіе солдатскою откровенностью, близкою къ грубости. Всѣхъ дамъ, безъ различія съ простолюдинками, называлъ онъ „матушка“, всѣхъ мужчинъ „батюшка“. Пришедши въ гости, онъ обыкновенно оставался до тѣхъ поръ, когда надобно ложиться спать. Особенно милъ бывалъ онъ съ людьми, отличавшимися изы-

---

едва-ли не самые горячіе отзывы о немъ сдѣланы были Погодинымъ, и на этотъ разъ онъ былъ совершенно безкорыстенъ. Повидимому, у автора была какая-то, непонятная намъ, задняя мысль.

[1]) Мы выше указывали, что дѣло было не въ этомъ: онъ не боялся представлять себя непріятелемъ русскихъ (по словамъ того же Полевого, онъ вовсе не скрывалъ своего участія въ походѣ 1812 года), но ему серьезно опасно было сказать правду, состоявшую въ томъ, что онъ былъ дезертиромъ изъ русскаго войска.

[2]) Это невѣрно, потому что онъ представилъ обширное донесеніе, изданное впослѣдствіи Погодинымъ, а прекращеніе пособія, какъ выше упомянуто, было слѣдствіемъ того, что отвергнутъ былъ теоретическій взглядъ Ходаковскаго,—и не совсѣмъ основательно отвергнуты самые поиски, которые, тѣмъ не менѣе, могли быть полезны.

сканнымъ костюмомъ и свѣтскими манерами, и называлъ ихъ въ глаза фанфаронами [1]). Но никто не сердился на него за выраженія и обращеніе, которыя другому стоили бы дуэли: на такую ногу умѣлъ онъ поставить себя, что на него смотрѣли, какъ на Діогена.

„Таковъ былъ онъ по наружности, таковъ и умомъ, и образованностью. Дерзкій циникъ, онъ бранилъ всѣхъ и не смущался отъ своего невѣжества. Не зная ни одного иностраннаго языка, не имѣя понятія о необходимой для историка учености, онъ, однакожъ, иногда довольно мѣтко и проницательно критиковалъ Карамзина (!) и открывалъ смыслъ въ событіяхъ, затруднявшихъ другихъ изслѣдователей. Онъ почти ничего не читалъ и у него не было никакихъ книгъ, кромѣ нѣсколькихъ, самыхъ обыкновенныхъ, польскихъ, засаленныхъ какъ онъ самъ. Пять, шесть разрозненныхъ томовъ „Исторіи" Карамзина были у него исписаны замѣтками, иногда самыми циническими. Драгоцѣнностью своею почиталъ онъ карту Россіи, на которой были означены открытые имъ городки или имена, напоминавшія городки. Почти во всякомъ разговорѣ онъ склонялъ рѣчь на этотъ предметъ, и объяснялъ, что въ Россіи множество мѣстъ и урочищъ носятъ названія, которыя скороговоркой произносилъ онъ неизмѣнно: „городъ, городокъ, городецъ, городня, городище".— „Да, кромѣ того („батюшка" или „матушка", прибавлялъ онъ), гдѣ есть названія отъ попа, отъ бабы, отъ березы, отъ дида (и еще исчисленіе нѣсколькихъ именъ), тамъ вѣрно есть или было городище". Съ такою рѣчью обращался онъ ко всякому, кого встрѣчалъ, особливо въ первый разъ... Иногда, онъ точно добивался такимъ образомъ желанныхъ свѣдѣній, изумлялъ знаніемъ мѣстностей, которыхъ никогда не видывалъ [2]), и, услышавши о новомъ городкѣ, вносилъ его въ свой алфавитный списокъ городковъ и отмѣчалъ на картѣ. Въ этомъ состояло его занятіе въ Москвѣ. Онъ обращался съ распросами ко всякому, нарочно ходилъ на Болотный Рынокъ, куда съѣзжаются обозы съ разными припасами изъ ближайшихъ губерній, и умѣлъ выспрашивать у русскихъ мужичковъ о городкахъ. Съ нимъ случались даже пресмѣшныя исторіи. Однажды, онъ разговорился съ мужиками, стоявшими при господскомъ обозѣ, и, замѣтивъ, что они не очень подаются на его разспросы, пригласилъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ трактиръ, гдѣ, при помощи водки и чаю, распалялъ ихъ сердца и выспросилъ, что было ему нужно. Продолжая разговаривать, воротился онъ съ ними къ ихъ обозу, гдѣ уже былъ приказчикъ, завѣдывавшій этимъ обозомъ, и уже знавшій, что какой-то баринъ увелъ нѣсколькихъ мужиковъ въ трактиръ. Зоріанъ съ жаромъ разспрашивалъ ихъ о всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ знакомой имъ мѣстности. Вдругъ приказчикъ хватаетъ его за воротъ, громко восклицая: „Пойдемъ-ка, братъ, на съѣзжую!.. Вишь, баринъ, въ кургузой курткѣ!.. Не первый ты подсыльный отъ—такихъ-то". Тутъ онъ назвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ, съ которыми господинъ его велъ нескончаемый процессъ за тѣ самыя земли, о которыхъ разспрашивалъ Зоріанъ. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, Ходаковскій хотѣлъ объяснить, для чего онъ разспрашивалъ мужиковъ, повторяя, что онъ ученый; но приказчикъ тащилъ его на съѣзжую, приговаривая: „Ученый! А вотъ мы тебя выучимъ!.. Станетъ ли добрый человѣкъ шпіонить у мужиковъ, да водить ихъ пьянствовать въ трактиръ!.. Баринъ! въ морозъ ходитъ по рынку въ кургузомъ кафтанѣ, да мужиковъ подговариваетъ! На съѣзжей скажешь правду!" И онъ дѣйстви-

---

[1]) Та-же черта демократической нетерпимости, которую изображаетъ Сѣменьскій.

[2]) Припомнимъ подобное замѣчаніе въ біографической статьѣ Кёппена.

тельно привелъ его на съѣзжую, гдѣ объяснилось дѣло и гдѣ уже знали Ходаковскаго, потому что это приключеніе было повгореніемъ двухъ-трехъ прежнихъ, когда также принимали его то за вора, то за шпіона, и таскали на съѣзжую. Такому подозрѣнію способствовали его странный видъ, его костюмъ и не-русскій выговоръ.

„Надобно согласиться, что такой способъ собирать историческія свѣдѣнія и подробности не представлялъ никакого ручательства: многое, если не все, надлежало бы повѣрить личнымъ обозрѣніемъ [1]). Но Ходаковскій былъ очень доволенъ своимъ успѣхомъ въ разысканіяхъ о городкахъ, и, приходя къ намъ часто, почти каждый разъ начиналъ рѣчь словами: „Открывается много новаго!“.. Иногда происходили въ глазахъ нашихъ истинно-комическія сцены съ его разспросами. Входитъ въ комнату человѣкъ, вовсе ему незнакомый, и еще не успѣлъ этотъ человѣкъ сказать, зачѣмъ пришелъ, какъ Зоріанъ начинаетъ допрашивать его. Кой-какъ отдѣлавшись отъ допросчика, тотъ спрашиваетъ: „Что это, помѣшанный, что-ли?“ Другіе принимали его за пьянаго, иные воображали, что встрѣтились съ слѣдственнымъ приставомъ; наконецъ, большая часть ровно ничего не понимала въ словахъ его... Безспорно, что такая страсть, имѣющая хотя отдаленною цѣлью пользу науки—почтенна; однако, по способу Ходаковскаго, это была самая грубая, и, что хуже, смѣшная обработка ученаго предмета, который и оставался у Ходаковскаго въ такомъ грубомъ видѣ. Къ оправданію (!) его можно сказать, что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ заниматься иначе... Къ тому еще онъ находился въ это время въ самомъ стѣсненномъ положеніи. У кого только могъ, онъ занималъ деньги. Еще съ самаго начала знакомства съ Николаемъ Алексѣевичемъ (Полевымъ), онъ продалъ ему словарь Линде, единственную хорошую и цѣнную книгу свою, говоря, что она ему не нужна и даже въ тягость. Потомъ онъ сталъ занимать у него деньги: наконецъ, когда сумма занятыхъ денегъ возрасла уже до нѣсколькихъ сотенъ рублей, онъ просто выпрашивалъ по полуимперіалу! Видя самъ необходимость заняться чѣмъ-нибудь для насущнаго хлѣба и слѣдуя совѣту искренно желавшихъ ему добра, Ходаковскій искалъ какой-нибудь должности, и, наконецъ, опредѣлился управляющимъ въ имѣніе одного помѣщика тверской губерніи. Мы разстались съ нимъ на-всегда—но при отъѣздѣ онъ увѣрялъ, что непремѣнно заплатитъ деньги, взятыя въ разное время у Ник. Алексѣевича. Осталась и росписка его въ этихъ деньгахъ (!). Кажется, еще въ Москвѣ женился онъ на единственной своей прислужницѣ, которую называлъ своей благодѣтельницею. Это обстоятельство надобно замѣтить, какъ необходимое для объясненія слѣдствій знакомства Николая Алексѣевича съ Ходаковскимъ“ [2]).

Жаль, что помощь, которую Н. Полевой оказывалъ несчастному Ходаковскому, испорчена этими запоздалыми упреками послѣднему за его бѣдность...

---

[1]) Но Ходаковскій лишенъ былъ физической возможности это исполнить. Напротивъ, чрезвычайно характерно то, что, не имѣя средствъ на путешествіе, онъ хотя этимъ способомъ хотѣлъ добиться желанныхъ свѣдѣній.

[2]) Дѣло шло о бумагахъ Ходаковскаго, которыя, по его распоряженію, по смерти его были доставлены Полевому; бумаги навлекли послѣднему разныя непріятности вслѣдствіе претензій вдовы Ходаковскаго, и послѣ перешли къ Погодину, который многое изъ нихъ издалъ, какъ дальше скажемъ.

Итакъ Кс. Полевой довольно щедръ на описаніе всякихъ недостатковъ Ходаковскаго; но, въ чемъ же былъ интересъ этого человѣка и для Николая Полевого, и для многихъ другихъ образованныхъ людей того времени? Онъ начертилъ намъ внѣшнюю грубоватость Ходаковскаго, которая была естественнымъ слѣдствіемъ всей его біографіи; но въ ней, кромѣ демократической грубости, была и независимость, вмѣстѣ съ любовью къ завѣтной идеѣ. Ту же черту можно встрѣтить у другихъ народныхъ изслѣдователей, которымъ интересъ къ народу внушалъ въ то же время антипатію къ свѣтской пустотѣ и извѣстное чудачество; это указываетъ и Сѣменьскій въ своемъ разсказѣ. Нѣчто подобное было, говорятъ, у нашего Сахарова; добродушнымъ, хотя не весьма привлекательнымъ цинизмомъ отличались Якушкинъ, Щаповъ и другіе практическіе этнографы и народники; но ихъ значеніе и характеръ не исчерпываются однимъ этимъ.

Собирая подробности біографіи Ходаковскаго и его легенды, получаемъ слѣдующій выводъ. Это была оригинальная и даровитая личность, какія не разъ встрѣчаются въ исторіи славянскаго возрожденія и первыхъ проявленій народности—съ тѣми или другими чертами общаго типа. Выходя, большею частью, изъ среды самого народа, эти люди влекутся къ нему страстнымъ, хотя неяснымъ инстинктомъ; они сохраняютъ съ нимъ внѣшнюю связь—въ простотѣ нравовъ, поддерживаемой постояннымъ общеніемъ, и связь внутреннюю: имъ дόроги особенности народнаго быта и міровоззрѣнія, которыя они стремятся воспринять и внести въ область литературы, гдѣ имъ хочется замѣнить народными όбразами и красками искусственную чуждую поэзію, и въ область исторіи, которая кажется имъ неполной и ошибочной безъ ея народнаго элемента, въ чемъ они часто угадывали истину. Подобные люди представляютъ иногда какую-то загадку своимъ появленіемъ на литературномъ поприщѣ. Что̀ вызываетъ ихъ дѣятельность, когда, повидимому, ни обстановка, ни скудная школа не вели ихъ на эту дорогу? Остается объяснять это стихійной исторической силой, которая вызываетъ людей, когда созрѣваетъ потребность въ новомъ нравственномъ направленіи общества.

Ходаковскій былъ именно такой стихійный человѣкъ. Родившись въ убогой обстановкѣ, онъ не получилъ никакого правильнаго образованія. Въ своей подложной автобіографіи онъ говорилъ, что будто бы учился у отцовъ піаровъ (извѣстныхъ педагоговъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка) и въ кременецкой гимназіи (извѣстномъ тогда учебномъ заведеніи),—онъ хотѣлъ этимъ показать свою литературную правоспособность; но это была неправда; его образованіе не равнялось даже гимназическому; онъ успѣлъ только усвоить ла-

тинскій языкъ, и недостатокъ знаній школьныхъ дополнялъ, сколько могъ, чтеніемъ. Въ тогдашней польской литературѣ уже бродили первыя смутныя мысли объ историческомъ интересѣ археологическихъ изученій, но заслугой Ходаковскаго было то, что этотъ интересъ къ древности онъ изъ сухого книжнаго антикварства перенесъ на живую почву народности. Древніе люди, о которыхъ археологи могли говорить только цитатами изъ старинныхъ писателей, для Ходаковскаго были живыми людьми, которыхъ память сбереглась въ реальныхъ остаткахъ ихъ старыхъ жилищъ съ ихъ именованіями, и въ преданіи, живущемъ въ народѣ до сихъ поръ. Эти два предмета онъ и сдѣлалъ цѣлью своихъ изысканій.

Это былъ, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ самоучка, и нечего удивляться тому, что въ своей любимой теоріи о городищахъ, какъ языческой святынѣ, онъ выходилъ за предѣлы, допускаемые строгой критикой; удивительнѣе, что, при своей скудной подготовкѣ, онъ могъ возъимѣть многія мысли несомнѣннаго научнаго достоинства Народная археологія была въ то время дѣломъ, въ которомъ всѣ были новичками; но другіе изслѣдователи были по крайней мѣрѣ подготовлены на другой сосѣдней почвѣ—на классической древности, на общей исторической критикѣ. Ходаковскій былъ лишенъ того и другого. Одна отгадка направила его на непосредственное народное преданіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ съ истинной проницательностью подмѣчалъ такія стороны предмета, которыя впослѣдствіи, въ самомъ дѣлѣ, вошли въ область науки. Кромѣ соображенія фактовъ, орудіемъ его выводовъ была и чистая фантазія, и это было весьма естественно: онъ жадно стремился нарисовать себѣ полную картину народной древности,—какъ увидимъ, онъ жалѣлъ даже, что христіанство пришло слишкомъ рано!.. Въ ту пору было еще слишкомъ мало точныхъ данныхъ, чтобы возстановить картину далекой старины; между тѣмъ только то или другое общее представленіе могло объяснить массу подробностей, иначе непонятныхъ. Эта сторона дѣятельности Ходаковскаго, то, что онъ сживался съ народной стариной и поэзіей, именно и произвела дѣйствіе на его современниковъ и имѣла свою долю въ установленіи того этнографическаго стремленія, которое внушало искать въ средѣ народа и изъ устъ народа откровеній объ его исторической судьбѣ и національной сущности. Строгіе судьи укоряли его за увлеченія и крайности, за недостаточность доказательствъ, но въ томъ и была сила его вліянія, что онъ былъ энтузіастъ своего дѣла, чуть не мономанъ; онъ первый настойчиво говорилъ, что *надо идти въ народъ* не только для того, чтобы собрать въ немъ этнографическій матеріалъ, но и сжиться съ нимъ, понять народную душу и природу, которыя создаютъ народный ха-

рактеръ и поэзію. Все это вмѣстѣ и заставляло потомъ съ уваженіемъ повторять имя Ходаковскаго,—несмотря на всѣ его ошибки, несмотря на то, что реальный вкладъ въ науку, оставшійся послѣ него, былъ очень невеликъ.

Въ чемъ же состояли литературныя работы Ходаковскаго? Немногое было напечатано имъ при жизни; гораздо больше издано было послѣ его смерти Погодинымъ; наконецъ, иное осталось въ рукописи и, кажется, должно считаться потеряннымъ.

Первая и самая характерная работа Ходаковскаго явилась въ то время, когда онъ еще занимался своими разысканіями въ южной Россіи, Польшѣ и Галиціи. Это была нами упомянутая прежде небольшая статья (20 страничекъ небольшого формата): „О Славянщинѣ передъ христіанствомъ". Эта статья, впослѣдствіи изданная вновь Суровецкимъ въ 1835, появилась первоначально въ 1818 г. [1]). Основная мысль ея была повторена потомъ въ его русскихъ статьяхъ о которыхъ скажемъ далѣе. Статья написана очень оригинально, какъ послѣ самъ Ходаковскій выражался, „желѣзнымъ стилемъ"— мало выработаннымъ, угловатымъ; Суровецкій, перепечатывая ее въ своемъ изданіи, упрекалъ автора въ неточностяхъ выраженія, даже въ неправильностяхъ языка, и упрекалъ совершенно справедливо: въ изложеніи и въ языкѣ видѣнъ именно самоучка, не разсчитывающій своихъ мыслей и выраженій, но посреди фантазій говорящій и такое, что̀ было ново и плодотворно [2]).

Передъ наукой,—начинаетъ Ходаковскій,—исчезли исторія, обряды и обычаи наши изъ эпохи многобожія. Европейское просвѣщеніе не благопріятствовало тѣмъ временамъ, когда христіанство стало распространяться среди обширной и раздѣленной славянщины. Первые проповѣдники новой вѣры не отличались умѣренностью, не хотѣли ничего пощадить для исторіи, и тѣмъ же духомъ отличаются до нашего времени ихъ преемники. Властители нашего племени одинъ за другимъ разрушали зданіе, созданное врожденнымъ вдохновеніемъ, и рядомъ съ новыми правилами вѣры не хотѣли сберечь земской особенности. Это обстоятельство есть самое главное въ исторіи славянства, потому что съ теченіемъ времени распространилось на все племя и все болѣе умножало его раздѣленіе. Новая вѣра вводила насъ въ остальную Европу, на которую мы не были похожи. Славянинъ, по своимъ религіознымъ потребностямъ, сталъ обращаться

---

[1]) „Cwiczenia naukowe", 1818, издававшіяся въ Кременцѣ, т. II.

[2]) По-польски онъ писалъ, слѣдовательно, также, какъ и по-русски, поспѣшно и небрежно.

въ Римъ или въ Царьградъ и, проникаясь взаимной ненавистью столицъ христіанства, зажигалъ факелъ вѣковыхъ междоусобныхъ войнъ. Можно было бы не вспоминать этихъ, слишкомъ долгихъ, заблужденій, еслибы онѣ не имѣли губительнаго вліянія на тотъ періодъ нашей исторіи и не были первымъ подкопомъ подъ все-таки намъ милую народность. „Будущія времена выяснятъ ту истину, что отъ слишкомъ ранняго облитія насъ водою стали смываться всѣ отличающія насъ особенности; во многихъ нашихъ странахъ ослабѣлъ духъ независимости и, просвѣщаясь по чужому образцу, мы стали, наконецъ, чужими самимъ себѣ".

Въ чьихъ рукахъ было первое изображеніе исторіи Сѣвера—не всѣ знаютъ, но до-христіанская эпоха, если не совсѣмъ у нихъ опущена или не забросана вымыслами, выставляетъ намъ въ ихъ изображеніи только грубые обычаи, дикость и слѣпоту нашихъ отцовъ. По разсказамъ этихъ историковъ, перемѣна вѣры происходитъ съ одинаковою легкостью въ Познани, Кіевѣ и Новгородѣ. По ихъ словамъ, достаточно было примѣра и воли властителя, чтобы въ одинъ день или въ одинъ годъ народы исполнили приказаніе. Но лѣтописцы, думая такимъ образомъ, не знали упорной славянской души, не знали исторіи первобытнаго народа, у котораго жизнь и управленіе, обычаи и самый языкъ были тѣсно связаны съ наукою о богахъ. Быстраго и счастливаго преобразованія быть не могло и, въ дѣйствительности, не было.—Ходаковскій вспоминаетъ при этомъ факты изъ древней польской исторіи, изъ исторіи Литвы, вспоминаетъ Нестора—о радимичахъ и вятичахъ, жизнеописаніе св. Войтѣха—о чехахъ, и жизнеописаніе св. Беннона, епископа мейссенскаго—о поморянахъ, и приходитъ къ заключенію, что человѣкъ, живущій въ своей средѣ, никогда не можетъ быстро измѣниться. „Потому что не легко возстать противъ самого себя, измѣнить способъ жизни, мышленія, покинуть все, что́ есть милаго, и, въ особенности, дать иной оборотъ языку, привыкшему чтить многообразныя божества и полному тѣхъ метафоръ, присловій и прирожденныхъ особенностей, которыя наполняли его обрядовыя пѣсни, игрища, обычную рѣчь и всегда дышали его вѣрой".

Въ давней исторіи,—продолжаетъ Ходаковскій,—наше племя занимаетъ уже свое мѣсто. Оно не собралось изъ изгнанниковъ, изъ остатковъ какихъ-нибудь упавшихъ царствъ, но было всегда племенемъ первобытнымъ, особеннымъ и единымъ. Еще неизвѣстны время и причины, когда нашъ народъ оставилъ сосѣдство „Индійскаго стана", какъ долго былъ на великомъ пути, пока вступилъ въ Европу и занялъ половину ея съ азіатской стороны. Извѣстно только, что славяне заняли огромныя пространства отъ Балканъ и Адріатики до

скандинавскаго Сѣвера. Съ этимъ различіемъ земель произошли нѣкоторыя измѣненія въ почитаніи небесныхъ свѣтилъ, измѣненія въ метафорическомъ языкѣ, взятомъ отъ природы; но славяне подѣлились на одинаковыя *сотни* [1]), подчиняясь однимъ уставамъ, обрядамъ и обычаямъ.

Вездѣ въ ту эпоху мы видимъ начальниковъ съ предводительскимъ знаменемъ въ мирѣ, на войнѣ и въ священныхъ обрядахъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ такой разнородной власти открывало столько способовъ дѣятельности, что славяне въ томъ положеніи вещей и направляемые рукою чтимой природы не могли быть народомъ недѣятельнымъ и усыпленнымъ. Война для обезпеченія и расширенія жилищъ, а въ мирѣ—охота, земледѣліе, нѣкоторыя ремесла, обряды, соединенные съ великими играми и пиршествами, составляли ихъ всеобщее занятіе и увеселеніе, одинаковое для обоихъ половъ. Въ памятникахъ тѣхъ вѣковъ мы довольно часто встрѣчаемся съ словами: роля, плугъ, соха, коса, коваль, столяръ, тесло, ткать, долбить, долото и даже писарь и маляръ [2]),—все это было нужно и было въ употребленіи, все это находило свою честь и хвалу. Нигдѣ не видать слѣда, чтобы, предъ эпохой нашей „полировки", на Сѣверѣ были рабы: ихъ не могло быть на переходѣ черезъ Азію въ Европу; и до сихъ поръ въ другой части свѣта не знаютъ, что́ значитъ работать на вѣчнаго пана, который, въ глазахъ своего монарха, имъ равенъ.

„Врожденныя славянамъ простота, веселость, искренность, бросались въ глаза даже врагамъ; мужество, любовь, гостепріимство, которыя служили предметомъ удивленія и похвалъ для старыхъ саксовъ, были божествами цѣлой нашей земли, взаимно себя вознаграждающими. Когда мы будемъ меньше ждать и полагаться на писателей иноземныхъ и будемъ искать свѣдѣній о старой жизни среди себя, на собственной почвѣ, въ гнѣздѣ нашихъ отцовъ, то, быть можетъ, найдемъ больше, чѣмъ до сихъ поръ гдѣ-либо было писано. Всмотримся только въ нашу землю. Быть можетъ, славяне оставили ее для насъ какъ самую прочную книгу; быть можетъ, закляли ее, чтобы она никогда не выходила изъ наслѣдства потомковъ, и съ этой цѣлію заворожили ее тогдашнимъ способомъ, чтобы она могла служить для самыхъ позднихъ внуковъ свидѣтельствомъ ея вѣковой принадлежности... Познакомимся ближе съ нашей землей, перечислимъ всѣ ея имена или урочища. Мы увидимъ, что, несмотря на девять вѣковъ, несмотря на столько военныхъ разрушеній, несмотря

---

[1]) Sta: по этимологіи Ходаковскаго, конечно, ошибочной, „старосты" были именно старшины этихъ сотенъ; онъ и послѣ употреблялъ этотъ терминъ: „Stare-sta".

[2]) О послѣднемъ словѣ Ходаковскій ошибался: оно было и новое, и чужое.

на незнаніе и самохвальное тщеславіе въ уничтоженіи старыхъ названій, все-таки сохранились и дошли до насъ имена боговъ, имена, принадлежащія къ ихъ почитанію, имена ихъ служителей и того земного существа, которое на пространствѣ вѣковъ, сопровождаемое великимъ добромъ и зломъ, на гордость человѣческаго рода и нашего языка, названо „челомъ вѣковъ“ [1]). На той же землѣ мы прочтемъ названія всѣхъ звѣрей и птицъ, какъ оставленныхъ въ Индіи, такъ и узнанныхъ въ здѣшнемъ климатѣ; всякихъ деревъ лѣсныхъ и плодовыхъ, цвѣтовъ и злаковъ, а также и растеній, которыя могли служить для леченія и мнимаго волшебства; обозначенія всякихъ металловъ, извѣстныхъ въ то время; названія войны со всѣми ея тогдашними орудіями, а также и мира, ведущаго съ собой длинный рядъ трудовъ и забавъ; урочища морскія, со всѣми отдѣлами воды и судовъ для водяныхъ сообщеній; всякія перемѣны воздушныя, извѣстныя завѣтныя числа и всякіе другіе предметы, злые и добрые, члены тѣла, всякія движенія мысли; наконецъ — мысль, память и слово, какъ связь и цѣль человѣческаго быта, короче, всю энциклопедію и весь нашъ словарь въ простомъ и переносномъ значеніи его словъ, въ единичномъ или сложномъ ихъ складѣ, раскинутый на нашей землѣ и наполняющій ея старыя „ста“ въ извѣстномъ порядкѣ. Въ старой славянщинѣ нѣтъ пяди земли, которая бы не принадлежала къ этому словесному порядку; онъ покрываетъ какъ осѣдлыя, такъ и пустыя мѣста, полезныя и дикія, возвышенныя и низменныя, горы и долы, чистыя поля и темные лѣса; словомъ, вся поверхность земли была столицею нашихъ боговъ и одною таблицею нашей вѣры“.

Ходаковскій уже здѣсь излагаетъ ту теорію о значеніи мѣстныхъ названій и городищъ, которую онъ развивалъ потомъ, изслѣдуя мѣстныя названія въ Россіи. „Кому удастся,—говоритъ онъ,—сосчитать на этомъ обширномъ пространствѣ тѣ остатки сооруженій, называемые городками или городищами, находящіеся почти на каждой милѣ, обнесенные вокругъ валомъ и при которыхъ всегда находятся вблизи „лысыя“ или „ясныя горы“, обыкновенно господствующія надъ мѣстностью и возвышающіяся при рѣкахъ и вообще при водѣ. Во многихъ мѣстахъ, даже при отсутствіи возвышенности, на равнинахъ, среди низинъ и болотъ Полѣсья, все-таки можно найти подобныя мѣстности въ наиболѣе удобномъ положеніи. Кто слыхалъ повсюду распространенныя повѣрья о вѣдьмахъ и колдуньяхъ, улетающихъ на „Лысую гору“ въ четвергъ послѣ новаго мѣсяца, тотъ не будетъ удивляться многочисленности подобныхъ названій“. Ходаковскій при-

[1]) Такъ Ходаковскій производитъ слово: человѣкъ.

ходитъ къ убѣжденію, что въ славянскихъ поселеніяхъ, слѣдъ которыхъ остался именно въ городищахъ, была система, что онѣ дѣлились на извѣстныя доли и въ нихъ было по сту земельныхъ названій, среди которыхъ наиболѣе видныя мѣста удѣлялись для „лысой горы“ и „святого городка“ и вокругъ нихъ совмѣщались остальныя названія.

Онъ не думаетъ, чтобы рѣшилъ вопросъ: никакая система, по словамъ его, не можетъ быть высказана за-разъ во всей своей обширности, и „трудно на слабыхъ крыльяхъ перелетѣть отдаленныя мѣста и быстро проникнуть ихъ тайны“. Только время и усиленный трудъ, послѣ внимательнаго обозрѣнія множества отдаленныхъ мѣстностей, могутъ принести объясненіе, какимъ образомъ одно чувство или чья-нибудь воля умѣли основать на такомъ пространствѣ вездѣ себѣ подобную ткань, или придать ей то разнообразіе, которое повторяется, какъ бы переносимое цѣликомъ съ одного мѣста на другое. Осматривая почву старой славянской жизни, сколько можно найти этихъ повтореній—мы найдемъ вездѣ и Новгороды и Старгороды, Кіевы, Краковы, Гнѣзны, Москвы [1]), Познани, Премыслы, Бѣлгороды, съ присоепиняющимися къ нимъ тѣми же или однозначащими названіями. Сколько открывается пустословія и ошибокъ въ нашихъ описаніяхъ, которыя изъ названій странъ или поселеній выводили столько основателей!—„Опираясь на этой обширной и всюду передо мною присутствующей системѣ нашей сѣдой старины,—говоритъ Ходаковскій,—я спокойно смотрю, какъ въ моихъ глазахъ исчезаетъ рой льстивыхъ мечтаній, которыя, имѣя въ виду какое-нибудь укрытое лицо, силились—въ чешскихъ хроникахъ — создать тьму богатырей изъ разныхъ мѣстныхъ названій“.

Въ этихъ славянскихъ мѣстныхъ названіяхъ Ходаковскій видѣлъ иное—видѣлъ оригинальный порядокъ, свойственный только нашимъ славянскимъ предкамъ; здѣсь выражались ихъ общность, единство, здѣсь „они покрывались всѣ вѣнцомъ и названіемъ славы“. Онъ говоритъ, что эта картина внушала ему великое почтеніе къ мысли предковъ и возбуждала въ немъ стремленіе къ дальнѣйшему разысканію и довершенію этого образа старины.

Другимъ богатымъ источникомъ осталось преданіе, которое, за недостаткомъ современныхъ свидѣтельствъ, можетъ открыть многое. „Но кто не опредѣлилъ себѣ извѣстнаго плана, не приготовилъ извѣстныхъ вопросовъ, и также, въ мѣру обширности славянской земли, не имѣетъ запаса отваги, выдержки и знакомства съ нѣсколь-

---

[1]) Имя Москвы онъ считалъ самымъ славянскимъ; корень ея, по его позднѣйшимъ объясненіямъ, былъ „мостъ“: „Мосткова“.

кими нарѣчіями, тотъ напрасно будетъ ожидать преданій; онѣ не приплывутъ къ его берегу и не явятся сами. Необходимо пойти и спуститься (zniżyc się) подъ кровлю селянина въ разныхъ далекихъ краяхъ, надо спѣшить на его пиры, забавы и разные случаи его жизни. Тамъ, въ дымѣ, носящемся надъ головами [1]), еще снуются старые обряды, напѣваются давнія пѣсни и, среди пляски простонародья, отзываются имена забытыхъ боговъ [2]). Въ этомъ горькомъ сумракѣ можно распознать свѣтящіеся имъ *три мѣсяца, три зари денницы, семь звѣздъ возовыхъ* [3]). Тамъ заря Лелева приближается къ молодому *мѣсяцу* и возвѣщаетъ любовь новобрачныхъ и свадьбу; тамъ заря, огражденная мѣсяцемъ или прикрытая облакомъ, означаетъ брачную клятву. До сихъ поръ еще *три рѣки* текутъ подъ сѣни любовниковъ и даютъ святой воды для (свадебнаго) короваяи пироговъ. До сихъ поръ на тѣхъ же рѣкахъ въ подольскихъ пѣсняхъ ведутся гаданья, какъ упоминаютъ византійскія хроники. Тихій Дунай все еще, какъ индійскій Гангъ, есть священная вода, полная чаръ любви и счастья... Вообще, эти обрядовыя пѣсни, которыя отчасти были собираемы надъ Днѣпромъ, Богомъ, Бугомъ, Сяномъ и верхней Вислой, вездѣ дышатъ милой простотой, грустью, полной метафоръ и древнихъ образовъ".—Надо думать, что когда онѣ, еще во время цѣлости стараго быта, пѣлись на народныхъ сборищахъ, на глазахъ у князей, жрецовъ и т. д., онѣ были еще характернѣе. „Къ сожалѣнію, наша земля не была защищена съ трехъ сторонъ моремъ, чтобы могла, несмотря на вѣка, сохранить столько, сколько Шотландія. Но чего не мало надо жалѣть, это—того, что въ Чехіи при Карлѣ IV, а въ Польшѣ въ вѣкъ Сигизмундовъ, благопріятный для наукъ и отечественнаго языка, въ вѣкъ не такъ подавленной хаты селянина, не подумали о цѣльномъ собраніи пѣсенъ". Такое собраніе сберегло бы намъ время и работу, въ настоящее время гораздо болѣе трудную. Ходаковскій жалуется на польское духовенство и іезуитовъ, а также на людей, какъ Иннокентій Гизель, которые топтали все то, что́ теперь становится цѣлью нашей любознательности. „Рядомъ съ этими винами въ западномъ краѣ, мы отдаемъ невольную похвалу русскому духовенству. Греческіе и уніатскіе попы были братья своего народа, молившіеся Богу на славянскомъ языкѣ, свободные отъ высокомѣрія, не вносившіе раздора въ среду жителей

---

[1]) Т.-е. въ курныхъ избахъ.

[2]) И послѣ, въ „Планѣ путешествія", онъ скорбитъ, что ученые изслѣдователи не знаютъ народа, и зоветъ ихъ въ поля, луга и дубравы, „подъ сельскую кровлю", „въ черныя хижины", гдѣ они найдутъ историческій кладъ. „Сынъ Отеч." 1820, ч. 63, стр. 293 и др.

[3]) Малая Медвѣдица.

своими реформами,—у нихъ было больше снисхожденія и мягкости. Послѣдствія показали это, потому что русскія мѣстности несравненно больше сохранили старыхъ пѣсенъ и больше меня научили".

Выше упомянуто, что Лелевель, по поводу петербургской жизни Ходаковскаго, замѣчалъ, что онъ начиналъ тамъ „сходить съ польскаго свѣта". Это было не совсѣмъ точно, потому что Ходаковскій гораздо раньше питалъ идеи и сочувствія обще-славянскія, и въ статьѣ 1818 г., которую теперь передаемъ, онъ уже высказываетъ свое сочувствіе русскому складу быта въ отношеніи этнографическомъ. Лелевель думалъ, далѣе, что Ходаковскій ошибочно искалъ больше старины на славянскомъ Востокѣ, занятомъ позднѣе славянами; Ходаковскій, напротивъ, находилъ, что славянскій Востокъ болѣе научилъ его въ этомъ отношеніи, чѣмъ славянскій Западъ, одинъ край котораго онъ зналъ въ Польшѣ. Дѣйствительно, въ славянствѣ православномъ, вслѣдствіе большей первобытности отношеній, вслѣдствіе отсутствія католической нетерпимости къ народнымъ элементамъ, народная поэзія сохранилась въ гораздо большемъ богатствѣ своихъ архаическихъ преданій. Ходаковскій ошибался только въ томъ, если предполагалъ, что здѣсь совсѣмъ не было преслѣдованія народнаго обычая и „языческихъ" пѣсенъ; приведенный имъ примѣръ Гизеля не былъ единичнымъ. Ходаковскій продолжаетъ:

„Въ сѣверной Россіи, въ концѣ восемнадцатаго вѣка собирали и печатали пѣсни; издатель хвалитъ ихъ широкое однообразіе по всѣмъ областямъ, но отдаетъ поэтическое превосходство пѣснямъ малороссійскимъ, т.-е. южной Руси. Я соглашаюсь съ этимъ по собственному убѣжденію, когда заглянулъ отчасти за Днѣпръ, въ Полтавскій край. Надо сказать, однако, правду, что въ томъ сборникѣ въ двѣнадцать книгъ не видать ясной цѣли; заботились больше о массѣ пѣсенъ, чѣмъ о самой сущности; занимались этимъ лица неизвѣстныя и выбора у нихъ не сдѣлано никакого. Относительно пѣсенъ силезскихъ, чешскихъ, моравскихъ и венгерско-славянскихъ, не могу ничего сказать, еще не зная ихъ [1]), но забочусь объ этомъ".

Ходаковскій находилъ еще одинъ слѣдъ славянской старины: онъ думалъ, что она отразилась въ славянской, особливо польской, геральдикѣ. Нѣсколько изображеній въ шляхетскихъ гербахъ напоминали ему образы народной поэзіи, и онъ, со свойственной ему поспѣшностью, вообразилъ, что находитъ здѣсь слѣды далекой народной древности. Уже ближайшіе критики его, напр., Суровецкій, указали, что онъ въ этомъ совершенно заблуждался, и мы можемъ не останавливаться на этомъ эпизодѣ его разсужденій. Въ концѣ своей

---

[1]) Тогда почти и не было еще никакихъ печатныхъ сборниковъ этихъ пѣсенъ.

статьи Ходаковскій дѣлаетъ воззваніе, въ которомъ горячо проситъ о собираніи и сохраненіи остатковъ старины. „Сбережемъ,—говоритъ онъ,—случайныя, но довольно нерѣдкія открытія, какія дѣлаются въ землѣ,—эти разныя небольшія статуэтки, изображенія, металлическія орудія, посуду, горшки съ пепломъ. Сосчитаемъ и точно измѣримъ всѣ большія могилы, которыя насыпаны были нѣкогда въ честь одному лицу и одиновія прожили цѣлые вѣка. Охранимъ отъ уничтоженія надписи, начертанныя въ подземныхъ скалахъ и большей частью намъ невѣдомыя. Снимемъ планы съ положенія мѣстностей, пользующихся давнею извѣстностью, для объясненія стараго ста, не дозволяя ни одному урочищу впасть въ забвеніе. Узнаемъ всѣ названія, какія деревенскій людъ или его лекарки въ разныхъ краяхъ даютъ растеніямъ. Соберемъ, сколько возможно, пѣсни и старые гербы, опишемъ главнѣйшіе обряды. Внесемъ все это въ одну книгу и убѣдимся несомнѣнно о происхожденіи нашемъ изъ Индіи [1]) и получимъ болѣе любящее представленіе о нашихъ предкахъ".

„Я никогда не думалъ писать объ этомъ раньше, чѣмъ соберу всѣ запасы. Я набросалъ только нѣкоторыя мысли, вынесенныя изъ моего четырехъ-лѣтняго странствованія и труда для дальнѣйшаго его продолженія. Поставивши себя въ мысли за девятью валами отдаленныхъ вѣковъ, передъ обличіемъ сѣдой и важной бороды нашихъ предковъ, я не могъ уже говорить безъ нѣкотораго почтенія къ нимъ и—какъ будто отъ ихъ имени—безъ нѣкоторой смѣлости, которая, опираясь на очевидной истинѣ, выведенной изъ принадлежащихъ сюда фактовъ, всегда должна быть свойствомъ сѣверной души".

Таковъ былъ первый археологическій и этнографическій трудъ, въ которомъ Ходаковскій на нѣсколькихъ страницахъ изложилъ свои выводы или мечты о славянской старинѣ, которая была для него и стариной, и современнымъ нравственно-поэтическимъ содержаніемъ его собственнаго народа. Очевидно, это—то самое панславистическое одушевленіе, какое, нѣсколько лѣтъ спустя, наполняло Коллара, возстановлявшаго въ „Дочери Славы" великое поэтическое прошедшее своего племени; какое наполняло Шафарика въ его широкихъ археологическихъ изысканіяхъ, наполняло потомъ цѣлые ряды первыхъ дѣятелей возрожденія у разныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ одушевленіи соединялись и научная потребность, часто бродившая на-угадъ въ потьмахъ, и живое чувство любви къ народу, чувство, которому предстояло совершить дѣйствительныя пріобрѣтенія для политической и нравственной пользы этого народа. Ходаковскій инте-

---

[1]) Ходаковскій опять берется за этимологію или за игру словъ: „o pochodzie naszym z Inąd, czyli Indostanu"...

ресенъ именно тѣмъ, что былъ однимъ изъ первыхъ выразителей этого настроенія, гдѣ начиналось и этнографическое движеніе, которое впослѣдствіи совсѣмъ измѣнило характеръ исторіографіи и самой литературы. Дѣятельность Ходаковскаго принадлежала всего больше русской литературѣ, и здѣсь всего больше должна быть признана его заслуга. Наиболѣе свѣдущіе современники (Карамзинъ, Кёппенъ, Полевой, Погодинъ) понимали эту заслугу. Новѣйшіе ученые, которымъ пришлось опровергать любимую теорію Ходаковскаго относительно городищъ, говорили, однако, съ уваженіемъ объ этомъ человѣкѣ, потому что понимали и трудность возникавшаго вопроса, и энтузіазмъ изыскателя. Для другихъ (какъ Кс. Полевой) это былъ невѣжественный чудакъ, едва не шутъ, притомъ нищій, которому надобно было помогать; какое же онъ могъ внушать уваженіе?

Въ статьѣ 1818 года набросаны главныя мысли Ходаковскаго; дальнѣйшіе труды были ихъ продолженіемъ и развитіемъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ трудовъ, принадлежащихъ только исторіи науки, замѣтимъ, что въ нихъ разбросаны мѣстами мѣткія замѣчанія объ исторической и народной старинѣ, свидѣтельствующія объ оригинальномъ умѣ и историческомъ талантѣ.

Первой работой Ходаковскаго, напечатанной на русскомъ языкѣ, была статья: „Разысканія касательно русской исторіи", помѣченная въ Гомелѣ 19 липца (т.-е. іюля) 1819 года [1]). Статья начата такими словами: „Не было примѣра, чтобы ляхъ имѣлъ особенное любопытство къ дѣяніямъ древней Руси, и, ради того, охотно бы вступалъ на неизмѣримое пространство ея земли. Причина тому была въ взаимной нелюбви двухъ народовъ. Но царь Александръ удовлетворилъ младшихъ братьевъ, примирилъ со старшими и показалъ имъ общее благо. Въ такое время, которое много обѣщаетъ для грядущихъ поколѣній... [2]), я осмѣлился, съ своей стороны, услужить нѣкоторымъ образомъ сему великому предназначенію, желая сдѣлать историческую развязку: когда родъ славянскій вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ единообразный? по крайней мѣрѣ, не было ли сего до принятія нами христіанскаго закона?" — Авторъ увѣренъ въ этомъ послѣднемъ, и, повторяя основныя мысли изложеннаго выше польскаго разсужденія, развиваетъ его новыми подробностями изъ русской древности. Онъ не вѣритъ иноземнымъ писателямъ, что „славянское младенчество окружено туманомъ грубаго невѣжества и дикости",—и думаетъ, что есть другіе источники для сужденій о нашей древности. „Уважая всегда ученыя разсужденія, совѣтуясь со старыми и новыми авторами

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1819, ч. CVII, октябрьская книжка, стр. 277—302.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

на моемъ пути, увидѣлъ я, однако-жъ, что не всѣ они на землѣ нашей повѣряются и что много есть такого, къ чему ученая рука еще не прикоснулась". Это, во-первыхъ—тѣ городища, которыя разсѣяны по нашей землѣ отъ Камы до Эльбы и отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря. Ходаковскій видитъ въ нихъ остатки священныхъ оградъ, въ которыхъ совершались нѣкогда языческіе обряды и которыхъ имена напоминаютъ цѣлый кругъ древней народной жизни. Онъ настаиваетъ на необходимости признать самобытную жизнь древняго славянства и Руси, объяснять ихъ изъ нихъ самихъ и, между прочимъ, указываетъ, сколько важныхъ объясненій даютъ древнія мѣстныя названія, часто тождественныя въ разныхъ краяхъ стараго племени.

Между прочимъ, авторъ не разъ дѣлаетъ возраженія Карамзину, и повидимому, эту статью принимали именно за начало разбора „Исторіи",—но дальнѣйшаго разбора не могло быть, потому что всѣ интересы Ходаковскаго кончались эпохою далекой древности. Біографы разсказываютъ подробности (которыхъ нечѣмъ провѣрить) объ отношеніяхъ Карамзина къ Ходаковскому,—что первый не любилъ критическихъ замѣчаній и, будто для умиренія Ходаковскаго, принялъ участіе въ его планахъ и содѣйствовалъ устройству его путешествія; съ другой стороны, говорили, что тотъ же Карамзинъ содѣйствовалъ и дальнѣйшей неудачѣ дѣла. Извѣстно, что Карамзинъ, познакомившись съ Ходаковскимъ, былъ заинтересованъ его сообщеніями и не разъ пользовался ими въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи" (во 2-мъ изданіи). О какомъ-либо участіи Карамзина въ обсужденіи позднѣйшаго „Донесенія" пока ничего неизвѣстно [1]).

Прибывши въ Петербургъ и успѣвши получить оффиціальное разрѣшеніе и пособіе для своего путешествія, Ходаковскій напечаталъ въ журналахъ свой „Проектъ ученаго путешествія по Россіи, для объясненія древней славянской исторіи" [2]), помѣченный 18-го марта

---

[1]) Лелевель (Dzienn. Lit., стр. 943) выражается такъ: „W ów czas (1819) wielkie sobie imie jednał ten co niespodzianie a zręcznie o Karamzina dzieło zaczepił. Karamzin tego nie lubił. Zorjan puścił pisemko, w Wiestniku Jewropy 1819 umieszczone, które groziło częstszym wyskokiem. Aby takowy odwrócić i uciszyć, Karamzin wziął Zorjana w opiekę i życzenia jego poparł". Къ этимъ обстоятельствамъ относятся нѣсколько строкъ въ письмѣ Карамзина отъ 29 декабря 1819, въ „Письмахъ Карамзина къ И. И. Дмитріеву" (съ примѣчаніями Грота и Пекарскаго. Спб. 1866, стр. 279). Примѣчаніе издателей къ этому письму (на стр. 0129) не точно, потому что упоминаемое ими письмо Карамзина къ самому Ходаковскому (напечатанное Погодинымъ въ „Москвитянинѣ", 1843, ч. I, № 1, стр. 278) относится уже къ другому времени, а именно къ 1822—23 г.

[2]) Въ полномъ составѣ этотъ проектъ напечатанъ былъ въ „Сынѣ Отечества", 1820, ч. 63—64, или № XXXIII—XXXVI, XXXVIII—XL, всего около ста стран.

1820-го года. Это цѣлый трактатъ, въ которомъ Ходаковскій излагаетъ много подробностей своей теоріи, гдѣ, несмотря на несомнѣнное преувеличеніе его взгляда на значеніе городищъ,—какъ пунктовъ языческой религіи, окруженныхъ будто бы единообразно другими городищами въ правильномъ распредѣленіи чуть не на каждой квадратной милѣ, —разбросано не мало любопытныхъ замѣчаній о старыхъ географическихъ названіяхъ. Свою программу онъ изложилъ въ слѣдующихъ чертахъ:

„Въ заключеніе повторяю все, что̀ я прежде говорилъ о моемъ занятіи, то-есть, скажу, что̀ вообще составляетъ мой предметъ:

„1. Сообразить во всѣхъ странахъ насыпи городищныя по той чертѣ, какъ показалъ я въ письмѣ изъ Гомля отъ 29-го іюня 1819-го года, и повѣрить, сколько возможно, будутъ ли онѣ на всякой квадратной милѣ. Посредствомъ оныхъ же границъ, смотря, гдѣ онѣ кончатся, узнать предѣлы древней Руси и на планѣ означить.

„2. Внутри Россіи осмотрѣть лично мѣста, по которымъ назвалися округи: Вотская, Волоховская, Деревская, Голяды, Вятичи, Сѣвера, Семь, Мурома, Меря, Весь, Мѣщера, и прочія, уважая въ томъ правило самого Нестора, который пишетъ: *и прозвашася имены своими, идѣ сѣдши на которомъ мѣстѣ, тако и прозвашася* (Шлецеръ Русскій, I, стр. 113).

„3. Обратить вниманіе на главныя нарѣчія провинціальныя, какъ далече простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и что̀ могло въ оныхъ уцѣлѣть изъ древнѣйшаго славянскаго, чего письменный свѣтъ могъ еще не получить подобнымъ образомъ; какая будетъ разница въ одеждѣ, строеніи домовъ и земледѣльческихъ снарядахъ.

„4. Какія найдутся наименованія разнымъ звѣздамъ, и произведеніямъ природы, то-есть пресмыкающимся, насѣкомымъ, грибамъ и зельямъ.

„5. Обряды, свадьбы, игры, пѣсни, суевѣрія, и все, что будетъ происходить изъ древнѣйшихъ временъ.

„6. Наконецъ, все, что̀ служить можетъ не только къ моему предмету, но и въ общую пользу ученаго свѣта, какъ-то: древнія монеты, особенно принадлежащія къ русской нумизматикѣ, и другія металлическія фигурки и посуды, нерѣдко открывавшіяся въ землѣ и могилахъ, письменныя и всякія другія достопамятности—все буду стараться получить, или доносить объ ономъ“ [1]).

Въ извлеченіи онъ явился въ „Вѣстн. Европы“, 1820, ч. CXIII, № XVII—XVIII, стр. 30—56, 99—118 (сентябрь).

[1]) „Сынъ Отечества“ 1820, ч. 64, стр. 297—299. Просьбы Ходаковскаго о сообщеніи свѣдѣній вызвали нѣкоторыя статьи, напр. „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIII; стр. 306—310 „Письмо къ редактору“ М. Макарова и тамъ же (стр. 311) замѣтку

Въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1822-го года помѣщено извѣстіе о начатомъ путешествіи Ходаковскаго, по его письмамъ [1]), и письмо изъ Москвы, гдѣ Ходаковскій самъ разсказываетъ о своихъ наблюденіяхъ въ тверской и московской губерніи [2]). Здѣсь, извиняясь за долгое молчаніе, онъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ: „Не знаю, найдете ли вы въ нашемъ славянскомъ племени подобнаго стоика и упрямца, который бы, отказавшись отъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, погрузился, подобно мнѣ, въ своемъ предметѣ! И потому неудивительно, что я, блуждая по лѣсамъ, полямъ и уединеннымъ селамъ, не могу удовлетворять обязанностямъ свѣтскихъ обществъ и дружбы“. Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Я также могу ошибаться, подобно другимъ, съ тою только разницею, что я всѣмъ происшествіямъ нахожу причины дома, которыхъ тщетно другіе ищутъ на далекихъ распутіяхъ и за всѣми границами“.

Въ томъ же журналѣ, 1823 помѣщена Ходаковскимъ небольшая замѣтка о Гуляй-городѣ [3]), гдѣ онъ объясняетъ, что Гуляй-городъ не есть обозное укрѣпленіе, которое можно перевозить съ мѣста на мѣсто, какъ толковалъ его въ данномъ случаѣ Карамзинъ, а мѣстное урочище, гора около Серпухова. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ тамъ же, съ нѣкоторыми примѣчаніями, двѣ грамоты Свитригайла и Витовта изъ пулавской библіотеки Чарторыйскихъ [4]). Наконецъ, тамъ же напечатана статья Ходаковскаго: „Опытъ изъясненія слова: князь, Xiądz“ [5]).

Это была, кажется, послѣдняя печатная работа Ходаковскаго.

Судьба рукописей Ходаковскаго разсказана отчасти въ запискахъ Ксенофонта Полевого. Передъ смертью Ходаковскій распорядился, чтобъ его бумаги переданы были Н. А. Полевому; такъ и было сдѣлано. Вдова, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, думала, кажется, что ей досталось въ этихъ рукописяхъ цѣлое богатство; но Полевой, не очень самъ заинтересованный трудами Ходаковскаго,

---

А. Бояркина; „Записку о городищахъ, курганахъ и другихъ старинныхъ насыпяхъ въ тульской губерніи“, А. Глаголева, „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIV, стр. 184—191, и „Другую Записку для г-на Ходаковскаго“ (о рязанской, тамбовской, воронежской, тульской, владимірской губ.), М. Макарова, тамъ же, стр. 191—204, и „Поправки“, стр. 317—318. Въ „Вѣстн. Евр.“ 1821, ч. CXVI (№ 4, февраль), стр. 322—326, помѣщено письмо Ходаковскаго по поводу статей Макарова и Бояркина и отвѣтъ Макарова.

[1]) Часть II, стр. 314—318.

[2]) Тамъ же, стр. 465—471.

[3]) „Гуляй-городъ съ лѣвой стороны Оки, въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Серпухова“, Сѣв. Архивъ, 1823, ч. V, стр. 369—371.

[4]) Сѣв. Архивъ, 1824, часть IX, стр. 14—18.

[5]) Тамъ же, 1824, ч. X, стр. 219.

затруднился что-нибудь сдѣлать изъ этихъ рукописей. Кончилось тѣмъ, что вдова Ходаковскаго подала на него формальную жалобу генералъ-губернатору, обвиняя Полевого, что онъ сначала обѣщалъ издать рукописи въ свѣтъ, а теперь предлагаетъ ей взять ихъ обратно, конечно потому, что выбралъ изъ нихъ все лучшее и достопримѣчательное: вдова взывала къ правосудію, прося оградить ея собственность отъ вѣроломства. Полевой объяснилъ дѣло генералъ-губернатору, доказалъ цѣлость книгъ и рукописей Ходаковскаго, и, наконецъ, просилъ, чтобы отъ него приняты были эти бумаги. Тѣмъ дѣло и кончилось въ судебномъ смыслѣ [1]). Впослѣдствіи, эти бумаги оказались въ распоряженіи Погодина. Погодинъ началъ печатать ихъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ", изданіи московскаго Общества исторіи и древностей.

Въ первой книжкѣ сборника Погодинъ напечаталъ любопытную статью Ходаковскаго: „Пути сообщенія въ древней Россіи", гдѣ разъясняются именно пути водяные [2]).

„Предложенныя драгоцѣнныя извѣстія, — говорилъ Погодинъ въ примѣчаніи къ этой статьѣ,—найдены мною въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ покойнаго Ходаковскаго, которыя попались мнѣ только въ прошломъ 1836 году, послѣ продолжительныхъ мытарствъ, о коихъ говорить здѣсь не мѣсто. Рукопись очень запутана, испещренная послѣ перваго листа, особенно же въ концѣ, прибавленіями, переносками, помарками. Я старался разобрать извѣстія, сколько возможно, и, считая грѣхомъ держать ихъ долѣе подъ спудомъ, рѣшился напечатать въ трудахъ Общества, коего Ходаковскій былъ членомъ, увѣренный, что всѣ любители исторіи прочтутъ съ удовольствіемъ и пользою это сочиненіе, проливающее большой свѣтъ на древнюю русскую исторію и объясняющее наши лѣтописи.

„Нѣтъ ли гдѣ-нибудь лучшаго, обработаннѣйшаго списка?

---

[1]) Ксен. Полевой пишетъ, что все это было дѣломъ враговъ его брата, которые написали и самую жалобу. „Дѣйствительно, Николай Алексѣевичъ зналъ и могъ бы даже назвать людей, которые уговорили невѣжественную женщину подать низкій извѣтъ, и забыть всѣ одолженія, которыя оказывалъ Полевой мужу ея и самой ей".

Но и тогда, когда дѣло кончилось—„враги Н. А. Полевого не умолкли: они не переставали разглашать и даже печатно намекать и утверждать, что онъ тайкомъ присвоилъ себѣ драгоцѣнныя рукописи Ходаковскаго, и выдаетъ его изысканія по русской исторіи за свои собственныя. Нелѣпое это обвиненіе повторялось много лѣтъ сряду: московскій Воейковъ, Надеждинъ, не посовѣстился употребить это обвиненіе орудіемъ противъ Н. А.; позднѣе его повторилъ М. А. Максимовичъ, который за многолѣтнее доброжелательство и гостепріимство заплатилъ моему брату враждою и желаніемъ повредить"... („Записки", Спб. 1888, стр. 213—219). Имя Воейкова, употребленное здѣсь нарицательно, должно означать недобросовѣстнаго кляузника и ругателя.

[2]) Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и древностей россійскихъ. Редакторъ профессоръ Погодинъ. М. 1837 (1838). Томъ I, кн. 1, стр. 1—50.

„Въ бумагахъ нашелъ я еще отвѣтъ Калайдовичу на его мнѣніе о городищахъ и вообще разборъ его археологическихъ писемъ о Рязанской губерніи. Исключа изъ него все бранное и временное, я помѣщу его въ слѣдующихъ книжкахъ, дабы изслѣдователи могли еще короче познакомиться съ примѣчательнымъ ученіемъ Ходаковскаго.

„Кромѣ сихъ двухъ сочиненій, у меня находятся три части (изъ четырехъ) словаря Географическаго или лучше номенклатурнаго, городищъ и принадлежащихъ къ нимъ урочищъ и мѣстъ, словарь растеній и нѣсколько лоскутковъ, относящихся къ географіи и миѳологіи, русской и литовской. Вотъ все, что уцѣлѣло изъ бумагъ Ходаковскаго".

Въ третьей книжкѣ того же тома Погодинъ помѣстилъ обширную статью подъ названіемъ: „Историческая система Ходаковскаго" (стр. 2—109). Эта статья, представляющая опять замѣчанія о географическомъ матеріалѣ нашей старины и о городищахъ, предназначена была служить отвѣтомъ на книгу Калайдовича: „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ рязанской губерніи" (М. 1823), слѣдовательно, писана уже въ то время, когда планы Ходаковскаго о дальнѣйшемъ путешествіи разрушились. Какъ и статья о древнихъ путяхъ сообщенія, это была только черновая работа, опять съ большой начитанностью въ памятникахъ русской исторіи и иногда любопытными для своего времени попытками археологической этнографіи.

Къ этой статьѣ Погодинъ замѣчаетъ: „Эта статья есть собственно отвѣтъ Ходаковскаго, найденный мною въ его бумагахъ, Калайдовичу, по поводу неблагопріятнаго отзыва сего послѣдняго объ основной мысли перваго касательно городищъ, и подробный разборъ его книги „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи", 1822. Исключивъ все временное и бранное, я представляю статью Ходаковскаго въ нашемъ Сборникѣ, потому что она заключаетъ въ себѣ ясное представленіе замѣчательной системы этого знаменитаго географа-историка, и множество частныхъ драгоцѣнныхъ историческихъ извѣстій. Замѣчу еще, что статья досталась мнѣ въ черновой тетради, которую было очень трудно разбирать. Притомъ самъ авторъ не успѣлъ отдѣлать ея окончательно, что особенно примѣтно по пропускамъ" [1]).

Въ третьей книжкѣ III-го тома „Историческаго Сборника" Погодинъ напечаталъ еще „Отрывокъ изъ путешествія Ходаковскаго по Россіи—Ладога, Новгородъ" [2]). Здѣсь, кромѣ описанія путешествія, описанія наличной старины, опять разсѣяны замѣтки о древ-

---

[1]) Сужденія Калайдовича о Ходаковскомъ далеко не всѣмъ казались справедливыми. Сергѣй Строевъ, въ разборѣ „Р. Историч. Сборника", писалъ: „Должно признаться, что Калайдовичъ слишкомъ поверхностно смотрѣлъ на систему Ходаковскаго, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы дѣйствительно предпріятіе послѣдняго не имѣло полнаго успѣха". Журн. Мин. Народ. Просв. 1839, т. 22, отд. VI, стр. 15—16.

[2]) М. 1839, стр. 131—200. Отрывокъ помѣченъ Новгородомъ 14-го марта 1821. Этотъ отрывокъ не вошелъ въ послѣдующее „Донесеніе".

ней географіи и о современномъ новгородскомъ нарѣчіи, все это съ немалой начитанностью въ старыхъ лѣтописяхъ и граматахъ.

Седьмая книга Сборника [1]) вся занята „Донесеніемъ о первыхъ успѣхахъ въ Россіи Зоріяна Долуга-Ходаковскаго, изъ Москвы 13-го липца (іюля) 1822". Въ началѣ замѣчанія о племенахъ древней Руси, причемъ Ходаковскій по своей славянской ревности хотѣлъ зачислить въ славянъ и нѣкоторыя финскія племена; но главную часть „Донесенія" составляетъ оригинальная работа, которой Ходаковскій далъ названіе „Сравнительнаго словаря". Это огромное собраніе географической номенклатуры, собранной изъ русскихъ и славянскихъ мѣстностей, предметъ, къ которому Ходаковскій обращался не разъ и въ „Проектѣ путешествія", и въ „Исторической системѣ"; наконецъ, здѣсь онъ представилъ массу географическихъ названій, расположенныхъ по коренньмъ словамъ, напр., имена городовъ, мѣстностей, урочищъ отъ словъ: баба, береза, бѣда, бѣгъ, бѣль, бью, болото, боръ, борода, бортъ, босъ, брага, брусъ и т. д., и т. д. [2]).

Рукописи Ходаковскаго попали въ 1836 году къ Погодину, какъ онъ говоритъ, „послѣ продолжительныхъ мытарствъ". Впослѣдствіи вмѣстѣ съ древлехранилищемъ Погодина онѣ перешли въ Публичную Библіотеку въ Петербургъ. Укажемъ здѣсь, чтó видѣли въ Публичной Библіотекѣ, сравнительно съ тѣмъ, чтò упомянуто о рукописяхъ Ходаковскаго въ обстоятельной статьѣ „Энциклопедическаго лексикона", 1841, писанной Савельевымъ-Ростиславичемъ.

Въ статьѣ Савельева, въ ряду рукописей Ходаковскаго, на первомъ планѣ поставленъ: 1) Словарь собственныхъ именъ городищъ и селеній, на польскомъ языкѣ, четыре тома, причемъ разсказывается, что московское историческое Общество хотѣло пріобрѣсть всѣ бумаги своего трудолюбиваго сочлена, въ томъ числѣ и Словарь, что во время переговоровъ о покупкѣ одинъ томъ, по словамъ вдовы Ходаковскаго, остался у генерала Писарева, такъ что сохранилось только три тома Словаря и они были пріобрѣтены Погодинымъ. Въ настоя-

[1]) Т. VII. М. 1844, 378 страницъ.

[2]) Упомянемъ еще статью: „Путевыя записки Ходаковскаго", въ Журналѣ Мин. Прос., 1838, т. 20 (декабрь), стр. 479 — 527. Это какъ бы черновая одной части „Донесенія"; до стр. 517-ой статья почти дословно сходна съ „Донесеніемъ"; дальше помѣщены отдѣльныя замѣтки, отчасти находящіяся уже въ „Проектѣ Путешествія".

Къ сожалѣнію, мы не могли найти упоминаемой Лелевелемъ статьи, о системѣ могилъ славянскихъ, такъ какъ не нашли полнаго экземпляра „Моск. Наблюдателя" въ тѣхъ библіотекахъ, какими пользовались,—если только вѣрна цитата.

Г. Дашкевичъ (въ XXIX-мъ Отчетѣ объ уваровскихъ наградахъ, Спб. 1889, стр. 168) упоминаетъ еще статью Ходаковскаго въ „Украинскомъ Вѣстникѣ", которой у насъ не было подъ руками.

щее время въ Публичной Библіотекѣ находятся сполна всѣ четыре тома (вѣроятно, Погодинъ разыскалъ потомъ недостававшій томъ). Это—четыре громадныхъ фоліанта съ полустершимися заглавіями на каждомъ томѣ: „Stare Sta"; здѣсь по польскому алфавиту заключается тотъ самый словарь, который позднѣе по русскому алфавиту сообщенъ былъ въ „Донесеніи". Словарь, очевидно, представляетъ давнюю прилежную работу, съ пробѣлами для вписыванія новыхъ свѣдѣній; но это не была первая черновая, потому что разнородная номенклатура, кромѣ алфавита коренныхъ словъ, размѣщена уже въ извѣстной системѣ, и, повидимому, въ „Донесеніи" не исчерпанъ весь матеріалъ рукописи.

Далѣе у Савельева названа: 2) Тетрадь малороссійскихъ пѣсенъ, безъ дальнѣйшихъ указаній,—вѣроятно, та самая тетрадь, которая была пріобрѣтена впослѣдствіи Максимовичемъ. Въ предисловіи къ своему изданію малорусскихъ пѣсенъ 1827 г. Максимовичъ по поводу пѣсенъ заклинательныхъ замѣчаетъ: „образцы таковыхъ мнѣ показывалъ покойный Зоріанъ Ходаковскій, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія малороссійскихъ пѣсенъ". Въ предисловіи къ изданію 1834 года, Максимовичъ упоминаетъ, что пріобрѣлъ „извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ З. Я. Ходаковскаго, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными". Мы скажемъ далѣе объ этомъ собраніи. 3) Замѣчанія географическія и миѳологическія, о которыхъ отмѣчено, что онѣ находятся у Погодина. Послѣдній упоминаетъ „нѣсколько лоскутковъ, относящихся къ географіи и миѳологіи русской и литовской" [1]); этихъ листковъ въ Публичной Библіотекѣ мы не видѣли. 4) Подробная карта съ отмѣтками, гдѣ, однако, недостаетъ четырехъ или пяти важныхъ картъ. Эта карта есть подробная карта Россійской имперіи, изданная на многихъ десяткахъ листовъ при Александрѣ I, съ именами Сухтелена и Оппермана, и находится въ Публичной Библіотекѣ. Ходаковскій отмѣтилъ на ней географическія названія, которыя его интересовали, подчеркивая ихъ краснымъ на самой картѣ и приписывая замѣтки и цитаты на поляхъ. Карта представляетъ въ переплетѣ большой атласъ. 5) Гербовникъ съ изслѣдованіями, о которомъ замѣчено, что онъ хранится у Максимовича. Далѣе, упомянуто еще, что должны находиться у кого-нибудь „Тетрадь славянской миѳологіи" и „Карта славянскихъ племенъ"; о томъ и другомъ ничего неизвѣстно. Припомнимъ, наконецъ, что, по мнѣнію Лелевеля, гдѣ-нибудь въ Петербургѣ должна храниться (если только уцѣлѣла) та записная книжка, которая раскрыла біографію Чарноцкаго-Ходаковскаго [2]).

---

[1]) Русск. Ист. Сборн., т. I, кн. 1, стр. 50.

[2]) Въ Публичной Библіотекѣ хранится еще экземпляръ „Донесенія", писанный

Впослѣдствіи теорія Ходаковскаго относительно городищъ оказалась слишкомъ поспѣшной. Городища, въ дѣйствительности, не были такъ однообразны и не могли имѣть одного того значенія языческихъ святилищъ, какое онъ имъ придавалъ, — хотя вопросъ и донынѣ остается не вполнѣ яснымъ. Не входя въ исторію этого предмета, укажемъ только, что мнѣнія Ходаковскаго были приняты Погодинымъ [1]); затѣмъ, послѣ первой критики Калайдовича и недоумѣній Кёппена, на этотъ вопросъ обратили вниманіе Срезневскій [2]), г. Самоквасовъ, въ своей книгѣ о древнихъ русскихъ городахъ [3]) и, наконецъ, Н. П. Барсовъ [4]); но вопросъ о древней славянской географіи, какъ мечталъ о ней Ходаковскій, едва ли можетъ считаться исчерпаннымъ въ наукѣ, а въ развитіи этнографіи за Ходаковскимъ останется заслуга, какъ одного изъ первыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ изученія народности для цѣлей исторіи и народнаго достоинства.

Упомянемъ наконецъ, что рукопись Ходаковскаго, заключающая его сборникъ пѣсенъ, была отыскана въ 1880 годахъ малорусскимъ этнографомъ, В. П. Науменкомъ,—въ малорусской переписи и въ по-

---

четкимъ, крупнымъ почеркомъ самого Ходаковскаго (265 стр., въ листъ), и черновая письма отъ 19-го іюля 1823 года, адресованнаго къ какому-то Михаилу Ѳадѣевичу, управлявшему гродненской губерніей. Письмо очень рѣзкое: въ немъ говорится, что 9-го октября 1822 года Ходаковскій посылалъ въ Гродно свои бумаги для удостовѣренія своихъ археологическихъ занятій и просилъ о присылкѣ подробной гродненской карты, недостававшей ему въ межевой канцеляріи; не только просьба его не была уважена, но ему не возвратили даже высланныхъ бумагъ, и Ходаковскій осыпаетъ Михаила Ѳадѣевича, своего соотечественника, укорами за невниманіе къ интересамъ науки и несоблюденіе простыхъ приличій. Въ письмѣ упоминается, что Ходаковскій обращался съ подобными просьбами къ губернаторамъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и другихъ губерній.

[1]) Погодина, Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи, т. II, стр. 390, 400—414. Въ своей „Древней Русск. Исторіи до Монгольскаго ига", М. 1871, т. III (атласъ) Погодинъ помѣстилъ слѣдующія работы Ходаковскаго: 1) карта, подъ названіемъ: „Указаніе славянскаго городства въ сѣверо-западной части Россіи по первому опыту въ 1822 г. Ходаковскаго"; 2) „Славянскія городища по изслѣдованіямъ З. Я. Доленги-Ходаковскаго" (карта); 3) „Образчикъ городища по рисунку Ходаковскаго" (у села Дьякова, на Москвѣ-рѣкѣ).

[2]) Въ статьѣ „О городищахъ въ земляхъ славянскихъ преимущественно западныхъ", въ „Запискахъ одесскаго Общества исторіи и древностей", 1850, томъ II, стр. 532—549.

[3]) „Древніе города Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе". Спб. 1873, стр. 100—109. Обзоръ ученыхъ мнѣній о городищахъ, стр. 94 и слѣд.

[4]) „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной, Несторовой, лѣтописи". Изд. 2-е. Варшава, 1885. Стр. 25, 240 и др. Барсовъ сообщаетъ между прочимъ, что нѣсколько тетрадей Географическаго Словаря Ходаковскаго хранится въ библіотекѣ Варшавскаго университета.

длинной польской транскрипціи. Приводимъ сообщеніе самого г. Науменка.

Максимовичъ въ предисловіи къ своему изданію пѣсенъ 1834 г. упомянулъ, что онъ пріобрѣлъ извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ З. Я. Ходаковскаго, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными. Немного раньше этого печатнаго заявленія писалъ онъ объ этомъ же собраніи Гоголю, что̀ видно изъ письма Гоголя къ нему отъ 9-го ноября 1833 г., а именно: „я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ... Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ" (Письма Гоголя къ Максимовичу, по подлин. исправл. и дополнен. С. Пономаревымъ. Спб. 1877 г., стр. 3). Дѣйствительно, рукопись Ходаковскаго была затѣмъ переписана, но спеціально ли для Гоголя, или же Максимовичъ заказалъ переписать ее для удобства пользованія пѣснями при своемъ изданіи, рѣшить не берусь; но вѣрнѣе послѣднее, такъ какъ въ переписанномъ экземплярѣ сдѣланы поправки текста, и съ этими поправками напечатаны эти же пѣсни въ изданіи. Когда же рукопись была переписана, она была обѣщана Гоголю, что̀ видно изъ письма послѣдняго отъ 29-го марта 1834 г.: „Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что̀ получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ" (тамъ же, стр. 8). Вскорѣ, впрочемъ, Максимовичъ исполнилъ свое обѣщаніе, такъ какъ въ письмѣ Гоголя отъ 20-го апрѣля читаемъ: „Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги: въ нихъ есть много прелестей" (тамъ же, стр. 9). Что именно этотъ экземпляръ переписанный былъ у Гоголя въ рукахъ, видно изъ нѣсколькихъ пѣсенъ циничнаго содержанія, собственноручно имъ вписанныхъ въ рукопись на оборотѣ листовъ. Рукопись повидимому долго оставалась у Гоголя; въ письмѣ его къ матери, изъ Рима, отъ 5-го февраля 1838, говорится: „Еще я позабылъ спросить васъ: отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ? Сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ" и пр. (Сочин. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 303—304). Г. Кулишъ пишетъ въ примѣчаніи, что рѣчь идетъ о „малороссійскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Зоріаномъ Ходаковскимъ".

Самъ Максимовичъ объ этомъ экземплярѣ въ первый (да кажется—и въ послѣдній) разъ сказалъ въ предисловіи къ изданію пѣсенъ 1849 г.

Но если хоть что-нибудь было извѣстно о переписанномъ экземплярѣ, то о подлинной рукописи Ходаковскаго ничего опредѣленнаго никто нигдѣ не сказалъ, и даже самый слѣдъ ея былъ потерянъ. Разбирая библіотеку Максимовича въ началѣ 80-хъ годовъ, я нашелъ только переписанный экземпляръ въ 2-хъ большихъ частяхъ, писанныхъ in-folio, русской транскрипціей, при чемъ каждая пѣсня писана на отдѣльномъ листѣ, и листы переплетены въ алфавитномъ порядкѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого мнѣ удалось пріобрѣсть изъ частныхъ рукъ и самый *подлинникъ*, о которомъ и сообщу пока нѣсколько наиболѣе характерныхъ данныхъ.

Рукопись заключается въ 2-хъ переплетенныхъ тетрадяхъ, писанныхъ польской транскрипціей. Одна, писанная in 4°, сохранилась вполнѣ и носитъ заглавіе „Spiewy Sławiańskie pod strzechą wiejską zbierane". Эпиграфъ взятъ изъ Красицкаго: „Swięta prostoto, ktoż cię uwielbić zdoła". Всѣхъ номеровъ въ этой тетради 1017, изъ которыхъ только нѣкоторыя пѣсни великорусскія, польскія

и чешскія, а остальныя всѣ малорусскія. Записаны пѣсни почеркомъ твердымъ, довольно красивымъ, но общій видъ тетради производитъ впечатлѣніе черновой записи: записываются пѣсни въ два столбца; очень тѣсно идетъ одна за другой, такъ что можно было бы подумать, что въ записи соблюдена хронологическая послѣдовательность, въ какой Ходаковскій наталкивался на данныя пѣсни, а въ такомъ случаѣ была бы соблюдена и послѣдовательность мѣстности, чтб было бы очень важно для установленія самаго пути, по которому прошелъ Ходаковскій. Къ сожалѣнію, ни хронологической послѣдовательности, ни топографической нѣтъ, такъ какъ пѣсни, записанныя въ одной и той же мѣстности, разбросаны по разнымъ страницамъ тетради; хронологическихъ же датъ въ цѣломъ собраніи нѣтъ ни одной. Это приводитъ къ выводу, что записывалъ Ходаковскій пѣсни первоначально или на листочкахъ, или въ какихъ-нибудь записныхъ книгахъ, откуда впослѣдствіи чернилами уже переносилъ въ данную тетрадь, смѣшивая разновременныя записи. Далеко не всякая пѣсня имѣетъ указаніе, гдѣ записана, но все же датъ этихъ достаточно, такъ что въ концѣ концовъ можно будетъ составить приблизительную карту тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ побывалъ Ходаковскій.

Другая тетрадь, писанная in-folio, сохранилась едва на половину, такъ какъ представляетъ почти истрепанный экземпляръ, на которомъ кто-то сдѣлалъ помѣтку номеровъ пѣсенъ, причемъ на послѣдней изъ сохранившихся страницъ стоитъ 887-я пѣсня, а на первой изъ уцѣлѣвшихъ 273-я. Характеръ записи такой же точно, какъ и въ первой тетради, при чемъ совершенно одинаковъ и характеръ пѣсенъ. (Въ переписанномъ экземплярѣ этого собранія далеко не всѣ пѣсни, такъ какъ тамъ въ обѣихъ частяхъ только до 1000 пѣсенъ). Что касается послѣдняго, то пѣсни встрѣчаются самыя разнородныя, при чемъ историческихъ—меньше всего, а обрядовыхъ, и особенно свадебныхъ—громадное большинство. Подробную характеристику этому собранію можно будетъ дать только тогда, когда, какъ я разсчитываю, черезъ годъ мнѣ удастся приготовить все собраніе къ печати. Сомнѣваться въ томъ, что изданіе это необходимо, кажется, не приходится, въ виду того, что сборникъ Ходаковскаго является поучительной страничкой изъ исторіи нашей этнографіи, такъ какъ въ началѣ 20-хъ годовъ, когда микроскопическое собраніе Цертелева считалось вкладомъ научнымъ, уже можно было издать громадный сборникъ, заключавшій до 2000 пѣсенъ, но въ силу случайности этому сборнику суждено явиться въ свѣтъ (да и то явится ли?) только черезъ 70 лѣтъ въ качествѣ матеріала, имѣющаго уже относительную цѣнность больше для историко-литературныхъ соображеній.

Считаю обязаннымъ сообщить и причину медленности подготовляемаго мною изданія. Такъ какъ матеріалъ этотъ въ громадномъ большинствѣ уже напечатанъ [1]), будучи записанъ впослѣдствіи другими собирателями, то я считаю необходимымъ, печатая все собраніе, снабдить каждую пѣсню полнымъ библіографическимъ аттестатомъ, т.-е. указать, гдѣ, когда и какъ она напечатана. Расположить пѣсни думаю по отдѣламъ, для удобства справокъ. Въ настоящее время у меня почти готовъ отдѣлъ историческихъ пѣсенъ.

---

[1]) Максимовичъ въ свои изданія внесъ самое незначительное число пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго.

ГЛАВА III.

И. И. Срезневскій. — О. М. Бодянскій.

Срезневскій прошелъ долгое и исторически любопытное научно-литературное поприще, на которомъ успѣлъ совершить много важныхъ трудовъ, дающихъ ему почетное мѣсто въ развитіи нашей науки. Обзоръ этого поприща не входитъ въ нашу настоящую задачу [1]), и мы коснемся дѣятельности Срезневскаго лишь по отношенію къ малорусской этнографіи, гдѣ нѣкогда одинъ изъ его первыхъ трудовъ произвелъ большое впечатлѣніе [2]).

Ученое поприще Срезневскаго началось въ другой области, именно въ области политической экономіи и статистики, но уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ его влекло къ народной старинѣ и поэзіи; затѣмъ Срезневскій вскорѣ получилъ возможность направить свои труды на

[1]) Мы говоримъ о немъ въ „Исторіи русскаго славяновѣдѣнія".

[2]) По смерти его, явился рядъ некрологовъ; одинъ былъ напечатанъ въ „Вѣстн. Евр." 1880. Объ его дѣятельности см.:

— „Импер. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія". Спб. 1870.

— „Библіографическій списокъ сочиненій и изданій ордин. академика Импер. Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго. Ко дню пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности составленъ въ Отдѣленіи русск. языка и словесности". Спб., 1879, 4°; и въ особенности:

— Отчетъ о дѣятельности Второго отдѣленія имп. Акад. Наукъ за 1880 годъ, составленный А. Ѳ. Бычковымъ („Сборникъ" II Отд., т. XXII, № 6, Спб. 1881), гдѣ стр. 18—79 посвящены (до сихъ поръ наиболѣе обстоятельному) обзору ученыхъ трудовъ Срезневскаго, а затѣмъ, стр. 79—126, повторенъ библіографическій списокъ его сочиненій и изданій, но съ бо̀льшими подробностями противъ изданія 1879 г.

— Лучшая, очень тепло и живо написанная, біографія Срезневскаго принадлежитъ В. И. Ламанскому, его ученику, а потомъ сотоварищу по каѳедрѣ: „Измаилъ Ив. Срезневскій (1812—1880). Оттискъ изъ Исторической Записки о дѣятельности Импер. Моск. Археологическаго Общества за первые 25 лѣтъ существованія". М. 1890.

любимые предметы, и съ тѣхъ поръ до конца жизни работалъ въ русской этнографіи, археологіи, филологіи и славистикѣ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (1812—1880) былъ великоруссъ по происхожденію (онъ родился въ Ярославлѣ, а родъ его шелъ изъ рязанской губерніи), но все дѣтство и юность провелъ въ Малороссіи, особливо въ Харьковѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ россійскаго краснорѣчія и поэзіи и вмѣстѣ инспекторомъ казенно-коштныхъ студентовъ. Онъ рано потерялъ отца, и послѣ домашняго воспитанія очень рано, 14 лѣтъ, поступилъ въ университетъ, гдѣ и кончилъ, 17 л., тогдашній трехлѣтній курсъ. Харьковскій университетъ [1], основанный въ первые годы царствованія Александра I, всего больше благодаря усиліямъ извѣстнаго патріота-мечтателя, Каразина, университетъ Харьковскій, какъ и другія подобныя учрежденія того времени, въ первыя десятилѣтія своего существованія носилъ довольно странный характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что русская жизнь нуждалась въ просвѣщеніи, что основаніе новаго высшаго учебнаго учрежденія было величайшей заслугой тѣхъ, кто его осуществилъ, и было дѣломъ, въ высокой степени благотворнымъ: нужно было, наконецъ, разбудить людей отъ умственной спячки, дать общественной жизни запасъ необходимыхъ научныхъ средствъ, дать основу для работы сознанія. Первые шаги на этомъ пути были неловки и неувѣренны, и желчные консерваторы не упускали указывать на слабыя стороны новыхъ университетовъ, для которыхъ надо было выписывать иностранныхъ профессоровъ, и для которыхъ пока не было приготовлено учениковъ. Такова была филиппика противъ университетовъ, основанныхъ при Александрѣ I, въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“ Карамзина. Неловкости и затрудненія дѣйствительно случались: первые слушатели бывали мало приготовлены къ университетской наукѣ; профессоровъ русскихъ недоставало и ихъ выписывали изъ-за границы не только въ первое время, но и позднѣе, — какъ долго еще выписывали ученыхъ для императорской Академіи наукъ. Но эти затрудненія были неизбѣжны при первой постановкѣ науки въ обществѣ, ранѣе ея не имѣвшемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не откуда было взять русскихъ ученыхъ; новая наука должна была когда-нибудь бросать свои первые корни, но позднѣйшее ея развитіе, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какія пришлось ей испытывать съ разныхъ сторонъ, и при всѣхъ ея недостаткахъ, указываетъ, что это было, однако, дѣло жизненное и для русскаго общества необходимое. Новое обра-

[1]) Любопытный и богатый характерными чертами разсказъ о старомъ харьковскомъ университетѣ далъ Де-Пуле, въ momentum lucidum его писательства („Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій“, въ „Вѣстн. Европы“, 1874, январь и февраль).

зованіе пролагало себѣ дорогу и овладѣвало умами; новый кругъ людей съ научными понятіями мало-по-малу собрался и, наконецъ, заявилъ интересы знанія въ мѣстной литературѣ и общественной жизни замѣчательными трудами.

Положеніе провинціальнаго университета въ ту пору, когда провинція гораздо больше, чѣмъ теперь, была отдалена и отрѣзана отъ центровъ и вела свою замкнутую жизнь,—это положеніе съ своей стороны отражалось на складѣ мѣстной образованности. Историкъ Харьковскаго университета отмѣчаетъ какъ черту этого мѣстнаго просвѣщенія извѣстный мечтательный (слегка поверхностный) идеализмъ, который былъ понятенъ въ средѣ образованныхъ людей, удаленныхъ отъ болѣе сильнаго движенія литературныхъ и научныхъ центровъ. Предоставленные самимъ себѣ, находя мало отвѣта на свои идеи въ окружающей средѣ, эти люди естественно впадали въ отвлеченность, въ сантиментальныя мечтанія на тему своихъ новыхъ идей. Уединенность университета дѣлала и другое. Въ немъ издавна бывали люди, искренно преданные наукѣ и ревностно для нея работавшіе, какъ филологъ и эстетикъ Кронебергъ, какъ позднѣе историкъ Лунинъ, оставившій по себѣ память талантливаго профессора и рѣдко чистаго характера; но большинство или дѣлались чиновниками,—какъ однимъ изъ примѣровъ этого былъ профессоръ и ректоръ университета, и малорусскій поэтъ, Гулакъ-Артемовскій,—или излѣнивались: университетская наука, въ такихъ рукахъ, очень запаздывала.

Но надо представить себѣ незатѣйливую простоту провинціальнаго быта, слишкомъ скромный уровень обычнаго „просвѣщенія", чтобы оцѣнить то оживляющее вліяніе, какое производила и эта небольшая наука. Она во всякомъ случаѣ была глубоко благотворна для воспріимчивыхъ, живыхъ умовъ, открывала для нихъ разумную дѣятельность и, въ частности, будила интересы къ мѣстной исторической и народно-поэтической старинѣ. Въ этомъ университетѣ воспитывались Срезневскій и Костомаровъ.

Въ тѣ годы, когда Срезневскій проходилъ свою университетскую школу, сама окружающая жизнь была еще преисполнена отголосками малорусской старины. Еще жило много историческихъ воспоминаній; эпическая поэзія бандуристовъ и богатая лирика были еще въ полномъ цвѣту; малорусскій обычай хранился не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ классѣ, и въ быту малорусскихъ помѣщиковъ; въ кругу людей стараго вѣка ходила по рукамъ малорусская книжная старина, лѣтописи и иные историческіе памятники, и изъ ихъ рукъ эти памятники начинали прямо переходить въ руки людей новаго ученаго образованія, которые вывели ихъ потомъ и въ лите-

ратурный свѣтъ... Съ конца прошлаго вѣка вступилъ въ литературу и живой малорусскій языкъ, сначала въ рѣдкихъ произведеніяхъ, иногда несомнѣнно талантливыхъ и оригинальныхъ, съ народнымъ колоритомъ и юморомъ, которыя имѣли большой успѣхъ въ своей публикѣ, потому что затрогивали чувствительную струну еще незаглохшей мѣстной народности въ образованномъ кругу... Въ малорусскомъ обществѣ конца прошлаго и первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка очевидно шло какое-то броженіе: въ концѣ прошлаго столѣтія были еще живыя воспоминанія старой малорусской особенности; эти воспоминанія ходили еще въ образѣ живыхъ людей стараго порядка и съ ихъ идеями, и съ архаической внѣшностью. Эти бытовыя явленія кончили, конечно, свою роль и должны были отойти въ могилу исторіи; но была еще крѣпка любовь къ бытовой старинѣ; ея любителями бывали и большіе паны, важные люди въ родѣ упоминавшагося выше Трощинскаго. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія къ этимъ малорусскимъ патріотическимъ интересамъ, — на которыхъ оперлась и возрождавшаяся въ новомъ видѣ малорусская литература, —присоединились (намъ кажется, не вполнѣ еще разъясненнымъ образомъ) интересы панславистическіе. Такъ, когда въ Кіевъ проникла мода на масонскія ложи, тамошняя ложа (1818) приняла названіе „Соединенныхъ Славянъ"; въ 1823, основывается, опять съ тѣмъ же именемъ, особое тайное общество, примкнувшее потомъ къ южному обществу. Въ „Донесеніи Слѣдственной Коммиссіи" 30 мая 1826 г. упоминаются показанія о какихъ-то „малороссійскихъ обществахъ" съ политическими цѣлями [1]). Здѣсь же въ Харьковѣ, носился съ панславистическими планами упомянутый Каразинъ, предлагавшій свои мечтанія о панславянскомъ царствѣ правительству императора Александра I.

Чрезвычайно любопытнымъ памятникомъ того же броженія мѣстныхъ историческихъ воспоминаній и политическихъ идеаловъ осталась знаменитая „Исторія Руссовъ", ходившая по рукамъ подъ именемъ архіепископа Георгія Конисскаго и лишь въ недавнее время признанная подложною. Не принадлежа вовсе Конисскому, эта „Исторія", наполненная или живыми еще преданіями, или тенденціознымъ изложеніемъ южно-русской исторіи, остается характернымъ произведеніемъ, рисующимъ задушевныя понятія и мечты мѣстныхъ патріо-

[1]) Одно малороссійское общество основывалось какимъ-то Новиковымъ при масонской ложѣ; другое малороссійское общество „будто бы имѣло цѣлію отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому королевству польскому". Послѣднее показаніе, въ самомъ „Донесеніи" (стр. 17), признано, впрочемъ, основаннымъ на догадкахъ и найдено несправедливымъ. Любопытно все-таки, что бродили мысли подобнаго рода.

товъ. Другимъ, болѣе раннимъ любопытнымъ фактомъ того же настроенія остается великая мѣстная популярность извѣстнаго „философа“ Сковороды, о которомъ, между прочимъ, не разъ писалъ и говорилъ Срезневскій... Эти воспоминанія о старинѣ представлялись тѣмъ живѣе, что бытовыя особенности края бросались въ глаза, говорили о другомъ оттѣнкѣ племени, о другой исторіи. Замѣчательно, что, какъ именно здѣсь на югѣ показались первые темные намеки на панславизмъ, такъ здѣсь же потомъ развивался особый интересъ къ славянскому національному возрожденію, къ изученію другихъ славянскихъ народностей. Послѣ мечтаній о „Соединенныхъ Славянахъ“ въ Кіевѣ, послѣ всеславянскихъ мечтаній Каразина, здѣсь же на югѣ, или въ средѣ малорусскихъ уроженцевъ и патріотовъ, встрѣчаемъ и первые опыты научныхъ славянскихъ интересовъ. Въ тридцатыхъ годахъ, когда у насъ еще не было никакихъ прямыхъ средствъ изученія славянства, Вадимъ Пассекъ, обжившійся въ Харьковѣ, соединяетъ малорусскій патріотизмъ съ философско-историческими разсужденіями о судьбахъ славянства; Артемовскій худо ли, хорошо ли знаетъ о новомъ славянскомъ движеніи; Бодянскій пишетъ книгу о славянской народной поэзіи; Срезневскій въ Харьковѣ записываетъ и издаетъ словацкія пѣсни, переводитъ и объясняетъ чешскіе памятники; при посылкѣ за границу первыхъ будущихъ славистовъ, два послѣдніе являются въ числѣ посылаемыхъ, и къ нимъ присоединяется еще южанинъ, Григоровичъ; еще нѣсколько лѣтъ спустя, натурализованный въ малороссы Костомаровъ основываетъ свое панславистское Кирилло-Меѳодіевское общество... Надо думать, что въ этомъ первомъ пробужденіи славянскихъ сочувствій играло извѣстную роль нѣкоторое сходство въ самомъ положеніи народностей: возникавшая литература на малорусскомъ языкѣ; богатая народная поэзія, которую начали теперь изучать какъ памятникъ старой и источникъ оживающей въ литературѣ народности, имѣли несомнѣнно точки сближенія съ славянскимъ возрожденіемъ, особливо ежели вспоминалась Галиція, гдѣ это народное движеніе было вполнѣ тождественно съ возрожденіемъ другихъ славянскихъ народностей на югѣ и западѣ. Быть можетъ, отозвался здѣсь, какъ нѣкоторые думали, и отголосокъ старыхъ связей Малороссіи съ южнымъ славянствомъ, когда сербы приходили учиться въ Кіевскую академію или когда направлялись въ Малороссію сербскія поселенія въ прошломъ столѣтіи. Сближеніе съ польскимъ обществомъ и литературой было возможно (какъ разсказываетъ Де-Пуле) въ самомъ Харьковѣ, гдѣ жило много поляковъ, и т. д.

Срезневскій, не бывши малоруссомъ по рожденію, благодаря всей обстановкѣ увлекся, какъ истый малоруссъ, народными преда-

ніями и поэзіей края, и его, еще юношескія, работы по этому предмету надолго дали ему авторитетъ въ малорусской этнографіи. „Запорожская Старина" долго была источникомъ обильныхъ цитатъ въ изслѣдованіяхъ о малорусской старинѣ и изданныя въ ней думы переносились отсюда въ другіе сборники, какъ перлы южно-русскаго эпоса... То обстоятельство, что не-малоруссы (какъ былъ Срезневскій, а, пожалуй, и Костомаровъ) бывали ревностными дѣятелями въ области малорусской этнографіи и исторіи, — это обстоятельство, какъ извѣстно, послужило какимъ-то образомъ у враговъ украинофильства новымъ обвиненіемъ противъ него: это будто бы указывало ненормальность движенія, поддержаннаго силами чужихъ дѣятелей (въ которыхъ надо было предположить какое-то заблужденіе); но Котляревскій, Квитка, Артемовскій также поддерживающіе это движеніе, не были чужими, и приведенный фактъ доказываетъ совсѣмъ противное, а именно оригинальную силу той мѣстной исторической и этнографической стихіи, которая дѣйствовала даже на людей собственно ей чуждыхъ, и увлекала ихъ къ изученію этой мѣстной жизни. И это нимало не было заблужденіемъ съ ихъ стороны: Малороссія—не чужая страна, а свой для насъ край, и сдѣланное ими изученіе и усвоеніе ея историческаго и поэтическаго наслѣдія есть заслуга для „обще-русскаго" цѣлаго.

Въ своей біографіи Срезневскаго, г. Ламанскій такъ обобщаетъ славянскіе и малорусскіе этнографическіе и народолюбивые интересы его первой поры. „Съ отрочества знакомый съ Квиткою, Артемовскимъ-Гулакомъ, съ ихъ друзьями и пріятелями, Срезневскій въ своихъ привязанностяхъ, вкусахъ и направленіи совершенно естественно сталъ пламеннымъ украинцемъ. По примѣру видныхъ представителей тогдашней нашей украинской школы, сильно увлекавшейся Бродзиньскимъ, Мицкевичемъ и другими польскими поэтами, особенно такъ называемой украинской школы (Богд. Залѣсскимъ, Сев. Гощинскимъ, Мальчевскимъ), а также подъ вліяніемъ высокочтимаго Срезневскимъ ученаго и умнаго профессора Даниловича, Срезневскій наравнѣ съ своими товарищами-ровесниками и нѣсколько младшими пріятелями: Корсуномъ, Боровиковскимъ, Метлинскимъ, Костомаровымъ, рано ознакомился съ польскимъ языкомъ и литературою, съ нѣкоторыми по крайней мѣрѣ трудами разныхъ польскихъ ученыхъ по польской исторіи и славянской старинѣ и древностямъ (Потоцкаго, Нарушевича, Раковецкаго, Чацкаго, Мацѣевскаго, Войцицкаго и пр.). Сверхъ знакомыхъ уже юному Срезневскому замѣчательнаго путешествія Фортиса по Далмаціи и нѣкоторыхъ книжекъ В. Караджича, интересъ къ южному славянству могъ пробудить въ даровитомъ юношѣ проживавшій въ Харьковѣ и близкій

къ его университету, извѣстный своими давними симпатіями къ сербамъ, Каразинъ. И въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ Срезневскій могъ не разъ встрѣчаться съ разными стариками-поселенцами сербами, еще не забывшими родного языка. Девятнадцатилѣтній юноша, Срезневскій уже знакомился съ заѣзжавшими въ Харьковъ ходебщиками словаками-турчанами, и, еще не подготовленный, съ грѣхомъ пополамъ, записывалъ однако пѣсни, какія могъ отъ нихъ услышать... Та же любовь и энергія, но уже соединенныя съ пониманіемъ и умѣніемъ сказались въ его позднѣйшей замѣчательной работѣ: „Афинскій языкъ въ Россіи“ [1]). Въ теченіе 1833—1838 г. въ рядѣ книжекъ задуманнаго и изданнаго имъ сборника „Запорожская Старина“ Срезневскій выступаетъ ревностнымъ собирателемъ и изслѣдователемъ памятниковъ народной словесности и старины украинской. Въ 1838 году онъ начинаетъ издавать родъ украинской библіотеки въ „Украинскомъ Сборникѣ“... Когда Вадимъ Пассекъ предпринялъ изданіе своихъ замѣчательныхъ для того времени „Очерковъ Россіи“, близкій его пріятель Срезневскій поспѣшилъ дать ему въ первую же книжку нѣсколько статей [2])... Срезневскій былъ горячимъ славянолюбцемъ еще въ Харьковѣ, до отъѣзда своего въ славянскія земли“.

Далѣе. „Пламенный украинецъ сказался въ немъ, сверхъ выше названныхъ статей и изданій, въ его довольно ранней, весьма любопытной статьѣ: „Взглядъ на памятники Украинской народной словесности“—письмо къ проф. И. М. Снегиреву, съ эпиграфомъ: Pauca paucis [3]). Въ настоящее время,—писалъ 22-лѣтній Срезневскій,—нечего доказывать, что языкъ украинскій (или какъ угодно называть другимъ, малороссійскимъ) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые, и многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ, что онъ едва ли уступитъ богемскому въ обиліи словъ и выраженій, польскому въ живописности, сербскому въ пріятности, что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому,—языкъ поэтическій, музыкальный, живописный. Срезневскій вѣритъ въ его литературное будущее. „И почему же глубокомысленный Сковорода, простодушный Котляревскій, богатый фантазіею Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще нѣсколько другихъ, польстившихъ обѣщаніями и надеждой выждать отъ нихъ

---

[1]) „Отечественныя Записки“, 1839, т. V, смѣсь, стр. 1—12.

[2]) Здѣсь были статьи о древнихъ русскихъ письменныхъ памятникахъ, объ извѣстномъ Судѣ Любуши, эпизодъ изъ старой малорусской исторіи.

[3]) Учен. Зап. Имп. Моск. Унив. 1834, VI, окт., стр. 134—150.

что-нибудь достойное Украйны—почему должны они остаться одни въ доселѣ дикой пустынѣ украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкаря, Дорошенки, Палія, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣры передать потомству славу сихъ великихъ людей Украины".

„Эта замѣчательная статья,—продолжаетъ г. Ламанскій,—вмѣстѣ съ живо и доровито написаннымъ предисловіемъ къ „Запорожской Старинѣ" о народной украинской поэзіи, двѣ повѣсти, многочисленныя историческія примѣчанія и біографическіе очерки разныхъ великихъ людей Украины (XVII—XVIII в.) въ Запор. Старинѣ, Очеркахъ Россіи, съ отдѣльными эпизодами изъ исторіи казачества вмѣстѣ съ особымъ прекраснымъ трудомъ: „Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украйны" (Харьковъ, 1839, 8°, 93 стр.) и разными небольшими статьями въ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара (Войсковая скарбница, Ворскла и пр.) обнаруживаютъ несомнѣнный литературный талантъ, большую начитанность, внимательное изученіе украинской исторіи. Всѣ эти труды и изданія высоко ставятъ молодого Срезневскаго въ ряду писателей и дѣятелей нашей украинской школы 30-хъ годовъ, давшей Россіи не мало людей даровитыхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Какъ во всякой школѣ и новомъ направленіи, въ ней были двѣ стороны: здоровая, вѣчно живая и односторонняя, преходящая. Отличавшая ее горячая любовь къ народности и родной старинѣ воспитывала въ представителяхъ и приверженцахъ школы пониманіе и ревностное изученіе народной рѣчи, поэзіи, уваженіе къ народной жизни, ея нравамъ и свободѣ, но эта же любовь нерѣдко выражалась въ одностороннихъ, болѣзненныхъ увлеченіяхъ, неизбѣжныхъ впрочемъ спутникахъ всѣхъ новыхъ, самыхъ даже плодотворныхъ, направленій въ литературѣ, наукѣ, жизни".

Направленіе, въ которомъ съ самаго начала и надолго сложились его литературныя и народолюбивыя воззрѣнія, была та романтическая народность, которая въ тѣ годы господствовала въ литературномъ отношеніи къ народу (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій; во второмъ ряду — романисты и поэты: Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Вельтманъ и пр.), и начиналась въ историко-этнографическихъ изслѣдованіяхъ (Максимовичъ, Вадимъ Пассекъ; частію Даль и др.). Мы указывали при другомъ случаѣ достоинства и недостатки этой романтической народности. Большой заслугой ея было то, что она предчувствовала великую научную и нравственно-общественную важность изученія народа и будущее вліяніе идеи народа въ сознаніи общества и въ самой дѣйствительной жизни. Романтики народности угадывали — иногда какъ бы только инстинктомъ (потому

что не всегда умѣли этого теоретически объяснить) — недостаточность одной чисто-государственной исторіи народа и того отношенія къ народной жизни, которое господствовало тогда въ понятіяхъ большинства и въ житейской рутинѣ и, въ сущности, съ одной стороны было оффиціальное и канцелярское, съ другой помѣщичье; они угадывали также пошлость и ложь той пустой сантиментальности, съ которою начинали-было обращаться къ народу ихъ предшественники, писатели карамзинской школы. Заслугой романтиковъ было стремленіе искать въ народной жизни ея внутренняго смысла, историческаго и бытового; но въ выполненіи этой задачи они дѣлали ошибки, потому что разрѣшеніе вопроса, какъ они его ставили, было имъ еще не по силамъ, не по средствамъ нашего тогдашняго знанія. Тотъ результатъ, какого они искали, могъ быть достигнутъ только цѣлымъ рядомъ историко-филологическихъ наукъ, которыя только-что основывались, а кромѣ того постановкой серьезнаго и нимало не идеалистическаго соціальнаго вопроса; они думали, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ поэзіей и чувствомъ; — не знаемъ, насколько для большинства ихъ ясенъ былъ вопросъ соціальный и даже представлялся ли онъ имъ.

„Несомнѣнная даровитость и большая начитанность,—говоритъ далѣе г. Ламанскій о той порѣ біографіи, — обнаруженныя въ разныхъ статьяхъ и историческихъ очеркахъ, не прикрываютъ недостатка въ трезвомъ критическомъ отношеніи къ источникамъ и пособіямъ и риторически-морализующаго и сентиментальнаго характера, въ манерѣ Нѣмцевича или его подражателя у насъ Рылѣева, въ изображеніи запорожцевъ и разныхъ великихъ людей Украйны. Эта манера въ изображеніи предковъ или національной жизни и у насъ была свойственна Карамзину, особенно въ первыхъ частяхъ его исторіи, и вообще его школѣ. Она была вытѣснена изъ нашей литературы лишь Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ. Но она еще долго господствовала во всѣхъ западно-славянскихъ литературахъ, съ которыми наша украинская школа имѣла много внутренняго сродства, быть можетъ, вслѣдствіе общаго съ ними характера провинціальности. Этой манеры не чуждъ былъ самъ Мицкевичъ не только въ талантливыхъ, хотя исполненныхъ ходульности и фальши, Валенродѣ, Дзядахъ, Редутѣ Ордона, даже въ лучшемъ его созданіи „Панъ Тадеушъ“, гдѣ на всей картинѣ быта старосвѣтскихъ польскихъ помѣщиковъ въ Литвѣ, ихъ отношеній къ крѣпостнымъ и отношеній евреевъ къ населенію, разлитъ сильный идиллистическій тонъ, не лишенный дѣланности и неправды. Въ этомъ отношеніи вся польская поэзія съ Мицкевичемъ во главѣ была гораздо ближе, сроднѣе и понятнѣе всѣмъ западно-славянскимъ литературамъ, не только 30-хъ го-

довъ, но и позднѣйшихъ десятилѣтій, чѣмъ русская, съ исхода 20-хъ и въ 30-хъ годахъ имѣвшая уже Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Каменнаго Гостя, Русалку, Скупого Рыцаря, повѣсти Бѣлкина, Дубровскаго и Капитанскую Дочку, и вслѣдъ затѣмъ получившая отъ той же Украйны, нашею украинскою школою вполнѣ не представленной и не исчерпанной, Гоголя съ его Шинелью, Записками сумасшедшаго, Женитьбою, Тяжбою, Ревизоромъ и Мертвыми Душами".

Срезневскій не любилъ Гоголя; г. Ламанскій вѣрно объясняетъ, что Гоголь былъ несочувственъ ему за свой реализмъ; Срезневскій въ этомъ случаѣ сходился съ другими романтиками, также не выносившими Гоголя, какъ напр., Полевой и другіе. Въ этомъ отношеніи украинскій романтизмъ сходился съ западно-славянскимъ. „Не только Одыньцу и Залѣскому или Красиньскому и Словацкому,—продолжаетъ г. Ламанскій, — но и самому Мицкевичу, Гоголь, авторъ Ревизора, Мертвыхъ Душъ, какъ художникъ, не могъ рѣшительно нравиться, точно также какъ и Коллару, Шафарику, Воцелю, Маху, Эрбену, Фричу, или представителямъ такъ называемой иллирской школы. Не только въ 40-хъ годахъ, но и гораздо позже у западныхъ славянъ читали, переводили, любили Мицкевича, совсѣмъ мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. У нихъ давно самымъ любимымъ и наиболѣе читаемымъ изъ русскихъ писателей былъ Булгаринъ. Наша украинская школа даже въ высшемъ и позднѣйшемъ своемъ представителѣ Шевченкѣ была въ иныхъ отношеніяхъ ближе и родственнѣе Мицкевичу, Словацкому, чѣмъ Пушкину или Гоголю (Гайдамаки, Катерина, Кавказъ)" [1]. Относительно западно-славянскихъ литературъ должно прибавить, что непониманію Пушкина и особливо Гоголя вообще содѣйствовало и малое знаніе или совершенное незнаніе русской жизни.

Укажемъ еще замѣчаніе біографа. „Украинское направленіе молодого Срезневскаго, его украинскія сочувствія, пристрастія и занятія чрезвычайно помогли ему сразу вступить твердой ногой на почву славяновѣдѣнія и въ скорости стать однимъ изъ крупныхъ славистовъ, быстро сблизили его съ главными представителями, лучшими учеными и писателями западнаго славянства и живо ввели его въ кругъ ихъ интересовъ и сочувствій, дали Срезневскому умѣнье и навыкъ въ обращеніи съ народомъ, въ наблюденіяхъ его быта, въ изученіи языковъ и говоровъ западно-славянскихъ".

Съ этихъ поръ началась другая область дѣятельности Срезнев-

[1]) „И. И. Срезневскій", Ламанскаго, стр. 2—7. Объ этихъ украинско-польскихъ литературныхъ отношеніяхъ см. также обильныя указанія въ названной книгѣ г. Дашкевича.

скаго—широкіе интересы славяновѣдѣнія и изученія русской старины, письменности и языка. Спеціально украинскіе интересы уже не возвращались.

Въ 1833—38 годахъ Срезневскій издавалъ „Запорожскую Старину“ [1].

Это была, въ полномъ смыслѣ слова, юношеская работа, живая, своеобразная, но и стоившая не малыхъ изученій. Книга посвящена была собиранію малорусскихъ историческихъ преданій и пѣсенъ, пересказу событій южно-русской, по термину Срезневскаго, „запорожской“ исторіи (по малорусскимъ лѣтописямъ и инымъ источникамъ), опытамъ критики и т. д.

Предисловіе Срезневскаго къ „Запорожской Старинѣ“ рисуетъ романтическое настроеніе, съ которымъ онъ приступаетъ къ своему дѣлу:

„Издавая въ свѣтъ мое собраніе запорожскихъ пѣсенъ и думъ,—говорилъ онъ,—я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую,—бытъ, правы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ, который своею храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже Малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни, и характеромъ, будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства... Бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ, и онъ находитъ для своихъ изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

„Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ воинниковъ Запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями (?), подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

„И доселѣ на Украинѣ есть какъ бы особенный цѣхъ стариковъ, кои то подъ названіемъ и ремесломъ нищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село и тѣшатъ народъ своей игрой на бандурѣ, своими печальными напѣвами пѣсенъ и думъ старинныхъ, своими разсказами про былое.

„Въ памяти сихъ стариковъ живетъ старина Запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ лѣтописей. Хотя преданія о старинѣ, ими разсказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необходимы для всякаго, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и [illegible] остальной Украины. Что касается до событій, до внѣшней исторіи народа

[1] Запорожская Старина. MD- MDCXL. Изданіе Измаила Срезневскаго. Часть [illegible] вторая. Три книжки. Харьковъ, 1833—1834.—MDCXL—MDCCIX. Часть II. Т[illegible] [illegible] [illegible] 1834, 1835, 1838, 12°.

какъ называютъ Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ,—въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности происшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь, ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика поможетъ отличить истину отъ вымысла. Другой родъ преданій бандуристовъ — о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т.-е. о всемъ, чтó касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ по содержанію, и по обширности. Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другого рода суть пѣсни и думы.

„И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками,—старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго сладкогласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто подобно полету урагана степного, подъ глухія завыванья котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кипучая волна Ненасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую,—пробивается, и застываетъ на ней. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое, непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, — питается однимъ желаніемъ битвъ,—юноши, который, неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагою, самонадѣянностью.—То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьѣ могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли, будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада,—то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго...

„Таковъ общій характеръ думъ и пѣсенъ Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора-беллетристика, важны для историка и этнографа. Подчиненныя музыкѣ, будучи вытверживаемы слово въ слово или почти такъ, онѣ подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній, наклонностей народа: онѣ суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, чтò доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думахъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ...

„Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмѣльницкаго.

„Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣсенъ и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ—около двадцати пѣсенъ; всего не болѣе 40 пьесъ, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзіи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи Запорожцевъ—побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною; большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее,—наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ".

Если читатель сравнитъ этотъ отрывокъ съ тѣмъ, что́ мы приводили въ другомъ мѣстѣ изъ Вадима Пассека, онъ найдетъ чрезвычайное сходство въ возбужденномъ настроеніи обоихъ писателей, которое стремилось въ прошедшемъ къ поэтическимъ картинамъ больше, чѣмъ къ опредѣленію самыхъ фактовъ, и напр., въ данномъ случаѣ къ первоначальной критикѣ сообщаемыхъ текстовъ. Правда, Срезневскій дѣлалъ нѣчто въ этомъ послѣднемъ отношеніи,—по его словамъ онъ сличалъ тексты, исправлялъ ошибки и т. п.; но впослѣдствіи именно въ этой сторонѣ дѣла оказались крупные недостатки. Изданіе думъ и преданій имѣло всѣ признаки достовѣрности; при думахъ обозначалось, что собиратель или „самъ" списалъ пѣсню „со словъ бандуриста" (что́ отмѣчается при большомъ числѣ пѣсенъ думъ), или получилъ отъ такого-то, имъ называемаго лица; издатель не однажды призывалъ критику и изъявлялъ желаніе воспользоваться ея указаніями. Провѣрять не думали. Если вспомнить, что Срезневскій, по словамъ его въ предисловіи 1833 г., приступилъ къ изданію послѣ „семилѣтняго труда", т.-е. началъ этотъ трудъ, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, можно найти объясненіе, почему въ его работѣ такъ звучитъ романтическая струна, и почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ сборникѣ могли оказаться найденныя потомъ прорухи относительно самаго существеннаго пункта, т.-е. относительно подлинности изданныхъ имъ народныхъ памятниковъ. Была неточность въ его утвержденіи, что онъ „со словъ бандуриста" записывалъ не существовавшія у бандуристовъ думы, и впослѣдствіи онъ не вывелъ изъ заблужденія тѣхъ, кто ими пользовался.

Въ первое время не было никакой мысли о возможности подделки. Думы изъ книги Срезневскаго переходили въ сборники другихъ авторитетныхъ собирателей: такъ Максимовичъ во второмъ сборникѣ

своихъ пѣсенъ, выходившемъ вслѣдъ за первыми книжками „Запорожской Старины“, воспользовался ея матеріаломъ; она цитировалась учеными, содѣйствуя славѣ малорусскаго народнаго эпоса. Нѣкоторыя изъ поддѣлокъ не были лишены литературнаго достоинства напр., дума: „Походъ на поляковъ“ [1]), которая была взята Максимовичемъ въ сборникъ 1834 г., очень нравилась Гоголю, Бѣлинскому [2]), попала въ „Историческую христоматію“ г. Буслаева, какъ превосходная дума и образецъ малорусскаго нарѣчія [3]). Самому Срезневскому, съ тридцатыхъ годовъ, кажется, не приходилось возвращаться къ предмету его давнихъ сочувствій и занятій. Разъ, въ 1854, ему случилось говорить, по поводу новаго сборника, Метлинскаго, о собираніи малорусскихъ пѣсенъ; онъ припомнилъ свои старыя работы, но говорилъ о текстахъ собранныхъ имъ думъ безъ малѣйшаго сомнѣнія объ ихъ полной пригодности [4]). Съ шестидесятыхъ годовъ началось опять болѣе пристальное изученіе малорусской народной поэзіи — съ появленіемъ журнала „Основа“, съ открытіемъ юго-западнаго отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ; явились новые собиратели; само собой представилось сличеніе вновь собираемаго матеріала съ прежнимъ, и тогда возникли первыя сомнѣнія въ авторитетѣ старыхъ сборниковъ. Срезневскій предварилъ критику „запорожскихъ“ думъ полу-признаніемъ сомнительности нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ высказаннымъ темно, вскользь, въ примѣчаніи [5]).

---

[1]) „Запор. Старина“, I, стр. 102—109.

[2]) Сочиненія, т. V, стр. 86—90.

[3]) Истор. Христ., М. 1861, стр. 1625—32; ср. „Истор. Очерки“, 1861: „объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“, т. I, стр. 210 и дал.

[4]) См. „Извѣстія“ II отд. Акад. наукъ, т. III, 1854, стр. 192: „Обративъ вниманіе на историческій элементъ южно-русской поэзіи, я успѣлъ собрать довольно большое количество думъ и пѣсенъ, относящихся къ событіямъ XVI и XVII вѣка, стараясь объяснить ихъ помощію лѣтописныхъ сказаній и преданій, и ихъ самихъ употребить въ дѣло, какъ историческій источникъ для объясненія лѣтописей. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и опытъ юноши, едва учившагося оцѣнять дотолѣ еще не подвергавшіяся оцѣнкѣ произведенія народной эпопеи русской, мое изданіе было годно только на время. Съ меня довольно было и того, что послѣ моей попытки историческое значеніе пѣсенъ и думъ, и главныя черты характера думъ, какъ особеннаго рода народной поэзіи эпической, принадлежащаго во всемъ славянскомъ мірѣ исключительно Украинѣ, не могли уже подвергаться сомнѣнію и что хоть нѣкоторыя изъ нихъ не погибли безвозвратно (?) подобно многимъ другимъ, исчезнувшимъ въ памяти народной. Позже продолжая собирать думы и пѣсни историческія, я готовъ былъ платить за каждую новую думу по червонцу; но почти постоянно получалъ только варіанты уже извѣстныхъ“.

Нѣтъ ни слова о томъ, что самые тексты могли оказаться сомнительными.

[5]) „Подъ названіемъ Запорожской Старины я издалъ... шесть книжекъ малорусскихъ былевыхъ думъ и пѣсенъ въ повременномъ порядкѣ съ историческими объясненіями. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ записаны самимъ мною со словъ пѣвцовъ

Категорическое заявленіе подложности многихъ думъ въ „Запорожской Старинѣ“ сдѣлано было въ предисловіи и объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ изданію „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, гг. Антоновича и Драгоманова (2 т. Кіевъ, 1874—75). „Съ малорусскою народною поэзіей,—говорили издатели,—повторилось то же, что со всѣми почти другими: ея памятники не только подправляли издатели... но иныя пѣсни совсѣмъ передѣлывались, а другія поддѣлывались. Подобный примѣръ въ западной Европѣ представляютъ признанныя теперь всѣми знатоками передѣлки и поддѣлки въ произведшемъ въ свое время столько шуму и представляющемъ дѣйствительно большія достоинства, литературныя и этнографическія, сборникѣ бретонскихъ пѣсенъ Barzaz-Breiz, Вилльмаркѐ... Кромѣ какого-то страннаго инстинкта къ фальсификаціи, передѣлывать и поддѣлывать пѣсни и думы малорусскія заставляли многихъ своеобразный патріотизмъ русскій и польскій, стремленіе показать въ народныхъ пѣсняхъ слѣды памяти о глубокой древности... то провести пріятныя авторамъ мысли, напр., доказать поддѣльною думою симпатіи козаковъ къ Стефану Баторію и польскому правительству—напр., въ думѣ, *сообщенной* для Запорожской Старины I, стр. 77“, и т. д. [1]). Цѣлый рядъ такихъ поддѣлокъ издателя указывали въ „Запорожской Старинѣ“ [2]). Только въ двухъ думахъ этого сборника, которыхъ „поддѣльность“ издатели „считали возможнымъ доказать“, они нашли извѣстныя литературныя достоинства, но—„остальныя поддѣлки (какъ въ другихъ сборникахъ, такъ особенно въ Запорожской Старинѣ) до того полны ошибокъ въ языкѣ, до того различаются отъ народныхъ пѣсенъ въ характерѣ, что даже странно, какъ могли они такъ долго вводить въ заблужденіе людей, знакомыхъ съ характеромъ неподдѣльно-народныхъ пѣсенъ и думъ малорусскихъ. Большая часть поддѣльныхъ пѣсенъ и думъ (надо сказать, что въ этихъ поддѣлкахъ смѣшиваются весьма неумѣло внѣшнія особенности пѣсни и думы) говоритъ о времени козачества отъ Наливайка до Хмельницкаго—и тутъ мы видимъ занесенными въ эти quasi-народные памятники всѣ заблужденія и ошибки историковъ 30-хъ го-

---

другія мнѣ доставлены пріятелями и благопріятелями“. Сборникъ II отд. Акад. т. V (Переписка Востокова). Спб. 1873, стр. 461—462.

[1]) Истор. пѣсни малор. народа, I, стр. XVIII—XXXII; ср. стр. 159—168; т. II; Кіевъ, 1875, стр. VII—VIII.

[2]) Въ томъ числѣ дума: „Дары Баторія“. Запор. Старина, I, стр. 77—82. Издатели „Истор. пѣсенъ“ обозначаютъ ее „сообщенной“ въ Запор. Старину, но въ примѣчаніи къ ней Срезневскаго (I, стр. 123) сказано прямо: „списана мною со словъ бандуриста“. И при нѣкоторыхъ другихъ поддѣльныхъ думахъ и пѣсняхъ—та же отмѣтка!

довъ, а именно довѣріе къ „Исторіи Руссовъ“, съ которою большинство поддѣльныхъ думъ согласно въ разсказѣ фактовъ въ противность другимъ источникамъ и актамъ,—чего въ народныхъ думахъ именно и не замѣчается,—перенесеніе Савы Чалаго изъ XVIII-го вѣка въ XVI-й, во время Наливайка, которому поддѣльныя думы дѣлаютъ современникомъ и современника Чалаго, Гнатка Голаго, дѣлая въ то же время изъ *кравчины*, т.-е. отряда, лицо, которое издатели принимаютъ за Наливайка, и т. д.“

Наконецъ, подробный разборъ заподозрѣнныхъ пѣсенъ сдѣлалъ Костомаровъ [1]), и относительно цѣлаго ряда думъ и пѣсенъ, пущенныхъ въ ходъ особливо „Запорожскою Стариной“, собралъ тѣ основанія, которыя заставляютъ убѣждаться въ справедливости подозрѣній (стр. 611—628). „Наиболѣе вводили насъ въ заблужденіе,—говорилъ Костомаровъ,—сборники русскихъ собирателей, какъ „Запорожская Старина“ Срезневскаго, сборникъ Максимовича (который пользовался предыдущимъ), да и отчасти сборники другихъ собирателей. Область народной поэзіи представлялась намъ нагруженною невѣдомыми сокровищами, народный языкъ былъ недостаточно изученъ—все казалось возможнымъ, никто не чувствовалъ въ себѣ столько силъ и столько знанія, чтобы изречь приговоръ надъ тѣмъ, что̀ въ ней существуетъ и что̀ можетъ существовать, и что̀ противорѣчитъ ея духу, языку и пріемамъ. Поэтому неудивительно, что собиратели заносили въ свои изданія даже такія произведенія, о которыхъ положительно извѣстно, кѣмъ они написаны—какъ, напр., „Віють вітри“ Котляревскаго, или „За Німанъ иду“ Писаревскаго и т. п... Теперь почти невозможны тѣ заблужденія, въ какія впадали прежніе собиратели и изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе изданныя прежде пѣсни не-народнаго происхожденія, принимавшіяся за дѣйствительно народныя, успѣли уже оставить вредныя вліянія въ наукѣ и литературѣ“...

Переходя къ самому разбору этихъ подозрительныхъ произведеній, Костомаровъ замѣчаетъ, что главное, что̀ заставляетъ сомнѣваться въ ихъ подлинности, это—полное ихъ отсутствіе въ народномъ обращеніи въ настоящее время: до сихъ поръ не было встрѣчено не только ни одной изъ этихъ пѣсенъ, но и никакого слѣда ихъ. „Могутъ намъ возразить, что онѣ могли существовать прежде, но теперь забылись, тѣмъ болѣе, что были достояніемъ однихъ бандуристовъ, а не всего народа. Дѣйствительно, можно найти примѣры, какъ старинныя пѣснопѣнія исчезали. Но не страннымъ ли покажется то обстоятельство, что разомъ исчезло безслѣдно столько думъ и пѣсенъ

---

[1]) „Историческая поэзія и новые ея матеріалы“, статья по поводу изданія гг. Антоновича и Драгоманова, въ „Вѣстникѣ Евр.“, 1874, декабрь.

тогда какъ другія до сихъ поръ продолжаютъ еще пѣться между бандуристами? Притомъ, почему исчезли именно такія, которыя такъ отличны отъ оставшихся и представляютъ черты, возбуждающія подозрѣніе въ дѣйствительно-народномъ ихъ происхожденіи?"

Но подобная отговорка или возраженіе теряютъ всякую важность при разборѣ самаго содержанія пѣсенъ и ихъ формы. Въ содержаніи оказываются или съ книжною историческою тенденціей придуманные сюжеты, или совершенно противные духу народной поэзіи пріемы, обороты и сравненія, а въ языкѣ—не народныя слова и выраженія. И Костомаровъ приводитъ примѣры, убѣждающіе въ невозможности извѣстныхъ пѣсенныхъ оборотовъ и выраженій въ устахъ настоящаго народнаго пѣвца.

„Мы не ставимъ,—кончаетъ Костомаровъ, —вопроса: были ли эти думы и пѣсни составлены нарочно для того, чтобы морочить любителей народной поэзіи, или же онѣ написаны, какъ всякое другое поэтическое произведеніе, вовсе не съ цѣлію выдавать ихъ за народныя, а собиратели ошибочно включили ихъ въ число народныхъ; во всякомъ случаѣ онѣ долго вводили насъ въ заблужденіе". По словамъ Костомарова, Максимовичъ, послѣ того какъ прожилъ десятки лѣтъ на родинѣ, самъ признавалъ заподозрѣнныя пѣсни подложными и къ замѣчаніямъ Костомарова о признакахъ поддѣльности прибавлялъ и собственныя; Максимовичъ говорилъ, что когда жилъ еще въ Москвѣ, вдали отъ родины, онъ обманулся думами „Запорожской Старины",—тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, онѣ составлены были „даровитымъ авторомъ".

Не было ли отголоскомъ этой старой исторіи то, что въ послѣдующее время, когда онъ, хотя про себя, сознавалъ значеніе „Запорожской Старины", Срезневскій бывалъ особенно требователенъ къ изданіямъ произведеній народной словесности, легко подвергалъ ихъ сомнѣнію и, напр., заподозривалъ труды Рыбникова, когда тотъ впервые выступилъ съ своими открытіями памятниковъ древняго русскаго эпоса, встрѣченнаго имъ въ Олонецкомъ краѣ? Но на указанныя замѣчанія о „Запорожской Старинѣ" онъ ничѣмъ не отозвался.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій (1808—1876) родился въ Полтавской губерніи, въ мѣстечкѣ Варвѣ, лохвицкаго уѣзда [1]). Онъ про-

[1]) Для біографическихъ свѣдѣній, см.:
— Біографическій Словарь профессоровъ московскаго университета. М. 1855.
— Воспоминанія студентства, 1832—1835 г., К. Аксакова, въ „Днѣ", 1862, № 39—40.

исходилъ изъ духовнаго званія и учился въ полтавской семинаріи, находившейся тогда въ г. Переяславѣ, и затѣмъ, уволившись изъ духовнаго званія, поступилъ въ 1831 г. въ московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1834 г. Въ половинѣ 1837 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію: „О народной поэзіи славянскихъ племенъ".

Въ то время возникла мысль объ основаніи въ нашихъ университетахъ славянскихъ каѳедръ, и Бодянскій первый былъ выбранъ и отправленъ за границу, въ августѣ 1837 года, „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій въ извѣстныя чѣмъ-либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи, Пруссіи, а также и въ Варшаву". Онъ посылался на два года, но потомъ срокъ его пребыванія въ славянскихъ земляхъ былъ продолженъ, такъ что Бодянскій возвратился въ Москву лишь въ половинѣ 1842 года. Въ концѣ октября этого года онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій.

— Некрологи: „Вѣстн. Евр.", 1877, № 10, стр. 899—904; Газета Гатцука, 1877, № 38—40; „Голосъ", 1877, № 212—213.

— О. М. Бодянскій, историко-библіографическая поминка А. А. Котляревскаго, въ „Славянскомъ Ежегодникѣ", 1878, стр. 343—352.

— На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. Срезневскаго, въ „Сборникѣ" II Отдѣленія Академіи, т. XVIII. 1878, стр. 1—47.

— О. М. Бодянскій. Д. Д. Языкова, „Древн. и Новая Россія", 1878, № 1.

— Рѣчи и отчеты моск. Университета, 12 января 1878, стр. 27—32, ст. А. Дюверпуа.

- О. М. Бодянскій. М. Семевскаго, „Р. Старина", 1879, май, стр. 205—218.

— Статья Н. А. Попова, тамъ же, ноябрь, стр. 461—480.

— Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. Н. Барсукова. Спб. 1880.

— Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель (1835—1861). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. А. Попова. Три выпуска. М. 1879—80. Вып. I: письма О. М. Бодянскаго.

— Отрывки изъ дневника Бодянскаго были сообщены А. А. Кочубинскимъ въ „Историч. Вѣстникѣ" и г. Павловскимъ въ „Р. Старинѣ", 1888, ноябрь, стр. 394—416, и 1889, окт., стр. 123—141.

— Для біографіи Бодянскаго много матеріала въ собраніи А. А. Титова, который многое пріобрѣлъ изъ библіотеки Б—го по его смерти, въ томъ числѣ его переписку. См. „Охранный Каталогъ", Ростовъ, 1881—88, три выпуска (въ указателѣ). Отсюда сообщены между прочимъ оригинальныя письма къ Бодянскому Максимовича, изданныя Е. В. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ" Моск. Общества ист. и древн. 1887, кн. I. („Матеріалы для исторіи Имп. Общества ист. и древн. россійскихъ. Переписка гг. дѣйств. членовъ Общества, 1830—1876").

— Въ названной книгѣ Дашкевича (отчетъ о XXIX-мъ присужденіи Увар. наградъ) есть замѣчанія и о дѣятельности Бодянскаго.

Съ этихъ поръ начинается его неустанная, плодотворная дѣятельность въ области русской исторіи и славянскихъ изученій. Въ 1843 г. онъ перевелъ знаменитую книгу Шафарика: „Славянское Народописаніе", которая вмѣстѣ, съ его же „Древностями", впослѣдствіи также переведенными Бодянскимъ, имѣли великое значеніе въ изученіяхъ славянства, какъ первые цѣльные труды, обнимавшіе весь славянскій міръ и исполненные съ обширнымъ знаніемъ. Такое значеніе имѣли эти книги Шафарика и въ нашей литературѣ.

Въ 1845 году Бодянскій перевелъ съ польскаго книгу Дениса Зубрицкаго: „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси" (М. 1845).

Еще съ 1837 года Бодянскій выбранъ былъ членомъ въ „Общество исторіи и древностей россійскихъ" при московскомъ университетѣ. Въ февралѣ 1845 г. онъ былъ выбранъ въ секретари этого Общества, и съ тѣхъ поръ оно впервые пріобрѣло важное значеніе въ нашей исторіографіи и изученіи славянства, и заслуга этого значенія принадлежала всего больше, почти исключительно, Бодянскому. Съ слѣдующаго же года онъ началъ издавать „Чтенія" этого Общества, которыя съ перваго раза стали богатымъ запасомъ изслѣдованій и матеріаловъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по русской и славянской исторіи. Съ 1846 г. до октября 1848 г. Бодянскій успѣлъ издать 23 книги этого замѣчательнаго историко-филологическаго сборника. Но тутъ и съ изданіемъ и съ издателемъ произошла катастрофа. Изданіе остановилось; Бодянскій потерялъ и мѣсто секретаря въ Обществѣ, и профессуру въ московскомъ университетѣ.

Въ оффиціальной біографіи, помѣщенной въ юбилейномъ „Словарѣ московскихъ профессоровъ" 1855 г., этотъ эпизодъ переданъ слѣдующимъ стилемъ формулярнаго списка: „по распоряженію г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія (гр. Уварова), Бодянскій перемѣщенъ въ казанскій университетъ тѣмъ же званіемъ, съ содержаніемъ, положеннымъ по штату того университета, и съ сохраненіемъ обязанности по службѣ по назначенію начальства не менѣе 12 лѣтъ, 1848 г., октября 28-го; съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія уволенъ отъ службы при казанскомъ университетѣ, съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослужить шесть лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, 1849 г., января 2-го; въ отставкѣ былъ, *безъ награжденія чиномъ*, съ 1849 г., января 9-го дня по 22 декабря того же года; Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству опредѣленъ по прежнему исправляющимъ должность ординарнаго профессора московскаго [illegible]ета, 1849 г., декабря 22-го дня".

Въ переводѣ съ формуляра на обыкновенный языкъ, это означало слѣдующее. Въ послѣдней приготовленной тогда Бодянскимъ книгѣ „Чтеній", онъ помѣстилъ переводъ знаменитой книги англичанина Флетчера, заключающей описаніе его путешествія въ Россію XVI вѣка. Въ то время, т.-е. не въ шестнадцатомъ, а въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, у насъ происходило особенное цензурное движеніе; разсказываютъ, что, кромѣ того, между попечителемъ московскаго учебнаго округа (въ вѣдѣніи котораго было и Общество исторіи и древностей) и министерствомъ просвѣщенія происходили пререканія, и что въ жару этихъ пререканій противъ московскаго попечителя было употреблено дѣйствительное оружіе—обвиненіе въ цензурномъ упущеніи (цензура изданій Общества принадлежала тогда самому начальству округа). Corpus delicti найденъ былъ въ путешествіи XVI-го вѣка, которое—замѣтимъ—считается одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ во всей литературѣ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Книга „Чтеній" была задержана; самое изданіе остановлено; Бодянскій вдругъ потерялъ оба свои мѣста, и профессуру, которая давала ему средства существованія, и секретарство въ Обществѣ, гдѣ онъ былъ самымъ ученымъ и самымъ ревностнымъ дѣятелемъ... Впрочемъ, онъ не совсѣмъ былъ лишенъ профессуры, а переведенъ изъ Москвы въ Казань. Одно сравненіе двухъ городовъ и двухъ университетовъ показываетъ, что этотъ переводъ былъ такъ сказать дисциплинарнымъ наказаніемъ профессора; мѣстное самолюбіе, свойственное москвичу, дѣлало наказаніе еще болѣе оскорбительнымъ. Бодянскій (обязанный службой за свое заграничное путешествіе) рѣшительно отказался выѣхать изъ Москвы,—сославшись, кажется на то обстоятельство, что его обязывали заслуживать свое путешествіе въ московскомъ, а не въ другомъ учебномъ округѣ. Казанскій профессоръ Григоровичъ тогда же былъ переведенъ на его мѣсто въ Москву,—но, при этихъ странныхъ обстоятельствахъ, Григоровичъ не читалъ курса, и къ концу 1849 года оба профессора возвратились къ своимъ прежнимъ мѣстамъ.

Но „Чтенія" возстановились только черезъ десять лѣтъ, уже въ новое царствованіе. Вмѣсто „Чтеній", въ этотъ промежутокъ издавался „Временникъ", подъ редакціей И. Д. Бѣляева,—далеко уступавшій изданію Бодянскаго.

Въ 1855 г. Бодянскій издалъ замѣчательное изслѣдованіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ".

Возобновленныя, наконецъ, „Чтенія" Бодянскій продолжалъ до конца своей жизни. Это изданіе составляетъ величайшую заслугу Бодянскаго. Равно извѣстное въ нашемъ и славянскомъ ученомъ мірѣ, оно представляетъ богатый складъ историческихъ свѣдѣній

Бодянскій умѣлъ издавна указывать новые и рѣдкіе матеріалы, появленіе которыхъ давало новую пищу и новое направленіе изслѣдованіямъ, или знакомить русскую ученую публику съ историческими трудами другихъ славянскихъ литературъ; онъ умѣлъ,—хотя и не всегда счастливо, какъ мы видѣли,—пользоваться особеннымъ положеніемъ спеціальнаго изданія, и вводить въ литературу историческіе памятники, новые и старые, которымъ иначе не легко было проходить черезъ обычныя препятствія, окружающія литературу.

Какъ характеръ, Бодянскій былъ человѣкъ очень независимый,—качество, слишкомъ рѣдкое въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ. Упомянутый эпизодъ съ переводомъ въ Казань свидѣтельствуетъ объ этой независимости, въ которой сказывалась и черта малорусскаго упрямства. Говорятъ, столь же независимо онъ держалъ себя въ недавнее время, когда въ московскомъ университетѣ господствовалъ авторитетъ Леонтьева: Бодянскій не подчинялся ему, и, кажется, вслѣдствіе этого обстоятельства Бодянскій былъ забалотированъ по выслугѣ срока, — забалотированъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ ученыхъ, какіе только бывали въ московскомъ университетѣ. Мало того: въ университетскомъ изданіи, какимъ въ сущности были „Чтенія", Бодянскій не усумнился напечатать знаменитую „Трилогію".

Въ первые годы своей литературной дѣятельности Бодянскій, принадлежавшій тогда къ дружескому кружку Станкевича, а также къ „скептической" школѣ Каченовскаго, былъ между прочимъ заинтересованъ историческимъ вопросомъ о южно-русской древности и современными опытами малорусской этнографіи и литературы на народномъ языкѣ. Такъ въ 1835 году онъ пишетъ свою кандидатскую диссертацію „О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси" [1]) и послѣ трактатъ „О древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ [2]), въ духѣ Каченовскаго. Раньше, въ 1833, онъ помѣщаетъ въ „Молвѣ" малорусскія стихотворенія, подъ всевдонимомъ Боды Варвинца, и въ томъ же году печатаетъ отдѣльной книжкой „Наськы украинскы казкы", подъ псевдонимомъ „запорожца" Иська Матерынки. Въ „Телескопѣ", издававшемся Надеждинымъ, Бодянскій помѣстилъ рецензію сборника малорусскихъ пословицъ [3]), подъ псевдонимомъ І. Ма-

[1]) Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ, 1839, № 37—39.

[2]) Ученыя Записки Моск. Унив. 1839, № 3.

[3]) „Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С.", Харьковъ, 1834. См. „Телескопъ", 1834, т. XXI, критика, стр. 336—348; Бодянскій строго относится къ сборнику, какъ плохо и бѣдно составленному. „Въ разсмотрѣнномъ нами собраніи малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, — заключаетъ онъ, — находится ихъ (т.-е. пословицъ) всего на всего 67; въ томъ числѣ поговорокъ 105; пословицъ русскихъ 18; загадокъ 3 и столько же стиховъ изъ пѣсенъ".

стака, и по этому поводу съ удовольствіемъ отмѣчаетъ особенную литературную дѣятельность „на нашемъ русскомъ югѣ“. Указавъ тогдашнія литературныя новости по этому предмету, онъ прибавляетъ: „слышно еще, что одинъ изъ малороссіянъ трудится надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря. Кто же теперь скажетъ, что Южная Русь коснѣетъ на пути просвѣщенія, не брежетъ о своей національной словесности?“ Этотъ „одинъ изъ малороссіянъ“, судя по тогдашнему составу малорусскихъ литературныхъ силъ, едва ли не былъ самъ писавшій,—но эти предпріятія не осуществились. Къ тому же вопросу о малорусской литературѣ Бодянскій возвращается въ разборѣ появившихся тогда впервые „Малороссійскихъ повѣстей“ Грицька Основьяненка [1]). Указавъ богатство малорусской народной поэзіи, за собираніе которой „при теперешнемъ всеобщемъ направленіи и стремленіи къ народности, малороссіяне съ похвальною ревностію принялись“, авторъ находитъ въ появленіи повѣстей Основьяненка доказательство, что „малороссіяне, при надлежащемъ стараніи и образованномъ вкусѣ, могутъ, по времени, и въ семъ отношеніи отстоять себѣ учетное мѣстцо, могутъ, если захотятъ, не ударить лицомъ въ грязь, могутъ создать свою прозу. Матеріаловъ бездна: была бы только охота да умѣнье; за потребителями также не ходить въ лѣсъ“. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о стилѣ и языкѣ повѣстей, гдѣ критикъ находилъ ошибки противъ народности, онъ надѣется, что авторъ избѣгнетъ ихъ въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ, и продолжаетъ: тогда — „все будетъ стройно, гладко, естественно, *изящно*, какъ изящна природа Украйны, гдѣ „небо весьма тихо, есть и лихаго повѣтрія не слыхать, не видать“,—ея народность, сама Украйна въ *цѣломъ* и *особенностяхъ*, гдѣ нѣтъ шагу безъ памятника, времени безъ событія, мѣста безъ картины, живаго существа безъ рѣзко проведенной черты на его обликѣ, характеристическаго отличія въ своихъ помыслахъ, желаніяхъ и поступкахъ; гдѣ вы утонете въ мірѣ музыкальныхъ звуковъ, національныхъ напѣвовъ національной поэзіи на языкѣ благозвучномъ, мелодическомъ, которая очаруетъ, заколдуетъ васъ, наполнитъ сладкимъ забвеніемъ ваше сердце, пробудитъ въ головѣ вашей свѣтлыя думы, быстро перенесетъ въ завѣтное *прошедшее* съ его живо говорящими образами, и напослѣдокъ остановитъ васъ надъ *настоящимъ*, не менѣе зани-

---

В. Н. С. былъ Смирницкій, какъ это раскрылъ Срезневскій, въ „Учен. Запискахъ Моск. Унив.“, 1834, ч. VI, ученыя извѣстія, стр. 149.

[1]) Ученыя Зап. Моск. Унив., 1834, ч. VI, стр. 287 — 313, съ подписью I. Мастака.

мательнымъ, *интереснымъ*, хоть и своими *развалинами*, остановить— и заставить *призадуматься*"...

Мы привели эти слова, чтобы дать понятіе объ одушевленіи, съ какимъ Бодянскій относился къ народности своего племени. Съ такою же любовью говоритъ онъ о малорусской народной поэзіи въ своей магистерской диссертаціи [1].

Бросается въ глаза прежде всего рѣзкое противоположеніе поэзіи сѣверныхъ и южныхъ руссовъ. Онъ характеризуетъ пѣсни сѣверно-русскія или великорусскія „глубокою унылостью, величайшимъ забвеніемъ, покорностью своей судьбѣ, какимъ-то раздольемъ и плавной протяженностью", происходящими отъ унылой природы сѣвера, отъ пассивной покорности народнаго характера, такъ что за немногими исключеніями, когда и сѣверная кровь волновалась въ великія историческія эпохи, ихъ поэзія есть „поэзія не борьбы духа съ рокомъ, но покорности его своей судьбѣ, ita tamen, ut flectamur, non frangamur",—и затѣмъ продолжаетъ:

„Совсѣмъ другое—народная поэзія Южныхъ Руссовъ (украинцевъ, малороссіянъ), поэзія всѣмъ своимъ составомъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, e diametro противоположная поэзія Руссовъ сѣверныхъ. Да иначе и быть не могло. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ сѣверные и южные Руссы — самые несходственные между собою, не смотря на одинакость ихъ общаго названія, названія, обращая вниманіе на происхожденіе ихъ, въ истинномъ смыслѣ совершенно чуждаго какъ тѣмъ, такъ и другимъ, перешедшаго на нихъ совсѣмъ отъ другаго народа, нѣкогда сильно дѣйствовавшаго на нашемъ югѣ и владѣвшаго тамошними славянами [2]). Но сколько сѣверъ и югъ различаются одинъ отъ другаго, столько различаются другъ отъ друга и ихъ обитатели: тутъ географическое имя какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ. Такой разладъ въ свойствахъ этихъ Руссовъ и ихъ поэзіи происходитъ отъ ихъ происхожденія, мѣстности и странъ, ими занимаемыхъ, и разности ихъ исторической и бытовой жизни и прочихъ постороннихъ обстоятельствъ, сюда привтекшихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ и дѣйствій"... За девять и больше вѣковъ русскій югъ представлялъ только картину безсмысленныхъ ссоръ князей между собой; народъ оставался къ нимъ равнодушенъ и это доказывается тѣмъ, что онъ предалъ ихъ забвенію, когда, напротивъ, помнилъ времена гораздо болѣе далекія, которыя онъ цѣнилъ, какъ напр. времена князя Владиміра. Когда обезсиленная Русь стала жертвою татарскаго нашествія, то сѣверъ съ покорностію повиновался своей судьбѣ; южные князья пытались сопротивляться, но тѣснимые отовсюду врагами, мало по малу перевелись. „Но народъ не потерпѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась на-

[1]) О народной поэзіи славянскихъ племенъ. Разсужденіе на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія, кандидата моск. унив. Іосифа Бодянскаго. М. 1837, стр. 122—139.

[2]) Онъ ссылается здѣсь на свою статью въ „Сынѣ Отеч. и Сѣв. Архивѣ", 1835, гдѣ онъ объяснялъ, что черноморская Русь было племя, въ которомъ были смѣшаны турки съ славянами, откуда и получился особый племенной типъ южно-русскаго народа.

всегда за *погаными*: Melius frangi, quam flecti, или, говоря его же пословицей: „Або добуть, або дома (въ господѣ) не буть. Лучьче въ землѣ тлѣты, нижъ татарвѣ служыты"... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ печенѣгами, половцами и пр. азіятскими ордами, безпрерывно нападавшими на Русичей, коротко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили себѣ Сѣчь".

Слѣдуетъ картина бурной жизни стараго козачества съ его энергической поэзіей,—причемъ на этомъ изображеніи отразился тотъ особый романтическій тонъ, который распространяла тогда „Запорожская Старина". Основной характеръ этой старой поэзіи господствуетъ и въ поэзіи бытовой: „Чувствуя свое достоинство и полное право на лучшій жребій, но при всемъ усиліи не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться громкія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце".

Отсюда, изъ всей исторической судьбы южно-русскаго народа, проистекала отличительная черта его поэзіи—драматизмъ. „Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойства жизни, вездѣ почти *драматическое*, что́, наоборотъ, говоритъ о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежатъ такія пѣсни... Въ этомъ отношеніи пѣсни южно-русскія единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсенъ всѣхъ прочихъ славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни украинскія столько выше пѣсенъ другихъ славянъ, сколько драма выше прочихъ родовъ поэзіи, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ и описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своей музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только—изъ древнихъ съ греческимъ, изъ новыхъ съ итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тонику, и риему, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ своею многочисленностію и разнородностію и т. д. Поэтому мы не думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ славянъ, могъ быть столько *пѣснелюбивымъ*, *пѣсеннымъ*, какъ южные Руссы (украинцы, малороссіяне): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни... Наконецъ еще разъ повторимъ: знакомые съ народной славянской поэзіей, въ этихъ словахъ нашихъ не найдутъ никакого преувеличенія, оправдаютъ нашъ отзывъ, произнося который мы были чужды всякихъ корыстныхъ видовъ, чьего бы то ни было вліянія, не возвышали одного на счетъ другаго, не приписывали одному того, чего у него вовсе нѣтъ, и не отнимали у другаго законно принадлежащаго ему, составляющаго все наличное его благо, то, чѣмъ оно красно и добро".

Годы путешествія за границу и первые годы по возвращеніи заняты были у Бодянскаго славянскими предметами. Съ 1846 года онъ

дѣлается редакторомъ „Чтеній“ московскаго Общества исторіи и древ-
ностей и показалъ здѣсь необычайную дѣятельность: книги „Чте-
ній“ слѣдовали быстро одна за другою, съ массою изслѣдованій рус-
скихъ и переводныхъ (особливо изъ славянской ученой литературы)
и множествомъ памятниковъ языка, народной поэзіи и исторіи. Здѣсь
опять сказалась его ревность къ изученію южно-русской старины.
Съ первой же книги „Чтеній“ онъ началъ печатаніе знаменито[й]
„Исторіи Русовъ“, приписанной архіепископу бѣлорусскому Георгі[ю]
Конисскому, чему Бодянскій тогда вѣрилъ вмѣстѣ съ другими мало-
русскими патріотами и чтó впослѣдствіи было совершенно опровер-
нуто [1]). Въ тѣ времена подобныя вещи надобно было отвоевыват[ь]
для науки. Посылая Сахарову книгу „Чтеній“, гдѣ окончено был[о]
печатаніе Конисскаго, Бодянскій пишетъ: „Все самородное да домо-
родное... Теперь, словно, увидѣлъ новый свѣтъ!.. Слава Богу, чт[о]
удалось провесть сквозь Термопилы своихъ Руссовъ, въ полном[ъ]
смыслѣ цѣлыхъ и невредимыхъ, безъ малѣйшей раночки, даже оця-
рапочки. А, признаюсь, начиная, самъ душой болѣлъ впередъ о тѣх[ъ]
ударахъ и потеряхъ, какія они должны будутъ понесть впослѣдствіи.
Спасибо тому, кто понялъ важность Конисскаго вполнѣ и далъ мн[ѣ]
возможность издать его такъ, какъ самъ сочинитель, можетъ быт[ь]
не мечталъ видѣть себя въ такомъ видѣ раньше ста, полтораст[а]
лѣтъ“ [2]). Такъ горячо относился Бодянскій къ этому возсоздані[ю]
историко-литературной старины. Впослѣдствіи, въ 1868 году, когд[а]
онъ вынужденъ былъ покинуть университетъ и ожидалъ, что, может[ъ]
быть, придется покинуть и „Чтенія“, онъ писалъ къ одному из[ъ]
своихъ знакомцевъ: „Статься можетъ, помянутъ когда-нибудь и то[го]
чудака, что почти безъ всякихъ средствъ съумѣлъ, однакоже, всѣм[и]
забытое „Общество“, спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудит[ь]
къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученых[ъ]
обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ сво[и]
труды и подвизанія также ни гроша.

„Конечно, подобные дурни въ нашъ разсчетливый вѣкъ рѣдки
переводятся съ каждымъ днемъ: они, какъ поэты, non fiunt, sed nas-
cuntur, и то лишь въ болѣе благопріятныя времена, въ урожайны[е]
годы на дурней“ [3]).

---

[1]) Наиболѣе подробный разборъ „Исторіи Русовъ“ сдѣланъ былъ въ книгѣ Ген-
надія Карпова: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источников[ъ]
до исторіи Малороссіи относящихся“ и пр. М. 1870.

[2]) Барсуковъ, Палеологи, стр. 82. Рѣчь идетъ о гр. Строгоновѣ, тогдашнем[ъ]
предсѣдателѣ Общества. Дальнѣйшая дѣятельность этого мецената была совсѣмъ в
иномъ родѣ; см. дневникъ Никитенка подъ 1848 г., „Р. Старина“, 1888- 1890.

[3]) „Русская Старина“, 1879, май, стр. 216.

По отзыву Срезневскаго, „Чтенія“ Московскаго Общества исторіи и древностей, за время изданія ихъ Бодянскимъ, „составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской“. Можно прибавить, что въ этой библіотекѣ появилось также множество матеріаловъ для южно-русской исторіи и этнографіи. Послѣ „Исторіи Русовъ“ онъ напечаталъ здѣсь „Лѣтопись Самовидца“, старыя и новѣйшія лѣтописныя и историческія сочиненія Симоновскаго, Зарульскаго, Гер. Фрид. Миллера, А. Ригельманна, сочиненія объ уніи Георгія Конисскаго и Зубрицкаго, малороссійскую переписку изъ архива Оружейной Палаты, діаріушъ Ханенка, источники малороссійской исторіи Бантыша-Каменскаго, различные матеріалы, относящіеся къ управленію Малороссіей при Екатеринѣ II изъ архива гр. Румянцова, о запорожскомъ войскѣ и т. д. Наконецъ, Бодянскимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изданъ былъ въ „Чтеніяхъ“ обширный сборникъ галицкихъ и угорско-русскихъ пѣсенъ, Головацкаго, о которомъ скажемъ далѣе.

Въ молодые годы и самъ Бодянскій былъ собирателемъ пѣсенъ. Говоря въ своей диссертаціи о превосходствѣ малорусской народной поэзіи, Бодянскій замѣчаетъ (стр. 136): „Кто хорошо знакомъ съ языками славянскими и ихъ народною и искусственною литературой, тотъ безъ сомнѣнія не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важный предметъ во всей его обширности и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ украинскихъ, то скажемъ, что въ *нашемъ собраніи* ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатымъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполняемомъ пѣснями, собранными только въ одной полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь тысячъ*, 8,000 пѣсенъ“. Чтб сталось съ этимъ сборникомъ, мы не знаемъ.

ГЛАВА IV.

Польскіе и галицко-русскіе этнографическіе сборники тридцатыхъ годовъ.

Сказавъ о трудахъ первыхъ малорусскихъ этнографовъ, мы должны еще разъ вернуться назадъ, къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Съ тридцатыхъ годовъ у нашихъ этнографовъ, изучавшихъ малорусскую народно-поэтическую старину, въ ряду важныхъ источниковъ являются труды польскихъ собирателей и комментаторовъ, въ особенности Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Войцицкаго и другихъ. Откуда взялись эти труды польскихъ писателей о малорусской поэзіи—повидимому столь имъ чуждой, а иногда столь враждебной къ польскому народу; чѣмъ эти труды были внушены, какое ихъ достоинство?

Это участіе польскихъ собирателей въ малорусскомъ этнографическомъ вопросѣ приводитъ насъ къ любопытному литературному періоду, до недавнихъ поръ мало обращавшему на себя вниманіе историковъ русской литературы. Именно, было время, когда между двумя литературами, русской и польской, возникали взаимныя связи, къ сожалѣнію слишкомъ кратковременныя, но которыхъ развитіе могло бы быть плодотворно для обѣихъ сторонъ. Эти отношенія начинаются во времена императора Александра и держались до тридцатыхъ годовъ, когда слѣды ихъ заглохли.—Въ ту пору можно было нерѣдко встрѣтить эти дружелюбныя влеченія, когда въ извѣстномъ кругу обѣихъ литературъ существовалъ взаимный ученый и даже поэтическій интересъ, когда у насъ знакомы были и пользовались почетомъ имена польскихъ ученыхъ, какъ Снядецкій, Сестренцевичъ, Нарушевичъ, Почобутъ, Линде, Лелевель, Раковецкій, Мацѣевскій; когда Мицкевичъ былъ съ любовью и уваженіемъ принятъ въ лучшемъ литературномъ кругу Петербурга и Москвы; когда съ другой

стороны польскимъ писателямъ бывали знакомы главнѣйшіе труды въ области русской исторіи, археологіи и этнографіи.

Разныя причины дѣлали подобныя отношенія возможными или прямо вызывали ихъ. Во-первыхъ, условія внѣшнія, когда въ царствованіе императора Александра между Россіей, или русскимъ правительствомъ, и Польшей установились дружественныя связи, какихъ не было прежде и которыя, послѣ враждебнаго эпизода 1812 года, возобновились по благодушію императора. Въ началѣ царствованія, Адамъ Чарторыйскій, впослѣдствіи знаменитый глава польской эмиграціи, былъ въ числѣ ближайшихъ друзей императора, игралъ роль въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; большое число поляковъ или западно-русскихъ уроженцевъ польскаго образованія разсѣяно было на разныхъ ступеняхъ русской чиновничьей іерархіи; очень часто они не забывали своихъ особыхъ племенныхъ интересовъ, но сближеніе тѣмъ не менѣе происходило, угловатости стирались, являлась возможность общихъ понятій. Позднѣе, это время и эти люди стали предметомъ самыхъ ожесточенныхъ обвиненій; съ послѣдняго польскаго возстанія въ усиленной степени возобновилась старая вражда, которая мѣшаетъ взглянуть хладнокровнѣе какъ на весь польскій вопросъ, такъ въ частности на эту историческую пору, и оцѣнить ту ея сторону, которая представляетъ и съ русской точки зрѣнія много сочувственнаго. Поляковъ, пользовавшихся расположеніемъ или участіемъ императора Александра, изображаютъ почти только предателями, которые, эксплуатируя слабость и недогадливость русскаго правительства, вели дѣятельную пропаганду полонизма, не только въ царствѣ, но и въ западномъ русскомъ краѣ, и успѣли нанести много вреда дѣлу русской народности. Пропаганда полонизма не подлежитъ сомнѣнію; но чтобы правильно судить или осудить ее, надо вспомнить всѣ условія времени и государственныхъ отношеній. Въ первые годы императора Александра еще не далеко было время, когда западный и юго-западный край былъ польскимъ государствомъ; это было памятно не только по какому-нибудь политическому упорству и сепаративному духу поляковъ или ополяченныхъ русскихъ западнаго и юго-западнаго края, но по всему бытовому складу этихъ земель, гдѣ польское вліяніе, худо ли, хорошо ли, возъимѣло громадную силу еще съ XVI—XVII столѣтій, гдѣ жизнь всего высшаго и средняго класса сложилась по польскому образцу и гдѣ польскій языкъ и обычай были господствующими. Народъ оставался, конечно, русскимъ, т.-е. малорусскимъ и бѣлорусскимъ; но, къ сожалѣнію, въ тѣ времена объ этомъ народѣ, какъ и о самомъ русскомъ народѣ въ Россійской имперіи, думали очень мало: и для польскихъ или ополяченныхъ

пановъ, и для самого русскаго правительства, это были просто крѣпостные, принадлежавшіе своимъ господамъ, и сколько ни мечтали о необходимости освобожденія лучшіе умы (не только между русскими, но и между поляками), обычная практика жизни считала эти отношенія совершенно правильными, — изъ-за этихъ помѣщичьихъ взглядовъ на крѣпостныхъ не приходило въ голову тревожить себя вопросами о русской народности этихъ крѣпостныхъ въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Если въ прежнее время эта русская народность, интересы которой не находили достаточной опоры въ русскомъ національномъ центрѣ, уступала болѣе или менѣе легко передъ полонизмомъ, который въ разныхъ отношеніяхъ представлялъ болѣе высокую степень культуры, то естественно, что и теперь смотрѣли на дѣло точно также. Правда, съ нашей нынѣшней точки зрѣнія эта болѣе высокая культура была въ сущности еще очень грубая: съ одной стороны она не доросла до какого-нибудь здраваго пониманія политическихъ отношеній и тѣмъ довела самое государство до полнаго распаденія; съ другой, она не выработала пониманія необходимѣйшихъ потребностей соціальнаго положенія народа и вообще слишкомъ увлеклась узко-сословными интересами, слишкомъ мало давала мѣста свободному просвѣщенію и, напротивъ, слишкомъ легко поддавалась племенному и церковному фанатизму, — но опять, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія у насъ мало это замѣчали или не замѣчали вовсе, и поляки тѣмъ удобнѣе могли оставаться при своей точкѣ зрѣнія. Безъ мысли о политическомъ упорствѣ, о культурной несправедливости, то, что мы называемъ теперь злостной пропагандой полонизма, было для нихъ совершенно естественнымъ дѣломъ, и эту пропаганду, въ западномъ и юго-западномъ краѣ, они могли считать правильнымъ и настоящимъ дѣломъ просвѣщенія. Теперешнія обвиненія забываютъ, что съ русской стороны этому не только не оказывалось тогда противодѣйствія, не ставилось иного равносильнаго или высшаго принципа ни въ правительственныхъ мѣрахъ, ни въ мнѣніяхъ самого общества, но самое дѣло казалось какъ будто безспорнымъ и, слѣдовательно, нынѣшнее обвиненіе должно постигнуть не одну только польскую пропаганду, но и тогдашнюю неразвитость русскаго общественнаго мнѣнія и народнаго сознанія. Карамзинъ, Энгельгардтъ, члены тайнаго общества протестовали противъ приписываемыхъ тогда императору Александру плановъ присоединенія къ Польшѣ западныхъ русскихъ губерній, но у нихъ у всѣхъ шла рѣчь только о политической сторонѣ дѣла, — они не имѣли представленія объ его сторонѣ культурной и народной. Прибавимъ, наконецъ, что дѣло польскаго образованія въ западномъ краѣ имѣло за себя на мѣстѣ много за-

нѣчательныхъ научныхъ силъ, которыя особенно собрались тогда въ виленскомъ университетѣ. Понятно, что имъ могли быть противопоставлены лишь равныя силы съ другой стороны, которыя могли бы представить противовѣсъ ихъ авторитету,—а у насъ въ дѣлѣ просвѣщенія хозяйничали тогда кн. А. Н. Голицынъ, Магницкій, Руничъ, адмиралъ Шишковъ, дѣлались предложенія о „разрушеніи“ (буквально) университетовъ и т. п.

Итакъ, въ ту пору, въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, еще не было такой вражды двухъ сторонъ, какая теперь распространяется на это время заднимъ числомъ; вражда политическая еще не созрѣла; обѣ стороны, напротивъ, могли думать о мирномъ сожительствѣ въ предѣлахъ одного государственнаго цѣлаго; не рѣдки бывали проявленія дружественныхъ отношеній между поляками и русскими; для послѣднихъ Варшава не была военный станъ среди враждебнаго населенія, а скорѣе веселая столица, еще не получившая чистой отставки, гдѣ можно было жить въ дружбѣ съ недавними врагами. Мирныя отношенія отражались и въ связяхъ литературныхъ. Польскіе историки слѣдили за вопросами русской исторіи (Раковецкій, Лелевель, Кухарскій и др.); русскіе ученые съ интересомъ, чуждымъ нетерпимости, знакомились съ ихъ трудами и политическое участіе къ дѣламъ Польши соединяли съ вниманіемъ къ польской литературѣ; любопытно, напр., что „Думы“ Рылѣева, по его собственнымъ словамъ, были внушены отчасти „Историческими пѣснями“ Нѣмцевича [1]); мы упомянули сейчасъ, съ какимъ высокимъ дружелюбіемъ и уваженіемъ встрѣчаемъ былъ Мицкевичъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Другимъ условіемъ, которое установляло мирныя и союзныя отношенія между русской и польской литературой, было явленіе совсѣмъ иного, не политическаго, свойства, но которое имѣло также свое большое значеніе и давало этимъ связямъ нравственно-поэтическую опору. Это были отголоски славянскаго возрожденія, въ двадцатыхъ годахъ едва дѣлавшаго свои первые шаги, но уже производившаго своимъ энтузіазмомъ впечатлѣніе въ обоихъ лагеряхъ, русскомъ и польскомъ. Около того времени стекается рядъ важныхъ событій въ

---

[1]) „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.—Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ „Историческихъ пѣсенъ“ (Spiewy Historyczne): эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя думы“. („Думы“, Рылѣева, 1825, предисловіе).

западныхъ и южныхъ славянскихъ литературахъ, событій, полупонятыхъ тогда на первый взглядъ при малой извѣстности дѣла, но тѣмъ не менѣе оказавшихъ обширное вліяніе, потому что за ними открылась новая, невѣдомая до тѣхъ поръ сила—идея славянскаго единства, и виднѣлся широкій горизонтъ чисто славянской жизни, старины и поэзіи. Такими событіями были: изданіе сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича; открытіе древнихъ поэтическихъ памятниковъ чешской литературы (сомнѣніямъ въ подлинности которыхъ никто тогда не хотѣлъ вѣрить, а большинство и не знало объ этихъ сомнѣніяхъ); появленіе знаменитой поэмы Коллара „Дочь Славы"; рядъ открытій въ старой славянской письменности; возникновеніе и распространеніе поэтической литературы на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и новой ученой литературы, изслѣдовавшей первобытную славянскую старину и ея отголоски въ современномъ быту славянства, съ его преданіями, обычаями, богатой народной поэзіей и т. д. Славянская „взаимность" была еще весьма ограниченна, но уже указывалась какъ идеальная цѣль; не много было людей, слѣдившихъ и способныхъ слѣдить за проявленіями новаго движенія во всемъ его объемѣ, но тѣ, кто знакомился по крайней мѣрѣ съ главными изъ этихъ проявленій (между прочимъ производившихъ впечатлѣніе на самихъ корифеевъ европейской поэзіи и науки, какъ нѣкогда Гердеръ, потомъ Гёте, Гриммъ и пр.), не могъ остаться чуждымъ тому одушевленію, которое наполняло представителей возрожденія въ разныхъ славянскихъ народностяхъ: для этихъ представителей новая идея была залогомъ будущаго, надеждой на спасеніе народной цѣльности.

Польская литература, изъ всѣхъ славянскихъ, вообще говоря, всѣхъ меньше отзывалась на этотъ энтузіазмъ славянскаго возрожденія, а позднѣе становилась къ нему и прямо враждебно—именно, когда возникъ призракъ панславизма, въ которомъ видѣли скрытую тенденцію, замаскированный планъ Россіи подчинить себѣ славянскія племена въ одномъ деспотическомъ русскомъ царствѣ. При новизнѣ славянскаго національнаго возбужденія, предѣловъ и возможностей котораго не умѣли опредѣлить, при темномъ представленіи о могуществѣ Россіи, о которой также не знали, куда она можетъ направить свои громадныя силы, этотъ призракъ казался самой реальной опасностью, и польское общество и литература отшатнулись надолго отъ славянскаго движенія въ смыслѣ племенного сближенія,—особенно когда съ русской стороны была выставлена славянофильская программа со всей ея исключительностью. Но не то было тогда, въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, когда славянское движеніе представлялось въ поэтическихъ, симпатичныхъ чертахъ воз-

рожденія подавленныхъ дотолѣ племенъ, стремленія ихъ мирно завоевать себѣ признаніе своей нравственной личности; когда Россія являлась въ лицѣ императора Александра съ освободительными планами, еще безъ всякихъ притязаній въ славянскомъ мірѣ, и особливо съ либеральнымъ отношеніемъ къ самой Польшѣ. По всѣмъ этимъ условіямъ, въ первыя десятилѣтія нашего вѣка въ польской литературѣ обнаруживалось гораздо больше связей и солидарности съ славянскимъ возрожденіемъ, чѣмъ было когда-нибудь послѣ,—и надо было бы желать, чтобы столько этого интереса сохранилось и впослѣдствіи.

Славянское возрожденіе выразилось въ литературѣ особенной ревностью къ изученію своей народной старины, исторіи, преданій, поэзіи, языка, и вмѣстѣ къ сопоставленію всего этого съ народнымъ содержаніемъ другихъ племенъ, къ сравненію и отысканію родственныхъ элементовъ, которые свидѣтельствовали о первобытномъ единствѣ и должны были помочь взаимному уразумѣнію и союзу въ настоящемъ. Польская литература тѣхъ десятилѣтій представила обильные примѣры трудовъ въ этомъ направленіи, какъ въ томъ же направленіи работали потомъ и ученые болѣе молодого поколѣнія, успѣвшіе въ немъ воспитаться,—и эти труды вошли въ общую сумму фактовъ славянскаго возрожденія. Таковы были, напримѣръ, труды Суровецкаго о славянской древности, послужившіе основой для одной изъ первыхъ ученыхъ работъ Шафарика [1]); труды Зоріана Доленги-Ходаковскаго, сочиненіе котораго о славянствѣ до-христіанскомъ было предчувствіемъ новѣйшей археологіи; труды знаменитаго лексикографа Линде, котораго монументальный польскій словарь стоитъ наравнѣ съ чешскимъ словаремъ Юнгманна, сербскимъ Караджича, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на славянскомъ западѣ предпринимались труды обще-славянскаго значенія, напримѣръ, вслѣдъ за Добровскимъ, работы Шафарика, Палацкаго, Челяковскаго, польскіе ученые примыкали къ этому направленію въ трудахъ Лелевеля, Раковецкаго, Кухарскаго, позднѣе Мацѣёвскаго. Общій тонъ работъ поддерживался личными связями, которыя соединяли польскихъ ученыхъ какъ съ западно-славянскими, такъ и русскими учеными—историками, археологами. Труды Ходаковскаго въ неменьшей мѣрѣ принадлежали русской наукѣ, чѣмъ польской.

Въ польской литературѣ отозвались и изученія этнографическія, которыя занимали такое важное мѣсто въ литературномъ развитіи славянскаго возрожденія.

Это была опять новая черта. Польская литература издавна но-

---

[1]) Ueber die Abkunft der Slaven, nach Surowiecki.

сила на себѣ отпечатокъ господствующаго общественнаго склада: ея „народомъ“ была собственно многочисленная шляхта; народа дѣйствительнаго она не знала, или не считала его, ставя свои политическіе и образовательные вопросы; тѣмъ менѣе она хотѣла знать народъ бѣлорусскій и малорусскій—народъ иного племени, иной вѣры и народъ крѣпостной. Теперь опять явилось иное. Конецъ прошлаго вѣка не остался безъ вліяній въ болѣе правдивомъ демократическомъ смыслѣ; затѣмъ въ литературу и умы проникли романтическія идеи, увлеченіе поэтической стариной, воспроизведеніе народнаго преданія, вкусъ къ патріархальной простотѣ народнаго быта. Наряду съ романтическими обращеніями къ народности въ поэтической литературѣ (какъ напр., „украинская“, „литовская“ школы польскихъ поэтовъ), начался научный интересъ къ народной жизни, собираніе и толкованіе ея памятниковъ и преданій. Славянское возрожденіе и здѣсь доставило произведенія, гдѣ находились занимательныя и поучительныя параллели, не оставшіяся безъ вліянія. Въ польской литературѣ, въ прежнее время наименѣе расположенной нисходить къ народу, является рядъ писателей, которые и въ этомъ отношеніи становятся вполнѣ наряду съ лучшими дѣятелями славянскаго возрожденія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ по содержанію своихъ трудовъ они заняли не послѣднее мѣсто въ развитіи малорусской этнографіи.

Обратившись къ изученію народнаго быта и поэтическаго преданія своего края, они встрѣтили въ немъ кромѣ польскаго и русскій народъ, жившій въ областяхъ старой Польши и до сихъ поръ остававшійся или подъ прямымъ польскимъ вліяніемъ, или въ ближайшемъ сосѣдствѣ и бытовыхъ связяхъ. Частью по старой привычкѣ считать этотъ русскій народъ своимъ, частью по этнографической любознательности, которую такъ возбуждало славянское возрожденіе, они обратили вниманіе и на русское населеніе и занялись имъ тѣмъ усерднѣе, что нерѣдко этотъ русскій народный бытъ давалъ имъ гораздо болѣе богатую и привлекательную жатву стараго преданія, чѣмъ польское крестьянство. Такими писателями были въ особенности Вацлавъ изъ Олеска (или Залѣскій), Жегота Паули и Войцицкій.

Намъ не встрѣчалась подробная біографія Вацлава Залѣскаго. Знаемъ только, что онъ родился въ 1800 году, прошелъ университетскій курсъ во Львовѣ, былъ австрійскимъ чиновникомъ, въ 1848 г. назначенъ губернаторомъ Галиціи и умеръ 1849 г. въ Вѣнѣ. Свое литературное поприще онъ началъ въ двадцатыхъ годахъ, участвуя во львовскомъ журналѣ „Rozmaitości“, и занялся тогда же собираніемъ галицкихъ народныхъ пѣсенъ, польскихъ и русскихъ, которыя

издалъ въ книгѣ, теперь отчасти забытой, но въ свое время хорошо извѣстной всѣмъ спеціалистамъ и любителямъ малорусской этнографіи [1]). Къ сборнику пѣсенъ прибавлено обширное введеніе, изъ котораго можно познакомиться съ характеромъ его идей: это введеніе любопытнымъ образомъ изображаетъ настроеніе этнографовъ-любителей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, то чувство, которое влекло этихъ первыхъ основателей этнографической науки къ изслѣдованію народно-поэтическаго преданія,—и по указаннымъ выше условіямъ, еще болѣе любопытно наблюдать этотъ этнографическій интересъ въ польскомъ писателѣ. Мы встрѣчаемъ здѣсь всѣ указанные выше мотивы, которые сошлись въ новомъ стремленіи къ народности.

Сборникъ пѣсенъ былъ дѣло новое, и нужно было объяснить читателямъ, какъ онъ произошелъ, въ чемъ его интересъ литературный, общественный, научный. Въ своемъ введеніи Вацлавъ Залѣскій указываетъ прежде всего свою личную любовь къ народнымъ пѣснямъ. Онъ родился въ деревнѣ; первые годы жизни провелъ въ укромномъ затишьѣ; пѣсни убаюкивали его дѣтство, остались воспоминаніемъ впервые пробуждавшагося чувства. Любовь къ нимъ онъ всосалъ съ молокомъ, вдыхалъ съ воздухомъ. Когда пришлось переселиться въ городъ, ему было тоскливо по деревнѣ, по родному дому, лугамъ и полямъ, и только пѣсня могла успокоить тоску. Пѣсни становились тѣмъ дороже, какъ память о родинѣ; чтобъ свято сберечь ихъ, онъ мало-по-малу перенесъ ихъ на бумагу,—это и было началомъ сборника. Онъ сталъ потомъ говорить о нихъ съ школьными товарищами: не одинъ изъ товарищей сообщилъ ему свои пѣсни; уѣзжавшимъ въ деревню поручали собирать новыя, другихъ вызывали на то письмами. Наконецъ, авторъ сталъ знакомиться съ литературой древней и новой, читалъ французовъ, любилъ учиться у нѣмцевъ, восторгался Шекспиромъ, и въ концѣ концовъ возвращался къ отечественной нивѣ...

Очень любопытно, хотя послѣдовательно, что изученіе чужихъ литературъ навело писателя на печальныя мысли о своей собственной. „По этой моей любви къ роднымъ пѣснямъ,—говоритъ онъ,—легко догадаться, что въ литературѣ каждаго народа меня не мало занимала его поэзія. Съ какой болью я долженъ былъ сознаться самому себѣ, насколько и въ этомъ отношеніи,—не говоря о другихъ, которыя сюда не относятся,—мы отстали почти отъ всѣхъ народовъ Европы". Главнымъ недостаткомъ всѣхъ польскихъ поэтовъ авторъ считаетъ отсутствіе *народности*, и это въ особенности бросалось въъ

---

[1]) Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie, 1833.

глаза въ нашемъ вѣкѣ. Поэзія другихъ народовъ,—по словамъ Залѣскаго,—похожа на дерево, выросшее на отечественной почвѣ и питающееся его соками; польская поэзія есть что-то чужое, не имѣющее корня въ родной землѣ, не вышедшее изъ народнаго духа; она осталась чужда польскому народу, какъ онъ самъ былъ чуждъ для нея. Въ этомъ отношеніи сборникъ народныхъ пѣсенъ казался автору неоцѣненнымъ, такъ какъ въ нихъ высказывался духъ истинно-славянскій и народный, котораго такъ недоставало польской литературѣ.

Достаточно всмотрѣться въ успѣхи европейскихъ литературъ, говорилъ авторъ, чтобы увидѣть, съ какимъ вниманіемъ заботились тамъ обо всемъ, что̀ касается народности. Онъ указываетъ труды по изученію народной поэзіи и старины у французовъ и особенно у англичанъ, и спрашиваетъ, что̀ подобнаго имѣютъ поляки? „Наша исторія есть только патологія народа или лучше патологія его головы,—о здоровой его жизни мы едва имѣемъ представленіе"; то же самое и въ поэзіи. У поляковъ не было поэзіи трубадуровъ, но лѣтописцы вспоминаютъ о давнихъ пѣсняхъ народа, слышанныхъ и ими самими; однако они не сохранили ихъ для насъ,—можетъ быть, не хотѣли сохранить, и не трудно было бы видѣть, сколько этимъ они сдѣлали намъ вреда. Польскіе поэты, отъ Кохановскихъ до Красицкаго и Нарушевича, только изрѣдка и кое-гдѣ носятъ на себѣ черты народности; они писали только польскими словами чувства и мысли римскія, французскія или иныя, только не польскія; поэтому они были и остаются чужими для массы польскаго народа,—„а образованная часть народа, послѣ появленія поэтовъ истинно народныхъ—Бродзинскаго, Мицкевича, Богдана Залѣскаго и другихъ, забыла о прежнихъ поэтахъ, какъ народъ и совсѣмъ о нихъ не зналъ. Только изъ уваженія, внушеннаго намъ съ дѣтства, въ родѣ того, какое мы имѣемъ къ священнымъ реликвіямъ, мы иногда заглядываемъ въ нихъ и, отдавая справедливость ихъ несомнѣннымъ дарованіямъ, жалѣемъ только, что они пошли ложной дорогой". Правдивые поэты желая быть народными, изслѣдовали духъ народа, усвоивали себѣ его взглядъ на вещи или просто сливались съ нимъ,—и сколько въ этомъ отношеніи поэтъ могъ бы извлечь изъ подробныхъ описаній народнаго обычая, особливо изъ сборниковъ пѣсенъ, которые являются результатомъ первоначальныхъ силъ народа, а потомъ самою вѣрною характеристикой народности!

Авторъ разсказываетъ, что эти соображенія еще болѣе усилили его любовь къ народнымъ пѣснямъ и заботу объ ихъ собираніи, а со временемъ эта личная любовь его превратилась въ убѣжденіе что на этой дорогѣ надо искать духа народной поэзіи и первона-

чальныхъ ея основъ. „Ближайшей цѣлью моего сборника,—продолжаетъ онъ,—была собственная польза. Я не думалъ никогда выдавать его въ свѣтъ; потому что, *кто же бы осмѣлился у насъ помыслить объ этомъ*, когда все, чтò не было французское или вообще чужое, считалось еще варварскимъ и отвергалось? И у родственныхъ славянъ не было тогда еще ничего подобнаго. Хотя и начали распространяться подражанія народнымъ пѣснямъ, баллады и романсы, и сверхъ ихъ достоинствъ приходятся по вкусу народу, но все еще никто не смѣлъ выступить въ свѣтъ съ самими пѣснями, какъ онѣ есть, какъ онѣ живутъ въ устахъ народа. Долго спустя, въ 1826 г., когда Бродзинскій—достопочтенный Бродзинскій, котораго самое значеніе его могло заслонить отъ всякихъ упрековъ,—рѣшился выдать въ варшавскомъ журналѣ нѣкоторыя народныя пѣсни славянскихъ племенъ, съ какой несмѣлостью онъ это дѣлалъ! Все его письмо, написанное объ этомъ предметѣ къ редактору журнала и помѣщенное въ этомъ журналѣ, есть какъ будто большое извиненіе, salva venia; и однако онъ далъ тогда только нѣкоторыя женскія пѣсни, очень гладко обдѣланныя и приноровленныя къ такъ-называемому высшему вкусу. Что же было бы, еслибы онъ далъ ихъ такъ, какъ онѣ есть на дѣлѣ, или еслибы онъ захотѣлъ перевести нѣкоторыя юнацкія сербскія пѣсни въ ихъ настоящемъ видѣ?"

„Но въ это самое время обстоятельства стали измѣняться: у родственныхъ славянскихъ племенъ стали появляться сборники пѣсенъ", —и Залѣскій пересчитываетъ многочисленные сборники, съ которыми, видимо, былъ хорошо знакомъ. Любопытно, что въ ряду этихъ сборниковъ польскій писатель особенно много знаетъ русскихъ. Такъ минуя старые сборники, онъ упоминаетъ „Древнія россійскія стихотворенія" Кирши Данилова, изданныя Калайдовичемъ; „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ" Попова, въ шести томахъ, 1819; „Пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ", 1820; малорусскій сборникъ Цертелева; „Новѣйшій всеобщій пѣсенникъ" Калатилина, 1810, и пр. Онъ знаетъ также чешскіе сборники Челяковскаго и Риттерсберга; моравскій—Галаша и Фричая; словацкій—Шафарика; далматинскій—Качича-Міошича; сербскій—Караджича. Знакомство съ ними убѣдило автора въ необходимости издать и польскій сборникъ,—какъ и въ самомъ дѣлѣ сборникъ Залѣскаго сталъ потомъ въ ряду извѣстнѣйшихъ славянскихъ пѣсенныхъ собраній. Но пока онъ все еще колебался относительно печатанія своего сборника, считая его недостаточно полнымъ и надѣясь, что дѣло можетъ быть сдѣлано лицомъ болѣе компетентнымъ. Такимъ лицомъ онъ именно считалъ Ходаковскаго, который, въ глазахъ Залѣскаго, былъ идеаломъ собирателя. „Былъ тогда слухъ, что Ходаковскій занимается собираніемъ

народныхъ пѣсенъ въ Польшѣ и Малороссіи. Ходаковскій, извѣстный мнѣ только по книгѣ: Cwiczenia naukowe, печатанной въ Кременцѣ, внушалъ мнѣ истинное почитаніе". Выше мы привели его слова о Ходаковскомъ. Но Ходаковскій умеръ (въ 1825) и авторъ не зналъ, что̀ сталось съ его сборникомъ. Наконецъ, Залѣскій рѣшился издать свое собственное собраніе. Онъ судилъ о немъ съ большой скромностью, видѣлъ его недостатки, особливо неполноту по разнымъ отдѣламъ и мѣстностямъ, но тѣмъ не менѣе за безуспѣшностью прежнихъ попытокъ считалъ и свое собраніе важнымъ въ условіяхъ польской литературы. Его поощряло и то, что упомянутыя славянскія пѣсни, переведенныя Бродзинскимъ, были приняты въ литературѣ очень охотно.

Эти прежнія попытки въ польскомъ кругу, отчасти упомянутыя Залѣскимъ, были вообще слѣдующія. Первымъ начинателемъ этого дѣла въ Галиціи былъ упомянутый Ходаковскій (1784—1825), который уже въ своемъ сочиненіи о до-христіанской славянщинѣ, 1818, указывалъ важность народныхъ пѣсенъ и первый подавалъ примѣръ и образчикъ ихъ собиранія. Въ „Пилигримѣ Львовскомъ" [1]) профессоръ Гюттнеръ (Hüttner) говорилъ опять о народныхъ пѣсняхъ галицкихъ, у краковяковъ, мазуровъ и русскихъ, и въ примѣръ русскихъ приведены двѣ пѣсни съ нѣмецкимъ переводомъ и нотами [2]), Въ томъ же „Пилигримѣ", изданномъ уже на польскомъ языкѣ профессоромъ І. Маусомъ, Д. Зубрицкій помѣстилъ нѣсколько свѣдѣній о русскихъ и польскихъ пѣсняхъ въ Галиціи, и опять напечатано двѣ пѣсни съ напѣвами [3]). Въ сборникѣ славянскихъ пѣсенъ Челаковскаго (2-я и 3-я книги, 1825—27) помѣщено опять нѣсколько образчиковъ пѣсенъ малорусскихъ. Въ первомъ сборникѣ Максимовича, 1827, двѣ пѣсни взяты изъ „Пилигрима Львовскаго", и въ прибавленіи помѣщено пять галицкихъ пѣсенъ, сообщенныхъ профессоромъ виленскаго университета Лобойкомъ. Далѣе, въ томъ же 1827 году, по указанію Залѣскаго, вышла во Львовѣ книга: „Pątnik narodowy", который долженъ былъ составить 12 томиковъ, но вышелъ только одинъ; здѣсь помѣщена была статья „о народныхъ пѣсняхъ польскихъ и русскихъ", которая была какъ будто предисловіемъ къ готовому уже сборнику пѣсенъ,—но продолженія изданія не послѣдовало [4]).

[1]) 1821 или 1822 года.

[2]) „Не ходи, Грицю, на вечорници", и „Козакъ коня напоивъ".

[3]) „Шумить, шумить дубровинька", и „Вже три дни и три недѣли".

[4]) Не есть ли это—та же книга, которая названа „Pamiętnik narodowy" и отнесена къ 1829 году въ предисловіи Бодянскаго къ изданію „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси", Головацкаго („Чтенія" Моск. Общ. ист. и древн. 1863, кн. III, стр. V)?

Возвращаемся къ Залѣскому. Далѣе онъ сообщаетъ свои мысли вообще о значеніи народной поэзіи и, во-первыхъ, указываетъ тогдашнюю литературу объ этомъ предметѣ. Эта литература была не велика. Онъ могъ назвать: упомянутую статью Бродзинскаго, 1826 другую статью польскаго писателя Жуковскаго, 1830; отдѣльныя замѣчанія у Воронича, въ статьѣ о „народныхъ пѣсняхъ“ [1]), въ книгѣ Шафарика объ исторіи славянскихъ литературъ, въ книгѣ Голэмбевскаго: Lud polski, jego zwyczaje, zabobony и пр. (Варшава, 1830) и т. д. Онъ вспоминаетъ также разсужденіе Форіеля о новогреческихъ пѣсняхъ, рецензію Копитара о сборникѣ Вука Стефановича [2]); замѣчанія о древней поэзіи славянской въ сочиненіи Раковецкаго о „Русской Правдѣ“; въ „Галичанинѣ“, 1830, Вал. Хлендовскаго. Въ нѣмецкой литературѣ онъ съ великимъ почтеніемъ указываетъ „святыя, неопровержимыя и непоколебимыя истины великаго Гердера, этого главнаго столпа нѣмецкой литературы, имени котораго не слѣдуетъ произносить безъ уваженія“. Напомнимъ, что именно такъ относились къ Гердеру вообще представители и начинатели славянскаго возрожденія съ конца прошлаго столѣтія, когда Гердеръ впервые съ пламеннымъ одушевленіемъ заговорилъ о правахъ народной личности (въ томъ числѣ и славянства) и о великомъ историческомъ и нравственномъ значеніи народной поэзіи [3]).

Переходя къ опредѣленію важности народной поэзіи для современной литературы и исторической науки, Залѣскій устраняетъ тѣ преувеличенія, съ которыми говорилъ объ этомъ Ходаковскій, но тѣмъ не менѣе широко оцѣняетъ значеніе народной поэзіи въ этихъ отношеніяхъ. Это мысли теперь общеизвѣстныя, но въ то время ихъ надо было впервые внушать и доказывать. Народная поэзія,—говоритъ Залѣскій,—есть та глубокая основа, забвеніе которой дѣлало и дѣлаетъ литературу искусственнымъ насажденіемъ, чуждымъ и непонятнымъ для народной массы, основа, которая одна можетъ сообщить литературѣ жизненное и истинно народное достоинство. Для исторіи народная пѣсня не дастъ точныхъ историческихъ фактовъ, но она дастъ драгоцѣнные отголоски стараго народнаго быта, понятій, нравовъ; она укажетъ, въ чемъ народъ сохранилъ сходство съ другими родственными племенами или отличался отъ нихъ. „Кто будетъ оспаривать, что народныя пѣсни, будучи образами, въ которыхъ каждый народъ всего вѣрнѣе рисуетъ и представляетъ свой характеръ, выражая свои чувства, описывая всякіе обычаи, являются *точнѣйшимъ*

---

[1]) Roczniki towar. warzs. przyj. nauk, t. 6, стр. 308.

[2]) Въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, 1825, т. XXX.

[3]) Неоднократныя ссылки на Гердера и выписки изъ него дѣлаются и въ названной выше диссертаціи Бодянскаго.

изображеніемъ народной жизни? Это—ключи къ святынѣ народности, но надо научиться отпирать ими; въ нихъ, какъ въ тѣхъ египетскихъ іероглифахъ, заключены священныя истины, но надо умѣть читать ихъ; для этого нужно какъ знаніе языка, такъ и народнаго быта; но для кого идетъ рѣчь о познаніи человѣчества, тотъ не можетъ обойтись безъ этихъ знаній... Не нужно, кажется, припоминать, что исторія литературы не можетъ и не должна миновать народныхъ пѣсенъ, которыя составляютъ ея настоящее начало, какъ древнѣйшая и до сихъ поръ живая литература. Многіе, конечно, пошли бы инымъ путемъ въ оцѣнкѣ поэзіи, въ объясненіи ея основаній и въ разборѣ образцовъ, еслибы обратили свое вниманіе на эту живущую въ народѣ поэзію и въ ней замѣтили, какъ она, будучи необходимымъ произведеніемъ природы, имѣетъ въ себѣ всѣ, но вмѣстѣ и тѣ только черты, какія ей слѣдуетъ имѣть изъ природы. Такой теоріи и такой исторіи литературы мы *еще ожидаемъ*".

Взглядъ, для своего времени весьма замѣчательный. Исторія литературы съ тѣхъ поръ совершила уже громадные труды для выясненія народной поэзіи и ея элементовъ, проникавшихъ въ литературу книжную,—но цѣлое теоретическое ученіе о сущности и развитіи поэзіи, съ этой исходной точки зрѣнія, не построено и до сихъ поръ.

Вообще предисловіе любопытно для исторіи этнографическихъ понятій какъ въ польской литературѣ, такъ и въ русской, гдѣ книга Залѣскаго была давно извѣстна. Его отношеніе къ народной поэзіи не есть одна романтическая чувствительность, съ которой еще долго послѣ обращались у насъ къ народнымъ пѣснямъ; это—еще несовершенное, по новости дѣла, но сознательное пониманіе важности народной поэзіи для изслѣдованія исторіи, языка и т. д., и ея живого значенія для литературы современной, какъ проводника истинной народности. Конечно, такъ-называемая „народность" на самомъ дѣлѣ пріобрѣтается литературой не одними этнографическими вкусами и усиліями (какъ это думали въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ), а болѣе сложнымъ и глубокимъ общественнымъ интересомъ,—но Залѣскій умѣлъ вѣрно подмѣтить многія стороны народной поэзіи, плодотворныя для науки и литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ уже отмѣчалъ въ народныхъ пѣсняхъ источникъ для пониманія народной жизни и средство дать литературѣ національный характеръ; теперь онъ указывалъ громадное различіе поэзіи народной отъ книжной въ выраженіи чувства—напр., любви, ненависти и т. п., и, находя причину этого различія въ самомъ складѣ народнаго быта, полагаетъ, что изученіе этихъ особенныхъ выраженій чувства даетъ важный матеріалъ для *психологіи*,—къ чему въ самомъ

дѣлѣ и пришла этнографія впослѣдствіи. Относительно языка, онъ указывалъ въ народныхъ пѣсняхъ богатый запасъ матеріала и формъ драгоцѣнныхъ для филолога и забытыхъ въ обыкновенномъ книжномъ и разговорномъ языкѣ, и этотъ послѣдній можетъ только освѣжиться и обновиться въ живомъ источникѣ народной пѣсни. Далѣе, изученіе пѣсенъ можетъ привести къ правильному пониманію самой поэзіи. Мы смотримъ обыкновенно на поэзію какъ на искусство, съ готовыми законами и правилами, которыя считаются ненарушимыми; изъ-за этихъ формальныхъ правилъ мы не усматриваемъ сущности поэзіи, и оттого въ литературѣ является подъ именемъ поэзіи столько ложнаго и натянутаго. Существа поэзіи надо искать именно въ изученіи народной пѣсни—въ ея свободномъ, естественномъ, правдивомъ творчествѣ... Въ этихъ разсужденіяхъ, изложеніе которыхъ отзывается терминами тогдашней нѣмецкой философіи, авторъ цитируетъ однажды Гёте—„этого архигенія человѣческаго рода"... Наконецъ, онъ предчувствовалъ, что въ вопросѣ о народности въ литературѣ кроется и соціальная сторона быта: высшій классъ, угнетавшій народную массу, осужденъ былъ на безплодіе своей литературы, на отсутствіе самостоятельности, повтореніе чужого, и поворотъ къ лучшему и оригинальному возможенъ только при обращеніи къ народному источнику.

Переходя къ классификаціи пѣсенъ, авторъ указываетъ недостатки такой классификаціи въ русскихъ сборникахъ, гдѣ помѣщались и пѣсни совсѣмъ ненародныя, и въ словацкомъ сборникѣ Шафарика; и собственную классификацію вѣрно основываетъ на самомъ народномъ бытѣ, пріурочивая пѣсни къ тѣмъ обстоятельствамъ и случаямъ, въ какихъ онѣ поются. Раздѣливъ пѣсни на два главные отдѣла—мужскія и женскія, онъ располагаетъ послѣднія, наиболѣе многочисленныя, по событіямъ и урочнымъ временамъ народной жизни: А, пѣсни при домашнихъ торжествахъ (сговоръ; свадьба; крестины; похороны); В, при обрядахъ и праздникахъ (гаилки; соботки; коляда); С, при деревенскихъ работахъ и развлеченіяхъ, пѣсни разныхъ сословій (пѣсни земледѣльческія, при обжинкахъ и толокахъ; пастушескія; на вечерницахъ; охотничьи, матросскія, рыбацкія и пр.); Д, при деревенскихъ увеселеніяхъ; Е, пѣсни любовныя. Составъ мужскихъ пѣсенъ гораздо проще; онѣ дѣлятся на пѣсни, касающіяся событій цѣлой страны или собственно историческія, и пѣсни, касающіяся событій единичныхъ.

Въ своемъ сборникѣ Залѣскій помѣстилъ рядомъ пѣсни польскія и русскія, причемъ пѣсенъ русскихъ оказалось у него гораздо больше, чѣмъ польскихъ, и онъ считалъ нужнымъ отвѣтить на два вопроса: откуда происходитъ сравнительная малочисленность пѣсенъ поль-

скихъ (кромѣ краковяковъ), и почему онъ соединилъ въ одномъ сборникѣ пѣсни разныхъ племенъ?

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ,—замѣчаетъ онъ,—у поляковъ всего меньше женскихъ пѣсенъ, а мужскихъ или историческихъ едва можно услышать. Нельзя допустить, чтобы причина этого заключалась во внутреннихъ свойствахъ польскаго народнаго характера, т.-е. въ какой-нибудь неспособности къ поэзіи; слѣдовательно, надо искать объясненія во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Оглянувшись на положеніе польскаго народа въ его прошедшемъ, мы легко встрѣтимъ эти печальныя причины. Онъ приводитъ мнѣніе Бродзинскаго, который приписывалъ этотъ фактъ вліянію шляхетства, такъ угнетавшаго народную жизнь, что народу было не до поэзіи; и дѣйствительно, положеніе польскаго народа было таково, что трудно было ожидать широкаго развитія поэзіи, которое предполагаетъ извѣстный просторъ и самодѣятельность народной жизни. Польскій народъ всего бѣднѣе старыми бытовыми обрядами и обрядовыя пѣсни чрезвычайно малочисленны. Меньше можно удивляться отсутствію историческихъ пѣсенъ: безправный народъ не имѣлъ никакого участія въ событіяхъ національной исторіи; онъ не могъ дорожить и сохранить въ пѣсняхъ историческія преданія, по той простой причинѣ, что не имѣлъ этихъ преданій. „Взвѣсивши все, что̀ мы сказали до сихъ поръ, — замѣчаетъ Залѣскій,—скорѣе можно было бы спросить, какимъ чудомъ этотъ бѣдный народъ совсѣмъ не онѣмѣлъ, чѣмъ спрашивать, почему у него теперь такъ мало пѣсенъ“.

Но эти доводы еще не кажутся Залѣскому достаточными. Развѣ въ лучшемъ положеніи былъ русскій народъ (т.-е. народъ русскій, принадлежавшій Польшѣ), не испытывалъ ли онъ тѣ же, или даже худшія, притѣсненія, и однако, какое множество онъ имѣетъ пѣсенъ, какъ свято сохранялъ обычаи и поэтическую память о давнихъ событіяхъ! Откуда же эта разница? Возвращаясь къ замѣчаніямъ Бродзинскаго, авторъ припоминаетъ бурную исторію Польши, постоянныя военныя столкновенія съ крестоносцами, ятвягами, Москвою, нападенія козаковъ и татаръ, войны съ турками, гайдамацкія возстанія, бурную внутреннюю жизнь Польши, безпокойную шляхту, волновавшуюся на сеймахъ, элекціяхъ, трибуналахъ—все это отзывалось на народѣ всякими тягостями, не давало ему бытового покоя, который способствовалъ бы развитію поэзіи; и дѣйствительно, онъ не выработалъ такой полной, законченной пѣсни, которою такъ богатъ русскій народъ. Но отсутствіе *такой* пѣсни вовсе еще не означаетъ, чтобы народъ польскій былъ совсѣмъ неспособенъ къ пѣсенному творчеству: оно только сложилось у него въ особую форму, сообразно съ его обстоятельствами. Ему некогда было складывать длинныя,

---

завершенныя произведенія; пѣсня выливалась у него какъ будто второпяхъ, въ коротенькіе пѣсенные мотивы въ двѣ, четыре строчки, гдѣ въ одномъ стихѣ обозначается какой-нибудь образъ изъ окружающей природы, а затѣмъ высказаны мысль или чувство, которыя собственно хотѣли высказать. Это — извѣстный *краковякъ*, который, по мнѣнію Залѣскаго, и составляетъ единственную поэзію польскаго народа, единственный результатъ его поэтической наклонности. Нѣрѣдко картинка изъ природы не имѣетъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ и какъ будто служитъ только для риѳмы: это авторъ и приписываетъ торопливости творчества. Обычная черта краковяка есть веселость, которая указываетъ, что внѣ упомянутыхъ тревогъ въ старой Польшѣ жилось, однако, весело [1]; но распущенность высшихъ классовъ отразилась и на краковякахъ, которыхъ эротическое содержаніе не всегда прилично. На Руси (т. е. въ русскомъ населеніи старой Польши) дѣло стояло иначе. Сельскій житель, утѣсненный еще больше, былъ, однако, больше предоставленъ самому себѣ. Мелкая шляхта въ русскихъ краяхъ не была разсыпана такъ, какъ въ Польшѣ; народъ не былъ такъ безпрестанно отрываемъ отъ своего дѣла, отъ исполненія своихъ обычаевъ, которые и сохранялись у русскихъ гораздо крѣпче. Залѣскій придаетъ значеніе тому обстоятельству, что у русскихъ богослуженіе совершалось на народномъ языкѣ.

Можно было бы прибавить скорѣе, что русское духовенство отъ старыхъ и до новыхъ временъ никогда не фанатизировало своей паствы такъ, какъ это дѣлали ксендзы католическіе; какъ духовенство женатое, оно всегда стояло въ болѣе простыхъ отношеніяхъ къ быту; въ эпохи религіозныхъ гоненій, дѣлило съ народомъ одну судьбу, а наконецъ, было близко къ нему и по скудости своего образованія; вслѣдствіе всего этого оно гораздо меньше, чѣмъ католическое, вмѣшивалось въ ежедневный бытъ народа, гдѣ такимъ образомъ на ряду съ церковнымъ благочестіемъ могла сохраняться старина, сначала въ прямой формѣ до-христіанскаго суевѣрія, потомъ въ видѣ народно-поэтическаго праздника и развлеченія.

Но тамъ,—продолжаетъ Залѣскій,—гдѣ обстоятельства складывались такъ же, какъ въ самой Польшѣ, онѣ создали и на Руси подобную поэтическую форму. Это — такъ - называемыя коломыйки, которыя, такъ же какъ краковяки, состоятъ изъ двухъ, четырехъ стиховъ, также съ поэтическимъ сравненіемъ изъ природы и съ выраженіемъ того или другого чувства; но здѣсь сравненіе обыкно-

[1]) Другіе критики польской пѣсни несогласны съ этимъ замѣчаніемъ, и находятъ, что эта „веселость" натянутая, напускная или торопливая, за которой должна опять наступить совсѣмъ невеселая дѣйствительность.

венно гораздо болѣе выдержано, чѣмъ въ польскихъ краковякахъ; веселость сказывается рѣдко, онѣ всегда болѣе скромны и вообще проникнуты какимъ-то печальнымъ, тоскливымъ чувствомъ, нерѣдко выраженнымъ съ глубокой силой [1]).

Переходя къ другому вопросу: почему въ его сборникѣ соединены пѣсни польскія и русскія, Залѣскій соглашается, что было бы лучше представить два особые сборника, но тогда нужно бы было собирать пѣсни по цѣлой Польшѣ и по цѣлой Руси, а этого онъ не считалъ удобнымъ при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Не ставя себѣ подобной задачи, онъ хотѣлъ собрать только пѣсни галицкія, и такъ какъ Галиція населена народомъ польскимъ и русскимъ, то онъ собиралъ пѣсни польскія и русскія. Сборникъ тѣхъ или другихъ пѣсенъ отдѣльно не былъ бы великъ, и соединивъ ихъ, онъ въ своихъ рубрикахъ смѣшалъ ихъ, какъ смѣшано самое населеніе. Авторъ дѣлаетъ при этомъ еще любопытное замѣчаніе. „Рѣзко раздѣлять ихъ не казалось мнѣ нужнымъ, когда и безъ того, поставленныя однѣ рядомъ съ другими, онѣ лучше отличаются въ своихъ характерахъ. Я не думаю, чтобы черезъ это я сдѣлалъ свой сборникъ менѣе пригоднымъ для поляковъ и для русиновъ; думаю, напротивъ, что черезъ это онъ становится для тѣхъ и другихъ гораздо полезнѣе. Каждый русинъ понимаетъ польскія пѣсни и полякъ пойметъ русскія, если только захочетъ и приложитъ къ этому какое-нибудь стараніе; кромѣ того, историческія русскія пѣсни воспѣваютъ событія изъ польской исторіи и въ этомъ отношеніи онѣ опять принадлежатъ къ польскому сборнику.—Съ болѣе широкой точки зрѣнія, это отлученіе русиновъ изъ нашей литературы кажется мнѣ очень вреднымъ для цѣлой славянской литературы, къ которой мы всегда обязаны стремиться. Словаки, слезаки въ Силезіи, моравяне пристали къ чехамъ; къ кому же могутъ пристать русины? Неужели же мы должны желать, чтобы русины имѣли свою особую

---

[1]) Ср. объ этомъ замѣчаніи Бодянскаго, въ его диссертаціи (стр. 93—98): „Пѣснямъ, подобнымъ краковякамъ, нельзя было явиться у южнаго русина, такъ какъ недоставало причинъ и поводовъ къ тому. А то, что нѣкоторые (ссылка на В. Залѣскаго) разумѣютъ надъ ними (коломійки), суть просто на выдержку взятые куплеты изъ другихъ пѣсенъ, начало коихъ гг. собиратели не знаютъ, и потому выдаютъ эти куплеты за нѣчто цѣлое, въ родѣ краковяковъ. Не споримъ, многіе куплеты изъ пѣсенъ поются и отдѣльно, примѣняя ихъ къ какому-нибудь случаю; но все же они части другого цѣлаго и отнюдь не похожи на краковяки. Равнымъ образомъ у русиновъ есть довольно плясовыхъ пѣсень, состоящихъ, по самому уже роду своему и цѣли, изъ небольшаго числа куплетовъ; при всемъ томъ грѣшно бы было называть такія пѣсни — краковяками, приписывать имъ одинакое происхожденіе и значеніе. Беремся всѣмъ, такъ-называемымъ, *коломійкамъ*, указать, къ какой онѣ относятся пѣснѣ, откуда именно взяты“.

литературу? Что же сталось бы съ нѣмецкой литературой, еслибы отдѣльныя германскія племена усиливались имѣть каждая свою литературу? Кто меня въ этомъ пунктѣ не понимаетъ, тому помочь я не могу, такъ какъ мнѣ неудобно говорить яснѣе".

Наконецъ, въ послѣдней части предисловія Залѣскій останавливается на объясненіи разныхъ родовъ пѣсенъ и подробностей ихъ содержанія.

Таковы были этнографическія и литературныя идеи польскаго собирателя. Нельзя вообще не замѣтить въ его трудѣ любопытный образчикъ вліянія какъ европейскаго романтизма, такъ и славянскаго возрожденія. Это двоякое вліяніе навело писателя на идеи, не совсѣмъ обычныя въ тогдашней (да и позднѣйшей) польской литературѣ, на критическое отношеніе къ прошлому и настоящему своего народа, на славянскія симпатіи, на интересъ къ простому сельскому люду и его пѣсенному творчеству. Отношенія его къ русскому народу въ Галиціи показываютъ, какъ слабы еще были зачатки возрожденія у самихъ русиновъ, какъ слабо чувство общности съ одноплеменной массой русскаго народа. Съ другой стороны, тотъ взглядъ, что русинамъ именно слѣдуетъ примкнуть къ польской литературѣ и народности, до послѣдняго времени былъ распространенъ у польскихъ писателей и публицистовъ, которые наклонны были считать или настойчиво утверждали, что малорусскій народъ есть вообще только отрасль польскаго и малорусскій языкъ есть польское нарѣчіе. Такое отождествленіе малорусскаго народа съ польскимъ представляетъ, въ другой области, такъ-называемая украинская школа польской поэзіи, которая вдохновлялась малорусской природой, бытомъ, преданіями—какъ бы своими собственными... Источникъ этого представленія весьма понятенъ, и не всегда онъ—только злостный; это—не простое намѣренное отрицаніе малорусской народности, которымъ прикрывается желаніе господствовать надъ малорусскими землей и народностью въ качествѣ польскихъ. Это могло быть, и бывало, также совсѣмъ искреннее представленіе, унаслѣдованное отъ временъ, когда Польшѣ дѣйствительно принадлежало это господство.

Странно встрѣчаться съ такимъ пониманіемъ дѣла теперь, когда всѣмъ достаточно ясно, что ни въ малорусскомъ языкѣ и народности нѣтъ никакого тождества съ польскими, ни въ исторіи нѣтъ единства, а только вѣчное разнорѣчіе и борьба, ни въ литературѣ русинамъ никакъ нельзя „пристать" къ литературѣ польской,—но пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ Галиціи, эта мысль могла не казаться несообразностью. Русская народность въ Галиціи въ тридцатыхъ годахъ едва дѣлала первые шаги литературнаго возрожденія. Первая книжка, съ которой можно считать новую галицкую литературу,

вышла уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сборника Залѣскаго; послѣднiй, увлекшись мыслью объ изученiи народности своей родины, былъ первымъ собирателемъ, въ рукахъ котораго сосредоточилось большое количество малорусскихъ пѣсенъ, и у себя дома, не видя другихъ изданiй, вѣроятно, не ожидая, чтобы сами галицкiе русскiе скоро сдѣлали что-нибудь по этому предмету, и полагая, наконецъ, что они могли бы, за неимѣнiемъ своей, пристать къ польской литературѣ,—внесъ русскiя пѣсни въ свой сборникъ, написавши ихъ польской азбукой. Любопытно, что эта мысль употребленiя польской азбуки нашла-было себѣ сторонника въ одномъ изъ тогдашнихъ русскихъ патрiотовъ, но, какъ скажемъ дальше, эта проба не имѣла никакихъ послѣдствiй, потому что вскорѣ у самихъ русскихъ галичанъ началось броженiе въ духѣ народности.

Какъ бы то ни было, сборникъ Залѣскаго былъ самымъ замѣчательнымъ трудомъ въ ряду польскихъ этнографическихъ изысканiй, которыя, кромѣ собственно польскаго матерiала, разработывали и русскiй (или малорусскiй). Сборникъ Залѣскаго сталъ важнымъ пособiемъ для малорусскихъ этнографовъ, и напр. книга Костомарова 1843, о которой скажемъ далѣе, не обошлась безъ указанiй Залѣскаго относительно историческаго значенiя народныхъ пѣсенъ.

Много лѣтъ спустя, строгiй судья, Бодянскiй, говоритъ о книгѣ Залѣскаго: „Собранiе Залѣскаго сильное имѣло влiянiе, какъ на земляковъ его, такъ равномѣрно и русскихъ въ Галицiи и Угрiи; онъ самимъ дѣломъ уже показалъ тѣмъ и другимъ, какое неоцѣненное сокровище имѣютъ они въ своемъ народномъ творчествѣ, особливо русскiе, превосходя имъ безспорно не только сосѣдей своихъ, но и всѣ вообще славянскiя племена. Августинъ Бѣлёвскiй, разбирая этотъ сборникъ въ № 3-мъ „Rozmaitości“ того же года, открыто признаетъ высокое достоинство и очаровательную красоту южно-русскихъ пѣсенъ, и, сравнивая ихъ съ сербскими (особенно свадебныя), охотно отдаетъ имъ преимущество не только передъ сими послѣдними, но и передъ пѣснями прочихъ славянъ“ [1]).

Другой трудъ подобнаго рода въ 1830 годахъ представляетъ сборникъ Жеготы (собственно Игнатiя, поляка родомъ) Паули [2]). Такъ же какъ Залѣскiй, онъ собиралъ одинаково пѣсни польскiя и русскiя, но издалъ въ двухъ отдѣльныхъ сборникахъ; онъ располагалъ

---

[1]) Предисловiе къ „Народнымъ пѣснямъ“, Головацкаго; „Чтенiя Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1863, III, стр. VI).

[2]) Pieśni ludu Polskiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1838.—Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1839—1840. 2 тома.— Предисловiе къ польскимъ пѣснямъ помѣчено апрѣлемъ 1833 г., къ русскимъ — маемъ 1836 года.

пѣсни почти въ томъ же порядкѣ, но сопроводилъ ихъ обстоятельными, по своему времени, объясненіями; даетъ описаніе обрядовъ, къ которымъ пріурочиваются извѣстные разряды пѣсенъ, и при этомъ пользуется какъ свидѣтельствами старой литературы, такъ и сравненіями съ народной поэзіей другихъ славянскихъ племенъ.

Такимъ же образомъ малорусская народная поэзія, обычаи, преданія и т. д. излагаются въ трудахъ другихъ извѣстныхъ польскихъ этнографовъ того времени, какъ Казиміръ-Владиславъ Войцицкій, очень плодовитый, но недостаточно критическій собиратель [1]); какъ историкъ, статистикъ и этнографъ Лука Голембёвскій [2]), у котораго подъ народомъ польскимъ опять разумѣются также бѣлоруссы и малоруссы [3]).

Польскіе этнографы того времени не владѣли еще критическимъ методомъ, котораго недоставало, впрочемъ, русскимъ и инымъ славянскимъ изслѣдователямъ того времени; у этихъ первыхъ начинателей этнографіи еще не было заботы о строгой точности при самомъ собираніи матеріала и, вслѣдствіе того, его подлинность, мѣстность и нарѣчіе и т. д., на нынѣшній взглядъ, часто являются неудостовѣренными. Такъ, Жегота Паули обвиняетъ Войцицкаго, что тотъ выписалъ многія польскія пѣсни изъ рукописей Паули и придалъ имъ произвольное обозначеніе мѣстности. Подобное обвиненіе было выставлено потомъ противъ самого Паули. Народныя преданія у старыхъ польскихъ собирателей рѣдко являются въ своей подлинной формѣ и всего чаще въ литературныхъ пересказахъ, болѣе или менѣе прикрашенныхъ, отчего теряютъ самое значеніе этнографическаго матеріала. При всемъ томъ работы польскихъ этнографовъ принесли свою большую пользу для малорусской этнографіи, открывая много новаго матеріала, затрогивая новыя стороны быта (напр., у Голембёвскаго, Войцицкаго), такъ что малорусскіе изслѣдователи въ этихъ трудахъ имѣли уже или поставленные вопросы, или нѣкоторыя готовыя указанія; въ особенности сборникъ Вацлава Залѣскаго, явившійся одновременно съ началомъ изданія „Запорожской Старины", до второго сборника Максимовича, до сборника Лукашевича, до га-

[1]) Pieśni ludu Białochrobatów, Mazurów i Rusi z nad Bugu. Warszawa. 1836, 2 ч.; Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Zebrał i spisał K. W. Wóycicki. Warsz. 1837, 2 тома; Zarysy Domowe. Warsz. 1842, 4 тома, и др. Ср. еще въ тридцатыхъ годахъ замѣчаніе Ж. Паули, Pieśni ludu pol., въ концѣ.

[2]) Gry i zabawy różnych stanów etc. Warsz. 1831, и др.

[3]) О работахъ по польской этнографіи см. въ книжкѣ г. Ивацевича: „Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ. Библіографическое обозрѣніе". Спб. 1888, стр. 122 и слѣд.

лицкихъ изданій, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи этого вопроса.

Между прочимъ, сборникъ Залѣскаго произвелъ впечатлѣніе въ средѣ галицкихъ русиновъ. Первые признаки національнаго возрожденія въ русской Галиціи относятся къ 1830-мъ годамъ. Отголоски славянскаго движенія достигаютъ тамъ въ среду учащейся молодежи и пробуждаютъ интересъ къ изученію собственной народности и по связи съ ней—русской литературы и этнографіи. Скудость матеріальныхъ средствъ, трудность имѣть русскія книги, подозрительность цензуры и полиціи обставляли дѣло большими препятствіями, но молодые энтузіасты добывали кое-какъ русскія книги, изучали страну, пускались въ археологію, собирали пѣсни и въ результатѣ положили начало новой галицкой литературѣ и этнографіи [1]).

И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ славянскаго возрожденія и какъ въ нашихъ первыхъ стремленіяхъ въ народности, исторически созрѣвавшее направленіе сказывалось нерѣдко чисто инстинктивно въ людяхъ молодого поколѣнія, которые стремились къ народности, не имѣя яснаго представленія о томъ, куда оно можетъ привести ихъ, и не останавливаясь передъ самой ограниченностью своихъ литературныхъ средствъ [2]). Въ галицкомъ молодомъ поколѣніи влеченіе къ народности было такимъ же инстинктивнымъ и вмѣстѣ романтическимъ. Трое изъ тогдашнихъ молодыхъ писателей, Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій, Иванъ Вагилевичъ, еще студентами, на школьной скамьѣ, думали о необходимости новой литературы для своего народа, собирали пѣсни, изучали старину, дѣлали собственные литературные и поэтическіе опыты, и къ концу 30-хъ годовъ издали книжку, которая была однимъ изъ первыхъ опытовъ ввести въ книгу языкъ галицко-русскаго народа, была началомъ

---

[1]) См. о галицкомъ возрожденіи въ „Исторіи слав. литературъ“, т. I, стр. 410 и дал. Другія подробности см. въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, изд. Н. Попова, М. 1879—1880, стр. 538—666; „Литературний Сборникъ“, издаваемий галицко-русскою матицею, Львовъ, 1885, вып. 1—2 (воспоминанія Я. Головацкаго, автобіографія Іос. Лозинскаго); „Кіевская Старина“, 1885, іюль: „Судьба одного галицко-русскаго ученаго“, стр. 453—472, и августъ: „Къ исторіи галицко-русской письменности“, стр. 645—663.—Въ послѣдней статьѣ частію повторены разсказы „Литер. Сборника“; въ первой сообщены особыя подробности о Вагилевичѣ.

[2]) Головацкій въ разныхъ своихъ воспоминаніяхъ не однажды разсказываетъ о томъ, какой рѣдкостью были въ ихъ кругу русскія книги и съ какимъ трудомъ они ихъ добывали. Это подтверждается современной перепиской и свидѣтельствами нашихъ путешественниковъ (см., напр., въ „Очеркѣ путешествія по славянскимъ землямъ“ въ 1840 г., А. Терещенка,—цитата въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, стр. 562); но съ другой стороны, мы видѣли, что Вацлавъ Залѣскій имѣлъ въ рукахъ русскіе этнографическіе сборники.

новой галицко-русской литературы и вмѣстѣ однимъ изъ первыхъ опытовъ галицкой этнографіи [1]).

Однимъ изъ возбужденій къ этой новой дѣятельности послужили польскія этнографическія книги, и особливо книга Залѣскаго. Народному патріотизму русскихъ галичанъ льстило то, какъ польскій писатель отзывался о богатствѣ и оригинальности русской народной поэзіи сравнительно съ польской, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ задѣвало за живое то мнѣніе этого писателя, что русскимъ галичанамъ не по силамъ, да и ненужно имѣть свою литературу и слѣдуетъ просто пристать къ литературѣ польской; ихъ задѣвало то, что Залѣскій прямо смѣшивалъ русскія пѣсни съ польскими и печаталъ ихъ латинской азбукой польскаго языка, что такимъ образомъ малорусскій языкъ и малорусская народность не считались чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ, а просто причислялись къ польской стихіи, какъ ея мелкій оттѣнокъ. Для нѣкоторыхъ это мнѣніе о пригодности польскаго письма для малорусской рѣчи показалось однако довольно убѣдительнымъ и, напр. одинъ изъ молодыхъ патріотовъ, впослѣдствіи заслуженный дѣятель галицкой литературы, Іосифъ Лозинскій, дѣйствительно принялъ польскую азбуку и издалъ книжку: „Ruskoje Wesile, opysannoje czerez J. Lozinskoho“ (Перемышль, 1835) — описаніе обрядовъ „веселья“, т.-е. свадьбы, со сборникомъ свадебныхъ пѣсенъ. Лозинскій долго былъ защитникомъ этой азбуки — именно до 1848 года, когда общій отпоръ его системѣ со стороны большинства дѣятелей русской народности въ Галиціи и обстоятельства національной борьбы съ поляками привели его къ другому взгляду на этотъ предметъ [2]). Русская азбука для галицкихъ патріотовъ была символомъ самой русской народности, и борьба за нее была первой защитой національнаго дѣла: она олицетворяла собой все племенное различіе, всю историческую разницу, всю настоящую противоположность интересовъ польскихъ и русскихъ. Но даже научиться этой азбукѣ было тогда нелегко: не было образчика русскаго письма — его копировали съ курсива печатныхъ азбукъ и грамматикъ. Когда патріоты начали печатать свои новыя книжки, то многихъ людей стараго вѣка непріятно поражало даже употребленіе гражданской русской печати вмѣсто единственно знакомой церковной. Прибавлялся, наконецъ, вопросъ о самомъ языкѣ—писать ли на ломанномъ церковно-русскомъ языкѣ, привычномъ до сихъ поръ, или на настоящемъ народномъ, томъ языкѣ, который молодые патріоты узна-

[1]) Русалка Днѣстровая. У Будимѣ. Письмом корол. Всеучилища Пештанского. 1837. Мал. 8°. XX, 133 и 2 ненум. стр. Эпиграфъ изъ Коллара: „Ne z mutného oka, z ruky pilné naděje kwitne“—и далѣе изъ Богдана Залѣскаго.

[2]) См. въ „Литер. сборникѣ“ Дѣдицкаго, 1885, автобіографію Лозинскаго.

вали съ дѣтства въ народной рѣчи и въ пѣсняхъ и который поя
вился уже въ малорусскихъ книжкахъ въ Россіи (потому что эт
былъ одинъ и тотъ же языкъ съ галицко-русскимъ). Какъ извѣстн
этотъ вопросъ не рѣшенъ въ галицкой литературѣ и до сихъ пор
и галицкіе писатели все еще колеблются между русскимъ книжным
языкомъ (которымъ овладѣть хорошенько не могутъ и который не
знакомъ народной массѣ) и народной рѣчью (которая требовала б
болѣе обширной литературной обработки). Издатели „Днѣстрово
Русалки“ не усумнились принять для своего сборника языкъ народны
Книжка состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: народныхъ пѣсенъ, собра
ныхъ молодыми патріотами съ вводнымъ разсужденіемъ Вагилевич
и изъ поэтическихъ опытовъ ихъ и Шашкевича. Молодые писател
въ своемъ патріотическомъ кружкѣ, подобрали себѣ имена въ древн
русскомъ вкусѣ: одинъ назвался Далиборомъ (Вагилевичъ), другой-
Руслановъ (Шашкевичъ), третій — Ярославомъ (Головацкій); потом
явились и еще древніе русины — Мирославъ (Ильковичъ, издател
пословицъ), Велеміръ, Мстиславъ и т. д. Собраніе пѣсенъ въ „Р
салкѣ“ невелико, но пѣсни были новы и характерны.

По позднѣйшимъ разсказамъ Головацкаго, у него уже въ т
время составился обширный сборникъ пѣсенъ, и что именно этот
сборникъ былъ изданъ Жеготой Паули. Упомянувъ о томъ, какъ в
времена его студенчества во Львовѣ, за трудностью имѣть русскі
книги, онъ списалъ въ библіотекѣ всю книжку пѣсенъ Максимович
(въ изданіи 1827 года), онъ прибавляетъ: „Игнатій-Жегота Паул
мазуръ, слушавшій вмѣстѣ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ универ
ситета, *выманилъ* у меня черновыя тетради этихъ и другихъ на
родныхъ пѣсенъ и издалъ въ Перемышлѣ (Львовѣ) 1839 г. въ II то
махъ „Piesni ruskiego ludu w Galicyi“; самъ то онъ плохо понимал
по-русски и никогда не сообщался съ русскимъ народомъ“ [1]).

[1]) „Кіев. Старина“, 1885, авг., ст. 647. Тоже, нѣсколько подробнѣе, въ „Литер
Сборникѣ“, вып. 1, стр. 13—14: „Вмѣстѣ съ нами (т.-е. еще съ Шашкевичемъ и Ва
гилевичемъ) колегіи посѣщалъ небольшій человѣчекъ (?), нѣкто Игнатій Паули, ма
зуръ, пріѣхавшій изъ Сандечской гимназіи въ университетъ. Онъ постарался позна
комитись съ нами, изъявилъ будто бы пламенное желаніе научитись по-русски и по
славянски, удавалъ Славянина (т.-е. выдавалъ себя за славянскаго патріота) и под
писывался даже *Жегота* Паули. Я не довѣрялъ ему; но Вагилевичъ былъ больше
откровеннымъ, а Шашкевичъ радъ былъ, что идея Славянства пускаетъ корени на
польской почвѣ и что Паули стоитъ за демократическій принципъ, такъ якъ онъ со
биралъ пѣсни польского люда, и потому онъ считалъ его безвреднымъ (?), находя
что будто на основаніи демократическаго устройства ляхи намъ неопасны. Паули
выманилъ *отъ насъ* не только тетрадки народныхъ пѣсень, но и переписалъ *от*
мене пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу К. Яблонскому, которы
ихъ издалъ — и пр., — хотя онъ вовсе не собиралъ пѣсень, а переписалъ таковыи.—
Паули ввелъ насъ въ польскіи кружки и познакомилъ съ Бѣлевскимъ, Сѣминскимъ
Войцицкимъ, Туровскимъ“, и проч.

Не знаемъ, какъ было это дѣло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но въ тогдашнемъ интересѣ Паули къ славянству, кажется, не было основанія сомнѣваться. Ранѣе сдѣланное изданіе польскихъ пѣсенъ свидѣтельствовало, что этнографія занимала его и независимо отъ пѣсенъ Головацкаго; онъ обставлялъ пѣсни объясненіемъ народныхъ обычаевъ, и не только „удавалъ славянина“, но зналъ тогдашнюю славянскую литературу, занимавшуюся истолкованіемъ народной старины, и самъ, какъ умѣлъ, работалъ въ ея духѣ и пріемахъ. Если онъ никогда не „сообщался“ съ русскимъ народомъ, то чѣмъ объясняется, что онъ составилъ однако словарикъ, приложенный имъ къ изданію русскихъ пѣсенъ? [1]).

Болѣе точное, хотя опять неблагопріятное для Жеготы Паули, указаніе на источники его пѣсеннаго собранія сдѣлано было позднѣе Бодянскимъ въ его предисловіи къ „Народнымъ пѣснямъ Галицкой и Угорской Руси“ Головацкаго [2]). Изъ указаній Бодянскаго видно, что Паули пользовался не одними только тѣми пѣснями, которыя „выманилъ“ у Головацкаго, но и разными печатными источниками. Но дѣло все-таки остается не вполнѣ яснымъ: во-первыхъ,

[1]) Настоящая глава, при первомъ появленіи въ печати, и другіе отзывы мои о галицко-русской литературѣ и этнографіи вызвали злобное нападеніе, нынѣ покойнаго, ветерана галицкой литературы изъ лагеря „твердыхъ“, Я. Ѳ. Головацкаго, въ „Р. Вѣстникѣ“ и потомъ въ отдѣльной книжкѣ: „Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. П—на, напечатаннымъ въ Вѣстн. Европы за 1885 и 1886 годы“ (Вильна, 1888). Въ этой книжкѣ есть не лишенныя интереса воспоминанія о прошломъ галицкой литературы, но полемика наполнена мало приличнымъ вздоромъ, который разбирать не стóитъ; укажу отвѣтъ мой на первую изъ статей Головацкаго (въ Р. Вѣстникѣ, 1886, ноябрь), помѣщенный въ „В. Евр.“ 1887, январь, стр. 440—444; на продолженіе я уже не счелъ нужнымъ отвѣчать.

Въ книжкѣ вылилась давно собиравшаяся желчь противъ всего польскаго. Для Головацкаго, какъ извѣстно, съ 1867 г. перешедшаго въ русское подданство и службу, спокойное, безпристрастное отношеніе къ польскому было немыслимо, и достаточно было ему увидѣть такое отношеніе въ моихъ статьяхъ, чтобы причислить меня въ польскую партію. Если я не браню поляковъ—я „стою за нихъ горой“; если нѣкоторые факты старыхъ русско-польскихъ отношеній въ Галиціи возбуждали во мнѣ недоумѣніе (я между прочимъ указывалъ, что въ 1830-хъ годахъ галицко-русскіе писатели и въ томъ числѣ самъ Головацкій не были съ поляками въ такой враждѣ, какъ впослѣдствіи), я совершалъ „клеветы и инсинуаціи“, чтò не мѣшало врагу клеветъ и инсинуацій обвинять меня въ томъ, чего я вовсе и не говорилъ (примѣры приведены въ „Вѣстникѣ Евр“. 1887, январь). Сличивъ указанные у меня литературные факты съ опроверженіями Головацкаго, читатель увидитъ, что послѣднія (между прочимъ, со ссылками на „неизвѣстныя“ мнѣ письма) хотя злобны, но далеко недостаточны; неточности Головацкаго замѣтилъ и г. Дашкевичъ (въ XXIX отчетѣ о прис. Увар. наградъ, стр. 168).

[2]) Чтенія Моск. Общ. исторіи и древностей, 1863, т III, стр. VII—VIII. Этого предисловія не находимъ въ отдѣльномъ изданіи собранія Головацкаго. М. 1878, —или оно было только въ „Чтеніяхъ“?

сравнивая сборникъ Паули съ „Днѣстровой Русалкой" (гдѣ находится нѣсколько тождественныхъ пѣсенъ), встрѣчаемъ не однажды разнорѣчія [1]); во-вторыхъ, какимъ образомъ, издавая впослѣдствіи свое цѣлое собраніе въ московскихъ „Чтеніяхъ", Головацкій въ числѣ разныхъ своихъ источниковъ цитируетъ этого самаго Паули? Наконецъ, если Паули совершилъ плагіатъ, отчего Головацкій предоставилъ Бодянскому заявить о немъ лѣтъ черезъ двадцать-пять, а самъ сказалъ о немъ только лѣтъ черезъ пятьдесятъ?

Относительно того, что Паули „удавалъ славянина", припоминается указаніе самого Головацкаго, что Паули свелъ его и его друзей съ кружкомъ Бѣлёвскаго, Луціана Сѣменьскаго, Войцицкаго и Туровскаго. Но это былъ именно кружокъ польскихъ писателей, заинтересованныхъ славянскимъ движеніемъ и работавшихъ для польско-малорусской этнографіи. Выше мы упоминали восторженные отзывы Бѣлёвскаго (авторитетнаго польскаго историка и археографа) о малорусскихъ пѣсняхъ; Сѣменьскій принадлежалъ къ числу немногихъ польскихъ литературныхъ панславистовъ [2]); о Войцицкомъ говорено выше; Казиміръ Туровскій издалъ во Львовѣ въ 1835 году: „Uwagi nad niektórymi piesniami poetów ludu", гдѣ для примѣра приводитъ и русскія пѣсни... Итакъ, былъ цѣлый польскій кружокъ, заинтересованный малорусской народной поэзіей. Тогда думали (какъ В. Залѣскій), что русскія пѣсни могутъ быть изданы и въ польской книгѣ, притомъ это сдѣлано было скорѣе, чѣмъ русскіе любители успѣли сдѣлать свое изданіе (дѣйствительно, печатаніе „Днѣстровой Русалки" стоило издателямъ большихъ хлопотъ).— Почему иначе было не заявить тогда же о плагіатѣ?

О большомъ новѣйшемъ сборникѣ Головацкаго скажемъ далѣе.

---

[1]) Вотъ напр. варіанты въ колядкѣ у Жеготы Паули, I, стр. 3—5, и въ „Русалкѣ Днѣстровой", стр. 36—37:

...Odnomu bude Zołotyj persteń — Zołotyj persteń Z biłoho palci	Одному буде золотий перстень,
Druhomu bude Chustka szoukowa — Chustka szoukowa Z biłeji szeji, и пр.	Другому буде хустка від боку и пр.

Есть варіанты и въ записи пѣсни о взятіи Варны: Паули, I, стр. 135 — 136; „Русалка", стр. 118—119. При нѣкоторыхъ ошибкахъ, варіанты Паули представляются иногда болѣе точными.

Въ сборникъ Паули вошли не всѣ пѣсни, находящіяся въ „Русалкѣ".

[2]) Позднѣе онъ издалъ, напр: „Podania i Legendy polskie, ruskie, litewskie". Познань, 1845.

ГЛАВА V.

П. А. Лукашевичъ.—А. Л. Метлинскій.

Въ 1836, вышелъ въ Петербургѣ новый сборникъ малорусскихъ пѣсенъ подъ названіемъ: „Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни“, безъ имени собирателя, которымъ былъ Платонъ Лукашевичъ. Эта небольшая книжка составляла потомъ необходимое пособіе малорусскихъ этнографовъ; ея думы и пѣсни цитировались до настоящаго времени, какъ напр., въ послѣднихъ работахъ Костомарова. Впослѣдствіи собиратель не возвращался къ этому предмету, а въ сороковыхъ годахъ пріобрѣлъ особаго рода извѣстность какъ авторъ книги, носившей такое заглавіе: „Чаромутіе или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ“ (Спб. 1846), за которою послѣдовала другая: „Примѣры всесвѣтнаго славянскаго чаромутія, астрономическихъ выкладокъ, съ присоединеніемъ объясненія обратнаго чтенія названій буквъ алфавитовъ греческаго и коптскаго“ (М. 1855), и затѣмъ еще цѣлый рядъ подобныхъ книжекъ, идущій до послѣднихъ годовъ, съ такими же странными заглавіями и не менѣе страннымъ содержаніемъ, гдѣ авторъ съ большой самоувѣренностью дѣлалъ самыя фантастическія открытія въ таинственной древности, до него никому неприходившія въ голову. „Чаромутіе“ надолго сдѣлалось басней въ литературѣ, между тѣмъ, какъ сборникъ пѣсенъ, гдѣ собиратель не поставилъ своего имени, оставался, какъ мы сказали, одной изъ наиболѣе замѣтныхъ книгъ по малорусской этнографіи.

Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ умеръ въ концѣ 1887 года, въ глубокой старости въ м. Березани, переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ некрологѣ въ первый разъ сообщены были о немъ немногія біографическія свѣдѣнія [1]). Лукашевичъ учился въ нѣжин-

[1]) Кіевская Старина, 1887, кн. 1, стр. 245—246. Кромѣ этого намъ разъ только, еще при жизни Лукашевича, встрѣтилось о немъ нелѣпое извѣстіе, изображавшее его какъ непризнаннаго русскаго Меццофанти: онъ якобы зналъ 220 языковъ и на-

ской гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ былъ товарищемъ Гоголя, и оканчивалъ образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ. Въ молодости онъ сдѣлалъ поѣздку за границу, гдѣ, въ Прагѣ, познакомился съ Ганкой и Колларомъ. Всю остальную жизнь онъ провелъ въ Березани, гдѣ владѣлъ довольно значительнымъ помѣстьемъ.

Сборникъ пѣсенъ, изданный Лукашевичемъ, остался его единственнымъ трудомъ въ этой области.

Книжка начинается небольшимъ предисловіемъ, которое можетъ странно поразить рядомъ съ другими тогдашними отзывами о малорусской народной поэзіи: въ то время какъ другіе собиратели и критики превозносили богатство и тонкое изящество этой поэзіи, Лукашевичъ давалъ совсѣмъ иную картину ея состоянія въ данную минуту, говорилъ объ ея упадкѣ, предсказывалъ ея близкую гибель, и свой собственный сборникъ представлялъ какъ немногое, что̀ можно еще спасать отъ ея крушенія.

„Мы имѣемъ уже два собранія Украинскихъ пѣсенъ, гг. Срезневскаго и Максимовича, — говорилъ Лукашевичъ — Я спасъ еще нѣсколько народныхъ пѣсней, и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это, можетъ быть, послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи,—тамъ народныя пѣсни давнымъ давно уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно замѣнены солдатскими, или великороссійскими пѣснями. Малороссійскій парубокъ за стыдъ себѣ почитаетъ пѣть другія. Пословица справедливо говоритъ: что все хорошо на своемъ мѣстѣ; если русскія пѣсни такъ прекрасны въ устахъ лихого солдата или ямщика, то ничего не могутъ быть онѣ ужаснѣе при пѣніи ихъ малороссіяниномъ, съ его густымъ басомъ и медленнымъ выговоромъ словъ. Пройдитесь по малороссійскому селенію, въ тихую ночь, когда молодежь собирается на улицу или вечерницу—страхъ невольно пробѣжитъ по вашимъ нервамъ: представьте себѣ мужика, который одну ноту тянетъ съ дребезжущимъ крикомъ до безконечности, заглушающій хоръ подоспѣваетъ въ помощь этому запѣвалѣ—и вы въ опасности потерять органъ слуха... невольно закрывъ уши, вы уйдете какъ можно далѣе; но въ отдаленности голосъ пѣвцовъ становится еще непріятнѣе, это совершенный вой волковъ. Примѣчательно, что и женскій полъ въ Малороссіи разлюбилъ свои прелестныя, томныя пѣсни, гдѣ воспѣвались любовь и разлука съ милымъ козаченькомъ, и гдѣ съ такимъ неизъяснимымъ чувствомъ и простотою красавица выражала:

Тôлькô минѣ легче станеть,
Якъ крошку заплачу!—*или*:
Ой не видно того села -только видно хрести,
Туда минѣ любо, мило оченьками сьвести!

„Нѣтъ, теперь ужъ этого пѣнія не услышите на вечерницахъ, и между ними есть запѣвалы и пискливый хоръ и какой! не скажу о немъ ни слова. Не зная великороссійскихъ женскихъ пѣсней, дѣвушки Малороссійскія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни, какія и ихъ парубки, т.-е. солдатскія и ямщицкія. Не-

---

рѣчій, когда знаменитому кардиналу было извѣстно только 70. (См. „Новоросс. Телеграфъ", откуда перепечатка въ „Саратовскомъ Дневникѣ", 1885, № 228, 25 окт.).

рѣдко мужчины и женщины поютъ вмѣстѣ эту пѣснь, или, лучше сказать, горланятъ, составляя самый забавный въ мірѣ концертъ... Проѣзжайте всю Малороссію вдоль и въ поперегъ, и я ручаюсь вамъ, что вы не услышите ни одной національной пѣсни. Изъ десяти парубковъ, едва ли сыщется одинъ, который можетъ вамъ пропѣть „мужицькую писню" и то какую-нибудь женскую. И горе ему, если услышатъ это его товарищи, онъ будетъ осмѣянъ какъ „мужикъ". Эти мужицкія пѣсни вы можете услышить только гдѣ-нибудь въ уединеніи—въ полѣ, въ лѣсѣ, и то въ искаженномъ видѣ. Новѣйшая, Малороссійская, народная муза ничего еще не произвела, кромѣ двухъ или трехъ пѣсенъ о рекрутскихъ наборахъ, которыхъ содержаніе взято также изъ солдатскихъ и имѣютъ великороссійскіе голоса; тоже должно сказать и обо всѣхъ уцѣлѣвшихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ: всѣ онѣ поются на ладъ „парня и дѣвки"; чрезъ двадцать лѣтъ, мы будемъ отыскивать настоящіе ихъ голоса въ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ [1]). Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни уцѣлѣли.

„Итакъ, эти пѣсни, которыя я издаю, есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самихъ хулителей всего Украинскаго; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ,—скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу въ гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцамъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ, хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на завалившуюся могилу, или долетитъ на высокій курганъ козацкій".

Странно читать эти отзывы собирателя малорусскихъ пѣсенъ, которыя едва только въ эти самые годы стали появляться на свѣтъ въ немногихъ еще собраніяхъ, возбуждали восторгъ не только своихъ, но и чужеплеменныхъ любителей и критиковъ своимъ изяществомъ и такимъ богатствомъ, какого не могла представить никакая иная славянская народность. Не можетъ не показаться, что авторъ преувеличивалъ, говоря о совершившейся гибели малорусской народной пѣсни; онъ только не умѣлъ найти ее,—какъ впослѣдствіи нашли ее другіе собиратели: Костомаровъ, Кулишъ, Метлинскій, Головацкій Чубинскій и пр. При всемъ томъ была, однако, большая правда въ жалобахъ Лукашевича: для малорусской пѣсни дѣйствительно уже въ то время наступалъ періодъ паденія, который шелъ потомъ чѣмъ дальше тѣмъ быстрѣе. Паденіе должно было начаться, очевидно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда кончался старый малорусскій бытъ, создавшій эту поэзію, когда началось вмѣшательство въ украинскую жизнь новаго политическаго элемента въ видѣ русскаго военнаго и гражданскаго управленія, русской школы, языка и обычаевъ. Правда,

---

[1]) Замѣтимъ еще, что встарину въ Малороссіи каждый поселянинъ былъ музыкантъ, въ каждой избѣ можно было найти скрипку, гусли или бандуру; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется одинъ скрипачъ—новѣйшее пѣніе не нуждается въ музыкѣ. (Прим. Лукаш.).

малорусская деревня еще долго сохраняла свой старый складъ, державшійся не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ и мелкомъ панскомъ быту; малорусская деревня, изображенная Гоголемъ или описанная Далемъ, очевидно хранила еще много своей патріархальной старины, но Лукашевичъ былъ правъ, что новѣйшая малороссійская народная муза не могла уже создать ничего, что̀ бы могло равняться съ ея давними твореніями, и хранить старое становилось все труднѣе—исчезла старая основа народнаго творчества, какъ впрочемъ она исчезаетъ и вездѣ въ разной степени. Уже тогда, въ тридцатыхъ годахъ, пѣсни приходилось отыскивать, эпическія думы быстро исчезали, и многочисленныя поддѣлки, появившіяся въ это время, были очевиднымъ признакомъ, что подлинный эпическій матеріалъ становился рѣдокъ; преданія, не записанныя во̀-время, погибали уже навсегда, и Лукашевичъ понялъ это совершенно вѣрно. Въ сборникахъ, составлявшихся позднѣе, и съ усерднымъ желаніемъ собрать все, что̀ возможно, мы уже встрѣчаемъ не разъ только обломки —незаконченныя пѣсни, или пѣсни спутанныя, сшитыя изъ разныхъ клочковъ, невразумительные варіанты, иной разъ какіе-нибудь два стиха, оставшіеся обрывкомъ забытой пѣсни [1]).

Собраніе Лукашевича состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ (стр. 9—100) помѣщены пѣсни изъ русской Малороссіи; во второмъ (стр. 109—170) пѣсни червоно-русскія, которыя Лукашевичъ взялъ изъ собранія—какъ онъ называетъ—„г. Вацлава", т.-е. Вацлава изъ Олеска, или Залѣскаго. Въ собственномъ небольшомъ сборникѣ Лукашевича помѣщено нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ думъ, какъ напр. о Байдѣ-Вишневецкомъ, замѣчательная дума о Самойлѣ Кишкѣ, о которой онъ говоритъ, что „сія дума по количеству стиховъ своихъ (355 стих.), подробностямъ и истинно гомерическимъ описаніямъ превосходитъ въ своемъ родѣ всѣ, до-нынѣ намъ извѣстныя въ южной Россіи, думы"; новый и болѣе полный текстъ думы объ Ивасѣ Коновченкѣ (328 стиховъ); думы извѣстныя и неизвѣстныя о Морозенкѣ, Сезнѣ, Перебійносѣ, Нечаѣ, Шпачкѣ, Голотѣ, Левенцѣ, Грицѣ, Калнашѣ и пр.; нѣсколько пѣсенъ бытовыхъ и обрядныхъ (петровки, коляды, щедровки, купальскія, свадебныя).

Къ сожалѣнію, Лукашевичъ, по обычаю всѣхъ тогдашнихъ собирателей, не указываетъ съ точностью, откуда бралъ онъ свои тексты. Относительно думы о Самойлѣ Кишкѣ онъ замѣчаетъ, что она списана въ полтавской губерніи, „точь-въ-точь со словъ бандуриста-слѣпца". Относительно думы объ Ивасѣ Коновченкѣ онъ говоритъ,

---

1) См. напр. у Метлинскаго, стр. 374, 407. У Лукашевича—только начало думы про Тетерю, стр. 35, и мн. др.

что „нынѣшній ея списокъ есть одного бандуриста, который воспѣлъ и Самойла Кишку“ [1]). Неясно также происхожденіе обширнаго текста знаменитой думы „о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“ (стр. 59), котораго издатель не имѣлъ тогда подъ руками и который собирался издать впослѣдствіи.

Въ предисловіи ко второму отдѣлу, Лукашевичъ даетъ понятіе о русскомъ населеніи въ Галиціи, которую, повидимому, зналъ по собственнымъ наблюденіямъ, и къ которой относится съ величайшимъ сочувствіемъ. Здѣсь онъ находитъ и другое состояніе малорусской народной поэзіи.

„Червонорусцы,—говоритъ онъ,—не взирая на безконечное (?) свое иноплеменное подданство, которое переносятъ съ терпѣніемъ,—сохраняютъ, по сю пору, привязанность къ своему происхожденію и имени, а слѣдовательно, и къ Россіи; Украина, Малороссія есть для ихъ сердца обѣтованная земля, куда стремятся всѣ ихъ помыслы и думы. Съ какою заботливостью Галичанинъ разспрашиваетъ заѣзжаго изъ Россіи гостя о судьбѣ своихъ братьевъ Украинцевъ; онъ съ радостію раздѣляетъ съ нимъ свою убогую трапезу, чтобы узнать что новаго, объ Украинскихъ Козакахъ! Кто бы повѣрилъ, что Галицкій пастухъ знаетъ гораздо болѣе думъ о герояхъ Украйны и ея исторію, нежели посѣдѣлый Малороссійскій Козакъ. Онъ гордится подвигами Малороссіянъ, какъ своими собственными. Онъ радуется ихъ счастію и успѣхамъ и тужитъ въ прекрасныхъ своихъ пѣсняхъ „о пригодѣ Ковацькои“. Прочитайте со вниманіемъ Галицкія пѣсни, въ нихъ—если молодой Червонорусецъ хочетъ понравиться своимъ красавицамъ, то говоритъ, „что онъ Козакъ изъ Украйны, и Козакъ „съ роду“; въ одной пѣснѣ мать описываетъ своей дочери богатства Украйны и ея Козаковъ—враговъ Поляковъ, журитъ ее, чтобы она не любила „ляховъ“, а Козаковъ; въ другой дѣвушка умираетъ за любезнымъ ея „Козаченькомъ“; въ третьей жена грозитъ своему мужу, что она оставитъ его и пойдетъ „на Украйну съ дѣтьми на свободу“; въ четвертой описываются похороны Козака и пр. и пр. Но важнѣйшія изъ пѣсенъ Червонорусцовъ, — это есть, безъ сомнѣнія, Малороссійскія думы“...

Содержаніе этихъ думъ есть исторія борьбы южной Руси противъ ея угнетателей: Галиція была явно на сторонѣ Хмельницкаго и ждала только своего избавленія, но оно не пришло...

„Должно замѣтить, что сія война Южной Россіи не имѣла ничего общаго съ обыкновенными нынѣшними войнами; нѣтъ, она должна была рѣшить великій вопросъ; или Южная Россія должна была *совершенно* освободиться бы отъ ига Поляковъ, подобно какъ сѣверная ея сестра отъ ига Татарскаго; или

[1]) Авторъ некролога замѣчаетъ: „Это самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ украинскихъ думъ и одна изъ самыхъ прекрасныхъ. Въ сборникѣ не отмѣчено, гдѣ и отъ кого она записана. На запросъ по этому предмету, покойный Лукашевичъ сообщилъ намъ, что записалъ эту думу въ 1832 году отъ бандуриста Стрички, уроженца села Березовки, прилуцкаго уѣзда Полтавской губерніи. Этого бандуриста онъ встрѣтилъ случайно, на постоялом дворѣ, ѣхавъ въ Ромны на ярмарку. Отецъ Стрички былъ также бандуристъ. Черезъ два года, справясь о Стричкѣ, Лукашевичъ узналъ, что онъ умеръ. Во время записыванья Стричкѣ было около 30 лѣтъ“.

же *навсегда* остаться подъ вліяніемъ и владѣніемъ Польскаго шляхетства, какъ его исключительная собственность. Если бы такъ рано не умеръ Хмельницкій, и далъ по себѣ Руси достойнаго преемника,—тогда бы, отъ Сейма до Вислы и горъ Карпатскихъ не осталось бы ни одного Поляка, они всѣ были бы изгнаны въ Польшу, точно такъ, какъ судьба ихъ постигла въ Малороссіи, вмѣстѣ съ Уніею и Жидами... и Южная Россія воскресла бы, послѣ четырехъ-вѣкового уничиженія—во всемъ своемъ величіи. Но предопредѣленіе судебъ недовѣдомо,—все рушилось послѣ Хмельницкаго"...

Изъ этихъ строкъ видно, какимъ малорусскимъ патріотизмомъ былъ одушевленъ авторъ. Западная Малороссія, по словамъ автора, была истинная русская земля, и преданія о ней продолжаютъ жить въ народѣ русской Галиціи.

„Послѣ этого небольшого вступленія, читатели, вѣроятно, не удивятся, найдя почти во всѣхъ Галицкихъ думахъ и „Парубочихъ пѣсняхъ", всегдашнее обращеніе къ милой для нихъ Украйнѣ и Украинскимъ Козакамъ; и какъ не уважать до восторга Малороссіянъ, когда они осмѣлились вооружиться противъ Поляковъ—сихъ вѣчныхъ угнетателей и арендатарей Галичанъ? Вотъ почему, Червонорусцы усвоили себѣ думы Малороссіянъ, между тѣмъ, какъ послѣдніе, счастливые ихъ собратія, давно ихъ позабыли. Голоса древнихъ думъ Малороссіи проницаютъ душу какимъ-то неизъяснимо томнымъ впечатлѣніемъ, онѣ соединяютъ въ себѣ и тоску по родинѣ, и неукротимую месть Славянина, когда его несчастія прешли мѣру человѣческаго терпѣнія. Сіи шестистопныя и даже восьмистопныя пѣсни, исходятъ изъ широкой груди Русина такъ гибко, такъ мелодически, какъ будто самые нѣжные романсы Жуковскаго или Пушкина; въ нихъ различаемъ и тихій плачь матери, и сестры, о своемъ сынѣ, и братѣ, и раскаты грома изъ пушекъ и самопаловъ, и вопль сражающихся, гдѣ „Ляцькая кровь" течетъ рѣками; къ сожалѣнію, ни одна изъ нашихъ думъ не переложена на ноты; Галичане, и нынѣ, не забываютъ голосовъ этихъ волшебныхъ эпопей, и понынѣ, они приводятъ въ сотрясеніе ихъ души! Справедливо Малороссійскіе бандуристы говорятъ, что слава не умретъ и не поляжетъ"...

Галицкое литературное возрожденіе, обратившееся и къ изученію народности, Лукашевичъ обозначаетъ такимъ образомъ: „Я думаю,— говоритъ онъ,—пріятно будетъ узнать моимъ читателямъ, что въ Лембергѣ (во Львовѣ) и въ Перемышлѣ, нѣсколько добрыхъ уніатскихъ патеровъ, которые еще не стыдятся носить имя русское, вздумали воскресить въ Галиціи народное слово, и въ послѣднее время, благодаря покровительству австрійскаго правительства (?), показалось нѣсколько сочиненій на малороссійскомъ нарѣчіи". Онъ сожалѣетъ только, что въ основаніе взяты при этомъ польскій языкъ и перемышльское нарѣчіе, всего болѣе пострадавшее отъ полонизмовъ, и выражаетъ желаніе, чтобы галицкіе писатели спустились лучше къ „простой рѣчи" восточнаго червоно-русскаго языка, въ которомъ „еще сохраняется чистота кіево-русскаго нарѣчія". Онъ предполагалъ, что есть причины, которыя мѣшаютъ „патерамъ" изъясняться съ при-

хожанами „природнымъ и прекраснымъ языкомъ своихъ праотцевъ“, —и думаетъ, что причина въ томъ, что червоно-руссы должны покоряться направленію, какое даютъ имъ ихъ повелители.

Въ заключеніе онъ сообщаетъ, что во Львовѣ вышло новое собраніе червоно-русскихъ пѣсней, въ которомъ много малороссійскихъ думъ, но что онъ не могъ его достать.—Не совсѣмъ понятно, какой сборникъ могъ разумѣть здѣсь Лукашевичъ: послѣ сборника Залѣскаго вышла только книжка Лозинскаго (Ruskoje Wesile), но тамъ помѣщены только пѣсни свадебныя; затѣмъ онъ могъ слышать о готовящейся „Днѣстровой Русалкѣ“, которая вышла уже въ 1837, или о сборникѣ Жеготы Паули, который вышелъ въ 1839—40, но помѣченъ въ предисловіи 1836-мъ годомъ.

Приводимъ, наконецъ, свѣдѣнія некролога о послѣднихъ годахъ жизни Лукашевича.

„Остальную свою жизнь Лукашевичъ посвятилъ quasi-филологическимъ трудамъ, на изданіе которыхъ потратилъ большія средства, но которыя стали притчею во языцѣхъ. Амбары его деревенской усадьбы и полки кіевскихъ книжныхъ магазиновъ завалены были этими книгами, которыхъ не бралъ никто, а если бралъ, то выбрасывалъ съ негодованьемъ. „Греческій Корнесловъ“, „Объясненіе ассирійскихъ именъ“, „Латинскій Корнесловъ“ и другія ужасныя произведенія Лукашевича того же сорта не имѣли ничего общаго не только съ здравой филологіей, но и съ здравымъ смысломъ. Послѣднимъ трудомъ его въ этомъ родѣ была двухъ-томная „Микроскопическая Астрономія“, выходъ въ свѣтъ которой можно допустить только вспомнивши, что терпится и не преслѣдуется всякое тихое безуміе. Жившій едва вѣроятнымъ оригиналомъ, Лукашевичъ окружалъ себя таинственностью и позволялъ предполагать, что у него собрано много историческихъ документовъ и этнографическихъ записей. Въ послѣдніе годы его жизни были сдѣланы попытки извлечь у него эти матеріалы изъ-подъ спуда. Результатомъ этихъ очень тяжелыхъ усилій было полученіе отъ Лукашевича двухъ тетрадей старинныхъ малороссійскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и маленькаго, но очень цѣннаго отрывка автобіографическихъ записокъ священника Турчиновскаго (писанныхъ въ половинѣ XVIII в.), помѣщеннаго въ „Кіевской Старинѣ“. Этнографическія записки заключаются въ толстой книгѣ, куда Лукашевичъ вносилъ на бѣло то, чтó записалъ послѣ изданія своего сборника. Сравнительно съ продолжительностью времени собрано имъ не такъ много, хотя добросовѣстно, безъ произвольныхъ поправокъ, и съ точнымъ воспроизведеніемъ всего слышаннаго. Но по внутренней своей цѣнѣ этотъ сборникъ, оставшійся въ рукописи,

никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ печатнымъ сборникомъ 1836 года.

„Какъ человѣкъ, покойный Лукашевичъ представлялъ явленіе исключительное и даже мало вѣроятное. Мы не имѣли намѣренія касаться странностей его жизни, объясняемыхъ несомнѣннымъ ненормальнымъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. Право на признательную память даетъ ему подвигъ его молодости, спасшій отъ забвенія нѣсколько сокровищъ народнаго творчества, въ ту пору, когда самъ онъ былъ юнъ и умъ его еще не былъ омраченъ тяжелымъ и неизлѣчимымъ недугомъ".

Къ романтикамъ тридцатыхъ годовъ относится еще одинъ собиратель, сборникъ котораго пользуется также хорошей репутаціей. Это былъ А. Л. Метлинскій (1814—1869), бывшій профессоромъ харьковскаго и кіевскаго университетовъ и писавшій по-малорусски подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы,—псевдонимомъ, который объясняется отождествленіемъ Украины съ могилами, гдѣ похоронена ея прошедшая слава.

Не будемъ останавливаться на біографіи Метлинскаго и на разборѣ его сочиненій [1]). Онъ не составилъ себѣ имени какъ ученый: малорусскія стихотворенія его цѣнились его современниками и соотечественниками, хотя также не представляютъ особыхъ поэтическихъ достоинствъ,—но въ исторіи изученія малорусской народности за нимъ остается заслуга ревностнаго этнографа, съ великой любовью относившагося къ своей родинѣ, преданіямъ ея и народу. Съ дѣтства окруженный впечатлѣніями малорусской жизни, Метлинскій и въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился въ тридцатыхъ годахъ, встрѣтилъ тотъ народный романтизмъ, о которомъ мы говорили, и навсегда остался подъ его вліяніемъ. Скудная ученая школа, какую представлялъ харьковскій университетъ того времени, не помогла Метлинскому научно выяснить свои взгляды, но въ немъ крѣпко утвердилась привязанность къ малорусской народности. Наука удовлетворила его тѣмъ вниманіемъ, какое стала посвящать народности, проявленіямъ ея въ бытѣ, исторіи, преданіяхъ, вниманіемъ къ народному языку и его областнымъ вѣтвямъ и оттѣнкамъ: здѣсь

[1]) Для этого см. статью г. Дашкевича въ „Біографическомъ Словарѣ" профессоровъ унив. св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 409—423.

— Петрова, „Очеркъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія", Кіевъ, 1884, и дополненія къ ней у Дашкевича (XXIX Отчетъ объ увар. наградахъ, Спб. 1889), стр. 128—130.

— Комарова, „Покажчикъ новоі украïнськоі литературы", К. 1883, стр. 38.

— Де-Пуле, „Харьк. университетъ", Вѣстн. Евр. 1884, январь, стр. 101—104.

— Костомаровъ, въ автобіографіи, „Литерат. Наслѣдіе", Спб. 1890.

нашла опору его любовь къ своей родинѣ и ея поэзіи. Онъ не могъ дѣйствовать ни въ литературѣ, ни въ аудиторіи своими научными средствами, которыя были очень невелики, но современники говорятъ о его добромъ вліяніи на слушателей, которымъ онъ внушалъ любовь къ литературѣ и къ народнымъ изученіямъ. „Метлинскій,—разсказываетъ Де-Пуле,—былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по-истинѣ рѣдкаго. Жилъ онъ бобылемъ, одинъ съ братомъ студентомъ и слугою, какимъ-то Грицко или Остапомъ. Жилъ онъ философомъ, т.-е. бѣднякомъ, употребляя бо́льшую часть своихъ средствъ на вспомоществованіе своимъ роднымъ, матери, братьямъ и сестрамъ, проживавшимъ на какомъ-то хуторѣ черниговской губерніи. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ,—да, впрочемъ, она едва ли и вообще запиралась: Метлинскій, съ портфелью книгъ и тетрадей бѣгущій на лекцію, былъ вправѣ сказать: omnia mecum porto. Близость его къ студентамъ, смѣло можно сказать, была идеальная, товарищеская... Метлинскій записывалъ не только пѣсни, но и народныя мелодіи; нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи, бандуристы, эти истые рапсоды козачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій"... Въ этомъ характерѣ, очевидно, любовь къ народности была врожденнымъ чувствомъ, инстинктомъ, который потомъ самъ собою слился съ романтическимъ идеализмомъ, и этимъ опредѣляется все отношеніе Метлинскаго къ предмету его этнографическихъ изученій. Собственная поэзія Метлинскаго безпрестанно обращается къ природѣ родного края, народному быту и историческимъ воспоминаніямъ. Этнографическіе поиски его отзываются такой непосредственностью чувства, какую рѣдко можно встрѣтить въ самомъ усердномъ этнографѣ: видимо, онъ весь жилъ этимъ чувствомъ, глубоко искреннимъ, иногда полу-наивнымъ... Какъ обыкновенно въ тѣ годы, прибавились и сочувствія всеславянскія: Метлинскій переводитъ нѣсколько стихотвореній изъ Челяковскаго, Коллара, изъ Краледворской рукописи, изъ сербскихъ и польскихъ поэтовъ.

Главнымъ трудомъ Метлинскаго остался его этнографическій сборникъ [1]), изъ пѣсенъ, какъ записанныхъ имъ самимъ, такъ и доставленныхъ другими лицами. Въ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ общую мысль, которая должна побуждать къ собиранію памятниковъ

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни. Изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ, 1854. XVIII и 472 стр. Лучшій разборъ этого сборника сдѣланъ былъ В. И. Ламанскимъ, въ „Вѣстникѣ" Географич. Общества, 1854, кн. V, отд. IV, стр. 13—40. (Ср. Дашкевича, стр. 169). Это былъ первый печатный трудъ нашего ученаго слависта.

языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ и оттѣнкахъ,—мысль, которую онъ высказывалъ также и въ другихъ случаяхъ... „Я утѣшался и одушевлялся мыслію,—говоритъ онъ,—что всякое нарѣчіе, или отрасли языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между его единовѣрными, единокровными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ словно великая рѣка, отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа“ [1]).

Понятно, что народная поэзія находитъ у Метлинскаго высокую восторженную оцѣнку. По его представленію, она была произведеніемъ народа въ томъ смыслѣ, что ее создали даровитѣйшіе люди народа, которые въ старыя времена, еще до начала письма и грамотности, выразили чувства и мысли народа, впечатлѣнія міра и событія народной жизни, словомъ, все истинное, доброе и прекрасное съ такою силою и красотою, что ихъ слово не забылось и сохраняется вѣками, „какъ выраженіе не скоропреходящихъ нуждъ временныхъ, но вѣчныхъ помысловъ души человѣческой“; остальная масса народа были люди, воспринимающіе и хранящіе это преданіе. „Но чудный даръ вдохновенія и пѣсенъ рѣдко цвѣтетъ на лонѣ счастія, рѣдко сопровождается благами жизни, и пѣвцы, улетая душою въ область мечтаній, нерѣдко обдѣляются земными благами, по сказанію древности и одного изъ своихъ собратовъ (стихотвореніе Шиллера—Theilung der Erde), и, быть можетъ, къ нимъ-то примѣняется поговорка „голе и гостре якъ брытва“. Поэтому-то остатками старыхъ преданій свѣтъ большею частію обязанъ скитальческой судьбѣ бездомныхъ странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ старцевъ, которыхъ память—живая книга минувшаго“.

Славянскіе народы, и особенно русскій, славятся богатствомъ своей народной поэзіи. „Эти произведенія невѣдомыхъ умовъ, какъ дикіе полевые цвѣты, будто сами собою выросли на полѣ народной

---

[1]) Въ подобномъ смыслѣ Метлинскій говорилъ о литературной способности мѣстныхъ нарѣчій, и особливо, конечно, малорусскаго, въ предисловіи къ изданнымъ имъ „Байкамъ“ Боровиковскаго. Кіевъ, 1852.

жизни, взлелѣянные природою, въ такой чудесной красотѣ слова, въ какую облекалась мысль только у лучшихъ изъ поэтовъ. Живое народное слово, исполненное прадѣдовскихъ поученій, долголѣтней богатой житейской опытности, хранитель древнихъ преданій, памятниковъ древнихъ событій, сокровище слезъ и радостей, народныхъ чувствъ и мыслей за нѣсколько столѣтій, раздается и поется на просторѣ царства русскаго отъ степей и до морей, и живетъ и растетъ по домамъ и по путямъ, на поляхъ и на рѣкахъ, какъ воды и лѣса, какъ горе и счастіе, какъ печаль и радость. Оно близко духу и сердцу народному и благотворно для его нравовъ. Оно можетъ долго существовать безъ пособія грамоты, тогда какъ слабыя литературныя произведенія, издѣлія подражательной словесности, не проливающія силы душевной, скоро забываются и смѣняются другими, не смотря на усилія книжныхъ промышленниковъ поддерживать ихъ всѣми способами торговой смѣтливости".

Въ теоретическихъ понятіяхъ Метлинскаго о народной поэзіи, насколько онѣ выразились въ приведенныхъ сейчасъ словахъ, были значительныя неточности; напр. народная масса играла все-таки не одну пассивную, воспринимающую роль въ созданіи этой поэзіи; самая поэзія не оставалась такъ неподвижна въ теченіе исторіи и, напротивъ, очень сильно измѣнялась, теряя древнія черты и принимая новыя; иногда старые памятники ея погибали совсѣмъ и замѣнялись новыми произведеніями, созданными въ новыхъ условіяхъ и въ новомъ духѣ; далѣе, при этой измѣнчивости бываютъ времена, когда народная пѣсня переставала быть и особенно благотворной для народныхъ нравовъ и т. п. Въ сущности отношеніе Метлинскаго къ народной поэзіи заключалось въ романтическомъ идеализмѣ, который въ свое время былъ нуженъ для установленія болѣе вѣрныхъ понятій объ этомъ предметѣ, еще далеко невразумительномъ для большей доли общества. Метлинскій былъ правъ, когда дальше говорилъ, что труды, посвящаемые изученію народа, и литературная обработка народнаго языка, представляютъ для насъ нравственную необходимость, расширяя наше самопознаніе и воспитывая въ народѣ самоуваженіе.

Собираніе пѣсенъ Метлинскій началъ, повидимому, еще съ конца тридцатыхъ годовъ и продолжалъ его до времени изданія своего сборника. Кромѣ того, ему сообщали пѣсни и многія другія лица, въ числѣ ихъ Н. М. Бѣлозерскій, М. А. Маркевичева (впослѣдствіи— Марко Вовчокъ), одинъ изъ его слушателей—Запара (о которомъ разсказывается въ воспоминаніяхъ Де-Пуле), нѣкто П. К. (вѣроятно, г. Кулишъ, которому въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ еще нельзя было являться въ литературѣ съ своимъ именемъ): нѣсколько пѣсенъ перешло въ сборникъ изъ собранія Гоголя, и т. д. Редакція

изданія состояла въ сличеніи имѣвшихся на-лицо текстовъ и в возможно точной передачѣ пѣсенъ; имѣя только ограниченныя сред ства для изданія, Метлинскій вносилъ въ свою книгу только т что еще не было напечатано (кромѣ нѣсколькихъ исключеній); і позволялъ себѣ составлять пѣсенъ изъ нѣсколькихъ варіантовъ и пе чаталъ особо несходные стихи или цѣликомъ самые варіанты, как образцы различной обработки одной темы. Относительно оттѣнков языка, онъ держался господствующаго украинскаго нарѣчія, которы сохранилъ и для пѣсенъ, записанныхъ на крайнихъ предѣлахъ украин скаго нарѣчія, какъ потому, что на мѣстномъ говорѣ являлись иногд и пѣсни общераспространенныя, такъ и потому, что самыя запис на мѣстныхъ говорахъ бывали случайными и шаткими: онъ думал наконецъ, что изученіе нарѣчій должно быть особымъ дѣломъ, отдѣл нымъ отъ изученія самаго содержанія народной поэзіи. Но онъ н устранялъ тѣхъ мелкихъ особенностей и варіацій выговора, какі встрѣчаются въ самомъ главномъ нарѣчіи, нерѣдко служа для благ звучія рѣчи.

Что касается до распредѣленія пѣсенъ на разряды, Метлинскі считалъ очень труднымъ найти такое, которое можно было бы счест вполнѣ удовлетворительнымъ; между тѣмъ, приведеніе пѣсенъ в извѣстный порядокъ необходимо для ихъ обзора, для изученія п нимъ народной жизни. Въ принятомъ имъ порядкѣ есть рубрик довольно смутныя, напр. въ отдѣлѣ пѣсенъ „житейскихъ“ разряд пѣсенъ „семейно-родственныхъ“, или отдѣлъ пѣсенъ и думъ „поучи тельныхъ“; но вообще его распредѣленіе сходится съ тѣми, какі мы уже видѣли у болѣе раннихъ собирателей. Такъ, идетъ ряд пѣсенъ, относящихся къ домашнему быту: колыбельныя, свадебны поминальныя; въ пѣсняхъ, которыя онъ назвалъ вообще „годовыми“ —извѣстные разряды веснянокъ, пѣсенъ русальныхъ, купальных петривочныхъ и т. д.; въ пѣсняхъ бытовыхъ—козацкія, чумацкі бурлацко-сиротскія и т. д.

Какъ мы сказали, сборникъ Метлинскаго занялъ одно изъ по четныхъ мѣстъ въ литературѣ малорусской этнографіи по внима тельности редакціи пѣсенъ и ихъ новости, хотя и Метлинскому н удалось вполнѣ ускользнуть отъ поддѣлокъ, наводнившихъ эту област съ тридцатыхъ годовъ [1]). Въ случаѣ успѣха своего предпріяті Метлинскій думалъ продолжать изданіе своего сборника, но этого н случилось: страдая болѣзненной меланхоліей, онъ былъ уже неспо собенъ къ работѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1869 году.

---

[1]) См. „Историческія пѣсни“, Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. XXII—XXIII

ГЛАВА VI.

Н. И. Костомаровъ.

Въ Костомаровѣ русская литература имѣла историка съ оригинальнымъ художественнымъ дарованіемъ; писателя съ большимъ личнымъ этнографическимъ опытомъ и вмѣстѣ своеобразнаго поэта на русскомъ и малорусскомъ языкѣ; вообще писателя, который былъ живой связью нашей литературы съ мѣстной украинской и былъ убѣжденнымъ и компетентнымъ защитникомъ малорусской народности и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, малорусской литературы.

Николай Ивановичъ Костомаровъ (1817—1885) родился въ помѣщичьей семьѣ, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда; мать его была простая крестьянская дѣвушка, малороссіянка, которую отецъ его, до брака, отдалъ учиться въ московскій пансіонъ; родина Костомарова, по своему населенію, представляетъ промежуточный этнографическій пунктъ между Великороссіей и Малороссіей [1]). Впослѣдствіи, литературные противники, которымъ не нравились его

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія:

— Автобіографическая записка въ „Біогр. Словарѣ профессовъ Имп. университета св. Владиміра“, Кіевъ, 1884.

— „Автобіографія“, записанная съ его словъ Н. А. Бѣлозерскою, въ „Р. Мысли“, 1885, май и іюнь.

— Некрологи: въ „Вѣстн. Европы“, 1885, май, стр. 311—327; „Кіевской Старинѣ“, 1885, май, стр. I—XLIII.

— Воспоминанія: В. Л. Беренштама въ „К. Старинѣ“; г. Мордовцева, въ „Русской Старинѣ“, въ книжкахъ „Недѣли“ (романъ...); г. Кулиша, въ „Нови“, 1885; А. А. Корсунова (бывшаго Корсуна, издателя альманаха „Снiпъ“, 1840), въ „Р. Архивѣ“, 1890, № 10, и друг.

— Вторая, болѣе подробная автобіографія въ посмертномъ изданіи сочиненій Костомарова: „Литературное Наслѣдіе“. Спб. 1890 (ср. замѣтку объ этомъ въ „Вѣстн. Европы“, 1890, декабрь).

малорусскія симпатіи, называли Костомарова великоруссомъ; по этом названію, имѣвшему въ виду колкость, выходило, что великорусс неприлично быть участникомъ въ малорусской литературѣ и ея за щитникомъ; самъ Костомаровъ, въ автобіографической запискѣ, объ ясняя, почему привлекала его малорусская литература, говорилъ, чт „такъ какъ народъ, посреди котораго онъ жилъ, были малороссіян то онъ полюбилъ и малороссійскую народность и ея языкъ, так что сталъ писать на этомъ языкѣ“. Здѣсь дано сухое, какъ бы оффи ціальное объясненіе (въ послѣдніе годы у Костомарова можно был замѣтить эту манеру говорить — для противниковъ, которымъ ино языкъ былъ бы непонятенъ); но, на дѣлѣ, любовь къ малорусско народности исходила не изъ одного только случайнаго обстоятел ства, что подлѣ него жили люди малоруссы, а оттого, что эта на родность была въ самой его крови, что онъ выросталъ въ ея сред подъ ея вліяніемъ, — дѣйствительно, во всемъ его характерѣ мало русскаго было именно гораздо больше, чѣмъ великорусскаго. Ег любовь къ малорусской народности, языку, поэзіи объясняется орга нически — это было для него родное, наслѣдственное. Малорусска исторія и этнографія до конца остались его ближайшимъ и глубо кимъ интересомъ.

Послѣ воронежской гимназіи Костомаровъ поступилъ въ Харьков скій университетъ и по окончаніи курса (тогда трехлѣтняго), въ 1836 году, однажды вообразилъ себѣ, что его настоящая дорога ест военная, и вступилъ юнкеромъ въ драгунскій полкъ; потомъ, на пер выхъ же недѣляхъ своего милитаризма, онъ убѣдился, что гораз болѣе кинбурнскаго полка ему интересенъ острогожскій архивъ, бу маги котораго онъ получилъ возможность разбирать. Вскорѣ его исто рическіе вкусы опредѣлились и уже навсегда. Въ 1840, онъ дер жалъ въ Харьковскомъ университетѣ магистерскій экзаменъ по рус ской исторіи, а въ началѣ 1842 года представилъ диссертацію „О значеніи уніи въ западной Россіи“, — которой, однако, не пришлос увидѣть свѣта. Противъ нея возбудилъ протестъ извѣстный іерарх и духовный писатель, Иннокентій Борисовъ; книга была послана на судъ въ министерство просвѣщенія; вслѣдствіе отзыва Устрялова книгу велѣно было остановить и предать сожженію всѣ экземпляры а Костомарову „предоставлено“ было написать другую диссертацію [1]

[1] Отмѣтимъ одно противорѣчіе. Эта исторія была нѣкогда разсказана г. Сухо млиновымъ („Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 г.“, въ Др. и Но вой Россіи, 1877, № 1), который, „со словъ Костомарова“, утверждалъ, что Инно кентій не имѣлъ никакого участія въ дѣлѣ уничтоженія книги, что напротивъ он былъ человѣкъ просвѣщенный и т. д., и всю иниціативу г. Сухомлиновъ припи салъ помощнику попечителя харьковскаго округа, кн. Цертелеву. Между тѣмъ, и

Онъ поступилъ тогда на службу субъ-инспекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ и занимался частнымъ преподаваніемъ. Его новая ученая работа посвящена была народной поэзіи. Передъ тѣмъ онъ началъ писать по-малорусски, и его драмы и стихотворенія, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, переводы „Еврейскихъ мелодій“ Байрона, доставили ему извѣстность между любителями малорусской литературы. Въ 1844 онъ защищалъ, на этотъ разъ благополучно, свою вторую диссертацію—„Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, которая была замѣчательнымъ явленіемъ въ тогдашней этнографической литературѣ. Онъ пріобрѣлъ ученую степень, но ему не удалось получить каѳедры: по его разсказу, „въ видахъ ближайшаго изученія народа, онъ бродилъ по слободамъ и шинкамъ, а въ то время это казалось до того необычнымъ и страннымъ, что нѣкоторые ученые и степенные люди считали его какимъ-то блаженненькимъ“. Костомаровъ переселился поэтому въ Кіевъ, пробылъ годъ учителемъ гимназіи въ городѣ Ровно, волынской губерніи, собралъ здѣсь большой сборникъ народныхъ пѣсенъ, въ 1845 получилъ мѣсто въ кіевской гимназіи, а въ 1846 выбранъ былъ на каѳедру русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Въ этомъ послѣднемъ году онъ издалъ „Славянскую Миѳологію“. Его мысли сложились уже въ опредѣленный взглядъ; онъ сошелся здѣсь съ кружкомъ молодыхъ энтузіастовъ, мечталъ и размышлялъ о народности и славянствѣ, и составилъ то „Кирилло-Меѳодіевское“ общество, которое было первымъ примѣромъ одушевленія за идею славянскаго союза, народнаго освобожденія и просвѣщенія, и которое навлекло на него и его сотоварищей тяжелую бѣду. На него сдѣланъ былъ доносъ; онъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ Шевченкомъ и другими членами кружка, и долженъ былъ объяснять свои идеальныя мечты извѣстному Л. В. Дуббельту. Вѣдомство, котораго послѣдній былъ представителемъ, не склонно было къ подобному идеализму, и Костомаровъ былъ заключенъ (1847) на годъ въ Петропавловскую крѣпость, послѣ чего „переведенъ на службу“ въ Саратовъ, съ запрещеніемъ „преподавать и печатать соб-

---

автобіографической запискѣ самого Костомарова (Біограф. Словарь проф. Кіевскаго университета, Кіевъ, 1884, стр. 284) именно сказано, что „диссертація предъ самою защитою возбудила протестъ со стороны преосвященнаго Иннокентія (Борисова), была пріостановлена и отправлена на разсмотрѣніе къ министру народнаго просвѣщенія“ и т. д. Тоже и въ подробной автобіографіи Костомарова и въ воспоминаніяхъ современника, А. А. Корсунова.

Судя по выпискамъ изъ диссертаціи въ статьѣ г. Сухомлинова, книгу Костомарова можно было обвинить развѣ только въ неточныхъ выраженіяхъ: къ нимъ присоединялись еще нѣкоторыя сужденія о роли духовенства, по тогдашнему неосторожныя; изъ того и другого сдѣлано было преступленіе. Дальше упомянемъ, что въ исправленномъ видѣ эта работа впослѣдствіи была издана.

ственнаго сочиненія книги". Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ губернское правленіе, позднѣе былъ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета и принималъ участіе въ мѣстныхъ приготовительныхъ работахъ по крестьянскому дѣлу.

Въ Саратовѣ на первое время онъ долженъ былъ почувствовать неудобства полицейскаго надзора, испытать грубое отношеніе надзирателей; но уже вскорѣ его положеніе измѣнилось къ лучшему. Губернаторомъ былъ человѣкъ достаточно образованный, честный и хорошій; внимательность губернатора устранила полицейскія стѣсненія, и Костомаровъ наконецъ пріобрѣлъ въ городѣ настоящую популярность—сосланный профессоръ былъ рѣдкостью для провинціальнаго общества; всѣ знали ученаго чудака, высокій талантъ котораго угадывали. Живя въ Саратовѣ, Костомаровъ опять возвратился къ этнографіи и старинѣ, собиралъ пѣсни, рылся въ архивахъ, продолжалъ задуманныя раньше работы. Еще до переѣзда изъ Харькова въ Кіевъ онъ началъ заниматься исторіей Богдана Хмельницкаго; книга была написана въ Саратовѣ. У него сохранился, къ счастію, собранный раньше матеріалъ; нѣкоторыя средства, какія онъ имѣлъ, его обезпечивали и дали возможность собрать необходимую библіотеку, съ которой онъ могъ вести свои работы. Близкимъ пріятелямъ,— въ ихъ числѣ было два-три человѣка, которые могли судить о дѣлѣ,— знакомы были отрывки изъ этой работы, — и мнѣ (я познакомился съ Костомаровымъ въ Саратовѣ, въ половинѣ 50-хъ годовъ) тогда уже случилось слышать о великихъ надеждахъ отъ будущихъ историческихъ работъ Костомарова. Здѣсь же, въ Саратовѣ, начатъ былъ имъ извѣстный „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ"; здѣсь написанъ „Стенька Разинъ"—одно изъ лучшихъ произведеній Костомарова, „Кремуцій Кордъ", трагедія изъ римской жизни временъ императоровъ по разсказу Тацита, и, наконецъ, рядъ полу-оффиціальныхъ работъ по мѣстнымъ вопросамъ.

Съ новымъ царствованіемъ Костомаровъ, въ числѣ многихъ другихъ „возвращенныхъ", получилъ амнистію; съ начала 1856 съ него снято было запрещеніе печатать свои сочиненія, снятъ и полицейскій надзоръ, но все еще съ ограниченіемъ, „чтобы распоряженіе въ Бозѣ почившаго императора, о недозволеніи ему служить по ученой части, оставалось во всей силѣ".

Съ 1856 года начинается второй періодъ печатной литературной дѣятельности Костомарова, дѣятельности чрезвычайно плодовитой, непрерывавшейся до конца его дней. Явился на свѣтъ „Богданъ Хмельницкій", сразу поставившій Костомарова въ рядъ нашихъ первостепенныхъ историковъ; затѣмъ множество другихъ историче-

своихъ работъ. Главнѣйшія изъ нихъ: „Богданъ Хмельницкій“ (1857), „Бунтъ Стеньки Разина“ (1858), „Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа“ (1860), „Сѣверно-русскія народоправства“ (1863), „Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“ (1866), „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ (1869 — 70), „Руина“ (1879), „Мазепа“ (1882), „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“ (1873—76), изъ которыхъ многія имѣли не одно изданіе („Богданъ Хмельницкій“—четыре), памятны читателямъ. Къ трудамъ, собственно историческимъ, присоединяется масса работъ археографическихъ, изданій памятниковъ старой литературы и архивныхъ грамотъ и актовъ, редакція пѣсенныхъ сборниковъ (какъ въ „Трудахъ“ экспедиціи въ юго-западный край и пр.); изслѣдованія этнографическія, какъ обширный трудъ—„Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, составляющій новую переработку предмета его старой диссертаціи (въ „Бесѣдѣ“, 1872, „Русской Мысли“, 1880—1883, и „Литературномъ Наслѣдіи“, 1890); наконецъ масса меньшаго размѣра историческихъ монографій, замѣтокъ, критическихъ и полемическихъ статей и т. д. Въ статьѣ „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ (въ 3-мъ томѣ „Историческихъ монографій“) Костомаровъ переработалъ и дополнилъ старое сочиненіе объ уніи, сожженное въ 1842 г.

Послѣ амнистіи, Костомаровъ пріѣзжалъ для своихъ работъ въ Петербургъ, провелъ восемь мѣсяцевъ за границей, но затѣмъ оставался еще нѣсколько времени въ Саратовѣ, гдѣ успѣлъ обжиться; наконецъ, въ 1859 г. получилъ каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ, по смерти Устрялова. Въ университетѣ Костомаровъ оставался недолго: онъ долженъ былъ выйти въ отставку въ 1862 г. Лекціи, читанныя имъ въ эти годы, были новымъ проявленіемъ его историческаго таланта: каѳедра русской исторіи еще никогда передъ тѣмъ не имѣла такого своеобразнаго, увлекательнаго лектора. Университетъ тогда, какъ и теперь, не былъ открытъ для постороннихъ посѣтителей; но молва о блестящемъ профессорѣ перешла изъ университетскаго круга въ общество,—за первымъ любопытнымъ, который проникъ въ университетскую аудиторію, послѣдовали другіе, и лекціи Костомарова (а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ) стали сами собой какъ бы публичными чтеніями...

Костомаровъ не оставилъ сочиненія, въ которомъ были бы изложены его взгляды на исторіографію, объяснены источники его собственныхъ идей и пріемовъ,—но самый характеръ его трудовъ показываетъ въ немъ писателя иной школы, чѣмъ былъ кругъ Погодина и Устрялова, или, позднѣе, школа Соловьева. Исходной точкой всего его направленія былъ тотъ народный романтизмъ, о которомъ

говорено выше по поводу Срезневскаго. Если бы хотѣли опредѣлить въ немногихъ словахъ отличительную черту историческихъ трудовъ Костомарова, должно было бы сказать, что его по преимуществу влекло къ изображенію народнаго элемента въ исторіи, къ объясненію народнаго историческаго права. Онъ не былъ чуждъ вліяніямъ нѣмецкой исторической школы, какъ вообще знакомъ былъ съ ходомъ западной исторіографіи,—но въ его историческомъ пріемѣ явились и такія черты, которыхъ не было у другихъ нашихъ историковъ, ему современныхъ. Ни у кого изъ нихъ не были такимъ живымъ интересомъ, какъ у Костомарова, племенные факторы исторіи, значеніе народа, какъ основы движенія, стремленіе проникнуть въ думы и характеръ народныхъ массъ, о которыхъ часто и совсѣмъ забывали. Костомаровъ не былъ историкомъ учрежденій, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, не былъ и мистическимъ теоретикомъ народности, какъ К. Аксаковъ—онъ искалъ живого народа, съ его стародавними нравами: работы чисто этнографическія постоянно сопровождали работу историческую; съ самаго начала его дѣятельности и до конца тянуло его, съ одной стороны въ архивы, къ документальнымъ свидѣтельствамъ старины, съ другой—въ исторію быта, нравовъ, обычаевъ и, наконецъ, въ народную среду, гдѣ онъ подслушивалъ пѣсню и историческое преданіе.

Рано затронула его другая полоса нашего общественно-литературнаго развитія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: это былъ интересъ панславянскій, который сложился у него своеобразно, въ параллель съ его историческими идеями и развившимся ранѣе этнографическимъ народолюбіемъ. Костомаровъ не остался холоденъ къ панславизму, какъ писатели такъ называемаго западническаго направленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не принималъ панславизма въ исключительной московской формѣ: для него панславизмъ не означалъ абсолютную гегемонію одного сильнаго племени надъ всѣми остальными гегемонію, которая, пожалуй, не остановится предъ насиліемъ надъ слабѣйшимъ; это былъ, напротивъ, союзъ братства, народной свободы и равноправности, внушаемой и освящаемой равноправностью христіанской.

Идеи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, образовавшагося въ Кіевѣ въ 1846 и гдѣ руководящимъ лицомъ былъ Костомаровъ, а однимъ изъ его ближайшихъ друзей былъ Шевченко, состояли, по его собственнымъ указаніямъ и по другимъ свидѣтельствамъ, въ слѣдующемъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ; 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ

какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) при полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей; 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова, и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.

За кіевскимъ кружкомъ осталось названіе Кирилло-Меѳодіевскаго, и это было первое возвеличеніе славянскихъ апостоловъ въ идеальное знамя для современныхъ народныхъ стремленій. Дѣятели новѣйшаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, празднуя тысячелѣтіе памяти славянскихъ апостоловъ, забыли о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ и дѣйствительно имѣли причины не считать себя съ нимъ солидарнымъ. Между ними нѣтъ ничего общаго кромѣ именъ Кирилла и Меѳодія: на одной сторонѣ племенная автономія, вѣротерпимость, свобода мысли, упраздненіе привилегій; на другой — политическая и религіозная нетерпимость, можетъ быть, свобода мысли и свобода общественная, но окружаемыя такими условіями, которыя равняются ихъ отрицанію. Развивая исходные пункты обоихъ взглядовъ, должно было необходимо прійти къ противорѣчію. Костомаровъ или Шевченко никогда не примыкали и не могли примкнуть къ славянофиламъ, потому что послѣдніе изъ своихъ общихъ положеній приходили къ племенной исключительности, гдѣ крупная племенная масса должна была поглощать всѣ остальные элементы, а Костомаровъ защищалъ именно культурную равноправность племенъ, и въ частности сталъ представителемъ и защитникомъ того, что̀ послѣ назвали украинофильствомъ. Трудно загадывать, конечно, что̀ могло бы произойти въ будущемъ; тѣсный союзъ славянства, хотя бы въ федеративной формѣ, очень могъ бы окончиться преобладаніемъ главной массы и поглощеніемъ слабыхъ племенъ; это было бы естественно и возможно,—но въ идеальномъ построеніи отношеній остается справедливой только одна постановка вопроса: сліяніе должно произойти путемъ естественнаго дѣйствія племенныхъ элементовъ и культуры, но не путемъ одного кулачнаго права; болѣе слабыя племена, которыя, однако, владѣютъ высокой культурой, ищутъ въ союзѣ спасенія своей племенной особенности, а не вѣрной погибели... Костомаровъ, относительно панславянской идеи, шелъ параллельно съ тѣмъ романтическимъ панславизмомъ, которымъ отличались первые основатели нашей научной славистики съ конца тридцатыхъ годовъ; наравнѣ съ ними онъ одушевлялся тѣми идеалами,

какіе развивались въ средѣ передовыхъ дѣятелей западнаго славянства и которыхъ знаменитѣйшимъ выраженіемъ была „Дочь Славы“ Коллара,—но Костомаровъ мечталъ уже о пропагандѣ для практическаго проведенія своихъ идеаловъ въ жизни. Онъ упредилъ славянскіе благотворительные комитеты и въ возвеличеніи имени Гуса, и, можетъ быть, болѣе искреннемъ.

Съ другой стороны, Костомаровъ не вполнѣ сходился съ кружкомъ прогрессивнымъ: послѣдній, особенно въ первое время, бывалъ ему ближе славянофильскаго, какъ свободный отъ исключительности племенной и столько же признававшій свободное народное развитіе; но были и крупныя разницы. Въ сороковыхъ годахъ, критика Бѣлинскаго мало сочувствовала малорусскому литературному движенію, и по связи съ нимъ недружелюбно отнеслась и къ первому этнографическому труду Костомарова, — въ тѣ годы въ прогрессивномъ кружкѣ слишкомъ исключительно господствовали интересы общаго гуманистическаго и соціальнаго характера, и литературный сепаратизмъ казался недостаточно мотивированнымъ, неглубокимъ по содержанію и отвлекающимъ силы отъ общихъ вопросовъ. Позднѣйшій прогрессивный кружокъ призналъ это малорусское движеніе именно какъ одно изъ проявленій общественности; но это направленіе казалось Костомарову слишкомъ сухо-экономическимъ: онъ не находилъ въ немъ мѣста для своего стараго романтизма, которому и послѣ, нѣсколько въ иныхъ формахъ, онъ оставался вѣренъ... Въ подобномъ смыслѣ онъ высказывался еще во времена „Основы“; позднѣе, онъ относился къ внутреннимъ вопросамъ и дѣламъ русской литературы съ полнымъ индифферентизмомъ...

Въ 1861, въ рѣчи о К. Аксаковѣ, онъ какъ будто хотѣлъ сдѣлать особое удареніе на своихъ сочувствіяхъ къ славянофильству. Съ одной стороны эти сочувствія были послѣдовательны: харьковскіе романтики издавна не сходились съ прогрессивнымъ направленіемъ; но затѣмъ Костомаровъ впадалъ въ заблужденіе, если предполагалъ свою солидарность съ славянофильствомъ. Для послѣдняго, народное начало была старая московская исключительность, столь же деспотическая, какъ обличаемая имъ государственность „петербургскаго періода“, и ни мало неблагопріятная бытію и самодѣятельности племенныхъ оттѣнковъ, за которыя стоялъ Костомаровъ. Въ концѣ концовъ, ему пришлось испытать враждебныя нападенія на свои идеи отъ славянофильскихъ изданій, встрѣтить не только противорѣчіе своимъ стремленіямъ, но увидѣть ихъ заподозрѣнными и оклеветанными.

Эти рано воспринятыя идеи о племенной равноправности, о народной и церковной свободѣ, соединенныя съ этнографическимъ инте-

ресомъ къ народу, легли въ основаніе трудовъ Костомарова. Это чувство народной жизни освѣщало писателю народную судьбу, міровоззрѣніе массы, ярче рисовало картину стародавняго быта и нравовъ, и сдѣлало его болѣе впечатлительнымъ къ племеннымъ дѣленіямъ русскаго народа. Погодинъ, Соловьевъ, К. Аксаковъ были не только великоруссы, но частью именно москвичи—одинъ, пропитанный оффиціальной народностью Николаевскихъ временъ; другой, строго и частью сухо слѣдившій идею государственности; третій, возводившій въ идеалъ русскія народныя начала, но видѣвшій высшее ихъ осуществленіе въ одной старой Москвѣ;—Костомаровъ, прежде теорій и оффиціальныхъ требованій, видѣлъ племенныя массы, съ ихъ прирожденными и накопившимися въ исторіи особенностями, и признавалъ ихъ нравственное право на свою особность. Его называли великороссомъ, но онъ съ молокомъ матери всосалъ любовь и къ малорусскому народу, среди этого народа провелъ воспріимчивые годы юности, которые наполнены были изученіемъ народнаго быта, старины и поэтическихъ созданій. Въ то время, какъ для другихъ историковъ малорусскій народъ былъ извѣстенъ только по книгамъ и архивнымъ бумагамъ, и напр. малорусскій XVII вѣкъ — по приказнымъ отпискамъ московскихъ воеводъ, для Костомарова это былъ родной народъ, котораго старину онъ слышалъ еще живую въ народной пѣснѣ, котораго сохранившіеся памятники онъ пересмотрѣлъ на мѣстахъ, котораго психологическія и бытовыя особенности чувствовалъ въ самомъ себѣ. Какъ бы ни были обширны познанія ученаго, какъ ни велика его критическая проницательность, они не замѣнятъ этого непосредственнаго чувства, когда идетъ рѣчь о внутреннихъ движеніяхъ народной природы; или, книжному ученому надо воспитать въ себѣ безпристрастіе и умѣнье понимать чужой народный характеръ. Не только критики (какъ г. Кояловичъ, напримѣръ), совершенно лишенные этого безпристрастія и умѣнья, поднимали вопли противъ Костомарова; но и серьезные ученые дѣлали Костомарову упрекъ, что въ его историческихъ трудахъ слышится малорусская нота. Можетъ быть; но не было ли это заслугой, когда его устами говорила altera pars, безъ которой невозможно правильное рѣшеніе?

Къ этому врожденному и развитому изученіемъ чувству старины и народности, присоединился у Костомарова своеобразный талантъ, свойственный „историку-художнику". Этотъ терминъ и давно, и въ эти послѣдніе дни, вызывалъ разнорѣчивыя мнѣнія. Не будемъ вдаваться въ теоретическія объясненія этого названія и въ измѣреніе того, въ какой степени оно приложимо къ Костомарову; напомнимъ здѣсь только нѣкоторыя черты его исторической манеры. „Историку-

художнику", какъ художнику вообще, кромѣ знанія, необходима фантазія, и Костомаровъ несомнѣнно владѣлъ богатой фантазіей. Въ первые годы своей литературной дѣятельности онъ пробовалъ свои силы на поэтическомъ поприщѣ, и не безъ успѣха; его старыя драмы на малорусскомъ языкѣ не лишены большихъ достоинствъ; впослѣдствіи (какъ это начиналось уже въ этихъ драмахъ—съ историческими сюжетами) историческія темы исключительно овладѣли его воображеніемъ, и среди научныхъ архивныхъ работъ его влекло то въ древній Римъ („Кремуцій Кордъ"), то въ русскій XVII вѣкъ („Сынъ"), то въ эпоху Грознаго („Кудеяръ"), то въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Москвѣ („Черниговка"), то, наконецъ, въ древность греко-варварскихъ отношеній въ Тавридѣ (его послѣдняя драма: „Эллины Тавриды", изъ временъ Константина Багрянороднаго). Эта постоянная, доходящая до конца его дней, потребность въ живыхъ образахъ указываетъ на работу фантазіи, которая не довольствовалась сухимъ историческимъ матеріаломъ и вносила въ него живыя лица съ ихъ понятіями, страстями, бытовой обстановкой, наконецъ, не довольствовалась самой русской стариной и уходила въ далекіе вѣка древности. Быть можетъ, этой фантазіи не было достаточно для чисто-поэтическаго творчества, но ея было довольно для одушевленія лѣтописи, архивнаго документа, памятника, преданья. Дѣйствительно, онъ не могъ довольствоваться сухимъ книжнымъ фактомъ; онъ всегда чувствовалъ потребность наглядно изобразить себѣ этотъ фактъ, представить его себѣ въ живой обстановкѣ: историческія событія, лица, легендарныя чудеса, наконецъ, мелкія подробности стараго быта овладѣвали его воображеніемъ, и если въ молодости, какъ ревностный этнографъ, онъ пріобрѣталъ репутацію „блаженненькаго", то и въ болѣе позднее время онъ могъ часто вызывать улыбку своими историческими фантазіями и затѣями, въ которыхъ иной разъ проглядывали и черты тонкаго юмора. Когда онъ занимался славянской миѳологіей, ему требовалось самому совершать древніе языческіе обряды, и онъ совершалъ ихъ еще во время пребыванія своего въ Саратовѣ, уѣзжая для этого съ близкими пріятелями за Волгу или въ окрестные сады; свою „Славянскую Миѳологію", какъ вещь, трактующую о древности, онъ считалъ необходимымъ издать соотвѣтственно—и напечаталъ ее въ старинномъ книжномъ форматѣ и церковно-славянскимъ шрифтомъ, какъ печатали Иннокентій Гизель и Димитрій Ростовскій. Разсказываютъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Петропавловской крѣпости въ Саратовъ, въ сопровожденіи жандарма, то въ Новгородѣ (черезъ который шла тогда дорога) Костомаровъ, увидѣвши почтенные остатки древности, пришелъ въ восторгъ отъ воспоминаній новгородской свободы и выра-

жалъ его такими громкими восклицаніями, что провожатый счелъ нужнымъ воздержать его, благодушно остерегая—какъ бы, пожалуй, не пришлось имъ ѣхать опять назадъ... Изучая великорусскій бытъ XVI—XVII вѣка, онъ прилежно читалъ Олеарія, и вычиталъ у него описаніе русскаго способа приготовлять знаменитый старинный „ставленый“ медъ; ему непремѣнно надо было попробовать этотъ медъ, „превосходный и превкусный“ по словамъ нѣмецкаго путешественника,—онъ переводитъ рецептъ Олеарія (книга III, гл. VII) своей матери, отличной малорусской хозяйкѣ, и я въ 50-хъ годахъ пилъ у него этотъ медъ, дѣйствительно превосходный. Съ чутьемъ историческимъ и вмѣстѣ художественнымъ, Костомаровъ извлекалъ изъ старыхъ памятниковъ характерныя черты, выраженія, рисующія время и положеніе. Видавшіе его въ тѣ годы знаютъ, какъ онъ былъ впечатлителенъ къ этимъ яркимъ отголоскамъ старины, какъ они видимо рисовали передъ нимъ цѣлую картину. Въ 1856 году, занимаясь рукописями въ Публичной Библіотекѣ, я нашелъ въ одномъ старомъ сборникѣ извѣстную „Повѣсть о горѣ-злочастіи, какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ“; прочитавши и списавши „повѣсть“, я подѣлился своей находкой съ Костомаровымъ, который также занимался тогда въ Библіотекѣ. Я уже зналъ, какимъ наслажденіемъ будетъ для него эта повѣсть—рѣдкій образчикъ старой русской поэзіи. Дѣйствительно, онъ пришелъ въ восторгъ отъ древней поэмы и, забывая о мѣстѣ и времени, сталъ декламировать ее по рукописи во всеуслышаніе, такъ что дежурный чиновникъ пришелъ остановить ученаго чудака. Костомаровъ едва согласился умѣрить свою декламацію. Я не могъ отказать ему въ удовольствіи напечатать „повѣсть“ немедля, съ его комментаріемъ, который былъ уже готовъ на другой день („Современникъ“, 1856, апрѣль).

Эта впечатлительность, это стремленіе возсоздавать прошедшее въ его живыхъ чертахъ, соединились у Костомарова съ другимъ драгоцѣннымъ для ученаго даромъ—необыкновенною памятью. Съ громаднымъ запасомъ фактовъ въ головѣ, способностью воспроизведенія, Костомаровъ давалъ историческіе разсказы, пріобрѣтавшіе именно художественный характеръ. Тамъ, гдѣ другой писатель былъ связанъ скудостью и сухостью историческихъ данныхъ и не рѣшался выходить за предѣлы ихъ тѣснаго смысла, передъ Костомаровымъ возставало живое прошедшее. Его университетскія лекціи производили увлекающее дѣйствіе: какъ будто говорилъ самъ старый лѣтописецъ, знавшій о событіяхъ отъ ближайшихъ свидѣтелей, или самъ очевидецъ. Намъ случилось быть на двухъ-трехъ чтеніяхъ его о древнемъ Новгородѣ—его церковной жизни, преданіяхъ (его долго занимали бѣсы разныхъ наименованій, съ которыми вели

борьбу святые подвижники): эти лекціи были замѣчательны по и ной реставраціи древняго быта и міровоззрѣнія.

Приводимъ нѣсколько словъ его тогдашняго слушателя, которыя вѣрно передаютъ впечатлѣніе лекцій Костомарова.

..."Только тѣ, кто слушалъ его,—разсказываетъ г. Скабичевскій въ с воспоминаніяхъ,—могутъ вполнѣ оцѣнить его художественный талантъ, ту обаятельнаго и могучаго очарованія, которое онъ производилъ на слушате тайну, унесенную имъ съ собою въ могилу. Какъ назвать этотъ талантъ чемъ онъ заключался, я положительно не могу дать себѣ отчета.Ораторъ каетъ слушателей тѣмъ жаромъ, которымъ онъ самъ увлекается, и кра построенія рѣчей, свободно и неудержимо льющихся изъ его устъ; де торъ увлекаетъ разнообразіемъ и гибкостью своей дикціи, актеръ—свое мимикой,—тутъ ничего этого не было. Передъ вами стоялъ на каѳедрѣ чел съ неподвижными, словно застывшими, чертами лица и смотрѣлъ свои думчивыми глазами не на васъ, а куда-то въ невѣдомую даль, словно въ древнихъ вѣковъ; тихимъ, монотоннымъ голосомъ, отчеканивая каждое но безъ малѣйшихъ повышеній и пониженій голоса, невозмутимо-спокоі тономъ, онъ читалъ свою лекцію, какъ будто нехотя, а между тѣмъ, заста забывать васъ все, что васъ окружало, и всецѣло переноситься въ ту : среду, о которыхъ шла рѣчь съ каѳедры. Порою вся лекція его заклю въ однихъ выдержкахъ изъ различныхъ лѣтописей, но это-то чтеніе лѣто и было главнымъ конькомъ его таланта. Тяжелая, неудоборазбираемая, димому, такая наивно-нескладная рѣчь лѣтописи вдругъ получала въ его у характеръ чисто-народнаго говора, понятнаго для каждой институтки, ни въ глаза не видѣвшей лѣтописныхъ текстовъ; сухое, сжатое изложеніе лось полно сочныхъ и яркихъ красокъ, и стародавняя старина оживала п вами во всей своей архаической прелести".

При первомъ появленіи, „Богданъ Хмельницкій" достоинст живого, наглядняго разсказа произвелъ впечатлѣніе, застави сравнивать автора съ Августиномъ Тьерри. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли не тотъ типъ историка, къ которому Костомаровъ мо быть отнесенъ всего ближе. Сравненіе съ Карамзинымъ, кото давали превосходство надъ Костомаровымъ, неумѣстно: псевдо-сическая манера Карамзина такъ уже далека отъ нашихъ ли турныхъ понятій и такъ мало отвѣчаетъ самой описываемой ности, что сравненіе невозможно. Но здѣсь, быть можетъ, надо п предить недоразумѣніе: по мнѣнію однихъ, названіе „историк дожника" есть высшая степень исторіографическаго дарованія другимъ, это—только талантъ повѣствователя, до извѣстной сте внѣшній, не идущій въ глубину. Костомаровъ не былъ аналити но крайне несправедливо было бы сказать, что для него зак была внутренняя сторона исторіи, развивающаяся жизнь исто скаго организма. Напротивъ, съ этой стороны за нимъ остается ликая заслуга указанія такихъ факторовъ исторіи, которые до поръ или не привлекали вниманія, или не находили достаточ

объясненія. Такова его общая мысль о присутствіи народа въ исторіи (входившая тогда вообще въ историческое сознаніе, но имъ прилагаемая по своему), о начаткахъ федеративнаго устройства въ древней Руси (соотвѣтствіе княженій „землямъ“ и т. д.), о „двухъ русскихъ народностяхъ“; таковъ трактатъ о началѣ единодержавія въ древней Россіи; таковъ усиленный интересъ, который онъ отдавалъ малорусской исторіи, съ первыхъ шаговъ своихъ на ученой дорогѣ и до самаго ея конца (диссертація объ уніи и „Мазепа“); таковы наконецъ его монографіи объ отдѣльныхъ историческихъ лицахъ, какъ Дмитрій Донской, Сусанинъ, Петръ Великій, гдѣ онъ шелъ иногда противъ господствующихъ историческихъ понятій. Эти монографіи, особливо двѣ первыя, вызвали много нареканій противъ Костомарова и даже полу-оффиціальныя порицанія; но легенды требовали критики. Онъ могъ быть одностороненъ относительно Петра Великаго; но факты, имъ указываемые, не могутъ быть пропущены серьезнымъ историкомъ.—Наиболѣе суровыя, и наименѣе справедливыя нападки вызывало „украинофильство“ Костомарова. Это „украинофильство“, особливо въ послѣднее время, было такъ умѣренно, что спорить противъ него могло или только непониманіе, или вражда и къ лицу, и къ племени.

Біографія, какъ и литературная дѣятельность Костомарова, имѣла нѣсколько періодовъ или настроеній. Первая пора отмѣчена юношескимъ энтузіазмомъ; это былъ романтикъ на тему народности и позднѣе славянства, мечтавшій объ имѣющемъ наступить нѣкогда братскомъ союзѣ славянскихъ народовъ, соединенныхъ залогами одноплеменности, общаго древняго преданія и надеждами на будущее, свободное и высокое. Крѣпостное заточеніе отняло почву у прежняго панславянскаго идеализма, но не уменьшило ни мало ни его украинофильства, ни исторіографической ревности. Костомаровъ въ Саратовѣ докончилъ „Богдана Хмельницкаго“, и задумывалъ рядъ новыхъ работъ; „Кремуцій Кордъ“ имѣлъ подкладку въ его личномъ настроеніи. Въ это время его живо интересовали европейскія событія, и вызывали у него характерные поэтическіе отзывы... Переѣздъ въ Петербургъ далъ новый толчекъ его дѣятельности: здѣсь онъ встрѣтился со многими амнистированными тогда украинцами, старыми друзьями, Кулишомъ и Шевченкомъ... Для стараго кружка нашелся пунктъ соединенія и новой работы въ начавшемся тогда украинофильскомъ журналѣ „Основа“... Университетскіе безпорядки, отразившіеся для Костомарова разными непріятными положеніями, прекращеніе „Основы“ и другія тогдашнія событія оставили въ немъ тяжелыя впечатлѣнія: съ одной стороны, онъ все больше устранялся отъ общественныхъ интересовъ; съ другой, обострялись отношенія

къ вопросамъ и мнѣніямъ, которыя прежде онъ умѣлъ пони болѣе безпристрастно и т. д. Онъ жилъ въ тѣсномъ кружкѣ ближ шихъ пріятелей и почитателей и—въ архивахъ. Тяжелая болѣ вынесенная имъ въ половинѣ 70-хъ годовъ, оставила свой слѣд утомленіи, которое отразилось на его послѣднихъ трудахъ; онъ чиналъ думать, что историкъ не имѣетъ права выходить за точ предѣлы матеріала и давать волю той силѣ историко-поэтичес воспроизведенія, которая именно сообщала такую привлекательн его прежнимъ трудамъ. Его послѣднія работы нерѣдко бывали химъ историческимъ рефератомъ, хотя „Исторія въ жизнеоп ніяхъ" опять даетъ много яркихъ страницъ, написанныхъ съ п ней живописной манерой...

Словомъ, Костомаровъ былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ п ставителей нашей исторіографіи, единственный изъ писателей но шихъ, котораго можно было назвать историкомъ-художникомъ, им щій громадную заслугу въ популяризаціи историческаго знанія вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самое пониманіе нашего прошлаго внесшій м новыхъ и плодотворныхъ идей.

Обратимся къ подробностямъ его этнографическихъ работъ.

Изъ біографіи Костомарова извѣстно, что интересъ къ мало ской народности явился у него съ 1836—37 года, по окончаніи верситетскаго курса.

Университетъ, въ которомъ учился Костомаровъ, былъ тотъ Харьковскій, мало измѣнившійся съ тѣхъ поръ, какъ незадолго редъ тѣмъ прошелъ его Срезневскій. Только на время Кост ровъ былъ въ Москвѣ, гдѣ слушалъ лекціи Каченовскаго и П дина по русской исторіи, и Шевырева, только-что вернувша изъ-за границы, по русской словесности. Костомаровъ хвалитъ ле послѣдняго, но повидимому не успѣлъ много вынести изъ преп ванія. Въ Харьковѣ профессура на историко-филологическомъ, по дашнему словесномъ, факультетѣ была самая несчастная.

„Историко-филологическій факультетъ еле держался. Латинс словесность преподавалъ Кронебергъ, человѣкъ замѣчательно уче и даровитый, но замѣчательно лѣнивый... Нѣкоторыя изъ вещей печатанныхъ имъ по-нѣмецки, читались бы и теперь съ пользой студентамъ было отъ этого не легче: онъ вовсе не занимался Греческій языкъ преподавалъ нѣмецъ Мавра, такъ плохо говори по-русски, что его никто не понималъ. Профессоромъ русской ист былъ Артемовскій-Гулакъ, болтунъ и фразеръ; Сокальскій чи латинскій языкъ, и довольно плохо, а политическую экономію того хуже".

Такимъ образомъ опять не было какой-нибудь правильной шк

Тотъ научный интересъ, который вскорѣ навсегда укрѣпился въ Костомаровѣ и направилъ его къ историко-этнографическимъ изученіямъ, созданъ былъ литературой; въ молодомъ кругу были уже энтузіасты народности. Такъ въ это время Костомаровъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Срезневскимъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ этнографическія экскурсіи. Такъ были литературные кружки, гдѣ увлеченіе народностью внушало стремленіе писать на малорусскомъ языкѣ: еще жилъ патріархъ тогдашней малорусской литературы, Квитка (Основьяненко); собиралась цѣлая группа малорусскихъ поэтовъ, между которыми и Костомаровъ самъ вскорѣ занялъ не послѣднее мѣсто [1]...

При окончаніи курса, Костомарову было двадцать лѣтъ. Въ университетское время онъ велъ, по его словамъ, весьма безпорядочную жизнь; но подъ конецъ проснулась любознательность, и онъ повелъ свои занятія съ тѣмъ порывистымъ трудолюбіемъ, которое его съ тѣхъ поръ отличало. Онъ много читаетъ, изучаетъ нѣмецкій и польскій языкъ (послѣднимъ онъ, кажется, овладѣлъ окончательно во время учительства въ Ровнѣ, гдѣ было много поляковъ и языкъ былъ въ ходу даже въ верхнемъ слоѣ малорусскихъ жителей), наконецъ увлекается малорусской исторіей и этнографіей. Любопытенъ фактъ, сообщаемый самимъ Костомаровымъ въ „автобіографіи", что привязанность къ малорусской народности едва ли не впервые была пробуждена въ немъ „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки" и „Тарасомъ Бульбой". Онъ уже раньше читалъ Гоголя, но теперь — на пробудившуюся мысль—его вліяніе было могущественное.

„Я читалъ Гоголя съ увлеченіемъ,—говоритъ Костомаровъ,—перечитывалъ и начитаться не могъ: какъ это все такъ близко кругомъ меня, и я ничего этого не видѣлъ, не знаю!—думалось мнѣ:—нужно изучить это хорошенько.—Затѣмъ я взялъ небольшое изданіе пѣсенъ малорусскихъ Максимовича 1827 года, сталъ читать, потомъ „Думы", изданныя тѣмъ же Максимовичемъ [2]), и совершенно увлекся ими. Идея народности, уже существовавшая въ то время, стала сильно занимать меня: я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по-чешски и сербски. Малорусскія пѣсни, изданныя Максимовичемъ, я выучилъ наизусть, хотя малороссы хохотали тогда надъ моимъ выговоромъ"...

Зиму 1837—38 онъ, какъ упомянуто, провелъ въ Москвѣ, гдѣ слу-

---

[1]) См. названную раньше статью г. Де-Пуле; статью г. Науменка о Костомаровѣ въ „Кіевской Старинѣ", 1885, май; особливо книгу г. Петрова о малорус. литературѣ XIX столѣтія, и дополненія къ ней у Н. П. Дашкевича.

[2]) Это былъ второй сборникъ Максимовича, 1834.

шалъ лекціи популярнаго тогда Шевырева. Весной 1838 года онъ уѣхалъ домой въ деревню. „Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому,—говоритъ онъ:—меня выводило изъ себя, что невѣжды, какихъ тогда было очень много, съ презрѣніемъ отзывались о хохлахъ и всякое малороссійское слово возбуждало только смѣхъ. Я вздумалъ писать по-малорусски, но какъ писать? Нужно учиться у народа, сблизиться съ нимъ. И вотъ я сталъ заговаривать съ хохлами, ходилъ на вечерницы, сталъ собирать пѣсни"...

Разсказъ характеристиченъ, намѣчая тѣ разнородныя возбужденія, которыя приводили тогда къ этнографическихъ изученіямъ: это были и вліяніе иностранныхъ литературъ, откуда къ намъ доходили пока только отголоски романтическихъ влеченій къ старинѣ и народу, сохранявшему эту старину; и отголоски славянскаго возрожденія, и поэтическія созданія русской литературы, и параллельныя явленія въ литературѣ малорусской, и наконецъ, повидимому, первые начатки мыслей о соціальномъ положеніи народной массы... Но, какъ скажемъ дальше, еще мало доходили вліянія начавшейся археологическо-этнографической науки, какъ она создавалась тогда въ рукахъ Якова Гримма.

Въ молодыхъ поколѣніяхъ тридцатыхъ годовъ началось броженіе, очень похожее на недавнее „хожденіе въ народъ"—только оно имѣло народно-романтическія, а не соціальныя цѣли. Такъ ходили въ народъ Срезневскій или Костомаровъ и другіе на югѣ, а на сѣверѣ Петръ Кирѣевскій или его выученикъ Павелъ Якушкинъ и иные искатели откровеній народности. Для Костомарова эти странствія стали потребностью; ему не сидѣлось въ городѣ, и онъ бродилъ по селамъ въ воронежской и харьковской губерніяхъ: заходилъ прямо въ хаты, отправлялся на вечерницы и повидимому дѣлалъ это съ своей безцеремонной разсѣянностью, такъ что иной разъ хозяева встрѣчали его не весьма дружелюбно, а парни однажды собирались побить его, предполагая въ немъ соперника на вечерницахъ,—ему пришлось спасаться бѣгствомъ. Особенно онъ старался сближаться съ женщинами и дѣвушками, такъ какъ въ ихъ пѣсняхъ языкъ былъ чище... Попавши на Волынь, учителемъ въ Ровнѣ, Костомаровъ нашелъ новую богатую почву для своего этнографическаго увлеченія; нанявши квартиру въ малорусскомъ семействѣ, которое совсѣмъ не умѣло говорить по-русски (а съ гостями говорило по-польски), онъ окончательно привыкъ къ малорусскому языку; по вечерамъ иногда собиралъ къ себѣ бабъ и дѣвушекъ, и заставлялъ ихъ пѣть пѣсни и разсказывать сказки; по деревнямъ знакомился съ попами, которые давали ему возможность записывать пѣсни и сказки... Еще раньше задумалъ онъ исторію Богдана Хмельницкаго и здѣсь, въ правобе-

режной Украйнѣ, разыскивалъ и осматривалъ мѣста давнихъ историческихъ событій и козацкихъ битвъ,—былъ въ Берестечкѣ, Кременцѣ, Радзивиловѣ, Почаевѣ, Острогѣ и т. д.

Когда была отвергнута и предана сожженію первая диссертація Костомарова на степень магистра русской исторіи,—объ уніи,—онъ написалъ вторую: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (Сочиненіе Николая Кастомарова. Харьковъ, 1843).

Судьба этой книги довольно любопытна для исторіи нашей этнографіи. Пренебрежительный отзывъ Бѣлинскаго [1]) обыкновенно приписывается его непониманію. На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Бѣлинскій вообще не сочувствовалъ тому народно-романтическому движенію, которое обнаруживалось въ дѣятельности малорусскихъ писателей; онъ не выносилъ „Гайдамаковъ“ Шевченка и другихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ, гдѣ велась однообразная народно-сантиментальная (а въ „Гайдамакахъ“ и кровожадная) нота безъ особеннаго содержанія, и еще меньше удовлетворялся теоретическими разсужденіями харьковской школы [2]); здѣсь, какъ въ мнимо-народномъ романтизмѣ „Маяка“, переходившемъ въ чистый обскурантизмъ (а „Маякъ“ сочувствовалъ украинской литературѣ), Бѣлинскаго отталкивала теоретическая запутанность той новой идеи, которая бродила въ этомъ романтизмѣ и, хотя не съумѣла еще установиться въ ясную систему, но уже рѣшалась отрицать тѣ интересы общечеловѣческаго просвѣщенія и искусства, передъ которыми преклонялась литературная школа Бѣлинскаго и его друзей. Эта теоретическая неясность вновь открывавшагося народнаго начала несомнѣнно присутствовала въ тогдашнемъ народномъ романтизмѣ, русскомъ и малорусскомъ,—и это чувствовалъ Бѣлинскій. Что онъ не ошибался относительно украинскихъ романтиковъ, можно видѣть по складу тогдашнихъ литературныхъ идей Срезневскаго; взгляды Костомарова въ этомъ отношеніи были разностороннѣе, но, извѣстно, что и для него многое въ русской литературѣ, развившейся изъ идей 40-хъ годовъ, осталось чуждо и непонятно [3]). Съ другой стороны, и Бѣлинскій не предчувствовалъ значенія новаго начала, выдвигав-

---

[1]) Коротенькая рецензія въ Отеч. Зап. 1844, кн. 3 (Сочин. Бѣлинскаго, IX, стр. 111—113) начинается такъ: „Въ наше время, если сочинитель не хочетъ или не умѣетъ говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г-на Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было бы выжать какое-нибудь содержаніе“—и проч.

[2]) См. его разборы „Молодика“, книжки Метлинскаго о значеніи поэзіи, и т. п.

[3]) Напр. какъ Срезневскій не понималъ Гоголя, такъ Костомаровъ, кажется, до конца не понималъ Салтыкова.

шагося въ литературѣ и, потому не оцѣнилъ въ трудѣ Костомарова того, что̀ было въ немъ новаго въ научномъ отношеніи.

Гораздо страннѣе было отношеніе къ книгѣ Костомарова ученой харьковской коллегіи. По словамъ автобіографіи, нѣкоторые изъ профессоровъ не хотѣли признать диссертаціи, предметъ которой имъ казался неученымъ; противъ нея спорилъ, между прочимъ, Артемовскій-Гулакъ, профессоръ русской исторіи. За книгу заступался особенно профессоръ всеобщей исторіи Лунинъ, человѣкъ просвѣщенный не по образцу другихъ своихъ сотоварищей. Онъ находилъ, что въ диссертаціи проводится настоящій историческій взглядъ, что для исторіи всего важнѣе найти выраженіе народнаго чувства и мысли... Лунинъ хлопоталъ о посылкѣ Костомарова за границу для приготовленія къ каѳедрѣ всеобщей новой исторіи,—но большинство не согласилось.

Научная роль книги Костомарова была недолговѣчна: она была заслонена дальнѣйшими работами въ этой области, съ конца сороковыхъ годовъ, трудами Буслаева, Аѳанасьева и другихъ; но чтобы опредѣлить ея цѣнность, надо сравнивать ее съ тѣмъ, что̀ было въ нашей этнографической литературѣ до ея появленія. Популярнѣйшимъ этнографомъ былъ Сахаровъ; въ объясненіи народнаго обычая лучшими были труды Снегирева; Даль работалъ тогда только въ беллетристикѣ; изъ сборника Кирѣевскаго еще ничего не появлялось въ печати; Пассекъ оставилъ лишь нѣсколько общихъ мыслей... Никакой опредѣленной системы народныхъ изученій не было; теорія была еще на степени инстинкта, догадки, романтической идеализаціи; изученіе было эмпирическое; западная т.-е. нѣмецкая, научная этнографія была неизвѣстна, — и еще только начиналась. Если въ этой обстановкѣ представить себѣ работу провинціальнаго молодого ученаго,—не только не имѣвшаго правильной школы, но изъ-за своихъ интересовъ къ народности казавшагося оффиціальной ученой компаніи только чудакомъ и блаженнымъ, книга окажется весьма видной попыткой цѣльнаго обзора и установленія извѣстнаго пріема изслѣдованія. Общая точка зрѣнія автора и объемъ его свѣдѣній объ этнографическомъ движеніи въ западной литературѣ будутъ видны по слѣдующей выдержкѣ изъ его введенія.

„У всѣхъ европейскихъ народовъ,—говорилъ Костомаровъ,—видна любовь къ народности и уваженіе къ народной поэзіи. Вездѣ собирали народныя пѣсни, объясняли ихъ, подражали имъ; вездѣ народность — и въ наукѣ, и въ словесности—нашла себѣ представителей. Англійскіе поэты, Вальтеръ-Скоттъ и Томасъ Муръ черпали изъ народныхъ пѣсенъ вдохновеніе для своихъ поэтическихъ созданій. Всеобъемлющая лира Гёте въ лучшихъ своихъ пѣснопѣніяхъ настраивалась подъ ладъ старонѣмецкихъ „лидовъ“; баллады Уландовы такъ близки къ своему источнику, что замѣняютъ для народа прежнія, его

собственныя произведенія. Множество важныхъ трудовъ посвящено изученію, разработкѣ и изданію народности. Собранія старинныхъ англійскихъ поэтическихъ произведеній, изданныя Перси, много доказали, какъ важны пѣсни народныя для исторіи и литературы. Четырехтомная исторія англійской поэзіи Вартона служитъ примѣромъ того, какъ люди ученые цѣнятъ народное достояніе. Не менѣе важны труды Эллеса, Рейтсона и другихъ. „Древнія баллады" Джемсона и народныя „пѣсни Бордеровъ" Вальтеръ-Скотта можно поставить примѣрами отличнѣйшихъ сборниковъ. Въ послѣднемъ сочиненіи превосходно разсмотрѣна исторія Бордеровъ съ примѣненіемъ къ народнымъ остаткамъ и показаны суевѣрія народныя, наводящія притомъ на яснѣйшія точки воззрѣнія относительно повѣрій и миѳологіи европейскихъ народовъ. Въ Германіи замѣчательны труды Гёрреса, Брентано, Ерльаха, котораго сборникъ неоконченъ и къ сожалѣнію загроможденъ чуждыми прививками. Новое изданіе нѣмецкихъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія подтверждаетъ то всеобщее вниманіе, которое показываютъ къ народной поэзіи германцы. Не ограничиваясь разработкой отечественныхъ матеріаловъ, они занимались и поэзіей другихъ народовъ; такъ Гриммъ, Бюшингъ и Вольфъ познакомили нѣмецкую публику съ народными произведеніями скандинавскихъ, славянскихъ и романскихъ племенъ. Передъ всѣми народами нѣмцы могутъ похвалиться своимъ безсмертнымъ Гердеромъ, который нанесъ рѣшительный ударъ прежнимъ мнѣніямъ и водрузилъ на незыблемомъ основаніи знамя народности. Не лишнимъ считаю упомянуть о сочиненіи г-жи Тальви, написавшей опытъ характеристики народныхъ пѣсенъ. Французы, сбросившіе позже иго классицизма, долго упорствовали въ ложныхъ и уродливыхъ понятіяхъ о романтизмѣ;—но и они могутъ представить изъ числа своихъ ученыхъ такихъ, которые оказали услуги народности; Форьель, собиратель греческихъ пѣсенъ, Амперъ, Мармье, Генрихъ Бльазъ, Шарль Нодье и другіе. — Испанцы, еще въ XVI вѣкѣ имѣли собраніе своихъ народностей.—Въ Швейцаріи, Швеціи и Даніи ученые также занимались этимъ предметомъ.—Пѣсни славянскихъ народовъ были издаваемы нѣсколько разъ; но богатство матеріаловъ столь велико, что еще слишкомъ много нужно труда, дабы достичь того, что́ имѣютъ германскіе народы. У сербовъ есть прекрасный сборникъ пѣсенъ Вука Стефановича; словаки имѣютъ Коллара, поляки Войцицкаго, Жеготу Паули и другихъ; пѣсни южно-русскія собирали Вацлавъ изъ Олеска, Жегота Паули, Максимовичъ, Срезневскій, издавшій богатый запасъ исторической поэзіи съ учеными объясненіями, и другіе. Великорусскихъ пѣсенниковъ Сахаровъ насчиталъ 120; но преимущественно важны для насъ труды этого почтеннаго собирателя.

„Такимъ образомъ, почти вездѣ занимались народностью. Чтожъ было причиной любви къ прежде брошеннымъ и долго презираемымъ произведеніямъ поэзіи, которую еще и теперь иные честятъ именемъ мужицкой и базарной?

„Я полагаю тому три причины: первая есть литературная—слѣдствіе упадка классицизма; враждующія стороны классицизма и романтизма примирились въ идеѣ народности. Вторая — политическая, произошла изъ отношеній правительствъ къ народамъ. Третья—историко-сціентифическая.

„До сихъ поръ всѣ способы, какими выражали исторію, могутъ быть подведены подъ два главные вида: повѣствовательный и прагматическій. Но эти способы, какъ ни противоположны казались у нѣкоторыхъ писателей, ничуть не противны одинъ другому и оба необходимы въ каждомъ историческомъ сочиненіи... Два, наприм., событія случились въ разныхъ вѣкахъ, у различныхъ народовъ. Какъ бы ни было похоже одно на другое, но если они будутъ

изображены совершенно безразлично, то ни въ томъ, ни въ другомъ не будетъ истины: въ мірѣ нѣтъ двухъ существъ, совершенно похожихъ; въ каждомъ есть что-нибудь особенное... Съ другой стороны, еще менѣе возможно чисто размышлительное (прагматическое) направленіе при небрежности повѣствованія и описательности. Для человѣческаго мышленія нуженъ предметъ; чтобы человѣкъ судилъ правильно, этотъ предметъ долженъ представиться ему ясно и ощутительно. Слѣдовательно, историческій прагматизмъ возможенъ только при отдѣлкѣ повѣствованія, а иначе все будетъ ошибочно и ограничится пустѣйшимъ мечтаніемъ. Два эти способа не только не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, но единственно и возможны одинъ при другомъ. Главное въ исторіи вѣрность.

„Но изобразить событіе такъ, какъ оно было, не легко: историкъ долженъ постигнуть, въ чемъ состоитъ характеристика его. Слѣдовательно, занимаясь наукой, историкъ долженъ изучать все то, что̀ въ мірѣ человѣческомъ кладетъ на разумное существо печать различія, то есть, мѣсто и время, народъ и вѣкъ“.

Причины интереса къ народности, еще носившаго тогда характеръ по преимуществу романтическій, указаны въ сущности вѣрно, потому что, дѣйствительно, этотъ интересъ выросталъ въ литературѣ, политической жизни и наукѣ. Незнакомый съ Гриммовымъ пріемомъ изслѣдованія, которое открывало миѳологическія основы поэзіи и пролагало путь широкому сравненію, Костомаровъ ставилъ историческій вопросъ о значеніи народной пѣсни только въ тѣсномъ ближайшемъ смыслѣ; но важно было и то, что онъ настаивалъ на необходимости изученія народной стороны исторіи. Онъ искалъ ея въ пѣсняхъ. Въ чемъ же состоитъ народная особенность и характеръ?

„Всякій народъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ въ себѣ что-то опредѣленное, касающееся болѣе или менѣе каждаго изъ тѣхъ лицъ, которыя принадлежатъ народу. Это — народный характеръ, по которому цѣлая масса можетъ быть разсматриваема какъ одинъ человѣкъ. Всякое индивидуальное лицо имѣетъ свой характеръ: этотъ характеръ постигается въ его дѣйствіяхъ, пріемахъ, по преимущественно въ такихъ случаяхъ, когда онъ выказывается *невольно*, не стараясь быть замѣченнымъ, испытаннымъ, узнаннымъ... Всякій народъ, разсматриваемый какъ единое лицо, имѣетъ свой идеалъ, къ которому стремится. Отъ того, напр., историкъ, описывая дѣянія своего народа, старается тѣ черты, къ которымъ сильно сочувствуетъ, изображать въ благопріятномъ свѣтѣ. Для узнанія народнаго характера надобно поступать такъ, какъ съ человѣкомъ, котораго желаютъ изучать: надобно искать такихъ источниковъ, въ которыхъ бы народъ высказывалъ себя безсознательно. Къ такимъ источникамъ принадлежитъ литература... Истинная поэзія не допускаетъ лжи и притворства; минуты поэзіи—минуты творчества; народъ испытываетъ ихъ и оставляетъ памятники,—онъ поетъ; его пѣсни, произведеніе его чувства, не лгутъ; онѣ рождаются и образуются тогда, когда народъ не носитъ маски. Онъ самъ сознаетъ это: die Sache lebt im Gesang, говоритъ нѣмецъ; пѣсня—быль, скажетъ русскій. Въ самомъ дѣлѣ, народная пѣсня имѣетъ преимущество предъ всѣми сочиненіями: пѣсня выражаетъ чувства не выученныя, движенія души не притворныя, понятія не занятыя. Народъ въ ней является такимъ, каковъ

есть: пѣсня — истина. Есть другое, столь же важное, достоинство народной пѣсни: ея всеобщность. Никто не скажетъ, когда и кто сочинялъ такую-то пѣсню: она вылилась цѣлою массою; всякій, кто ее поетъ, какъ будто считаетъ за собственное произведеніе; нигдѣ не является народъ такимъ единымъ лицомъ, какъ въ этихъ звукахъ души своей, слѣдовательно, ни въ чемъ такъ не высказываетъ своего характера".

По своему значенію историческаго источника, пѣсни могутъ быть важны въ разныхъ отношеніяхъ: какъ лѣтопись внѣшнихъ событій (напр., пѣсни историческія), какъ отраженіе народнаго быта, какъ предметъ изслѣдованія филологическаго, — наконецъ, какъ „памятники воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее". Въ этомъ послѣднемъ Костомаровъ видѣлъ самое важное достоинство пѣсенъ и, здѣсь, для историческаго вывода, „не нужно даже никакой критики, лишь бы пѣсня была народнаго произведенія". Съ этой точки зрѣнія и ведется его изслѣдованіе, по тремъ сторонамъ народной жизни: духовной, исторической и общественной.

Въ изложеніи жизни „духовной", авторъ въ одной главѣ выбираетъ изъ пѣсенъ черты, рисующія религіозное чувство народа (только малорусскаго, потому что „не имѣлъ ничего въ этомъ родѣ изъ великорусской поэзіи"); въ другой, онъ подробно останавливается на отношеніи народа къ природѣ.

Понятно, что событія, личныя и историческія, составляющія сюжетъ пѣсенъ, окружены обстановкой мѣстной природы. Но понятіе народа о природѣ не ограничивается одними этими изображеніями: она входитъ въ народную поэзію и болѣе глубокимъ образомъ,—она оживаетъ въ народномъ воображеніи, и авторъ объясняетъ это отношеніе народа къ природѣ слѣдующимъ, нѣсколько мистическимъ, образомъ:

„Предметы природы, часто встрѣчаемые, не интересуютъ народнаго воображенія, потому только, что глазъ безпрестанно видитъ ихъ. Надобно, чтобы они существовали въ полномъ смыслѣ этого слова; народъ ищетъ въ нихъ жизни, а не призраковъ, хочетъ съ ними сообщаться не только тѣлесно, но и духовно. Физическая природа проникнута творческою идеею, согрѣта божественною любовію, облечена въ формы совершенства. Каждое явленіе въ ней не случайно, но имѣетъ свой законъ, открываемый духомъ. Въ природѣ заключается для человѣка значеніе, примѣнительное къ его собственному существу; человѣкъ видитъ въ окружающихъ его предметахъ не одну грубую безжизненную матерію; напротивъ, какъ бы ни удалено казалось отъ его существа какое-нибудь произведеніе родной планеты,—въ человѣкѣ есть тайное око, которое видитъ, что и грубая матерія имѣетъ связь съ духовнымъ существомъ; есть тайный голосъ, который указываетъ, въ чемъ состоитъ эта связь. Вотъ это сознаніе духовнаго въ тѣлесномъ и составляетъ основу всего прекраснаго въ искусствѣ. Оно есть признакъ гармоніи и любви, существующей между Творцомъ и его твореніями. Человѣкъ способенъ любить только духъ; тѣлесное само по себѣ недоступно его сердцу" (стр. 25—26).

На этомъ Костомаровъ построилъ свое объясненіе роли природы въ народной поэзіи. Эта роль — *символическая*. Предметъ природы, входя въ поэтическое произведеніе народа, получаетъ въ немъ духовное значеніе, въ формѣ примѣненія его къ жизни нравственнаго существа или—символа. Символъ не есть ни образъ, ни сравненіе, ни аллегорія — они служатъ ему только формой; символъ представляетъ тайную внутреннюю связь, единство идеи въ явленіяхъ жизни природы и человѣка. „Народные символы, расположенные въ системѣ, составляютъ символику народа, которая служитъ намъ важнымъ источникомъ для уразумѣнія народной жизни. Въ общемъ смыслѣ символика природы есть продолженіе естественной религіи: Творецъ открывается въ твореніи; сердце человѣка любитъ въ явленіяхъ міра физическаго Вездѣсущій Духъ... Отношенія человѣка къ природѣ занимаютъ средину между отношеніями къ Творцу и къ самому себѣ, между любовію божественною и человѣческою, между жизнію созерцательною и практическою. Все это открывается въ символикѣ, которая имѣетъ чрезвычайную важность для этнографіи и исторіи. Взглядъ народа на природу показываетъ вмѣстѣ съ религіею, что̀ такое народъ, какое человѣческое бытіе онъ заключаетъ въ себѣ, а это ведетъ къ уразумѣнію дальнѣйшихъ историческихъ вопросовъ—почему народъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе“.

Русская народная символика имѣетъ, по Костомарову, троякое основаніе: одни символы имѣютъ ясное основаніе въ самой природѣ; другіе основаны на историческомъ употребленіи извѣстнаго предмета въ древней жизни; третьи основаны „на старинныхъ миѳическихъ или традиціональныхъ сказаніяхъ и вѣрованіяхъ, составляющихъ достояніе народнаго баснословія“. Предметы и явленія природы, изъ которыхъ почерпалась народная русская символика, Костомаровъ распредѣлялъ такъ: символы небесныхъ свѣтилъ и стихій; символы мѣстности, — царства ископаемаго, растительнаго, животнаго. Въ своемъ изслѣдованіи онъ остановился только на двухъ послѣднихъ разрядахъ народно-поэтическаго символа; онъ проводитъ длинный рядъ растеній, деревьевъ, птицъ, и иллюстрируетъ ихъ значеніе многочисленными примѣрами изъ пѣсенъ русскихъ и особливо малорусскихъ.

Присутствіе символа не подлежитъ сомнѣнію, и въ ученой разработкѣ народной поэзіи онъ долженъ былъ необходимо быть собранъ и выясненъ; но Костомаровъ—по средствамъ своего времени—сдѣлалъ только половину задачи. Онъ большею частію, почти всегда, только указываетъ символъ—въ особенности тотъ, котораго смыслъ представляется самъ собою; но мало или даже совсѣмъ не касается

тѣхъ, которые произошли изъ „историческаго употребленія извѣстнаго предмета“ или старинныхъ миѳическихъ сказаній и вѣрованій“. Изъ символики животнаго царства Костомаровъ останавливается лишь на птицахъ; относительно насѣкомыхъ и звѣрей пѣсни давали скудный матеріалъ—этого матеріала надо было бы искать въ народныхъ разсказахъ и преданіяхъ, „но они у насъ мало извѣстны, особенно малорусскіе“ (стр. 89).

Переходя затѣмъ къ исторической жизни народа, Костомаровъ указываетъ прежде всего, что пѣсни никакъ не могутъ служить полною исторіею, во-первыхъ, по вмѣшательству поэтической фантазіи; во-вторыхъ, потому, что съ одной стороны пѣсня не знаетъ многихъ событій, подробно описанныхъ лѣтописью, а съ другой останавливается на событіяхъ, лѣтописи совсѣмъ неизвѣстныхъ. Въ пѣснѣ остается лишь то, что̀ произвело сильное впечатлѣніе на народъ; поэтому дольше сохраняются въ ней лишь важныя событія, крупные переломы въ народный жизни.

„Разница между историческими пѣснями Великой и Малой Руси чрезвычайно значительна. У великоруссовъ остались преданія о глубокой старинѣ кіевской, о Владимірѣ и богатыряхъ его, хотя народъ представляетъ себѣ славную эпоху превратно. Казалось бы, у малоруссовъ скорѣе должна была сохраниться исторія ихъ отечества, и однако мы еще ничего не видали въ такомъ родѣ. Дѣятельная жизнь послѣдующихъ временъ, участіе цѣлаго народа въ политическихъ дѣлахъ, кажется, стерли всю старину. За то исторія позднѣйшихъ временъ отразилась въ пѣсняхъ полно и ясно: цвѣты фантазіи не въ силахъ были совершенно закрыть истины; у великоруссовъ, напротивъ, ни одно изъ историческихъ событій, оставшихся въ народной памяти, не представляется такимъ, какимъ оно было въ самомъ дѣлѣ: народная фантазія все передѣлала по своему“ (стр. 90—91).

Циклъ малорусской эпической поэзіи начинается съ XVI вѣка и содержаніе его обнимаетъ козацкія дѣянія въ отношеніяхъ турецко-татарскихъ, польскихъ и русскихъ. Костомаровъ излагаетъ принадлежащія сюда думы и пѣсни, прибавляя къ нимъ историческія объясненія фактовъ и стараго быта. „Запорожская Старина“ доставила ему для этого обильный матеріалъ, и онъ не думалъ заподозрить подлинности многихъ произведеній, взятыхъ изъ этого источника. Приводя думы, какъ извѣстно теперь, подложныя, онъ находилъ напр., что „во всѣхъ этихъ пѣсняхъ событія рисуются вѣрно“; что „происшествіе разсказано согласно съ повѣствованіемъ Конисскаго, противно лѣтописямъ польскимъ“; что одна изъ этихъ думъ „отличается народною философіею, въ которой видимъ свойственное малорусскому народу самопреданіе въ волю божію и сознаніе собственной справедливости; она оканчивается пророческимъ предчувствіемъ будущаго, далекаго счастія Украины“ (стр. 99—100). Теперь, заслугу

этой „народной философіи“ надо приписать тому „даровитому автору которого предполагалъ Максимовичъ, а „пророческое предчувстві было высказано цѣлые вѣка послѣ событій.

Въ обзорѣ поэзіи великорусской Костомаровъ не берется объясня особеннаго склада древняго кіевскаго эпоса, но уже подозрѣвае вопросы, которые должны были о немъ возникнуть и потомъ дѣ ствительно возникли.

„Конечно,—говоритъ онъ,—Владиміръ, богатыри, змѣи, калѣки перехож перешли къ намъ изстари, но они измѣняли столько разъ свои черты, стол разъ пересоставлялись, передѣлывались,—и каждое преобразованіе оставля въ нихъ свою память,—что могутъ служить для насъ зеркаломъ народной жизн не какого-нибудь одного періода времени, хотя бы и очень важнаго, а п лыхъ вѣковъ. Пѣсни эти имѣютъ для историка значеніе обширное, но тол при извѣстныхъ условіяхъ. Надобно сначала употребить *самый строгій тру* чтобы *показать, откуда, что, и какъ, и почему, и когда*. Для этого нуж глубокая ученость, разнообразныя свѣдѣнія, неутомимое трудолюбіе, а бо всего добросовѣстность, безъ которой всякій ученый трудъ остается не тол безъ пользы, но даже со вредомъ. Тогда каждое лицо богатыря, каждое, п видимому, безсмысленное имя что-нибудь указало бы историку. До сихъ пор эти пѣсни, такъ, какъ онѣ теперь напечатаны въ сборникахъ, столько же п могутъ ему, сколько помогли неизъяснимые гіероглифы на старинныхъ ка няхъ историкамъ-археологамъ“ (стр. 115).

Любопытно, что какъ изъ малорусскихъ думъ именно въ подлож ныхъ Костомаровъ нашелъ „вѣрность исторіи“ и „народную фил софію“, такъ въ обзорѣ новгородскихъ сказаній ему „всѣхъ полнѣ и отчетливѣе изъ новгородскихъ поэмъ представляется повѣсть об Акундинѣ Акундиновичѣ, помѣщенная въ изданіи сказокъ Сахарова и, какъ теперь ясно, составляющая собственное сочиненіе Саха рова. Перечисливъ въ этой сказкѣ различныя черты новгородска быта и „современныя понятія“, Костомаровъ заключалъ, что „ве разсказъ проникнутъ духомъ особеннаго романтизма (!), свойстве наго только русскому элементу“ (стр. 116—117).

Въ изложеніи общественной жизни малоруссовъ по пѣснямъ, К стомаровъ останавливается на главнѣйшихъ типахъ, которые рисует пѣсня: козакъ, чумакъ, бурлакъ, посполитый, панъ, жидъ, цыган Книга оканчивается обзоромъ общественнаго быта по пѣснямъ ве ликорусскимъ ¹).

¹) Въ концѣ Костомаровъ перечисляетъ источники, служившіе ему въ трудѣ ег [illegible] литература того времени, русская, мал [illegible]

Изданія Сахарова, [illegible]

Изданія Максимовича, [illegible] Кадзана изъ Олеска, Ж [illegible]

Этнографическіе взгляды Костомарова выясняются еще другой его книгой—о славянской миѳологіи, изданной во время профессуры въ Кіевѣ, въ разгарѣ славянскихъ мечтаній и напечатанной для бо̀льшей археологической внушительности церковно-славянскимъ шрифтомъ [1]).

Вопросы народныхъ вѣрованій, казавшіеся еще недавно темными, теперь во многомъ для него разъясняются. Костомаровъ сопоставляетъ извѣстія о славянскомъ язычествѣ, особливо балтійскомъ, у средневѣковыхъ нѣмецко-латинскихъ лѣтописцевъ съ тѣмъ, что̀ сохранилось въ извѣстіяхъ славянскихъ, и въ народныхъ преданьяхъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ, — и старается открыть внутренній смыслъ этихъ фактовъ. Этотъ смыслъ представляется ему въ томъ, что славянскія божества, какъ сохранившіяся народныя повѣсти и обряды, представляютъ символизацію силъ и явленій природы. Древнія религіи не знали вообще другихъ предметовъ поклоненія; но вопросъ заключался въ опредѣленіи пути, которымъ совершалось образованіе

— Изданія Войцицкаго (Klechdy; Zarysy Domowe); словацкія „Narodnie Zpiewanky", Коллара.

— Кромѣ того, онъ ссылается на галицкое собраніе колядокъ, Вѣрецкаго, сообщенное ему, по возвращеніи изъ путешествія въ славянскія земли, Срезневскимъ. „Это рукописное собраніе,—говоритъ Костомаровъ,—содержитъ 33 пѣсни и драгоцѣнно въ высокой степени для русской этнографіи, филологіи, исторіи, и въ особенности миѳологіи; такъ что многое проливаетъ новый свѣтъ на вѣрованія нашихъ предковъ". Это „драгоцѣнное собраніе", кромѣ отдѣльныхъ цитатъ, никогда не являлось въ печати.

— Наконецъ, Костомаровъ „имѣлъ подъ рукою" собраніе нигдѣ еще не напечатанныхъ малорусскихъ пѣсенъ, числомъ болѣе 500, и которое вскорѣ должно было явиться въ печати.—Вѣроятно онъ говорилъ о собственномъ сборникѣ.

Книга Костомарова вызвала, кромѣ упомянутаго отзыва Бѣлинскаго, еще нѣсколько журнальныхъ статей. Сенковскій (Библ. для Чтенія, 1844, т. 66-й, отд. 6, стр. 12) глумился надъ мыслью отыскивать историческое значеніе — въ народной поэзіи, т.-е. въ мірѣ ямщиковъ, зелена вина и т. д. Срезневскій далъ о книгѣ весьма сочувственный отзывъ въ „Москвитянинѣ" (1844, ч. II, № 3, стр. 141—154), гдѣ, впрочемъ, замѣчалъ, что авторъ, излагая содержаніе народной поэзіи, не разъяснилъ, какъ и чѣмъ же можетъ воспользоваться здѣсь историкъ,—между тѣмъ какъ только рѣшеніе этого вопроса могло бы оправдать названіе книги. Наконецъ, обширный разборъ книги Костомарова сдѣлалъ нѣкто К. Калайденскій, въ „Маякѣ" 1844, т. XV, кн. XXX, стр, 31—82; но въ сущности это—только изложеніе книги, съ немногими и незначительными замѣчаніями.

[1]) „Славянская Миѳологія. Сочиненіе Николая Костомарова. Извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года". Кіевъ 1847. Большое 8°, 113 стр. Эта книга въ свое время не успѣла поступить въ продажу, и потомъ извѣстна была только любителямъ. Въ шестидесятыхъ годахъ А. А. Котляревскій намѣревался переиздать эту книгу, дополнивъ ее по новымъ изслѣдованіямъ; часть книги была даже напечатана,—но изданіе не было приведено къ концу, не знаемъ, почему.

миѳа, и въ опредѣленіи его склада. Наука въ то время была уже на пути къ реальному, филологическому и археологическому выясненію этого образованія миѳа и его характера; Костомарову это движеніе осталось тогда, какъ и послѣ чуждо, и онъ довольствуется общими впечатлѣніями, отгадкой, и его объясненіе остается общимъ и полу-мистическимъ.

Славянскую, и въ томъ числѣ древне-русскую, миѳологію Костомаровъ постоянно сравниваетъ съ миѳологіей древнихъ восточныхъ классическихъ народовъ, германцевъ — перенося на славянскія божества и преданія тотъ смыслъ, который находили тамъ ученые старой школы, и вообще устанавливаетъ между ними полную параллельность—въ олицетвореніи силъ природы, борьбы свѣта и тьмы, тепла и холода, лѣта и зимы, добра и зла, и приходитъ къ такому обобщенію:

„Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всеобщее понятіе объ олицетвореніи солнечной силы: смерть и воскресеніе въ мірѣ физическомъ знаменуетъ годовой кругъ—лѣто и зима, а въ мірѣ нравственномъ вочеловѣченіе божества на землѣ, благодѣянія, страданія и торжество. Эта идея высказалась и въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіашѣ, и въ Бальдурѣ, и въ нашемъ языческомъ божествѣ съ различными названіями и съ однимъ значеніемъ [1]). Гельмольдъ говоритъ, что Радегастъ былъ герой, странствовалъ по землѣ, и погибъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божествомъ. Вѣрно славяне вѣрили въ его воскресеніе или переходъ въ высшую жизнь какъ существа, вмѣстѣ божественнаго и человѣческаго, ибо Свантовитъ, по ихъ понятію, ѣздилъ на конѣ своемъ и сражался съ врагами...

„Эта идея воплощенія, страданія и торжества божественнаго существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествія Сына Божія, солнца правды, свѣта истины, и служитъ величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истины нашего св. Писанія. Это была идея, вложенная Творцомъ въ родъ человѣческій: человѣкъ, какую бы религію ни создалъ себѣ, непремѣнно долженъ былъ проявить въ ней то начало, съ которымъ самъ произошелъ на свѣтъ; оторвать отъ него мысль о вочеловѣченіи божества было бы столь же трудно, какъ истребить вѣру въ свою душу. Коварные умы не разъ уже хотѣли доказывать поддѣльность исторіи Іисуса Христа видимымъ подобіемъ съ вѣрованіемъ народовъ, не разъ уже указывали и на Созіаша, и на Адониса, и на Аполлона, какъ на первообразы Богочеловѣка; но всѣ ихъ указанія могутъ служить только большимъ подтвержденіемъ и укрѣпленіемъ того, что хотятъ ниспровергнуть. Во всѣхъ миѳологіяхъ, какъ бы онѣ ни были извращены человѣческимъ мудрованіемъ и фантазіею, скрываются истины, въ глубочайшей древности человѣчества открытыя свыше... За всѣхъ умеръ Христосъ, и потому былъ чаяніемъ всѣхъ языковъ. Въ блуждающихъ образахъ народы искали его. Онъ, по словамъ Св. Писанія, въ мірѣ былъ, но міръ его не познавалъ, и когда нашлись тѣ, которые познали его, когда, подобно завѣсѣ, раздранной въ храмѣ въ минуту его кончины, пали передъ свѣтомъ его темные призраки и символы, церковь его стоитъ на такомъ твердомъ камнѣ ясной и живой истины, что врата адовы не сдвинутъ ее во вѣки“ (стр. 51—54).

[1]) Именно онъ говоритъ о Святовитѣ, Радегастѣ, Сварогѣ, Дажьбогѣ и проч.

Такимъ образомъ древнія языческія миѳологіи сводятся къ „естественной религіи". Съ другой стороны прибавлялся къ этому взглядъ такъ называемой символической школы миѳологіи, предшествовавшей Гримму и которой главнѣйшимъ представителемъ былъ Георгъ-Фр. Крейцеръ (1771—1858), авторъ знаменитой нѣкогда книги: „Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen" (1810—12, и нѣсколько изданій потомъ). Символическая школа была въ связи съ романтизмомъ, который, обращаясь къ старинѣ, къ востоку, къ народному преданію, видѣлъ въ нихъ запасъ новыхъ нравственныхъ и поэтическихъ идей. Это была реакція и шагъ впередъ противъ сухого эвгемеризма XVIII-го столѣтія, который видѣлъ въ миѳологіи фантастическое извращеніе или обобщеніе историческаго лица и событія, или басню, „выдуманную жрецами", и не видѣлъ психологическаго процесса, какимъ создавалась миѳологія. На мѣсто механическаго понятія о миѳѣ, здѣсь ставился вопросъ объ его естественномъ происхожденіи въ психологическомъ процессѣ народной жизни,—ошибка была лишь та, что отвѣтъ на этотъ вопросъ строился не на точномъ изученіи фактовъ, а на теоретическомъ предположеніи. По ученію символической школы (Крейцеръ, Отфридъ Мюллеръ, Швенкъ, Велькеръ и др., которые частію и цитируются Костомаровымъ, а позднѣе и Аѳанасьевымъ), миѳъ есть вообще иносказаніе, изображающее астрономическія и физическія явленія,—солнце и звѣздное небо, свѣтъ и тьму, переходы временъ года и т. п. Сравненіе указывало господство однихъ и тѣхъ же мотивовъ въ миѳологіи всѣхъ народовъ; къ сравненію были привлечены и семитическіе языки, и недавно открытый санскритъ, и египетская древность; аллегорія и образный языкъ были у всѣхъ народовъ выраженіемъ религіозно-миѳологическихъ идей; „миѳы и сказанія отдѣльныхъ народовъ суть только незначительныя варіаціи и нарѣчія одного первобытнаго общаго языка, именно—восточнаго, образнаго языка". Источникомъ многообразнаго развитія миѳологій было первобытное единобожіе востока, которое было дѣломъ откровенія, и притомъ не въ формѣ деизма, отличающаго божество отъ творенія, а въ формѣ пантеистическаго ихъ единства, воплощенія и эманаціи. Вся миѳологія становилась рядомъ символовъ, и такъ какъ ея основныя темы и олицетворенія повторялись у разныхъ народовъ, то въ отождествленіи символовъ терялись наконецъ отличительныя черты вѣковъ и народностей. Миѳологія становилась мистической; для ея уразумѣнія требовалось уже не одно историческое изслѣдованіе, но особое чувство [1]). Страсть видѣть повсюду символъ приводила, на-

[1]) „Главный трудъ, лежащій на миѳологѣ,—говорилъ Крейцеръ,—заключается не въ исторической критикѣ, которая, конечно, необходима, но въ воспріятіи (Apper-

конецъ, къ самому превратному пониманію фактовъ, напр., греческой древности. Миѳическія исторіи боговъ и героевъ были только символами природныхъ событій и явленій. Греки заимствовали ихъ у индійцевъ и египтянъ, но это былъ народъ легкаго, подвижного характера,—они забыли глубокое значеніе символовъ, и древняя египетская мудрость сохранялась у грековъ только въ мистеріяхъ. Первобытная религія, пришедшая изъ Индіи и Египта, хранилась у пеласговъ, греки утратили ея таинственный смыслъ, такъ что въ этомъ [illegible] греческая цивилизація была упадкомъ сравнительно съ первоначальнымъ [illegible] преданія. По слѣдамъ Вольфа, Гомеровъ [illegible] считался истинно національнымъ произведеніемъ, передающимъ греческое міросозерцаніе въ полной чистотѣ первобытной [illegible] школа, напротивъ, видѣла въ Гомерѣ только [illegible] свой личный произволъ въ міръ религіозно[illegible] и нарушилъ древнюю чистоту ученій: послѣд[illegible] сохранилась у Гезіода и была легкомыс[illegible] Гомера. Наконецъ, вообще первобытная религіозная [illegible] къ отдаленнымъ временамъ человѣчества и, [illegible] въ родъ жрецами, представляла таинственное [illegible] подготовленіемъ къ христіанству...

[illegible] греческой древности, эта теорія еще въ десятыхъ и [illegible] годахъ вызвала сильныя опроверженія, въ особенности [illegible] знаменитыхъ филологовъ Готфрида Германна и Лобека; [illegible] безграничной символизаціи былъ устраненъ [illegible] филологическимъ и археологическимъ методомъ Гримма, который [illegible] на его преувеличенія—сводилъ вопросъ на реаль[illegible]. Наконецъ, новыя изслѣдованія въ области антропологи[illegible] совершенно опровергали мысль о глубокихъ перво[illegible] и, напротивъ, открывали въ отдаленіи грубый [illegible].

[illegible] очевидно, находится въ связи съ теоріями [illegible]. Раза два Костомаровъ цитируетъ Гримма [illegible] и самую „Mythologie“ [illegible], но книга пересыпана [illegible] слѣдамъ котораго дѣлаются обращенія [illegible] индійской и персидской [1]. Построеніе [illegible] и [illegible] априористическимъ; факты пригоня[illegible], и недостатокъ построенія оказался та[illegible] критика укоряла самого Крейцера.

[illegible] но которое обусловли[illegible] дѣлаетъ поэта“.

[1] [illegible] Славянъ на природу“ [illegible] Спб. 1860, стр. 40.

Увлеченія натуръ-философіи легко были отринуты, потому что первыя строгія наблюденія опровергали ихъ; мистическія толкованія могли быть устранены только путемъ сложныхъ и глубокихъ изслѣдованій, для основанія которыхъ нужна была такая великая научная сила, какъ Яковъ Гриммъ. У насъ отголоски старой символической школы еще продолжались у Аѳанасьева. Лишь въ послѣднее время сознана вполнѣ необходимость точнаго опредѣленія первоначальныхъ фактовъ и самыхъ источниковъ,—съ чего слѣдовало начаться изслѣдованію.

Трудъ Костомарова не былъ первымъ въ этой области: не говоря о раннихъ, очень мало или совсѣмъ ненаучныхъ трудахъ по русской миѳологіи и этнографіи, онъ имѣлъ предшественниковъ въ Снегиревѣ—уже собиравшемъ „простонародные праздники и суевѣрные обряды", въ Касторскомъ („Славянская миѳологія", 1841) и особливо въ Срезневскомъ, въ книгѣ котораго: „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ" (Харьковъ, 1846), кромѣ множества указаній изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ и другихъ памятниковъ, иностранныхъ и славянскихъ, введены и народныя преданья, пѣсни и обычаи. Костомаровъ имѣлъ также въ распоряженіи труды западно-славянскихъ ученыхъ (Шафарикъ, Палацкій, Ганушъ). Не смотря на указанную натянутость взгляда, труды Костомарова были важны для установленія новаго историко-этнографическаго изученія, во-первыхъ, какъ цѣльные обзоры, во-вторыхъ, многими частностями: таковы были въ „Миѳологіи" указанія на смыслъ народныхъ обрядовъ, въ книгѣ о народной поэзіи—обзоръ поэтической символики пѣсенъ и опыты изображенія по пѣснямъ историческихъ общественныхъ отношеній. Можно пожалѣть, что эти стороны народной поэзіи привлекаютъ теперь сравнительно мало вниманія: новые изслѣдователи всего больше поглощены изученіемъ генезиса народнаго преданія, и мало вниманія посвящаютъ народной поэзіи въ ея послѣднемъ историческомъ терминѣ, въ ея цѣломъ составѣ и современномъ смыслѣ для народа.

Костомаровъ остался чуждъ дальнѣйшему развитію нашихъ этнографическихъ изученій, но его старый интересъ къ народному тѣмъ не менѣе плодотворно развился въ двухъ направленіяхъ: въ трудахъ по изданію произведеній народной поэзіи и ихъ ближайшему историческому толкованію, и особливо—въ примѣненіи этнографическихъ соображеній къ исторіографіи.

Что касается послѣдняго, то нѣкоторое объясненіе своей исторіографической теоріи Костомаровъ далъ въ лекціи: „объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи".

Указавъ, какъ историческое знаніе, и наше въ томъ числѣ, постоянно расширяло кругъ своихъ изслѣдованій отъ чисто внѣшнихъ

государственныхъ событій до подробностей внутренняго быта, Костомаровъ объясняетъ, что главная цѣль исторіи заключается всетаки даже не въ самыхъ обстоятельныхъ изображеніяхъ внѣшней жизни, а въ уразумѣніи „психологіи прошедшаго". Для этой цѣли трудъ историка долженъ быть необходимо связанъ съ трудомъ этнографа.

„Поставивши задачею историческаго знанія жизнь человѣческаго общества и, слѣдовательно, народа, историкъ тѣмъ самымъ становится въ самое тѣсное отношеніе къ этнографіи, занимающейся состояніемъ народа въ его настоящемъ положеніи. Исторія изображаетъ теченіе жизни народной; для этого, само собою, нужно историку знать тотъ образъ, къ которому довело ее это теченіе. Съ другой стороны, и этнографъ не иначе можетъ уразумѣть состояніе народа, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія; всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются какъ продуктъ предъидущаго развитія народныхъ силъ. Въ способѣ занятій этнографіей и въ способѣ ея изложенія усматриваются тѣ же ошибки, какъ и въ сферѣ исторической науки. Принимали матеріалъ для предмета за самый предметъ! Этнографіею называли замѣчанія или описанія, касавшіяся того, какіе обычаи господствуютъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, какія формы домашняго быта сохраняются здѣсь и тамъ, какія игры и забавы въ употребленіи у народа. Но забывалось, что главный предметъ этнографіи или науки о народѣ,—не вещи народныя, а самъ народъ, не внѣшнія явленія его жизни, а самая жизнь. Притомъ же давалось этнографіи значеніе очень тѣсное. Въ кругъ этой науки вводилось только то, что составляетъ особенности быта простонародія: все, что принадлежало другимъ классамъ народа, считалось не входящимъ въ эту науку. Пѣсня сельскихъ [illegible] была предметомъ этнографіи, но никто не [illegible] бы [illegible] малорусса. Въ этомъ [illegible] этнографія представлялась въ [illegible] съ исторіей, [illegible] сферами. По нашему [illegible] этнографія [illegible] наука о народѣ [illegible] кругъ ея слѣдуетъ распро[illegible] —[illegible] этнографіи должна [illegible] Какъ наука о [illegible] бросается въ [illegible] нисшихъ [illegible] на процессъ [illegible] понятій и [illegible] отправ[illegible] науки, по[illegible] и политиче[illegible]

[illegible] источникъ своимъ [illegible]"

[illegible] въ какой [illegible] народностью. Бо[illegible] государство [illegible] какъ (въ бо[illegible] представлялось съ

жизнью и движеніемъ. Для полноты же исторической науки необходимо, чтобы и другая сторона народной жизни равнымъ образомъ была представлена въ научной ясности, тѣмъ болѣе, что народъ вовсе не есть механическая сила государства, а истинно живая стихія, а государство, наоборотъ, есть только форма, само по себѣ мертвый механизмъ, оживляемый только народными побужденіями, такъ что самодѣятеленъ ли народъ, бездѣйственъ ли онъ,—во всякомъ случаѣ государственность не можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ результатомъ условій, заключающихся въ народѣ; и даже тамъ, гдѣ народъ, погруженный въ мелкіе, единичные интересы, представляетъ собою недвижимую, немыслящую, покорную массу, и тамъ формы государственныя со всѣми своими развѣтвленіями и со всѣми уклоненіями отъ потребностей, лежащихъ въ народѣ, все-таки получаютъ корень въ народѣ, если не въ сознаніи и дѣятельности, то въ отсутствіи мысли и въ безсиліи его" [1]).

Костомаровъ указываетъ затѣмъ неразвитость нашей русской этнографіи—въ объясненіи собираемаго матеріала. Какъ исторія становится только археологіей, когда накопляетъ одни факты прошлой жизни, такъ и этнографическое богатство, даже при научномъ построеніи, не составляетъ науки о народѣ. У насъ есть собранія пѣсенъ, пословицъ, областной словарь, подробныя описанія быта, но все это отрывочно, неполно и не приведено въ систему. Сравнительная сторона дѣла чрезвычайно мало обработана. Указываютъ извѣстные предметы и явленія въ одномъ краѣ, и не указываютъ, есть ли они въ другомъ; или, находя сходство, не ищутъ узнать, есть ли оно давнее или позднѣйшее. Относительно произведеній народной словесности оставалось обыкновенно не выясненнымъ, кѣмъ именно и въ какихъ обстоятельствахъ, съ какимъ настроеніемъ поются тѣ или другія пѣсни, гдѣ и кѣмъ употребляются извѣстныя пословицы, и т. п. Относительно народнаго языка мы имѣемъ сборникъ областныхъ словъ, но не имѣемъ понятія объ областной рѣчи, т.-е. цѣломъ изложеніи, разсказѣ или разговорѣ; знаемъ, что есть особыя нарѣчія, но не знаемъ ихъ границъ,—и притомъ, съ особыми нарѣчіями соединяются оттѣнки понятій, нравовъ и обычаевъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, отложились слѣды прожитыхъ вѣковъ. Наконецъ, этнографія никакъ не должна ограничиваться изображеніемъ быта одного простонароднаго сельскаго класса: не только низшіе, но средніе и высшіе классы представляютъ много отличій; помѣщики различны по землямъ, какими владѣютъ, по способу хозяйства и правиламъ домашняго быта, купцы и мѣщане по роду занятій и т. д. Все это еще должно быть собрано, и главное, освѣщено сравненіемъ и историческимъ объясненіемъ, и тогда только этнографія въ связи съ исторіей станетъ настоящей наукой.

Въ частности, относительно пѣсенъ, которыя были нѣкогда пред-

[1]) Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. III. Спб. 1867, стр. 359—362.

методомъ первыхъ ученыхъ работъ Костомарова, онъ замѣчалъ—черезъ двадцать лѣтъ послѣ своей диссертаціи: „Пѣсни наши вообще мало были анализованы: не показано отраженія въ нихъ природы; не приведена въ ясность народная символика образовъ природы, составляющая вообще сущность первобытной поэзіи; не указаны типы лицъ, созданныхъ народной поэзіей, не изложенъ въ системѣ поэтическій способъ выраженій, общій народу и любимый имъ по преимуществу, не указаны переходы отъ старыхъ формъ къ новымъ; не представлено, какъ сохранились въ пѣсняхъ воспоминанія и слѣды старой жизни съ ея угасшими посреди новаго быта признаками и, наконецъ, не соблюдались особенности нарѣчій, на которыхъ записывались пѣсни" [1]).

Такова была программа этнографическихъ понятій Костомарова, представляющая очевидно развитіе тѣхъ самыхъ взглядовъ, съ какими онъ велъ свою первую работу о народныхъ пѣсняхъ.

Позднѣйшія работы Костомарова въ этой области, какъ мы замѣтили, шли въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, онъ искалъ въ исторіи народныхъ и бытовыхъ элементовъ—таково множество его работъ по исторія великорусской, въ статьяхъ о федеративномъ началѣ древней Руси, въ исторіи Новгорода и Пскова, въ трактатѣ о началѣ единодержавія въ древней Россіи, въ книгѣ о бытѣ и нравахъ XVI—XVII вѣка, въ мастерскомъ изслѣдованіи о Стенькѣ Разинѣ; далѣе, въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по малорусской исторіи. Въ статьѣ о „двухъ народностяхъ" онъ поставилъ и основной вопросъ объ отличіяхъ племенъ великорусскаго и малорусскаго, —до тѣхъ поръ никогда ясно не поставленный и съ тѣхъ поръ также еще не вызвавшій новаго, болѣе подробнаго опредѣленія.

Приведенныя замѣчанія о пѣсняхъ до сихъ поръ остаются справедливы: пѣсенная поэзія до сихъ поръ не опредѣлена въ ея цѣломъ составѣ; ея складъ, историческое развитіе, отложившіяся въ ней наслоенія разныхъ эпохъ и формъ народной жизни не вызвали пока полнаго и систематическаго изслѣдованія. Пристальныя и нерѣдко замѣчательныя работы вызвалъ только эпосъ и нѣкоторыя части лирики,—но цѣлая область народно-поэтической дѣятельности еще не была обнята изслѣдованіемъ, и особенно съ тѣхъ ея сторонъ, гдѣ она является отраженіемъ непосредственнаго народнаго міровоззрѣнія, чувства и быта—если не въ настоящемъ, то въ давнемъ и недавнемъ прошедшемъ.

Во время пребыванія въ Саратовѣ, Костомаровъ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ собиралъ пѣсни: нѣсколько пѣсенъ было напечатано

[1]) Тамъ же, стр. 369.

ихъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Какъ извѣстно изъ его біографіи, появленіе этихъ пѣсенъ навлекло не малую непріятность пропустившему ихъ цензору: пѣсни (великорусскія) были, между прочимъ, новѣйшаго происхожденія и по народному грубо рисовали нѣкоторыя бытовыя явленія, и высшая власть нашла, что подобныя пѣсни слѣдовало истреблять, а не собирать (разумѣется, было легче сказать это, чѣмъ достигнуть, а запретить наблюденіе явленія значило добровольно закрыть на него глаза). Впослѣдствіи, уже въ новое царствованіе, сборникъ Костомарова былъ изданъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“ г. Тихонравова [1],—но впослѣдствіи оказалось, что этотъ сборникъ, собиравшійся самимъ Костомаровымъ или на глазахъ его, опытнаго этнографа, не обошелся безъ сомнительныхъ подправокъ, которыя уже вскорѣ были указаны г. Безсоновымъ [2]).

Передъ тѣмъ, въ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ“ г. Мордовцова (Саратовъ, 1859) Костомаровъ издалъ пѣсни, собранныя имъ въ сороковыхъ годахъ на Волыни [3]).

Наконецъ, подъ редакціей или „наблюденіемъ“ Костомарова изданы были три тома извѣстныхъ „Трудовъ“ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, Чубинскаго, а именно: томъ III, 1872, заключающій „народный дневникъ“—описаніе обычаевъ и обрядовъ, принадлежащихъ только опредѣленнымъ временамъ года, и соединенныхъ съ ними повѣрій, и обширный отдѣлъ пѣсенъ, которыя также поются только въ опредѣленныя времена года, какъ веснянки, русальныя или троицкія пѣсни, купальскія, обжиночныя, колядки и щедровки; томъ IV, 1877, заключающій описаніе обрядовъ —родинъ, крестинъ, свадьбы, похоронъ, и принадлежащія сюда пѣсни; наконецъ,—громадный томъ V, 1874 (1209 стр.), заключающій пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя. Не знаемъ, въ данную минуту, какъ далеко простиралось „наблюденіе“ Костомарова надъ изданіемъ этихъ томовъ, именно, кому, напр., принадлежало распредѣленіе матеріала на отдѣлы и рубрики, ему или самому Чубинскому. Критика не всегда находила это распредѣленіе научно-правильнымъ [4]).

[1]) Томъ IV. М. 1862, стр. 1—111.

[2]) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. VII-й, М. 1868, и слѣдующіе. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ г. Безсоновъ называетъ прямо поддѣльными и дурно поддѣланными; въ другихъ случаяхъ онъ находитъ присочиненныя, или сомнительныя, подробности и прикрасы. См. наприм. вып. VII; стр. 9, 11, 74, 109—111, 154, 203—204; вып. VIII, стр. 61, 162, 174—175, и т. д.

[3]) Объ одной пѣснѣ этого собранія см. замѣчаніе въ предисловіи къ „Историч. пѣсняхъ“ гг. Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. XXII—XXIII.

[4]) См., напр., отзывъ А. Н. Веселовскаго въ академическомъ присужденіи Ува-

Через тридцать лѣтъ послѣ своей диссертаціи Костомаровъ снова вернулся къ ея предмету, и именно къ южно-русской ея части, въ рядѣ статей, который начатъ былъ въ „Бесѣдѣ“ 1872: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, затѣмъ продолжался въ „Р. Мысли“ 1880 и 1883: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и закончился въ „Литературномъ Наслѣдіи“ статьей: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Это была обширная переработка старой диссертаціи — съ тѣми же основными положеніями и планомъ, и съ тою разницей, что изложеніе было исправлено и дополнено по новымъ матеріаламъ, какіе наросли съ начала сороковыхъ годовъ. Костомаровъ въ сущности не измѣнилъ своихъ представленій о первобытной миѳологіи, оставившей въ пѣсняхъ свои слѣды въ видѣ миѳической символики; онъ только расширилъ главу о символикѣ небесныхъ и физическихъ явленій цитатами изъ старыхъ и вновь изданныхъ пѣсенъ; символика животныхъ осталась нетронутой и теперь. Возвратившись послѣ 1872 г. къ этому предмету въ 1880, онъ прямо перешелъ къ эпохѣ козачества и ея отраженіямъ въ пѣсняхъ. Но совершенно измѣнилось отношеніе къ тому матеріалу, который заключался въ „Запорожской Старинѣ“. Въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ она произвела на него большое впечатлѣніе, какъ и вообще знакомство съ Срезневскимъ „надолго возъимѣло на него сильное вліяніе“ [1], но впослѣдствіи собственное ближайшее изученіе козацкой эпохи убѣдило его въ недостовѣрности многаго въ этомъ матеріалѣ, и Костомаровъ уже въ пятидесятыхъ годахъ заявилъ свои сомнѣнія и отрицанія [2]). Желаніе, чтобы стали общеизвѣстными „таинствен-

---

ровскихъ премій, 1880, стр. 33—34; отзывъ Ягича въ „Archiv für slavische Philologie“.

[1]) Литературное Наслѣдіе, автобіографія, стр. 29.

[2]) См. разборъ „Записокъ о Южной Руси“, Кулиша, въ Отеч. Запискахъ, 1857, т. CXII, стр. 41—42:

„Въ 1833 году явилась „Запорожская Старина“ г. Срезневскаго, изданіе ва[illegible]-ное и замѣчательное. Почтенный ученый, въ дни молодости брошенный судьбою [illegible] степи Екатеринославской губерніи, записалъ отъ слѣпыхъ бандуристовъ думы и пѣс[illegible] и спасъ отъ гибели драгоцѣннѣйшія созданія старинной народной поэзіи. Мног[illegible] изъ нихъ погибли бы невозвратно, еслибъ счастливый случай не далъ г. Срезне[illegible]скому возможности передать ихъ потомству въ „Запорожской Старинѣ“. Кромѣ эт[illegible] заслуги, мы должны приписать И. И. Срезневскому ту честь, что онъ первый у на[illegible] указалъ, какимъ образомъ важность историческихъ пѣсенъ должно оцѣнивать вмѣс[illegible] съ критическимъ разборомъ событій. Нельзя, однако, не замѣтить недоказаннос[illegible] многихъ разсказанныхъ въ „Запорожской Старинѣ“ событій козацкой исторіи, пр[illegible] тиворѣчащихъ всѣмъ, до сихъ поръ извѣстнымъ, источникамъ южно-русской истор[illegible] Въ повѣствованіи объ эпохѣ Хмельницкаго является нѣсколько фактовъ, очень [illegible]

ные источники“ этого изданія, остались не удовлетворенными. Впослѣдствіи Костомаровъ возвратился къ этому предмету въ разборѣ изданія „Историческихъ пѣсенъ“ гг. Антоновича и Драгоманова, которые уже отнеслись ко многимъ даннымъ „Запорожской Старины“ съ полнымъ отрицаніемъ [1]). Въ указанныхъ статьяхъ Костомаровъ пересматриваетъ всѣ думы и пѣсни, имѣющія отношеніе къ исторіи козачества,—причемъ приводитъ въ сноскахъ самые тексты,—сличаетъ варіанты и даетъ историческія объясненія о предметахъ пѣсенъ и ихъ складѣ. Этотъ трудъ остался недоконченнымъ.

Таковы были въ общихъ чертахъ этнографическія работы Костомарова. Какъ мы видѣли, онъ относительно вопросовъ о происхож-

---

мнительныхъ и къ сожалѣнію, неизвѣстно откуда взятыхъ. О Морозенкѣ, лицѣ очень любимомъ народною поэзіею, но извѣстномъ въ историческихъ памятникахъ болѣе по имени Морозовицкаго или Мороза, чѣмъ по біографическимъ частностямъ, у Срезневскаго разсказывается цѣлый романъ, не подтверждаемый никакими свидѣтельствами. Такіе разсказы сопровождаютъ многія думы и пѣсни, напечатанныя въ „Запорожской Старинѣ“. Прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени этого изданія, а историческія данныя, сообщенныя въ немъ ученому свѣту, до сихъ поръ остаются неразгаданными, и г. Срезневскій оказалъ бы услугу наукѣ, еслибъ теперь вспомнилъ о своей „Запорожской Старинѣ“ и сдѣлалъ общеизвѣстными тѣ таинственные источники, которыми пользовался при составленіи исторической части своего изданія, дабы оно не было похожимъ на исторію Русовъ Конисскаго, тѣмъ болѣе, что честь перваго указанія на недостовѣрность этого сочиненія принадлежитъ проницательности И. И. Срезневскаго“.

[1]) См. „Вѣстн. Европы“, 1874, декабрь. Заявивъ сомнѣніе въ подлинности этихъ пѣсенъ, Костомаровъ перечисляетъ ихъ такъ: „Мы разумѣемъ: думу и пѣсни о Серпягѣ, подъ которымъ думаютъ видѣть козацкаго гетмана Подкову, думу и пѣсни о Наливайкѣ, пѣсню о Лободѣ, пѣсню о Чураѣ, пѣсню объ отступникѣ Тетеренкѣ, думу о трехъ полководцахъ, относимую къ періоду временнаго упадка козачества послѣ возстанія Павлюка, Остранина и Гуни, и нѣкоторыя менѣе крупныя и отрывочныя произведенія, выдаваемыя за народныя. Есть еще нѣсколько пѣсенъ объ эпохѣ Хмельницкаго, какъ, напримѣръ, двѣ пѣсни о Пилявскомъ дѣлѣ, пѣсня о взятіи Бендеръ и пѣсня о Жванецкой битвѣ, которыхъ касаться здѣсь не считаемъ умѣстнымъ, не имѣя достаточныхъ основаній разсѣять сомнѣнія въ ихъ подлинности.

Въ воспоминаніяхъ А. А. Корсунова помѣщено письмо Костомарова, отъ февраля 1880 года, гдѣ онъ съ великимъ раздраженіемъ говоритъ о „псевдонародныхъ произведеніяхъ“, которыя вводили въ заблужденіе въ „Запорожской Старинѣ“, о „фальшивыхъ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ“, которыя сообщалъ Срезневскій „честному, но до крайности простодушному“ (?) Бодянскому. „Мой Богданъ Хмельницкій очищался, очищался отъ этого навоза... и все-таки до сихъ поръ послѣ третьяго изданія не совершенно очистился“. Костомаровъ укоряетъ Срезневскаго, что у него не хватало рѣшимости „во имя истины публично сознаться въ томъ, что все, выдававшееся имъ за историческую и этнографическую правду, была ложь“ (Р. Архивъ, 1890, № 10, стр. 218—219).

Надо сказать, что и за Костомаровымъ остался подобный недочетъ относительно пѣсенъ, собиравшихся въ Саратовѣ, въ которыхъ г. Безсоновъ весьма недвусмысленно указывалъ подлоги.

деніи и значеніи народнаго преданія остался до конца ученымъ старой школы; повидимому онъ даже не зналъ новыхъ изслѣдованій нигдѣ никакого указанія на труды Буслаева, Аѳанасьева, Потебни Веселовскаго, Ягича и т. д. Онъ хотѣлъ какъ будто устранить упрек замѣчая, что не будетъ вдаваться въ миѳологію, такъ какъ хочет заниматься только пѣснями [1]); но по его же словамъ, именно в пѣсняхъ отражается миѳологія.

Съ другой стороны, труды Костомарова имѣютъ, несмотря на т большое достоинство [2]). Онъ указывалъ на такія стороны этнографической науки, которыя у насъ еще мало разработываются. Онъ стремился дать цѣльное понятіе о народномъ пѣсенномъ творчествѣ, данномъ его состояніи, какъ современномъ фактѣ народной жизни При всѣхъ пробѣлахъ въ его изслѣдованіяхъ, онѣ за послѣднее врем остаются единственнымъ трудомъ подобнаго рода, и надо пожалѣть что ученые новаго поколѣнія не приступаютъ къ подобной задачѣ съ ихъ болѣе обильными научными средствами: народная поэзі не есть только предметъ археологіи, но и фактъ внутренней нравственно-бытовой жизни народа и его исторіи.

Другимъ достоинствомъ этнографическихъ понятій Костомаров были тѣ, выше нами приведенныя мысли его, что этнографія должн направить свои изысканія не только на сельское простонародіе, но на другіе классы народа, не только средніе, но и высшіе, на быт городовъ также, какъ и бытъ селъ и деревень; что она не должн отстраняться отъ тѣхъ формъ быта, которыя кажутся будто не-народными, какъ, напр., жизнь фабричная, и тѣхъ пѣсенныхъ произведеній, которыя, создаваясь въ этой области, кажутся искаженіем „чисто народной“ поэзіи и вкуса. Что этнографія должна подобным образомъ расширить свои границы, въ этомъ сомнѣнія: и самы „искаженія“ обнимаютъ уже теперь большую долю населенія, и будутъ еще расширяться вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слагаются новыя условія простонароднаго быта, и съ ними новыя его формы... Необходимость этнографическаго изученія быта всякихъ классовъ народа, всякихъ мѣстностей, не только селъ, но и городовъ, не только крестьянъ, но баръ и купцовъ, не была указана впервые Костомаровымъ наши академическіе путешественники конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка понимали уже свою задачу подобнымъ образомъ.

Наконецъ, важнымъ достоинствомъ трудовъ Костомарова въ этой области было то соединеніе этнографіи и исторіи, о которомъ он

[1]) [illegible], 1872, IV, стр. [illegible].

[2]) Ср. статью г. Науменка о Костомаровѣ, какъ этнографѣ, въ „Кiев. Старинѣ“, [illegible]

говорилъ въ цитированной выше статьѣ. Свойство его собственнаго таланта влекло его къ живописному, образному изложенію исторіи; но сюда прибавлялась и сознательная мысль о необходимости дать мѣсто въ исторіи тѣмъ этнографическимъ стихіямъ, которыя обыкновенно забывались историками и которыя, по его мнѣнію, играли въ исторіи весьма видную роль, какъ глубочайшая подкладка событій. Здѣсь лежитъ часто разница между Костомаровымъ и Соловьевымъ; напомнимъ, напримѣръ, взглядъ того и другого на судьбу и значеніе козачества.

Понятно, что Костомарову, какъ историку Малороссіи, драгоцѣнную помощь оказало впослѣдствіи то, что въ годы молодости онъ былъ усерднымъ этнографомъ, что онъ бродилъ по деревенскимъ хатамъ, присматривался къ обрядамъ, собиралъ преданья и повѣрья— даже самъ, съ ученой шутливостью, совершалъ языческіе обряды, какъ бы для того, чтобы закрѣпить ихъ въ своемъ воображеніи: „народный духъ", котораго онъ искалъ,—въ извѣстной мѣрѣ дѣйствительно дался ему и помогъ потомъ освѣтить прошедшее своего народа. Эта складка мысли и фантазіи, воспитанная съ раннихъ лѣтъ, помогла ему послѣ и въ исторіи сѣвернаго русскаго народа. Успѣхъ его историческихъ трудовъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, успѣхомъ этнографіи.

ГЛАВА VII.

П. А. Кулишъ. — Журналъ „Основа“ и начало украі фильства.

Въ настоящее изложеніе должна войти лишь та дѣятельі г. Кулиша, которая относится къ малорусской этнографіи, но ясности должно коснуться частію и другихъ его трудовъ.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ (род. въ 1819 г.) (современникомъ Костомарова [1]). Онъ прошелъ менѣе правильнуі учную школу, въ вопросахъ этнографіи и исторіи былъ еще бо: самоучкой; но съ талантомъ и съ живой воспріимчивостью онъ бы схватывалъ идеи и этимъ восполнялъ недостатокъ ученой ш Его идеи складывались подъ тѣми же вліяніями тридцатыхъ и (ковыхъ годовъ; живымъ наблюденіемъ народнаго быта онъ был гаче Костомарова, какъ вѣроятно, сильнѣе былъ и его поэтич талантъ, въ которомъ впрочемъ всегда было много искусствені и рефлексіи.

Въ первое время своей литературной дѣятельности г. Кул былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей малорусс

---

[1]) Біографія г. Кулиша изложена была вкратцѣ въ чешской энциклопедіи Sl Naučný, и подробнѣе въ статьѣ: „Жизнь Куліша“, въ галицкомъ журналѣ „Пр 1868, № 2—4, 24—28, по свѣдѣніямъ, полученнымъ и отъ самого г. Кулиша. ' вѣйшихъ историческихъ идеяхъ г. Кулиша, составляющихъ важный фактъ ег тературной біографіи за послѣдніе годы, см. въ статьѣ Костомарова, „Р. Стар 1878, мартъ, стр. 385—402, и въ другой статьѣ: „П. А. Кулишъ и его посл литературная дѣятельность“, въ „К. Старинѣ“, 1883, I, стр. 221—234; въ кн „За крашанку—писанка П. Ол. Кулішеві“, г. Мордовцева, Спб. 1882, и др. Б фическія свѣдѣнія и обзоръ беллетристическихъ произведеній въ „Очеркахъ“ трова (Кіевъ, 1884), стр. 264—296 и въ дополненіяхъ къ нимъ г. Дашкевича также Ист. Слав. Литер. I, стр. 373 и дал. Не мало автобіографическаго въ образныхъ воспоминаніяхъ г. Кулиша о Костомаровѣ, „Новь“, 1885, № 13, стр. 61

патріотизма и этнографіи, хотя уже издавна можно было замѣчать странное колебаніе его мнѣній.

Въ послѣднія десятилѣтія въ его идеяхъ стали совершаться такіе крупные и на литературной почвѣ трудно объяснимые перевороты, что становится невозможнымъ представить его дѣятельность съ какимъ-нибудь цѣльнымъ характеромъ: то, чѣмъ опредѣляются его работы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, совершенно непримѣнимо къ тому, чтó онъ дѣлалъ съ шестидесятыхъ годовъ и понынѣ. Это—цѣлый рядъ опроверженій, какія писатель дѣлаетъ самому себѣ, а иногда тому, чтó онъ писалъ наканунѣ. Главный поворотъ, въ которомъ онъ отрекался отъ своей прежней дѣятельности, былъ заявленъ извѣстной „Исторіей возсоединенія Руси“ (1874); но и потомъ, въ вопросахъ южно-русской старины и настоящаго, онъ становился то на ту, то на другую сторону, такъ что его литературное поприще не есть послѣдовательное служеніе одной идеѣ, а нѣсколькимъ идеямъ, иногда противоположнымъ; это—исторія личныхъ колебаній писателя, гдѣ каждая изъ тѣхъ противоположныхъ сторонъ можетъ встрѣчать для себя сочувственное, и два враждебные лагеря могутъ считать писателя своимъ. Положеніе довольно рѣдкое. Правда, вовсе не рѣдки случаи, когда человѣкъ и писатель, къ концу своего поприща, или набираясь бóльшаго жизненнаго опыта и знанія, или старѣя и слабѣя силами, въ томъ числѣ умственными, а иногда и нравственными, измѣняетъ своему прежнему направленію, отказывается отъ прежнихъ идеаловъ и возвращается на избитую колею рутины, обычая, толпы; бываютъ и другіе случаи, когда пылкій умъ, гонясь за разрѣшеніемъ мучительныхъ сомнѣній, увлекается то однимъ, то другимъ принципомъ, которому и отдается всей душой и мыслію, и надѣется найти въ нихъ искомую опору для своего одушевленія общественнымъ вопросомъ. Здѣсь не было ни того, ни другого. Упомянутые перевороты въ идеяхъ г. Кулиша совершались не въ періодѣ утомленія,—напротивъ, онъ обнаруживалъ въ ту пору весьма большую литературную дѣятельность, которая свидѣтельствовала о свѣжемъ запасѣ силы и житейской энергіи. Съ другой стороны, это далеко не была пора юношескихъ увлеченій; писатель былъ далеко не молодъ, чтобы легко мѣнять свои убѣжденія или съ новымъ опытомъ, или подъ вліяніемъ юношескаго энтузіазма. Наконецъ, перемѣна мнѣній совершалась не въ какой-нибудь теоретической области или не въ предѣлахъ жизни одного общества, гдѣ человѣкъ, ушедшій изъ одного лагеря, находитъ въ другомъ все-таки искреннихъ приверженцевъ другого направленія, служащихъ, по своему, интересамъ того же общества. Здѣсь, напротивъ, поворотъ идей опять совершался въ необычайной формѣ: писатель, нѣкогда восторгавшійся

національными преданіями своего народа, видѣвшій въ нихъ его историческое достоинство, рѣшительно отрекался отъ всего своего прежняго взгляда, становился на точку зрѣнія его исконныхъ противниковъ: происходило нѣчто въ родѣ отреченія отъ своего собственнаго народа.

Тѣ, кому особенно были близки эти интересы, спеціалисты южнорусской исторіи, люди, помнившіе и цѣнившіе прежнюю дѣятельность г. Кулиша,—и въ особенности Костомаровъ, нѣкогда его другъ и сотоварищъ прежней дѣятельности,—возстали рѣшительнымъ образомъ противъ этой новой точки зрѣнія, и въ самое послѣднее время принимавшей разные оттѣнки, и отыскивали источникъ этихъ отреченій въ чисто личныхъ побужденіяхъ. Отсылая читателя къ ихъ толкованіямъ, замѣтимъ, что въ этой неустойчивости могло участвовать еще одно обстоятельство, не тронутое критиками, а именно—отдаленныя послѣдствія того же романтизма, который господствовалъ въ настроеніи любителей народности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Мы имѣли случаи указывать, что этотъ романтизмъ, хотя внушалъ нерѣдко самую теплую любовь къ народности, давалъ этому народолюбію поэтическую окраску; направлялъ къ научному изслѣдованію, но имѣлъ свои слабыя стороны, которыя, напримѣръ, оказывались въ неясномъ пониманіи общаго движенія литературы или въ недостаткѣ точной критики. Романтическая любовь къ народности переносила дѣло въ область чувства; хорошо, если къ этому прибавлялось потомъ желаніе найти научныя средства къ объясненію любимаго предмета; у большинства этого не случилось, этнографическій интересъ остался дѣломъ чувства, а въ научномъ смыслѣ—дилеттантствомъ. Не говоря о томъ, какъ могутъ мѣняться понятія человѣка подъ вліяніемъ чисто личнаго произвола, себялюбиваго каприза или разсчета, нельзя не видѣть, что есть большая разница между научнымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ дилеттанта: первое становится строгимъ выводомъ, истиной какъ дважды два четыре, отъ которой нельзя отступиться, не оскорбляя собственнаго здраваго смысла; мнѣніе любителя бываетъ дѣломъ вкуса и настроенія. Человѣкъ образованный не можетъ не мотивировать своего перехода отъ одного взгляда къ другому: этотъ переходъ, очевидно, долженъ простираться на всю систему воззрѣній, которыя и должны быть выяснены. Критики г. Кулиша не нашли достаточныхъ внутреннихъ основаній къ крутымъ переходамъ его понятій.

Итакъ, литературныя идеи г. Кулиша развивались въ атмосферѣ романтизма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Также какъ его современники и сотоварищи, онъ проникался идеей народности, восторгался языкомъ, міровоззрѣніемъ, преданіемъ, обычаемъ, поэзіей

своего народа, занимался его исторіей: въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ сблизился съ людьми, въ средѣ которыхъ образовался кружокъ, извѣстный подъ именемъ Кирилло-Меѳодіевскаго. Не будемъ входить въ разборъ того, насколько г. Кулишъ тѣсно или слабо былъ связанъ съ этимъ кружкомъ,—это въ сущности безразлично; довольно сказать, что по своимъ основнымъ вкусамъ онъ вполнѣ сходился съ людьми этого кружка и отличался тѣмъ же особымъ малорусскимъ патріотизмомъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ уже печаталъ свой историческій романъ „Михайло Чарнышенко", поэму „Украина", первыя главы романа „Черная Рада" (въ „Современникѣ" Плетнева); особенно характернымъ его трудомъ этого времени была „Повѣсть объ Украинскомъ народѣ", напечатанная въ маленькомъ журналѣ для юношества „Звѣздочка", г-жи Ишимовой, и отдѣльной книжкой (1847). Книжка тогда же была остановлена и послужила потомъ къ обвиненію г. Кулиша въ преступленіи въ родѣ позднѣйшаго сепаратизма. Изъ разсказовъ о томъ, какъ велось дѣло о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ въ III отдѣленіи, извѣстно, что тамъ какъ на все дѣло, такъ въ частности на идеи г. Кулиша, взглянули въ сильно увеличивающее стекло. На дѣлѣ книжка, разумѣется, не представляла никакой политической опасности и ея нѣкоторыя историческія преувеличенія могли бы и тогда найти совершенно достаточную критическую оцѣнку въ литературѣ, какъ объ этомъ можно судить по замѣткамъ о ней Юрія Самарина, напечатаннымъ въ 1877, но написаннымъ въ 1850 [1]). Основная мысль ея, хотя не высказанная прямо, заключалась въ томъ, что Малороссія могла бы сдѣлаться самостоятельною, еслибы не измѣна дворянства и не владычество Москвы, убившей ея народность [2]). Мысль эта не была тогда чѣмъ-нибудь исключительнымъ; она, безъ сомнѣнія, приходила въ голову многимъ изъ малорусскихъ патріотовъ, отчасти какъ отголосокъ стараго племенного различія, который поддерживался суровостями русской администраціи (послѣднихъ не отвергаетъ и Самаринъ въ своей запискѣ), а отчасти подновлялся появлявшимися тогда на свѣтъ памятниками старой малорусской исторической литературы [3]).

Послѣ того, какъ надъ кружкомъ разразилась извѣстная катастрофа и онъ разсѣялся, г. Кулишъ не покидалъ своихъ прежнихъ интересовъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ приготовилъ двѣ работы, различнымъ образомъ важныя и любопытныя. Онъ напечаталъ

---

[1]) См. „Р. Архивъ", 1877, № 6.

[2]) Противъ этой основной мысли книжки Самаринъ выставилъ весьма категорическія опроверженія.

[3]) Напр., мысли, похожія на взглядъ г. Кулиша, напомнимъ въ приведенныхъ выше выпискахъ изъ предисловія къ пѣснямъ Лукашевича.

въ 1854 г. „Записки о жизни Гоголя“, переработанныя потомъ въ біографію, вышедшую отдѣльно (въ двухъ томахъ, Спб. 1856), а въ 1856—57 издалъ два тома „Записокъ о Южной Руси“, свою главную работу по малорусской этнографіи.

Малорусскія изученія въ эти годы получали мало-по-малу новый оборотъ. Прежній романтическій вкусъ къ малорусской старинѣ началъ смѣняться болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ, собираніемъ и изданіемъ памятниковъ этой старины. Важную грань въ этомъ отношеніи составили труды Бодянскаго, нѣкоторыхъ любителей и основанной въ Кіевѣ архивной коммиссіи. Бодянскій, какъ мы упоминали, развилъ въ сороковыхъ годахъ необычайно трудолюбивую издательскую дѣятельность. Онъ не увлекался романтическими фантазіями, былъ человѣкъ крѣпкаго закала ума и характера, обладалъ обширными историческими знаніями и въ тогдашнемъ состояніи изученій малорусской старины одну изъ главнѣйшихъ потребностей дѣла увидѣлъ въ изданіи тѣхъ многочисленныхъ произведеній старой и новой исторической литературы о Малороссіи, которыя еще мало или совсѣмъ не были утилизированы ея историками. Въ самомъ дѣлѣ, оставались неизданными ни многіе старые лѣтописцы Малороссіи XVII вѣка, ни историческіе опыты малорусскихъ патріотовъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ заключались многія драгоцѣнныя свѣдѣнія. Эти памятники бывали извѣстны прежнимъ историкамъ Малороссіи, какъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій, но продолжали ходить въ рукописяхъ между любителями, и ихъ значеніе, какъ источниковъ, оставалось не опредѣлено критикой. Первымъ приступомъ къ критической исторіи должно было быть именно изданіе этихъ источниковъ, и въ сороковыхъ годахъ это изданіе начато было во-первыхъ въ Кіевѣ, въ трудахъ „Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ“, при кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ; во-вторыхъ въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей. Въ первой же книжкѣ „Чтеній“, изданной Бодянскимъ, начато было печатаніе загадочной „Исторіи Русовъ или Малой Россіи“; затѣмъ, до половины 1848 года напечатаны были въ „Чтеніяхъ“: „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго“, съ предисловіемъ г. Кулиша и Бодянскаго; „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Козакахъ, собранная и составленная черезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года“; „Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ“, Г. Ф. Миллера; другое сочиненіе Александра Ригельмана: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ, и о козакахъ вообще“, къ которому приложены весьма характерныя изображенія малороссіянъ въ старинной одеждѣ (28 литографій въ крас-

ках) и двѣ карты; „Исторія о козакахъ запорожскихъ“; „Записки“ Георгія Конисскаго объ Уніи; „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ“, бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго; „Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣна, до смерти гетмана войска запорожскаго, Зиновія Богдана Хмельницкаго“; „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г.“; „Лѣтопись Густинскаго монастыря“; „Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ“, Станислава Зарульскаго; „Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія“, и множество отдѣльныхъ актовъ, переписки, универсаловъ и т. п., относящихся къ малорусской исторіи. Кіевская коммиссія въ тѣ же годы издала важную лѣтопись Самуила Величка и начала изданіе историческихъ актовъ по южно-русской исторіи. Предпринимались историческія изслѣдованія, какъ, напримѣръ, „Исторія Малороссіи“ Маркевича, правда, уже вскорѣ оказавшаяся мало удовлетворительною, но указывавшая на необходимость цѣльнаго обзора южно-русскихъ событій; таковы были труды Скальковскаго по исторіи Запорожской Сѣчи; упомянутая раньше работа Костомарова по исторіи Уніи; сочиненія о малорусской старинѣ Максимовича, Самчевскаго, Сементовскаго и т. д. Въ эти годы Костомаровъ, вслѣдъ за первыми историческими и этнографическими трудами, подготовлялъ „Богдана Хмельницкаго“, которымъ открылся въ пятидесятыхъ годахъ рядъ его изслѣдованій по малорусской исторіи, Кулишъ—свои „Записки о южной Руси“. Даже внѣ круга подобныхъ спеціалистовъ предпринимались работы, которыя свидѣтельствовали, что интересъ этого изученія бросался въ глаза и людямъ, мало приготовленнымъ въ научномъ отношеніи, но увлекаемымъ массой представлявшихся любопытныхъ этнографическихъ явленій. Очень интересный образчикъ трудовъ этого послѣдняго рода остался въ археологическо-этнографическомъ альбомѣ нѣкоего де-ла-Флиза, 1854 г., хранящемся въ Церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской духовной академіи. Изъ бумагъ, находящихся при альбомѣ, видно, что этотъ де-ла-Флизъ сообщалъ въ Географическое Общество свои климатическія наблюденія по кіевской губерніи, получившія одобреніе Общества по своей полнотѣ и отчетливости; въ этнографіи и археологіи де-ла-Флизъ былъ, очевидно, любитель и хотя въ его трудѣ найдется много недостатковъ, но самая мысль остается замѣчательна, и по настоящую минуту въ нашей литературѣ нѣтъ книги, которая исполнила бы задачу, поставленную де-ла-Флизомъ. Это—сборникъ описаній разныхъ памятниковъ старины и народнаго быта кіевскаго края, и къ описаніямъ прибавлено много акварельныхъ рисунковъ, которые, хотя и

въ 1854 г. „Записки о жизни Гоголя", переработанныя потомъ въ біографію, вышедшую отдѣльно (въ двухъ томахъ, Спб. 1856), а въ 1856—57 издалъ два тома „Записокъ о Южной Руси", свою главную работу по малорусской этнографіи.

Малорусскія изученія въ эти годы получали мало-по-малу новый оборотъ. Прежній романтическій вкусъ къ малорусской старинѣ началъ смѣняться болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ, собираніемъ и изданіемъ памятниковъ этой старины. Важную грань въ этомъ отношеніи составили труды Бодянскаго, нѣкоторыхъ любителей и основанной въ Кіевѣ архивной коммиссіи. Бодянскій, какъ мы упоминали, развилъ въ сороковыхъ годахъ необычайно трудолюбивую издательскую дѣятельность. Онъ не увлекался романтическими фантазіями, былъ человѣкъ крѣпкаго закала ума и характера, обладалъ обширными историческими знаніями и въ тогдашнемъ состояніи изученій малорусской старины одну изъ главнѣйшихъ потребностей дѣла увидѣлъ въ изданіи тѣхъ многочисленныхъ произведеній старой и новой исторической литературы о Малороссіи, которыя еще мало или совсѣмъ не были утилизированы ея историками. Въ самомъ дѣлѣ, оставались неизданными ни многіе старые лѣтописцы Малороссіи XVII вѣка, ни историческіе опыты малорусскихъ патріотовъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ заключались многія драгоцѣнныя свѣдѣнія. Эти памятники бывали извѣстны прежнимъ историкамъ Малороссіи, какъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій, но продолжали ходить въ рукописяхъ между любителями, и ихъ значеніе, какъ источниковъ, оставалось не опредѣлено критикой. Первымъ приступомъ къ критической исторіи должно было быть именно изданіе этихъ источниковъ, и въ сороковыхъ годахъ это изданіе начато было во-первыхъ въ Кіевѣ, въ трудахъ „Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ", при кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ; во-вторыхъ въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ" московскаго Общества исторіи и древностей. Въ первой же книжкѣ „Чтеній", изданной Бодянскимъ, начато было печатаніе загадочной „Исторіи Русовъ или Малой Россіи"; затѣмъ, до половины 1848 года напечатаны были въ „Чтеніяхъ": „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго", съ предисловіемъ г. Кулиша и Бодянскаго; „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Козакахъ, собранная и составленная черезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года"; „Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ", Г. Ф. Миллера; другое сочиненіе Александра Ригельмана: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ, и о козакахъ вообще", къ которому приложены весьма характерны[illegible] женія малороссіянъ въ старинной одеждѣ (28 лит[illegible]

не богаты художественнымъ достоинствомъ, но видимо стараются съ точностію передать описываемые предметы [1]).

„Записки о Южной Руси“ (1856—57) были въ свое время замѣчательнымъ явленіемъ; посвященныя исторіи, а еще больше этнографіи, онѣ не были ни ученымъ трактатомъ, ни голымъ сборникомъ произведеній народной поэзіи, и представили совсѣмъ новую форму этнографическаго изученія. Авторъ вводилъ читателя въ самый процессъ этнографическаго наблюденія: онъ не только сообщалъ старинную думу, сказку, пѣсню, преданіе, но знакомилъ съ самой обстановкой, съ тѣми людьми, въ средѣ которыхъ онъ выслушалъ эти сказанія. Произведеніе народной поэзіи являлось не анекдотическимъ фактомъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ своего корня, а, напротивъ, открывалось передъ читателемъ окруженное тѣми подробностями быта, личныхъ народныхъ характеровъ и понятій, между которыми оно существуетъ въ дѣйствительности. Авторъ разсказываетъ исторію своихъ поисковъ, рисуетъ картинки быта, даетъ портреты своихъ знакомцевъ, пѣвцовъ и кобзарей, и въ результатѣ получается не такой сборникъ, какіе давали обыкновенно прежніе этнографы, сборникъ фактовъ, отъединенныхъ отъ своей почвы, а цѣльная этнографическая картина. Это была счастливая мысль, и книга г. Кулиша встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ, особливо его соотечественниками: она очень понравилась Костомарову, приводила въ восторгъ Шевченка. Въ самомъ дѣлѣ, она указывала средство восполнить недостатокъ, которымъ особенно страдали прежнія собранія: настоящій характеръ народной поэзіи можно понять только въ связи съ условіями, въ которыхъ она рождается или хранится, въ обстановкѣ живыхъ лицъ, которымъ она принадлежитъ. Прежніе этнографы упоминали иногда объ этой средѣ лишь въ сухомъ описаніи обряда, перечисленіи случаевъ, когда поются тѣ или другія пѣсни, или просто въ указаніи мѣстности и имени пѣвца и разсказчика. Здѣсь авторъ даетъ читателю не только эти внѣшнія указанія, но старается понять и нравственное настроеніе этихъ носителей народной поэзіи. Какъ увидимъ, впрочемъ, эта форма можетъ имѣть и свои недостатки.

Отношеніе автора къ народному преданью и поэзіи исполнено самыхъ теплыхъ сочувствій, чисто романтическихъ. Автора увлекала поэтическая сторона народной жизни; самъ народъ представлялся ему живымъ памятникомъ старины: въ немъ хранятся глубочайшія

[1]) См. Указатель Церк.-археолог. музея при Кіевской духовной академіи. Кіевъ, 188[illegible], стр. 1[illegible]. Указаніе содержанія этого альбома см. въ „Описаніи рукописей Церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи“. Н. Петрова. Кіевъ, 187[illegible], вып. I, стр. 1[illegible]—1[illegible].

сокровища народной думы и поэтическаго чувства, которыхъ уже не понимаетъ и не умѣетъ сберечь „цивилизація".

„Надобно сознаться откровенно,—разсказываетъ г. Кулишъ,—что странствуя изъ села въ село по малороссійскимъ губерніямъ, въ періодъ моей юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгрываетъ мелкими отрывками цѣлое малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы (?); и то, что̀ внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ—неопредѣленнымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была все-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

„Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины [1]. Но самъ народъ—такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣянныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія" [2]).

Дѣло собирателей народной поэзіи есть великая заслуга.

„Спасти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста—а это время близко—и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни станутъ искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго собирателя произведеній народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія—не то ли самое, что пріютить живую душу, которая безъ нашей заботливости исчезла бы съ лица земли? Расширять своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній—не значитъ ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значитъ ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лука-

[1]) Это, кажется, было не совсѣмъ справедливо; отчасти такъ говорилъ Лукашевичъ, а другіе, напротивъ, ожидали еще большихъ результатовъ отъ собиранія, и и ожиданія въ большой мѣрѣ потомъ оправдались.

[2]) Зап. о Южной Руси, I, стр. 234—235.

шевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ" [1]).

„Цивилизація" истребляетъ, къ сожалѣнію, лучшее, чтó бываетъ въ простотѣ народныхъ нравовъ и въ чистотѣ чувства, но авторъ не по примѣру другихъ романтиковъ народности, не впадалъ въ безплодныя сожалѣнія объ уходѣ патріархальной поэтической старины и видѣлъ то преемство, какимъ народная старина связана съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества.

Коснувшись вопроса, почему падаетъ старая народная поэзія, почему кобзари не воспѣвали болѣе новыхъ событій, авторъ замѣчаетъ, что причину этого находятъ или въ общемъ упадкѣ малороссійскаго народнаго творчества вслѣдствіе обобщенія національностей (т.-е. малорусской съ господствующею великорусской) или въ отсутствіи старосвѣтской централизаціи Малороссіи.

„Я прибавлю,—замѣчаетъ г. Кулишъ,—третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ—цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній малороссійскаго поэтическаго генія и никоимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ—отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи... Мы и народъ—одно и тоже, по нравственному развитію малороссійскаго населенія; но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша (поэзія) построена прямо на началахъ его изустной словесности (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣе своихъ предшественниковъ, украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности"?... [2]).

Мысли—въ общемъ справедливыя, хотя можно было бы сказать

[1]) Тамъ же, стр. 220—221.
[2]) Тамъ же, I, стр. 180—182.

ихъ проще. Дѣло въ томъ, что народная поэзія вообще исчезаетъ, становится невозможной, когда жизнь становится болѣе сложной— не только съ распространеніемъ „цивилизаціи", но съ усложненіемъ государственнаго быта, когда народная масса, за дѣйствіемъ новаго механизма національной жизни, теряетъ возможность отождествляться съ нею (какъ бывало во времена болѣе патріархальныя) и даже слѣдить за ея явленіями; народъ можетъ слагать эпосъ лишь о томъ, въ чемъ онъ участвуетъ непосредственно, что̀ не выходитъ изъ предѣловъ его пониманія, а сложная государственная жизнь, какъ и сложныя явленія цивилизаціи становятся недоступны этому пониманію.

Далѣе, авторъ столь же справедливо возстаетъ противъ превратнаго представленія цивилизаціи, какъ чего-то враждебнаго истинно народнымъ началамъ. „Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что̀ сюда относится, и „слѣпцы" остались за предѣлами нашего круга... Но она не въ силахъ была расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ народной жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни: а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создаетъ для себя новыя и новыя формы" [1]). Авторъ недоумѣвалъ, что̀ можетъ выдти изъ первыхъ безобразныхъ приложеній этой цивилизаціи въ малороссійскомъ обществѣ, отстававшемъ отъ народа и еще не разумѣвшемъ истинной цивилизаціи, но онъ не терялъ вѣры, что за этой сумятицей понятій скрывается все-таки путь къ дальнѣйшему прогрессу. Какъ скажемъ дальше, въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ г. Кулишъ не разъ возвращался къ изображенію разлада между этой полу-цивилизаціей и непосредственностью народнаго быта.

Авторъ „Записокъ" дѣлаетъ не разъ вѣрныя замѣчанія и по частнымъ вопросамъ этнографіи, какъ напримѣръ о пріемахъ собиранія, объ упадкѣ пѣсенныхъ формъ, какъ напр. забываемая дума переходитъ въ отрывочное преданіе, о причинахъ исчезновенія историческихъ пѣсенъ, о личныхъ типахъ пѣвцо̀въ и т. п.; но рядомъ съ

[1]) Тамъ же, стр. 182—183.

этимъ въ его трудѣ были и крупные недостатки. Авторъ, склонный къ самонадѣяннымъ рѣшеніямъ, между прочимъ и тамъ, гдѣ кромѣ личнаго вкуса требуются точные критическіе пріемы и знаніе фактовъ, слишкомъ легко рѣшалъ нѣкоторые вопросы, для опредѣленія которыхъ не было достаточнаго основанія. Общій пріемъ его этнографическаго описанія, при указанныхъ выше достоинствахъ, имѣетъ и свои скользкія стороны. Описаніе типовъ и нравовъ можетъ достигать этнографической цѣли лишь въ томъ случаѣ, когда это дѣйствительные типы и дѣйствительно обще-народные, а не случайные нравы, иначе описаніе рискуетъ стать только сборомъ анекдотическихъ частностей. Были ли напр. такими вполнѣ типическими тѣ нищіе кобзари, старики и старухи, которыхъ выводитъ г. Кулишъ какъ представителей народнаго преданія? Не нуженъ ли былъ еще рядъ другихъ лицъ того круга, чтобы изъ ихъ сложности выяснилось дѣйствительно типическое народное явленіе? Спасибо, разумѣется, и на томъ, что̀ далъ г. Кулишъ, но для общихъ заключеній тѣхъ данныхъ было мало. Столь же недостаточна параллель между сѣверными и южными русскими сказками [1]), какую г. Кулишъ выставляетъ весьма категорически и которая однако не была и едва ли можетъ быть доказана. Стариковскіе разсказы о видѣніяхъ на томъ свѣтѣ (I, стр. 303—304) любопытны какъ отраженіе народныхъ суевѣрныхъ представленій, но къ нимъ прибавилась не малая примѣсь чисто произвольныхъ фантазій. Далѣе, какъ г. Кулишъ ни считалъ себя авторитетнымъ знатокомъ малорусской поэтической старины, ему случилось впасть въ грубую ошибку, когда онъ принялъ за подлинный остатокъ древняго преданія нескладную поддѣлку, которую пустилъ въ ходъ нѣкто Шишацкій-Иличъ, тогдашній поставщикъ самодѣльныхъ пѣсенъ, выдаваемыхъ за народныя. Авторъ „Записокъ" помѣстилъ въ своей книгѣ „Думу-сказаніе о морскомъ походѣ старшаго князя-язычника въ христіанскую землю" (I, стр. 171—179). Невозможность ея бросается въ глаза и тогда же была указана въ разборахъ книги г. Кулиша [2]).

Далѣе въ „Запискахъ" разсѣяно нѣсколько историческихъ замѣчаній о козацкихъ войнахъ XVI — XVII вѣка и тѣхъ причинахъ, какія въ то время вызвали ожесточеніе между поляками и малороссіянами. Желая быть безпристрастнымъ, авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ статью польскаго историка Михаила Грабовскаго, объяснявшую эти отношенія съ польской точки зрѣнія, а именно, что это ож-

[1]) Тамъ же, II, стр. 12—18.

[2]) См. вообще разборы „Записокъ" въ „Современникѣ" 1857, кн. 1; ст. Костомарова въ „Отеч. Зап." 1857, № 6, 9; Максимовича, въ „Р. Бесѣдѣ", 1857, кн. VI (Сочиненія, I, стр. 248 и д.), и проч.

сточеніе было, собственно говоря, преувеличено со стороны малороссіянъ и вовсе не вытекало изъ владѣльческаго права; что причины его заключаются не въ польскомъ государствѣ и его учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ; что со стороны польскаго правительства вовсе не было систематическаго угнетенія и, напротивъ, правительству и дворянству польскому Малороссія обязана своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, а что причина раздраженія заключалась только въ нѣкоторыхъ личныхъ несправедливостяхъ, которыя были раздуты малороссіянами. Грабовскій не отвергалъ частныхъ несправедливостей, но выходило такъ, какъ будто сами малороссіяне остались виноваты въ ужасахъ козацкихъ войнъ, окончившихся присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ. Г. Кулишъ не отвергалъ аргументаціи Грабовскаго, соглашался, что польское правительство и паны „довели Малороссію до цвѣтущаго состоянія, поощряя сельское хозяйство, ремесла и промыслы“, но прибавлялъ, что въ самомъ малороссійскомъ народѣ, именно въ средѣ козачества, развивалось такое же понятіе о благородствѣ, какимъ гордилась польская шляхта, и что непризнаніе этого понятія съ польской стороны именно послужило причиною ожесточенной борьбы. „Нося оружіе и служа отечеству наравнѣ со шляхтою,—говоритъ г. Кулишъ,— козаки создали себѣ тѣмъ же путемъ, что и она, понятіе о своемъ благородствѣ, и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой, или польской шляхты; а будучи двигателями народныхъ возстаній, они и самому народу украинскому дали почувствовать всю нелѣпость шляхетскаго права, которое уполномочиваетъ одно сословіе глумиться надъ другимъ безнаказанно. Вотъ откуда, по моему, родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и въ этомъ смыслѣ Малороссія и Польша представляютъ едва ли не единственный примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства* (?), къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ прочихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя“ [1]).

Малорусскіе историки, какъ Максимовичъ и самъ Костомаровъ, высоко ставившій „Записки о Южной Руси“, не остались довольны объясненіями г. Кулиша. Дѣйствительно, были гораздо болѣе обширныя и давно извѣстныя причины раздора, кончившагося отдѣленіемъ Малороссіи, а затѣмъ и паденіемъ Польши: кромѣ вопроса соціальнаго, — приведеннаго у г. Кулиша въ странныя рамки вопроса о „шляхетствѣ“,—здѣсь несомнѣнно участвовалъ раздоръ между-племенной и религіозный. Хотѣлъ ли авторъ „Записокъ“ быть оригинальнымъ, или дѣйствительно въ извѣстной степени убѣждался объ-

[1]) Тамъ же, II, стр. 325.

ясненіями польскихъ историковъ, но повидимому здѣсь былъ уже зародышъ тѣхъ мнѣній, съ какими онъ выступилъ потомъ въ „Исторіи возсоединенія",—гдѣ Польша оказывалась уже только благодѣтельницей Украйны, а козаки только дикими и тупыми бунтовщиками... Костомаровъ въ разборѣ „Записокъ" говорилъ объ этомъ „оскорбленномъ чувствѣ человѣческаго достоинства", что, повидимому, авторъ „Записокъ" понималъ это чувство въ его наиболѣе возвышенномъ смыслѣ (такъ какъ считалъ это явленіе едва не безпримѣрнымъ въ исторіи), и въ такомъ случаѣ столь возвышенное пониманіе должно бы отразиться потомъ на собственныхъ политическихъ учрежденіяхъ Малороссіи по ея освобожденіи отъ польскаго владычества; между тѣмъ, въ дѣйствительности, освободившаяся Малороссія установляетъ у себя тѣ же польскіе бытовые порядки... Максимовичъ указывалъ категорически, что какіе бы ни были частные поводы возстаній, была одна главная, господствующая причина: то, что полякамъ казалось „войсковымъ бунтомъ", для православно-русской стороны было—„крестовыми походами". „*Обида православія* была главною, самою чувствительною, горшею обидою для всего южно-русскаго народа, при которой всѣ остальныя обиды были уже второстепенными, и безъ которой всякая изъ остальныхъ обидъ, какъ бы ни велика была, была бы сноснѣе. То была душа всего; то былъ nervus rerum gerendarum" [1]). Другой критикъ замѣчалъ, что „оскорбленное чувство человѣческаго достоинства" вовсе не составляетъ рѣдкости въ исторіи, —потому что оно участвовало во всѣхъ возстаніяхъ угнетенныхъ противъ угнетателей.

Общій выводъ Костомарова о книгѣ былъ самый сочувственный. Высказывая желаніе видѣть продолженіе „Записокъ" г. Кулиша, Костомаровъ говорилъ: „съ его основательнымъ знаніемъ исторіи, этнографіи и языка южнорусскаго края, съ его неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстною любовью къ Украинѣ, наконецъ съ его талантомъ, показаннымъ въ собственныхъ его произведеніяхъ, г. Кулишъ въ настоящее время — *единственный* писатель, на котораго можно полагать надежду въ дѣлѣ развитія малороссійскаго слова и выраженія малороссійскаго элемента въ русской литературѣ".

„Записки о Южной Руси" были главнымъ трудомъ г. Кулиша въ области чистой этнографіи. Раньше онъ сообщилъ нѣсколько пѣсенъ въ сборникъ Метлинскаго, небольшое собраніе пѣсенъ помѣстилъ въ „Запискахъ" и проч., но затѣмъ, кромѣ разныхъ эпизодическихъ замѣтокъ по предметамъ народнаго быта и поэзіи, этногра-

---

1) Сочиненія, I, стр. 272—273.

фическій интересъ сказывается въ другой сторонѣ его литературной дѣятельности—въ беллетристикѣ и критикѣ.

На повѣстяхъ г. Кулиша изъ малорусскаго быта намъ нѣтъ надобности останавливаться [1]). Болѣе или менѣе постоянная тема ихъ есть противопоставленіе людей, затронутыхъ „цивилизаціей", съ тѣми простыми людьми, которые живутъ чистыми преданьями истинно народныхъ нравовъ: насколько первые испорчены мнимой цивилизаціей, при данномъ порядкѣ вещей, и служатъ образчиками распущенности, себялюбія, грубой алчности и всякой моральной заразы, настолько вторые хранятъ задатки нравственной чистоты и достоинства. Эту чистоту народнаго содержанія понимаютъ только истинно образованные люди, какъ герой одной повѣсти г. Кулиша („Майоръ", въ „Р. Вѣстникѣ", 1859), названный Сагайдачнымъ. „Простой народъ нашъ,—думаетъ этотъ Сагайдачный,—есть единственное самостоятельное у насъ общество. Только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждымъ, несвойственнымъ нашей славянской природѣ. *Намъ слѣдуетъ жить съ простолюдинами, слѣдуетъ съ ними родниться.* Въ простолюдинѣ скорѣе найдешь вѣрнаго, искренняго и живого человѣка, чѣмъ въ высшемъ кругу. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблютъ никакіе разсчеты и отношенія". Въ народѣ заключены животворныя начала, которыя должны освѣтить нашу жизнь; съ нимъ надо сблизиться даже по внѣшности и одеждѣ. Герой повѣсти, благородный, просвѣщенный человѣкъ, женится на крестьянской дѣвушкѣ —въ образчикъ этого сближенія. „Сагайдачный—не исключительное явленіе,—замѣчаетъ авторъ.—Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чувства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сферѣ жизни, отъ искусственности ея движеній, за которою уже не видать движеній чисто природныхъ. Уже славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой органъ съ этой стороны въ первенствующемъ нынѣ польскомъ поэтѣ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ чаетъ для своего сердца движенія воды живыя"... Авторъ разумѣетъ стихи Мицкевича—такого содержанія: „Еслибъ я могъ еще дать кому мое сердце, я отдалъ бы его дѣвушкѣ изъ сельскаго дома; я сталъ бы по духу сыномъ, отцомъ своего народа... Трудъ — стоющій жизни, жизнь—стоющая труда".

Г. Петровъ въ своей книгѣ о новѣйшей малорусской литературѣ замѣчалъ, что эта крайняя мысль о сближеніи съ народомъ была

---

[1]) Обзоръ ихъ сдѣланъ въ „Очеркахъ" г. Петрова (Кіевъ, 1884), стр. 270—279.

чисто книжная и притомъ заимствованная изъ чужой литературы... Мысль была дѣйствительно книжная, но была не чужда и нашимъ писателямъ, не знавшимъ совѣтовъ Мицкевича и руководившимся собственными соображеніями: наши новеллисты, живописавшіе (въ пятидесятыхъ годахъ) народную жизнь, изображали уже любовь просвѣщенныхъ баръ къ крестьянскимъ дѣвушкамъ, какъ средство отъ общественнаго недуга. Ссылка на свѣжее и просвѣщенное славянское общество въ данномъ случаѣ не особенно убѣдительна: общество польское едва ли не больше всѣхъ славянскихъ отличалось и еще отличается крайне высокомѣрнымъ отношеніемъ къ жителямъ „сельскаго дома".

Очевидно, что отношеніе г. Кулиша къ народному быту и скрытымъ въ немъ живительнымъ началамъ не было простое, а порядочно искусственное, хотя, можетъ быть, въ ту минуту и искреннее. Изображенія сельскаго быта сентиментальны, придуманы, и самыя средства исцѣленія общества народными началами немного простодушны. Правда, что въ то время дѣйствительно бывали случаи въ родѣ того, какой описывается въ повѣсти г. Кулиша,—но эти случаи были слишкомъ рѣдки, чтобы оказать какое-нибудь вліяніе, тѣмъ больше, что результаты были пока въ будущемъ; впослѣдствіи случалось, что свѣжія особы изъ народа въ довольно непродолжительномъ времени такъ или иначе обдѣлывались въ новомъ кругу подъ общую мѣрку и не исполняли своего, такъ сказать, лекарственнаго назначенія.

Повѣсти г. Кулиша мало прибавили къ разъясненію отношеній образованнаго общества къ народу: „общество" рисуется у него больше въ карикатурномъ видѣ, и читатель недостаточно видитъ источникъ этой карикатурности въ условіяхъ жизни цивилизованной, какъ съ другой стороны остаются недоказанными идиллическія свойства жизни простонародной. Усвоеніе народной внѣшности и одежды было также средство испробованное и въ русскомъ обществѣ, но какъ извѣстно, не привело ни къ какимъ результатамъ, кромѣ забавныхъ или печальныхъ qui pro quo.

Другая область, гдѣ сказались еще этнографическія идеи г. Кулиша, была литературно-историческая критика. Цѣлый рядъ его трудовъ этого рода появлялся въ журналѣ „Основа" (1861—1862), въ видѣ статей о старой украинской литературѣ и разборовъ новѣйшихъ писателей. Для образчика можно взять его разборъ малороссійскихъ повѣстей Гоголя: онъ характеренъ и какъ примѣръ сужденій г. Кулиша о великомъ русскомъ писателѣ, вышедшемъ именно изъ малорусской среды, о которомъ еще недавно самыхъ восторженныхъ, а теперь крайне строгихъ, почти презрительныхъ, и какъ

примѣръ того высокаго мнѣнія, какое г. Кулишъ уже возъимѣлъ о себѣ, какъ историкъ и этнографъ.

По смерти Гоголя г. Кулишъ (лично, впрочемъ, никогда не знавшій этого писателя) предпринялъ составить его біографію, собралъ для нея много любопытнаго матеріала, напр., разсказовъ о немъ, переписки и т. п. Въ результатѣ явились „Записки о жизни Гоголя“, напечатанныя сначала въ „Современникѣ“ 1854, подъ буквами Н. М. [1]), потомъ отдѣльной книгой, уже съ его именемъ, въ 1856, въ двухъ томахъ. Потому ли, что впечатлительный писатель увлекся въ теченіе работы предметомъ жизнеописанія и вмѣстѣ поддался тому одушевленію, съ какимъ общество и литература говорили тогда о великомъ только-что потерянномъ писателѣ, или опять это было давнее и искреннее отношеніе автора къ Гоголю, но оба изданія „Записокъ о жизни Гоголя“ проникнуты величайшимъ къ нему почтеніемъ и сочувствіемъ: писатель былъ такъ идеализованъ, что для самыхъ ревностныхъ поклонниковъ Гоголя изображеніе, сдѣланное г. Кулишомъ, показалось натянуто и преувеличено. Ни въ личномъ характерѣ, ни въ сочиненіяхъ Гоголя почти не оказывалось пятнышка. Впослѣдствіи самъ авторъ біографіи сознавался, что немного „пересвѣтлилъ“ свое изображеніе Гоголя... Въ то же самое время г. Кулишъ работалъ надъ изданіемъ сочиненій Гоголя (6 томовъ, Спб. 1857; два тома переписки), которое осталось до сихъ поръ единственнымъ, гдѣ собрана переписка Гоголя. Трудъ надъ Гоголемъ составилъ (при всей односторонности біографіи) одну изъ лучшихъ литературныхъ заслугъ г. Кулиша. Тѣмъ страннѣе — и печальнѣе для литературнаго характера г. Кулиша—было увидѣть черезъ какіе-нибудь три, четыре года, съ какимъ усердіемъ г. Кулишъ принялся разрушать тотъ ореолъ, какимъ самъ окружилъ Гоголя.

Г. Кулишъ былъ теперь въ новомъ настроеніи. Благопріятное впечатлѣніе, произведенное „Записками о Южной Руси“, повидимому, увѣрило его, что онъ является самымъ компетентнымъ судьей въ вопросахъ малорусской этнографіи. Эпоха изданія „Основы“, въ условіяхъ тогдашняго общественнаго одушевленія, повидимому, наполняла его мыслью, что наступалъ новый періодъ малорусской литературы и общественности, въ которомъ онъ призванъ быть если не пророкомъ, то наставникомъ и руководителемъ. „Основа“ наполнилась множествомъ его работъ историческихъ, беллетристическихъ и критическихъ, и гдѣ, между прочимъ, онъ хотѣлъ опредѣлить историческое значеніе прежнихъ писателей малорусской литературы или

---

[1]) Въ царствованіе имп. Николая г. Кулишу послѣ кіевской исторіи не было разрѣшено писать, и его имя не могло являться въ печати.

къ ней прикосновенныхъ. Передъ тѣмъ, въ 1858, онъ сдѣлалъ изданіе малорусскихъ повѣстей Квитки, къ которому прибавилъ введеніе, объяснявшее великія достоинства и значеніе этого писателя; надо было теперь опредѣлить и достоинство повѣстей Гоголя изъ малорусскаго быта съ ихъ стороны этнографической.

Рѣдко критика бывала столь сурова къ знаменитому писателю, какъ критика г. Кулиша, еще такъ недавно превозносившая его до небесъ.

Начало этому дѣлу было положено, впрочемъ, еще раньше. Въ 1857 въ „Русской Бесѣдѣ" печатался историческій романъ г. Кулиша „Черная Рада". Въ Эпилогѣ, авторъ романа (вышедшаго въ то же время на малорусскомъ языкѣ) нашелъ нужнымъ объяснить значеніе своего произведенія, а также появленіе его на малорусскомъ языкѣ. Оказывалось, что малороссійскій переводъ былъ нуженъ потому, что на русскомъ языкѣ невозможно выразить всѣхъ тонкихъ подробностей южно-русскаго быта и нельзя было сохранить южно-русскаго колорита. Эпилогъ поражалъ нѣкоторыми странностями. Въ началѣ его, авторъ съ негодованіемъ отвергалъ предположеніе, будто, издавая романъ на малорусскомъ языкѣ, онъ стремился къ созданію особой малорусской литературы: „вообразятъ, пожалуй, — говорилъ онъ,—что я пишу подъ вліяніемъ узкаго мѣстнаго патріотизма и что мною управляетъ желаніе *образовать отдѣльную словесность* въ ущербъ словесности общерусской"; одна необходимость вынудила его обратиться къ помощи малорусскаго языка: „Волею и неволею, я долженъ былъ оставить общій литературный путь и сдѣлать поворотъ на дорогу, едва проложенную, и для такого произведенія, какъ историческій романъ, представляющую множество ужасающихъ трудностей. Я былъ приведенъ къ ней томительнымъ чувствомъ художника и человѣка, напрасно борящагося съ невозможностію выразить свои задушевныя рѣчи". Это стоило ему великихъ усилій и пожертвованій: ему надо было отказаться отъ удовольствія быть прочитаннымъ уважаемыми имъ великорусскими писателями; надо было выдержать порицаніе людей, „которые все то считаютъ пустяками, чего не знаютъ"; но онъ, не смотря на то, исполнилъ свою задачу. „Я долго изучалъ южно-русскій языкъ въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, не знающими другого языка, и раскрывшіяся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ малороссіянинъ, именно— написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ". Но постигая труд-

ности задуманнаго дѣла, г. Кулишъ убѣдился, въ тоже время, въ великихъ недостаткахъ малорусскихъ повѣстей Гоголя. Нѣкогда [1]) онъ восхищался „Тарасомъ Бульбой", какъ и всѣми вообще малорусскими повѣстями Гоголя; теперь оказывалось, что эти повѣсти, не исключая и знаменитаго романа, преисполнены величайшими недостатками. „Судя строго,—говорилъ г. Кулишъ въ своемъ Эпилогѣ, —малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ этнографической и исторической истины... Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя. Онъ брался за исторію, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это „Тарасомъ Бульбою", въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ". „Тарасъ Бульба" былъ произведеніе „эффектное, потѣшающее воображеніе, но мало объясняющее народную жизнь". Въ своемъ взглядѣ на малороссійскую словесность [2]) г. Кулишъ заявлялъ уже категорически, что Гоголь не зналъ демократической Малороссіи и изображалъ ее, какъ „баринъ", видящій одно смѣшное въ „мужикѣ". Въ противоположность легкомысленному отношенію Гоголя къ малорусской старинѣ и современному народному быту, являлся г. Кулишъ съ глубокимъ знаніемъ того и другого. „Я, — говорилъ онъ опять въ Эпилогѣ,—подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое (т.-е. „Черная Рада") вышло не романомъ, а хроникою въ драматическомъ изложеніи. *Не забаву праздную воображенія*—имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ всего того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость слiянія въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ".

Критика не могла обойти этихъ самонадѣянныхъ осужденій Гоголя, надъ которымъ г. Кулишъ видимо ставилъ самого себя, и весьма категорическій отпоръ ему сдѣланъ былъ тогда же въ дѣльной и иногда тонкой статьѣ Максимовича [3]). Послѣдній могъ судить о дѣлѣ тѣмъ болѣе, что самъ хорошо зналъ Гоголя и степень его свѣдѣній въ малорусской исторіи, пѣсняхъ, бытѣ и т. д. Онъ удостовѣрялъ

[1]) А именно, не дальше какъ за годъ передъ тѣмъ, или еще меньше („Зап. о жизни Гоголя"—1856).

[2]) Въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1857, № 24.

[3]) Объ историческомъ романѣ г. Кулиша, „Черная Рада", въ „Русской Бесѣдѣ", 1858, и въ Собраніи сочиненій, т. I, стр. 515—531.

г. Кулиша, что Гоголь очень достаточно зналъ исторію Малороссіи и ея народную жизнь, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе „многихъ нынѣшнихъ писателей малороссійскихъ", но что свойство его поэтическаго генія было таково, что дѣйствительную жизнь онъ пересоздавалъ и переображалъ въ новое бытіе, художественно образцовое. Максимовичъ успокоивалъ г. Кулиша и въ другомъ отношеніи. По словамъ послѣдняго выходило такъ, что правильное уразумѣніе малорусской исторіи начинается только съ его собственныхъ трудовъ въ этой области; во время Гоголя „не было возможности знать Малороссію больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, *преемники Гоголя въ самопознаніи*, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь". Максимовичъ сосчитываетъ литературу по исторіи Малороссіи и выясняетъ, что открытія г. Кулиша въ этой области играютъ весьма скромную роль въ движеніи малорусской исторіографіи. Что касается до романа самого г. Кулиша, то Максимовичъ и здѣсь былъ не совсѣмъ удовлетворенъ: онъ зналъ, что романистъ не обязанъ такой строгой покорностію передъ фактами, какъ историкъ, но если г. Кулишъ, въ противоположность Гоголю, „всего себя подчинялъ былому" и самое произведеніе свое предпочелъ назвать хроникою, то отъ него требовалось и больше уваженія къ историческимъ фактамъ,—между тѣмъ, въ романѣ оказывалось достаточно историческихъ ошибокъ.

Можно было бы не останавливаться на этой полемикѣ, еслибы не шелъ вопросъ о такомъ крупномъ явленіи, какъ дѣятельность Гоголя, и еслибы г. Кулишъ не присвоивалъ себѣ самъ и не считали за нимъ другіе [1]) роли особеннаго знатока всего малорусскаго.

Главное нападеніе на Гоголя произведено было нѣсколько позднѣе по поводу „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки". Отпоръ Максимовича въ вопросѣ о „Тарасѣ Бульбѣ" побудилъ г. Кулиша „взяться вновь за критическую работу надъ повѣстями Гоголя"—въ „Основѣ"; Максимовичъ продолжалъ защиту Гоголя—въ „Днѣ" [2]). Эта полемика теперь довольно забыта и статьи Максимовича не повторены въ собраніи его сочиненій; потому не лишнее напомнить нѣсколько подробностей объ этомъ примѣненіи этнографіи къ критикѣ Гоголя.

Максимовичъ считалъ, что ему было бы несправедливо остаться безотвѣтнымъ на то, чтó сказалъ, и собирался сказать о Гоголѣ г. Кулишъ „съ свойственной ему *чрезмѣрностью*": „грустно видѣть, какъ неоглядно и самопроизвольно, въ послѣдніе годы, онъ судитъ и ря-

---

[1]) См. приведенный выше отзывъ Костомарова.

[2]) 1861, № 3, 5, 7, 9; 1862, № 13.

дитъ о малороссійскихъ писателяхъ и всей малороссійской словесности, будучи въ то же время самымъ ревностнымъ поборникомъ этой словесности"...

Чтобы оцѣнить „чрезмѣрность" г. Кулиша, надо сравнить, въ какомъ тонѣ онъ говорилъ о повѣстяхъ Гоголя прежде и теперь. „Надобно быть жителемъ Малороссіи,—писалъ онъ въ біографіи,—или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія [1]), не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи".—Теперь онъ совсѣмъ не узнаётъ въ повѣстяхъ Гоголя этой малорусской жизни; тотъ юморъ знаменитыхъ повѣстей, который такъ захватывалъ русскихъ и малорусскихъ читателей Гоголя, раздражаетъ критика, кажется ему каррикатурой и простымъ незнаніемъ малорусской жизни, которыя могутъ восхищать развѣ только „столичныхъ типографскихъ наборщиковъ" [2]). Максимовичъ замѣчаетъ: „Я и на старости люблю по прежнему, какъ украинскую весну, веселость первыхъ повѣстей Гоголя, которыми онъ заставилъ смѣяться весь читающій русскій міръ, отъ типографскихъ наборщиковъ до Крылова и Пушкина и до комическаго актера Щепкина, такъ близко знавшаго тогдашнюю жизнь Украины, простонародной и панской. Смѣхъ, возбужденный 20-лѣтнимъ Гоголемъ, былъ всеобщій, независимый отъ знанія или незнанія Украины читателями, не проходящій и донынѣ. Ибо и теперь многіе земляки мои, знающіе Украину съ этнографической стороны не менѣе г. Кулиша, не могутъ читать повѣстей Гоголя безъ смѣха, безъ слезъ и безъ восторга".

Г. Кулишъ утверждалъ, съ одной стороны, что Гоголь и въ свое время не зналъ малорусской жизни, напр., неправильно описывалъ народные обычаи, какъ баринъ не понималъ народнаго духа и характера, представляя себѣ мужика только смѣшнымъ; съ другой стороны, что съ тѣхъ поръ народилось новое, болѣе глубокое знаніе Малороссіи и ея народа,—знаніе, при которомъ взглядъ Гоголя способенъ возбуждать настоящее негодованіе. Подразумѣвалось или даже говорилось ясно, что это новое знаніе создали новые малорусскіе писатели, „преемники Гоголя въ самопознаніи".

---

[1]) Къ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки".

[2]) Критикъ разумѣетъ извѣстный анекдотъ, разсказанный Пушкинымъ и приводившій его въ восхищеніе, какъ наборщики помирали со смѣху, набирая повѣсти Гоголя.

Тотъ Гоголь, который, по вчерашнему мнѣнію г. Кулиша, такъ удивительно воспроизводилъ малороссійскую жизнь, теперь оказывался въ ней грубо невѣжественнымъ. „Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотритъ самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и научной точки зрѣнія безъ пособія народовѣдѣнія". Въ другомъ мѣстѣ: „Еслибы Гоголь, при своемъ истинно-творческомъ дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какѣ знатокъ простонародной Украины, онѣ однѣ навели бы его перо совсѣмъ на иную сторону, и тогда бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія картины природы въ „Сорочинской Ярмаркѣ", сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ". Или: „Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но не узнавшему ее въ такой степени, чтобы своими повѣстями не *профанировать* своего народа и собственнаго великаго таланта?" Или еще: „Что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ *въ тысячу разъ больше* противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ взросшіе среди своего народа, находятъ многія концепціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными, и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что прежде ихъ смѣшило". Въ концѣ концовъ Гоголь оказывался, какъ повѣствователь о малорусскомъ бытѣ, гораздо ниже Квитки, а Квитка и Шевченко, по мнѣнію г. Кулиша, „были великими духами, которые уже давно вселились въ насъ и ведутъ насъ назнаменованною отъ самого Бога (!) дорогою". Квитка и Шевченко приравнивались ни много, ни мало какъ къ Вальтеръ-Скотту и—Шекспиру.

Максимовичъ на всѣ эти приговоры отвѣчалъ напоминаніемъ дѣйствительныхъ фактовъ и настоящихъ размѣровъ литературныхъ явленій, которыя такъ перепутались въ критикѣ г. Кулиша. Не было надобности много спорить относительно сопоставленія Квитки съ Шекспиромъ, но относительно народовѣдѣнія, будто бы сдѣлавшаго такіе громадные успѣхи со временъ Гоголя, Максимовичъ отвѣчаетъ фактами. „Такіе люди, которые содержали въ умѣ своемъ народныхъ

пѣсенъ, сказокъ ли, или пословицъ, въ *тысячу* разъ больше Гоголя — не люди, а небылицы въ лицахъ. Еслибы всѣхъ украинскихъ пѣвцовъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтія сложить въ одного человѣка, и тотъ не зналъ бы даже во сто разъ больше Гоголя народныхъ украинскихъ пѣсенъ. Какъ бывшій собиратель ихъ съ 1827 г., я обращаюсь ко всѣмъ другимъ собирателямъ: слышалъ ли, записалъ ли кто-нибудь изъ нихъ 25 тысячъ украинскихъ пѣсенъ? Да еслибы и собралъ кто такое богатство—оно было бы только вдесятеро больше того, какое было подъ рукою Гоголя въ 1834 году передъ сочиненіемъ Тараса Бульбы".

Максимовичъ слѣдилъ шагъ за шагомъ обвиненія г. Кулиша противъ Гоголя въ подробномъ разборѣ „Сорочинской Ярмарки" и находитъ, что всѣ эти обвиненія, напр. относительно характера малороссійскихъ вечерницъ, относительно смѣшныхъ прозваній героевъ Гоголевской повѣсти, относительно времени и мѣста сватовства Грицька, наконецъ, свадьбы, лишены основанія, что Гоголь нигдѣ не ошибся противъ народнаго обычая, зналъ хорошо подробности нравовъ и обнаруживаетъ это знаніе часто до самыхъ мелкихъ частностей. Свои объясненія Максимовичъ даетъ, конечно, съ доказательствами въ рукахъ, съ цитатами изъ пѣсенъ и т. п. Гоголь, по мнѣнію г. Кулиша, вообще относится къ малороссійской жизни очень грубо, не понимаетъ ея задушевнаго тона, скромныхъ нравовъ и т. п.: такъ, напримѣръ, Гоголь далъ своимъ героямъ такія прозванія, которыя малороссійскому крестьянину „стыдно произнести въ своемъ обществѣ". Максимовичъ доказываетъ, что щепетильность малороссійскаго крестьянина въ своемъ обществѣ вовсе не такъ велика, что и нравы, и пѣсни допускаютъ большую простоту и нецеремонность выраженій, при которой слова, употребленныя Гоголемъ, не представляютъ ничего необыкновеннаго. Онъ доказываетъ также, что нѣкоторыя подробности разсказа, гдѣ строгій критикъ видитъ нарушеніе обычая, и у самого Гоголя изображены именно въ условіяхъ исключительныхъ и опять не представляютъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго. Въ концѣ концовъ г. Кулишъ торжественно отрицался отъ Гоголевыхъ украинцевъ и провозглашалъ это отрицаніе, по замѣчанію Максимовича, на подобіе старинныхъ универсаловъ: „Мы, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, *объявляемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ,* что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевыхъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры и угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣйствуютъ не по-украински, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ

землякамн не можемъ“. Максимовичъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ и отвергъ украинство самого г. Кулиша: „такое универсальное отреченіе и объявленіе отъ лица всѣхъ украинцевъ,—говорилъ онъ,—должно показаться для нихъ очень страннымъ—уже и потому, что г. Кулишъ—не настоящій украинецъ, а сѣверянинъ, изъ того конца Малороссіи, жители которой издавна зовутся на Украинѣ, хотя неправильно, литвинами, литвою“.

Въ чемъ же была подкладка этихъ нападеній на малороссійскія повѣсти Гоголя? Оставляя въ сторонѣ личные вкусы и капризы, которые, очевидно, играли здѣсь свою роль, новѣйшія требованія критика исходили также изъ его теперешняго представленія о бытовомъ характерѣ малороссійскаго народа. Это представленіе сказывалось въ немъ и раньше, напр., въ „Запискахъ о Южной Руси“, но теперь развилось до послѣдняго предѣла: малороссійскій народъ казался ему образцомъ нравственнаго достоинства, идиллической патріархальности, чистоты нравовъ и т. п. Наилучшимъ выраженіемъ этихъ свойствъ малорусскаго характера казались ему сантиментальныя повѣсти Квитки, котораго онъ недавно передъ тѣмъ издавалъ и превознесъ до сравненія съ Шекспиромъ. Это была крайняя идеализація малорусскаго народа въ сантиментальномъ родѣ, натянутая до потери всякаго чувства дѣйствительности, и опять—произвольный романтизмъ. Степень его научнаго значенія понятна.

Но обѣ стороны забыли въ этомъ спорѣ объ одномъ. Если всѣ признають, что историческій романистъ или драматургъ не обязаны къ мелочному соблюденію историческихъ фактовъ, и если дается извѣстная льгота ихъ собственной фантазіи, то подобное право очевидно принадлежитъ и повѣствователю изъ народнаго быта: довольно, если его картина въ цѣломъ схватываетъ характеръ народнаго быта или извѣстную его сторону, но затѣмъ онъ есть все-таки поэтъ, а не этнографъ.

Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ г. Кулишъ давалъ еще нѣсколько разъ образчики подобнаго историческаго и этнографическаго произвола: онъ еще нѣсколько разъ свергалъ тѣхъ идоловъ, которымъ наканунѣ поклонялся, не исключая и тѣхъ, съ которыми связана была его собственная личная жизнь и совмѣстная дѣятельность „на пользу украинскаго народа“. Такъ въ „Исторіи Возсоединенія“ онъ съ презрѣніемъ говорилъ о Шевченкѣ („пьяная муза“), для котораго не находилъ прежде достаточныхъ словъ восторга, а потомъ, въ „Хуторной поэзіи“, снова воздвигалъ ему алтарь и окружалъ восхваленіями [1]).

[1]) См. названныя выше статьи Костомарова, брошюру Мордовцова; укажемъ еще ст. газеты „Трудъ“, 1882, № 48; Кіев. Старину“, 1882, II, стр. 509—519; Ateneum, 1885, Lipiec: Zarysy ruchu literackiego Rusinow, стр. 96—98, и др.

Въ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ г. Кулишъ относится съ великимъ презрѣніемъ къ общимъ украинскимъ увлеченіямъ ихъ молодости [1]; эти увлеченія естественно кажутся таковыми для людей старыхъ, но при всемъ томъ сохраняется обыкновенно и у старыхъ людей бережное любящее чувство къ той порѣ жизни, когда въ ея порывахъ сказывалось безъ сомнѣнія больше свѣжаго, неиспорченнаго чувства: для г. Кулиша это только—„комическій и грустный (?) предметъ" [2]. Въ „Исторіи Возсоединенія Руси" (т. 1-й) г. Кулишъ рѣзко напалъ на Костомарова, который, по его словамъ, принялъ его опроверженія очень благодушно; во второмъ томѣ готовились еще болѣе рѣзкія нападенія, „о которыхъ,—говоритъ г. Кулишъ,—теперь вспоминаю *со стыдомъ и раскаяніемъ*, оправдывая себя только болѣзненнымъ состояніемъ, которое заставило меня немедленно оставить Петербургъ по напечатаніи второго тома" [3]. Надо полагать, что въ болѣзненномъ состояніи писанъ и новѣйшій трудъ г. Кулиша, гдѣ опять, черезъ три года послѣ сейчасъ цитированныхъ „воспоминаній", находятся дикія выходки противъ Костомарова.

Въ 1888—89, г. Кулишъ издалъ новую книгу на ту же тему, какъ „Исторія Возсоединенія" [4]. Это—не столько исторія, сколько памфлетъ, направленный противъ той малорусско-козацкой старины, которою нѣкогда самъ авторъ восторгался, и противъ ея патріотическихъ историковъ, особливо Костомарова. Старая козацкая исторія есть не что иное, какъ исторія грабительскаго и безнравственнаго скопища; козаки, воюя съ Польшей, воевали вовсе не въ защиту вѣры, къ которой были совершенно равнодушны, а просто для грабежа и буйства; прославленный освободитель Малороссіи, Хмельницкій, былъ безнравственный человѣкъ, разбойникъ и предатель... Въ послѣднихъ словахъ 2-го тома авторъ характеризуетъ трудъ Костомарова о Хмельницкомъ какъ „одичалую въ нашей украинщинѣ Кліо", и по поводу одного эпизода, изображающаго воинственное движеніе на Украйнѣ, пишетъ: „По этому дикому восторгу, встрѣчен-

---

[1] Они не были, однако, младенцы: въ концѣ 1844, когда началась ихъ дружба, Костомарову было 27, г. Кулишу 25 лѣтъ.

[2] Новь, 1885, № 13, стр. 61. Читателю предоставляется сообразить, что Костомаровъ остался навсегда на этой жалкой ступени,—потому что остался любителемъ малорусской исторической старины,—а г. Кулишъ сталъ гораздо превыше его.

[3] Тамъ же, стр. 74.

[4] „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654)", три тома, изданные въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. ист. и древн. 1888, кн. 2-я и 4-я; 1889, кн. 1-я. Отмѣтимъ еще, что передъ тѣмъ издано было въ „Чтеніяхъ", еще при Бодянскомъ, важное сочиненіе Крижанича: „Малорусскіе козаки между Россіей и Польшей въ 1659 году по взгляду на нихъ серба Юрія Крижанича", съ предисловіемъ г. Кулиша („Чтенія", 1876, кн. 3-я, стр. 109—124).

ному похвалами дикой критики, можно судить, какова была дикость козако-татарскаго нашествія, совершавшагося болѣе чѣмъ за два столѣтія до нашего времени".

Эта книга произвела такое впечатлѣніе. Московскому Обществу исторіи и древностей, напечатавшему сочиненіе на страницахъ „Чтеній", пришлось оправдываться отъ укоровъ ревностнаго историка-патріота, г. Кояловича, который написалъ о книгѣ г. Кулиша слѣдующее [1]): „*Краковъ* и *Москва* протягиваютъ другъ другу руки для скрѣпленія новаго союза, отъ котораго можетъ затрещать по всѣмъ направленіямъ русское строеніе въ Западной Россіи. Краковскіе ученые начинаютъ славить сильную власть Москвы, стараются... и западную Россію приманить къ себѣ усиленнымъ всѣми выдумками блескомъ своей исторической цивилизаціи. Къ удивленію, и изъ Москвы направляется къ этому самому блеску польской цивилизаціи славить ее и срамить все русское въ западной Россіи, старый малорусскій грѣховодникъ Кулишъ, печатающій въ Москвѣ новый свой трудъ",—и г. Кояловичъ собирался еще говорить о „неудержимой страсти г. Кулиша мѣнять научныя и общественныя позиціи" [2]). Въ защиту Общества выступилъ Геннадій Карповъ (ум. 1890), разсматривавшій сочиненіе до печати: онъ устранялъ солидарность Общества съ историко-политическими взглядами г. Кулиша, и объяснялъ, что сочиненіе его принято было какъ изслѣдованіе—„въ предѣлахъ находившихся у автора подъ руками источниковъ и пособій составленное добросовѣстно", но за которое авторъ отвѣчаетъ самъ, и напечатаніе сочиненія являлось притомъ дѣломъ научнаго безпристрастія. Въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи книги, Карповъ указалъ, что въ противо положность писателямъ, выставлявшимъ (не всегда точно) во главѣ своихъ трудовъ длинные списки историческихъ источниковъ, въ книгѣ г. Кулиша почти не имѣется ссылокъ; что ему неизвѣстно было сочиненіе самого Карпова („Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго", 1873), такъ что онъ выдавалъ за свои нѣкоторые выводы, которые уже раньше были сдѣланы Карповымъ; что г. Кулишъ, владѣя сполна источниками польскими, далеко не овладѣлъ русскими, такъ что, напр., изъ „Актовъ южной и западной Россіи" зналъ одинъ третій томъ (изданный имъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ въ 1862), когда ихъ всѣхъ четырнадцать; Карповъ дѣлалъ кромѣ того упрекъ самому изданію „Актовъ", подъ редакціей Костомарова и Кулиша, въ одностороннемъ подборѣ документовъ... Въ одномъ Кар-

---

[1]) Въ газетѣ „Правда", 1889, № 1.

[2]) Подразумѣвается удаленіе г. Кулиша въ Австрію, дѣятельность въ Галиціи, гдѣ онъ дружилъ съ поляками, потомъ возвращеніе въ Россію и новѣйшее писательство.

новъ отдавалъ справедливость труду г. Кулиша: „въ русской литературѣ такія талантливыя описанія аристократической жизни польскаго общества конца XVI и первой половины XVП вѣка рѣдко встрѣчаются: идеалы этого общества, его ничтожество, пошлость и т. п. изображены г. Кулишомъ превосходно. Интеллигентный малороссъ всегда ближе къ польскому шляхетскому обществу, чѣмъ къ московскому-великороссійскому; его даже можно считать членомъ перваго (!). Никто лучше не зналъ польскаго аристократическаго общества (ужъ очень тамъ хорошо живется), какъ страшный губитель шляхты—Богданъ Хмельницкій. Дѣло въ томъ, что онъ до старости всѣми помыслами души стремился сдѣлаться членомъ этого общества, но былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ: въ этомъ отношеніи польская аристократія купила себѣ горе да на свои гроши. Г. Кулишъ знаетъ польское аристократическое общество пожалуй не хуже Богдана Хмельницкаго“ (?). При третьемъ и послѣднемъ томѣ книги г. Кулиша Карповъ напечаталъ обширное (104 стр.) дополненіе или поправку по одному пункту его сочиненія: „Въ защиту Богдана Хмельницкаго“. Общій взглядъ критика можетъ быть понятъ изъ слѣдующихъ его словъ: „За послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ,—говорилъ Карповъ,—въ литературѣ по исторіи Малороссіи вновь напущено столько туману, что является необходимость, сколько возможно, разсѣять эти новыя выдумки. Изданное теперь обширное сочиненіе г. Кулиша даетъ наилучшій поводъ приступить къ этому дѣлу: оно при талантливомъ, общедоступномъ и даже иногда блестящемъ изложеніи, кажется, *совмѣщаетъ въ себѣ весь этотъ туманъ*... Воображеніе г. Кулиша и его фантазія поразительны; его жажда къ переворотамъ въ наукѣ положительно подавляетъ читателя; все это представляетъ богатѣйшій матеріалъ не только для журнальной полемики и критики, но и дѣйствительно даетъ поводъ къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Послѣднее необходимо прежде всего для того, чтобы поставить многое *на прежнее мѣсто*, такъ какъ г. Кулишъ, „ничтоже сумняся“, кажется, все по исторіи Малороссіи вывернулъ на изнанку или поставилъ вверхъ ногами. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Кулиша представляетъ, съ *отрицательной* стороны, крупное научное значеніе; но, къ прискорбію, появленіе на свѣтъ подобныхъ сочиненій возбуждаетъ страсти и мѣшаетъ спокойному обсужденію и разработкѣ научныхъ вопросовъ“. Послѣднее замѣчаніе можетъ быть излишне для дѣйствительно научной критики; но вѣрно, что главное значеніе новѣйшаго труда г. Кулиша, а также и многихъ прежнихъ, есть именно отрицательное, какъ настоятельнаго вызова къ новымъ преслѣдованіямъ предмета. Въ настоящемъ случаѣ дѣло пришло къ оригинальному результату: московскій патріотъ выступилъ

на защиту героя малорусской старины противъ бывшаго рьянаго украинофила...

Г. Дашкевичъ, отмѣчая новѣйшія теоретическія и историческія блужданія г. Кулиша, опровергаетъ тѣхъ, кто думаетъ, что онъ „сталъ проповѣдывать взгляды и идеи *прямо противоположныя* прежнимъ его убѣжденіямъ“; г. Дашкевичъ думаетъ, что „исходный пунктъ дѣятельности Кулиша, горячая любовь къ родному племени и слову, остался тотъ же; уцѣлѣло въ Кулишѣ и прежнее народничество, а равно остался неизмѣннымъ взглядъ на задачи украинской литературы; измѣнился лишь взглядъ на отношенія племенъ польскаго и южнорусскаго, на козачество и на его пѣсни и лѣтописи“ [1]). Но „прямая противоположность“ многому, чтò исповѣдовалось прежде, несомнѣнно существуетъ, и желчная озлобленность, образчики которой мы приводили, указываетъ на совсѣмъ иную формацію мыслей, гдѣ не легко сказать—чтò осталось отъ прежняго. Понятно, что новѣйшіе историческіе и политическіе взгляды бывшаго украинофила должны отразиться и на оцѣнкѣ многихъ явленій народной поэзіи и народно-бытовыхъ представленій. Желчность завела г. Кулиша такъ далеко, что онъ постоянно впадаетъ въ односторонность, не видитъ событій въ ихъ широкомъ историческомъ значеніи и—едва ли не перестаетъ понимать свой народъ.

Мы должны еще вернуться назадъ, къ первой порѣ новѣйшаго украинофильства и упомянуть о журналѣ „Основа“ (1861—1862), въ которомъ соединились нѣкогда труды главныхъ дѣятелей малорусской литературы и этнографіи.

Противники малорусскаго литературнаго движенія считали обыкновенно журналъ „Основа“ первымъ заявленіемъ ненавистнаго имъ украинофильства и вели съ него хронологію разныхъ превратныхъ литературныхъ и общественныхъ идей, которыя ставятся въ преступленіе этому направленію. Въ дѣйствительности „Основа“ не имѣла такого значенія: самое изданіе было однимъ изъ проявленій тогдашняго общественнаго настроенія и далеко не всегда совпадало съ другими проявленіями мѣстнаго малорусскаго патріотизма въ то время и послѣ. Изданіе журнала затѣвалось въ тѣ годы, когда въ русскомъ обществѣ еще продолжалось возбужденіе, отличавшее первые годы прошлаго царствованія. Послѣ извѣстныхъ впечатлѣній славной, но неудачной войны, послѣ амнистій, при вѣстяхъ о готовившихся широкихъ преобразованіяхъ, въ обществѣ стали горячо,

---

[1]) Въ XXIX Увар. отчетѣ, стр. 230—231. Послѣдняго труда г. Кулиша г. Дашкевичъ не имѣлъ еще въ виду.

довѣрчиво—и часто наивно—высказываться радужныя надежды или иныя давнишнія мечты; съ возвратившимися дѣятелями прежняго времени обновлялись преданія, въ новыхъ условіяхъ времени. Вопросъ о преобразованіяхъ, поднятый въ средѣ самого правительства, самъ собою расширялъ и участіе въ немъ общественнаго мнѣнія: необходимо было болѣе внимательное и болѣе чѣмъ когда-нибудь откровенное изученіе самой русской жизни, ея условій, особенностей, старыхъ преданій и новыхъ требованій. Съ этой поры, какъ мы не однажды указывали, стала особенно выростать давно созрѣвшая литература о народѣ, и естественно, что среди новыхъ народныхъ изученій должны были сказаться и тѣ влеченія мѣстнаго малорусскаго патріотизма, которыя давно уже выразились основаніемъ небольшой литературы на малорусскомъ языкѣ и усердными этнографическими изученіями южной Руси. „Основа“ только примкнула къ начатому ранѣе. Элементы ея дѣятельности были готовы давно въ малорусской литературѣ, начавшейся съ конца прошлаго столѣтія; въ спеціальныхъ сборникахъ, небольшихъ журналахъ, посвященныхъ Малороссіи, какъ „Украинскій Вѣстникъ“, „Альманахъ“, „Молодикъ“ и т. п.; Шевченко еще до своей ссылки пріобрѣлъ большую извѣстность и любовь между малорусскими читателями. Объ изученіяхъ этнографическихъ мы говорили: собиратели малорусскихъ пѣсенъ были безъ исключенія энтузіастами своего дѣла, какъ Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій, Костомаровъ, Лукашевичъ, Метлинскій Кулишъ; ихъ собранія представили множество народно-поэтическихъ произведеній необычайной красоты, которыя увлекали первостепенныхъ писателей нашей литературы, приводили въ восторгъ Пушкина и несомнѣнно вдохновляли Гоголя. Такимъ образомъ „Основа“ въ своемъ началѣ имѣла передъ собой готовыя народно-литературныя стремленія, и въ предметахъ этнографіи, и въ беллетристикѣ на народномъ языкѣ; нужно было только дать новый книжный органъ для этихъ стремленій въ ту пору, когда въ цѣломъ русскомъ обществѣ произошло упомянутое возбужденіе общественнаго мнѣнія и явилась усиленная потребность высказаться. Новый журналъ основанъ былъ людьми того самаго кіевскаго кружка, который въ концѣ 40-хъ годовъ носилъ названіе Кирилло-Меѳодіевскаго. Кружокъ нѣсколько измѣнился—вѣроятно не вслѣдствіе той кары, которая его въ то время постигла, а силою вещей; люди стали старше, прибавилось знанія и опыта; фантастическія мечты отпадали, но сохранилось то, въ чемъ было самое существо ихъ ближайшихъ стремленій. Руководители „Основы“ проникнуты были ревностнымъ народолюбіемъ, и въ частности—стремленіемъ къ изученію малорусской старины и народности и желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ книжнаго

малорусскаго слова и народнаго образованія. До сихъ поръ малорусская литература жила только въ своемъ замкнутомъ кругѣ и не имѣла опредѣленнаго положенія: явилась, наконецъ, потребность выяснить его и защитить право существованія этой литературы противъ возраженій и нападеній, какія съ разныхъ сторонъ появлялись. Великорусское общество бывало всего чаще равнодушно къ интересамъ малорусской литературы, которая рѣдко и доходила до него, и, въ духѣ прежнихъ взглядовъ Бѣлинскаго, считала ее или дѣломъ ненужнымъ, или лишнимъ отвлеченіемъ силъ отъ общаго хода образованія, а исключительные патріоты начинали уже думать, что она просто вредна, какъ противорѣчіе національному единству. Въ то же время съ польской стороны можно было замѣтить отношеніе къ малорусскому движенію не весьма дружелюбное: это движеніе обыкновенно соединялось съ оживленіемъ старыхъ историческихъ преданій, а эти преданія могли только подновлять старую племенную и религіозную вражду, тогда какъ полякамъ на западѣ и юго-западѣ хотѣлось безмятежно первенствовать надъ малорусскимъ населеніемъ или по прежнему считать его однимъ оттѣнкомъ того же польскаго народа. Надо было, наконецъ, опредѣлить тѣ племенныя особенности малорусскаго народа, припомнить тѣ черты его исторіи, которыя создавали его нравственно-національную характеристику и утверждали его народное право. Всѣ эти вопросы и положенія составили предметъ многочисленныхъ работъ, которыя касались ихъ прямо или косвенно и доставлены были въ „Основу" какъ представителями стараго кружка, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей, старыхъ и молодыхъ. Замѣтимъ притомъ, что эти работы въ защиту и объясненіе малорусской народности не были какой-нибудь придуманной тенденціей: онѣ являлись сами собой, изъ готовыхъ существующихъ понятій, или вслѣдствіе вызова противниковъ, которымъ надо было дать отпоръ, или высказывались какъ непосредственное настроеніе людей, стоявшихъ внѣ всякихъ литературныхъ споровъ. Главными дѣятелями „Основы" были Костомаровъ, г. Кулишъ и Шевченко, который засталъ только начало предпріятія и по смерти котораго въ „Основѣ" появилась масса его произведеній, писанныхъ въ годы ссылки и по возвращеніи. Костомаровъ помѣстилъ въ „Основѣ" нѣсколько статей, имѣвшихъ объяснительное и руководящее значеніе, напр., „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси", „Двѣ русскія народности", „Черты южно-русской исторіи", „Отвѣтъ на выходки газеты Czas" и пр., „Правда полякамъ о Руси", „Правда москвичамъ о Руси", „Крестьянство и крѣпостное право" (подъ рубрикой: „Мысли южнорусса") и т. д. Г. Кулишъ началъ здѣсь обзоръ украинской литературы, о которомъ мы выше упоминали; помѣстилъ

статьи: „Характеръ и задача украинской критики“, „Полякамъ объ украинцахъ“ и пр. Въ беллетристикѣ журнала, кромѣ Шевченка, явились произведенія Марка-Вовчка, Алексѣя Стороженка, Кухаренка, Леонида Глѣбова, Руданскаго, многочисленныя стихотворенія и разсказы Кулиша, подъ его собственнымъ именемъ и подъ разными псевдонимами, и др. Къ старымъ именамъ присоединилось много новыхъ съ работами по малорусской старинѣ и этнографіи, какъ работы Чубинскаго, В. Б. Антоновича, П. С. Ефименка, Ив. Новицкаго, Номиса, А. Конисскаго, А. Лазаревскаго, Б. Познанскаго, Гатцука. Въ „Основѣ“ являлись труды лицъ, не принадлежавшихъ къ ближайшему кружку редакціи, какъ, напримѣръ, статьи Максимовича, Сухомлинова, П. Лавровскаго, А. Котляревскаго, Сѣрова (о музыкѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ) и пр. Не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ крайностей, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ статьяхъ г. Кулиша о Гоголѣ, безъ преувеличенныхъ представленій о малорусской народности, но въ большинствѣ содержаніе „Основы“ заключалось въ весьма полезныхъ историческихъ и этнографическихъ работахъ, въ непритязательныхъ литературныхъ попыткахъ на малорусскомъ языкѣ, въ естественной защитѣ малорусской исторіи отъ ея тенденціозныхъ искаженій (напр., у нѣкоторыхъ польскихъ писателей) и иныхъ напраслинъ въ самой русской литературѣ. Въ числѣ ея сотрудниковъ было нѣсколько именъ извѣстныхъ ученыхъ; другія имена, въ то время впервые появлявшіяся въ печати, пріобрѣли потомъ почетную извѣстность трудами по малорусской исторіи и этнографіи,—назовемъ Чубинскаго, Антоновича, Ефименка. Въ связи съ дѣятелями „Основы“ работалъ тогда Л. Жемчужниковъ надъ своей „Живописной Украйной“...

Не пересчитывая этихъ отдѣльныхъ работъ, остановимся нѣсколько лишь на нѣкоторыхъ статьяхъ „Основы“, опредѣляющихъ историко-этнографическія отношенія малорусской народности. Таковы были статьи Костомарова. Наиболѣе характерную изъ нихъ—о „Двухъ русскихъ народностяхъ“—мы имѣли случай указывать раньше. Въ статьѣ: „Правда москвичамъ о Руси“, рѣчь идетъ о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи по поводу возраженій, появившихся въ газетѣ „День“ [1]) противъ статьи о „Двухъ народностяхъ“. Въ статьѣ „Дня“ вопросъ шелъ пока объ опредѣленіи древнихъ племенъ русскаго народа, но московскій критикъ уже здѣсь находилъ возможнымъ ставить дѣло на почву племенной исключительности. Указывая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность изучать коренныя стихіи его народности, критикъ го-

[1]) 1861, № 6, статья Ильи Бѣляева.

ворилъ: „Но исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе, неразуміе народовъ... ставитъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ,—образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, *обольщаютъ* его и заставляютъ обольщать другихъ". Но исцѣленіе возможно: оно дается изученіемъ *исторіи*, которая подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій научаетъ узнавать истинную сущность народнаго духа, которая не даетъ народу успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ себѣ быта и обстановки, отвѣчающихъ этой сущности. „Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ его личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастію, самая ложь и противорѣчія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу, саморазрушеніемъ приготовляютъ торжество истинѣ"... Костомаровъ понялъ прозрачный намекъ въ полной силѣ и не хотѣлъ уступить. Къ своему отвѣту онъ взялъ эпиграфомъ слова изъ стараго рукописнаго житія Моисея, архіепископа новгородскаго: „Вознесеся умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде, величаяся гражданомъ, яко и племенемъ ихъ укори",—и опровергая своего противника, находилъ, что его критикъ вообще хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни. Онъ кончаетъ, перебрасывая обвиненіе въ партикуляризмѣ на самого критика.

„Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы *московскій партикуляризмъ* не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьезно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отличая ихъ отъ истинныхъ элементовъ народности. Такимъ образомъ все, чтб ему не нравится, онъ относитъ къ *привычкамъ*, а чего хочетъ—къ истиннымъ *элементамъ* народности и, конечно, къ послѣднимъ отнесетъ и то, чтб самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было (какъ, напримѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена). Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ*—это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это—привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы — и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и обществен-

ной жизни, или же на то, чтó, хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ" [1]).

Въ то же время Костомарову приходилось защищать южнорусскую народность съ другой стороны. Его статья: „Правда полякамъ о Руси" направлена противъ того стараго польскаго представленія, которое въ то время находило своего теоретика въ Духинскомъ и его послѣдователяхъ. По этой теоріи, „русскіе" (подъ которыми разумѣлись малороссіане и галицкіе русины) составляютъ племя, совершенно особое отъ „московитовъ", т.-е. именно русскихъ, великоруссовъ; только первые представляютъ собою настоящее славянское племя, собственно отрасль польскаго народа, съ которымъ они и были всегда связаны; они принадлежатъ къ „настоящей греческой" церкви (т.-е. къ уніи), когда московиты составляютъ въ этой церкви „схизму"; московиты—вовсе не подлинные славяне и только въ послѣдніе вѣка, захвативши часть „русскихъ" земель (т.-е. Малороссію и западный край), присвоили себѣ и имя русскихъ, имъ вовсе не принадлежащее [2]). (Духинскій объяснялъ именно, что московиты были просто смѣсь финновъ и тюрковъ, принявшая языкъ, сходный съ русскимъ). Такова была удивительная теорія, изобрѣтенная для опоры старому польскому мнѣнію, что малоруссы были только вѣтвью польскаго племени, и что поэтому они должны считаться нераздѣльной частью Польши.

Эти безсмыслицы не заслуживали бы серьезнаго опроверженія, еслибы не были повторяемы даже въ западной литературѣ и еслибы имъ не придавалось значенія политическаго аргумента въ начинавшемся тогда польскомъ броженіи. Костомарову достаточно было указать нѣсколько элементарныхъ и положительныхъ фактовъ русской исторіи, чтобы объяснить настоящія отношенія племенъ въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ напомнилъ потомъ, какъ южнорусскій народъ достался Польшѣ (безъ его спроса, на Люблинскомъ сеймѣ), какъ произошла церковная унія, какъ затѣмъ южно-русскій народъ длиннымъ рядомъ кровавыхъ возстаній заявлялъ и защищалъ свою національную и религіозную отдѣльность, какъ въ концѣ прошлаго вѣка онъ еще разъ протестовалъ противъ порабощенія такъназываемой коліивщиной. „По присоединеніи къ Россіи, — говоритъ

---

[1]) „Основа", 1861, октябрь, стр. 1—15. Споръ закончился, кажется, замѣткой Ильи Бѣляева въ „Днѣ" 1862, № 14. Впослѣдствіи новыя нападенія на Костомарова по другому случаю были сдѣланы Гильфердингомъ, а еще позднѣе—Карповымъ и пр. Костомаровъ въ рѣчи о К. Аксаковѣ желалъ отдать справедливость славянофильскому изученію русской исторіи, но эта школа всегда относилась къ нему весьма враждебно, чтó и было естественно при исключительности московской точки зрѣнія.

[2]) По теоріи это произошло не дальше, какъ при Екатеринѣ II.

Костомаровъ, — совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ (т.-е. крестьянская масса) остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное охраненіе своей власти надъ древлерусскими землями и порабощенными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе колівщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южно-русскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность“ [1]).

Костомаровъ заключалъ, что международные споры съ поляками должны прекратиться: старыя событія, какъ бракъ Ягайла, Люблинская и Брестская унія, всякіе старые договоры, андрусовскіе, московскіе и пр., которыми польскіе патріоты хотятъ доказывать права Польши на юго-западную Русь, не имѣютъ никакого значенія. „Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертаціи, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ „отношеній“. Пора оставить эти старыя притязанія, давно отмѣненныя послѣдующей исторіей, и пора искать другой, на справедливости основанной, связи, „которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственнаго и вещественнаго благосостоянія“. А тотъ путь, которымъ хотятъ вести свой народъ писатели, прибѣгающіе къ упомянутымъ теоріямъ—„путь погибельный“...

Г. Кулишъ въ статьѣ: „Полякамъ объ украинцахъ“ [2]) въ томъ же духѣ, но ближе касался современныхъ отношеній польскаго общества и литературы къ малорусской народности. Между прочимъ, г. Кулишъ, какъ въ другомъ мѣстѣ и Костомаровъ [3]), говоря о такъ-называемой украинской школѣ польской поэзіи, указывалъ, какое значеніе имѣлъ ея „украинскій“ элементъ и эта „попытка побрататься съ украинцами во имя ихъ козачества, перелицованнаго на изнанку“, и какъ можетъ относиться къ нимъ малорусскій читатель. Характеръ статьи можетъ показать небольшая цитата:

[1]) „Основа“, 1861, окт., стр. 111.

[2]) „Основа“, 1862, февраль, стр. 67—86.

[3]) „Отвѣтъ на выходки газеты Czas“ и пр., „Основа“, 1861, февр., стр. 134—135.

„*Я* польское и *я* украинское,—говорилъ г. Кулишъ,—разошлись, въ теченіе вѣковъ. на такое разстояніе, что полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру украинца, а украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные представители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по-неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это—дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это—дѣло исторіи того и другого народа“.

Достаточно нѣкотораго знакомства съ содержаніемъ журнала, чтобы увѣриться въ несправедливости обвиненій, не разъ послѣ падавшихъ на „Основу“, какъ источникъ украинофильства, въ которомъ чудился и сепаратизмъ, и союзъ съ „польской справой“. „Основа“ дѣйствительно выражала мѣстный патріотизмъ — вовсе не выдуманный, а тотъ самый, который издавна жилъ въ малорусскихъ людяхъ, особенно, когда, въ прежнихъ условіяхъ нашей жизни, старые нравы еще не стирались такъ быстро отъ вліяній центра, когда эти люди, встрѣчаясь съ сѣверными соотечественниками, больше чѣмъ теперь должны чувствовать разницу въ характерѣ, языкѣ, обычаѣ. Это былъ тотъ же патріотизмъ, который отличалъ—задолго до какой-нибудь идеи исключительнаго украинофильства — первыхъ малорусскихъ писателей и самого Гоголя, хотя уже не писавшаго по-малорусски. Любовь къ языку, старому обычаю, къ прекрасной народной пѣснѣ, какъ естественное чувство къ родинѣ, не покидала уроженцевъ Малороссіи, когда они и оставляли свою родину; это былъ инстинктъ, проявлявшійся самъ собою безъ всякихъ книжныхъ справокъ въ исторіи. Писатели, которымъ и прежде эта малорусская жизнь представлялась въ сантиментальной розовой окраскѣ, какъ Основьяненко, были уже прямые предшественники украинофильства „Основы“ —не даромъ г. Кулишъ такъ превозносилъ теперь его произведенія. Мы видѣли, что эта атмосфера малорусскаго быта и преданія охватывала даже русскихъ, которымъ приходилось жить подъ ея вліяніемъ,—какъ было, напр., съ Срезневскимъ и Вадимомъ Пассекомъ (послѣдній испыталъ его вліяніе уже въ послѣдніе годы). Теперь подобное совершалось съ г. Л. Жемчужниковымъ, который въ тѣ годы занимался изученіемъ „живописной“ Украйны и, между прочимъ, указывалъ, наперекоръ Костомарову, современную живучесть народной марорусской поэзіи [1]...

---

[1]) Ср. „Нѣсколько замѣчаній по поводу народныхъ пѣсенъ“, „Основа“, 1862, февр., стр. 87 и слѣд.

„Основа" дала такимъ образомъ только первое, нѣсколько цѣльное выраженіе давно существовавшему настроенію, тому мѣстному патріотизму, который былъ существеннымъ порожденіемъ условій малорусскаго быта и исторіи, и не представлялъ никакого ущерба для патріотизма общерусскаго. — Изъ того, чтó мы приводили изъ мнѣній „Основы" по поводу польско-малорусскихъ отношеній, мудрено вывести какое-либо иное заключеніе, кромѣ того, что эти отношенія были весьма недовѣрчивы или прямо враждебны. Было здѣсь то преувеличеніе, что малорусскіе патріоты говорили о своемъ народѣ и обществѣ, какъ о самодѣятельномъ факторѣ общественныхъ отношеній: на дѣлѣ эта самодѣятельность была весьма незначительная; малорусская стихія была уже до такой степени поглощена и увлечена потокомъ русской внутренней политической жизни, что должна была слѣдовать и ея органическимъ требованіямъ, и самымъ капризамъ. Писатели „Основы" довѣрчиво считали существующими въ самой жизни свои идеалистическія представленія,—но эта нѣкоторая потеря чувства дѣйствительности была общей чертой того времени: дѣйствительность скоро показала, что въ ней мало мѣста этому идеализму,—и это было жаль, потому что въ немъ было столько искренней любви къ народу и знанія, что при другихъ условіяхъ они могли принести благотворное дѣйствіе...

Несмотря на нѣкоторыя крайности, какъ упомянутыя выше статьи г. Кулиша и его сантиментальная идеализація малорусскаго народнаго характера, „Основа" имѣла свое немаловажное вліяніе какъ въ малорусской литературѣ, такъ и въ этнографіи. Черезъ нее прошелъ рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ: на первомъ планѣ — произведенія Шевченка, на второмъ—Марка Вовчка, А. Стороженка, Кулиша и др. Во-вторыхъ, однимъ изъ главныхъ ея интересовъ были этнографическія изученія; статьи подобнаго рода являлись въ каждой книжкѣ, и общимъ выводомъ были: необходимость изученія народной жизни, уваженіе къ народной мысли и чувству, къ народной личности—въ томъ же смыслѣ, какъ объ этомъ говорилось тогда и въ цѣлой русской литературѣ, по давно слагавшемуся убѣжденію, которое особенно усилилось тогда подъ вліяніемъ крестьянской реформы; у писателей малорусскихъ это стремленіе сказывалось лишь съ тѣми видоизмѣненіями, какія приводились очевидными различіями племенными, историческими и бытовыми. Этнографическій интересъ, здѣсь заявленный, отразился важными трудами въ области малорусской этнографіи въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ.

ГЛАВА VIII.

Галицко-русское возрожденіе и польско-украинская школа.

Общія замѣчанія.—Разсказы Головацкаго о началѣ галицко-русскаго возрожденія.—Воспоминанія Н. Устіановича.—Историческія причины особенной силы польскаго вліянія въ Галиціи.—Литературно-историческія отношенія Галицкой Руси.—Двадцатые и тридцатые года въ воспоминаніяхъ Головацкаго.—Антоній Добрянскій.

Южно-русскіе интересы въ польской литературѣ — Источники этихъ интересовъ.—Украинская школа.—Тимко Падура.

Историческія отношенія Россіи, и въ частности Малороссіи, къ Польшѣ были столько разъ излагаемы съ обѣихъ сторонъ, и съ разныхъ точекъ зрѣнія—польской, русской и малорусской—сосчитывались ихъ враждебныя столкновенія и различіе самыхъ національныхъ идеаловъ и характеровъ, что въ этой литературѣ высказался, кажется, весь запасъ взаимной непріязни и раздраженія. При другомъ случаѣ мы говорили о томъ, какъ трактовался въ нашей литературѣ польскій вопросъ [1]), и видѣли, что, при всей враждѣ, съ русской стороны слышались изрѣдка взгляды болѣе спокойные, чѣмъ масса ходячихъ мнѣній, но подобные взгляды не были довольно распространены и, особенно, не имѣли какой-нибудь силы въ политической практикѣ. Со стороны польской, въ послѣдніе годы также начиналась рѣчь о „примиреніи",—но и эти голоса также не нашли въ своемъ обществѣ достаточнаго отголоска, какъ не нашли себѣ опоры и въ обстоятельствахъ времени... Было бы поэтому весьма неблагодарной задачей еще разъ перебирать поводы и факты столкновеній, но самый вопросъ остается далеко невыясненнымъ и,

---

[1]) „Польскій вопросъ въ русской литературѣ", „В. Евр.", 1880, февр. и слѣд.

кажется, что для обѣихъ сторонъ было бы полезно по крайней мѣрѣ вникать ближе въ историческія явленія и искать въ нихъ безпристрастнаго пониманія отношеній, разладъ котораго не можетъ, наконецъ, не тяготить здраваго общественнаго и національнаго чувства.

Обычное у насъ представленіе объ отношеніяхъ Польши къ Россіи какъ о вѣчной „интригѣ" и „коварствѣ" (которымъ, наконецъ, придается чисто баснословный размѣръ), и съ другой стороны, польское представленіе о Россіи и „наѣздѣ", заключаютъ въ себѣ обыкновенно одну грубую ошибку, при которой невозможно правильное пониманіе ни прошедшаго, ни современной дѣятельности. Обѣ стороны упускаютъ изъ виду, что историческія явленія имѣютъ всегда психологическую подкладку въ цѣломъ народномъ міровоззрѣніи, создающемся вѣками, что событія имѣютъ свою логику, что цѣлые народы не могутъ быть „коварными", какъ, съ другой стороны, „наѣздъ" не совершался по одному насилію для насилія. Съ польской стороны, напримѣръ, долго не хотѣли видѣть, что вмѣшательство Россіи въ судьбу польскаго народа было приведено весьма ясными причинами, въ ряду которыхъ крупнѣйшую роль играли внутреннія политическія ошибки самой Польши; что эти ошибки издавна (напр. еще въ XVII-мъ вѣкѣ) были ясно сознаваемы въ средѣ самого польскаго общества и бывали даже съ большой энергіей высказываемы — при другихъ моментахъ—въ самой польской литературѣ. Когда начинается кризисъ, поколѣнія данной минуты рѣдко бываютъ въ состояніи отнестись спокойно къ совершающимся событіямъ: настоящая опасность родины наполняетъ ихъ энтузіазмомъ къ національному преданію и не дозволяетъ видѣть въ немъ какой-либо недостатокъ, въ его прошедшемъ — какую-либо ошибку, хотя въ другое время эта ошибка была уже видима; сторона побѣждающая столь же мало бываетъ способна отнестись справедливо къ противнику, а иногда и правильно оцѣнить собственное дѣло. Взаимное уразумѣніе бываетъ возможно вообще только тогда, когда пройдетъ первая горячка раздора, когда спокойная мысль въ состояніи будетъ явиться на мѣсто страстнаго раздраженія; и такой мысли, конечно, слѣдуетъ раньше вступить въ свои права на той сторонѣ, которая не испытала горькаго чувства утратъ и паденія. Наблюденіе историческаго процесса съ одной стороны можетъ объяснить историческіе корни современнаго явленія, съ другой, можетъ открыть явленія иного порядка, столь же органическія и законныя, которыя требуютъ себѣ мѣста въ политической и общественной жизни; въ результатѣ для мыслящихъ руководителей общественнаго мнѣнія [illegible] къ безпристрастному урав-

новѣшеніи общественныхъ элементовъ, имѣющихъ за собой жизненное право.

Мы коснулись этого общаго вопроса потому, что его отраженіе встрѣчаемъ и на польско-украинскихъ литературно-этнографическихъ отношеніяхъ—въ исторіи галицко-русскаго возрожденія, въ польской украинской литературной школѣ и наконецъ въ новѣйшихъ явленіяхъ общественныхъ и литературныхъ. Въ настоящемъ случаѣ не мѣсто излагать эти отношенія въ цѣломъ ихъ объемѣ; съ другой стороны, эта область литературной и общественной исторіи очень мало разработана въ нашей литературѣ, — поэтому мы коснемся ея въ формѣ нѣсколькихъ эпизодовъ.

Выше (гл. IV), по поводу польско-русскихъ этнографическихъ сборниковъ мы упоминали о галицко-русскомъ возрожденіи, и считаемъ не лишнимъ возвратиться еще разъ къ нѣкоторымъ подробностямъ. Возрожденіе пробудило племенное чувство, напомнило и привело въ дѣйствіе старыя историческія отношенія, и открыло путь этнографическому интересу и изслѣдованію.

Въ процессахъ подобнаго рода любопытно наблюдать именно непосредственные мотивы движенія. Къ сожалѣнію, достаточно подробныхъ разсказовъ не осталось, а одинъ изъ участниковъ движенія, наиболѣе о немъ писавшій, Головацкій говорилъ о немъ уже въ поздніе годы, когда измѣнились его взгляды на сущность и цѣли движенія. Въ такихъ условіяхъ разсказъ неизбѣжно теряетъ точность: сознательно или безсознательно, такой историкъ измѣняетъ окраску прошедшаго, подставляетъ прошедшему свои позднѣйшіе взгляды — даже при искреннемъ отношеніи къ дѣлу, а тѣмъ болѣе при неискреннемъ [1]). Дѣло въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія галицко-русскій литературный міръ раздѣлился на двѣ новыя стороны: одни, какъ ихъ иногда называютъ, „молодшіе“ русины, считаютъ свой народъ *южно-русскимъ*, каковъ онъ и есть, и стремятся къ развитію литературы на собственномъ языкѣ Галицкой Руси въ связи съ нашей литературой малорусской; другіе, „старшіе“ или „твердые“, нѣкогда державшіеся того же взгляда, потомъ стали думать, что галичанамъ

[1]) Къ тому, что̀ указано было выше (стр. 134), отмѣтимъ еще: „Руска Библіотека“, Онишкевича, Львовъ, 1884, т. III (сочиненія Шашкевича, Вагилевича, Головацкаго. съ историко-литературнымъ введеніемъ В. Коцовскаго); „Литературный Сборникъ, издаваемый галицко-русскою Матицею“, подъ ред. Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1885; вып. 1—3, и разборъ этого изданія въ львовской „Зорѣ“, 1885, № 11 и слѣд.: „Антоній Добрянскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси“, Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1881; его же, жизнеописаніе М. Качковскаго, и проч.; ср. Szujski, Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882; „Исторія литератури рускои“, О. Огоновскаго. Львовъ, 1887 — 89, и объ ней „Вѣстн. Европы“, 1890, сентябрь, и „Archiv für slavische Philologie“, 1890, т. XIII, и проч.

должно стремиться къ сліянію съ литературой *обще-русской*, которая однако понимается не въ ея высшихъ поэтическихъ созданіяхъ и не въ ея стремленіяхъ истинно народолюбивыхъ, а только съ ея консервативной, обрусительной, славяно-благотворительной стороны. Изъ этого основного разнорѣчія происходило и происходитъ въ галицкой литературѣ много запутанныхъ столкновеній и вражды, въ которыхъ не легко разобраться русскому читателю, не знакомому съ подробностями мѣстныхъ отношеній. На обѣихъ сторонахъ есть люди убѣжденные, и одинаково преувеличивающіе; но къ сожалѣнію та сторона, которая могла бы быть намъ сочувственна по „обще-русскимъ“ стремленіямъ, всего чаще производитъ отталкивающее впечатлѣніе какъ упомянутымъ пониманіемъ „обще-русскаго“, такъ и личными дѣяніями нѣкоторыхъ ея послѣдователей.

Головацкій разсказываетъ о событіяхъ тридцатыхъ годовъ именно съ своей точки зрѣнія 1860 — 80-хъ годовъ. Въ качествѣ приверженца „обще-русской“ партіи, онъ является обыкновенно яростнымъ врагомъ „полонизма“: гдѣ только является полякъ, это всегда дѣятель интриги. Въ такомъ родѣ составленъ разсказъ его о Вагилевичѣ, который былъ однимъ изъ ревностныхъ начинателей галицко-русскаго возрожденія и другомъ Головацкаго: біографія должна служить поученіемъ, такъ какъ Вагилевичъ дружилъ съ поляками и сталъ также жертвою своего довѣрія къ „польской лести и чести“. Въ чемъ была настоящая правда, разобрать не легко. Свое понятіе о польскихъ затѣяхъ („интригѣ“) Головацкій распространялъ на всякія отношенія галицко-русской жизни и литературы съ польскими: вопросы чисто литературные становятся почвой интриги; поляки внушаютъ галицко-русскимъ писателямъ, чтобы они приняли латинскую азбуку или даже бросили южно-русскій языкъ для польскаго и т. д.; если польскій писатель интересуется южно-русской этнографіей, то онъ крадетъ собранныя русскими пѣсни или „выманиваетъ“ у нихъ пѣсни (точно у глупыхъ ребятъ), и продаетъ въ свою пользу. Выходитъ такъ, какъ будто въ ту пору, въ 1830-хъ годахъ, и после не происходило ничего, кромѣ постоянныхъ козней со стороны поляковъ, а галицко-русскіе патріоты, которые въ чемъ-нибудь слушали поляковъ, являются въ видѣ неопытныхъ и угнетенныхъ младенцевъ или же измѣнниковъ.

Записки Головацкаго (въ „Литературномъ Сборникѣ“) начинаются со вступленія его въ тогдашнюю высшую школу во Львовѣ и съ знакомства съ Маркіаномъ Шашкевичемъ и Вагилевичемъ. Они вскорѣ тѣсно сдружились и выдѣлились въ средѣ товарищей, какъ „русская троица“, своимъ интересомъ къ народности. Изученіе русской старины, исторіи и языка давалось трудно за отсутствіемъ руководствъ

за недостаткомъ книгъ; друзья дѣлились своими знаніями и стремленіями, и мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, какъ первымъ результатомъ ихъ общей работы была изданная съ большими препятствіями „Русалка Днѣстровая" (1837)—первая книга, съ которой считается возрожденіе галицко-русской литературы въ *народномъ* направленіи.

Гдѣ же былъ источникъ движенія, какъ оно совершалось, какія ставило цѣли? Мы узнаёмъ, что въ молодомъ кружкѣ шла оживленная дѣтельность: „въ семинаріи,—разсказываетъ Головацкій,—начались *толки* о русскомъ народѣ, о его просвѣщеніи посредствомъ *народнаго* языка... Всякій понималъ то дѣло *по своему*, но движеніе между молодымъ поколѣніемъ было сильно". Нынѣшніе „младшіе" критики недовольны неопредѣленностью разсказа, гдѣ не выяснены важные вопросы, которые представятся сами собой: откуда бралось, напр., у товарищей это „пониманіе дѣла по *своему*" и въ чемъ заключалось? Объ этомъ есть отрывочныя подробности, но нѣтъ ничего цѣльнаго о развитіи мыслей тогдашнихъ патріотовъ и средѣ, въ которой они жили. Имъ попались въ руки,—разсказываетъ авторъ,—сборники пѣсенъ, „Енеида" Котляревскаго и т. п.; но откуда они узнали о самомъ ихъ существованіи и что́ извлекли изъ нихъ? „Мы,—говоритъ Головацкій,—постоянно встрѣчаясь дома, въ аудиторіяхъ, на прогулкахъ всегда, когда мы втроемъ говорили, толковали, спорили, читали, критиковали, разсуждали о литературѣ, народности, исторіи, политикѣ и пр. и почти всегда мы говорили по-русски". Авторъ жалуется, что онъ не имѣлъ руководителей; между тѣмъ, онъ и его товарищи, кажется, рано начинаютъ понимать, чего хотятъ. Шашкевичъ (повидимому, самая характерная личность всего кружка) описывается какъ человѣкъ живой, талантливый, страстный и, вѣроятно, искавшій ясныхъ рѣшеній; другой членъ кружка, Вагилевичъ, также человѣкъ живой, способный къ крайнимъ увлеченіямъ и, безъ сомнѣнія, также задававшій себѣ вопросы о принципахъ. Авторъ „Воспоминаній" ничего не говоритъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ ихъ кружокъ къ тогдашнему старшему поколѣнію, въ которомъ были, однако, люди, вообще извѣстные за патріотовъ—въ чемъ состоялъ ихъ патріотизмъ? Упоминая о впечатлѣніи, какое произвелъ на нихъ сборникъ пѣсенъ Вацлава Залѣскаго, авторъ какъ будто не знаетъ, что Залѣскій (какъ теперь извѣстно) за пѣснями южно-русскими обращался именно къ питомцамъ русской семинаріи, и одинъ изъ „троицы", пріятель Шашкевичъ, былъ сотрудникомъ польскаго этнографа, который былъ энтузіастомъ народной поэзіи и даже южно-русской больше, чѣмъ польской.

Далѣе, въ „Воспоминаніяхъ" разсказывается не мало подробностей о броженіи въ польскомъ обществѣ передъ 1830 годомъ и послѣ,

когда печальный конецъ возстанія не прекратилъ возбужденія умовъ и въ польскихъ кругахъ строились планы новыхъ предпріятій. Польскіе заговорщики старались привлекать и галицко-русскую молодежь къ своимъ планамъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ не остались безучастны къ этому политическому возбужденію,—хотя въ „Воспоминаніяхъ“ опять не договаривается, почему русскіе галичане слушали поляковъ. Самъ авторъ „Воспоминаній“ изображаетъ себя противникомъ польскихъ „затѣй“, но его друзья, повидимому, не уклонялись отъ польскаго общества, а Вагилевичъ впослѣдствіи и совсѣмъ перешелъ на польскую сторону, по словамъ Головацкаго. „Я,—говоритъ онъ,—неохотно поддавался такимъ внушеніямъ и не вѣрилъ польскимъ мечтателямъ, но думалъ про себя: пусть они затѣваютъ рухавки; они свое, а мы свое—мы будемъ *просвѣщати* народъ и поддерживати русскую народность“; но въ другомъ мѣстѣ онъ осуждаетъ Вагилевича, который однажды, оставивши экзамены, отправился „просвѣщать“ народъ (онъ былъ тогда арестованъ и отправленъ къ отцу на попеченіе). Далѣе, въ „Воспоминаніяхъ“ разсказывается, опять отрывочно, о спорѣ по поводу того, какая азбука — русская или латинская—должна быть принята для вновь возникавшей литературы. Мы упоминали, что въ средѣ самихъ русскихъ галичанъ защитникомъ латинской азбуки былъ тогда Іосифъ Лозинскій. Противъ него выступили Шашкевичъ и І. Левицкій. „То былъ вопросъ о существованіи,—пишетъ Головацкій:—быть или не быть русинамъ въ Галиціи; прійми галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло—пропала бы русская индивидуальная народность, улетучился бы русскій духъ и изъ Галицкой Руси сдѣлалась бы вторая Холмщина“. Вопросъ былъ, конечно, важенъ: народное употребленіе русской азбуки поддерживало бы связь галичанъ съ книжной русской стариной, а также съ русской и малорусской книжностью современной,—но какъ русскій духъ не улетучился раньше, когда латинская азбука (дальше это увидимъ) давно бывала употребляема для русскаго языка?... Повидимому, вопросъ не былъ такъ ясенъ для тогдашнихъ патріотовъ: въ самомъ дѣлѣ, мы читаемъ, что епископъ Снѣгурскій, большой русскій патріотъ тѣхъ временъ, „наградилъ“ І. Левицкаго за защиту русской азбуки противъ Лозинскаго, но самъ Лозинскій говоритъ, что выступилъ съ своимъ предложеніемъ о латинской азбукѣ *съ вѣдома* того же Снѣгурскаго ¹).

Новѣйшіе галицкіе приверженцы „обще-русскаго“ единства дошли до того, что заботы своихъ соотечественниковъ о народномъ южно-русскомъ языкѣ начали объяснять польскою интригой, ищущей внес-

¹) Автобіографія Лозинскаго „Литер. Сборникъ“, вып. II—III, стр. 117.

раздѣленіе въ это, хотя пока не существующее, но предполагаемое единство. Они сошлись въ этомъ съ нашими гонителями украинофильства (или подлаживались къ нимъ), но, желая писать на „обще-русскомъ" языкѣ, обыкновенно знаютъ его плохо и употребляютъ его въ уродливомъ видѣ...

Подобныхъ мнѣній держится и другой ветеранъ галицкой литературы, Николай Устіановичъ (отрывокъ его автобіографіи въ „Литературномъ Сборникѣ" Дѣдицкаго). Его юность проходила въ пору самой сильной и „безропотной" полонизаціи его родины; полонизмъ охватывалъ галицкую жизнь такъ, что самъ онъ „чуть-чуть не заплылъ подъ знамена Хлопицкаго" въ 1830 году; но польское возстаніе „отворило ему очи" и онъ сталъ приверженцемъ своей русской народности. Онъ былъ другомъ Маркіана Шашкевича и, по смерти его (1843), хотѣлъ помянуть его стихотвореніемъ, но въ тѣ годы притѣсненій [1]) не рѣшился написать его по-русски и написалъ по-польски,—и въ этомъ видѣ, однако, редакторъ польской газеты во Львовѣ побоялся напечатать пьесу, такъ какъ въ ней говорилось о возрожденіи галицко-русской народности. Только въ 1848, авторъ нашелъ возможнымъ пустить въ свѣтъ свое воспоминаніе о Шашкевичѣ. „Я перевелъ мой стихъ, посвященный памяти Маркіана, на галицко-русское нарѣчіе и, чтобы теплымъ вѣтеркомъ жалостныхъ воспоминаній разогрѣти сочувствіе и въ тѣхъ многихъ лицахъ изъ мірской русской интеллигенціи, которые уже слишкомъ позабыли языкъ русскій и даже *русской* буквы *не знали*, постарался я напечатати текстъ *польскій* вмѣстѣ *съ русскимъ*". По словамъ автора, эта пьеса имѣла даже „самое большое вліяніе на проснувшуюся народную жизнь галицко-русской братіи". Итакъ, „русской буквы не знали".

„Признаюсь, — продолжаетъ Устіановичъ на „обще-русскомъ" языкѣ,—что я никогда не имѣлъ большого упованія въ мои духовныя силы и лякался (боялся) самаго подозрѣнія хвастунства... и не имѣя ни случайности, ни средствъ изъучити языкъ обще-литературный русскій, я былъ приклонникомъ дуализма и отстоивалъ нарѣчіе галицкое, надѣясь, что оно сліется съ говоромъ украинскимъ и очистится вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пестроты, нанесенной сосѣднимъ языкомъ польскимъ. Но заглянувши въ продолженіи времени въ литературу велико-русскую и роспознавши основнѣе галицкое нарѣчіе, я убѣдился, что языкъ грамотный велико-руссовъ есть зданіемъ согубымъ воздвигненнымъ, однако, на подвалинахъ южно-русскихъ, что къ тому письменность великоросса а (и) его говоръ не есть одно и то

---

[1]) Это были притѣсненія *австрійской полиціи*, которая очень присматривала за галичанами.

же, ибо онъ пишетъ по нашему, а выговариваетъ по своему ла такъ якъ ее дѣлаютъ нѣмцы, итальяне, французы, у которыхъ е большая находится розница въ нарѣчіяхъ; и что въ конецъ, въ п долженіи развитія галицкого простолюдинного говора по строгимъ п виламъ языкословія, послѣдуетъ безсомнѣнно то, о чемъ предвоз щалъ А. С. Петрушевичъ на соборѣ интеллигенціи галицко-русс: 1848 года: „Пускай Россіяне начали отъ головы, а мы начнемъ ногъ (?), то мы скорѣе или медленнѣе стрѣтимъ другъ друга и с демся въ сердцу".

„Въ г. 1862 я удостоился избранія въ послы до краевого гал кого Сойма изъ выборного округа Стрыйского. На одномъ полн засѣданія, трактующемъ объ офиціальномъ языцѣ для Галиціи и К кова, озвался среди горячихъ преній одинъ изъ пословъ, если ошибаюсь, Лешко Борковскій, до палаты тѣми памятными слова Świat zna tylko Polskę i Moskwą. Rusi nie ma! Jacyś Rutеńcz istnieli tylko u mózgu Stadiona. И онъ отъ части правъ. Его сл не одному изъ насъ издерли полуду изъ очей. Но суть на диво л ности, которыи волѣютъ остатись слѣпыми" [1])...

Авторъ забылъ только, что разница двухъ отраслей русскаго яз вовсе не въ одномъ *выговорѣ*, а также въ цѣломъ историческ складѣ и содержаніи литературы, и что пока совершится соедин „въ сердцѣ", галицкій народъ, внѣ литературы на родномъ язы на дѣлѣ не зная нашего русскаго книжнаго языка и далекій отъ держанія русской литературы [2]), останется безъ средствъ просвѣ нія и будетъ только доставлять по-прежнему матеріалъ для онѣ ченія и ополяченія. Дѣйствительное единство въ „обще-русской" тературѣ можетъ быть достигнуто лишь черезъ предварительное п нятіе народнаго сознанія ближайшими средствами родного язы Авторъ (какъ и всѣ его единомышленники) не хочетъ понять, старое восклицаніе: „nie ma Rusi", отрицаетъ существованіе Гал кой Руси именно въ *данную минуту*, когда „обще-русскаго ед ства" пока нѣтъ и далеко еще не предвидится, и когда прот этого отрицанія надо бороться теперь же *наличными*, насущн средствами, что только усиленными заботами о просвѣщеніи нар

---

[1]) „Литер. Сборникъ", I, 45—46.

[2]) Галичане, придерживающіеся „обще-русскаго" литературнаго единства, сихъ поръ пишутъ очень плохимъ, мѣшанымъ и ломанымъ русскимъ языкомъ (і можетъ видѣть читатель и изъ приводимыхъ выписокъ, — а эти авторы еще лу у галичанъ знатоки русскаго языка), а русская литература, въ ея лучшихъ п ставителяхъ, съ ея живѣйшими интересами, можно сказать, имъ совершенно чуж частію по своимъ понятіямъ недоступна, частію, какъ отраженіе чужой, не дово извѣстной общественной и политической жизни, не любопытна и индифферентн

(пока только на языкѣ, ему понятномъ) можно поддержать его нравственныя и умственныя силы для защиты его политическаго права и для страшной борьбы новѣйшаго времени—борьбы экономической. Объясненія особенной силы польскаго элемента въ Галиціи, а вмѣстѣ и интереса польскихъ этнографовъ къ южно-русской народности, надо искать въ историческихъ отношеніяхъ старой галицко-русской земли и нынѣшней австрійской Галиціи.

Галицкая Русь связана съ польскимъ элементомъ почти съ самаго начала своей исторіи. Это былъ крайній западный пунктъ русской земли и народа, и достаточно припомнить событія исторіи Галича съ самыхъ первыхъ вѣковъ, чтобы встрѣтиться съ фактами военныхъ столкновеній съ Польшею и вліянія Польши на самое политическое и общественное ея устройство. Историки давно отмѣтили особенности въ отношеніяхъ князей и боярства въ Галицкой Руси, гдѣ можно было видѣть воздѣйствіе польскаго обычая; боярство давно пріобрѣло здѣсь значеніе, какого никогда не имѣло въ Руси восточной. Разгромъ татарскій уже значительно уединилъ Галицкую Русь отъ остальныхъ русскихъ земель, а присоединеніе ея къ Польшѣ въ половинѣ XIV столѣтія окончательно связало эту русскую землю съ польскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ и донынѣ она осталась оторванной отъ русскаго цѣлаго, которое тѣмъ временемъ пережило собственную исторію, создало государство, выработало формы политическаго и общественнаго быта и особенныя черты своей народности. По своимъ связямъ съ Польшею, Русь Галицкая не была однородна даже съ днѣпровскою Русью Кіева, Подоли и Волыни, не говоря о южной Руси лѣваго берега Днѣпра. Эти послѣднія бывали все-таки ближе къ восточной Россіи, меньше были охвачены тѣснѣйшимъ польскимъ сосѣдствомъ; польское вліяніе наступало позднѣе и уже вскорѣ стало встрѣчаться съ народнымъ отпоромъ въ казацкихъ возстаніяхъ: волна политической и религіозной борьбы, совершавшейся на Днѣпрѣ, доходила и до Галицкой Руси, но доходила ослабѣвшею и встрѣчалась съ давно уже утвердившимися польскими элементами. Центръ тяжести народнаго южно-русскаго волненія лежалъ восточнѣе Галича; съ половины XVII вѣка лѣво-бережная Украйна соединяется окончательно съ Москвою; въ XVIII вѣкѣ присоединяется къ русской имперіи и юго-западный край почти по его нынѣшнюю границу. При раздѣлахъ Польши одна галицко-русская земля осталась все-таки неприсоединенною къ Россіи въ ряду „бывшихъ русскихъ земель“: ея принадлежность къ нимъ была какъ-будто забыта. Итакъ, въ теченіе своей исторіи, русская Галиція больше всѣхъ юго-западныхъ русскихъ земель была открыта вліяніямъ польскаго государственнаго строя, католичества, быта и нравовъ, образованія и языка. Всѣ тѣ

явленія полонизаціи, которыя совершались въ княжествѣ русско-литовскомъ по соединеніи съ Польшей, послѣ уній люблинской и особливо брестской, въ Галицкой Руси были тѣмъ сильнѣе. Если въ Руси литовской и кіевской въ XVI — XVII вѣкахъ сохранялось еще русское православное вельможество, не говоря о среднемъ классѣ и народѣ, то здѣсь высшій классъ давно сдѣлался польскимъ; въ XVI—XVII вѣкахъ Львовъ обнаружилъ еще разъ ревностную дѣятельность въ защитѣ православнаго преданія; но съ начала XVIII вѣка унія окончательно возобладала, и въ то время, какъ православная Русь западная и кіевская возвратились къ церковному единенію съ Москвой, а въ нынѣшнемъ столѣтіи унія совершенно пала, галицкая земля и въ церковномъ отношеніи оторвалась совсѣмъ отъ Россіи. Со времени присоединенія къ Австріи, Галицкая Русь стала окончательно отрѣзаннымъ ломтемъ, безъ всякихъ связей, ни церковныхъ, ни книжныхъ, ни бытовыхъ, съ русскимъ цѣлымъ [1]).

Эти историческія обстоятельства имѣли два рода послѣдствій.

Во-первыхъ. Преданіе русской исторической жизни было сильно надломлено. Современные галичане, дѣлая построенія своей исторіи политической, народно-бытовой, литературной, связываютъ ее съ древнимъ Кіевомъ (что̀ справедливо), съ средними вѣками южно-русской жизни (что̀ менѣе справедливо) и, наконецъ, относительно литературы, связываютъ ее, одни—съ развитіемъ южно-русской книжности съ XVIII вѣка и до Шевченка и новѣйшихъ нашихъ малорусскихъ писателей включительно, другіе—съ литературой обще-русской послѣ-Петровской (что̀ справедливо еще менѣе). Правда, племя было одно, но даже это южно-русское племя было такъ раздѣлено, что одна часть не знала, что̀ творится въ другой, и если галицкіе писатели хотятъ возстановить теперь историческую нить своей племенной жизни, то они вообще могутъ сдѣлать это только книжнымъ искусственнымъ образомъ; если южная Русь, съ половины XVII вѣка соединившаяся съ русскимъ цѣлымъ, затеряла многое изъ стараго бытового и книжнаго преданія, что̀ сохранилось только на сѣверѣ, то Русь галицкая затеряла еще больше. Возьмемъ примѣръ. Въ рядъ памятниковъ *своей* старины галицкіе историки засчитываютъ древнюю лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ и т. п., вообще всѣ памятники кіевскаго періода, но прямая и *непрерывная* [2]) традиція этихъ на-

[1]) О Руси венгерской не говоримъ: это — особый уголокъ, издавна ведущій отдѣльную, и тяжелую, историческую жизнь въ рукахъ Венгріи.

[2]) Напр. лѣтопись Нестора переписывалась на сѣверѣ *безъ перерыва* съ XII-го вѣка и до конца XVII-го, когда она вошла въ Никоновскій лѣтописный сборникъ (и другіе подобные), а изъ нихъ ея содержаніе прямо перешло въ первые опыты научной исторіи съ начала XVIII вѣка и до настоящей минуты. Такимъ же образомъ не прерывалась литература церковная, житія, поученія и пр.

чатковъ русской письменности развилась только на сѣверѣ; эта старина сбереглась почти исключительно лишь въ сѣверныхъ рукописяхъ, и только на сѣверѣ—худо ли, хорошо ли—она служила основой дальнѣйшаго книжнаго движенія. Въ самой Галицкой Руси эти памятники, если были нѣкогда извѣстны, не оставили никакого книжнаго слѣда и памяти, или только крайне слабые, и новѣйшіе галицкіе историки, реставрируя свою старину, получаютъ ее, собственно говоря, отъ московской Россіи, черезъ посредство новѣйшей русской науки—исторіи и археологіи; галицко-русскіе ученые—кромѣ Головацкаго, не бывавшіе въ Россіи и не знающіе русскихъ библіотекъ—и не видали никогда этихъ древнѣйшихъ памятниковъ *своей* старины. Точно также галицкой литературѣ не принадлежали произведенія той нашей литературы малорусской, которая развилась уже въ періодѣ раздѣленія западнаго и восточнаго края южной Руси, въ сосѣдствѣ жизни и образованности обще-русской. Начиная съ Котляревскаго и даже ранѣе, условія нашей малорусской литературы были уже иныя, чѣмъ условія книжности галицко-русской, и произведенія малорусскія усвоиваются галичанами опять съ извѣстной долей искусственности: общими остаются племя, языкъ, бытовое преданіе, насколько сохранилась его общность въ двухъ варіантахъ народа, но чуждымъ все то, что̀ въ нашей малорусской литературѣ бывало отраженіемъ русскаго быта и нравовъ, и новѣйшихъ понятій литературныхъ.—Нечего говорить, что притязанія такъ называемыхъ „старшихъ“ русиновъ на единство „обще-русское“ еще болѣе искусственны, или просто нелѣпы,—когда въ языкѣ они, полагая себя обще-русскими, теперь еще пишутъ стилемъ Сумарокова и Ломоносова, а въ содержаніи никакъ не стоятъ на дѣйствительномъ уровнѣ нашей литературы. Положеніе „младшихъ“ галичанъ гораздо естественнѣе: стараясь служить непосредственно своему народу, говорить его языкомъ, они гораздо болѣе послѣдовательно примыкаютъ къ нашему южно-русскому движенію и могутъ справедливѣе дѣлить его новѣйшія литературныя и образовательныя стремленія. Въ настоящихъ условіяхъ, это и есть единственный логическій путь литературы, желающей служить народному интересу [1]).

Правда, какъ мы замѣтили, въ галицко-русской народности, ея обычаѣ, преданіи, народной поэзіи сберегся тотъ же основной типъ, тотъ же языкъ, множество общаго въ преданіяхъ, бытовомъ обычаѣ

---

[1]) Такъ говорилъ я при первомъ напечатаніи этой главы въ 1886 г. Тотъ же самый взглядъ мною изложенъ подробнѣе въ статьѣ по поводу книги г. Огоновскаго („Особая исторія русской литературы“, въ В. Евр. 1890 г., сентябрь), вызвавшей возраженія въ галицкой „Зорѣ“, 1890 г., № 21, въ газетѣ „Дѣло“ и пр., возраженія, для меня, однако, не убѣдительныя.

и т. д. (хотя и съ значительными отличіями, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не выясненными): въ изученіи и реставраціи этого народнаго типа заключается главнѣйшее основаніе для галицко-русскаго возрожденія, и этимъ объясняются достигнутые доселѣ успѣхи,—но это пока только одна почва, одно основаніе, на которомъ приходилось строить и которое одно (какъ и было доселѣ) еще не давало единенія и не мѣшало господству надъ жизнью чужихъ элементовъ. Дѣйствительное единеніе и солидарность національной жизни — съ южно-русскою ли, или обще-русской — могутъ быть осуществлены только органическимъ сближеніемъ съ той или другой въ высшихъ интересахъ общественнаго развитія, а не въ узкихъ предѣлахъ одного преданія, сохраняемаго одною инерціею народной памяти; безъ этого не помогутъ ни мнимо-научные софизмы, ни политиканскія натяжки. Какъ бы ни складывались въ настоящую минуту стремленія галицкихъ партій, въ болѣе тѣсномъ или болѣе широкомъ этнографическомъ смыслѣ, единеніе возможно только съ однимъ условіемъ—если эти стремленія воспримутъ то содержаніе, какое выработано лучшими умами и дарованіями русской литературы и науки, и встрѣтятся съ взаимнымъ интересомъ съ нашей стороны... Этого пока еще нѣтъ въ должной степени ни съ той, ни съ другой стороны... О политическихъ возможностяхъ—не говоримъ: это вопросъ темный.

Во-вторыхъ. Издавна, вѣроятно, еще задолго до присоединенія галицкаго княжества къ Польшѣ, началось здѣсь распространеніе полонизма. Прежде всего, онъ сталъ охватывать высшее сословіе и городское населеніе: на массу народную мало обращали вниманія, и народъ, предоставленный самому себѣ или, вѣрнѣе, пренебрегаемый и считаемый только за одну рабочую силу, только поэтому могъ сохранить свой племенной характеръ и старый обычай. Преобладаніе одной народности надъ другою, господство одной, подчиненіе или совершенное уничтоженіе другой совершаются при разныхъ условіяхъ или при совокупномъ дѣйствіи многихъ условій: численное превосходство, прямое насиліе, превосходство культурное; когда присоединяется къ тому различіе церковное, оно дѣйствуетъ или превосходствомъ содержанія одной религіи надъ другой, или фанатической нетерпимостью. Болѣе или менѣе извѣстно, какъ эти условія поставлены были въ сѣверо-западной Руси и въ Галиціи. Если возобладаніе полонизма было сильно въ сѣверо-западномъ краѣ, обширномъ, непосредственно примыкавшемъ къ цѣлой массѣ русскаго племени, то шансы для распространенія польскаго элемента были еще больше въ Руси Галицкой, которая была послѣднимъ краемъ русскаго племени, притомъ гораздо раньше и безусловно вошла въ составъ польскаго государства. И здѣсь, однако, вліяла не многочисленность го-

сподствующаго политически народа, такъ какъ масса населенія, остававшагося на мѣстѣ, съ тѣхъ поръ и донынѣ была русская, — а извѣстное превосходство въ культурномъ отношеніи. Говорятъ обыкновенно, что высшіе классы западной Руси „измѣнили" своему народу, т.-е. измѣнили въ смыслѣ формальнаго предательства; но когда такая измѣна совершается поголовно, она предполагаетъ не одну только нравственную порчу (которая впрочемъ также была бы характерна), а и нѣчто другое. Это нѣчто несомнѣнно было упомянутое превосходство польскаго быта надъ русскимъ въ отношеніи культуры и образованія. Мы не хотимъ сказать, чтобы Польша сама совершала здѣсь что-либо самобытное (извѣстно напротивъ, что сюда издавна двигался чужой, именно нѣмецкій, трудовой элементъ и промыселъ еврейскій), но за Польшей стояла культура западно-европейская и польская образованность достигла замѣчательной высоты. Такимъ образомъ, въ этихъ польско-русскихъ отношеніяхъ происходила встрѣча болѣе простой русской жизни съ отголосками болѣе развитой жизни и культуры западно-европейской. Народъ не считался, — но въ тѣ времена онъ и нигдѣ не считался, и отдѣлиться отъ него по языку, обычаю, наконецъ, даже и по религіи не было большой трудностью: съ точки зрѣнія аристократической, или барской, тогда это дѣлалось также легко, какъ и въ новѣйшее время наше барство офранцуживалось, поощряемое къ тому малымъ развитіемъ науки и литературы на отечественномъ языкѣ и грубостью домашнихъ нравовъ, и ни мало не смущаясь удаленіемъ отъ языка и обычая своихъ крѣпостныхъ. Вина такой легкости „измѣны" лежитъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на учрежденіяхъ, которыя народнымъ рабствомъ подавляли народное достоинство, и на слабости просвѣщенія, изъ котораго притомъ народъ былъ исключаемъ... Позднѣе фанатическая пропаганда католицизма, вмѣстѣ съ насиліемъ соціальнымъ, вызвали отпоръ, и пробужденіе національнаго чувства кончилось козацкими войнами; но на галицкомъ западѣ движеніе было все-таки слабѣе, и когда здѣсь установилась унія, то полонизація пошла еще успѣшнѣе.

При раздѣлѣ Польши, Галиція отдана была Австріи какъ польская земля, но австрійское правительство замѣтило ея русскіе элементы; во время Іосифа II австрійское правительство сдѣлало нѣчто для русскаго образованія, давая въ школѣ, даже высшей, мѣсто русскому языку. но потомъ сочло болѣе для себя полезнымъ не поощрять русской народности подъ бокомъ у русскаго государства. При Меттернихѣ господствовала знаменитая система полицейскаго деспотизма, которая не терпѣла проявленій самобытности ни общественной, ни національной, и когда не было жизни политической, подозрѣвала и преслѣдовала кабинетныхъ ученыхъ. „Днѣстровая Ру-

салка"—небольшая невинная книжка, какихъ выходятъ сотни въ удовольствіе этнографовъ и безъ всякой опасности для существующаго порядка — въ тогдашнихъ условіяхъ стала событіемъ, которое встревожило полицію. Случай былъ необычный: заявляла о своемъ существованіи какая-то народность, считавшаяся погребенною [1]. Когда бывало нужно, австрійское правительство умѣло, однако, вспоминать о существованіи русской народности въ Галиціи и выдвигать ее противъ поляковъ. Въ 1847, говорили поэтому, что Стадіонъ (губернаторъ Галиціи) „выдумалъ русиновъ"—для этой цѣли; но, какъ видно, между прочимъ, и изъ напечатанныхъ теперь воспоминаній старыхъ галицко-русскихъ писателей, русины и въ 30-хъ годахъ были очень хорошо извѣстны австрійской полиціи [2]...

Какъ бы то ни было, однако, поляки оставались господствующимъ племенемъ въ Галиціи. Старая привычка господства, долгое молчаніе галицко-русской народности, поощренія самой власти, давно внушали полякамъ представленіе, что этой народности и въ самомъ дѣлѣ нечего считать: на покорныхъ хлоповъ, на безсильныхъ мѣщанъ, на приниженное уніатское духовенство можно было не обращать вниманія или, по крайней мѣрѣ, можно было назвать ихъ народность лишь оттѣнкомъ польской. Въ пору пробужденія славянскихъ сочувствій, интересъ къ народу возросъ; нѣсколько мистическій народный романтизмъ влекъ за собой и болѣе высокое нравственное представленіе о народѣ и, частію, лучшее отношеніе къ нему въ реальной жизни; но понятіе о подчиненности галицко-русскаго племени не измѣнилось. Даже въ средѣ людей просвѣщенныхъ галицко-русская народность не получала своего права: многовѣковая принадлежность этого народа къ польскому государству, бытовое и образовательное подчиненіе польскому авторитету, дѣлали естественной мысль, что русинамъ и слѣдуетъ остаться въ этомъ польскомъ общеніи; они сочтены были только вѣтвію польскаго племени. Мы приводили выше мысли Вацлава Залѣскаго, который питалъ, однако, живѣйшій этнографическій интересъ къ русской народности и своимъ сборникомъ оказалъ галицкому возрожденію несомнѣнную услугу.

„Твердые" галичане указываютъ въ подобныхъ польскихъ взглядахъ только одну злостную интригу. Но изъ ихъ собственныхъ воспоминаній можно видѣть, что въ тогдашнемъ положеніи вещей эти взгляды могли возникать внѣ всякаго зложелательства.

---

[1]) Директоръ полиціи, Найманъ, говорилъ по поводу этой книжки: „Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen, und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken". Литер. Сборникъ, I, 37.

[2]) См. указанную статью Коцовскаго въ галицкой „Зорѣ", 1885.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ [1]) Головацкій даетъ любопытную бытовую картинку галицко-русской жизни въ началѣ столѣтія—нравовъ сельскаго духовенства, занимавшаго середину между ополяченнымъ панствомъ и русскимъ селяниномъ, имѣвшаго извѣстную долю образованія и долю русской народности (изъ этой среды сельскаго духовенства и вышли потомъ, почти безъ исключенія, главные дѣятели галицкаго возрожденія). Народная жизнь, съ уцѣлѣвшимъ языкомъ и преданіемъ, забывавшимися въ другихъ слояхъ, была рядомъ; но священникъ былъ все-таки человѣкъ другого положенія, онъ водился съ панами и ихъ управляющими, былъ самъ на-половину панъ и полякъ, и только на-половину—русскій. Образованіе, обычаи общежитія, поприще и языкъ общественной дѣятельности были польскіе и это невольно затягивало русскихъ въ полонизмъ. Головацкій происходилъ именно изъ семьи сельскаго священника и прожилъ дѣтство въ деревнѣ, гдѣ и получилъ первыя впечатлѣнія народной жизни и узналъ народный языкъ. Его мать была также дочь священника, но воспиталась въ шляхетскомъ домѣ; отецъ съ матерью говорили обыкновенно *по-польски,* но съ дѣтьми говорили всегда по-русски. У самихъ ляховъ той мѣстности (приказчиковъ и прислуги графа-помѣщика) дѣти тоже говорили по-русски, вѣроятно, подъ вліяніемъ обстановки, т.-е. русскаго сельскаго населенія. Отецъ любилъ разсказывать про Россію, про французскую войну, про русскія войска, проходившія черезъ Галицію, и русскихъ генераловъ, управлявшихъ Галиціей въ 1809 году. Въ дѣтствѣ автору „Воспоминаній“ случалось бывать въ гостяхъ, гдѣ собиралось большое общество, польское и русское; тамъ, бывало, пѣли хоромъ пѣсни польскія и русскія (кажется, и книжныя, и народныя). „Въ то время и поляки говорили иногда по-русски и не чуждались пѣти русскіи пѣсни, даже московскіи“... Отецъ отправлялъ службы въ уніатской церкви, а иногда и въ костелѣ; въ своей приходской церкви онъ читалъ проповѣди изъ почаевскихъ „Патріархальныхъ (читай: Парохіальныхъ) наукъ“ 1749 г., или „изъ тетрадокъ, писанныхъ *польскими буквами*“. „Въ то время почти никто изъ священниковъ *не зналъ русской скорописи.* Когда же отецъ служилъ въ Пенякахъ, и въ церкви бывала графиня (помѣщица) съ дворскими паннами, или кто-нибудь изъ подпанковъ, то отецъ говорилъ *проповѣдь по-польски*“. Мать автора „Воспоминаній“, женщина благочестивая, „читала изъ Почаевскаго молитвослова, *напечатаннаго польскими буквами и съ польскимъ переводомъ*, акаѳисты и молебны“.

Отецъ училъ автора „по печатному букварю церковно-славянской

---

[1]) Литер. Сборникъ Дѣдицкаго, II—III, стр. 121 и слѣд.

[illegible] читати *по-русски;* но писати я по-русски не [illegible] ни отецъ, ни дьякъ *не умѣли писати* русской [illegible]".

[illegible] „обще-русскія" или южно-русскія образовательныя [illegible] столѣтія. Впослѣдствіи, авторъ, какъ и его сверст[illegible] львовской школѣ, научились настоящему русскому [illegible] образцу русскаго курсивнаго письма въ попавшейся [illegible] Тапне.

[illegible] въ началѣ нашего столѣтія, и въ прошломъ вѣкѣ, [illegible] старину (какъ извѣстно теперь по памятникамъ), поль[illegible] употреблялось здѣсь для русскаго языка, то было ли [illegible] со стороны Лозинскаго попробовать тотъ же пріемъ [illegible] молодые патріоты думали о новомъ книжномъ развитіи [illegible] народнаго языка? Русскаго письма не знали: русскимъ счи[illegible] языкъ церковный; книги, даже церковныя, ходили въ поль[illegible] переписи. (Въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній" разсказывается, что [illegible] стараго вѣка возставали даже противъ нашей русской граж[illegible] печати). Мудрено ли, что Лозинскій на этихъ первыхъ по[illegible]рахъ могъ находить удобнымъ письмо, уже привычное большинству? Послѣ, галичане сами признали, что Лозинскій при всѣхъ своихъ особенныхъ мнѣніяхъ былъ, однако, великій патріотъ, заслуги котораго они не сомнѣваются ставить рядомъ съ заслугами А. С. Петрушевича и самого Головацкаго [1]).

Политическія событія отражались различно въ разныхъ слояхъ галицкой жизни. Авторъ „Воспоминаній" разсказываетъ, что поляки и русскіе одинаково сочувствовали греческому возстанію, одинаково радовались русско-турецкой войнѣ, побѣдамъ Паскевича и Дибича,— когда нѣмцы и евреи не сочувствовали ни грекамъ, ни русскимъ. „Во время коронаціи, въ Варшавѣ 1829 г.,—говоритъ Головацкій,— поляки были въ восторгѣ: они говорили: царь Николай отниметъ Познань и возстановитъ королевство по желѣзныи столпы. Тутъ столкнулись національныя преданія и желанія. Мы вѣрили, что царь отберетъ Познань, но ни за что не хотѣли отдати Польщѣ Волыни, Подолья, Бѣлой и Червоной Руси: мы отстаивали русскія земли, спорили съ ляхами, наконецъ, порѣшили: „не дадимъ вамъ ни одной пяди русской земли. Поки церкви—все наше, якъ будьто се зависитъ отъ нашего рѣшенія!"

Мы видѣли, что одинъ изъ „старшихъ" русскихъ патріотовъ [illegible] не ушелъ въ 1830 г. подъ знамена Хлопицкаго: на дѣлѣ онъ,

1) Сборн. II [illegible] III, стр. 112—114: „[illegible] Лозинскій есть писатель вели[illegible] для насъ значенія, [illegible] посреди первыхъ борцевъ за Русь занятн самое [illegible]".

слава Богу, туда не ушелъ, но эта подробность любопытна, какъ образчикъ того, какъ переплетены были въ жизни отношенія русиновъ и поляковъ.

Польское возстаніе 1830—31 года произвело, повидимому, рѣзкое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи: галицкіе поляки приняли живѣйшій интересъ въ этомъ дѣлѣ; студенты-поляки сотнями переходили за Вислу, туда посылались деньги, оружіе и пр. „Съ жадностью читались газетныя извѣстія, возбуждая въ однихъ радость, въ другихъ уныніе. Нѣмцы казались неутральными, но въ душѣ радовались временнымъ удачамъ польскихъ полководцевъ. Даже нѣмецкіи власти смотрѣли сквозь пальцы на то, что комитеты полу-явно собирали гроши, вооружали повстанцевъ и посылали ихъ за кордонъ". Но сочувствія русиновъ были на русской сторонѣ; они были довольны неудачей польскаго дѣла: когда получено было извѣстіе о взятіи Варшавы, это произвело между русинами большую радость и даже поселяне приходили большими толпами спрашивать: „Правда, що москаль побивъ полякôвъ и добувъ Варшаву?"

Народное сознаніе приходило понемногу, мелькала мысль о самостоятельности русской народной стихіи, но данныя отношенія пока еще не измѣнились.

Когда броженіе еще продолжалось послѣ возстанія между польской молодежью, начальство семинаріи, гдѣ учились тогда друзья „русской троицы", распорядилось „для укрѣпленія воспитанниковъ устроивати время отъ времени торжественныи рѣчи о объязанностяхъ подданныхъ къ монарху". „Шашкевичъ кинулъ между семинаристовъ мысль, почему бы не говорити рѣчей на народномъ языцѣ, и наконецъ, расположилъ къ тому и начальство, и вызвался самъ первый сказати рѣчь. Онъ сочинилъ статью на такомъ языцѣ, на якомъ было писалъ свои сочиненія; ректоръ одобрилъ—и рѣчь вышла блистательно; вся семинарія была въ восхищеніи и русскій духъ поднесся (поднялся) на 100 процентовъ. Пасторалисты дали себѣ слово не говорити проповѣдей даже во львовскихъ церквахъ иначе, только по-русски. Плешкевичъ первый приготовилъ русскую проповѣдь для городской церкви—но подумайте, якова была сила предъубѣжденія и обычая! Проповѣдникъ вышолъ на амвонъ, перекрестился, сказалъ славянскій текстъ и, посмотрѣвъ на интелигентную публику, онъ *не могъ произнести русскаго слова*. Смущенный до крайности, онъ взялъ тетрадку и, заикаясь, *переводилъ* свою проповѣдь и съ трудомъ кончилъ оную. Въ семинаріи рѣшили, что во Львовѣ не льзя говорити русскихъ проповѣдей, развѣ въ деревняхъ; но Шашкевичъ отстоялъ то, чтобы никто изъ русскихъ семинаристовъ не крестился по-польски (i ducha swiętego), чтобы проповѣдникъ текстъ всегда сказалъ прежде

по-славянски и чтобъ никто не надѣвалъ комжи, хотя бы пришл проповѣдывати въ костелѣ, что тогда часто случалось, чтобы таки образомъ нашъ проповѣдникъ всегда представлялся русскимъ и стушовывался между латинниками. Въ оно время то значило выигр въ народномъ дѣлѣ!“ [1]).

Ту-же картину отношеній рисуетъ намъ жизнеописаніе еще одн изъ „старшихъ“ русиновъ, Антонія Добрянскаго (1810—1877). опять былъ священникъ и народный патріотъ, котораго біографъ зываетъ „правымъ сыномъ нашей отчины Галицкой Руси, пророко апостоломъ русской правды, народолюбцемъ и отцемъ нашего оте ства“. Добрянскій прошелъ обычную школу и около 30-го года ок чивалъ ученье въ высшемъ духовномъ заведеніи въ Вѣнѣ. Польс возстаніе и здѣсь волновало молодое поколѣніе и поляковъ, и р скихъ, и внушило, наконецъ, послѣднимъ потребность познакомит съ своей исторіей, которая объяснила бы русско-польскія отношен Здѣсь Добрянскому, какъ раньше другому галицкому патріоту, Л вицкому, пришлось воспользоваться совѣтами и помощью Копита библіотекаря придворной библіотеки. Извѣстная часть славянски патріотовъ и нашихъ славянофиловъ въ прежніе годы созда этому знаменитому славянскому филологу репутацію ненавистни славянства и австрійскаго политическаго агента, способствовавша раздорамъ въ славянскомъ мірѣ для тайныхъ цѣлей австрійской п лиціи [2]). Ближайшее изученіе этой первостепенной научной силы энергическаго характера рисуетъ его въ иномъ свѣтѣ. Жизнеоп сатель Добрянскаго такъ разсказываетъ о его встрѣчѣ съ Копит ромъ (приводимъ его слова на „обще-русскомъ“ языкѣ галицки писателей). „Былъ же тогда—счастливымъ случаемъ—въ той цѣсарской библіотецѣ настоятелемъ еи славянскаго отдѣла мужъ евр пейской славы, ученый Варѳоломей Копитаръ, словенецъ, родомъ ô города Люблины, на-скрôзь перенятый чувствомъ ôтцевскои любв для всѣхъ дѣтей Славянщины, особливо же для насъ русинôвъ, к торыхъ ôнъ *за-для нашои вѣрности славянскому обряду наибôльш любилъ и предпочиталъ*. Онъ-то такъ названный батько-учитель сл вянъ, который еще на 10 лѣтъ передъ симъ (въ 1821 г.) руков дилъ былъ и училъ въ той же библіотецѣ одного русского конвин тора, именно нашого первого знакомитого языкослова Іосифа Левиц

---

[1]) Литер. Сборникъ I, 26—27.

[2]) Эту эрратику не очень одобрялъ и Головацкій (Литер. Сборн. I, 21 [illegible] Копитаръ, по своимъ понятіямъ, также думалъ въ то время, что латин [illegible] алфавитъ можетъ удобно служить для галицко-русскаго языка, но противъ са [illegible] Копитаръ ничего не имѣлъ, какъ имѣли нѣмцы и сами русскіе галича [illegible], предшествовавшаго временамъ Головацкаго.

кого, возрадовался теперь не мало, коли снова узрѣлъ передъ собою такого же молодого русского богослова, Антонія Добрянского, также за свѣтломъ науки въ книгахъ славянскихъ пильно (прилежно) глядающого. Пôзнавши близше нашого Антонія, пôзнавши цѣль и стремленье его духа, батько Копитаръ, яко книгъ славянскихъ глубоко свѣдущій, самъ доброохотно принялъ на себе обовязокъ (обязанность) быти ему руководителемъ, и яко совѣстный учитель пôддавалъ ему книгу за книгою самыи такіи дѣла (сочиненія), которыи для его цѣли найбôльше принадобились" [1]).

Здѣсь Добрянскій читалъ древнія русскія лѣтописи, а затѣмъ и Карамзина, „Исторію уніи" Николая Бантышъ-Каменскаго, Исторію Малороссіи Дмитрія Б.-Каменскаго, читалъ много другихъ книгъ, относящихся до русской исторіи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. „Перечитавши таковыи дѣла основно,—продолжаетъ біографъ,—и выписавши собѣ изъ нихъ много для власного ужитку (для собственнаго употребленія) на будучнôсть, нашъ Антоній уже пересвѣдчился (убѣдился) доводно и окончательно: що *правда* была и есть по сторонѣ русинôвъ, а *кривда* ишла ôтъ ксендзôвъ-іезуитôвъ и ôтъ буйнои шляхты польскои; що кромѣ того многіи русины черезъ принятіе латинского обряда (т.-е. просто католичества) уже ополячились, а уніяты стали уже русинами, и то не лишь по обряду, но и по народности русской". (Это — одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ старое народное преданіе возстановлялось книжнымъ образомъ и народное сознаніе развивалось черезъ посредство новѣйшей исторіографіи, особливо русской). Не по примѣру другихъ, Добрянскій не поддался тому раздраженію, какія возбуждалъ русско-польскій вопросъ тогда и послѣ: споры онъ считалъ безполезными и неубѣдительными для поляковъ, не знавшихъ ни своей, ни русской исторіи. „Вмѣсто того ôнъ благосердно и по дружески препоручалъ (совѣтовалъ) всѣмъ товаришамъ своимъ въ конвиктѣ, такъ полякамъ, якъ и русинамъ, що бы они, яко лучшая молодежь одної великои славянскои родины (семьи), якъ найпильнѣйше (прилежнѣе) занялися изъучепіемъ отечественнои исторіи, которая едино—безъ спору и безъ гнѣву—научитъ ихъ пôзнати настоящую правду. Притôмъ жилъ ôнъ за цѣлый часъ (все время) своего побыта (пребыванія) въ Вѣдни со всѣми товаришами, такъ русскими, якъ и польскими, въ найщиршôй (искренней) особистôй дружбѣ". Его называли нейтральнымъ.

По окончаніи занятій въ Вѣнѣ, Добрянскій назначенъ былъ дома, въ Галиціи, учителемъ въ высшую богословскую школу въ Пере-

[1]) „Антоній Добрянскій", Дѣдицкаго, стр. 16—20.

мышлѣ и впервые поднялъ преподаваніе церковно-славянскаго языка, до тѣхъ поръ заброшенное до полнаго невѣжества. Особеннымъ покровителемъ Добрянскаго въ его школьной народно-патріотической дѣятельности былъ епископъ Снѣгурскій, упомянутый патріотъ. Но до какой степени господствовалъ польскій языкъ въ кругахъ сколько-нибудь образованныхъ и въ школѣ, видно изъ того, что когда Добрянскій составилъ для своихъ слушателей грамматику *старославянскаго* языка, онъ издалъ ее (въ 1837) *по-польски* и уже только въ 1851 вышла она въ русскомъ переводѣ, по просьбѣ „собора ученыхъ русскихъ", собравшагося во Львовѣ въ 1848. Такимъ же образомъ, историческая статья его, написанная по приказанію епископа, о введеніи христіанской вѣры на Руси, напечатана была сначала на польскомъ (1841), и потомъ уже на русскомъ языкѣ (1846). Великимъ событіемъ было въ 1847 г. то, что при торжественномъ освященіи одной новой церкви, гдѣ присутствовали многія свѣтскія должностныя лица, Добрянскій, по приказанію епископа, того же Снѣгурскаго, произнесъ свою проповѣдь не по-польски, а на „хлопско-русскомъ" языкѣ. Біографъ разсказываетъ: „Учувши (услышавши) прехорошо о. Добрянскимъ выголошенную (сказанную) проповѣдь по-русски, одушевилися тымъ всѣ русины и радовалися тому — такъ скажу — радостію невинныхъ дѣтей безсознательно, бо самы они не знали (не умѣли) собѣ сказати: чому ихъ сердця при тôй русскôй проповѣди такою незвычайною исполнилися радостію. Извѣстно бо, що тогда еще чувство русско-народное не розбудилось до тои степени самопôзнанья, до якого мы русины дôйшли уже вскорѣ потомъ въ 1848 г... А, однакожь, причиною ихъ радости пôдъ часъ русской проповѣди въ хировскôй церкви не было ни що другое, якъ тôлько воскресающое изъ мертвыхъ чувство ихъ народное, которого они тогда еще ясно не понимали. Латинскіи же ксендзы... лишь зачули (услышали) русскую проповѣдь, уже изъ церкви удалились до закристіи съ неудовольствіемъ, предчувствуючи некорыстныи (неполезныя) послѣдствія того событія для справы польскои" [1]).

Въ 1848 году наступаетъ въ Австріи „конституційная свобода" (весьма пока непродолжительная) и въ ней находитъ первую опору галицкое народное возрожденіе. Добрянскій одинъ изъ первыхъ ее привѣтствовалъ. „Онъ-то искренній русскій народолюбецъ (привѣтствовалъ) первое явленіе конституціи сейчасъ въ мѣсяцѣ мартѣ 1848 г. патріотичнымъ стихомъ: „До братей русинôвъ", который-то стихъ, хотя первобытно написанный въ языцѣ *польскôмъ* (!), плѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 52—55.

нялъ сердця *русиновъ*, взывая ихъ принятися за великое дѣло возрожденія" [1]).

Когда землямъ австрійской имперіи предоставлено было опредѣлить народность своего населенія и желаемый оффиціальный школьный языкъ, русскіе галичане собрались во Львовѣ въ такъ-называемую „Русскую Раду" и, наперекоръ полякамъ, объявлявшимъ всю Галицію польскою, постановили, что жители Галиціи народъ русскій, считающій до 3-хъ милліоновъ, и желаютъ „на вѣки вѣковъ" называться русинами, и что въ управленіи и школахъ своего края желаютъ языка русскаго, и пр. Затѣмъ, члены Рады, понимая, что народъ долженъ уразумѣть свои національныя права и умѣть защищать ихъ, постановили основать общество для распространенія просвѣщенія въ народѣ и для изданія народныхъ книгъ. Во Львовѣ сошелся „Соборъ ученыхъ русскихъ" и основана была такъ-называемая „Матица". Жизнеописатель съ великими похвалами указываетъ тотъ фактъ, что первою книжкою, которая была одобрена „ученымъ соборомъ" и издана русскою Матицей, былъ русскій *букварь* Добрянскаго [2]). Затѣмъ, Добрянскимъ сдѣлано было упомянутое русское изданіе старославянской грамматики, далѣе „Русска языко-учебная читанка", и т. д.

Итакъ, въ періодъ времени съ начала 30-хъ годовъ и до 1848, положеніе вещей состояло въ слѣдующемъ. Старое историческое преданіе русской жизни едва существовало; оно представлялось народнымъ языкомъ и бытомъ сельскаго населенія, безсознательнаго и не имѣвшаго значенія, и церковнымъ обрядомъ въ уніатской формѣ на полу-забытомъ славянскомъ языкѣ; во всѣхъ слояхъ общества, сколько-нибудь возвышавшихся надъ простонародіемъ, а также въ средѣ духовенства, господствующимъ языкомъ былъ польскій; общественные нравы были польскіе. Знаніе церковнаго языка ограничивалось чтеніемъ книгъ богослужебныхъ, печатанныхъ церковной печатью; азбука гражданская была почти неизвѣстна и даже возбуждала негодованіе людей стараго вѣка; вмѣсто того, въ большомъ употребленіи были церковныя книги, переписанныя польскимъ письмомъ; для самихъ воспитанниковъ духовныхъ заведеній церковный языкъ былъ, по словамъ жизнеописанія Добрянскаго, „равнодушнымъ или ненавистнымъ"; проповѣди говорились по-польски; сами патріоты, для выраженія своихъ народныхъ чувствъ, употребляли языкъ польскій; чтобы быть понятными — по-польски пишутся русскія патріотическія стихотворенія, по-польски печатается грамматика русскаго и церковнаго

[1]) Тамъ же, стр. 58—59.
[2]) Тамъ же, стр. 64—65.

языка. Наша русская литература была почти совсѣмъ неизвѣстна какъ и литература малорусская; съ русскими книгами были знакомы лишь немногіе, встрѣчавшіе ихъ въ большихъ библіотекахъ или потомъ по знакомству получавшіе ихъ изъ Россіи (отъ Погодина или отъ Бодянскаго), и т. д.

Мудрено ли, что для *перваго введенія* народнаго галицко-русскаго языка въ книгу иные думали воспользоваться всѣмъ знакомой польской азбукой вмѣсто рѣдко кому извѣстной русской? Не было ли также естественнымъ, если Вацлавъ Залѣскій въ 1833 году предполагалъ, что галичанамъ слѣдуетъ примкнуть къ польской литературѣ чтобы мѣстныя отличія не дробились, а напротивъ, сливались въ видахъ славянскаго единенія? Въ этихъ предположеніяхъ могла быть и была, ошибка; но въ 1830 годахъ нельзя было предугадывать того что̀ совершилось десятки лѣтъ потомъ; первый нѣсколько прочный успѣхъ галицкаго возрожденія идетъ съ 1848 года, когда ему случайно помогъ политическій переворотъ, наступившій безъ всякаго участія самихъ галичанъ, а вплоть до этого времени ихъ возрожденіе обнаруживалось только немногими отдѣльными фактами, и впослѣдствіи долго, даже до настоящаго времени, галичане все еще не смогли установить своего національнаго вопроса и рѣшить, кто они: южно-руссы или обще-руссы?.. Наконецъ, для оцѣнки отношеній 30-хъ годовъ, надо припомнить и то, что самый интересъ къ старинѣ и народности гораздо раньше высказались въ польской литературѣ (въ царствѣ, и въ Галиціи), и галицко-русское возрожденіе несомнѣнно нашло здѣсь одинъ изъ своихъ источниковъ...

Украинскіе интересы польской литературы до сихъ поръ мало у насъ обращали на себя вниманіе, и въ самой польской литературѣ не были никогда собраны въ цѣльную картину и достаточно сознаны исторически. Немногое, что̀ было у насъ сдѣлано по этому предмету [1]), даетъ нѣкоторое понятіе объ этихъ своеобразныхъ, нерѣдко

[1]) Рядъ статей въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, т. VII, вып. I, Спб. 1872: „Поляки юго-западнаго края: Краткій историческій очеркъ ополяченія юго-западнаго края; Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ; Нравы, обычаи, семейный и общественный быть; Особенности литературы и языка; Коренныя причины антагонизма съ великоруссами и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; Статистическія данныя о католикахъ, въ томъ числѣ и о полякахъ юго-западнаго края“, стр. 815—291; „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, М. Драгоманова, „В. Евр.“ 1875, іюль, стр. 133—179,—затѣмъ литература этого предмета состоитъ изъ отдѣльныхъ свѣдѣній и отрывочной журнальной полемики. За послѣднее время укажемъ не однажды цитированную книгу Н. П. Дашкевича (XXIX отчетъ объ Увар. нагр.), гдѣ

странныхъ, отношеніяхъ къ малорусскому вопросу; но факты еще не вполнѣ изучены,—между тѣмъ ихъ критическое обозрѣніе могло бы способствовать выясненію той междуплеменной путаницы, въ которой два народа жили въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и которая, въ извѣстной степени, продолжается и до настоящей минуты, какъ въ нашемъ западномъ краѣ, такъ и въ Галиціи.

Со времени раздѣловъ, постоянной мечтой польскихъ патріотовъ было возстановленіе Польши „отъ моря до моря" и въ границахъ 1772 года. Эта несбыточная мечта объяснялась отчасти тѣмъ, что польское патріотическое чувство развивалось до чрезвычайной, наконецъ, болѣзненной степени подъ вліяніемъ совершенно исключительныхъ политическихъ испытаній, какія рѣдко случается переносить народамъ и которыя постигли Польшу—въ ея раздѣлѣ „заживо". Преувеличеніе есть всегдашняя черта горячаго патріотизма страстное чувство къ родинѣ всегда закрываетъ ея слабыя стороны и окружаетъ фантастическимъ блескомъ и ея прошедшее, и (если нельзя заблуждаться о настоящемъ) будущее. Каждому народу кажется, что именно онъ есть народъ избранный... Невозможность возстановленія Польши отъ моря до моря не подлежала сомнѣнію, такъ какъ ни у того, ни у другого моря нѣтъ уже и слѣда поляковъ; столь же невозможно было бы и возобновленіе польскаго государства со включеніемъ южно-русскихъ земель, какъ нѣкогда; но здѣсь мечта была пожалуй менѣе фантастической, потому что господство Польши надъ этими землями было еще не очень давнимъ фактомъ, и въ другой формѣ (въ формѣ помѣщичьяго господства надъ украинскимъ крѣпостнымъ населеніемъ, въ формѣ господства польскаго языка, нравовъ и образованія) продолжалось до послѣднихъ десятилѣтій, вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдняго возстанія. Чѣмъ представлялся съ точки зрѣнія поляковъ этотъ подчиненный русскій народъ? Это было крѣпостное хлопское населеніе, на которое тогда не въ одной Польшѣ не обращали вниманія. Наши историки только въ послѣднее время указываютъ „ошибки" Екатерины II, которая, присоединивши „бывшія русскія земли" отъ Польши, ничего не сдѣлала для ихъ русскаго населенія; указывали тѣ же ошибки имп. Павла, Александра I, видѣли, наконецъ, недостаточность или фальшивость мѣръ, принимавшихся противъ полонизма въ юго-западномъ краѣ имп. Николаемъ; выходило на дѣлѣ, что собственно національный вопросъ до самаго послѣдняго времени никогда здѣсь не былъ поставленъ, т.-е. въ сущности и *не былъ со-*

собрано много любопытныхъ данныхъ и объясненій по этому вопросу. Отсылая читателя къ этой книгѣ, мы ограничиваемся только немногими примѣрами, такъ какъ предметъ имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ исторіи этнографіи.

знанъ: мы сами укрѣпляли поляковъ въ убѣжденіи, что они—хозяева въ южно-русскомъ краѣ. „Возвращеніе“ отъ Польши русскихъ земель въ народно-соціальномъ отношеніи свелось къ тому, что польскій крѣпостной народъ русскаго племени оставленъ былъ и подъ русской властью польскимъ крѣпостнымъ народомъ. Это были ошибки съ нашей теперешней точки зрѣнія; но вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдняго польскаго возстанія эти ошибки составляли „существующій порядокъ вещей“, порядокъ законный,—и слѣдовательно, само русское владычество убѣждало поляковъ въ основательности ихъ племенныхъ притязаній.

Польское государство сложилось въ такія формы, которыя не давали залоговъ прочнаго политическаго существованія. Общественное мнѣніе, по давнишнему непониманію соціальныхъ правъ народа наконецъ по упорному протесту противъ событій, осталось приверженоименно къ тому шляхетскому, мнимо „республиканскому“ міровоззрѣнію, на которомъ застигъ польское общество разгромъ польскаго государства. Но среди упрямыхъ традицій большинства, всегда долго тянущихъ прежнюю ноту, сознаніе лучшихъ людей не однажды пыталось направить общество на иной путь. Европейскія событія, гдѣ съ конца прошлаго вѣка было низвергнуто или поколеблено столько старыхъ понятій и реальныхъ учрежденій; глубокія движенія европейской мысли, гдѣ наука и поэзія рядомъ выдвигали мысли о судьбахъ народовъ, о древнемъ поэтическомъ наслѣдіи массъ, и пр., не остались безъ вліянія и находили свой отзвукъ въ сильнѣйшихъ умахъ польской литературы. Какъ отразилось здѣсь освободительное движеніе конца прошлаго вѣка, такъ послѣ отразился романтизмъ, который между прочимъ искалъ своего содержанія въ бытѣ и поэзіи народа. Среди тяжелыхъ впечатлѣній политическаго паденія начинаютъ раздаваться голоса, говорящіе нѣчто новое: все чаще мелькаетъ мысль о народѣ; освободительныя идеи прошлаго вѣка дошли, напр., у Сташица до мысли о необходимости уничтоженія общественнаго неравенства и необходимости освобожденія крестьянъ *съ надѣломъ*; а затѣмъ, въ польской литературѣ можно отмѣтить новое движеніе, часто параллельное съ одновременными идеалами и протестами славянскаго возрожденія. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый епископъ и поэтъ Вороничъ (умеръ 1829). Онъ оплакиваетъ паденіе своего отечества; не умѣя еще постигнуть причинъ этого паденія, проклинаетъ его виновниковъ и особливо нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ и о будущемъ возрожденіи, гдѣ, какъ и въ прошедшемъ, ему представляется панславянское братство. Нѣкоторые стихи Воронича часто цитировались какъ девизы славянскаго единенія: „мы кость отъ костей отцовъ нашихъ, мы одинъ родъ, вездѣ

мы однимъ духомъ дышемъ“ [1])—такъ говорятъ въ его поэмѣ „Сивилла“ родоначальники славянскихъ племенъ. Другой знаменитый польскій писатель начала столѣтія, Казиміръ Бродзинскій (умеръ 1835), философъ, поэтъ и критикъ, котораго считаютъ „предтечею не только Мицкевича, но и всѣхъ направленій польской поэзіи нашего вѣка“, стоялъ на уровнѣ современнаго философскаго и поэтическаго содержанія европейскихъ литературъ и одинъ изъ первыхъ сознательно заявлялъ идею народности. „Ученые труды, — говорилъ онъ, — должны имѣть то главное назначеніе, чтобы связать, какъ можно сильнѣе, понятія политическія, религіозныя и философскія съ *интересомъ народа*“; какъ романтикъ, онъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о народной поэзіи и былъ однимъ изъ авторитетовъ для нашихъ первыхъ этнографовъ, напр. Максимовича.

Подъ вліяніемъ романтизма и стремленій къ народности польская литература коснулась южно-русской исторіи и народности: она встрѣтилась съ ними въ трехъ сторонахъ своей тогдашней дѣятельности —въ исторіографіи, въ поэзіи и этнографіи.

Напомнимъ, что въ началѣ столѣтія въ польской исторіографіи развились, уже не встрѣчавшіеся потомъ въ такихъ размѣрахъ, интересы къ обще-славянской старинѣ и народности въ трудахъ Ходаковскаго, Суровецкаго, Лелевеля, Мацѣёвскаго, Кухарскаго и др. [2]). Это, вмѣстѣ съ успѣхами польской исторіографіи, съ своей стороны вело къ интересамъ южно-русскимъ.

Въ польской поэзіи, одновременно съ заявленіями Бродзинскаго, образовалась извѣстная такъ-называемая украинская школа, представляющая одно изъ любопытнѣйшихъ между-племенныхъ явленій славянской литературы. Самыми яркими и талантливыми представителями этой школы [3]) были Антонъ Мальчевскій, Богданъ Залѣскій и Северинъ Гощинскій, съ цѣлою толпой менѣе замѣчательныхъ послѣдователей. Главное время ея процвѣтанія—двадцатые, тридцатые и сороковые года. Украинская школа одушевлялась поэтическими впечатлѣніями Украйны, ея природы, исторіи и народности. Теперь довольно трудно представить себѣ, какимъ образомъ для польскаго писателя могла доставить поэтическій матеріалъ украинская, т.-е. малорусская, народность, судьба которой исполнена такими враждебными отношеніями съ Польшей, послужившими, въ сущности, на-

---

[1]) Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy
I jednym wszędzie duchem oddychamy.

[2]) См. выше, глава IV.

[3]) См. о ней у Спасовича, „Исторія слав. лит.“, т. II, стр. 609—628; объ отношеніи ея къ украинской дѣйствительности — подробности въ „Трудахъ Экспедиціи“ Чубинскаго, и у Драгоманова; другія указанія дальше.

чаломъ распаденія польскаго государства. Новѣйшіе малорусскіе критики, говорившіе объ украиской школѣ, сурово ополчались противъ нея, раскрывая ея неестественность и внутреннія противорѣчія [1]). Дѣло въ томъ, что, обращаясь къ малорусской народности и исторіи, польскіе поэты брали ихъ только съ той стороны, которая отвѣчала ихъ собственному историческому воззрѣнію; брали тѣ эпохи, когда старое козачество, реестровое и надворное, формировалось *подъ властью* и знаменами польскихъ гетмановъ и пановъ, когда оно сражалось *вмѣстѣ* съ поляками противъ татаръ и турокъ, и еще не возставало *противъ* самихъ поляковъ. Гощинскій, правда, не усумнился въ „Каневскомъ Замкѣ" разсказывать страшные эпизоды гайдамаччины, но его увлекалъ интересъ потрясающихъ картинъ, и трагическое сдѣлало его безпристрастнымъ живописателемъ обѣихъ сторонъ. Но всего чаще, или всегда, поэты украинской школы односторонни, и понятно, что это козачество, которое должно было удовлетворять польскому вкусу, было козачество воображаемое, въ которомъ идеализовано беззавѣтное удальство, гордая свобода—подчиняющіяся только польскому авторитету. Въ чемъ могли быть собственныя бытовыя черты этого „гордаго" козачества, его собственные вкусы и желанія—остается во мракѣ неизвѣстности. Даже Мальчевскій (въ знаменитой и единственной его поэмѣ „Марія", 1825), которому Украйна послужила только обстановкой для польскаго романтико-трагическаго сюжета, рисуетъ съ увлеченіемъ удаль (крѣпостного) козака, „имѣющаго видъ господина среди обычной панской дворни" [2]). Тѣмъ больше, конечно, было чести для Рѣчи Посполитой и для панства—имѣть такихъ „вѣрныхъ" слугъ и подданныхъ.

Для тѣхъ, кто больше помнилъ другую сторону украинской жизни, это подкрашенное изображеніе не могло нравиться; въ немъ видѣли намѣренную, лицемѣрную фальшь, потому что для настоящей характеристики козачества надо было бы прибавить, что этотъ гордый, но покорный козакъ пожелалъ наконецъ быть свободнымъ и своимъ возстаніемъ поколебалъ всю Рѣчь Посполитую... Но въ большинствѣ случаевъ это подкрашиванье было однимъ изъ тѣхъ непроизвольныхъ самообмановъ, какіе встрѣчаются вездѣ, напр., и въ нашей литера-

---

[1]) См. напр. обличенія г. Кулиша („первой манеры"), въ „Основѣ", 1862, февраль, стр. 67 и далѣе: „Полякамъ объ украинцахъ".

[2]) Изображеніе козацкой удали въ I—III главахъ „Маріи" и въ гл. XIII:

Prosty był jego ukłon, krótkie pozdrowienie,
Jednak różnym się zdaje od służalców grona,
Poddany—lecz swobodę z ojca powziął łona.
I gdy dumnie pojrzawszy do pana iść żąda,
Wśród wiodącéj go zgrai jak władca wygląda.

турѣ, когда она, въ прежнее время, рисовала идилліи крѣпостного благополучія. Польскіе поэты избѣгали мрачныхъ сторонъ старой исторіи по тому же инстинкту, какой побуждаетъ толпу патріотовъ всѣхъ временъ и народовъ закрывать глаза на непріятные и тяжелые факты своей жизни; но рядомъ съ тѣмъ у нихъ была своя несомнѣнная любовь къ этой Украйнѣ, которая нѣкогда составляла часть ихъ отечества и гдѣ долго послѣ поляки продолжали быть господствующимъ классомъ. Западный край, край кіевскій, Волынь, Подолія — всѣ эти страны, нѣкогда русскія, стали потомъ на цѣлые вѣка польскими не потому только, что въ нихъ пришло чужое польское панское населеніе, но и потому что сами *туземцы* (высшаго сословія) ополячивались; т.-е. они продолжали оставаться у себя дома, сохраняли связь съ своей мѣстностью и своимъ народомъ,—эта связь не порвалась вдругъ, когда они сами ополячивались; переходы бывали постепенны и, нѣтъ сомнѣнія, что украинская школа, какъ ни проникнута польскою идеею, была вмѣстѣ не совсѣмъ заглушеннымъ отголоскомъ старой родовой памяти. Напр., въ поэзіи Богдана Залѣскаго, неглубокой по содержанію, нельзя не видѣть вполнѣ искренняго теплаго чувства къ этой Украйнѣ, которая была его родиной и въ первыхъ поэтическихъ впечатлѣніяхъ которой участвовалъ несомнѣнно малорусскій сельскій бытъ и малорусскій народъ [1];—съ другой стороны, также понятно, что украинецъ-малороссъ смотрѣлъ на эту страну и народъ совсѣмъ другими глазами.

Если, какъ мы указывали, эпоха украинской школы совпадаетъ въ польской литературѣ съ проявленіями панславянскаго интереса, то не было случайностью, что у самого Залѣскаго являются панславянскіе мотивы (между прочимъ, много переводовъ изъ сербской народной поэзіи), которые казались тогда польскимъ отзывомъ на

---

[1]) Мальчевскій (род. 1793) провелъ первую молодость въ Дубнѣ на Волыни; Падура родился (1801 г.) на Украйнѣ и много по ней странствовалъ; Богданъ Залѣскій пишетъ: „Меня, своего грудного ребенка, спеленала пѣснью мать Украина", или „Съ торбаномъ выросъ я,—вижу Днѣпръ, Ивангору, хату въ дубравѣ, старика-знахаря, точно простился я съ ними вчера. Пѣли тамъ птицы чуть-чуть божій день, и гдѣ пѣли на майданѣ, то раздавался мужественный голосъ воинской славы атамановъ—все смѣшалось въ одну живую пѣснь и я испилъ эту пѣсню"... Дѣйствительно: родившись (1802 г.) на Украйнѣ, онъ прожилъ дѣтство также въ деревнѣ, такъ какъ былъ слабаго здоровья. Гощинскій (род. 1803) былъ землякъ Падуры и провелъ на Украйнѣ молодость. Михаилъ Грабовскій, извѣстный беллетристъ, историкъ и критикъ, былъ также польскій украинецъ; знаменитый нѣкогда, недавно погибшій, Садыкъ-паша Чайковскій, авторъ „Козацкихъ повѣстей"; Александръ Гроза и т. д. были также украинцы.

всеславянское братство и взаимность [1]). Обстоятельства не были бла пріятны, и эти начатки славянской взаимности не развились до пр ныхъ результатовъ; но исторія не должна забыть и тѣ начат въ которыхъ крылась доля здраваго пониманія и чувства, и взаим справедливость въ прошедшемъ могла бы помочь и въ настояще приходить къ болѣе мирной оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній [2]).

Возвращаемся въ Галицію. Разсказывая о первыхъ проявленія галицко-русскаго возрожденія, Головацкій упоминаетъ о неясны стремленіяхъ своего кружка, о томъ, какъ они задумывались на тѣмъ, гдѣ найти искомую народную дорогу, и говоритъ: „Мы п должали толковати, розсуждати, спорити: перебирали всякіи тео и гипотезы,—наконецъ, пришли къ убѣжденію, что о народѣ знаемъ только по наслышцѣ, а народнаго языка, народнаго бі вовсе не знаемъ. Рѣшено было, что нужно идти между народъ, изс довати на мѣстѣ, собирати изъ его собственныхъ устъ пѣсни, ко рыхъ народъ хранитъ въ памяти тысячи, записывати его послови и поговорки, его повѣсти и преданія,—словомъ, намъ философа надо идти въ народъ и учитись у него его мудрости. Послѣ таки розсужденій на очереди сталъ вопросъ о томъ: кто готовъ преодолѣ всѣ препятствія и труды такого предпріятія, и я первый *рѣши идти въ народъ*" [3]). Авторъ самъ подчеркиваетъ послѣднія слова. то, что представляется здѣсь какъ бы новымъ открытіемъ и са бытнымъ рѣшеніемъ, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ (къ которы относится разсказъ) уже не было ново даже относительно южно-ру ской народности въ Галиціи. Мы видѣли, что едва ли не первы задолго раньше этого времени, пошелъ здѣсь въ народъ, польскій южно-русскій, другой человѣкъ и опять полякъ: это былъ Ада

[1]) Вотъ напр. маленькое стихотвореніе: „Gwar Słowiański":

Lubuję bardzo w słowiańskim ja gwarze:
Klaskam od mogił w krąg na rozgraniczu,
Tak Szaffarzyku! tak, tak Kopitarze!
Pieśni héj dawaj Wuku Karadźiczu!
Resztę my powiem Guślarzy-Gęślarze.

Мы припоминаемъ, что въ университетскіе годы Срезневскій, нѣкогда также мантическій панславистъ, въ практическихъ занятіяхъ славянскими нарѣчіями, уч насъ по-сербски—на пѣсняхъ Караджича, по-чешски—на Краледворской руко Колларѣ и Челяковскомъ, по-польски—на Богданѣ Залѣскомъ.

[2]) Обильныя біографическія и библіографическія подробности объ украинс школѣ находятся въ подробной исторіи польской литературы: Rys dziejów literat polskiej podług notat Aleksandra Zdanowicza etc. opracował Leonard Sowiń напр. т. III (Wilno, 1876), стр. 1, 617 и слѣд., и пр.

[3]) Литер. Сборникъ, Дѣдицкаго, I, 22.

цкій, извѣстный въ свое время подъ именемъ Зоріана Доленги-
овскаго. Быть можетъ, не безъ его вліянія развивался въ моло-
польскихъ кружкахъ Галиціи интересъ къ галицко-русской на-
поэзіи, примѣры котораго около 30-го года, начинаютъ уже
ться въ польскихъ журналахъ и сборникахъ еще до появленія
го собранія Вацлава Залѣскаго. Объ этомъ послѣднемъ въ
инаніяхъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей говорится прямо,
о произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. По разнымъ фак-
можно заключать, что самихъ польскихъ ученыхъ интересовали
ы о галицко-русской народности, и что здѣсь была простая и
юбная любознательность, а не одна „интрига". Шашкевичъ,
мому самый талантливый изъ тогдашняго русинскаго кружка,
звѣстно теперь, принималъ участіе въ сборникѣ Залѣскаго; и
ь изъ его ближайшихъ друзей и помощниковъ въ тяжелыхъ
кихъ обстоятельствахъ былъ полякъ-помѣщикъ, Тадей Васи-
й [1]). Головацкій самъ разсказываетъ, какъ дружелюбно прини-
го богатый панъ, графъ Тарновскій (съ нимъ познакомилъ его
е Тадей Василевскій, другъ Шашкевича), въ имѣніи котораго
збиралъ замѣчательный архивъ, и т. п. Исторія объ отноше-
графа Борковскаго къ Вагилевичу, разсказанная Головацкимъ,
ся для насъ неразъясненной; но Борковскій извѣстенъ былъ
динъ изъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго польскаго обще-
ъ Галиціи, и его смерть (въ 1843, на 33 году жизни) вызвала
ія сожалѣнія, между прочимъ, и съ русской стороны. Это былъ
писатель съ панславянскими стремленіями, и его стихотво-
„Славянскія пѣсни", въ свое время очень нравилось и часто
овалось [1]).

,Полякъ-словянофилъ... Василевскій, съ котрымъ поетъ (Шашкевичъ) до кôнця
ивъ въ сердечнôй дружбѣ, не лишь опѣкувавсь Маркіяномъ (не только забо-
немъ) и всею родиною (его семействѣ), але обзнакомлявъ его съ новѣйшими
(произведеніями) украинской, польской и сербской литературы" и пр. „Руска
ека", Онишкевича, 1884, III, стр. XVII, XX—XXI.

Приводимъ нѣсколько стиховъ, которые по своему времени были удачны:

Pieśni słowiańskie, jednéj matki córy,
Odmienne licem, barwą rozmaite,
Lecz w jednéj wielkiéj przeszłości powite
Na śnieżnym grzbiecie starowiecznéj góry...

авянскія пѣсни, дочери одной матери, разнообразныя, разноцвѣтныя, но въ
великомъ прошедшемъ рожденныя на снѣжной вершинѣ вѣковой горы и пр.).

I byli czasy, gdy przy jednym stole
Wszystkieście ludy zabawiały razem,
I w umysł ciężki trudem i żelazem
Lały wesołość, roskosz i swawolę;
Złociły dobrą, gromiły złą dolę.

Едва ли сомнительно, что галицко-русскіе патріоты 30-хъ годовъ окруженные вліяніями польской жизни и литературы, не остались чужды этой народно-романтической стороны тогдашняго польскаго движенія и въ извѣстномъ смыслѣ находили въ немъ даже опору для своего дѣла. Позднѣе, вражда окрасила для нихъ это время иными красками и ихъ новѣйшія воспоминанія едва ли рисуютъ ту эпоху безпристрастно...

Романтическая украинская школа, породила, наконецъ, и чрезвычайно своеобразные примѣры этого смѣшенія въ литературѣ двухъ, совершенно разнородныхъ, элементовъ. Таковы были польскіе поэты другого оттѣнка украинской школы, которые въ своемъ увлеченіи украинскими сочувствіями стали, наконецъ, писать на малорусскомъ языкѣ, польской азбукой, для своего польскаго круга. Извѣстнѣйшимъ поэтомъ этого рода былъ весьма популярный нѣкогда Тимко (собственно Ѳома) Падура (или Падурра). Родившись въ началѣ столѣтія, на Украйнѣ, Падура умеръ, забытый, въ 1871 году, въ кіевской губерніи. Его біографія мало извѣстна и, кажется, еще менѣе чѣмъ теперь извѣстна была въ то время, когда въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ его стихотворенія ходили по рукамъ и пользовались большою популярностью въ польскихъ кругахъ нашей Украины а затѣмъ и въ Галиціи. Тогда думали даже, что Падура совсѣмъ не существуетъ, что имя его есть фикція, покрывающая неизвѣстныхъ поэтовъ въ народномъ духѣ. Этому писателю придавалось такое

Byłyście dziewic wieselném westchnieniem,
Starców wieczorem i domów ogniskiem,
Szumiących wojów tarczą i ramieniem,
Polotem konia i strzały połyskiem,
I kwiatem życia i czarem i cudem,
W święta—religią, na obradach—ludem.

(И были времена, когда за одною трапезою веселили вы всѣ народы вмѣстѣ, и въ душу, отягченную трудомъ и желѣзомъ, вливали радость, наслажденье и разгулъ; золотили счастье, убивали горе. Вы были свадебнымъ вздохомъ дѣвицъ, вечеромъ старцевъ и домашнимъ очагомъ, щитомъ и силою храбрыхъ воителей, полетомъ коня и молніею стрѣлы, и цвѣтомъ жизни. и чарами, и чудомъ, въ празднества—религіей, на сходкахъ—народомъ).

Szczęsny poeta, kto was wszystkie razem
W gorącej piersi wykocha, wypieści,
I duszę waszym nastroi obrazem,—
Nie darmo wielką pieśnią zaszeleści!

(Блаженъ тотъ поэтъ, который всѣ васъ вмѣстѣ прочувствуетъ, выпѣстуетъ въ пламенной груди, и душу свою настроитъ на вашъ ладъ; не напрасно раздастся его великая пѣсня!).

О Дунинѣ-Борковскомъ, см. Zdanowicz-Sowiński, т. III, стр. 432—433; Денница-Jutrzenka, Петра Дубровскаго, Варшава, 1843, ч. 1-я, стр. 185—187; ч. 2-я, стр. 165, 244—245.

особенное значеніе въ польской литературѣ, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Падура родился въ 1801 въ мѣстечкѣ Илинцахъ и происходилъ изъ рода какихъ-то „закарпатскихъ славянъ" (словаковъ или, скорѣе, венгерскихъ русскихъ?), вышедшаго въ Польшу при Владиславѣ IV. Его предки упоминаются въ бурныхъ событіяхъ польской исторіи: одинъ Падура былъ „намѣстникомъ" гусарской хоругви князя Дмитрія Вишневецкаго и палъ въ битвѣ при Подгайцахъ; другой, сторонникъ Эмерика Текелія, кончилъ жизнь въ турецкихъ оковахъ въ Константинополѣ; третій, панцырный поручикъ въ хоругви Іосифа Потоцкаго, убитъ при взятіи козаками Бѣлой Церкви; четвертый, барскій конфедератъ, палъ въ битвѣ при Салихѣ въ 1766. Въ XVIII в. Падуры принадлежали къ небогатой „загоновой" шляхтѣ и семья Ѳомы, изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ, подъ конецъ жила вмѣстѣ въ Махновкѣ, въ кіевской губерніи. Старшій братъ учился въ виленскомъ университетѣ, былъ человѣкъ съ учеными вкусами, много переводилъ, напр., Монтескьё, Руссо, Беккаріа, Сисмонди, Бастіа—но его труды остались неизданными.

Ѳома учился сначала въ элементарной школѣ въ Илинцахъ, потомъ въ Винницѣ,—тамъ и здѣсь его товарищемъ и пріятелемъ былъ Северинъ Гощинскій, который родился въ тѣхъ же Илинцахъ и былъ на два года моложе Падуры. Потомъ они разошлись. Высшую школу Падура прошелъ въ знаменитомъ тогда Кременецкомъ лицеѣ (польскомъ предшественникѣ Кіевскаго университета), гдѣ кончилъ курсъ въ 1825. Здѣсь онъ занимался особливо исторіей, въ поэзіи увлекался Оссіаномъ и Байрономъ, самъ писалъ стихотворенія. Въ это время онъ былъ уже въ какомъ-то знакомствѣ съ Ходаковскимъ, и въ ихъ сношеніяхъ была общимъ интересомъ малорусская козацкая поэзія. Тогда же Падура сблизился съ извѣстнымъ романтическимъ чудакомъ того времени, графомъ Вацлавомъ Ржевускимъ, который, сдѣлавъ продолжительное путешествіе на востокъ, вернулся на Украйну съ прозваніемъ „эмира", на половину паномъ, на половину бедуиномъ. Ржевускій самъ имѣлъ поэтическіе вкусы; Падура сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ, на много лѣтъ они стали неразлучными друзьями, и здѣсь начинается странное поэтическое поприще Падуры. Современникъ, Л. Сѣменьскій, разсказываетъ въ біографіи Ржевускаго: „Жилъ при немъ пріятель, поэтъ Ѳома Падура, который умѣлъ складывать удивительно прекрасныя думки на нарѣчіи русинскаго народа; былъ и торбанистъ Витортъ, который подбиралъ музыку и пѣлъ... а за нимъ хòромъ пѣли надворные козаки, неотступные товарищи своего пана"... Новѣйшій біографъ Падуры, В. Пржиборов-

скій [1]), поэтизируетъ тогдашнюю дѣятельность его въ слѣдующ картинѣ: „Нельзя сказать, чтобы эта жизнь не имѣла въ себѣ і эзіи, не давала извѣстнаго удовлетворенія для души нашего пѣв Едва вырывалась думка изъ его груди, ужъ ее схватывали, на вали хоромъ; ужъ онъ могъ слышать ее звенящею по могиламъ, к ганамъ, по безбрежной степи (?)... Въ извѣстномъ смыслѣ, это бы полнолуніе жизни Падуры, зенитъ его—свѣтлый, убранный таки радужными красками, такой прекрасный и плѣняющій, что кажд поэтъ могъ и можетъ ему въ этомъ позавидовать. Не бумага, не чать схватывали его пѣсни и думы, а живыя сердца, живыя у передавали ихъ взаимно на вѣчное воспоминаніе. Чего же боль можно желать!"

Передъ нимъ открылись двери знатнѣйшихъ польскихъ дом на Украйнѣ—у Ржевускихъ въ Константиновѣ, Потоцкихъ въ Ума Сангушковъ въ Славутѣ. Вездѣ, гдѣ съ открытыми объятіями вст чали „эмира", съ радостью видѣли его пріятеля. Въ эти годы] дура былъ въ Варшавѣ, ѣздилъ по Малороссіи, былъ въ старой Сѣ собиралъ преданія, работалъ въ библіотекахъ; онъ „гордился в маніемъ знаменитыхъ людей и между ними кіевскаго митропол Евгенія,—у него проживалъ недѣлями и могъ пользоваться стары рукописями, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія и о которыхъ ча вспоминаетъ въ своихъ украинкахъ".

Но эта шумная жизнь должна была кончиться. „Эмиръ" Рже скій пропалъ безъ вѣсти (какъ полагаютъ, убитый однимъ изъ с ственныхъ козаковъ); Падура долженъ былъ вынести не мало исп таній и, наконецъ, поселился съ семьей въ Махновкѣ, живя замкн и въ меланхолическомъ настроеніи. Извѣстность его росла не тол на Украйнѣ, но и во всей Польшѣ, а также и въ Галиціи,—хо онъ долго самъ ничего изъ своихъ произведеній не печаталъ.

Первое изданіе его пѣсенъ явилось въ 1842, во Львовѣ [2]). Кн издана была безъ вѣдома автора. Яблонскій говоритъ въ предисло что издалъ стихотворенія Падуры, „сколько ему удалось собрат собраніе не велико, и въ него вошли даже чужія стихотворен Изданіе очевидно вызвано готовой популярностью поэта. Малорусс языкъ въ стихотвореніяхъ Падуры Яблонскій объясняетъ такъ. каждаго народа бываетъ разница между языкомъ литературным народною рѣчью; эта разница въ различныхъ мѣстностяхъ (powiata получаетъ разные оттѣнки, и эти особенности языка называютъ которые діалектами или нарѣчіями; „народъ старой Польши" по

[1]) Biblioteka Warszawska, 1872, т. IV, стр. 410—423: „Tomasz Padura".

[2]) Pieśnia Tomasza Padury. Wydanie Kajetana Jabłońskiego. We Lwowie, 1 Мал. 8° или 12°, 93 стр.

и творитъ себѣ на своемъ мѣстномъ языкѣ (powiatowszczyźnie) пѣсни, которыя не только для него служатъ нравственнымъ укрѣпленіемъ, но могутъ быть съ пользою читаны и литературной публикой и самими артистами, и разсудительный выборъ пѣсенъ всегда будетъ цѣниться и внушать интересъ; — неудивительно, что и художникъ, заимствующій не одну подробность изъ пѣсенъ народа, старается съ своей стороны отблагодарить его богатствомъ своей души и пускаетъ въ народъ ту или другую пѣсню, произведеніе своего времени и тѣмъ болѣе отвѣчающее нынѣшнимъ потребностямъ, и эту пѣсню, для большей иллюзіи, одѣваетъ въ мѣстный языкъ, powiatowszczyznę, этого народа. Къ лучшимъ поэтамъ этого рода причисляется Томашъ Падура [1]).

Въ 1844, Падура изготовилъ самъ изданіе своихъ сочиненій, вышедшее въ Варшавѣ [1]).

Стихотворенія Падуры вообще встрѣчены были въ польской литературѣ съ величайшими похвалами. Первый львовскій издатель, и послѣдующіе критики (даже до нашего времени), во-первыхъ, полагали, что малорусскій языкъ есть именно мѣстное нарѣчіе, powiatowszczyzna польскаго языка, и что Падура отлично владѣлъ этимъ языкомъ; и во-вторыхъ, были увѣрены, что онъ вполнѣ усвоилъ характеръ народной малорусской поэзіи. Таковъ былъ, напр., отзывъ Вл. (вѣроятно, Войцицкаго) въ „Варшавской Библіотекѣ“ (1843, № 1) по поводу львовскаго изданія: „многія стихотворенія Падуры обратились въ вѣчное достояніе народа; Падура старался пробудить на Украйнѣ память о ея былой славѣ“; онъ „изобразилъ въ своихъ думахъ весь бытъ и народный характеръ козаковъ“; „никто не умѣлъ сильнѣе Падуры трогать сердца и не *пѣлъ* на прелестнѣйшемъ языкѣ“ и т. п. [3]). Еще болѣе восторженный отзывъ даетъ Винцентій Поль. По его мнѣнію, „Падура принадлежитъ къ рѣдчайшимъ по-

---

[1]) Болѣе раннія указанія о Падурѣ Яблонскій отмѣчаетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ краковскомъ Powszechnym Pamiętniku, 1835; въ краковскомъ Pamiętniku Naukowym, 1837, т. II, стр. 341; въ книгѣ Л. Лукашевича: Rys dziejów pismiennictwa polskiego, стр. 86; въ Tygodniku Petersburskim; въ „Poezyach T. A. O.“ (Олизаровскаго), вышедшихъ въ Краковѣ 1836, стр. 29, 90; наконецъ въ Przyjacielu ludu, 1838, стр. 50, и т. д.

Изъ стихотвореній Олизаровскаго приводится у Яблонскаго, Пржиборовскаго, Войцицкаго, „Spiew Kozaka“, какъ прибавленіе къ біографіи Падуры, гдѣ разсказывается о жизни Падуры у Вацлава Ржевускаго.

[2]) Ukrainky z nutoju Tymka Padurry. Warszawa, 1844, 8°, 195 стр. Упоминается, въ „Покажчикѣ“ г. Комарова, 1883, посмертное львовское изданіе Падуры 1874 г., но мы не нашли его въ библіотекахъ Академической и Публичной.

[3]) Ср. Войцицкаго, Hist. literatury polskiej w zarysach, t. IV, Warszawa, 1846, стр. 168—171.

этическимъ явленіямъ,—я сказалъ бы, на земномъ шарѣ, потому ч онъ—писатель иного духа, и писатель иного языка"; Падура, это камертонъ новѣйшей польской литературы: „если кто вывелъ на на новое поле, то, конечно, насъ вывелъ Падура"; „гамма его оче короткa, очень мала, но и гамма соловья тоже мала, и, однако, всяк слушаетъ ее съ восторгомъ"; „только послѣ Падуры могъ явить Залѣскій и другіе, до Падуры это было невозможно",—нѣкогда е признáютъ во всемъ славянствѣ, а въ польской литературѣ его пѣс и думы имѣютъ то же значеніе, какъ поэзія Гезіода въ литерату греческой [1]). Но еще въ тридцатыхъ годахъ въ Падурѣ усомнил Михаилъ Грабовскій, къ которому присоединяются и нѣкоторые н вѣйшіе историки польской литературы [2]).

Малорусскіе и галицко-русскіе читатели отнеслись къ Паду съ весьма опредѣленнымъ отрицаніемъ, заявляя, что ни малорусск языкъ не есть нарѣчіе польскаго, ни Падура не усвоилъ себѣ х рактера и языка малорусской поэзіи, или, другими словами, усвоил лишь въ той мѣрѣ и смыслѣ, какъ ихъ понимала польская шлях на Украйнѣ. При появленіи львовскаго изданія, одинъ изъ ревнос ныхъ дѣятелей тогдашней малорусской литературы, Ѳ. Евецкій, н писалъ подробный разборъ книжки [3]). Критикъ замѣтилъ, что „во поминанія Падуры о былой славѣ и удали козаковъ, надуты и н пыщенны, но въ нихъ нѣтъ ни чувства, ни истиннаго одушевлені. Главный элеменъ козачества: пламенная привязанность къ вѣрѣ, с всѣмъ пропущенъ авторомъ! Другой, чрезвычайно важный, элемент козачества: кровная ненависть къ „нехристямъ" и „басурманамъ изображенъ имъ весьма слабо. Напротивъ, вездѣ у авторá замѣт близкое сочувствіе къ „ляхамъ", которое могло быть мѣстное, в Волыни, но никогда не существовало въ такой степени по всей Мал россіи, и даже не могло существовать, по различію вѣры, язык народнаго характера и еще вслѣдствіе историческихъ событій". Пѣсн Падуры приторны и неестественны и критикъ вообще отрицает всякую возможность сравненія Падуры съ авторомъ „Гетмана Ко синскаго" и „Русалокъ", т.-е. съ Богданомъ Залѣскимъ, какъ это сдѣлано было львовскимъ издателемъ: у Залѣскаго, какъ и другихъ писателей украинской школы, Евецкій находитъ, при извѣстныхъ односторонностяхъ, настоящую поэзію, которой могъ бы сочувство-

---

[1]) Цитата у Пржиборовскаго, стр. 421—422.

[2]) См. Zdanowicz-Sowiński, III, 634—637.

[3]) Денница, П. Дубровскаго, 1843, ч. 1-я, стр. 196—206. Евецкій указалъ, между прочимъ, что въ число сочиненій Падуры попала баллада: Pani Twardowska, малорусскій переводъ которой сдѣланъ былъ Гулакъ-Артемовскимъ. Раньше, въ Денницѣ, 1842, № 19, былъ помѣщенъ короткій отзывъ о книжкѣ, присланный изо Львова.

вать и малорусскій читатель,—но не находитъ подобной поэзіи у Падуры. Что касается языка стихотвореній, онъ вовсе не такой чистый украинскій, какимъ представлялся польскимъ критикамъ: напротивъ, это языкъ путаный, смѣсь малорусскаго съ русскимъ, польскимъ и даже церковнымъ, и притомъ съ неправильностями, не принадлежащими никакому языку. Не менѣе сурово отнесся къ Падурѣ и г. Кулишъ, которому его произведенія, какъ вообще произведенія всей польской украинской школы, кажутся шляхетской забавой, которая выражаетъ готовность поляковъ быть съ украинцами за панибрата, но отъ которой эти послѣдніе сторонятся [1]). Въ польскомъ обществѣ сохраняется, однако, до сихъ поръ представленіе, что Падура наилучшимъ образомъ усвоилъ характеръ и языкъ южно-русской народной поэзіи [2]).

Замѣчанія малорусскихъ критиковъ о содержаніи и языкѣ произведеній этого рода, безъ сомнѣнія, справедливы. Падура беретъ изъ малорусской дѣйствительности только черты, которыя пріятны на польскій взглядъ, и не затрогиваетъ больного мѣста польско-малорусскихъ отношеній; но какъ въ произведеніяхъ Богдана Залѣскаго было бы несправедливо видѣть одну шляхетскую забаву, такъ и здѣсь мы готовы были бы предположить и болѣе искреннее, хотя бы неполное и наивное отношеніе къ малорусской жизни. Именно намъ кажется, что украинская школа, Падура и его послѣдователи, были литературными предшественниками болѣе серьезнаго движенія польскихъ умовъ въ смыслѣ украинскихъ сочувствій, которое въ концѣ 50-хъ годовъ выразилось въ извѣстной польской „хлопоманіи“. Обыкновенно полагаютъ, что хлопоманія была произведеніемъ новѣйшей эпохи русско-польскихъ отношеній—освобожденія крестьянъ и вновь

---

[1]) „Основа“, 1862, стр. 74 — 75. Г. Кулишъ упоминаетъ, впрочемъ, что даже историкъ Запорожской Сѣчи, Скальковскій, принялъ стихотворенія Падуры за дѣйствительно народныя думы и внесъ ихъ въ первое изданіе своей книги.

[2]) Ср. Szujski, „Die Polen und Ruthenen in Galizien“, стр. 278, гдѣ упоминаются „die im reinsten Ruthenisch schreibenden, die Einheit Rutheniens mit Polen betonenden, das lateinische Alphabet gebrauchenden Dichter Tymko Padurra († 1871), Platon Kostecki, Węgliński und Ostaszewski ein“. Въ частности о Падурѣ Шуйскій говорилъ: Padurra ist ohne Zweifel das Szewczenko am nächsten stehende (!) poetische Talent; freilich bieten seine historischen Gedichte, in denen er den Hetman Mazeppa, seine lyrischen, in welchen er unter andern den nach Sibirien geschleppten ruthenischen Fürsten Roman Sanguszko verherrlicht und das Russificiren der Muttersprache (!) innig beklagt, einen grellen Gegensatz zu der „russischen Einheitsidee!“ Но сами украинцы какъ прежде, такъ и теперь, были объ этомъ другого мнѣнія; ср. „Труды Экспедиціи“ Чубинскаго, т. VII, вып. I, стр. 253 и д., гдѣ приведены и образчики стихотвореній этой школы.

См. также спеціальную статью о Падурѣ въ „Кіевской Старинѣ“, 1889, сентябрь, стр. 727—751: „Ѳома Падура“, критическій очеркъ Ф. Равиты.

возникшаго политическаго броженія въ польскомъ обществѣ: на дѣлѣ, хлопоманія, какъ сознаніе неправильности и несправедливости польскаго политическаго и особливо соціальнаго отношенія къ украинскому народу, имѣетъ гораздо болѣе ранніе прецеденты, и именно ясныя выраженія ея мы находимъ еще въ польской эмиграціонной литературѣ сороковыхъ годовъ. На этомъ любопытномъ явленіи мы остановимся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Позднѣйшія отношенія малорусско-польскія.

Политическое и нравственное состояніе польской эмиграціи.—Польскій украинофилъ въ эмиграціи: Як. Яворскій.
Движеніе шестидесятыхъ годовъ: хлопоманія.
Польскій украинофилъ въ Галиціи.
Изслѣдованія этнографическія: Оскаръ Кольбергъ; Новосельскій; труды Краковской Академіи и пр.

До сихъ поръ не написана исторія польской эмиграціи, послѣдовавшей за неудачею возстанія въ 1830—1831 годахъ. Для этой исторіи есть много матеріала въ произведеніяхъ польской эмиграціонной литературы; много фактовъ даетъ политическая исторія съ 30-хъ и до 60-хъ годовъ, но все это еще не вполнѣ рисуетъ внутреннюю жизнь эмиграціи, не изображаетъ того психологическаго состоянія, въ какомъ очутились страстные патріоты, выброшенные неудачей возстанія за границы своей родины. Это психологическое состояніе несомнѣнно было ужасно. Это была не только потеря родины со всѣмъ тѣмъ кругомъ дѣятельности, впечатлѣній, обстановки, которыя съ дѣтства были дорогой привычкой, условіемъ существованія; но это была въ сущности потеря всякихъ сколько-нибудь исполнимыхъ ожиданій отъ будущаго. Присоединялось и тяжкое бѣдствіе матеріальное: лишь немногіе сохранили болѣе или менѣе свои матеріальныя средства; большинство оказалось въ нищетѣ. Правда, по разнымъ причинамъ,—и потому, что поляковъ считали бойцами за народную свободу, и потому, что они были врагами именно Россіи,— польскіе эмигранты встрѣчали въ Европѣ не мало сочувствій, особенно во Франціи, гдѣ и основалось главное гнѣздо эмиграціи; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ослабѣвало первое впечатлѣніе, сочувствія сокращались, помощь ограничивалась и положеніе

эмиграціи становилось все мудренѣе въ матеріальномъ отношеніи, а рядомъ становилось все тяжеле и настроеніе нравственное. Послѣ 1831 г., Польша не подавала признаковъ жизни; наступившій порядокъ вещей поддерживался энергически; иллюзіямъ не было мѣста. Но иллюзія оставалась единственной почвой, на которой могла жить и мысль, и патріотическое чувство; родина все болѣе и болѣе принимала для эмиграціи идеальныя очертанія обѣтованнной земли, украшаемой всѣми очарованіями, которыя рисовало наболѣвшее чувство; жизнь реальная ускользала отъ анализа и исторія не послужила урокомъ.

Эмиграція остановилась на тѣхъ идеяхъ, съ которыми покинула родину; она не взглянула на вещи съ новой точки зрѣнія, а только развивала старую, пріискивая для нея новыя опоры во внѣшнихъ обстоятельствахъ и въ фантазіи. То полагали, что какія-нибудь политическія комбинаціи измѣнятъ положеніе вещей и дадутъ Польшѣ полную свободу; то идеализировали безъ конца „польскую идею", изъ которой сдѣлана была настоящая мистическая религія и, наконецъ, спасительная панацея для цѣлаго человѣчества. Главныя надежды долго и безплодно направлялись на Францію,—это тянулось до самаго Наполеона III; только долго спустя, поляки убѣдились, что имъ нечего ожидать съ этой стороны, что никто въ Европѣ не захочетъ воевать съ Россіей изъ платоническаго желанія возстановить такую Польшу, какой хотѣлось самимъ полякамъ. Поляки хватались за всѣ выраженія антипатіи и вражды къ Россіи, какія нерѣдко слышались въ тогдашней политической литературѣ, и связывали съ ними свою собственную вражду,—они только не замѣчали, что источники той антипатіи были не совсѣмъ тѣ, или совсѣмъ не тѣ, какими руководились они сами, что вообще ихъ политическія стремленія были далеко не тождественны съ стремленіями европейскаго либерализма или радикализма: они не замѣчали, напримѣръ, что если въ европейскомъ политическомъ движеніи шла рѣчь о свободѣ и демократіи, то это была совсѣмъ не та свобода и демократія, о которыхъ думали поляки, что та свобода предполагала демократическое равенство, предполагала свободу мысли, между тѣмъ, какъ общество польское все было проникнуто идеями и привычками шляхетскими, а свобода мысли была несовмѣстима съ тѣмъ ультра-католицизмомъ, который издавна сталъ чертой польскаго общества и нераздѣльнымъ условіемъ его патріотизма. Въ этомъ смѣшеніи польскаго дѣла съ европейскимъ либерализмомъ крылось несомнѣнное недоразумѣніе, которое, конечно, должно было раньше или позже обнаружиться... Надежды на европейское вмѣшательство не осуществлялись; попытки волновать Польшу изъ-за границы путемъ литера-

туры и черезъ посредство эмиссаровъ оказывались безплодны; книги доходили съ трудомъ, эмиссары попадались въ руки русской власти и погибали вмѣстѣ съ тѣми, кто вступалъ съ ними въ сношенія.

За невозможностью борьбы реальной, чувство къ родинѣ уходило въ фантастическія построенія, обѣщавшія этой родинѣ возвышенное будущее, взамѣнъ тяжкихъ испытаній настоящаго. Извѣстно болѣе или менѣе и въ нашей литературѣ, до какихъ размѣровъ дошли эти увлеченія польской эмиграціи въ мистическомъ ученіи Товянскаго, въ фантазіяхъ Гоэнэ Вронскаго, въ „мессіанизмѣ" Мицкевича. Ученіе Товянскаго исполнено такими блужданіями мысли и чувства и, однако, находило такихъ фанатическихъ послѣдователей, что его распространеніе объясняется именно страшно возбужденнымъ настроеніемъ эмиграціи. Біографія Мицкевича, который былъ въ числѣ ревностныхъ приверженцевъ Товянскаго за эти (сороковые) года, есть печальная исторія нравственнаго страданія, которое кончалось мистицизмомъ, болѣзненными порывами, пророчествами, но гдѣ среди мистическаго мрака нерѣдко блистала поэтическая сила и благородныя мечты о лучшемъ христіанскомъ будущемъ человѣчества и, особенно, любимой родины. Эта родина то вставала передъ нимъ какъ живая въ поэтическихъ картинахъ „Пана Тадеуша" и „Дзядовъ", то облекалась въ мистическій образъ, въ которомъ не было ничего реальнаго, но гдѣ собрались самыя пламенныя мечты поэта объ ея возрожденіи. Таковъ былъ извѣстный „мессіанизмъ" Мицкевича, гдѣ рядомъ съ культомъ Наполеона предвозвѣщалось будущее обновленіе человѣчества черезъ славянство: это племя не равнялось съ Европою ни въ наукѣ, ни въ искусствахъ, но несравненно сильнѣе, чѣмъ Европа, сохранило оно свѣжесть чувства, воспріимчивость къ глубочайшему содержанію христіанства, которымъ и должно было возродить жизнь человѣчества,—и во главѣ всѣхъ эта миссія принадлежала народу польскому... Польскіе историки и публицисты, работавшіе въ эмиграціи, были въ тѣхъ же условіяхъ: оторванные отъ родины, они возвеличивали прошедшее Польши и въ протестахъ противъ виновниковъ ея паденія не думали искать иныхъ причинъ печальнаго факта, кромѣ грубаго насилія и несправедливости. Въ этомъ настроеніи создалось и то этнографическое представленіе о племенахъ: польскомъ, „русскомъ" и „россійскомъ", которое изложено было особливо въ писаніяхъ Духинскаго [1]) и не однажды было опровергаемо въ русской литературѣ. Эта теорія такъ

[1]) Начатки этой этнографической теоріи появляются, впрочемъ, ранѣе Духинскаго. О немъ писалъ Костомаровъ въ „Основѣ"; см. также въ „Вѣстн. Европы", 1887, январь: „Тенденціозная этнографія", по поводу книжки о Духинскомъ И. А. Бодуэна де-Куртенэ.

эмиграц[illegible] просто незнако[illegible]
рядомъ [illegible]можными этнограф[illegible]
1831 г. [illegible]тривать именно толь[illegible]
докъ [illegible] умами въ эмиграці[illegible]
Но и[illegible] [illegible]квы" (Россіи) и свя[illegible]
и мы[illegible] [illegible]ки. Польша и Русь, э[illegible]
нима[illegible] [illegible] съ другимъ; ихъ ст[illegible]
шае[illegible] [illegible] ихъ единства, т.-е. пр[illegible]
жизн[illegible] [illegible] — [illegible]льша раньше или позя[illegible]
ком[illegible] [illegible]ственнымъ королевством[illegible]
[illegible]ское, это—туранцы, пр[illegible]
ро[illegible] [illegible] русскій языкъ; настояще[illegible]
ра[illegible] [illegible] XVIII вѣка узурпировали им[illegible]
о[illegible] [illegible]жащее: въ религіи они такж[illegible]
л[illegible] [illegible] (греко-уніатской, подчинен[illegible]
[illegible], и такъ далѣе, — словом[illegible]
[illegible]ихъ невозможностей, съ послѣд[illegible]
[illegible] противъ Россіи какъ борьб[illegible]
[illegible] туранцами, и истинной цивилизаці[illegible]

[illegible] такимъ страннымъ образомъ пере-
[illegible] патріотической страсти, слы-
[illegible] простой исторической и прак-
[illegible] изрѣдка говорили то, что не
[illegible] и революціоннымъ предводи-
[illegible]турѣ встрѣтилась намъ книжка, не
[illegible]ніи. Авторъ, нѣкто Яворскій,
[illegible] родину послѣ возстанія, повиди-
[illegible]граціи, человѣкъ не крупный, но го-
[illegible]димому средней руки шляхтичъ,
[illegible] въ украинскихъ имѣніяхъ графа
[illegible] и посвящена его книжка. Онъ уже
[illegible]ацію: дома онъ, видимо, много
[illegible] Украйны, живалъ и въ другихъ
[illegible] языкомъ владѣлъ довольно хо-
[illegible], прежніе его взгляды и обычаи
[illegible] вся подобная шляхта или гро-
[illegible] книжку Потоцкому, онъ говорилъ,
[illegible] своихъ подданныхъ, на-

[illegible] w swą przyszłość, przez Jakoba
[illegible] 1848 roku. W Drukarni Maistrasse
[illegible]

столько ваши арендаторы и поссессоры были ихъ угнетателями". Самъ онъ, по его словамъ, въ тѣ годы искалъ только прибыли и не обращалъ никакого вниманія на народъ, который былъ для него только грубой рабочей силой. Долгіе годы изгнанія произвели въ немъ большую перемѣну: отношенія, въ которыхъ жили обыкновенно польскіе помѣщики въ малорусскихъ земляхъ и жилъ онъ самъ, предстали ему въ иномъ свѣтѣ, когда онъ пораздумалъ о немъ на своемъ печальномъ досугѣ.

Его взглядъ состоялъ теперь въ слѣдующемъ. Прежде всего Польша во всякомъ случаѣ должна освободиться отъ власти „тирана" и „деспота"; Яворскій негодуетъ на тѣхъ, кто думалъ, что освобожденіе должно простираться только на одну конгрессовую Польшу: по его мнѣнію, Польша должна быть такая, какою была до того насилія, которое совершили надъ ней „три разбойника", т.-е. въ границахъ 1772 года, если не отъ моря до моря, то, по крайней мѣрѣ, до Чернаго моря (о Балтійскомъ онъ умалчиваетъ). Украйна является необходимой составной частью его отечества—какъ это было не въ 1772, а собственно въ первой половинѣ XVII вѣка. Для Яворскаго нѣтъ даже вопроса о томъ, что малоруссы, пожалуй, не захотѣли бы возвратиться въ составъ предполагаемаго польскаго государства—оба племени онъ одинаково противополагаетъ „Москвѣ". Видимо, что живя въ польскомъ шляхетскомъ кругу Украйны, онъ былъ въ наивномъ предположеніи, что живетъ дѣйствительно въ польской странѣ, что украинскій народъ (отличный отъ „россійскаго") не помышляетъ объ удаленіи отъ Польши; теперь Яворскій убѣдился въ ложномъ и несправедливомъ отношеніи поляковъ къ этому народу и эту несправедливость считаетъ крайне вредной политически для общаго польско-украинскаго дѣла. Излагая свои мысли объ этомъ, онъ переносится въ Малороссію и съ сочувствіемъ говоритъ о малорусскомъ народѣ, какъ о своемъ.

Въ первой главѣ онъ ставитъ вопросъ: „Можетъ ли имя короля быть принято за кличъ до повстанія?" Онъ не споритъ, что Польша, „по изгнаніи наѣздниковъ" [1]), въ первыя минуты своего политическаго существованія можетъ установить у себя монархическое правленіе; но онъ возстаетъ противъ того, чтобы именемъ „короля" можно было вызвать къ возстанію цѣлый народъ „долгой и широкой Польши": „это—заблужденіе тѣхъ, которые хотѣли бы навязать монархію, не выслушавши *воли народа*, и такое заблужденіе никогда не можетъ пройти безнаказанно". Въ давней Рѣчи Посполитой имя короля имѣло свое значеніе; но народъ земледѣльческій не

[1]) Сохраняемъ эту терминологію для мѣстнаго колорита.

понимаетъ его. „Неужели же черезъ 13 лѣтъ изгнанничества [1]) мы еще не поняли, что революція *шляхетская*, со своими понятіями и девизами, не можетъ сдѣлать ничего прочнаго; противъ трехъ разбойниковъ нужна вся сила польскаго народа, и это убѣжденіе мы освятили нашими несчастіями. Будемъ же поэтому искать для Польши девиза, который отвѣчалъ бы потребностямъ угнетаемаго народа“ [2]) Яворскій хочетъ говорить только объ Украйнѣ, о земляхъ, гдѣ говорятъ языкомъ украинскимъ. Здѣсь,—замѣчаетъ онъ,—имя короля извѣстно только по одной думѣ о Потоцкомъ; она поется повсюду съ проклятіемъ противъ угнетенія,—и „никогда въ Украйнѣ возстаніе не будетъ вызвано подъ шляхетскимъ кличемъ“. „Мысль о борьбѣ только за конгрессовую Польшу была бы преступленіемъ, даже низостью со стороны тѣхъ, кто на челѣ возстанія забылъ бы нѣкогда о тѣхъ прекраснѣйшихъ земляхъ не только во всей Польшѣ, но и въ Европѣ. Быть можетъ, я увлекаюсь, какъ дитя богатой Украйны, но меня не пойметъ лишь тотъ, кто не знаетъ тѣхъ провинцій, которыя, какъ писалъ Трембецкій, текутъ молокомъ и медомъ“. Яворскій припоминаетъ, что народъ говорилъ повстанцамъ: „nechaj Boh pomahaje tym, chto o nas dobre dumaje“. „Какой же мы видѣли результатъ предсказанія хлоповъ? Польша пала, потому что мы никогда не имѣли *доброй мысли* объ угнетенномъ *народѣ*, и не имѣютъ еще многіе изъ насъ въ эмиграціи; но пусть они помнятъ, какой былъ конецъ революціи, начатой въ 30-мъ году; таково же будетъ и начало слѣдующей, если мы совсѣмъ не удалимъ отъ себя мысли объ угнетеніи“.

Яворскій караетъ шляхту за ея наклонность къ новизнамъ, за потерю старыхъ добродѣтелей: но народъ украинскій, по его словамъ, очень помнилъ, что „въ польскія времена было лучше, чѣмъ теперь“ (мы скажемъ дальше, какъ надо понимать это утвержденіе Яворскаго о „польскихъ временахъ“). О современномъ (въ сороковыхъ годахъ) положеніи вещей Яворскій не обманывается. „Народъ Украйны, Волыни, Подоли *ненавидитъ* своихъ пановъ за угнетеніе, и *справедливо*; у него всегда готовъ ножъ для мщенія... Года три передъ рево-

1) Книжка Яворскаго, по словамъ его, написана была за два года до ея напечатанія.

2) Яворскій, предоставляя людямъ болѣе ученымъ растолковать, почему народъ земледѣльческій не разумѣлъ значенія имени короля, прибавляетъ: „почти во всѣхъ шляхетскихъ домахъ пѣлись пѣсни о конституціи *третьяго мая*, но никто или не смѣлъ, или не умѣлъ перевести эту пѣсню на языкъ народа, чтобы эта традиція могла остаться въ его памяти,—а почему? Легко угадать. Конституція третьяго мая всего слабѣе коснулась счастья и свободы земледѣльческаго народа; можно сказать, что *совсѣмъ не коснулась*.—А теперь вы хотите поднять народъ именемъ короля и конституціи? Ахъ, заблужденіе, и что за заблужденіе!“ и т. д.

люціей 1830 года, украинскій народъ началъ убѣждаться, что не паны, а правительство—причина податей и особенно рекрутства. Но это убѣжденіе ни малѣйшимъ образомъ не ослабило его ненависти къ панамъ, потому что тиранство со стороны помѣщиковъ и тѣхъ, кто отъ имени помѣщиковъ управляетъ хлопами, *сильнѣе* рекрутства и подушныхъ. Прискорбно сказать, что на Украйнѣ, на Волыни и Подоли, мало, чрезвычайно мало число нравственныхъ и честныхъ помѣщиковъ; почти всѣ—тираны; много тщеславныхъ, праздныхъ, безъ образованія, безъ сердца, и много между ними голышей, ибо то, чтó бѣдный хлопъ въ потѣ лица заработаетъ въ годъ, онъ спуститъ въ одинъ мѣсяцъ, и стóитъ *такому* мигнуть, какъ хлопъ видитъ въ рукахъ эконома готовую плеть на свое тѣло".— Картина, вѣроятно, была правдива, но Яворскій дѣлаетъ изъ нея такой выводъ: „какъ же несчастному народу не помнить и не желать давней Польши? И чѣмъ поможетъ имя короля? Ничѣмъ".

Яворскій съ раздраженіемъ и презрѣніемъ говоритъ о магнатствѣ, „богатой испорченной шляхтѣ", которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, „чтó есть недоученаго и празднаго между менѣе богатыми", не забываетъ стараго присловья: szlachcić na zagrodzie równy wojewodzie, или: każdy polak do korony zrodzony. Онъ изумляется, что „въ XIX вѣкѣ еще находятся фамиліи (подразумѣваются Чарторыйскіе), которыя думаютъ, какимъ бы способомъ возложить на свою голову корону бѣдной порабощенной Польши",—потому что не сомнѣвается, что никому изъ магнатовъ не удастся быть королемъ хотя бы конгрессовой Польши „даже на 24 минуты"; напротивъ, это магнатство всего скорѣе измѣняетъ родинѣ изъ-за своихъ интересовъ и даетъ покупать себя игрушками, обѣщаніями и золотомъ.

Въ концѣ этихъ разсужденій является слѣдующій выводъ. „Украинскій народъ,—и я не сдѣлаю ошибки, если скажу: народъ цѣлой Польши,—можно привести въ движеніе, зажечь и воспламенить только во имя свободы. Но, вызывая къ возстанію народъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ пункта напротивъ Кіева, во всей почти губерніи Полтавской, а на правомъ отъ Канева во всей Смилянщинѣ, надо напомнить ему о свободахъ, какія имѣлъ онъ во времена атаманскія, потому что онѣ не вышли изъ его памяти и ничѣмъ не были изглажены. Но надъ Чернымъ моремъ, Днѣстромъ, въ цѣлой Украйнѣ, Подоли и Волыни, народъ понимаетъ только свободу и къ ней стремится. Онъ поднимется весь, если увидитъ и увѣдаетъ, что не паны и никакое магнатство,—потому что сегодня они могутъ обѣщать, а завтра перемѣнить,—но только сама Польша (?), мать всѣхъ своихъ дѣтей, за кровь и жизнь, принесенныя на то, чтобы снять съ нея цѣпи тирановъ, будетъ награждать не только свободой, равенствомъ, но и

кускомъ земли изъ своего лона, за который онъ столько вѣковъ нес: тяжелую *барщину*. Такой кличъ—практиченъ; народъ повѣритъ тогда что Польша его не обманываетъ; онъ тотчасъ схватится за оружіе какое подвернется подъ руку, съ одной мыслью, согласно, и будет истреблять наѣздниковъ".

„Но только онъ долженъ быть вызванъ не какъ хлопъ, крѣпост ной, но какъ полякъ, сынъ одной матери и одного отца (?)—тако эхо разнесется изъ конца въ конецъ долгой и широкой Польши Подъ такіе знаки, изображенные на хоругвяхъ повстанія, направятс всѣ силы, которыя наѣздники насиліемъ отняли у Польши, и он: съ оружіемъ въ рукахъ умножатъ силу отцовъ и братьевъ против угнетателей нашего отечества. Этому надо вѣрить. А если предста вите народу знаки королевскіе, то будьте увѣрены, что всѣ силы отнятыя у Польши изъ земель, находящихся теперь подъ властью наѣздниковъ, вы будете имѣть противъ себя и они будутъ биться за своего царя, цесаря и за своего Koenig'а".

Нѣтъ надобности останавливаться на странности понятій о поли тическихъ отношеніяхъ Польши и Малороссіи, когда Яворскій нахо дитъ чистѣйшую Польшу въ юго-западномъ краѣ, гдѣ было только много польскихъ помѣщиковъ; съ другой стороны, польское госу дарство на Украйнѣ было уже слишкомъ давно. Яворскій увѣ ренъ, очевидно, что поляки могутъ втянуть въ польское возстаніе малорусскій народъ, давши ему свободу и „кусокъ земли"; но, не го воря о малой вѣроятности такого дѣла, какъ было сразу истребить въ народѣ ту ненависть къ панамъ, которую самъ Яворскій указы ваетъ столь категорически? Очевидно, это была соломенка, за кото рую патріотъ хватался, чтобы спасти потерянное дѣло своей родины, но слова его любопытны какъ образчикъ возникшаго понятія о не обходимости иныхъ отношеній со стороны поляковъ къ малорусскому народу.—Въ опроверженіе его мечтаній, въ томъ же 1846 году произошли извѣстныя галиційскія убійства, гдѣ польскихъ помѣщиковъ истребляли даже не малорусскіе, а польскіе же крестьяне.

Слѣдующая глава посвящена вопросу: „чѣмъ можно убѣдить украинскій народъ?"

„Читатель,—начинаетъ онъ,—если ты живешь въ богатой Украйнѣ и если тебѣ по какому-нибудь особенному случаю попадутся на глаза мои воспоминанія, не подражай мнѣ такому, какимъ я былъ до революціи 1830 года. Подумай, и самъ выйди изъ этихъ заблужденій, потому что иначе ты никогда не перестанешь походить на сильнаго звѣря, который бьетъ и угнетаетъ тѣхъ, кто его слабѣе; пусть кончится на насъ то черное, адское пятно, которое недостойно человѣка нѣсколько образованнаго, и пусть оно не коснется молодого по-

колѣнія. Ты знаешь, какое его теперешнее воспитаніе? Но подражай мнѣ, каковъ я теперь, и ты вступишь на истинную дорогу чести; ты узнаешь, что ты—человѣкъ, а не сильная скотина; ты узнаешь въ бѣдномъ, отъ угнетенія униженномъ, нашемъ хлопѣ, равнаго тебѣ, будешь любить его тою же братскою любовію, какую всѣмъ предписалъ Христосъ; ты найдешь въ немъ друга, откроешь въ своемъ закаменѣломъ сердцѣ—спокойствіе, въ твоей холодной душѣ—огонь любви къ ближнему; ты поднимешься выше звѣря. А твое поколѣніе будетъ благословлять тебя, что ты указалъ ему простую, самимъ Богомъ завѣщанную дорогу".

Въ прежніе годы, авторъ часто ѣздилъ въ Одессу для продажи хлѣба. Онъ ѣздилъ обыкновенно, почти каждый годъ, по тракту на Богополь, гдѣ лежалъ и обычный путь чумаковъ, возившихъ пшеницу въ ту же Одессу. Ему вспоминается теперь одна такая поѣздка южнорусской степью, встрѣча и бесѣды съ „гордыми" чумаками. „Ночь темная, погода въ іюнѣ прекраснѣйшая, и трактъ (теперь я могу сказать это, потому что въ ту пору не могъ ни съ чѣмъ этого сравнить) былъ освѣщенъ лучше и яснѣе, чѣмъ парижскіе бульвары. Каждая „валка" (партія) чумаковъ стоитъ одна отъ другой шаговъ на двѣсти, и около каждой зажжены огромные костры изъ сухого бурьяна. При огняхъ сидятъ гордые чумаки; одни играли на своихъ сопилкахъ украинскія думы, другіе, не поражая уха, вторили имъ заунывнымъ, но далеко разносившимся голосомъ. Слышались изрѣдка ревъ быка, ржаніе коня, отдалившихся отъ своего стада, голосъ журавля, ходящаго на стражѣ, когда другіе спали, или другой дикой степной птицы. Казалось, что это было близко отъ тракта, но нѣтъ, это было далеко, очень далеко, въ степи, но эхо доходило до ушей изъ самыхъ далекихъ угловъ равнины въ тихую и спокойную ночь". Только теперь, черезъ многіе годы испытаній и размышленій ему стала ясна увлекательная прелесть этой южной ночной картины, о которой тогда онъ только смутно догадывался. „Только великій поэтъ можетъ это описать; а мнѣ, не имѣющему для этого дара, кромѣ чувства и горести по утраченной отчизнѣ, не слѣдуетъ больше говорить объ этомъ".

Днемъ дорога была отяготительна отъ однообразія степи и невыносимой жары; иногда приходилось встрѣчать отвратительные переходы саранчи... На пути онъ остановился на ночлегъ. „Приблизившись къ одной партіи, я увидѣлъ сидящихъ около огня пять чумаковъ съ головами, нѣсколько заросшими послѣ бритья, съ длинными оселедцами, заложенными за ухо, въ жупанахъ и пестрыхъ широкихъ шараварахъ, во многихъ мѣстахъ запачканныхъ дегтемъ". Путешественникъ расположился на ночлегъ, подлѣ, съ любезнаго поз-

воленія чумаковъ; но лакей, какъ послѣ оказалось, убѣжалъ въ степ потому что чумаки были на его взглядъ настоящіе гайдамаки. „М сосѣди сидѣли и разговаривали. Я слышалъ ихъ бесѣду и вся о теперь почти слово до слова пришла мнѣ на память, не знаю откуд потому что въ ту пору она на утро уже вылетѣла у меня изъ г ловы. При сильномъ огнѣ я могъ видѣть каждаго изъ говори шихъ"...

Не будемъ повторять длиннаго разговора чумаковъ, приведе наго Яворскимъ на малорусскомъ языкѣ и который носитъ печа правды; только въ иныхъ мѣстахъ авторъ, быть можетъ, закруглил его собственными, хотя бы ненамѣренными добавками. Разговоръ п шелъ о панахъ, о томъ, гдѣ какъ живется, какія дѣлаются пр тѣсненія, какъ живалось въ прежнее время, и какъ въ иныхъ м стахъ, напр., въ Полѣсьѣ, народъ забитъ панами до того, что изу ляется и не понимаетъ, когда заговорятъ съ нимъ о волѣ. Мнѣн говорились свободно (предполагалось, что панъ спитъ), разсказыв лись исторіи и въ заключеніе рѣшили на томъ, что пора бы мі положить когда-нибудь этой бѣдѣ конецъ... Затѣмъ начались пѣсн „Одинъ изъ чумаковъ взялъ длинную сопилку и началъ играть, друг вторили ему пѣніемъ... Во время пѣнія къ нимъ подошли чумак изъ другихъ партій и увеличили хоръ; мнѣ пріятнѣе было слушат ихъ пѣсни, чѣмъ разговоры о свободѣ" [1]).

---

[1]) Укажемъ, для справокъ этнографамъ, первые стихи пѣсенъ, какъ они пр ведены въ разсказѣ Яворскаго.

1) Jichaw Kozak za Dunaj,
Skazaw diwczyno proszczaj.
Ty konju worony, nessy, nessy
Taj dumaj i t. d.

2) Oj ty Potocky, wojewodzky synu,
Zapropastywyś Lytwu, Polszczu i wsiu Ukrainu.
Dumka twoja buła, szczob korolem staty,
Pojichawyś do Carycy pomoczy szukaty.
Prijde toj czas i taja hodyna
Zhynesz marne, wrazy synu, i twoja rodyna.

3) Atamane, batku nasz,
Czom ne rano z Krymu jidesz,
Wsich Kozakiw ne wedesz.
Oj ja rano z Krymu jsła,
Wsich Kozakiw wyjszła,
Nestaje mini odnoho
Brata moho ridnoho, i t. d.

4) I [illegible] i [illegible].
[illegible] doszczyk ide,
A [illegible] mene [illegible]
Do [illegible] zawede

Яворскій не боится „разсмѣшить читателя“ и замѣчаетъ, что слыша пѣніе украинскихъ думъ этимъ чумацкимъ хоромъ и сравнивая его съ операми парижскихъ театровъ, онъ находитъ большую разницу: „у тѣхъ голоса выходятъ не только изъ устъ, но изъ сердца и души, а здѣсь они идутъ только изъ горла и притомъ за деньги; у тѣхъ пѣсни подѣйствуютъ на самую жесткую душу, здѣсь онѣ приводятъ только въ удивленіе“. Весь этотъ разсказъ, какъ и дальнѣйшія повѣствованія Яворскаго, сопровождаются убѣжденіями къ „испорченному шляхетству“, чтобы оно оставило свои старые пороки, выучилось признавать въ человѣкѣ человѣка и брата. „Вы заслужили проклятія,—говоритъ онъ,—подумайте о себѣ, исправьтесь, сдѣлайте, чтобы ваше слѣдующее поколѣніе не испытывало тѣхъ бѣдствій, виною которыхъ вы сами: полюбите хлопа братскимъ сердцемъ, измѣните для себя этого хлопа изъ мстителя за несправедливости, учиненныя ему вашимъ притѣсненіемъ, въ своего пріятеля, какъ равнаго въ Христѣ, своего стража, въ сосѣдствѣ котораго вашъ сонъ будетъ спокоенъ“, и т. д. Онъ доходитъ до замѣчаній, весьма любопытныхъ. Онъ говорилъ выше, что было бы низостью искать освобожденія одной конгрессовой Польши безъ ея старыхъ украинскихъ земель; но въ другую минуту его одолѣваютъ сомнѣнія, съумѣютъ ли понять поляки то отношеніе къ украинскому народу, какое онъ имъ желаетъ внушить: „съ печалью за родную землю и съ смертельною горестью я рѣшаюсь сказать: лучше будетъ *забыть о провинціяхъ*, которыя я воспѣваю, оставить въ нихъ народъ на жертву тираніи, отдать на пищу деспотизму шляхту и религію, чѣмъ поднимать этихъ людей на возстаніе за дѣло, имъ непонятное [1]). Я хочу лучше, чтобы была хоть какая-нибудь Польша, чѣмъ не было бы совсѣмъ никакой; какъ полякъ, я хочу ея хоть какой-нибудь,

---

Odizwawsia Kozak na solodkim medu,
Hulaj, hulaj, czorniawaia, ja do domu zawedu.
Oy proszuż ja tebe, ne wedyż ty mene,
Bo ja złoho muża maju, bude byty mene.
Choc ja muża ne bojusia,
Bo ja jomu pokorusia,
A jak budu maty czas,
To szcze wyjdu do was, i t. d.

5) Oy! Fortuno, fortuno, czomuś taka neprawdywa,
Szczo ty o kozactwi, ta szczo ty o burłactwi ne po prawdi służyła.
Jak wyidemo na mohyłu, a hlanemo u dolynu,
Tam wsiuda Laszeńky i piut i hulajut, nasz wsiuda beztalania
Oy fortuno, fortuno, ta posłuży choc nemnoho.
Zaky osidłaje Kozak mołodenky konyczeńka woronoho i t. d.

[1]) То-есть, за возстановленіе королевства и свободу, только шляхетскую.

если уже иначе быть не можетъ; но какъ дитя богатой Украйны, не перестану плакать о землѣ, которая меня выкормила. Потому что, я увѣренъ, что ежели эти провинціи будутъ забыты будущей революціей, онѣ уже никогда не будутъ въ однихъ границахъ съ Польшей. Не знаю, какъ далеко Польша проведетъ свою границу, отрекшись отъ своихъ дѣтей; отгадывать это трудно; скажу лучше, что я этого не знаю. Но могу безъ колебанія сказать, что въ этомъ случаѣ Польша никогда не будетъ укрѣплена съ востока: народъ этихъ провинцій, вѣроятно, сброситъ самъ ярмо своей неволи и станетъ отдѣльнымъ независимымъ государствомъ и, можетъ быть, расширитъ свои границы далеко на востокъ, съ кличемъ по-истинѣ евангельскимъ: Богу только извѣстно его будущее. Онъ не будетъ докучать Польшѣ, потому что въ немъ много чести; онъ не унизится до того ничтожества, чтобы нападать на чужія границы, потому что съ просвѣщеніемъ будетъ имѣть много благородства; но вѣрно и то, что онъ не будетъ препятствовать непріятелямъ съ сѣвера щипать ту, которая для однихъ была матерью, а для другихъ оказалась мачихой. Насколько я, какъ полякъ, бѣдный изгнанникъ, желаю сколько можно скораго возстанія народа для общей будущей революціи, настолько я считалъ бы за преступленіе утаить или фальшиво передавать мой разсказъ".

Приводимъ еще одну подробность. „Ахъ, — восклицаетъ онъ по поводу воспоминанія о степной встрѣчѣ,—еслибы я теперь могъ, по крайней мѣрѣ, слышать слова этого несчастнаго народа, стремящагося къ свободѣ, я поглощалъ бы ихъ въ свою грудь, какъ узникъ, посаженный глубоко въ сырой и мрачной тюрьмѣ, поглощаетъ струю чистаго воздуха, которую вѣтеръ изъ сожалѣнія заноситъ къ нему сквозь маленькое оконце; я не лежалъ бы на своей удобной, хоть и дорожной, постели, я выскочилъ бы изъ нея и, конечно, былъ бы у костра; но въ ту минуту, разговоръ чумаковъ мнѣ наскучалъ, приводилъ въ нетерпѣніе, даже раздражалъ меня и отнималъ сонъ, что они вздыхаютъ о свободѣ, а я о наживѣ изъ чужого труда и изъ вѣчной неволи хлопа". „Во всей Польшѣ, — дѣлаетъ онъ здѣсь рядомъ любопытное признаніе,—нигдѣ не было такъ хорошо для пановъ, какъ въ провинціяхъ подъ московскимъ деспотизмомъ (!). Жизнь и смерть хлопа были въ рукахъ помѣщика или поссессора; московская власть смотрѣла на это сквозь пальцы, хотѣла и знала, что чѣмъ больше панъ будетъ имѣть самовольства угнетать хлопа, тѣмъ больше будетъ увеличиваться жадность, а хлопъ тѣмъ больше будетъ ненавидѣть пана; потому что на этомъ московская власть основала всю свою силу господства надъ заграбленными провинціями... Теперь она уже не боится шляхты, считаетъ ее за нуль... найдите же способъ сбли-

иться съ народомъ, говорить съ чумаками; хватайте и поглощайте хъ слова, потому что это будутъ слова спасенія человѣчности".

Далѣе, бѣдный авторъ разбираетъ еще другіе вопросы, напр.: готовъ ли до повстанія украинскій народъ"? „будущность Польши слѣ революціи". Онъ пишетъ: „Катехизисъ для дѣтей сельскаго арода"; свои воспоминанія о возстаніи 1830 года; стихотвореніе на алорусскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Голосъ народа взываетъ о римиреніи"; составляетъ, со всѣми цифровыми подробностями, разщетъ сельскаго хозяйства „въ двухъ эпохахъ": первый, въ 1830 г., съ барщиной и неволей", а другой, „когда сгинетъ совсѣмъ рабкое слово: крѣпостной" и когда хозяйство пойдетъ „во имя Отца і Сына и Святаго Духа, безъ угнетенія, слезъ, пота, крови и проклятій ближняго"...

Таково содержаніе книжки. Ошибки Яворскаго понятны сами собой, но книжка любопытна, какъ оригинальный образчикъ мыслей, возникавшихъ въ толпѣ эмиграціи, въ людяхъ, которые по своимъ занятіямъ стояли близко къ народу. Яворскій заблуждался, воображая, что Украйна пойдетъ за польскимъ возстаніемъ, но онъ вѣрно понялъ положеніе вещей въ данную минуту, призналъ, что украинецъ ненавидитъ своего польскаго пана, что теперь между ними нѣтъ ничего общаго и единственный путь для какого-нибудь примиренія былъ бы освобожденіе крестьянъ. Это освобожденіе онъ понялъ не совсѣмъ ясно, но мысль засѣла въ немъ крѣпко, и для исправленія отношеній онъ считаетъ необходимымъ для всей шляхты такое же раскаяніе въ прошедшемъ, какое испытывалъ самъ. Замѣчено было, что появленіе польскоукраинской школы, о которой говорили мы прежде, было своего рода атавизмомъ, отголоскомъ въ потомствѣ давнихъ его предковъ, не заглушеннымъ еще остаткомъ старой родовой стихіи. Надъ этой стихіей налегли цѣлые слои новыхъ историческихъ отношеній, которые ее извратили, почти уничтожили; но, быть можетъ, именно ея слѣдъ остался и въ сочувствіяхъ Яворскаго къ этимъ „гордымъ" чумакамъ, ихъ разговорамъ и поэзіи, въ тѣхъ увѣщаніяхъ о братской любви, съ которыми онъ обращается къ своимъ землякамъ и товарищамъ по изгнанію [1]).

Читателю можетъ показаться неправдой, когда Яворскій разсказываетъ, будто народъ на Украйнѣ съ сожалѣніемъ говоритъ о „лядскихъ часахъ", т.-е. о польскомъ времени. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что съ польскими временами авторъ отождествляетъ отчасти времена „атаманскія", т.-е. времена гетманщины, которыя,

---

[1]) Параллельные Яворскому факты эмиграціонной литературы указываетъ еще г. Данкевичъ (XXIX Отчетъ, стр. 181 и дал.).

[illegible] были особенно легки для народа, но были
[illegible] правленія, безъ вмѣшательства русской бюро
[illegible] признанію самого поляка Яворскаго, поль
[illegible] себя очень хорошо подъ наступившимъ ст
[illegible] русскимъ владычествомъ, которое крѣпко охра
[illegible] крестьянами; но передъ тѣмъ, гораздо менѣе
[illegible] власти надъ крестьянами, паны, чтобы удержи
[illegible] земляхъ, предотвратить побѣги на Запорожье и
[illegible] уманьская рѣзня, давали крестьянамъ различныя
[illegible] паны и прекратили, какъ только надобность въ нихъ
[illegible] вмѣшательствомъ русской власти [1]). Черезъ трид
[illegible] во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нашего вѣка
[illegible] относятся воспоминанія Яворскаго, еще могла быть
[illegible] объ этихъ льготахъ „польскаго времени". Яворскій
[illegible] замѣтить фактъ, но не умѣлъ правильно объяс
[illegible] собственное изображеніе современныхъ ему поль
[illegible] противорѣчитъ разсказу о благахъ стараго *польскаго*
[illegible] почему паны не остались бы и теперь такими же, какими
[illegible] прежде?

[illegible] томъ его записки представляютъ весьма любопытный
[illegible] исторіи польско-малорусскихъ отношеній: очевидно, мы

[illegible] въ изслѣдованіи г. Антоновича „О крестьянахъ юго западной
[illegible] 1700 1799 годовъ". „Въ 1792 году,—говоритъ г. Антоновичъ,—
[illegible] былъ возвращенъ Россіи и шляхетскій порядокъ долженъ былъ
[illegible] новыя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время
[illegible] формы эти были не только не враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній,
[illegible] стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени, под
[illegible] осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ
[illegible] простиравшуюся въ Рѣчи Посполитой до „права меча", но за то эко
[illegible] господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на
[illegible] администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи обе
[illegible] и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой. Хитрость
[illegible] отношеніи къ крестьянамъ сдѣлались лишни—явились средства удер
[illegible], обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и прима
[illegible] прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а чрезъ
[illegible] г. и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ;
[illegible], помѣщики отбираютъ прежде данныя имп дарственныя записи и по
[illegible] у крестьянъ [illegible]. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное
[illegible] права на помѣстную собственность утверждались болѣе прочно, вла
[illegible] нерѣдко къ переселу жителей цѣлыми селами и мѣстечками на
[illegible] и уничтожить всякое
[illegible] на покровительство, оказанное
[illegible] сопротивлявшійся народъ и
[illegible] „Труды экспедиціи", Чубинскаго, т. VII, вып. I,

имѣемъ передъ собою одно изъ первыхъ проявленій того направленія, начало котораго относятъ обыкновенно къ болѣе позднему времени и которое извѣстно подъ именемъ хлопоманіи.

Именемъ „хлопоманіи“ польскіе и русскіе публицисты начала шестидесятыхъ годовъ обозначали извѣстное демократическое стремленіе одной части польскаго (молодого) общества въ пользу сближенія съ малорусскимъ народомъ. Это былъ канунъ послѣдняго возстанія, когда въ польскомъ обществѣ шло сильное волненіе, исходившее изъ разныхъ историческихъ и политическихъ источниковъ, одушевляемое весьма различными общественными настроеніями, которыя сливались, но также сталкивались и боролись наканунѣ и во время самого возстанія. Хлопоманія была однимъ изъ такихъ настроеній, которое особенно бросалось въ глаза, какъ нѣчто раньше не бывалое. Господствующій тонъ новаго революціоннаго движенія былъ въ сущности тотъ же, какъ и прежде: мысли прежде всего были направлены на политическую задачу—на возстановленіе Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, причемъ главной заботой было сверженіе русскаго ига, какъ-то забывалось иго прусское и австрійское, и гораздо меньше полагалось заботы о внутреннемъ соціальномъ вопросѣ. „Польша, Литва (и тутъ же Бѣлоруссія) и Русь (т.-е. Малороссія)“ представлялись такъ, какъ будто съ XVII-го столѣтія не произошло никакой перемѣны во внутреннемъ положеніи земель, какъ будто (не говоря о западномъ краѣ, гдѣ мѣстное народное сознаніе было слабо) въ Малороссіи не возникло народное движеніе, которое имѣло уже свои краснорѣчивыя выраженія. Время оказывало однако свое вліяніе въ самомъ польскомъ обществѣ, при всемъ его упорномъ консерватизмѣ, и однимъ изъ такихъ новыхъ фактовъ была хлопоманія.

Она встрѣчена была довольно непріязненно съ своей польской стороны и совершенно непріязненно со стороны русской. Для польскаго большинства было слишкомъ необычно это желаніе сближаться съ народомъ, который все-таки представлялся всего чаще въ образѣ хлопа, такъ долго презираемаго или осуждаемаго на одно повиновеніе. Польской „демократіи“ всегда было чрезвычайно трудно перешагнуть ту грань, на которой оканчивался шляхтичъ и начинался хлопъ; „народъ“, о которомъ она такъ много говорила, въ огромномъ большинствѣ случаевъ понимался именно какъ народъ шляхетскій, и если, наконецъ, было нужно представить себѣ настоящее народное единство въ смыслѣ демократіи, объединеніе двухъ общественныхъ полюсовъ предполагалось не простымъ сближеніемъ высшаго класса съ низшимъ, не реальнымъ участіемъ перваго къ интересамъ по-

слѣдняго (и ни въ какомъ случаѣ не подчиненіемъ привилегій высшаго класса, интеллигенціи, интересамъ массы, какъ въ нашемъ народничествѣ), а предполагавшимся превращеніемъ всего народа въ шляхту, чтб при извѣстномъ понятіи о шляхтѣ было или невозможно или оставалось игрой словъ. Съ русской стороны, польская хлопоманія была понята еще менѣе. Когда наша публицистика въ началѣ 60-хъ годовъ поставила польскій вопросъ предметомъ своихъ разсужденій, она считала излишнимъ всматриваться въ явленія польской жизни и въ польско-малорусскія отношенія, и на все давала одно готовое объясненіе: „польская интрига". Какъ можетъ цѣлое обширное общество разныхъ мѣстныхъ условій, разной степени образованія, разныхъ сословныхъ и личныхъ стремленій, смѣшаться въ одной всеобщей интригѣ; какъ эта интрига стремилась иногда къ совсѣмъ разнымъ цѣлямъ — объ этомъ не стоило толковать: „интрига" объясняла все, и для большой доли общества, ничего не знающей о дѣйствительныхъ отношеніяхъ и ни о чемъ не привыкшей думать, это объясненіе пришлось совершенно въ пору. Мы видѣли, что этотъ способъ объясненія привился и у писателей галицко-русскихъ, считавшихъ нужнымъ вторить тому, чтò они считали самымъ русскимъ... Хлопоманія была также объяснена какъ вѣтвь интриги: это былъ преднамѣренный обманъ, имѣвшій цѣлью завлечь въ польскій мятежъ, если не малорусскій народъ (это, кажется, и нашимъ политиканамъ представлялось мало вѣроятнымъ), то извѣстную часть украинскаго общества или молодежи, заразившейся либерализмомъ. Интрига не удалась, но и не осталась совсѣмъ безъ результата, и по взгляду, который настойчиво проводили извѣстные дѣятели нашей „политической прессы", этимъ результатомъ было украинофильство. Напрасно тогдашніе украинофилы (Костомаровъ и его кружокъ) категорически заявляли о полной противоположности народныхъ и общественныхъ интересовъ малорусскихъ и польскихъ; напрасно самые факты противорѣчили отождествленію украинофильства съ польской хлопоманіей, наши политики нашли благодарный сюжетъ въ украинскомъ сепаратизмѣ, толками о которомъ желали заявлять (и не безъ успѣха) свой патріотизмъ. Между тѣмъ и другимъ было лишь одно внѣшнее сходство въ интересѣ къ народу, но внутреннія основанія были непримиримы; малорусская литература положила много труда именно на то, чтобы доказать историческую несовмѣстимость двухъ племенныхъ стихій, все время политическаго сожительства которыхъ было занято упорной борьбой.

Въ дѣйствительности хлопоманія не была какимъ-нибудь внезапнымъ явленіемъ, намѣренно придуманной тенденціей на извѣстный случай — въ ту минуту на потребу польскаго возстанія. Это былъ

результатъ броженія, уже десятки лѣтъ совершавшагося въ польскомъ обществѣ и литературѣ. Нѣкогда западно-русскія и южнорусскія земли составляли огромную долю Рѣчи Посполитой; украинскіе поляки были въ огромномъ большинствѣ вчерашніе русскіе (т.-е. малоруссы), и еще въ концѣ прошлаго вѣка въ юго-западномъ краѣ было много помѣщиковъ русскихъ и православныхъ (они ополячились уже подъ русскимъ владычествомъ). При всемъ господствѣ польскаго элемента эти ополячившіеся русскіе были въ особомъ положеніи, окруженные русской народной стихіей и въ самихъ себѣ не совсѣмъ ее потерявшіе. Поэтому и были возможны тѣ возвраты къ прошлой національности, какіе выразились въ украинской школѣ польской поэзіи и въ тѣхъ промежуточныхъ ея произведеніяхъ, какими представляются пѣсни и „думки" Тимка Падуры и его подражателей. Украинская школа была весьма многолюдна; кромѣ поэтовъ, крупныхъ и мелкихъ, она имѣла длинный рядъ повѣствователей, историковъ и этнографовъ, и наконецъ партизановъ въ эмиграціи, какъ Яворскій. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ широкимъ общественнымъ интересомъ, быть можетъ, слабо сознаваемымъ и всѣхъ требованій котораго не въ силахъ были понять его первые представители, но корень котораго лежалъ въ реальной связи двухъ племенъ, старой политической и соціальной. Исторически, связь эта была не нормальна; съ польской стороны это инстинктивно чувствовали и стремились загладить исторіографическими и поэтическими софизмами: можно было ждать, что когда-нибудь эта ненормальность предстанетъ предъ людьми искреннихъ убѣжденій во всемъ своемъ объемѣ и потребуетъ для своего примиренія не софизмовъ и паллiативовъ, а ясныхъ рѣшеній. Хлопоманія была одной изъ попытокъ такого рѣшенія.

Исторія этого движенія, какъ мы замѣчали, еще не написана. Нѣкоторый опытъ ея сдѣланъ въ VII-мъ томѣ „Трудовъ Экспедиціи" Чубинскаго, откуда мы приведемъ нѣсколько указаній.

Со времени окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ Россіи (этому нѣтъ еще и ста лѣтъ), польское дворянство этого края зажило спокойнѣе, чѣмъ бывало при Рѣчи Посполитой. Польская жизнь въ ея старомъ помѣщичьемъ складѣ шла безпрепятственно, обезпеченная прочною правительственной поддержкой крѣпостного права; но раздѣлы Польши оставили впечатлѣніе насилія надъ національностью; поляки издавна смотрѣли высокомѣрно на русское „barbarzyństwo" и мечтали о возстановленіи своего государства; единственные представители общества, имѣвшіе голосъ, были паны и магнаты и понятно, что всѣ мысли о будущей освобожденной Польшѣ настроены были въ аристократическомъ духѣ.

„Праздная жизнь, хотя и исполненная внѣшняго блеска, все таки не могла удовлетворить пановъ, —говоритъ авторъ статьи о нравахъ и обычаяхъ поляковъ въ юго-западномъ краѣ, въ „Трудах Экспедиціи“ Чубинскаго:—исторические традиціи, политическій мистицизмъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и вліяніе значительно польской эмиграціи, поддерживали въ панствѣ политическую мечтательность, воздыханія о прошломъ, хотя въ сущности въ томъ прошломъ они далеко не такъ благоденствовали. Въ ихъ воображеніи прошедшее Польши представлялось только съ привлекательной стороны, какъ эпоха шляхетской свободы, потому что обстоятельнаго знанія исторіи не было. Это обстоятельство вело къ тому, что политическіе агитаторы находили сочувствіе и адептовъ среди пановъ“ [1]).

До послѣдняго возстанія политическіе идеалы польскаго общества были исключительно аристократическіе. Польскія движенія съ другими мотивами, какъ, напр., въ герцогствѣ познанскомъ, не были популярны въ массѣ шляхты, особливо въ юго-западномъ краѣ; здѣсь не было популярно и движеніе эпохи Конарскаго, пропаганду которого характеризуютъ какъ ловкую комбинацію старо-шляхетскихъ теорій съ новыми демократическими; тѣмъ не менѣе и въ этомъ повидимому, такъ строго опредѣленномъ польскомъ обществѣ юго-западнаго края являются проблески движенія въ демократическомъ направленіи. Къ тому, что̀ совершалось въ литературѣ въ произведеніяхъ украинской школы, является параллель въ самой общественной жизни. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту школу, — будемъ ли видѣть въ ней одну праздную забаву пановъ, заигрывавшихъ съ малорусской народностью, или увидимъ въ ней нѣчто болѣе серьезное,—въ обоихъ случаяхъ ея широкое распространеніе указывало что шляхетское общество чѣмъ-то не удовлетворялось въ своемъ исключительномъ положеніи, какъ будто тяготилось своимъ отдѣленіемъ отъ окружающей среды и хотѣло какого-то приближенія къ народу. Въ самыхъ нравахъ является какой-то смутный протестъ противъ свѣтскаго аристократизма, выразившійся въ такъ-называемой балагульщинѣ и козакофильствѣ. Балагульство отличалось намѣренно грубыми нравами, кутежами, панибратствомъ съ крестьянами (что̀ не мѣшало имъ хуже другихъ помѣщиковъ обращаться съ своими крѣпостными), оригинальной, иногда по простонародному испачканною одеждой и т. п. Оно было порожденіемъ той же панской праздности, но вмѣстѣ и какимъ-то мнимо-демократическимъ нарушеніемъ панскаго быта, нравовъ и приличій. Это явленіе было настолько распро-

---

[1]) Труды Экспедиціи, т. VII, вып. I, стр. 246.

странено, что обратило на себя вниманіе литературы. Одни, какъ Чайковскій и Генрихъ Ржевускій, безпощадно осуждали балагульство; другіе относились къ нему сочувственно, предполагая въ немъ возрожденіе козачества въ польско-католической формѣ, и въ его спартанскихъ привычкахъ—воспитаніе для возстанія. Вліяніе произведеній украинской школы придало этому движенію иной характеръ: оно сдѣлалось менѣе циническимъ, получаетъ политическій оттѣнокъ и въ этой формѣ находитъ подражателей въ кругу болѣе образованной молодежи.

Выше упомянуто, какъ выражалось козакофильство въ польской поэзіи, которая рисовала „гордаго", но не столько настоящаго, сколько балетнаго козака, который отдѣлялся отъ холопской дворни, но былъ въ сущности ея лучшимъ украшеніемъ (въ глазахъ и самого поэта, и его читателей), козака, отличающагося необыкновенныкъ удальствомъ, „дикой свободой" и другими поэтическими качествами, словомъ, степного героя,—только принадлежащаго неизвѣстно какому народу и какой вѣрѣ, и неизвѣстно какимъ образомъ существующаго. Поэзія, путемъ умолчаній, кое-какъ прилаживала этого козака къ польскому быту, заставляя предполагать, что чуть ли не все козачество было „надворное", находившееся въ услугахъ пана; теперь дѣлались попытки завести на практикѣ подобное козачество. Такъ окозачился упомянутый раньше Вацлавъ Ржевускій, который окружилъ себя самодѣльнымъ дворовымъ козачествомъ и у котораго пѣлъ свои ad hoc сочиненныя пѣсни Тимко Падура. Въ 1830 году отрядъ волынскихъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго, имѣлъ козацкій характеръ. Извѣстный писатель Чайковскій, послѣ неудачи возстанія 1830 года, обратившись въ магометанство подъ именемъ Садыкъ-паши, устроилъ въ Турціи нѣчто въ родѣ Запорожской Сѣчи изъ разнаго сброда... Въ самомъ обществѣ пошла мода на козачество: Вацлава Ржевускаго и его рапсода Падуру съ удовольствіемъ принимало украинско-польское магнатство, Потоцкіе, Сангушки и пр. Польскія дамы любили наряжаться въ малорусскіе костюмы. Дошло до того, что польско-шляхетскіе патріоты подозрѣвали даже въ этомъ украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофильства, хотя этотъ корифей самъ принималъ участіе въ возстаніи 1830—1831 года [1]).

Интересъ къ козачеству изъ области фантазіи переходитъ, наконецъ, и въ болѣе серьезныя изслѣдованія по мѣстной исторіи и этнографіи. Начиная съ той школы, какую мы указывали въ Галиціи съ

---

[1]) Труды Экспедиціи, т. VII, стр. 256. См. также: „Мих. Чайковскій и козакофильство", въ К. Старинѣ, 1886, кн. 4-я, и г. Дашкевича (XXIX отчетъ).

30-хъ годовъ, съ Бѣлёвскаго, Сѣменьскаго, Туровскаго, Дзѣдушицкаго, идетъ и въ нашемъ юго-западномъ краѣ рядъ изслѣдователей по южнорусско-польской старинѣ и этнографіи, какъ Грабовскій, Марчинскій, Пржездзецкій, Стецкій, Оскаръ Кольбергъ, Новосельскій (Марцинковскій), Руликовскій и др. Съ конца 50-хъ годовъ, поляки начинаютъ знакомиться ближе съ новѣйшей литературой малорусской, является въ польскихъ переводахъ Шевченко (самъ поэтъ во время своей ссылки, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, сближается въ дружескія отношенія съ сосланными поляками, поэтомъ Желиговскимъ, Брониславомъ Залѣскимъ).

Около этого времени въ кружкахъ образованной молодежи возникаетъ, какъ протестъ противъ балагульства и козакофильства, новый кружокъ, такъ-называвшихся „пуристовъ", который ставилъ себѣ задачей серьезное отношеніе къ наукѣ, строгую нравственность и философское направленіе и, кажется, съ сильнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ. Этотъ кружокъ, какъ говорятъ, удержался недолго, но содѣйствовалъ тому, что народно-политическій вопросъ въ польскомъ обществѣ юго-западнаго края поставленъ былъ болѣе ясно. Его вліянію приписываютъ, съ одной стороны, то, что въ литературѣ явилось болѣе или менѣе рѣзкое отрицаніе господствующихъ нравовъ, а съ другой,—что прежнее натянутое козакофильство превращается въ гораздо болѣе опредѣленную хлопоманію, которая уже рѣзко расходилась съ старымъ шляхетскимъ преданіемъ, а потому и была осуждаема аристократическимъ кругомъ.

„Хлопоманія,—говоритъ авторъ статьи въ „Трудахъ Экспедиціи", —отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческія традиціи хлопоманы осмѣивали... Хлопоманы сознавали историческія неправды Польши по отношенію къ Украйнѣ; они сознавали, что народъ—не „быдло", что нужно уважать его личность, заботиться о его образованіи на его языкѣ (но алфавитъ долженъ быть принятъ польскій). Они сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. За выдѣленіемъ изъ нея самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ обще-русскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движеніемъ" [1]).

Нѣкоторые, хотя немногіе изъ польскихъ хлопомановъ, допускали даже употребленіе русскаго алфавита, отступая отъ давнишней польской теоріи, что для малорусскаго языка, въ качествѣ „польскаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 248.

нарѣчія", должна употребляться латинская азбука. „Изъ-за этого бывали ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначали уже собою двѣ противоположныя его группы: болѣе и менѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться вскорѣ въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства; этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шуму, но ни къ чему не привелъ; маленькій кружокъ выдѣлившихся украинофиловъ вскорѣ сталъ рѣдѣть и, рѣшившись примкнуть къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ католика".

Въ одно время съ польской хлопоманіей развилось и русское украинофильство. Какъ выше замѣчено, у насъ хотѣли смѣшать два эти направленія, утверждая, что украинофилы и хлопоманы одно и то же, одинакіе исполнители „польской интриги" и враги русскаго государства. Не знаемъ, дѣлалось ли это по незнанію или съ намѣренной цѣлью,—чтобы именемъ польской интриги оклеветать тотъ мѣстный патріотизмъ, который самъ по себѣ былъ непріятенъ публицистамъ извѣстнаго закала какъ проявленіе общественной самодѣятельности. Въ дѣйствительности, хлопоманія и украинофильство имѣли лишь одинъ общій объектъ—малорусскій народъ, но смотрѣли на него различно, исходили изъ разныхъ источниковъ и по различію внутренняго содержанія не могли быть тождественны. „Часто,—замѣчаетъ авторъ той же статьи въ „Трудахъ Экспедиціи", говоря о тѣхъ временахъ,—хлопомановъ и украинофиловъ смѣшивали въ понятіяхъ, такъ какъ тѣ и другіе носили малорусскій костюмъ. Но между ними была громадная разница. Русскіе украинофилы не были сепаратистами: любя свою народность, они не думали объ отторженіи отъ Россіи; они сознавали необходимость связи; всѣ ихъ мечты ограничивались стремленіемъ къ развитію малорусской литературы и изданіемъ для народа популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, съ цѣлью успѣшнѣйшаго распространенія знаній въ народѣ. Польскіе хлопоманы мечтали о соединеніи Украйны съ Польшей, не ограничивая своихъ претензій Днѣпромъ, какъ этого хотѣла аристократія, выразившая свои желанія въ извѣстномъ адресѣ подольскихъ дворянъ. Украинофилы и польскіе хлопоманы относились другъ къ другу враждебно. Украинофилы раздѣляли чувства народа по отношенію къ Польшѣ, и ихъ не могли привлечь обѣщанія польской молодежи —обезпечить, по присоединеніи Украйны къ Польшѣ, свободу православія и малорусскаго языка. Украинофиловъ эти предложенія оскорбляли. Имъ казалось дикимъ, что горсть поляковъ, представ-

ляющая собою привилегированный классъ, позволяетъ себѣ распоряжаться судьбою края, населеннаго русскимъ народомъ. Затѣмъ украинофилы, воспитанные на русской литературѣ, обязанные ей своимъ развитіемъ, не могли раздѣлять воззрѣній польской молодежи на эту литературу. Вслѣдствіе этого, взаимное раздраженіе доходило до крайности. Въ кіевскомъ университетѣ, послѣ манифестаціи, произведенной польской молодежью въ стѣнахъ университета, малороссы и русскіе подали протестъ попечителю и составили даже корпорацію для огражденія университета отъ господства польскихъ политическихъ тенденцій. Это былъ первый протестъ въ видѣ адреса противъ польскихъ притязаній“ [1]).

Собственно говоря, русское украинофильство родилось гораздо раньше 50-хъ и 60-хъ годовъ. Оно было послѣдовательнымъ продолженіемъ давно возникшаго движенія, которое выразилось развитіемъ новѣйшей малорусской литературы и еще съ конца прошлаго вѣка усиленно направилось на обработку народнаго языка для книги, обновленіе историческихъ преданій и на защиту племенного малорусскаго интереса отъ польскихъ притязаній. Если это настроеніе особливо оживилось со второй половины 50-хъ годовъ, причиной этому было только то, что именно въ это время для цѣлаго русскаго общества наступила пора болѣе свободной дѣятельности, какъ въ это самое время были амнистированы и получили возможность снова дѣйствовать главные представители прежней литературы въ 40-хъ годахъ: Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ, а за ними выступили дѣятели новаго поколѣнія, отчасти слѣдовавшіе за ними, отчасти образовавшіеся независимо подъ вліяніями обще-русскими и въ оппозицію польско-украинскимъ тенденціямъ. Теперь украинофильство только яснѣе выразило свое содержаніе, а основы его были не новы. Съ другой стороны, польская хлопоманія была любопытнымъ результатомъ также давно начавшагося, въ чисто польской средѣ, стремленія понять народный вопросъ юго-западнаго края и представила не малую степень этого пониманія; хлопоманія, не сочувственная для старо-шляхетской партіи, была въ дѣйствительности отказомъ отъ существенныхъ догматовъ этой партіи и именно сознаніемъ исторической несправедливости, которая совершалась Польшею относительно юго-западнаго края. Въ хлопоманіи польско-шляхетское общество, начавши съ романтическаго козакофильства, сначала, повидимому, столь безполезно невиннаго, пришло къ такому пункту, за которымъ, идя послѣдовательно, надо было отказаться совсѣмъ отъ польскаго традиціоннаго идеала, а затѣмъ и отъ практическаго при-

[1]) Тамъ же, стр. 248—249.

тязанія на господство въ южно-русскомъ краѣ. По мнѣнію украинофиловъ, единственнымъ исходомъ изъ этого запутаннаго положенія было бы ассимилированіе польскаго шляхетства съ русскимъ населеніемъ юго-западнаго края [1]).

Что вопросъ именно таковъ, можно видѣть по различнымъ фактамъ въ средѣ самого польскаго козакофильства и украино-польской литературы. Мысль такого рода бродила въ 40-хъ г. у Яворскаго въ эмиграціи; нѣкоторые изъ польскихъ хлопомановъ стали прямо украинофилами, отказавшись отъ польскаго элемента своихъ стремленій. Въ примѣръ того, какъ даже прежнее романтическое козакофильство приводило само собой къ раздвоенію польской идеи, приводимъ замѣчаніе о Чайковскомъ, который, въ прежнюю его пору, былъ всего менѣе расположенъ отрекаться отъ служенія польской традиціи. „На Чайковскомъ можно отчасти видѣть, какъ то, какія во всякомъ случаѣ добрыя зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское козакофильство, такъ и то, что̀ за сумбуръ и винегретъ представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею козачества и страха передъ тѣмъ, чтобъ узнать ее такою, какою о̀на была,—потому что тогда пришлось бы отречься отъ польскаго патріотизма. Польско-украинскій писатель, Чайковскій, составилъ въ своемъ умѣ фантастическое понятіе о козацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ возстановленіе союза съ Польшею козаковъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Расширивши такъ область своихъ симпатій, Чайковскій долженъ былъ выдти изъ области католицизма, сталъ говорить симпатично и о великоруссахъ, о православіи, о славянщинѣ, —и въ то же время сталъ магометаниномъ, Садыкъ-пашою. Всю жизнь свою Чайковскій хлопоталъ объ обращеніи козацкой традиціи на службу Польшѣ, о постановленіи Польши во главѣ славянщины, а между тѣмъ польскіе національі-централисты боялись козачества, какъ демократическаго элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго „Nemolaka“ [2]),—въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣйствительности съ вымыслами, крайне несообразными,—полно раздраженія противъ поляковъ, которые, во время войны, сидятъ за печкою и поютъ съ іезуитами пѣсни: спаси насъ Господи, отъ славянщины, отъ козаччины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго“ [3]).—Чайковскій кончилъ тѣмъ, что

---

[1]) Сравни ст. „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Вѣстн. Евр., 1875, іюль, стр. 146—160.

[2]) Biblioteka Pisarzy polskich, t. 65, Lipsk, 1873.

[3]) „Вѣстникъ Европы“, тамъ же, стр. 153.

...писалъ „Байки", 1864, драматическія ...алицко-русскихъ критиковъ, всѣ его ...ются „рѣдкою у галичанъ" чи...ческою окраскою [1]). Галицко... ...тзываются о Свенцицкомъ

...у насъ подъ руками, оста...ло", который выходилъ подъ ...го повѣсти все еще сохраняютъ ...манеру польской украинской школы, ... произведенія предшествующихъ писателей ...ней простотой украинскихъ сочувствій. Во ...наго сохранился, вѣроятно, именно образчикъ хло...ной изъ Кіева. Довольно ознакомиться съ ними, что...ницу хлопоманіи и украинофильства. Хлопоманъ отли...омнѣнной любовью къ той Украйнѣ, которая есть его соб...ая родина; несмотря на свое польское и (крупное или мелкое) ...етское происхожденіе, онъ привязался къ малорусскому народ...му большинству Украйны, въ чемъ участвуетъ и сознаніе соціаль...ной несправедливости Польши относительно малорусскаго народа. Но здѣсь же хлопоманъ вступалъ на то перепутье, гдѣ онъ или уразумѣетъ вполнѣ эти отношенія и превратится въ украинофила, или, не желая поступиться старыми предубѣжденіями, разойдется съ украинофильствомъ. Свенцицкій при всѣхъ его сочувствіяхъ къ украинскому народу остался полякомъ. Приводимъ нѣсколько образчиковъ изъ его журнала. Въ предисловіи мы находимъ слѣдующую profession de foi хлопомана.

---

[1]) Чистота языка объясняется тѣмъ, что Свенцицкій узналъ русскій (малорусскій) языкъ не въ Галичинѣ, гдѣ онъ въ книжномъ употребленіи обыкновенно страшно изломанъ, а въ русской Украйнѣ, гдѣ книжное употребленіе этого языка восходило до наибольшаго возможнаго изящества.

[2]) См. галицко-русскій журналъ „Правда, письмо литературно-политичне", 1876, стр. 674 — 675; „Илюстрованный календарь товариства Просвѣта" на 1886 г., Львовъ, 1885, стр. 15—16. „Правда" говорила о немъ такъ: „Предвчасна смерть видерла нам заскоро надійного писателя, а идея щиро братерськоі згоди між Русинами и Поляками и спільного, хоч через те все самостійного, діланя обох народів втеряла світлого и щирого заступника. Висть о его сконі розбудила щирий жаль між нашою громадою". Просвѣта, „щобы дати выразъ великому пошанованю зъ стороны Русиновъ для вельми заслуженого покойника и также руского писателя", перевела изъ его „Степныхъ повѣстей" разсказъ: „Гюльнара", изъ старыхъ козацкихъ ...ень.

[3]) Sioło. Pismo zbiorowe, poświęcone rzeczom ludowym ukraińsko-ruskim. Lwów. Nakładem Kornela Pillera, 1866. Четыре небольшія книги.

„Намъ кажется излишнимъ пускаться въ доказательства того, существуетъ ли, рядомъ съ народностью польской и московской, еще третья, украинская или русская народность [1])? Потому что дѣло говоритъ само за себя: на пространствѣ отъ Балтики до Чернаго моря, отъ Кавказа и за Карпаты, мы видимъ 15-милліонный народъ, говорящій однимъ языкомъ, имѣющій одни нравы и обычаи, вездѣ вѣрный своимъ преданіямъ и живущій одною надеждою. Насъ поражаетъ поэтичность этого народа; домашнія добродѣтели, которыми онъ блистаетъ, внушаютъ къ нему уваженіе; среди этого народа мы живемъ съ давнихъ вѣковъ; ни себя отъ него, ни его отъ насъ мы не можемъ отдѣлить; мы любимъ его и для насъ дорого все то, что̀ полюбилъ онъ самъ. Вмѣстѣ съ народомъ мы любимъ родную землю, вмѣстѣ съ нимъ печалимся надъ недолей, вмѣстѣ съ нимъ вздыхаемъ о болѣе счастливыхъ дняхъ.

„Вотъ наша руководящая мысль! Она будетъ руководить нашимъ трудомъ.

„Будущее мы оставляемъ Провидѣнію—сами будемъ трудиться для своего настоящаго, увѣренные, что днемъ взойдетъ зерно, посѣянное утромъ, и принесетъ обильный плодъ.

„Мы любимъ нашъ народъ, и трудиться для его добра считаемъ нашей святѣйшей обязанностью. Миновали времена кастъ! Теперь мы обязаны заботиться о счастьѣ милліоновъ; приближается время, когда слово Христа о любви къ ближнему осуществляется и живетъ среди насъ. Та страна истинно могущественна, которой всѣ жители счастливы. Будемъ работать для народа!— Въ немъ наше будущее.

„Самое дорогое сокровище для человѣка есть его родная рѣчь; конечно мы не будемъ отнимать у нашего народа этого сокровища! Мы хотимъ охранять его отъ нападеній, имѣть попеченіе о томъ, чтобы оно не расточалось, но увеличивалось, потому что это сокровище—племенное, славянское, сокровище обще-народное.

„Большое число жителей края [2]) не понимаетъ природы связи милліоновъ съ общественными, стоящими надъ народомъ, слоями, питаетъ къ ней отвращеніе, противится ей; просвѣтить этихъ людей, вывести на настоящій путь будетъ нашей задачей. Многіе не знаютъ о сокровищахъ, которыя собраны народомъ, не знаютъ прекрасныхъ сторонъ его души—мы хотимъ указать имъ эти сокровища; мы жаждемъ сдѣлать все для того, чтобы любовь заняла мѣсто равнодушія или отвращенія.

„Такова цѣль журнала „Sioło“; этого мы стремимся достигнуть.

„Насъ ведетъ свѣтъ правды, любовь указываетъ нашу дорогу. Мы хотимъ, чтобы миръ сталъ господствовать въ племени славянъ, и Богъ поможетъ намъ, потому что мы ищемъ осуществленія его слова.

„Украинская народная словесность—это прекрасная вязанка цвѣтовъ съ степныхъ могилъ славнаго прошедшаго, это—слезы и стоны милліоновъ, это—будущее могущество народа, такъ скромно прикрытое слезной мелодіей думъ плача кобзаря. Но какъ велики, хоть кажутся убогими, фигуры Тараса, Квитки! Они высказали страданія народа, раскрыли намъ красоту народной души.— Въ этомъ вся ихъ заслуга! въ этомъ ихъ великость и безсмертіе!

„Геній Дантовъ, Гёте, приводитъ въ изумленіе!.. Онъ говоритъ только къ избраннымъ... Прочитай „Катерину“ Тараса, „Марусю“ Квитки—пятнадцать милліоновъ сердецъ затрепещетъ, слеза заблеститъ въ ихъ очахъ. Вотъ исти-

---

[1]) „Московская“ значитъ здѣсь русская; „русская“ значитъ малорусская.

[2]) Т.-е. польскихъ жителей Галиціи.

ный тріумфъ. Кто владѣетъ сердцами милліоновъ, тотъ не можетъ быть бѣденъ духомъ.

„Мы имѣемъ передъ собою новый міръ, въ которомъ равенство есть правило, это—міръ народа. Мы хотимъ показать его жителямъ нашего края, показать его сокровища, для насъ дорогія, потому что мы не чужды народу, какъ не чужды землѣ, которая насъ питаетъ, не чужды нашему прошлому и будущему, котораго не найдемъ помимо народа.

„Какъ у москалей, такъ и между нами есть люди, которые, отрицая права украинско-русской народности, желаютъ ополяченія этихъ милліоновъ... Для нихъ, можетъ быть, достаточно ихъ противопоставленіе катковцамъ; но и въ нашемъ собственномъ народномъ интересѣ лежитъ необходимость содѣйствовать развитію народности, о которой идетъ рѣчь. Всѣмъ извѣстно, что россійскій панславизмъ, столь грозный славянщинѣ въ своихъ желаніяхъ, главнымъ образомъ опирается на томъ, что финско-монгольская Москва самозванно назвала себя, сначала, славянскою Русіей, потомъ всею Русью, а теперь Россіею [1]). Поэтому, если путемъ изслѣдованій историческихъ и вообще литературныхъ, Русь дѣйствительная успѣетъ дойти до своихъ народныхъ правъ, гдѣ она убѣдитъ весь свѣтъ, что составляетъ особую народность, не имѣющую съ Россіей ничего общаго,—тѣмъ самымъ рушатся панславистическія стремленія москалей, не имѣя подъ собою почвы, и алчность Москвы будетъ обуздана.

„Россія говоритъ, что Руси нѣтъ, какъ отдѣльной народности; мы докажемъ, что дѣло стоитъ наоборотъ, что Москва только присвоиваетъ себѣ права славянской Руси, и увидимъ, что она отдѣляется отъ Европы и между ней и западомъ станетъ неодолимая стѣна—славянская Украйна-Русь.

„Мы можемъ и должны трудиться даже въ нашемъ собственномъ интересѣ. Будемъ помогать народному развитію Украйны-Руси—оно возвѣщаетъ лучшіе дни въ будущемъ.

„У насъ нѣтъ недостатка въ заявленіяхъ сочувствій къ этому народу; но до сихъ поръ мы дѣлали для него очень мало или совсѣмъ ничего не дѣлали; это была ошибка. Надо ее исправить.

„Возьмемся за работу. Слабость силъ не устрашаетъ насъ, и мы убѣждены, что эти силы будутъ выростать по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться число жителей края, знающихъ его интересы и желающихъ служить имъ, какъ подобаетъ истиннымъ патріотамъ"...

Статьи новаго журнала должны были печататься на польскомъ и на украинско-русскомъ языкѣ и для послѣдняго принято также латинское письмо, какъ „болѣе извѣстное той публикѣ, къ которой обращалось изданіе". Содержаніе журнала было чисто литературное: стихотворенія, беллетристическія пьесы, народныя пѣсни и преданія, драматическія пьесы, статьи историческія и критическія, извѣстія о славянской литературѣ, корреспонденціи; въ концѣ прибавлялись небольшіе словари украинскихъ словъ, въ переводѣ на польскій.

Значительную долю журнала составляютъ произведенія нашей малорусской литературы, которыя Свенцицкій перепечатываетъ поль-

---

[1]) Опять повтореніе теоріи Духинскаго.

ской азбукой для польскихъ читателей. Такъ помѣщено здѣсь много изъ Шевченка, Квитки, Марка Вовчка. Изъ галицко-русской литературы онъ приводитъ здѣсь только стихотворенія Федьковича. Затѣмъ Свенцицкій помѣстилъ въ журналѣ свои беллетристическія работы, подъ псевдонимомъ Лозовскаго, на малорусскомъ языкѣ польскими буквами, и малорусскій переводъ „Несторовой лѣтописи" (отрывокъ съ начала). Свенцицкій обратился также къ знаменитому „степному пѣвцу", Богдану Залѣскому, и Залѣскій отвѣчалъ теплымъ пожеланіемъ успѣха новому предпріятію, которое сходилось и съ его собственными идеями, и прислалъ свои стихотворенія. Изъ вышедшаго тогда новаго собранія стихотвореній Залѣскаго „Oratorjum wieszcze" приведено стихотвореніе „Mogiła Tarasa", взывающее къ тѣни Шевченка о племенномъ примиреніи и союзѣ.

Далѣе, Свенцицкій, не по примѣру другихъ польскихъ патріотовъ, есть усердный панславистъ: онъ убѣжденъ въ будущей великой роли славянства, и съ ней для него связывается будущее возстановленіе польскаго государства. Въ тѣсномъ союзѣ съ этимъ государствомъ совершится и возстановленіе настоящей „русской" народности. Въ статьѣ „Sprawa rusko-ukraińska" развивается таже теорія объ отношеніяхъ Россіи московской и Руси украинской—послѣдняя есть народъ славянскій, отличный отъ Москвы, которая развилась „na podstawach tatarskiego barbarzyństwa". Русь южная соединилась нѣкогда съ Польшей „na podstawach równości i wolności, na podstawach uznania narodowości ruskiej". Украинская народность есть народность совершенно особенная, хотя украинскій народъ еще не дошелъ до политическаго самосознанія и, когда оно придетъ къ нему, жизнь его должна установиться на основѣ автономіи Руси и политическаго единства съ Польшей.

Общій свой выводъ онъ заключаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

„Правильно понимаемый интересъ повелѣваетъ Руси-Украинѣ оставаться въ единствѣ съ Польшей, именно по слѣдующимъ причинамъ: a) Русь въ политическомъ отношеніи не выработана и потому не будетъ способна остаться въ состояніи независимости относительно завоевательной (zaborczej, т.-е. собственно грабительской) Москвы; b) Москва, государство завоевательное по своему духу и учрежденіямъ, мучимая жаждой пріобрѣтеній, стремится ассимилировать всѣ элементы, чуждые ея природѣ; c) Русь, хотя относительно человѣчности и нравственнаго содержанія стоитъ выше Москвы, но по матеріальной цивилизаціи ниже ея и рано или поздно не выдержитъ натиска москвощины и потеряетъ свою народность; d) между Русью и Москвою нѣтъ никакой связи ни нравственной, ни исторической, ни политической; это—двѣ противоположности, стремящіяся ко взаимному опроверженію, два элемента, другъ друга уничтожающіе... e) Польша, помимо всякихъ ошибокъ ея прошлаго, никогда не была завоевательной, никогда не стремилась къ уничтоженію народности соединявшихся съ нею племенъ (?). Всякія злоупотребленія въ реп-

гіономъ отношенія совершались вслѣдствіе временныхъ уклоненій и никогда не происходили изъ духа политики и государственныхъ учрежденій; f) между Русью и Польшей существуютъ самыя жизненныя связи, которыхъ нельзя порвать безъ вреда для обѣихъ; эти связи утверждаются на прошедшемъ (?), на единствѣ нравственныхъ свойствъ (?) и духа общихъ учрежденій, на сходствѣ нравовъ и обычаевъ, на географическомъ положеніи и въ особенности на общемъ интересѣ своего обезпеченія отъ Москвы, грозящей равно народности польской и русско-украинской; g) Польша въ 1862 г. начертила программу, на основаніи которой долженъ установиться ея будущій политическій быть. Этой программой утверждается свобода народнаго развитія и внутренняго устройства Руси—именно то, что составляетъ основаніе добра, какъ послѣдней цѣли народа".

Въ статьѣ „Исторія и Этнографія", Свенцицкій, противопоставляя племя славянское германскому и романскому, въ будущемъ видитъ великое развитіе славянства и придаетъ великое значеніе распространенію этнографическаго изученія, которое должно раскрыть духъ народа и объяснить многое непонятное въ исторіи. Сила славянства въ народѣ, и чѣмъ лучше мы его узнаемъ, тѣмъ больше обезпечимъ его правильное развитіе. И въ примѣръ того, что можетъ дать этнографія, онъ опять возвращается къ вопросу о „Москвѣ": славяне ли москали? До сихъ поръ, говоритъ онъ, исторія утверждала, что они славяне, а теперь начинаетъ противорѣчить прежнему утвержденію. „А почему? не отыскали ли какой-нибудь документъ? Можетъ быть, вычитали что-нибудь новое у какого-нибудь изъ древнихъ писателей? Нѣтъ, а потому что обратились къ жизни. Начали изслѣдовать: кто славяне и кто москали, какіе нравы и обычаи тѣхъ и другихъ, преданія, пѣсни, суевѣрія и пр., и по сравненію убѣдились, что между тѣми и другими находится діаметральное противорѣчіе! И мы убѣждены вполнѣ, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области убѣдятъ, наконецъ, самихъ москалей (!), что ихъ обманывали, убѣждая ихъ, что они славяне, какъ теперь Европа убѣждается мало-по-малу въ ихъ не-славянствѣ".

Очевидно, авторъ крѣпко увѣровалъ въ проповѣдь Духинскаго и не имѣетъ понятія о томъ, что по разысканіямъ этнографіи именно въ средѣ „московскаго" народа оказывалась масса такого древняго славянскаго преданія, какое давно утрачено другими племенами, особливо западными, какъ напр., лишь у немногихъ славянъ въ такой степени сберeглось богатство чисто славянской народной поэзіи, какъ у русскихъ.

Такимъ образомъ, галицкій хлопоманъ остается вѣренъ тѣмъ мнимымъ истинамъ, которыя издавна ходятъ въ польскомъ обществѣ по вопросу о малорусско-польскихъ историческихъ отношеніяхъ. Но съ другой стороны, его мнѣнія заключали въ себѣ и нѣчто новое: онъ

мало помнилъ дѣйствительную исторію, но для настоящаго времени требовалъ „автономіи" малорусской народности, съ любовію относится къ украинской народности и вступается за нее противъ самихъ польскихъ писателей [1]).

Изъ приведенныхъ образчиковъ видно, что „хлопоманія" и „украинофильство" были вещи весьма различныя. Если бывали мнѣнія, гдѣ обѣ стороны находили среднiй терминъ и могли сближаться на какихъ-нибудь отрицательныхъ положеніяхъ, то въ другихъ случаяхъ разладъ былъ неизбѣженъ. Эпоха Хмельницкаго, какъ была, такъ и осталась камнемъ преткновенія; у массы польскихъ историковъ и публицистовъ не доставало безпристрастія и смѣлости признать эту эпоху тѣмъ, чѣмъ она была—увидѣть по ея событіямъ не „нѣкоторыя ошибки", а капитальные недостатки въ цѣломъ строѣ стараго польскаго государства. Для украинофиловъ, наоборотъ, нельзя было не увидѣть всего этого.

Тѣ проблески согласія и сочувствія, образчики которыхъ мы приводили, остаются слишкомъ слабыми и одиночными. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей нетерпимость, племенная и религіозная, все еще питается и старыми воспоминаніями, и цѣлымъ положеніемъ русско-польскаго вопроса... Въ послѣднее время чрезвычайную сенсацію произвелъ въ польской литературѣ романъ Сенкевича: „Огнемъ и мечомъ", представляющій до послѣдней степени преувеличенную апотеозу Польши именно въ ея борьбѣ противъ украинскаго народа во времена Хмельницкаго. Вся крайняя нетерпимость, какую питалъ польскій XVII-й вѣкъ, все презрѣніе къ „хлопскому" народу. его племени, вѣрѣ и обычаю, нашли въ талантливомъ писателѣ XIX столѣтія полное сочувствіе, которое подкрѣплено новѣйшими историко-политическими соображеніями и одѣто въ новѣйшую „художественную" форму. Соображенія просты: Польша была носительница цивилизаціи, полная гражданскихъ доблестей; украинцы—дикое племя, неспособное къ культурѣ, искавшее „дикой свободы" и которое нужно было держать въ уздѣ и цивилизовать крѣпкою властью—хотя бы цѣною „океана крови". У автора нѣтъ и подозрѣнія, что эта борьба Польши и Украйны XVII вѣка была вызвана политической несправедливостью и была началомъ паденія Польши. Если не понялъ этого авторъ, то не поняла и публика; романъ имѣлъ успѣхъ необычайный; Сенкевича ставили не только выше всѣхъ корифеевъ новѣйшей польской литературы, но выше Данта и Шекспира; лишь меньшинство нашло, что для сравненія лучше бы вспомнить объ авторѣ „Трехъ мушкатеровъ"...

[1]) Напр., въ статьѣ о книжкѣ: „Listy o rzeczach publicznych do ludu", Horoszkiewicza, см. „Sioło", I, стр. 127—134.

Романъ переведенъ былъ два раза и на русскій языкъ. Для тѣхъ, кто желалъ бы сличить его съ данными южно-русской исторіи, укажемъ разборъ его въ „Кіевской Старинѣ" [1]). Общее заключеніе автора этого разбора мало утѣшительно.

„Мы должны съ прискорбіемъ констатировать,—заключаетъ критикъ,—что огромное большинство польской интеллигенціи, судя по пріему, оказанному повѣсти Сенкевича, раздѣляетъ его взгляды и убѣжденія—явленіе, какъ намъ кажется, весьма печальное и не предвѣщающее скораго поворота къ лучшему, какъ нравственнаго и умственнаго развитія, такъ и тѣсно съ нимъ связанной реальной судьбы польской интеллигенціи". Но критикъ „съ отраднымъ чувствомъ" отмѣчаетъ, что въ этой интеллигенціи нашлось, однако, меньшинство, хотя малочисленное, которое протестовало противъ мыслей, проводимыхъ въ романѣ, и не усумнилось сдѣлать это въ самомъ разгарѣ его успѣха. „Дальнѣйшее интеллектуальное развитіе польскаго общества,—думаетъ критикъ,—или прекратится совсѣмъ, или пойдетъ по пути, намѣченному этимъ меньшинствомъ, чего, конечно, мы искренно желаемъ въ интересахъ человѣческаго прогресса, который равно дорогъ всякому мыслящему человѣку, въ какой бы онъ средѣ ни проявлялся"...

Въ крайне перепутанныхъ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ у насъ, и въ Галиціи, гдѣ ведется между ними открытая борьба, еще слишкомъ мало мѣста для „союза" и гораздо больше—для вражды и нетерпимости.

Лучшимъ результатомъ этихъ отношеній остаются пріобрѣтенія науки. Въ этомъ направленіи новѣйшая польская литература представила цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ работъ въ области южно-русской этнографіи [2]).

Назовемъ прежде всего труды Оскара Кольберга (1814—1890), который принадлежитъ къ числу наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей во всей славянской этнографіи. По происхожденію онъ не былъ полякъ: отецъ его былъ нѣмецъ, поселившійся въ Польшѣ сначала въ качествѣ практическаго инженера-топографа, потомъ профессора по этой спеціальности въ Варшавскомъ университетѣ; мать—француженка-эмигрантка. Поселившись въ Варшавѣ, семья повела польскую жизнь и еще до рожденія Оскара въ семьѣ разговорнымъ языкомъ

---

[1]) „Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ", В. Антоновича, „К. Старина", 1885, май. Ср. Вѣстн. Евр. 1888, февраль.

[2]) Ср. замѣчанія Т. Ф. въ „К. Старинѣ" 1884, май, стр. 125—126, о польскихъ работахъ по исторіи и описанію южно-русскаго края.

былъ польскій. Кольбергъ учился въ Варшавскомъ лицеѣ, поступил
на службу въ банкирскую контору,—но вскорѣ уже открылся дл
него сильный интересъ къ музыкѣ. Онъ былъ страстный музыкант
и дарованіе его было замѣчено знаменитымъ Шопеномъ и Каз. Брод
зинскимъ. Въ 1834 онъ отправился для теоретическаго изученія му
зыки въ Берлинъ, мечталъ о композиторствѣ (которымъ послѣ такж
занимался), но вернувшись въ 1836, нашелъ новое примѣненіе своих
стремленій—въ изученіи музыки народной. Въ то время именно стал
появляться этнографическіе сборники (В. Залѣскаго, Паули, Липин
скаго, Конопки и др.), которые заинтересовали Кольберга въ музы
кальномъ отношеніи, и съ 1839 года онъ началъ свое собираніе пѣ
сенъ, сначала около Варшавы, потомъ и дальше, сопровождая кажды
текстъ напѣвомъ и собирая также музыку танцевъ, игръ и т.
Первый сборникъ его вышелъ въ 1842 году. На первый разъ эт
былъ трудъ, такъ сказать, популярный и прикладной: Кольбергъ хо
тѣлъ ввести народную пѣсню въ общество, дать ей мѣсто въ музы
кальной композиціи, затѣмъ его интересъ все болѣе и болѣе расши
рялся и онъ возъимѣлъ планъ дать систематическое собраніе на
родной музыки такимъ образомъ, чтобы накопить возможно большее
количество варіантовъ и затѣмъ сгуппировать ихъ по главнымъ те
мамъ. По этому плану издалъ онъ въ 1857: „Pieśni ludu Polskiego“,
большой томъ, гдѣ помѣщена 41 пѣсня со множествомъ варіантовъ
и кромѣ того около 500 нумеровъ народной музыки танцевъ. Но при
этомъ первомъ опытѣ оказалось, что въ подобномъ видѣ работа почти
невыполнима, въ особенности для единичнаго собирателя, по громадной
массѣ варіантовъ, которая едва ли могла бы быть исчерпана, и Коль-
бергъ уже вскорѣ принялъ другую болѣе цѣлесообразную систему,
а именно, изученіе монографическое по мѣстностямъ; притомъ соби-
раніе музыки вводило изслѣдователя вообще въ народный бытъ,
и Кольбергъ изъ музыкальнаго спеціалиста превратился въ на-
стоящаго этнографа. Въ новомъ рядѣ его изслѣдованій, каждой
изучаемой мѣстности посвящаема была спеціальная работа, обнимав-
шая уже всѣ стороны народнаго быта, которыя подлежатъ этногра-
фическому изученію. Трудъ Кольберга носилъ съ тѣхъ поръ такое
заглавіе: „Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia,
obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tance“. Онъ изслѣдовалъ та-
кимъ образомъ разныя области польской земли, а также отчасти и
южно-русской: край сандомирскій, куявскій, краковскій, познанскій,
люблинскій. кѣлецкій, радомскій, лэнчицкій; наконецъ (подъ отдѣль-
ными заглавіями) Мазовію и Покутье; въ цѣломъ до 30 томовъ.
Обыкновенно каждому краю посвящено по нѣскольку томовъ, а По-
знани даже семь томовъ; число мелодій, записанныхъ Кольбергомъ,

насчитываютъ до 8.000. По его смерти остался еще огромный неизданный матеріалъ, котораго достанетъ на многіе томы.

Изумительная энергія этого собирателя кажется тѣмъ болѣе замѣчательной, что свои труды онъ совершалъ въ самыхъ скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ. На свои небольшія средства онъ дѣлалъ свои поѣздки и изданія; только въ послѣднее время онъ получалъ, незначительную впрочемъ, подмогу на свои труды. Кромѣ странъ собственно польскихъ онъ путешествовалъ также въ Хорватіи, Венгріи, въ восточной Галиціи, на Волыни и Подоліи, въ Карпатахъ и въ Холмской Руси. Свои этнографическія изслѣдованія онъ дѣлалъ и въ этихъ южно-русскихъ земляхъ, связанныхъ нѣкогда съ Польшей, и въ результатѣ было нѣсколько трудовъ, составляющихъ важный вкладъ въ южно-русскую этнографію.

Въ 1861, Кольбергъ оставилъ оффиціальную службу, чтобы отдать время своимъ спеціальнымъ занятіямъ, а также и работамъ литературнымъ; въ 1871 онъ переѣхалъ на житье за границу, гдѣ жилъ у своего пріятеля Конопки, близь Кракова, а съ 1884 поселился въ самомъ Краковѣ, гдѣ въ 1889 праздновался 50-лѣтній юбилей его этнографической дѣятельности. Онъ умеръ въ маѣ 1890 г. [1]).

Польскіе ученые критики ставятъ этнографическія работы Кольберга очень высоко, цѣня въ нихъ необыкновенную точность и полноту описаній, доставляющихъ прочный матеріалъ для научныхъ изслѣдованій [2]). Это достоинство признаютъ и спеціалисты южно-русской этнографіи. По громадности матеріала, собраннаго однимъ человѣкомъ, сборники Кольберга составляютъ едва ли не единственное явленіе въ цѣлой славянской литературѣ.

---

[1]) Очеркъ біографіи Кольберга, г. Янчука въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", 1889, книга II, стр. 124—134, гдѣ указаны также біографическія статьи въ польскихъ журналахъ. Прибавимъ къ нимъ статью Яна Карловича въ журналѣ „Wisła", 1889, брошюру: „Oskar Kolberg i ostatnia jego praca. Przez Rafala Lubicza. Warszawa, 1890 (оттискъ изъ Варшавскаго Атенея).

[2]) Вотъ напримѣръ слова Карловича: „Jest to nieoceniony materiał do ludoznawstwa polskiego, nieoceniony dlatego, że wszystko, co Kolberg zapisywał, jest czystém złotem etnograficzném: nie pozwalał on sobie żadnych dodatków, żadnych retuszów, żadnych ogładzań ani poprawek; pisał pieśń, podanie, przysłowie, melodyę i t. d. jak słyszał, i to nie z jednych ust, ale z kilku i kilkunastu, ażeby każdą rzecz sprawdzić i przekonać się, czy śpiewający lub mówiący sam siebie lub słuchacza nie łudził". (Wisła, 1889, стр. 472).

„Dotychczasowe prace Oskara Kolberga,—говорилъ другой польскій этнографъ,—stanowią niezmiernie bogatą skarbnicę materyałów etnograficznych i są tak świetnym nabytkiem dla etnologii ojczystéj, słowiańskiéj i powszechnéj, jakim jeszcze w żadnym kraju i w żadnym narodzie nie obdarzyła nauki praca jednego człowieka". Izydor Kopernicki, въ Encykl. wychowawcza, т. III, стр. 640—641, и брошюра его: „Oskar Kolberg", Краковъ, 1889, стр. 25; Любичъ, стр. 9).

Главный трудъ Кольберга по южно-русской этнографіи ес „Покутье“ [1]). Покутьемъ называется уголъ (kąt—кутъ, уголъ) южной границѣ бывшей Рѣчи Посполитой, между Карпатскими г рами и Днѣстромъ; названіе—не административное и не этнограф ческое, а старое географически-бытовое. Жители—русины двухъ разн видностей—въ горахъ гуцулы, а сѣвернѣе, въ нижнемъ Покуть подгоряне. Кольбергъ изучилъ имѣющійся въ литературѣ матеріа по исторіи и этнографіи Покутья, и самъ дѣлалъ экскурсіи этотъ край въ нѣсколько пріемовъ отъ 1870 до 1880 года.

Упоминая прежніе труды объ изучаемой имъ мѣстности и труды новѣйш которыми онъ пользовался, Кольбергъ перечисляетъ слѣдующую литературу Галиціи, и въ частности о Покутьѣ, которую приводимъ какъ библіографич скую справку. Онъ вспоминаетъ, что къ этому народному изученію возбу дали уже, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, Чацкій, Коллонт и Сташицъ. Въ 1790—96 г. Гакетъ (B. Hacquet) издалъ въ Нюренбергѣ соч неніе въ 4 томахъ: „Physikalisch-politische Reise durch die nördlichen Ka pathen“, гдѣ кромѣ естественно-научныхъ подробностей находимъ также н мало этнологическихъ и экономическихъ изслѣдованій о Руси. „Nowy Pamiętnik варшавскій, 1805, помѣстилъ описаніе народной свадьбы въ Червонной Рус Въ 1811, Червинскій издалъ во Львовѣ книжку о заднѣстрянскомъ краѣ межд Стрыемъ и Ломницей, съ описаніемъ земли и народа.

Какъ начинателя новѣйшихъ изученій южно-русской народности, Кол бергъ называетъ Ходаковскаго и изъ послѣдующихъ этнографовъ особенно цѣ нитъ Вацлава Залѣскаго, умѣвшаго показать поэтическія достоинства народ ныхъ твореній Южной Руси, какъ и ихъ значеніе для литературы и науки Указавъ затѣмъ отдѣльные сборники Паули, Лозинскаго, Головацкаго, Петру шевича, Владислава Завадзкаго [2]), Садока Баронча [3]), онъ перечисляетъ мелкія журнальныя статьи и отдѣльные мѣстные очерки—въ изданіяхъ галицко-рус скихъ и польскихъ (Rozmaitości lwowskie, Зоря Галицкая, Русалка Днѣстровая и пр.), гдѣ работали: Туровскій (пѣсни), Галка (обычаи, пѣсни съ-надъ Збруча), Шашкевичъ (пѣсни), Ильkевичъ (пѣсни, пословицы, суевѣрія изъ Покутья), Вагилевичъ (пѣсни, обычаи, предразсудки), ксендзы: Блонскій, Семеновичъ и Скоморовскій (пѣсни), Гушалевичъ и Тороньскій (пѣсни и обычаи лемковъ), Витвицкій (о гуцулахъ), Бѣлоусъ (купало), Саламонъ (коломыйки), Талапковичъ, Духновичъ, Павловичъ, Нодъ (пѣсни изъ Руси Венгерской), Карпинскій (сказки изъ Самборскаго края) и т. д., наконецъ изданія Краковской Академіи и „Памятники“ Татранскаго общества.

Для географическаго описанія онъ ссылается на Винцентія Поля (Rzut oka na północne stoki Karpat, Kraków, 1851), К. Видмана (въ Dziennik Warsz.

---

[1]) Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego. Краковъ, 1882—1889, четыре тома.

[2]) „Obrazy Rusi Czerwonéj“ въ Tygodn. Illustrow. 1864, и отдѣльно, Познань, 1869. Его же: Literatura w Galicyi 1772—1849, Lwów, 1878. Завадскій род. 1824.

[3]) Изъ галицкихъ армянъ, род. 1814. Кромѣ историческихъ трудовъ ему принадлежитъ книжка: „Bajki, fraszki, podania, przysłowia i pieśni na Rusi“. 1866.

1854, № 106), Авг. Бѣлёвскаго (приложенія къ краковскому „Часу“, 1857), Л. Вайгеля (Rys miasta Kołomyi. Koł. 1877) и проч. [1]).

Упомянутая книжка Червинскаго (Ignacy Lubicz Czerwiński), одинъ изъ первыхъ опытовъ галицкой этнографіи, носитъ слѣдующее названіе: „Okolica Za-Dniestrska między Stryjem i Lomnicą czyli opis ziemi i dawnych klęsk, lub odmian tej okolicy, tudzież jaki jest lud prosty dla religii i dla Pana swego? Zgoła, jaki on jest? w całym sposobie życia swego, lub w swych zabobonach albo zwyczajach. Львовъ, 1811.

Кольбергъ начинаетъ описаніемъ мѣстности, замѣтками объ историческихъ событіяхъ и затѣмъ даетъ бытовую картину населенія, описываетъ жилища, одежду, пищу, хозяйство и т. д. Малорусскіе критики указываютъ только ошибки въ опредѣленіи языка, произшедшія вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ малорусскою рѣчью другихъ мѣстностей, но восполняемыя точною передачею самихъ текстовъ. Затѣмъ идетъ подробное описаніе народныхъ обычаевъ, игръ и обрядовъ. Въ порядкѣ народнаго календаря, какъ обыкновенно, это описаніе обнимаетъ мѣстные варіанты обычаевъ и пѣсенъ, причемъ особенно замѣчательны пѣсни обрядовыя: изъ сравненія съ другими извѣстными данными оказывается, что на Покутьѣ больше чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ сохранилось обрядовой старины. Послѣ обозрѣнія народнаго календаря съ описаніемъ обрядовъ, съ многочисленными текстами пѣсенъ, слѣдуетъ описаніе обрядовъ семейнаго быта, какъ родины, крестины, свадьба и похороны, опять съ многочисленными варіантами обычаевъ и пѣсенъ; малорусскіе этнографы цѣнятъ въ особенности музыкальную часть сборника.

Второй томъ „Покутья“ состоитъ исключительно изъ пѣсенныхъ текстовъ, со множествомъ напѣвовъ. Это —„думы“ и пѣсни, хотя „дума“ принимается здѣсь въ ея значеніи въ польской терминологіи. Собственно „думъ“ здѣсь нѣтъ: есть лишь нѣсколько варіантовъ пѣсни о Бондаривнѣ и Потоцкомъ и два варіанта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломъ; остальныя—изъ разряда балладъ и разбойничьихъ. Далѣе пѣсни любовныя, семейныя и бытовыя; въ нихъ вообще оказывается много сходнаго съ сосѣдними подольскими, но въ пѣсняхъ болѣе тѣсно бытовыхъ, напр., рекрутскихъ, отражаются мѣстные

[1]) По географіи Галиціи вообще, полезна книга Л. Татомира: Geografia Galicyi (Wydanie drugie. We Lwowie, 1876), гдѣ въ концѣ указана литература предмета, стр. 169—173.

Между прочимъ, Кольбергъ упоминаетъ работу о Покутьѣ А. Киркора: это — статья „Pokucie pod względem archeologicznym“ (см. „Rozprawy i Sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności“, Краковъ, 1876, т. V, стр. 208—315), гдѣ авторъ собралъ свѣдѣнія, особливо по собственнымъ раскопкамъ, объ остаткахъ древности въ этомъ краѣ, отъ разныхъ эпохъ, начиная съ каменнаго вѣка; онъ коснулся также и древности миѳологической, но—наименѣе удачно.

австрійскіе порядки, какъ и въ пѣсняхъ о панщинѣ, а также пѣсняхъ пастушескихъ и разбойничьихъ. Въ пѣсняхъ религіозныхъ (nabożne i dziadowskie) или псалмахъ лирницкихъ, по замѣчанію малорусскихъ этнографовъ, отражаются двѣ культуры: уніатская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чертами чисто польскими. Вообще, „нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсенъ—это замѣчательной ихъ поэтичности. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ васъ невольно поражаетъ въ сборникѣ покутскомъ обиліе высокохудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію пѣсенъ" [1]).

Работу Кольберга о нашемъ южнорусскомъ Подольѣ упомянемъ далѣе въ трудахъ Краковской академіи.

Очень извѣстно, между прочимъ, и въ нашей литературѣ имя Новосельскаго, автора книги: „Украинскій народъ". Антоній Новосельскій (псевдонимъ; собственное имя его—Антоній Якса Марцинковскій), писавшій также подъ именемъ Альберта Грыфа, былъ родомъ изъ кіевскаго края (род. 1823), учился въ кіевской гимназіи и потомъ въ университетѣ, гдѣ впрочемъ за болѣзнью не кончилъ курса. Онъ рано вступилъ на литературное поприще, гдѣ всего болѣе работалъ, какъ беллетристъ. Біографъ его говоритъ [2]), что сначала Марцинковскій былъ горячимъ гегеліанцемъ, но жизненный опытъ, „конференціи" Лакордера, общеніе съ вѣрующими душами обратили его на путь откровенной религіи. Главнымъ этнографическимъ трудомъ была названная книга объ украинскомъ народѣ [3]). Этотъ народъ былъ ему близокъ (znany mi najlepiéj lud Ukraiński, w pośród którego urodziłem się i wzrosłem), и на изученіи его быта и преданій онъ хотѣлъ примѣнить свои взгляды на народное преданіе вообще. Книга Новосельскаго имѣетъ свою цѣну какъ собраніе матеріала, но въ научномъ отношеніи представляетъ немалые недостатки. Общій взглядъ его таковъ. „Занимаясь народными обрядами, — говоритъ онъ, — я усмотрѣлъ въ нихъ извѣстные мистическіе символы, извѣстный таинственный языкъ, къ пониманію котораго издавна потерянъ ключъ у всѣхъ славянскихъ народовъ; аналогическое сравненіе этихъ обрядовъ, символовъ и этихъ мистическихъ выраженій съ гіератической рѣчью другихъ народовъ, открыло мнѣ ихъ значеніе". Первому отдѣлу своего труда онъ далъ

---

[1]) См. Замѣтки о „Покутьѣ" Ц. Неймана, въ „К. Старинѣ", 1884, III, 482; V, 126 и дал. Послѣднихъ двухъ томовъ „Покутья" мы, къ сожалѣнію, еще не имѣли возможности просматривать.

[2]) Zdanowicz-Sowiński, III, стр. 707 и пр.

[3]) Lud Ukraiński, przez Antoniego Nowosielskiego. Wilno, 1857, два небольшихъ тома (стр. 380 и 282).

названіе „славянской мистеріософіи“ и замѣчалъ, что, хотя для полнаго изслѣдованія этого важнаго предмета еще недостаетъ данныхъ, но то, что было имъ собрано, указываетъ, что „языческая цивилизація славянскихъ племенъ, какъ цивилизація другихъ древнихъ племенъ, имѣла одну простую традицію эзотерической науки, хранившуюся въ миѳѣ религіозномъ и общественномъ. Миѳъ религіозный затерялся, миѳъ общественный хранится еще до сихъ поръ въ обрядахъ, которые народъ нашъ почитаетъ, какъ реликвію святой старины, почитаетъ, хотя мысль ихъ давно уже вывѣтрилась и никто не знаетъ теперь, что они выражаютъ. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія на внутренній бытъ славянскаго племени, то вносится много свѣта въ этнографію вообще, въ исторію, древность и религію, и послѣднимъ результатомъ этихъ изслѣдованій является всегда тотъ, что все въ человѣческомъ обществѣ есть преданіе, что въ основѣ жизни цѣлаго человѣчества лежитъ извѣстная солидарность, за предѣлами которой все есть ложь и смерть. Наука нашего вѣка мыслью и опытомъ всегда приходитъ къ тому пункту, изъ котораго собственно истекаютъ лучи истины, откровенной намъ въ началѣ вѣковъ живымъ словомъ Божіимъ“. Все, окружающее насъ, отмѣчено печатью таинственности; человѣкъ, вѣнецъ творенія, окруженъ чудеснымъ мистицизмомъ; онъ ищетъ Бога и вѣчности; связь человѣка съ Богомъ началась тотчасъ при сотвореніи Адама и сдѣлала человѣка сыномъ Божіимъ, такъ что послѣ ни грѣхопаденіе, ни одичалость людей, не могли никогда уничтожить этой таинственной связи человѣка съ небомъ. Отсюда такъ-называемая естественная религія, первымъ источникомъ которой была религія откровенная. Такимъ образомъ въ преданіяхъ язычества, въ которое впали народы, забывшіе откровеніе, хранилось безсознательно преданіе первобытное, общее всему человѣчеству. „Истинное начало язычества должно быть отыскиваемо въ священномъ писаніи; только съ Библіей въ рукахъ можно узнать его настоящую сущность; Моисеевы книги—первый источникъ исторіи, первый источникъ всякой науки. Кто въ поискахъ истины отдалится отъ Библіи, тотъ вмѣстѣ отдалится и отъ своего предмета. Желая схватить истинный смыслъ иныхъ религіозныхъ памятниковъ древняго міра, надо внести въ нихъ лучъ откровенной науки, иначе изыскатель древности неизбѣжно заблудится въ томъ хаосѣ правды и лжи, какимъ бываютъ религіозныя преданья первобытныхъ народовъ“. Этнографія убѣждаетъ въ единствѣ, связующемъ человѣческія племена; мы все больше увѣряемся, что „все въ человѣчествѣ есть преданіе, что сходства въ законахъ, миѳахъ, обрядахъ, символахъ вовсе не дѣло чистаго случая, какъ думали въ прошломъ столѣтіи. Изъ сравненія всѣхъ этихъ остатковъ древности пробивается все

болѣе яркій свѣтъ; чтобы понять древность, неизбѣжно нужно воспользоваться для этого сравнительнымъ методомъ".

Отсюда болѣе или менѣе видна точка зрѣнія автора. Ему кажется, что онъ первый возъимѣлъ эту идею объясненія древности и онъ призывалъ себѣ сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ (w rzeczy, którą sam bez żadnéj pomocy zacząłem rozrabiać); это — видимо самоучка; онъ знаетъ довольно много книгъ о миѳологической древности, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ—книгъ, писанныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и обыкновенно чуждыхъ новѣйшему методу изслѣдованія, начатому Гриммомъ. Онъ знаетъ и Гримма, но не отдавая себѣ отчета въ его значеніи; упоминаетъ Боппа, но рядомъ съ Рейфомъ и Экономидомъ, и т. д. Такимъ образомъ книга Новосельскаго стоитъ внѣ развитія русской и южно-русской этнографіи; тѣмъ не менѣе она имѣетъ цѣну—по тѣмъ даннымъ изъ южно-русскаго быта и преданій, которыя онъ сообщаетъ по непосредственному знанію и по которымъ книга, несмотря на ненаучность его объяснительныхъ пріемовъ, до сихъ поръ цитируется. Первый томъ ея заключаетъ три статьи: славянскую мистеріософію, украинскія сказки, славянскія сказки у Геродота и Лукіана (Новосельскій видитъ славянъ въ скиѳахъ). Второй томъ заключаетъ много мелкихъ отдѣловъ: старыя преданія (космогоническія,—въ сравненіяхъ съ халдейскими, китайскими, скандинавскими и пр.); преданья о чертяхъ, духахъ, упиряхъ и пр.; о кладахъ; суевѣрія, колдовство, знахарство, чудесныя исторіи; птицы, звѣри, чудесныя зелья; бытовыя суевѣрья и обычаи; врачебные секреты; танцы; козачество, бурлачество и чумачество; одежда; разсказы о цыганахъ, жидахъ, полѣшукахъ и литвинахъ; пословицы; загадки [1]).

Не будемъ приводить длиннаго ряда польскихъ писателей, такъ или иначе касавшихся южно-русской жизни и народа, и назовемъ лишь нѣкоторыя имена. Такъ, Эдварду Руликовскому принадлежитъ „Opis powiatu Wasilkowskiego" (Warsz. 1853); Зенонъ Фишъ, извѣстный (между прочимъ и въ нашей литературѣ по полемикѣ съ Костомаровымъ) подъ псевдонимомъ Падалицы (1820—70), публицистъ и беллетристъ, издалъ „Opowiadania i krajobrazy" (Вильно, 1856, два тома), очерки изъ путешествія по Украйнѣ; онъ между прочимъ много писалъ, какъ въ упомянутой полемикѣ, объ историческихъ отношеніяхъ Польши и Малороссіи, а также и о народномъ украинскомъ бытѣ [2]). Назовемъ далѣе Стецкаго (Tadeusz Jerzy, 1838—1888), кото-

---

[1]) Новосельскій написалъ также очеркъ „Славянской сравнительной миѳологіи" и „Исторіи народныхъ сказокъ"; отрывокъ послѣдней былъ напечатанъ въ кіевскомъ сборникѣ „Kwiaty i Owoce". Zdanowicz-Sowiński, III, 708.

[2]) Новосельскій указываетъ (II, 183) монографію о чумакахъ, Падалицы, въ Tygodnik Pet. 1840, № 35.

рому принадлежитъ цѣлый рядъ описательныхъ трудовъ, относящихся особливо къ его родинѣ, Волыни. Главное сочиненіе его вышло въ 1864—1871 годахъ: „Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym“ (Lwów, 2 тома); затѣмъ слѣдовала книга о Луцкѣ: „Łuck starożytny i dzisiejszy, monografia historyczna“ (1876) и рядъ небольшихъ очерковъ другихъ, нѣкогда историческихъ мѣстностей Волыни, какъ Берестечка, Овруча, Ляховецъ и пр.; послѣднимъ трудомъ его была книга: „Z boru i stepu; obrazy i pamiątki“ (Kraków, 1888). Стецкій писалъ, не мудрствуя лукаво: перебирая мѣстности одну за другою, онъ собираетъ относящіяся къ нимъ извѣстія и между прочимъ, какъ мѣстный уроженецъ, имѣвшій связи съ тамошнимъ дворянствомъ, воспользовался семейными архивами; свѣдѣнія, имѣющіяся въ русской литературѣ, обыкновенно извѣстны ему мало. Не имѣя ученаго значенія, труды Стецкаго заключаютъ не мало полезныхъ историку фактическихъ указаній о бытѣ стараго времени, а частію и данныхъ этнографическихъ [1]).

Съ 1877 начало выходить особое изданіе Краковской академіи, посвященное вопросамъ археологіи, антропологіи и этнографіи: изданіе служитъ органомъ особаго отдѣла Академіи, основавшагося для этихъ спеціальныхъ предметовъ въ 1874 [2]). По давнимъ и современнымъ, историческимъ и бытовымъ, связямъ Польши съ южною Русью, большая масса трудовъ, собранныхъ въ изданіи Краковской Академіи (считаютъ до 40°/о), относится именно къ Южной Руси, въ Галиціи и нашемъ юго-западномъ краѣ. Въ отдѣлѣ археологіи помѣщено не мало изслѣдованій, относящихся къ южно-русской территоріи, между прочимъ по поводу раскопокъ въ волынской, подольской и кіевской губерніяхъ: таковы труды Коперницкаго, Пржибыславскаго, Руликовскаго, Киркора, Оссовскаго, Брезы и др. Болѣе связи съ этнографіей представляютъ изысканія антропологическія. Таковы, напр.: обширный трудъ, въ нѣсколькихъ томахъ сборника, Майера и Ис. Коперницкаго („Charakterystyka fizyczna ludności Galicyjskiéj“), гдѣ разработаны наблюденія болѣе чѣмъ подъ 8.000 лицъ и собраны по народностямъ русской, польской и еврейской; Майера, изслѣдованіе по антропологіи галицкихъ русскихъ разныхъ мѣстностей; Юл. Талько Ивговскаго Грынцевича, изслѣдованія о физіологическихъ явленіяхъ въ женскомъ населеніи звенигородскаго уѣзда кіевской губ., и его же статьи о продолжительности жизни въ той же мѣстности;

[1]) Ср. объ его трудахъ „К. Старину“, 1890, сентябрь, стр. 509—512.

[2]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj, wydawany staraniem komisyi antropologicznéj Akademii umiejętności w Krakowie. Томы I—XIII. Краковъ, 1877—1889.

Коперницкаго, „Физическая характеристика русскихъ гораловъ“ (карпатскихъ горцевъ).

Всего богаче отдѣлъ этнографическій. Польскіе собиратели съ большою ревностью занимались между прочимъ южно-русской народностью, можетъ быть, по слѣдамъ Кольберга, неустанная дѣятельность котораго производила впечатлѣніе. Самъ Кольбергъ помѣстилъ здѣсь небольшой сборникъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ подольской губерніи (т. XII): гаивки, веснянки, пѣсни любовныя и бытовыя,— какъ обыкновенно у него, вмѣстѣ съ напѣвами. Далѣе, изданы имъ „Baśni z Polesia“, нѣсколько сказокъ и народныхъ разсказовъ, присланныхъ съ Полѣсья и отчасти пересказанныхъ въ Краковѣ лицомъ, оттуда прибывшимъ (т. XIII, стр. 200—207), и „Свадебные обычаи и обряды въ Полѣсьѣ“ (т. XIII, стр. 208—245), съ нѣсколькими пословицами и напѣвами. Профессоръ Исидоръ Коперницкій (род. 1825), медикъ, питомецъ кіевскаго университета, въ теченіе восточной войны пробывшій все время при арміи, между прочимъ въ Севастополѣ, впослѣдствіи былъ въ кіевскомъ университетѣ прозекторомъ и преподавателемъ; въ 1863 вышелъ въ отставку, переселился во Львовъ, потомъ въ Краковъ, гдѣ занялъ мѣсто въ университетѣ какъ преподаватель антропологіи [1]). Выше упомянуто объ его антропологическихъ изслѣдованіяхъ; рядомъ съ ними онъ занялся и этнографіей, и въ изданіи Краковской Академіи ему принадлежитъ описаніе внѣшняго быта русскихъ гораловъ въ Галиціи (лемки, полонинцы, бойки, гуцулы), въ т. XIII.

Затѣмъ находимъ длинный рядъ этнографическихъ описаній и сборниковъ, относящихся къ русской Галиціи и къ нашему южнорусскому краю. Тадеушу Жулинскому принадлежитъ замѣтка: Kilka słów do etnografii Tuchalców и пр.—карпатскихъ горцевъ Стрыйскаго края (т. I); Быковскій составилъ сборникъ „Обрядовыхъ пѣсенъ русскаго народа изъ окрестностей Пинска“ (т. II); Юзефа Мошинская—сборникъ „Обычаевъ, обрядовъ и свадебныхъ пѣсенъ украинскаго народа изъ окрестностей Бѣлой Церкви“ (т. II); „Купайло и другіе обряды въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви“ (т. V: Kupajło, ludzież zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi“) съ большимъ числомъ относящихся къ обрядамъ пѣсенъ; и сборникъ „Сказокъ (36) и загадокъ (156) украинскаго народа“ (т. IX). Руликовскій, въ „Этнографическихъ запискахъ изъ Украины“, издалъ обширный сборникъ преданій, сказокъ, народной медицины, заговоровъ, обрядовъ, пословицъ, пѣсенъ и пр. (т. III). Подберезскій сообщилъ „Матеріалы

[1]) Біограф. словарь проф. Кіевскаго университета. 1884, стр. 277—279.

для украинской демонологіи“ (т. IV); Болеславъ Поповскій—„Свадебныя пѣсни и обряды русскаго (т.-е. южно-русскаго) народа въ Залеванщинѣ“, винницкаго уѣзда (т. VI) и „Пѣсни русскаго народа въ с. Залеванщинѣ“: историческія думы, пѣсни любовныя, бытовыя, чумацкія и бурлацкія, пьяницкія и пр. (т. VIII). Г-жа Северина Шаблевская издала небольшой этнографическій очеркъ: „Wesele i Krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu“ (т. VII); Ванда Малиновская—„Свадебные обряды русскаго народа въ с. Кудиновцахъ, Золочевскаго округа“ (тамъ же). Софія Рокосовская доставила нѣсколько обширныхъ работъ: „Свадьба и пѣсни русскаго народа въ с. Юрковщинѣ въ Звягельскомъ округѣ на Волыни“ (т. VII, стр. 150—243) и обширный сборникъ, изданный подъ редакціей Коперницкаго и заключающій этнографическія данныя, собранныя въ окрестностяхъ Новградволынска (т. XI). Здѣсь описаны: обычаи и обряды жизни семейной; праздники по народному календарю; полевыя работы—съ сопровождающими ихъ обрядами и пѣснями; въ отдѣлѣ „демонологіи“ обширное собраніе народныхъ повѣрій и суевѣрій, колдовства, народной медицины, народныхъ представленій о природѣ. Многое изъ всего этого уже извѣстно изъ прежнихъ сборниковъ: но тѣмъ не менѣе сборникъ г-жи Рокосовской высоко оцѣненъ малорусскими этнографами какъ богатый мѣстный сборникъ. Наконецъ, принадлежитъ ей сборникъ народныхъ преданій и повѣрій о растеніяхъ, изъ с. Юрковщины, звягельскаго уѣзда (т. XIII). Ц. Нейманъ издалъ обработанные имъ „Этнографическіе матеріалы изъ окресностей Плискова, въ липовецкомъ уѣздѣ, собранные панной З. Д.“ (т. VIII): это пѣсни историческія, бытовыя, „бесѣды“, народные разсказы и пр., съ нѣсколькими пѣсенными напѣвами. Ольга Рошкевичъ и Иванъ Франко собрали „Свадебные обряды и пѣсни русскаго народа въ с. Лолинѣ, стрыйскаго округа“ (т. X); Михалина Томашевская—„Свадебные обряды въ с. Цетулѣ, ярославскаго (въ Галиціи) округа“ и „Свадебные обряды русскаго народа въ с. Винникахъ, дрогобыцкаго уѣзда“ (т. X, XII); г-жа Стадницкая—„Свадебныя пѣсни и обряды русскаго народа въ окрестности м. Немирова, подольской губерніи“ (т. XII); Брыкчинскій—„Этнографическія записки изъ волынскаго Полѣсья“; Земба—„О похоронныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ подольской губерніи, въ окрестности Ушицы“ (т. XII). Въ новѣйшемъ томѣ краковскаго изданія находимъ слѣдующіе труды: г-жи Анны Ванке—„Галагивки, пасхальныя забавы русскаго населенія въ с. Горчицахъ, около Сѣнявы въ перемышльскомъ уѣздѣ“; Янъ Колесса описалъ „Родины и крестины, свадьбу и похороны у русскаго народа въ с. Ходовицахъ, стрыйскаго округа“, не мало пѣсенъ и нѣсколько напѣвовъ (т. XIII).

Въ нѣкоторыхъ изъ трудовъ, помѣщенныхъ въ изданіи Кра ской Академіи, напр. въ статьяхъ Бронислава Густавича о на ныхъ преданьяхъ, предразсудкахъ, названіяхъ въ области прир въ „Народной метеорологіи" Д. Вержбицкаго (т. VI), между п скимъ матеріаломъ приводится также южно-русскій и бѣлорус Нѣкоторые изъ участниковъ краковскаго изданія извѣстны і нашей литературѣ. Дальше мы будемъ говорить о трудахъ Ц. ; мана; Ю. Д. Талько-Грынцевичу принадлежитъ небольшая любо ная книжка: „Народное акушерство въ Южной Руси" (Черниі 1889, отдѣльный оттискъ изъ газеты „Земскій Врачъ", 1889, № : 28), гдѣ приведена литература предмета русская, польская и ча у другихъ славянъ.

Перечисленныя работы, изданныя въ трудахъ Краковской . деміи, представляютъ обыкновенно чисто этнографическій матер — тексты пѣсенъ и иныхъ произведеній народной словесности польской транскрипціи), обстоятельныя описанія обычаевъ и о довъ, не вдаваясь въ изслѣдованія объ этомъ матеріалѣ. Повидим типомъ для этихъ работъ послужили труды Кольберга.

И кромѣ указаннаго, въ польскихъ журналахъ разсѣяно не і описательныхъ очерковъ, гдѣ находятся и подробности этнограф скія. Въ ряду новѣйшихъ изданій въ особенности заслуживаетъ манія основанный въ 1887 и спеціально посвященный этногр журналъ „Wisła", издаваемый по типу иностранныхъ (особливо мецкихъ) спеціальныхъ журналовъ (годовое изданіе, въ четыре пуска, образуетъ большой томъ). Журналъ, кромѣ общихъ вопро этнографіи и антропологіи, занятъ спеціально изученіемъ народн польской, но даетъ мѣсто и вопросамъ этнографіи южно-русск бѣлорусской [1]), и слѣдитъ также за русской этнографической л ратурой.

Наконецъ, въ широкомъ смыслѣ, для изслѣдованія этнограф скаго можетъ послужить матеріаломъ—по исторіи и современному стоянію между-племенныхъ отношеній, культуры, обычаевъ и пр обширная историческая польская литература, а также литерат мѣстныхъ географическихъ описаній и путешествій.

---

[1]) Напр., статьи: „Rozsiedlenie się Lemków" Северина Удзѣлы (т. III, (650—660); „Pisanki" (т. IV, стр. 216—228) и др.

ГЛАВА X.

Споръ между южанами и сѣверянами.

Одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ того, что начатки общественныхъ и литературныхъ явленій лежатъ обыкновенно гораздо раньше того времени, когда онѣ становятся общимъ интересомъ, мы видимъ и въ тянущемся донынѣ вопросѣ о малорусской народности. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда новая малорусская литература едва дѣлала свои первые шаги, когда Костомаровъ и Кулишъ сидѣли еще на школьныхъ скамьяхъ, а Шевченко былъ козачкомъ у своего пана, когда въ литературѣ не сложилось еще никакихъ мыслей о томъ, можетъ ли и должна ли существовать малорусская литература, имѣетъ ли эта народность какое-нибудь этнографическое и историческое право, а вмѣстѣ и основаніе для народной гордости, эти вопросы поднималъ уже оригинальный писатель, производившій въ свое время большое впечатлѣніе неожиданными взглядами на русскую исторію, на славянство, вообще на національные вопросы, писатель, который въ иныхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ славянофильства и тѣхъ теорій о началѣ Руси, съ какими носятся теперь противники норманской теоріи, якобы противной нашему національному достоинству и патріотическому чувству. Это былъ Венелинъ. Онъ давно ославленъ фантазёромъ, мысли котораго стоятъ внѣ науки, и во многихъ отношеніяхъ это справедливо; но несправедливо было бы покончить на этомъ его характеристику, и новая критика начинаетъ оцѣнивать заслуги этого замѣчательнаго человѣка, у котораго среди всѣхъ увлеченій были зародыши вѣрнаго чувства и преданность исторической правдѣ. Карпатскій русинъ по происхожденію, и въ Россіи учившійся не исторіи и филологіи, а медицинѣ, Венелинъ собственно не имѣлъ правильной школы, которая приготовила бы изъ него историка, но, человѣкъ съ дарованіемъ и боль-

шой начитанностью, онъ обладалъ живымъ воображеніемъ, искалъ исторіи въ темныхъ преданіяхъ старой лѣтописи, въ настоящемъ народномъ бытѣ, и чувствовалъ историческую жизнь тамъ, гдѣ еще не думали ея видѣть другіе. На его сочиненія не надо смотрѣть какъ на ученое изслѣдованіе: это историкъ-поэтъ, который можетъ быть занимательнымъ и тогда, когда мы ни мало не признаемъ его теорію. Таковы, напр., его описанія царства Атиллы, котораго онъ изображаетъ славяно-русскимъ царемъ. Онъ погружается въ исторію какъ въ живое современное дѣло и, благодаря этому качеству, онъ, кабинетный книжникъ, могъ оказать такое сильное вліяніе на возрожденіе болгарской народности, котораго онъ считается однимъ изъ первыхъ начинателей.

Этотъ писатель, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поставилъ вопросъ о малорусской народности въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма“ [1]).

Судя по началу статьи, авторъ имѣлъ въ виду разобрать весь историческій вопросъ объ отношеніяхъ сѣверной и южной Руси, и хотя статья была далеко не кончена, но основная мысль автора уже просвѣчиваетъ. Любопытно прежде всего, что здѣсь ставится самый вопросъ о „спорѣ“, который въ то время, какъ мы замѣтили, еще не былъ поставленъ южанами и сѣверянами въ литературѣ, но Венелинъ чувствовалъ, что онъ молчаливо ведется съ обѣихъ сторонъ и сказывается въ обыденныхъ отношеніяхъ. Эти отношенія не были особливо дружелюбны; напротивъ, представители обѣихъ народностей не всегда разумѣли другъ друга, не всегда были взаимно справедливы; изрѣдка это проглядывало и въ литературѣ, и Венелинъ счелъ нужнымъ подвергнуть вопросъ историческому разслѣдованію и выяснить таившееся недоразумѣніе.

„Споръ“ (который хотятъ теперь свалить на одно новѣйшее украинофильство) не подлежалъ сомнѣнію. „Двѣ народности“ дѣйствительно еще не слились настолько, чтобы между ними не проявлялось разнорѣчій и столкновеній. Народныя шутки великоруссовъ надъ „хохлами“, и обратно, малоруссовъ надъ „москалями“ и „кацапами“ выдавали иногда настоящую антипатію. У людей болѣе образованныхъ такія первобытныя соображенія племенной нетерпимости уже отпадали, но у другихъ онѣ еще береглись и проскользали въ литературу. Причина нетерпимости лежала въ обычномъ предубѣжденіи къ

[1]) Эта статья напечатана была уже по смерти Венелина въ „Чтеніяхъ московскаго Общества ист. и древн.“, 1847, кн. 4, стр. 1—16. Статья была найдена въ бумагахъ Венелина неконченной или, собственно, только начатой; время ея опредѣляется тѣмъ, что она была написана въ видѣ рецензіи на „Описаніе Украйны“ Боплана, вышедшее въ русскомъ переводѣ въ 1832 году.

другому племени или оттѣнку племени, а также въ историческомъ преданіи. Старыя отношенія не однажды бывали неблагопріятны. Въ эпоху присоединенія, въ Малороссіи были свои установившіяся особенности народнаго быта, нравовъ, образованія, церковности, которыя не сходились съ московскими, и это съ одной стороны возбуждало опасенія, что онѣ будутъ нарушаться московскимъ управленіемъ (что̀ вскорѣ и стало оправдываться), а со стороны московской не довѣряли ни этимъ нравамъ, которые казались самовольными, ни церковности, въ которой подозрѣвали латинскія прибавленія. Въ XVIII в. автономическая старина все болѣе устранялась; уничтожалось Запорожье; въ средѣ высшаго духовенства было тогда еще много архіереевъ изъ малороссіянъ (какъ болѣе ученыхъ людей), но русскому духовенству не нравились эти „черкасишки"; порядки старой гетманщины вообще быстро падали, но объединеніе административное не сгладило бытовыхъ отличій, а новая культура охватила только верхніе классы; и когда новый романтизмъ возвращался къ старинѣ и народности, въ образованномъ слоѣ Малороссіи нашлось не мало дарованій, которыя съ любовью отдались культу своей народности и ея поэтическихъ преданій. Въ это время (повидимому, около середины двадцатыхъ годовъ) появилась апокрифическая „Исторія Руссовъ", приписанная Конисскому и служившая выраженіемъ романтическаго ретроспективнаго патріотизма; появляются первые пѣсенные сборники Цертелева и Максимовича; затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ изданія Срезневскаго, повѣсти Квитки, восторженныя статьи Вадима Пассека, первыя работы Бодянскаго, и т. д. Если во всѣхъ этихъ произведеніяхъ сказывался яркій малорусскій патріотизмъ, то, съ другой стороны, повидимому не было недостатка въ антитезахъ великорусскихъ. Статья Венелина показываетъ, что существовалъ вопросъ о „россизмѣ" южанъ и сѣверянъ, т.-е. о томъ, кто—южане или сѣверяне—были „россы" по преимуществу, кому изъ нихъ принадлежитъ древняя русская исторія и заслуга основанія русскаго государства и національности—вопросъ, который, наконецъ, прямо поставленъ былъ въ пятидесятыхъ годахъ въ полемикѣ Погодина и Максимовича.

Венелинъ былъ въ русскомъ обществѣ пришлый человѣкъ и могъ быть свободенъ отъ мѣстныхъ предразсудковъ; по характеру онъ, видимо, стоялъ выше племенной нетерпимости, которую долженъ былъ отвергать и какъ панславистъ въ лучшемъ тогдашнемъ смыслѣ слова. Такъ складывались и его историческія объясненія. Онъ не одобрялъ „спора", не считалъ его разумнымъ, и думалъ, что и южане, и сѣверяне равны въ своемъ „россизмѣ". Приводимъ нѣсколько его замѣчаній, писанныхъ то въ серьезной, то въ шутливой формѣ:

„....Что такое Украйна, что такое козаки, что Малая Россія, что М
Россы? Эти вопросы всякому покажутся извѣстными; но дѣло въ томъ,
очень не всякій имѣетъ объ нихъ точное, опредѣленное понятіе. Въ этой м
убѣждаютъ меня ежедневныя наслышки изъ общаго мнѣнія. По большей ч
въ Москвѣ, Мало-Россъ слыветъ тотъ, кто изъ Черниговской или Полтав
губерніи; Козаками слывутъ люди военные,—конные; Украйною—хоть Х
ковская или Полтавская губернія".

Свои объясненія онъ начинаетъ издалека. Весь русскій нар
при всей его огромности, раздѣляется, къ удивленію (потому
другіе дѣлятся гораздо больше), только на двѣ вѣтви: сѣверну
южную. Была нѣкогда третья вѣтвь, восточная или волжская,
которой (по мнѣнію Венелина) принадлежали болгары волжскі
отъ которой произошли нынѣшніе болгары дунайскіе. Сѣверн
южная вѣтви раздѣлились только постепенными уклоненіями въ яз
изъ которыхъ составились два нарѣчія—сѣверное и южное. Мас
ность обѣихъ вѣтвей почти равна. Въ свое время Венелинъ счи
въ народѣ сѣверной вѣтви до 21 милліона, южной—до 20, изъ
торыхъ въ Россіи—15; но, принявъ въ соображеніе тѣ громад
потери, которыя понесены были южной вѣтвью въ теченіе ист
онъ считаетъ за достовѣрное, что южное племя было слишкомъ о
третью многочисленнѣе сѣвернаго. Общее названіе сѣверянъ и юж
—„Русь" (все равно: русинъ, русакъ, русскій или россіянинъ).

Для Венелина вопросъ о россизмѣ южанъ и сѣверянъ соверш
простъ: ни за тѣми, ни за другими нѣтъ въ этомъ отношеніи н
кого преимущества; тѣ и другіе—такіе же русскіе, и спорить
не о чемъ; надо только, чтобы обѣ стороны это поняли, чтобы,
знакомившись съ исторіей, увидѣли, какъ народъ одного корня
исторической необходимости, видоизмѣнился на свои оттѣнки, и
бы они помирились, наконецъ, взаимно признавши свои отличія

„Здѣсь нельзя не упомянуть, — говоритъ Венелинъ, — о важномъ с
между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма (здѣсь подразумѣва
мнѣніе черни, *простолюдія*). По мнѣнію москвитянъ, напримѣръ, тотъ то
настоящій русскій, кто умѣетъ *гаварить па-настоящему*, т.-е. *па-русс*
это значитъ: по сѣверному. Но горе Южанину; вы можете знать въ с
шенствѣ сѣверное русское нарѣчіе или, такъ называемый, русскій яз
можете даже почти совершенно поддѣлаться подъ сѣверный выговоръ; но
вамъ, если вы спотыкнулись въ малѣйшемъ оттѣненіи въ выговорѣ; вамъ
жутъ: „*Вы вѣрна изъ нѣмцовъ?*" или „*Вы вѣрна не здѣшній?*" и тогда,
бѣдный мой Южанинъ, называйся, какъ тебѣ заблагоразсудится, Испанц
Прусакомъ, Халдейцемъ, или Тарапанцемъ, все равно, все тебѣ повѣрят
какъ ты ни вертись, ни божись, все ты не Русскій!!! Но ты скажешь, чт
Мало-Россъ; все равно, все ты не Русскій, ибо московскому простолю
чуждо слово Россъ; и будетъ ли этотъ Россъ великъ или малъ, для него
равно, только онъ убѣжденъ, что онъ не Русскій, а Полякъ или Хохолъ,
Литва, или Козакъ, или Украинецъ, или что-либо похожее, словомъ, что

не свой. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли человѣка почесть своимъ, который не носитъ красной или цвѣтной рубашки, называетъ щи борщемъ, и не гаваритъ харашо, а добрѣ!!!

„Правда, это мнѣніе механическое и, посему, происходящее отъ невѣдѣнія, —есть, конечно, мнѣніе à la borodatch, не болѣе; не смотря на это, оно вкрадывается очень, очень часто въ кругъ безбородый. Но этого мало; какъ часто и тѣ изъ числа безбородыхъ, которые даже имѣютъ претензію на ученость, на образованность или, по крайней мѣрѣ, на основательность своего сужденія, увлекаются мнѣніемъ à la borodatch! Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ иному украинскому Русаку прилагалось имя Хохла, въ противоположность Русскому слову; въ Украинцахъ иной, мудрено ученый Сѣверянинъ, по нелѣпому мнѣнію, видитъ какую-то смѣсь бѣглыхъ Малороссовъ, Татаръ, Поляковъ, Литвы. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризовали происхожденіе Казаковъ иные, которые брались о нихъ писать. Очень естественно, что, иногда, учено-историческое, нелѣпое мнѣніе можетъ дать непріятное направленіе народному ощущенію въ образованномъ сословіи. Другое дѣло съ Русаками волынскими, подольскими, гродненскими, бѣлостокскими и люблинскими въ Царствѣ Польскомъ. Эти Южане въ глазахъ Москвитянина ни за какія деньги не омоются отъ Ляхизма... Но за то и Южане, въ свою очередь, не допускаютъ Сѣверянъ участвовать въ россизмѣ; какъ ни называй себя онъ Русскимъ, все-таки онъ не Русинъ, а Москаль, Липованъ и Кацапъ. По мнѣнію Южанъ, настоящая Русь простирается только до тѣхъ предѣловъ, до коихъ живутъ южане, а все прочее Московщина. Въ томъ же самомъ мнѣніи и какой-либо Карпато-россъ, живущій на берегахъ Тисы; его часословъ, или минея кіевской печати, напоминаютъ ему Русь, но не Москву, хотя и московская печать у него не рѣдкость. Онъ приняль Русскаго гренадера, сѣвернаго уроженца, за Чеха; но только Глуховскій, или Воронежскій, или Черниговскій гренадеръ покажется ему настоящимъ Русскимъ; равномѣрно землянинъ люблинскаго воеводства, въ Царствѣ Польскомъ, готовъ биться объ закладъ, что онъ чище Русакъ, нежели ярославскій и володимерскій Москаль. Нечего дѣлать, вѣдь онъ справедливъ, потому только, что онъ въ этомъ убѣжденъ. Вотъ опять новое мнѣніе à la oussatch, à la britaya golova. Изъ этого слѣдуетъ, что и бородачъ, и усачъ стоятъ одинъ другого".

Венелинъ находилъ, что споръ этотъ, однако, утѣшителенъ и приноситъ честь обѣимъ сторонамъ (какъ привязанность къ старому родовому и славному имени), но только онѣ не равно пользуются этой честью, потому что „одна сторона другую оглушаетъ". Въ этомъ спорѣ двухъ братьевъ объ ихъ имени и старомъ родѣ участвовала судьей вся Европа и отчасти Азія, и они рѣшали дѣло въ пользу южанъ (т.-е. имя Руси оставалось въ старину за югомъ, а сѣверъ назывался Московіей). „Русь", по понятію народовъ, простиралась отъ Карпатовъ только по Глуховъ и Витебскъ, а дальше была Московщина. Напрасно Грозный и Алексѣй называли себя царями Великой, Малой и Бѣлой Россіи—старыя имена оставались, и исторія гоненій, которыя переносила южная Русь, показываетъ, какъ дорого стоило ей русское имя.

„Межъ тѣмъ,—продолжаетъ Венелинъ,—много, много пожертвованій дѣлали Сѣверяне, чтобы Европа и Азія возвратили имъ ихъ имя, и только 1812 годъ заставилъ Поляковъ, Мадяровъ и Французовъ распространить предѣлы Руси по всей Московіи, но не смотря на это, сосѣдніе народы надолго не забудутъ имя Москалей. И по дѣломъ! Если отецъ твой и твоего родного брата былъ Иванъ, то по какому праву можешь думать, что ты только Ивановичъ и тебѣ только такъ называться?"

Т.-е., по дѣломъ, думаетъ Венелинъ, за самой сѣверной Русью закрѣпилось это названіе Московіи, если она стала отказывать въ „россизмѣ" Руси южной. Въ самомъ дѣлѣ, имя Московіи держалось очень долго, и Венелинъ замѣчаетъ, что „московецъ у болгаръ, московъ у турокъ всѣхъ трехъ частей міра топоромъ не вырубишь изъ головы". До настоящей минуты имя „москова", по преданію, остается за русскими въ народномъ употребленіи у южныхъ славянъ.

„Впрочемъ,—продолжаетъ дальше Венелинъ,—сколь ни оригиналенъ этотъ споръ и ни маловаженъ самъ по себѣ, однако, кто бы подумалъ, что ощущенія, невольно производимыя въ спорящихъ сторонахъ, имѣли порядочное, а иногда и сильное, вліяніе на судьбу Руси вообще? Я не могу всего этого пересказать теперь въ нѣсколькихъ словахъ; замѣчу только, что умный историкъ, одаренный проницательнымъ и сообразительнымъ умомъ, легко замѣтить и оцѣнить это, перебирая весь рядъ сценической жизни какъ Сѣверянъ, такъ и Южанъ. Поляки и католицизмъ (іезуиты) очень искусно воспользовались этимъ внутреннимъ, такъ сказать, раздоромъ между Русаками; и за то, сколько надѣлали себѣ прозелитовъ между Южанами!"

Странныя понятія объ этихъ отношеніяхъ господствуютъ даже и до сихъ поръ.

„И нынѣ еще, въ полной силѣ, водятся въ поговоркахъ старинныя диковинки, и преимущественно между Сѣверянами; стòитъ только вслушаться въ ихъ образъ мыслей. Высшее общество (понимаю: образованное) несравненно малочисленнѣе у Южанъ, нежели у Сѣверянъ; ибо оно состоитъ большею частію изъ Поляковъ; посему Южане, если исключить Украйну и Новороссію, не имѣютъ собственнаго литературнаго голоса; по всей южной и западной Руси, вся Русь разжалована въ крестьянство; вдоль и поперегъ все нѣмо и тихо между жителями; развѣ только, на вопросъ западнаго путника, скажетъ крестьянинъ окрестностей Гродна, Бреста или Замостья, возвращающійся съ *panьщины*, что онъ *русинъ*, и что языкъ и вѣра его *русьская*, не говоря уже о Волыни, о Подольѣ. Чувствуя свое униженіе, для Южанина-русака нѣтъ силы, нѣтъ удовольствія въ его собственномъ имени, въ имени Русь. Это слово въ тѣхъ странахъ вѣками унижено до земли"...

Кончилось тѣмъ, что самую землю южной Руси поляки стали называть своею, а сѣверяне не признавали ее за „Русь".

Изъ этихъ полу-шутливыхъ замѣчаній видно, что самъ Венелинъ нисколько не сочувствовалъ спору, и особенно той сторонѣ, которая „оглушала" другую: и сѣверяне, и южане были одинаково русскіе,

много боровшіеся за свою землю, много перенесшіе въ ея защитѣ историческихъ бѣдствій и испытаній, и южане даже больше, нежели сѣверяне,—и имѣющіе равное право на свое имя, т.-е. на уваженіе къ своимъ племеннымъ особенностямъ и преданіямъ. Вычурныя выраженія Венелина не уменьшаютъ справедливости его взгляда, которому глубоко антипатична была мелкая неразумная вражда двухъ „Ивановичей".

Со времени Венелина историческая наука ушла далеко впередъ; открыто множество новыхъ данныхъ для исторіи, сдѣлано множество изслѣдованій о народности и языкѣ; но споръ о „россизмѣ" все не прекратился. Онъ продолжается въ новыхъ формахъ, гдѣ прежняя нетерпимость проглядываетъ даже въ „ученыхъ" изслѣдованіяхъ или открыто высказывается въ публицистикѣ. Съ того времени взаимное изученіе очень подвинулось; въ литературѣ, которая была единственнымъ (хотя крайне неполнымъ) выраженіемъ общественности, совершилось нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ, которые, повидимому, должны бы служить къ примиренію. Новыя открытія въ малорусской поэзіи, ея замѣчательныя эпическія думы, изображенія малорусской жизни у Гоголя, Квитки, Шевченка, Марка Вовчка, Кохановской, произвели сильное впечатлѣніе и на „сѣверянъ"; относительно Гоголя признано было, что въ его творчествѣ, которое было для русской словесности знаменательнымъ событіемъ, участвовала именно его южно-русская природа, такъ что въ общемъ ходѣ русскаго развитія эта послѣдняя стихія явилась, какъ важная органическая сила; ближайшія изученія старины XVII—XVIII в. подобнымъ образомъ указали, что въ ту эпоху южно-русскіе люди вносили свой богатый вкладъ въ общее русское просвѣщеніе, служили ту службу, къ какой еще мало способны были „сѣверяне", которые передъ тѣмъ употребляли свои силы на другую задачу — созданіе государства... Но не смотря на всѣ эти факты ближайшаго сближенія южанъ съ сѣверянами въ самыхъ основныхъ трудахъ и созданіяхъ національной жизни, первые все-таки не могли добиться, въ понятіяхъ большинства, признанія полноправности тѣхъ самыхъ особенностей, которыми они участвовали въ общемъ національномъ дѣлѣ.

Въ условіяхъ нашей общественности, новый споръ о „россизмѣ" велся въ особенности на вопросахъ о языкѣ. Мы остановимся на нихъ не съ ихъ филологической стороны, которая принадлежитъ спеціалистамъ, а по связи ихъ съ вопросами исторіи и литературы.

Въ нынѣшнемъ составѣ русскаго языка есть двѣ основныя вѣтви: великорусская и малорусская (третья, бѣлорусская, не имѣла особаго

книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время, и :
занимаетъ довольно обширную область земли и народа въ западі
краѣ, но по своимъ чертамъ такъ сближается съ вѣтвями главн
что филологи считали это нарѣчіе подраздѣленіемъ, одни — я:
великорусскаго, другіе—малорусскаго). Когда бы ни произошло пе
дѣленіе русскаго языка на его главныя отрасли, обѣ издавна зая:
о себѣ, отражаясь своими особенностями въ русскихъ спискахъ ст
славянскихъ памятниковъ или въ собственныхъ произведеніяхъ на
письменности. Филологи спорятъ о томъ, когда именно приз
этихъ двухъ нарѣчій появляются въ рукописяхъ, въ XIV ли і
или еще въ XI; но, въ теченіе средняго періода нашей исторіи, к
сѣверяне и южане были совершенно раздѣлены политической суді
два нарѣчія такъ обособились, что малорусская рѣчь стала не вс
вразумительной для сѣвернаго русскаго и обратно, откуда обра:
лось народное представленіе, что малоруссъ—не русскій, а „хохо
или что великоруссъ—не русскій, а „москаль", а у людей учен
явилась мысль, что въ основѣ двухъ народностей были два ра:
племени. Для обѣихъ отраслей основою церковной книжности
жилъ языкъ церковно славянскій, видоизмѣнявшійся издавна і
ніемъ народной рѣчи; позднѣе на югѣ, который со времени уд
ныхъ междоусобій и особливо татарскаго нашествія потерпѣлъ сто
страшныхъ погромовъ и утратилъ, вслѣдствіе того, многое изъ ст
кіевскаго преданія,—въ обращеніи были церковныя книги, си
подмѣшанныя сѣверной русской рѣчью. Первыя славянскія г
матики, написанныя въ XVI—XVII в. учеными южанами, да:
правила именно такого славянскаго языка; но собственная наро,
рѣчь южной Руси заявляла также свои требованія, и въ XVI і
мы уже встрѣчаемъ интересную попытку перевода священнаго
санія, именно на малорусскій языкъ (Пересопницкое Евангеліе)
которою слѣдовали и другія подобныя попытки. Съ основаніемъ ш
въ южной Руси возникаетъ обширная литература на смѣшані
языкѣ, гдѣ на церковно-славянскую основу налегали оттѣнки на
наго южно-русскаго и польскаго языка и реторической латин
терминологіи; съ призывомъ южно-русскихъ ученыхъ въ Москву,
книги и эта манера вошли на время въ литературное обращеніе
верно-русское. Но рядомъ съ этимъ, народная форма южно-русс
языка находила мѣсто въ произведеніяхъ свѣтскаго характера
лѣтописи, въ литературѣ—повѣствовательной, легендарной, въ ,
матическихъ пьесахъ и т. п., рядъ которыхъ доходитъ до к
XVIII вѣка, когда литература на чисто народномъ языкѣ была
должена и развита уже людьми новаго образованія, на новыхъ идє
и потребностяхъ. Но здѣсь именно расходятся двѣ литературы

временъ Петра, сѣверная русская литература, покинувъ старыя преданія, стала развиваться на почвѣ общенія съ европейскимъ знаніемъ и вмѣстѣ на господствующемъ языкѣ государства: при всемъ ея младенчествѣ въ началѣ XVIII-го вѣка, она предполагала служить интересамъ столь обширнаго народа и столь сильнаго государства, что должна была взять рѣшительный перевѣсъ надъ старыми литературными элементами, какъ сѣверными, такъ и южными. И вліяніемъ государства, и вліяніемъ новой русской школы (академическая гимназія и университетъ въ Петербургѣ, московскій университетъ, кадетскіе корпуса, академія художествъ и пр.), и вліяніемъ новой литературы, которая еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія выставила могущественные *сѣверно-русскіе* таланты, какъ Ломоносовъ, позднѣе Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Карамзинъ, — южно-русскія силы были увлечены на служеніе этому *общему* русскому дѣлу, и жизнь самой южной Руси стала провинціализмомъ. Таково стало съ тѣхъ поръ отношеніе *русской* литературы къ *малорусской* народности... Надо, однако, остеречься отъ недоразумѣній. Во-первыхъ, эта новая русская литература не была только великорусской: въ ея образованіи съ XVII-го вѣка участвовали также живыя силы и произведенія малорусскія, и если, какъ литература государственнаго языка, она получила значеніе единственнаго орудія высшей образованности, она не была югу чуждымъ элементомъ. Съ другой стороны, патріоты галицкіе, говоря объ этомъ участіи южныхъ силъ въ развитіи новой русской литературы, доходятъ до утвержденія, будто бы послѣдняя только двѣсти лѣтъ „систематически эксплуатировала" малорусскій языкъ и литературныя средства,—что̀ есть фантастическое преувеличеніе. Далѣе, хотя малорусская литература стала у насъ провинціализмомъ, но провинціализмъ бываетъ различный по его объему и историческимъ преданіямъ: здѣсь объемъ мѣстнаго племени былъ такъ значителенъ, что казался Венелину почти равнымъ объему само́й сѣверной народности; разница преданій создана была вѣками отдѣльной исторіи и отразилась въ богатой народной поэзіи, бытѣ и нравахъ. Наконецъ, значеніе нашего малорусскаго провинціализма усложняется и увеличивается тѣмъ, что та же народность продолжается въ Галиціи, которой народъ и языкъ не входили въ область вліянія русскаго государственнаго языка.

Какъ провинціализмъ, мало себя заявлявшій въ теченіе прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, малорусская народность для большинства сѣвернаго русскаго общества была terra incognita. Исторія Малороссіи была извѣстна мало, а когда являются, наконецъ, первые опыты знакомства съ современной народностью, русскимъ этногра-

...приходилось какъ будто открывать Малороссію. Мы приводили ...ный примѣръ въ книжкѣ кн. Цертелева, открывавшей малорусскую поэзію. За годъ передъ тѣмъ вышла первая грамматика малорусскаго языка, написанная русскимъ, который случайно познакомился съ малорусскимъ языкомъ и счелъ небезъинтереснымъ познакомить съ нимъ читателей [1]).

Книжка эта составляетъ теперь библіографическую рѣдкость; изъ ея предисловія видно, въ какой формѣ представлялся тогда вопросъ о малорусской народности въ нашей литературѣ.

„Если бы я предпринялъ описать все то, что можно найти любопытнаго въ *малой Россіи* для человѣка, ищущаго въ малѣйшихъ вещахъ безконечно великихъ слѣдовъ премудрости Божіей; то предпріятіе мое требовало бы не одного года. Подробное описаніе древняго и нынѣшняго, физическаго и нравственнаго состоянія страны сея составило бы превеликую книгу. Всякъ знаетъ, что она имѣла прежде своихъ *собственныхъ Владѣтелей*, была раздѣлена такъ, какъ и другія области нынѣшней Россійской Имперіи, на *Княженія* и *Удѣлы*, послѣ того на *Воеводства* и *Повѣты*, потомъ на *Полки* и *Повѣты*, потомъ на *Намѣстничества* и *Уѣзды*, а наконецъ, во исполненіе благословеннаго опредѣленія управляющихъ всѣми Россіями судебъ, раздѣлена на *Губерніи* и *Повѣты* же, или *Уѣзды*. Всякъ знаетъ, что Малороссіяне всѣмъ другимъ Славянамъ единоплеменны, и сохранили понынѣ нѣкоторые свои обряды и суевѣрія, свойственные каждому народу дотолѣ, пока онъ образуется просвѣщеніемъ. Всякъ знаетъ и то, сколь много они даже по сіе время отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ, и даже отъ своихъ единоземцовъ, одѣяніемъ, языкомъ и многими другими свойствами, которыя отчасти описаны въ разныхъ *Исторіяхъ*, *Землеописаніяхъ*, *Путешествіяхъ* и *Запискахъ*. Слѣдственно, довольно будетъ для меня положить на бумагу одну слабую тѣнь исчезающаго нарѣчія сего близкаго по сосѣдству со мною народа, сихъ любезныхъ моихъ соотчичей, сихъ отъ единыя со мною отрасли происходящихъ моихъ собратьевъ.

„Коротко скажу, что нѣсколько лѣтъ живучи въ малой Россіи, довольно могъ примѣниться къ національному характеру ея жителей. Я нашелъ въ нихъ

---

[1]) Грамматика малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмѣту замѣчаніями и сочиненіями. Сочин. Ал. Павловскій. Спб. 1818. 8°. VI и 114 стр. Книжка посвящена „Любителямъ соотечественниковъ и словесности“. Впослѣдствіи вышло „Прибавленіе къ грамматикѣ малороссійскаго нарѣчія или отвѣтъ на рецензію, сдѣланную на оную грамматику“. Соч. А. Павловскій. Спб. 1822. 84 стр. Это—отвѣтъ на разборъ книги, написанный княземъ Цертелевымъ.

Грамматика Павловскаго составлена очень незамысловато. Собственно грамматическія правила занимаютъ стр. 1—21 (часть первая); затѣмъ, вторая часть, „О сочиненіи и о стихотворствѣ малороссійскомъ“, представляетъ краткій малорусскій словарь, стр. 24—78, нѣсколько фразъ и пословицъ малороссійскихъ, стр. 78—86, и, наконецъ, „Примѣры на малороссійское сочиненіе“: нѣсколько статеекъ на малорусскомъ языкѣ и, между прочимъ, одна пѣсня: „Гóмінъ, гóмінъ по дубрóві,—Туманъ поле покрываѐ,—Мàты сына прогоняѐ“, и пр. (стр. 89—90).

что-то *пріятно-меланхолическое*, отличающее ихъ, можетъ быть, отъ всѣхъ другихъ обитателей земнаго шара. Они имѣютъ природную вникательность, остроту, наклонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Хлѣбосольство и простота нравовъ составляютъ ихъ существенныя свойства. Въ поступкахъ слишкомъ просты и нѣсколько будто грубы; въ дѣлахъ справедливы; въ разговорахъ откровенны, хотя часто тонки и отмѣнно хитры; въ намѣреніяхъ основательны. Любятъ опрятность и чистоту. Занимаются наиболѣе тѣмъ, что принадлежитъ до экономіи; работаютъ тихо, но прочно. Въ страстяхъ рѣдко наблюдаютъ умѣренность. Къ наукамъ расположены, кажется, съ природы. Пѣсни ихъ всегда почти томны, но скрывающіеся въ нихъ, особливо для Стихотворцовъ интересные, замыслы, не принужденное выраженіе мыслей, и блистающая всегда какая-то нѣжность и невинность — безподобны! Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда Малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней собравшись во множествѣ, и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни? — Тогда эхо, въ окружности ихъ отдающееся, приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самые трогательные тоны!

„Прельстившись моими чувствованіями, неоднократно я желалъ проникнуть сущность ихъ нарѣчія, и успѣлъ въ своемъ желаніи столько, сколько мнѣ было возможно. Видя же, что не безполезно иногда заняться симъ, такъ сказать, ни мертвымъ, ни живымъ языкомъ, я собралъ существеннѣйшія его правила, и расположилъ оныя по грамматическому порядку. Притомъ, зная изъ опыта, сколь смѣшно, когда кто говоритъ по Малороссійски, не зная ударенiй сего нарѣчія, въ словахъ я придалъ знаки, показывающіе мѣсто ихъ ударенія. Я оставилъ множество мѣлкихъ исключеній первой и второй части Грамматики, потому что либо онѣ не всякому нужны, либо требуютъ излишняго времени, либо, что входить въ разсматриваніе источниковъ, откуда занимаются обороты сочиненія и стихотворческіе вымыслы, такъ какъ и въ исторію словъ, фразовъ и пословицъ, есть дѣло пространное, трудное, принадлежащее Грамматику-Философу. Вмѣсто того, я нужнѣйшимъ почелъ собрать и по алфавиту расположить небольшое количество словъ, фразовъ и пословицъ, безъ знанія которыхъ никакой языкъ не можетъ быть яснымъ, пріятнымъ и полезнымъ. Все сіе сдѣлалъ я какъ для удовольствія любопытныхъ и вникательныхъ въ свойство языка и народа людей; такъ и для показанія, желающимъ знать, Грамматическимъ, яко лучшимъ способомъ, той разности, которая Малороссійскую рѣчь сдѣлала столько не похожею на всеобщій нашъ языкъ.

„Ежели разбираніе *Архангельскаго*, *Новгородскаго*, *Полотскаго*, *Стародубскаго*, *Муромскаго* и другихъ нарѣчій (не говорю *Финскихъ*, *Ордынскихъ*, *Юорскихъ*, *Сибирскихъ*, *Камчатскихъ* языковъ), которыя отличаются только нѣсколькими или нечистыми, или смѣшными, или весьма странными словами, занимаетъ иногда любомудріе и время многихъ знающихъ справедливую цѣну вещи людей, и даже тѣхъ самыхъ, которые поставили себѣ за предметъ обогатить и вычистить *Россійскій Лексиконъ*; то для чего жъ не заняться сколько нибудь и такимъ нарѣчіемъ, которое составляетъ почти настоящій языкъ?—И такъ неизъяснимое то будетъ для меня утѣшеніе и честь, когда благомыслящіе любители своихъ Соотечественниковъ и Словесности признаютъ, что трудъ мой не совсѣмъ безполезенъ, и что онъ рано, или поздо вдохнетъ усерднымъ сынамъ Россіи желаніе къ сохраненію подобныхъ памятниковъ и протчимъ разсѣяннымъ по пространству толь обширныя Имперіи народамъ и языкамъ“.

Не умножая цитатъ замѣтимъ еще, что Павловскій находилъ мало-

русскій языкъ особливо пригоднымъ для легкой поэзіи, а кромѣ того —„почти повѣрить не можно, сколь легко на малороссійскомъ нарѣчіи изъяснять, особливо простоту и невѣжество, сколь естественно изображать страсти и, сколь пріятно, шутить". Переводя это съ языка тогдашней псевдо-классической щепетильности, увидимъ, что Павловскій какъ бы предчувствовалъ возможность развитія малорусской литературы (а также участія ея элементовъ въ литературѣ русской) именно въ томъ направленіи, какъ оно потомъ совершалось—въ направленіяхъ сантиментальной народности, бытового реализма и юмора. Указывая черты грубости, Павловскій отмѣчалъ, однако, успѣхъ просвѣщенія, которое въ Малороссіи „производитъ нынѣ удивительно успѣшныя дѣйствія. Вселенная (!) скоро увидитъ ее членомъ, получившимъ бытіе свое въ одно и тоже мгновеніе вѣковъ со всѣми другими членами великаго тѣла Всероссійской Имперіи",—но все-таки онъ недоумѣвалъ о томъ, какъ были бы приняты въ русскомъ обществѣ „малороссійскія сочиненія",—иначе онъ „охотно бы рѣшился собрать ихъ сколько можно".

„Споръ" очевидно лежалъ въ глубинѣ этихъ соображеній; но любопытно во всякомъ случаѣ, что сочувственные отзывы и ожиданія были здѣсь высказаны великоруссомъ. Кромѣ предполагаемаго Павловскимъ нерасположенія, было и другое неблагопріятное обстоятельство—малое знаніе о Малороссіи, ея народѣ и языкѣ. Понятія о нихъ были тогда такія смутныя, что главнѣйшій грамотѣй того времени, Гречъ, считалъ малоруссовъ почти вѣтвью польскаго племени. „Малороссійское нарѣчіе,—говорилъ онъ,—родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества поляковъ въ юго-западной Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ" [1]).

Въ своей пространной грамматикѣ, изданной въ 1827 году съ предисловіемъ Булгарина, Гречъ повторялъ, что малорусское нарѣчіе „можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка польскаго". Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что въ этомъ именно были увѣрены сами поляки. Объясненіе происхожденія малорусскаго языка польскимъ вліяніемъ казалось тогда наиболѣе естественнымъ, такъ какъ южная Русь долго была подъ польскимъ владычествомъ, и не предвидѣлось другой причины измѣненія языка, занявшаго притомъ нѣкоторыя отдѣльныя выраженія польскія. Максимовичъ, въ первомъ сборникѣ своихъ пѣсенъ, 1827, едва ли не въ первый разъ сталъ объяснять, что на языкъ малорусскій надо смотрѣть какъ на особый языкъ, отличный отъ великорусскаго, а тѣмъ болѣе отъ польскаго. Вскорѣ подобнымъ образомъ высказались горячіе украинскіе патріоты, и вмѣстѣ это-

---

[1]) „Опытъ исторіи русской литературы". Спб. 1822, стр. 12.

фы, какъ Срезневскій, который настаивалъ, что украинскій, или
орусскій, есть *языкъ*, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, и
ъ увѣренъ въ его литературной будущности [1]). Впослѣдствіи по-
нымъ образомъ указывалъ особность малорусскаго нарѣчія Бодян-
і [2]). Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ по русской филологіи, Мак-
овичъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о положеніи южно-
скаго языка въ средѣ славянскихъ нарѣчій, и съ его трудовъ
оръ" перешелъ на историко-филологическую почву.

Максимовичъ принималъ вообще дѣленіе славянскаго міра не на
основныя отрасли (восточную, южную и западную), какъ тогда
кновенно принимали, а на двѣ: восточно-славянскую или русскую,
ападную, и въ эту послѣднюю помѣщалъ въ двухъ отдѣлахъ сла-
ство южное и западное. Въ отрасли русской онъ находилъ два
овные разряда: сѣверно-русскій (гдѣ два отдѣла: великорусскій
его нарѣчіями, и бѣлорусскій) и разрядъ южно-русскій (съ на-
іями), такъ что послѣдній является въ роли языка, совершенно
ависимаго отъ рѣчи великорусской, ей равносильнаго и, можетъ
ъ, даже еще болѣе первобытнаго. Въ своихъ трудахъ, относящихся
30-мъ и 40-мъ годамъ, Максимовичъ могъ воспользоваться мнѣ-
ми и другихъ ученыхъ, которые подобнымъ образомъ составляли
ѣ объ южно-русскомъ языкѣ понятіе, какъ объ языкѣ независи-
мъ. Къ такимъ взглядамъ приходилъ, напр., Надеждинъ [3]), ко-
рый принималъ три главные вида русскаго языка: великорусскій,
жно-русскій и бѣлорусскій, за три особые языка (не нарѣчія); по
ѣнію Надеждина, южно-русскій языкъ въ древности еще не раз-
чался отъ церковно-славянскаго, и языкъ великорусскій, прежде
же сходный съ церковно-славянскимъ, отдѣлился отъ него уже
днѣе, и отъ вліянія сѣвера сдѣлался полногласнымъ [4]).

---

[1]) Ср. выше, стр. 94.

[2]) „Ученыя записки московскаго университета", 1835. Въ 1837, въ Журналѣ
н. просв. (ч. XVII) напечатана была, переведенная съ польскаго, статья кано-
а перемышльскаго Могильницкаго (изъ львовскаго журнала Czasopism naukowy,
20, III), доказывавшая самостоятельность малорусскаго языка. Позднѣе, Кулишъ
репечаталъ ее въ „Запискахъ о Южной Руси" (т. II: „О древности и самобыт-
сти русскаго языка"). Объ этой статьѣ см. замѣчаніе Колосова, „Обзоръ звуковыхъ
формальныхъ особенностей нар. рус. языка", Варшава, 1878, стр. 253—254, прим.

[3]) Статья: Mundarten der russischen Sprache, въ вѣнскихъ Jahrbücher der
Literatur, 1841, Bd. 95, стр. 191 — 240, написанная по поводу книги Копитара:
esychii Glossographi discipulus etc., 1840; и Энциклопедическій Лексиконъ, т. IX,
37, статья: „Великая Россія".

[4]) Это мнѣніе объ единствѣ древняго русскаго языка съ церковно-славянскимъ,
о происхожденіи русскаго полногласія отъ вліянія сѣвера было тогда довольно
распространено, — первое, по незнанію настоящаго церковно-славянскаго языка, — вто-
ое, по незнанію малорусскаго, въ которомъ, хотя онъ и не принадлежитъ къ сѣверу,

Максимовичъ не принималъ мнѣнія объ единствѣ русскаго языка съ церковнымъ, и послѣдній считалъ по Добровскому за особый древній языкъ и другого племени, а русскій языкъ, какъ мы замѣтили, дѣлилъ на южную и сѣверную отрасль, „столько особенныя, что ихъ по сравненію съ другими, должно было признать за два языка и народа“ и которыя произошли и опредѣлились, безъ сомнѣнія, еще въ весьма древнее время [1]). Это древнее время, какъ увидимъ, должно было, по мнѣнію Максимовича, относиться къ первымъ вѣкамъ нашей исторіи. Въ болѣе ранней работѣ, Максимовичъ принималъ не два, а три вида русскаго языка (великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій), какъ „три особые однородные языка, наравнѣ съ прочими западно-словенскими языками, и даже съ большимъ правомъ, чѣмъ языки польскій, сербскій, чешскій и словацкій; ибо сіи послѣдніе сходнѣе между собою (?), чѣмъ южно-русскій съ великорусскимъ и даже съ бѣлорусскимъ“. Основу различія русскихъ нарѣчій онъ видѣлъ въ дѣленіи русскаго племени еще до начала нашей писанной исторіи, и „образованіе южнорусскаго языка въ Украйнѣ, потомъ въ Червонной Руси происходило, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ кіевской или поляно-русской рѣчи“ [2]).

Этотъ взглядъ повторяется въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ Максимовича, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда онъ, превратившись изъ ботаника въ филолога, былъ профессоромъ русской словесности въ Кіевѣ [3]).

Взгляды Максимовича не могли назваться научными, такъ какъ и не было еще сдѣлано никакихъ изслѣдованій о малорусскомъ языкѣ, а тѣмъ менѣе объ его проявленіяхъ въ памятникахъ древней письменности. Отчасти Максимовичъ ссылался на знаменитыхъ западнославянскихъ ученыхъ (Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ), но тотъ изъ нихъ, который касался спеціальнаго этпографическаго вопроса о малорусскомъ племени и языкѣ, Шафарикъ, судилъ собственно о

полногласіе также существуетъ въ полной формѣ. Извѣстный И. И. Давыдовъ въ своей лекціи „О составныхъ началахъ и направленіи древней отечественной словесности“ именно утверждалъ: а) что языкъ церковно-словепскій есть древній русскій; б) что „Славяпское нарѣчіе Сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ слiянія съ реченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными; и в) что, напротивъ, нарѣчіе Южныхъ Руссовъ удержало въ словахъ своихъ преимущественное господство согласныхъ, подобпо языкамъ сербскому и болгарскому“ (Ученыя Записки Моск. Универс. 1834). См. Собраніе сочиненій Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880, стр. 9.

[1]) Собрапіе сочип. Максим. III, 57.

[2]) Тамъ же, III, стр. 398—401.

[3]) Таковы были: „Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ“, въ Журн. мин. просвѣщ. 1838; „Начатки русской филологіи“, 1845; „Исторія древней русской словесности“, Кіевъ, 1839 (и въ Собраніи сочиненій, т. III).

современныхъ отличіяхъ русскихъ нарѣчій и дѣлалъ только самыя общія замѣчанія объ историческихъ слѣдахъ малорусской рѣчи въ древнихъ памятникахъ [1]). Въ сущности, Максимовичъ руководился только общимъ впечатлѣніемъ историческихъ обстоятельствъ, рѣшалъ вопросъ на глазомѣръ. Взгляды его опредѣлились потомъ яснѣе, когда появились новые труды о древне-русскомъ языкѣ, основанные уже на болѣе точномъ изслѣдованіи и сильно разнорѣчившіе съ его понятіями. Такими трудами были двѣ вышедшія тогда книги: „Мысли объ исторіи русскаго языка", Срезневскаго (1849—50), и изслѣдованіе „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей", П. Лавровскаго (1852). Книга Срезневскаго была для своего времени явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Вмѣстѣ съ начинавшимися тогда же трудами Буслаева, съ книгой Каткова „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка" (1845), это былъ, послѣ общихъ основаній, положенныхъ Востоковымъ, первый приступъ къ правильному изслѣдованію явленій языка, которыя представлялись уже его *исторіею*. Съ одной стороны, дѣлались первыя пробы примѣнить къ славяно-русскому языку пріемы сравнительной филологіи, съ другой,—начиналось пристальное изученіе древняго языка по памятникамъ. Въ названной книгѣ Срезневскій обратилъ вниманіе именно на эту послѣднюю сторону предмета и, что̀ было особенно важно, постарался связать собранные имъ факты въ цѣльную картину, которая произвела въ свое время большое впечатлѣніе и хотя кажется неудовлетворительной съ нынѣшней точки зрѣнія, но до сихъ поръ не замѣнена другимъ подобнымъ трудомъ. Срезневскій находилъ вообще въ исторіи языка по отдѣленіи его отъ основнаго корня, какъ и въ исторіи языка русскаго, два главные періода — періодъ развитія и богатства формъ, и періодъ „превращеній", какъ называлъ онъ позднѣйшія измѣненія первоначальныхъ формъ. Въ противность довольно обычному тогда мнѣнію о господствѣ въ нашей древней письменности церковно-славянскаго языка, онъ находилъ, что русскій языкъ давно нашелъ себѣ выраженіе въ старыхъ нашихъ памятникахъ и что этого не замѣчали потому только, что въ томъ періодѣ языкъ церковный и народный имѣли много общаго. Далѣе, выдѣляя изъ памятниковъ церковно-славянскихъ русскія формы, принадлежащія русскимъ писцамъ, и собирая черты памятниковъ чисто русскихъ (лѣтописи, грамоты и пр.), можно было заключить, по его мнѣнію, что русскій языкъ въ эпоху выдѣленія изъ общаго славянскаго языка былъ уже на исходѣ развитія формъ и началъ вступать въ періодъ превращеній; но въ первые вѣка нашей письменности, онъ все еще

[1]) Slowanský Narodopis, Praha, 1849 (3-е изд.), стр. 27.

былъ однороднымъ цѣлымъ, въ которомъ лишь съ XIV столѣтія можно наблюдать обособленіе двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій—великорусскаго и малорусскаго. Мысли Срезневскаго, въ примѣненіи къ вопросу о сѣверномъ языкѣ, были развиты въ диссертаціи Лавровскаго. Коснувшись въ началѣ своей книги вопроса о времени образованія малорусскаго языка, Лавровскій указывалъ единство русскаго языка до образованія русскаго государства, затѣмъ обстоятельства, содѣйствовавшія отдѣленію сѣверной Руси отъ южной и вмѣстѣ нарѣчія великорусскаго отъ малорусскаго, и приходилъ къ убѣжденію, что раздвоеніе языка произошло именно только послѣ того, какъ мало-по-малу совершилось раздвоеніе политическое, когда южная Русь въ XIV вѣкѣ вошла въ составъ великаго княжества литовскаго, вмѣстѣ съ которымъ подпала потомъ власти польской, и когда, въ началѣ XV столѣтія, учрежденіе особенной митрополіи въ Кіевѣ порвало и церковную связь южной Руси и сѣверной [1]).

А до тѣхъ поръ, авторъ не видитъ никакихъ признаковъ дѣленія. Если вообще славянскія нарѣчія въ своихъ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно близки одно къ другому, то тѣмъ больше надо предположить сходство въ древнемъ языкѣ русскаго народа, соединеннаго тогда и одной вѣрой, и однимъ управленіемъ, и постоянными связями. „Одинаковость славянскаго происхожденія, однообразіе родового быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ славянъ въ то отдаленное время, не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югѣ и сѣверѣ". Правда, лѣтописецъ говоритъ о разницѣ племенъ, указываетъ какъ будто разрушеніе единства, но это различіе касалось лишь нѣкоторыхъ обрядовъ и, безъ сомнѣнія, не касалось языка,—какъ въ лѣтописи Нестора не видно никакого признака нарѣчія малорусскаго. „Уклоненій въ языкѣ можно ожидать только съ уклоненіями

---

[1]) „Вотъ только съ котораго времени,—говорилъ Лавровскій,—со времени раздвоенія государства русскаго, начатаго Боголюбскимъ, усиленнаго татарами и окончательно утвердившагося покореніемъ юга литовцами, можно ожидать начала раздвоенія и въ языкѣ русскомъ, все болѣе и болѣе развивавшемуся въ послѣдующее время. Съ XIII—XIV столѣтія южная Русь была покинута сѣверомъ; всякое сообщеніе прекратилось для нея и не только съ отдаленнымъ сѣверо-востокомъ, но и съ самымъ Новгородомъ. Предоставленная себѣ самой, она должна была подвергнуться иной участи, испытать новую жизнь, совершенно отличную отъ прежней, общей и для сѣвера, должна была находиться подъ властью государей иноземныхъ, терпѣть гоненія за вѣру и нерѣдко спасать языкъ отъ усиленныхъ вторженій чужеземщины. При такомъ положеніи дѣлъ могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе. А что онѣ появились не ранѣе этого времени, хотя и не тотчасъ послѣ отдѣленія политическаго, въ этомъ убѣждаетъ насъ филологическое разсмотрѣніе памятниковъ обѣихъ частей Руси, южной и сѣверной". О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, Спб. 1852, стр. 11.

й жизни", но до основанія государства авторъ предполагаетъ ненарушимое сохраненіе старины и, слѣдовательно, измѣ-ь языкѣ были невозможны. Если и было здѣсь какое различіе сѣверомъ и югомъ, это было только различіе лексическое, за-е отъ различія мѣстности, климата, быта, но не различіе въ строѣ языка. Эта нераздѣльность не могла падать и съ уста-мъ государства. Княжеская власть создавала общеніе между , даже удѣльныя распри поддерживали связь мѣстныхъ пле- укрѣпляли мысль о единствѣ русской земли. Иной порядокъ начинается только съ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, озникаетъ стремленіе къ объединенію сѣверныхъ княжествъ іеніе ихъ отъ юга.

имъ образомъ, признаки возникновенія малорусскаго нарѣчія находитъ только не ранѣе XIII—XIV столѣтія. Всматриваясь енности современнаго малорусскаго нарѣчія, Лавровскій, по ь Срезневскаго, отличалъ въ нихъ два отдѣла: однѣ были ми старины, принадлежавшими нѣкогда не только цѣлому у языку, но и всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и забытыми ствіи у великоруссовъ; другія были явленіемъ мѣстнымъ, имся преимущественно или исключительно въ Малороссіи и вовсе чуждымъ нарѣчію великорусскому. Для вопроса о томъ, іежали ли діалектическія особенности южному говору до XIII—олѣтія, важенъ, по мнѣнію Лавровскаго, только второй отдѣлъ, тѣ черты, которыя „отличаютъ нарѣчіе малорусское не только оровъ сѣверныхъ, но и отъ древняго языка русскаго". „Что ется до особенностей перваго рода, то онѣ, составляя нѣ-іеотъемлемую собственность всего языка общеславянскаго, стали ъ южное нарѣчіе отъ сѣвернаго не потому, чтобы происхож-своимъ обязаны были югу, а потому единственно, что, бу-ь старину въ равной степени принадлежностью и сѣвера, мало-вышли здѣсь изъ сознанія народнаго и замѣнились звуками ами новыми"... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣленіе юга а восходитъ не далѣе XIII—XIV вѣка.

ыя изслѣдованія важны были тѣмъ, что хотѣли основать рѣ-юпроса на изученіи самыхъ фактовъ языка, насколько они ились въ древнихъ памятникахъ; но вопросъ едва ли не былъ ложенъ, чѣмъ тогда казалось. Лавровскій предполагалъ, напр., ительное сходство" славянскихъ нарѣчій въ древнѣйшихъ па-ахъ,—теперь это сходство кажется менѣе поразительнымъ, по ого какъ расширяется знаніе старо-славянскаго, и когда вы-ъ изъ науки, напр., мнимо-древніе чешскіе памятники, кото-когда вѣрили. Менѣе доказанными покажутся теперь и аргу-

менты, которые Лавровскій извлекалъ изъ единства происхожденія, быта и преданій русскаго племени предъ началомъ государства. Въ сущности, объ этнографіи русскаго племени до половины IX вѣка мы знаемъ очень мало и донынѣ, и болѣе вѣроятно здѣсь разнообразіе, чѣмъ однообразіе: лѣтописецъ не даромъ дѣлилъ тогдашній русскій народъ на отдѣльныя племена, и древность нѣкоторыхъ изъ нихъ (хорваты, дулѣбы, дреговичи и др.) очень вѣроятна уже потому, что племена съ тѣми же именами встрѣчаются и въ другихъ, иногда весьма далекихъ славянскихъ краяхъ [1]). Всего вѣроятнѣе, что это были дѣйствительно особые племенные оттѣнки, а не безразличныя прозвища, и впослѣдствіи, во времена самого лѣтописца, эти имена стали выходить изъ употребленія только потому, что въ быту сложились новыя политическія единицы, а не потому, чтобы вдругъ исчезла этнографическая особность: племена стали называться по землямъ и княженіямъ, въ которыя вошли, но по существу оставались пока дулѣбами, древлянами, дреговичами и т. д. Если и теперь объединеніе политическое, церковное, административное, не уничтожило племенныхъ оттѣнковъ русскаго народа и, напротивъ, въ условіяхъ быта возникаютъ новыя разновидности (какъ, напр., въ Сибири), то, вѣроятно, и въ древности объединеніе власти не болѣе вліяло на бытъ—грубо первобытный, разбитый по лѣснымъ и степнымъ захолустьямъ, когда и пути были несравненно болѣе рѣдки и трудны, чѣмъ послѣ. Историческія условія, на которыя указывалъ Лавровскій: единство власти, церкви, самыя удѣльныя распри, въ которыхъ сталкивались племена и княженія, внушали племенамъ понятія политическаго единства и единовѣрности, но едва ли въ силахъ были стереть отличія этнографическія. Одной изъ причинъ, почему возникало различіе юга отъ сѣвера, Лавровскій и другіе ученые того же взгляда считали политическія событія, какъ отдѣленіе сѣверныхъ княженій отъ южныхъ, дѣятельность Боголюбскаго и пр.; но не участвовало ли здѣсь также этнографическое различіе юга и сѣвера, наряду съ другими внѣшними условіями—экономическимъ положеніемъ, сосѣдствомъ и т. д.? Отчего Боголюбскій „не любилъ Кіева“? Новѣйшіе этнографы предпочитаютъ принимать большую стойкость племенныхъ типовъ, а древность, конечно, не имѣла

---

[1]) Въ нынѣшней Галичинѣ, упоминаются хорваты, которыхъ находимъ также не только въ нынѣшней Хорватіи, но въ Богеміи и на Эльбѣ; дреговичи встрѣчаются въ древней Болгаріи и въ западномъ славянствѣ; дулѣбы, кромѣ нашихъ, въ Чехіи и въ Панноніи; поляне были кіевскіе и польскіе; жители новгородской земли, одни изъ всѣхъ русскихъ племенъ, называются славянами въ параллель къ нынѣшнимъ словинцамъ и словенцамъ (словакамъ)... Эти племена древней Руси извѣстны были отчасти и писателямъ иноземнымъ.

тѣхъ громадныхъ средствъ племенной нивеллировки, какими обладаетъ современная власть, бытъ и цивилизація...

Возможно, что этнографическія отличія русскаго юга, сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока существовали еще въ древнемъ періодѣ, къ началу писанной исторіи; происходя отъ первоначальныхъ варіацій племенъ, жившихъ врозь и имѣвшихъ „кождо свой нравъ", эти отличія—гдѣ сливались, гдѣ удерживались и подчинялись разнымъ условіямъ быта и сосѣдства — на сѣверѣ финскаго, на югѣ тюркскаго, на западѣ польскаго и т. д. Исторія этихъ племенъ и нарѣчій еще не написана, и за скудостью *прямыхъ* свидѣтельствъ о языкѣ, при опредѣленіи его исторіи, не должно ли будетъ дать также вѣсъ историко-этнографическимъ соображеніямъ?

Книги Срезневскаго и Лавровскаго встрѣтили ревностнаго прозелита въ Погодинѣ, хотя дошли до него не очень скоро. Въ 1856 г., въ „Извѣстіяхъ" русскаго отдѣленія Академіи явилась его „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ". Погодинъ не былъ нимало филологомъ, но вычитанныя имъ новыя мнѣнія ободрили его высказать мысли, къ которымъ онъ частію приходилъ уже раньше, „независимо отъ посторонняго вліянія": теперь, получивъ сильное подкрѣпленіе, онъ уходилъ еще дальше теперешнихъ руководителей. „Записка" адресована къ Срезневскому. Въ новыхъ книгахъ Погодинъ вычиталъ, что въ древней русской письменности языкъ народный и книжный былъ одинъ и тотъ же, что въ немъ не было ничего нынѣшняго малороссійскаго и что поэтому начало малороссійскаго нарѣчія должно быть отнесено не ранѣе какъ къ XIV вѣку. Онъ и прежде замѣчалъ, что въ старыхъ лѣтописяхъ нѣтъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія, что слова бытовыя — не малороссійскія; далѣе онъ „продолжалъ разсуждать со страхомъ, безпрерывно впрочемъ ободряясь", и увѣрился, что если дать прочесть старыя лѣтописи „любому великороссіянину", то онъ пойметъ ихъ, кромѣ нѣсколькихъ частностей, а малороссіянинъ пойметъ лишь въ той степени, въ какой знаетъ нарѣчіе великороссійское; что малороссіяне народъ пѣвучій и однако не знаютъ никакихъ пѣсенъ отъ древняго времени, между тѣмъ какъ у великороссіянъ поются вездѣ пѣсни о Владимірѣ и его витязяхъ; что характеръ князей, когда они утратили свое норманство, гораздо ближе къ великороссійскому, чѣмъ къ малороссійскому и т. д. Изъ всего этого Погодинъ извлекъ то, что южноруссовъ совсѣмъ не было: „въ Кіевѣ жило до татаръ *великороссійское* племя" — оттого и нѣтъ въ лѣтописи отголосковъ малороссійскаго нарѣчія, оттого нѣтъ у малороссовъ пѣсенъ о князѣ Владимірѣ, оттого князья отличаются великороссійскимъ характеромъ.

Затѣмъ, „одна удача ободрила на другую": „да на что же пред-

полагать чужое, мертвое, церковное нарѣчіе? сталъ разсуждать я дальше"—и рѣшилъ, что лѣтописцы писали на своемъ живомъ языкѣ.

„Смѣлѣе и смѣлѣе!

„Языкъ лѣтописей, вмѣстѣ и языкъ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ великороссіяне.

„Слѣдовательно, церковный языкъ есть *нашъ языкъ*, или, по крайней мѣрѣ, наше древнее великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тожественное.

„А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ!"—Какъ же могло это случиться? „А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена славянскія разсыпались по всей Европѣ и представили собою, въ историческое время, растасованную колоду картъ. Племя, что мы называемъ теперь великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Солуни, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ и въ нынѣшней Великороссіи". Откуда же взялись малороссіяне, живущіе теперь въ сторонѣ днѣпровской и окружной? „Они пришли послѣ татаръ отъ Карпатскихъ горъ и заняли кіевскую губернію, такъ какъ потомки ихъ въ XVII столѣтіи заняли харьковскую, подвинулись къ Воронежу и къ Курску". А куда дѣлись кіевскіе великороссіяне? Они, по мнѣнію Погодина, послѣ татаръ отодвинулись на сѣверъ, куда и до татаръ они распространялись безпрестанно съ своими князьями.

„Записка" Погодина вызвала длинныя обличенія Максимовича. Послѣдній былъ весьма умѣренный украинофилъ, но теорія Погодина показалась ему нарушеніемъ не только исторіи, но и самыхъ теплыхъ привязанностей его къ своей родинѣ и къ малорусскому языку[1]. Бесѣда[2]) велась въ дружеско-полемическомъ тонѣ; Максимовичъ, по домашнему, урезонивалъ, усовѣщивалъ и поучалъ Погодина, и какъ будто избѣгалъ говорить о Срезневскомъ и Лавровскомъ. Въ полемикѣ Погодина и Максимовича „споръ между южанами и сѣверянами" совершался въ полной формѣ: для обѣихъ сторонъ и особливо для Максимовича видимо шелъ не одинъ археологическій во-

[1]) „Люблю языкъ моей родины и уже лѣтъ тридцать наблюдаю звуки его въ сравненіи съ Сѣверно-Русскими и съ Западно-Славянскими; примѣчаю всѣ его отголоски въ народныхъ пѣсняхъ и въ письменныхъ памятникахъ, разныхъ вѣковъ. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ, писанныхъ нѣкогда въ нашемъ Русскомъ Югѣ, вижу ясно слѣды Южно-русскаго языка въ текстѣ Церковно-Славянскомъ; и ихъ набирается множество". Собр. соч., III, стр. 239—240.

[2]) Филологическія письма къ М. П. Погодину, въ Р. Бесѣдѣ, 1856, № 3, стр. 78—139; далѣе „Отвѣтныя письма" къ М. П. Погодину на Р. Бесѣдѣ, 1857, № 1, стр. 80—104. (Отвѣтъ Погодина на первыя письма былъ помѣщенъ также въ Р. Бесѣдѣ, 1856, книга IV). Письма Максимовича повторены въ Собраніи сочиненій, т. III.

просъ, но и вопросъ о большемъ или меньшемъ значеніи самой народности. Прежде всего Максимовичъ напоминаетъ Погодину старыя понятія послѣдняго о древности малороссійскаго народа. Въ прежнее время самъ Погодинъ [1]) находилъ, что „норманъ (Рюрикъ) въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался *малороссіяниномъ*"; что Андрей Боголюбскій, переселившись на сѣверо-востокъ, „сохранилъ, разумѣется, свое *малороссійское* происхожденіе и только дѣти и внуки его, и его братьевъ, послѣ монголовъ, живя между великороссіянами, сдѣлались сами *великороссіянами*"; что въ Кіевѣ говорили въ старину *по-малороссійски* какъ и теперь, что „*всею нелѣпѣе* мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто русскій языкъ происходитъ отъ славянскаго".—„Все это было очень близко къ правдѣ", находилъ Максимовичъ, но теперь его другъ внезапно сбился съ настоящей дороги и очутился въ лѣсу гипотезъ, увлеченный филологическими призраками. Максимовичъ вознамѣрился вывести его изъ этого лѣса и опровергаетъ, одно за другимъ, всѣ его положенія, пользуясь, между прочимъ, аргументами, которые нѣкогда были собраны самимъ Погодинымъ. Собственное его мнѣніе было то, что южно-русскій и сѣверно-русскій языки—родные братья, сыновья одной русской рѣчи, и что южно-русскій языкъ образовался еще въ древнее до-татарское время, когда кіевская Русь была представительницей русскаго міра, какъ послѣ татаръ стала Русь московская, и онъ собираетъ, въ доказательство этого, рядъ соображеній историческихъ и филологическихъ. Позднѣйшіе изслѣдователи находили филологическое знаніе Максимовича недостаточнымъ. Дѣйствительно, какъ человѣкъ стараго вѣка, онъ былъ въ этомъ предметѣ самоучка; но—какова была и филологія Погодина? а историческія соображенія, какія дѣлалъ Максимовичъ, не были лишены значенія.

Въ 1859 году, явился трудъ Лавровскаго: „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями" [2]). Въ началѣ Лавровскій указывалъ на необходимость ученой разработки малорусскаго нарѣчія, „развившаго въ себѣ столь же своебытныя черты, какъ и остальныя нарѣчія славянскія", тѣмъ болѣе, что для этого нарѣчія было сдѣлано еще очень мало, а между тѣмъ нѣкоторыя черты его начинаютъ сглаживаться, вслѣдствіе проявившагося сближенія съ говоромъ великорусскимъ. „Это сближеніе вполнѣ уже очевидно въ горо-

[1]) Москвитянинъ, 1845, кн. III; „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи", 1846, т. III, стр. 357.

[2]) Журн. мин. просв. 1859, іюнь, стр. 225—266. Статья напечатана не совсѣмъ аккуратно, и между прочимъ на стр. 227—228 расположеніе текста спутано.

дахъ, въ малорусскихъ селеніяхъ, смежныхъ съ великорусскими, и въ селеніяхъ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ; оно отчасти проникает въ самую глушь Малороссіи и должно проникать и проникнуть, есл мы примемъ въ соображеніе обнаруживающуюся къ этому сближені охоту въ самихъ простолюдинахъ". Сдѣлать остается еще многое: н опредѣлены еще мѣстные малорусскіе говоры, и самыя общія черт отдѣляющія это нарѣчіе отъ другихъ родственныхъ, особливо от великорусскаго, извѣстны лишь въ маломъ количествѣ и въ раз бросанномъ видѣ. Между тѣмъ значительный матеріалъ для изслѣ дованія могли бы доставить уже многочисленныя изданія произве деній народной поэзіи, исполненныя, большею частью, людьми весьм компетентными. Опытъ такой разработки и предпринялъ Лавровскій имѣя въ виду не исторію языка, а лишь его современное состояніе Общее впечатлѣніе его было таково, что онъ ставилъ малорусское нарѣчіе, по обилію его особенностей, наряду съ другими славянскими нарѣчіями, т.-е. именно такъ, какъ ставилъ его Максимовичъ и потомъ писатели украинофильскіе, для которыхъ особенность языка представляется лишнимъ этнографическимъ правомъ южно-русской народности. Ближайшее родство малорусскій имѣетъ съ великорусскимъ, но рядомъ съ огромнымъ количествомъ чертъ общихъ имъ обоимъ Лавровскій видитъ въ малорусскомъ и такія особенности, которыя сближаютъ малорусское нарѣчіе съ южными славянскими, а именно съ сербскимъ. Для объясненія этого неожиданнаго явленія Лавровскій возвращается къ вопросу объ историческомъ происхожденіи племени и присоединяется къ предположенію Погодина о выселеніи малоруссовъ изъ-подъ Карпатъ. „Какимъ образомъ могло произойти такое сходство малорусскаго нарѣчія съ сербскимъ?—спрашиваетъ Лавровскій.—Не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое, въ звукахъ и въ формахъ, единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ Новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ-нибудь говору народному въ письменности, мы должны обратиться съ бо̀льшимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда М. П. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго малорусскаго племени, послѣ порабощенія юга Россіи татарами, съ Карпатскихъ горъ,—къ гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора малорусскаго съ русинскимъ карпатскимъ и подтверждаемой общими чертами съ сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніяхъ

Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ по Багрянородному находилась великая Сербія".

„Обзоръ" Лавровскаго написанъ былъ еще въ концѣ 1855, но пролежалъ нѣсколько лѣтъ въ редакціи журнала министерства и напечатанъ былъ только въ 1859 году. Когда появились первыя „Филологическія письма" Максимовича, Лавровскій тогда же на нихъ отозвался (въ декабрѣ 1856), но статья, посланная въ тотъ же журналъ, опять пролежала тамъ нѣсколько лѣтъ и появилась, черезъ посредство Погодина и Костомарова, уже въ „Основѣ" [1]).

Въ разборѣ писемъ Максимовича къ Погодину, Лавровскій, не вдаваясь во всѣ подробности ихъ, остановился только на чисто филологическомъ вопросѣ о томъ, имѣются ли въ давней русской письменности отраженія малорусскаго нарѣчія, и приходилъ къ отвѣту отрицательному. Онъ отказывался принимать въ разсчетъ особенности лексическія, которыя могли принадлежать одинаково и югу, и сѣверу, или, еслибы даже и принадлежали одному югу, не составляли бы особенности его нарѣчія,—такъ какъ особыя мѣстныя слова могли бы существовать, по различію бытовыхъ условій или сосѣдства (у котораго онѣ могли бы быть заимствованы), у одного и того же племени, въ одномъ и томъ же языкѣ. Что же касается различія въ звукахъ и формахъ, то Лавровскій приводилъ изъ памятниковъ сѣверныхъ примѣры звуковыхъ особенностей и формъ, которыя Максимовичъ считалъ исключительно малорусскими. Словомъ, онъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, отвѣтивъ отчасти и на тѣ уколы, которые полускрыты были въ письмахъ Максимовича относительно Лавровскаго и его учителя.

Максимовичъ не оставилъ этого безъ отвѣта, но опять адресовалъ свой отвѣтъ къ Погодину [2]). На замѣчанія Лавровскаго онъ собираетъ новые аргументы, иногда не лишенные справедливости. Упоминая въ началѣ о мнѣніи Срезневскаго о несуществованіи малороссійскаго нарѣчія до XIV вѣка, онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что не читалъ (въ 1863) ничего писаннаго и изданнаго Срезневскимъ послѣ 1843 года (!), кромѣ „Задонщины"; объ его мнѣніяхъ онъ знаетъ только изъ „Записки" Погодина и опровергаетъ своего друга, находившаго взглядъ Срезневскаго новымъ, указывая, что это былъ давно извѣстный взглядъ, напр., у такихъ ученыхъ, какъ Граматинъ

---

[1]) „Отвѣтъ на письма г. Максимовича г. Погодину о нарѣчіи малорусскомъ" „Основа", 1861, августъ, стр. 14—40. Тамъ же явилась статья Лавровскаго: „По вопросу о южно-русскомъ языкѣ", „Основа", 1861, ноябрь и декабрь, стр. 72—83, полемизирующая съ самой редакціей этого журнала.

[2]) Новыя письма къ М. П. Погодину, о старобытности малороссійскаго нарѣчія, „День", 1863, № 8, 10, 15, 16, и въ Собраніи сочиненій, т. III.

или Гречъ. Перебирая мнѣнія объ этомъ предметѣ, онъ припоми наетъ и мнѣніе Надеждина, что великорусскій языкъ образовалс изъ соединенія языковъ бѣлорусскаго и южно-русскаго, особенн вслѣдствіе переходовъ и переселеній. Лавровскаго онъ упрекаетъ в противорѣчіяхъ, когда тотъ говорилъ то о безразличіи древняго рус скаго языка, то о существованіи малорусскаго нарѣчія и народа— въ Карпатахъ, откуда они пришли въ Кіевъ въ XIV столѣтіи, и до спрашиваетъ его о бѣлорусскомъ нарѣчіи: когда оно обособилось в' предѣлахъ нынѣшняго русскаго государства; категорически опровер гаетъ его замѣчанія о сходствѣ малорусскаго нарѣчія съ сербским. Относительно старыхъ памятниковъ, Максимовичъ замѣчаетъ: „Т: именно древле-кіевская и древле-галицкая письменность, въ которо преимущественно могли отзываться и высказываться особенност языка своенароднаго, погибла вся, по крайней мѣрѣ донынѣ нам ничего изъ нея неизвѣстно... При такомъ отсутствіи самихъ памят никовъ древней южно-русской письменности, справедливое ли дѣл заключать и возглашать уже о совершенномъ отсутствіи въ ней вся кихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія?"

Вторая статья Лавровскаго въ „Основѣ" написана по поводу замѣчанія, которымъ редакція этого журнала сопроводила его первую статью. Тамъ сказано было, что редакція помѣщала статью Лавровскаго „не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а, можетъ быть, и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—великороссы, а съ другой—поляки усматриваютъ въ древней южной-русской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго". Лавровскій рѣшительно отвергалъ какую-нибудь тенденціозность своихъ мнѣній; редакція, съ своей стороны, указывала образчики отношенія къ вопросу въ литературѣ, гдѣ нельзя было не видѣть племенной исключительности и недружелюбія. Каждая изъ сторонъ была въ томъ или другомъ права [1]).

Съ 60-хъ годовъ можно замѣтить новый поворотъ въ изслѣдованіяхъ о малорусскомъ языкѣ. Главное мѣсто принадлежитъ здѣсь

---

[1]) Мнѣніе о выселеніи малоруссовъ съ Карпатъ разобрано было въ статьѣ Котляревскаго въ той же „Основѣ". Объ этомъ предметѣ см. также ст. В. Б. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе", въ „Монографіяхъ" Кіевъ, 1885, и въ статьяхъ Ир. Житецкаго: „Смѣна народностей въ южной Руси", К. Старина, 1883—84. Статья г. Антоновича вызвала возраженія Н. П. Дашкевича и г. Соболевскаго (въ Журн. мин. просв. 1885).

трудамъ г. Потебни. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались изслѣдованія малорусскаго языка у ученыхъ западно-славянскихъ.

Въ тотъ споръ о малорусскомъ языкѣ, о которомъ мы говорили, г. Потебня не вступался и установлялъ только положенія, которыя казались ему вытекающими изъ историческихъ данныхъ языка, или устранялъ мнѣнія, казавшіяся ему неправильными, короткимъ опроверженіемъ. Мы не имѣемъ возможности входить въ частности и приведемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній его о состояніи древняго русскаго языка и возможной эпохѣ выдѣленія нарѣчій. Русскій языкъ дѣлится, по его мнѣнію, и дѣлится изстари, на два главныя нарѣчія: великорусское и малорусское, и первое также очень давно дѣлится на южное и сѣверное, и къ южно-великорусскому принадлежитъ бѣлорусское, какъ особая его вѣтвь. „Русскій языкъ, въ смыслѣ совокупности русскихъ нарѣчій, есть отвлеченіе; но возводя теперешнія русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ, конкретный, нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ славянскихъ... Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII в., потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого великорусскаго нарѣчія на сѣверо-великорусское и южно-великорусское, и такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга“.

Авторъ считаетъ несправедливымъ приписывать Срезневскому мнѣніе о безразличіи русскаго языка до XIV столѣтія. Онъ выписываетъ изъ предисловія Срезневскаго къ „Запискѣ“ Погодина мысль, что „XIII и XIV вѣкъ былъ временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ“, и что „нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ появились очень рано, но только говоровъ, а не нарѣчій“,—и находитъ, что эти слова не противорѣчатъ и его собственному взгляду; но, замѣчаетъ г. Потебня, „никто до сихъ поръ точно не опредѣлилъ и никогда не опредѣлитъ разницы между нарѣчіемъ и говоромъ. Каждый имѣетъ полное право думать, что рѣчь, имѣющая 5, 10 и т. д. отличій отъ другой, принятой за мѣрку, есть говоръ, но, съ появленіемъ шестого, одиннадцатаго и т. д. признака, она становится нарѣчіемъ“.

Появленіе мѣстныхъ особенностей, которыя послужили къ раздѣленію нарѣчій, г. Потебня считаетъ возможнымъ относить ко времени задолго до XIII столѣтія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предполагаемое обще-великорусское нарѣчіе, по его мнѣнію, уже въ X-мъ вѣкѣ или раньше выдѣлилось отъ древняго языка, и т. д. [1]).

---

[1]) „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка“, стр. 138—140; см. также 108, 109, 112, 124 и др.

Срезневскій, разбирая эти изслѣдованія, не совсѣмъ соглаша и съ общей точкой зрѣнія, и съ подборомъ главныхъ вопросовъ, о рѣшенія которыхъ зависитъ опредѣленіе отличительныхъ признако русскихъ нарѣчій; но, не вдаваясь въ объясненіе своего разногла вообще отдаетъ великую похвалу большой тонкости этихъ изслѣдо ній г. Потебни, и по поводу „Замѣтокъ о малорусскомъ нарѣчія" воритъ, что „кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отч въ томъ, что̀ онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія ср нительно съ великорусскими въ ихъ повременномъ развитіи, обще и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы нетики русскаго языка вообще, имѣя средства доказательно оспа вать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться ок чательными".

Въ галицко-русской литературѣ потребность опредѣленія язы явилась одновременно съ первыми опытами литературнаго возро денія въ 30-хъ годахъ. Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ грам тикъ малорусскаго языка, писанныхъ по-латыни, по славяно-русс по-нѣмецки и по-польски,—грамматикъ различнаго достоинства въ большинствѣ мало удовлетворительныхъ, отчасти по неумѣн выдѣлить народную рѣчь изъ обычнаго смѣшаннаго славяно-русск языка, который издавна держался въ русской Галиціи подъ вл ніемъ книгъ церковныхъ, отчасти по недостаточности самыхъ фи логическихъ пріемовъ [1]). Главнѣйшимъ изъ новыхъ трудовъ гали

---

[1]) Grammatica Slavo-ruthena, seu Vetero-slavicae, et actu in montibus Carp thicis Parvo-russicae, seu dialecti viventis linguae. Edita per Michaelem Lutsk Budae, 1830.

— Grammatik der Ruthenischen oder klein-russischen Sprache in Galicien v J. Lewicki. Przemysl. 1834.

— Grammatyka języka Małoruskiego w Galicii ułożona przez Jana Wagilewic Lwów. 1845.

— J. Łozinski, Grammatyka języka ruskiego (т.-е. малорусскаго). Przemysl, 184

— Я. Головацкій, Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ. Льво 1849; Грамматика русскаго языка. Во Львовѣ, 1849.

— Осадца, Грамматика русскаго языка. Львовъ, 1864 (по Миклошичу).

Изъ этихъ писателей Лучкай и Левицкій не достаточно отдѣляютъ южно-ру скій языкъ отъ церковнаго; Вагилевичъ взялъ себѣ образцомъ Греча и Востоков въ предисловіи сообщилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній изъ народныхъ нарѣчі О самомъ языкѣ онъ говоритъ, что это есть „особый серединный языкъ въ слав ствѣ, вслѣдствіе чего онъ много вліялъ на книжные языки польскій и русскій; поэтом его можно было бы считать подрѣчіемъ обоихъ въ томъ смыслѣ, что, относител обоихъ, онъ есть языкъ подчиненный". Въ „Росправѣ" Головацкаго собраны особе ности мѣстныхъ говоровъ, именно: галицкаго, горскаго (карпато-русскаго) и волынско подольскаго.

ученыхъ является книга Э. Огоновскаго [1]), профессора львов- университета. Огоновскій весьма полно воспользовался лите- й предмета, и опять поставилъ вопросъ объ историческомъ эніи малорусскаго языка къ великорусскому. Предметъ, ко- и въ нашей наукѣ все еще представляетъ спорные истори- и практическіе пункты, у галичанъ, вслѣдствіе особаго поло- ихъ литературы и политической жизни, тѣмъ болѣе служитъ въ къ крайнему разногласію: принадлежатъ ли они къ *единому* русскому) племени,—или же къ особому племени южно-рус- тогда какъ Россія (языкъ которой другою стороною считается общерусскимъ) и ея литература принадлежатъ собственно мени великорусскому? Бросить ли имъ свою народную рѣчь и ь обще-русскую, т.-е. великорусскую,—или держаться своего тельнаго южно-русскаго языка, остаться въ связи съ своимъ гъ (не знающимъ языка великорусскаго) и съ южно-руссами ой имперіи и сохранить *собственное* древнее національное е, которое было кіевско-галицкое, т.-е., по ихъ убѣжденію, ихъ южно-русское?

е мы говорили, что съ этимъ сложнымъ и труднымъ вопро- лицко-русская литература носится съ первой поры своего енія и до сихъ поръ не можетъ рѣшить недоумѣнія, въ са- лѣ, нелегкаго. Стремиться къ *обще-русскому* единству?—но ь галицкая жизнь имѣетъ мало общаго: русскіе галичане, я имъ и не очень трудно было бы выучиваться по-русски, въ тоящее время не знаютъ русскаго книжнаго языка, и содержаніе ской литературы, такъ пропитанной русскою жизнью, для нихъ ю вразумительно, какъ и для всѣхъ вообще нашихъ „братьевъ", ѣмъ менѣе она имъ доступна, чѣмъ она именно больше вѣрна ской жизни, чѣмъ больше „національна" въ настоящемъ смыслѣ ва. До сихъ поръ галицкія стремленія къ „обще-русскому" лите- урному единству проявлялись обыкновенно только въ уродливой мѣ; между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьезно, ло бы быть сильной опорой для этой мѣстной русской жизни, ло бы доставить ей поддержку той великой умственной и нрав- енной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего итія, успѣла собрать русская литература и наука въ своемъ но- ъ періодѣ. Или, стремиться къ единству только *южно-русскому?* тимъ и одушевляются лучшіе дѣятели галицкой литературы: они

[1]) „Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, von Dr. Emil Ogo- ski. Lemberg, 1880. Добавленіемъ къ ней служитъ статья въ запискахъ (Roz- wy i Sprawozdania) Краковской академіи: O waźniéjszych właściwościach języka iego. Kraków, 1883.

сосчитываютъ статистическія цифры своего племени—въ *Россіи* и в *Австріи* (какъ будто это все равно)—и думаютъ, что *племя* въ пя: надцать или даже въ двадцать милліоновъ должно имѣть свою лі тературу и будетъ имѣть ее; но, племя раздѣлено исторіей, и на: большая половина живетъ давно въ тѣсныхъ связяхъ съ великору скимъ центромъ, съ которымъ едва ли можетъ раздѣлиться въ свое умственной жизни; здѣсь литература на народномъ языкѣ давно ста: провинціализмомъ и союзъ съ нею для галичанъ прибавляетъ ма: въ смыслѣ высшихъ задачъ науки и литературы, и самая народна жизнь восточной части южно-русскаго племени не совсѣмъ похоя на жизнь части западной. Но въ то же время, галицко-русская лит ратура не можетъ обойтись безъ народнаго языка, если только хочет быть понятна въ настоящую минуту своей народной массѣ, а без этого она и не можетъ служить ея интересамъ.

Большинству галицко-русскихъ дѣятелей это противорѣчіе пре; ставляется безъисходнымъ и они останавливаются обыкновенно в той или на другой части этой дилеммы, и факты новѣйшей русск и малорусской жизни (какъ, напр., крайняя нетерпимость къ украин фильству въ Россіи и запрещенія, падавшія здѣсь на малорусску рѣчь и литературу) убѣждали ихъ, что иначе и быть не можетъ.

Въ дѣйствительности, безъисходнаго противорѣчія нѣтъ. Сп койно понятый интересъ долженъ, напротивъ, убѣждать въ необх димости того и другого — и тѣсныхъ связей съ обще-русской лит ратурой, и разработки своего народнаго языка. При всемъ различі судьбы Руси галицкой съ судьбою массы русскаго народа, эта масс есть все-таки единственная сильная племенная опора, и оторванна исторіей доля племени найдетъ здѣсь еще много общаго, родствен наго и сочувственнаго, чего ей больше негдѣ искать; сосѣдняя, и легко въ сущности понятная, богатая литература, можетъ дать го товый обширный запасъ содержанія, выработка котораго силами одной мѣстной народности была бы невыполнима; а вѣчная зависимость, въ высшихъ вопросахъ, отъ литературы чужеязычной (напр. нѣмец кой) не преминула бы отозваться внутреннимъ упадкомъ національ ности. Съ другой стороны, въ настоящемъ положеніи галицко-рус ской жизни развитіе литературы на народномъ языкѣ остается пока единственнымъ средствомъ просвѣщенія народа.

Своему изслѣдованію южно-русскаго языка г. Огоновскій пред послалъ вводную статью, гдѣ объясняетъ „отношенія южно-русскаго языка къ русскому" [1]). Г. Огоновскій, самъ ревностный галицко- русскій патріотъ, окруженный борьбою противоположныхъ направ-

---

[1]) Южно-русскій обозначается у него ruthenisch.

леній, естественно долженъ былъ считаться съ тѣми взглядами, какіе господствуютъ въ его обществѣ и самъ не свободенъ отъ ихъ односторонности. Въ виду споровъ о судьбѣ народности и литературы, для галицкихъ патріотовъ однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ является стремленіе доказать отдѣльность и независимость своего языка отъ русскаго. Чувствуя эту отдѣльность языка въ настоящую минуту, желая защитить его нынѣшнюю литературу, они распространяютъ свой взглядъ на прошедшее и считаютъ свой языкъ подлиннымъ древнимъ русскимъ, а языкъ великорусскій—новой формаціей; этотъ новый („московскій") языкъ присвоилъ себѣ элементы церковнославянскаго и древне-русскаго языка, давши имъ свою новую, чуждую окраску въ ущербъ старому и подлинному основанію. Читая нѣкоторыя разсужденія объ этомъ предметѣ у галицко-русскихъ писателей, можно встрѣтить въ нихъ сходство съ извѣстными разсужденіями польскихъ писателей о „русскомъ" и „московскомъ" языкѣ и народности, съ подобною утратой исторической перспективы. Г. Огоновскій не доходитъ до этой крайности, но и не совершенно свободенъ отъ нея. Ему кажется страннымъ фактъ, что „языкъ, который въ теченіе столѣтія считался самостоятельнымъ, теперь, главнымъ образомъ по политическимъ причинамъ, или совершенно игнорируется, или выставляется какъ нарѣчіе русскаго языка, а иной разъ даже какъ нарѣчіе языка польскаго. Правда, нельзя отвергать, что рутенскій [1]) языкъ находится въ странномъ отношеніи къ русскому, именно, что лексическій и грамматическій матеріалъ перваго былъ, въ XVIII и XIX столѣтіи, такъ поглощенъ московскимъ нарѣчіемъ (moscowitischer Dialect), что новый языкъ принялъ даже аттрибутъ *русскаго* (?!): и однако же каждому мыслящему филологу ясно какъ день, что рутенскій языкъ, несмотря на видимое (?) тождество въ названіи, никакъ не можетъ разсматриваться какъ нарѣчіе русскаго языка, но какъ равный съ нимъ языкъ. Большая часть недоразумѣній, въ этомъ отношеніи, вызвана, безъ сомнѣнія, упомянутымъ названіемъ этихъ языковъ („ruthenisch" und „russisch"). Дѣло въ томъ, что такъ какъ оба эти слова представляютъ переводъ одного и того же прилагательнаго (роусьскый), то можно было, особенно за границей, считать себя въ правѣ думать, что между названными языками нѣтъ никакого существеннаго различія. Но всякое недоразумѣніе устранилось бы только тогда, еслибы русскій языкъ не отвергалъ своего московскаго происхожденія и имени (!). Между тѣмъ, можно утѣшаться мыслью, что простое названіе, т.-е. внѣшнее обо-

---

[1]) Т.-е. настоящій старый и подлинный, *нынѣ* южно-русскій, языкъ. Удерживаемъ термины автора, для большей наглядности.

значеніе, нисколько не измѣняетъ сущности языка, что поэтому, смотря на сходство въ названіи, рутенскій и русскій должны остат двумя особыми языками".

Отдѣльность языковъ авторъ принимаетъ за доказанный фа подтверждая его авторитетомъ Миклошича и Шлейхера (имѣвш въ виду нарѣчія нынѣшнія). Ссылаясь на Костомарова, авторъ у зываетъ „двѣ русскія народности" и объясняетъ, что собствен и древняя „Русь" была именно южная, а народность „московск образовалась позднѣе, съ поглощеніемъ элементовъ финскихъ, и х авторъ отвергаетъ, какъ нелѣпость, мнѣніе нѣкоторыхъ ошалѣвш (hirnverbrannt) этнографовъ, что нынѣшніе русскіе — не славяне по своему происхожденію принадлежатъ къ туранцамъ, и дума напротивъ, что московское княжество, хотя и поглотило многіе и родческіе элементы, было, по своему населенію, столь же слав скимъ, какъ вся масса прежнихъ рутенскихъ племенъ. Тѣмъ не мен авторъ полагаетъ, что „когда московское княжество восприня политическую роль рутенской метрополіи, Кіева, разрушеннаго т тарскими нашествіями и внутренними междоусобіями, то оно долж было естественно *присвоить себѣ* и имя своего уже не опаснаго с перника, чтобы затѣмъ выступить въ качествѣ его законнаго прее ника и обнять стариннымъ популярнымъ именемъ всѣ (восточно-)сл вянскія племена. По совершеніи этого богатаго послѣдствіями пр соединенія, древняя Рутенія (Русь) осталась безъ имени, такъ ка двѣ національности не могли удовлетворяться однимъ и тѣмъ названіемъ. Съ тѣхъ поръ московское великое княженіе стало н зываться „*рутенскимъ*" (русскимъ), а потому и все централизова ное царство—Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ собственная Россія (южная Русь) должна была искать себѣ новаго имени, чтобы не быть вычеркнутой съ карты міра. Къ сожалѣнію, выборъ новаго названія для исторически извѣстной націи не могъ ожидать прочнаго значенія; вслѣдствіе того, новыя выраженія возникшія въ XVII столѣтіи: Малороссія, Украина, Гетманьщина, не могли уже потому пріобрѣсти общаго права гражданства, что они означали или одну часть націи, или просто отмѣчали одну эпоху въ ея исторіи".

Съ точки зрѣнія горячаго южно-русскаго патріота понятно чувство скорби о судьбѣ племени, утратившаго и свою цѣльность, и свое древнее имя. Но факты не точны, и авторъ, ссылаясь на „Двѣ народности" Костомарова, могъ бы справиться и съ другою статьею, гдѣ тотъ же Костомаровъ, опровергая туранскую теорію польскихъ этнографовъ, касается и вопроса объ имени Руси [1]). Имя Руси было

---

[1]) „Правда полякамъ о Руси", въ „Основѣ", 1861, № 10, стр. 100—112.

древнемъ періодѣ весьма неопредѣленно, и въ политическомъ юшеніи требовало ближайшихъ обозначеній по землямъ и княже-.мъ [1]), но главный смыслъ этого имени сдѣлался уже вскорѣ этно-ифическимъ. Въ удѣльную эпоху новгородцы, суздальцы, кіевляне, ритяне, москвичи обозначались *политически* по своимъ мѣстнымъ :намъ, но всѣ они были *русскіе*, когда приходилось говорить не астныхъ единицахъ (въ ихъ отношеніяхъ между собою), а объ 'омъ *племени* въ противоположность иноземному; все это были и русскіе по племени, по языку и по вѣрѣ. Названіе московскаго жества было естественнымъ продолженіемъ стараго удѣльнаго юба политическихъ именованій; отъ княжества оно перешло по лѣдству и къ царству, но когда княжество расширилось за свои воначальные предѣлы, оно тотчасъ стало называться и „русскимъ" дарствомъ. Иноземцы дѣлали эту русскую землю „Московіей" по ıти о московскомъ княженіи; были дѣйствительно „московскіе a", какъ *подданные* московскаго (сначала небольшаго удѣльнаго, мъ великаго) князя [2]), но „московскаго племени" не бывало — я было русское. Когда Москва присоединяла мало-по-малу удѣлы, не покоряла *племенъ*, а только уничтожала старыя *политическія* *ицы*, и владимірцы, рязанцы, тверитяне и, наконецъ, новго-,ы не думали отличать себя по племени отъ москвитянъ; рѣчь только о паденіи ихъ автономіи политической. Такимъ обра-», Москвѣ не было надобности *отнимать* у южной Руси ея имя, ы стать русской. Г. Огоновскій самъ приводитъ извѣстное указаніе, имя „Малой Руси" является уже въ первой половинѣ XIV вѣка [3]); названо было княземъ Юріемъ галицкимъ и владимірско-волын-скимъ, такъ что самъ представитель южной Руси считалъ ее „Малою", очевидно предполагая „великую", которая дѣйствительно нарождалась тогда сначала въ Твери, а потомъ въ Москвѣ. Очевидно, что названіе, употребленное *дома* княземъ Юріемъ, было названіе обычное, которымъ сами жители края признавали какъ свое племенное единство съ большою Русью, такъ и свою политическую второстепенность. Въ томъ же XIV вѣкѣ, московскій князь Симеонъ Ивановичъ назы-

---

[1]) Первая Русь (Варяги-Русь) отмѣчена лѣтописцемъ вовсе не на югѣ, а въ Новгородѣ, и оттуда, по мнѣнію лѣтописца, впервые явилось русское имя. Съ переходомъ князей изъ Новгорода въ Кіевъ имя Руси утвердилось здѣсь, повидимому, именно въ связи съ главнымъ княжескимъ гнѣздомъ, но въ періодъ удѣловъ пошли уже въ ходъ имена земель и княженій, какъ обозначенія политическихъ единицъ. Такою единицей былъ самъ Кіевъ съ его землей, Новгородъ, Суздаль, а наконецъ, и Москва.

[2]) И московскій „великій" князь былъ прежде не единственный; бывали и „великіе" тверскіе князья.

[3]) Есть упоминанія, относящіяся еще къ концу XIII столѣтія.

валъ себя великимъ княземъ, не только московскимъ, но и
Русіи"; „Московія" иноземцевъ на русскомъ языкѣ называласı
ликая россійская держава московскаго государства". Что царь Ал
Михайловичъ сталъ называть себя царемъ Великой, Малой и]
Россіи, это было естественнымъ продолженіемъ стараго титул
торое подтверждалось фактическимъ владѣніемъ; а что народъ ı
русскій потерялъ свое общее древнее имя, это опять объясн
тѣмъ, что онъ утратилъ свое политическое бытіе.

Сообразно съ этимъ, объясняется и историческая роль ı
русскаго языка. Различіе нарѣчія великорусскаго и малору
восходитъ вѣроятно къ очень давнему времени и, быть мо
языкъ малорусскій сохранилъ даже нѣкоторыя древнѣйшія
первоначальнаго языка, утраченныя въ великорусскомъ; но, в
выхъ, общность двухъ нарѣчій въ ихъ корнѣ едва ли подл
спору, а во-вторыхъ, надо отличать судьбу языка народнаго и ı
наго. Въ древнѣйшемъ періодѣ русской письменности, наши
логи, какого бы они ни держались взгляда, не могли волей ил
волей не увидѣть большой общности книжно-народнаго язы
самые памятники видимо совершенно легко ходили между кн
ками на сѣверѣ и на югѣ. Положительное распаденіе нарѣчій д
относиться къ болѣе позднему времени, когда рядомъ съ
произошло и политическое распаденіе юга и сѣвера. Если мы
симъ, однако, гдѣ потомъ осталась наиболѣе живая традиція с
письменности, гдѣ, напримѣръ, непосредственно и обильно п
жаемы были лѣтописи, гдѣ продолжалась литература церковная
вивались старые эпическіе мотивы и т. д., мы должны будемъ
зать: на сѣверѣ,—въ Новгородѣ, потомъ въ Москвѣ. Если нар
языкъ сталъ уже отличаться на сѣверѣ и на югѣ, то въ литер
церковной создался особый стиль, писали или старались писа
церковно-славянскомъ языкѣ, невольно оттѣняя его особенно
народнаго языка, и этотъ же стиль, съ чертами южно-русс
существовалъ и на югѣ. Г. Огоновскій весьма не точно пони
это положеніе вещей, когда, упомянувъ о дѣятельности южн
скихъ ученыхъ въ Москвѣ со второй половины XVII вѣка, гово
что, переселившись въ Москву, эти люди (какъ Епифаній Славин
Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій и др.) „перенесли туда
доточіе литературной дѣятельности Рутеніи (южной Руси)", ı
эти реформаторы, предложивъ свои услуги новому отечеству и
рушая китайскую стѣну московской культуры, „разработывали да
московское нарѣчіе (das moscowitische Idiom) на основѣ своего
ного языка", вслѣдствіе чего, „при наступившей въ Кіевѣ а
ко всякой политической и литературной дѣятельности, можно

незамѣчать никакой разницы между рутенскимъ и московскимъ", т.-е. между южно-русскимъ и велико-русскимъ; съ дѣятельностью Петра сѣверно-русскій элементъ получилъ еще новую силу, а южно-русскій сталъ падать, тѣмъ болѣе, что на Украйнѣ, послѣ національнаго одушевленія XVII вѣка, настало утомленіе и автономія южной Руси была подавлена. Это изложеніе ошибочно въ слѣдующемъ. Заслуги южно-русскихъ ученыхъ были несомнѣнны на поворотѣ русской жизни къ ея новому направленію, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; но собственно языкъ, которымъ писали южно-русскіе ученые въ Москвѣ, былъ тотъ же церковно-славянскій, подмѣшанный русскимъ, который господствовалъ и раньше въ московской письменности, и въ этомъ отношеніи кіевскіе ученые вовсе не „разработывали московскаго нарѣчія на основѣ своего языка". Дѣло просто въ томъ, что для сѣвера и юга была здѣсь давнишняя общая почва, и эти отношенія объясняются проще на основаніи родственности племенъ и ихъ церковныхъ преданій, чѣмъ на основаніи ихъ различія. Что же касается до собственно малорусскихъ (или малорусско-польскихъ) элементовъ языка, также частію принесенныхъ кіевскими и западно-русскими учеными въ ихъ писаніяхъ, эти элементы уже вскорѣ стали отпадать изъ „московскаго" языка.

Далѣе г. Огоновскій, отвергнувъ сравненіе отношеній великорусскаго къ малорусскому съ отношеніями нѣмецкаго литературнаго языка къ plattdeutsch, замѣчаетъ: „исторія не знаетъ никакой нижненѣмецкой націи съ однообразно сформированнымъ языкомъ, своимъ рѣзко выраженнымъ типомъ и съ своеобразнымъ характеромъ народной поэзіи, между тѣмъ какъ существованіе *малорусской націи* неопровержимо доказывается историческими фактами. И богатые запасы языка этой націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были *систематически эксплуатируемы* въ пользу московскаго нарѣчія (zu Gunsten des moscowitischen Dialectes systematisch ausgebeutet), вслѣдствіе чего древняя русинская нація неизбѣжно должна была стать въ странное отношеніе къ новосозданному русскому языку". Авторъ еще не разъ повторяетъ потомъ, что „нынѣшній русскій языкъ произошелъ изъ смѣси московскаго нарѣчія, русинскаго и церковнославянскаго языка", что великорусскій языкъ „могущественно развился на счетъ (auf Kosten) малорусскаго",—и указываетъ, наконецъ, что „если датчане не хотятъ промѣнять своего языка на близко родственный шведскій, и голландцы не имѣютъ никакой симпатіи къ нѣмецкому, то съ тѣмъ бо́льшимъ правомъ и русины не хотятъ предпочесть своему благозвучному языку языка русскаго"; они пользуются своимъ языкомъ „въ глубочайшемъ убѣжденіи, что интересы этого языка должны быть соблюдены во всѣхъ отрасляхъ науки",

..итературы малоруссы въ Россіи поль-
..еріаломъ на русскомъ языкѣ. Во-вторыхъ,
..іени факторомъ литературнаго развитія языка
государственное: только оно дѣлаетъ народъ
..ія не имѣютъ „рутены“ въ сравненіи съ Даніей
..кій языкъ, правда, „не есть еще всемірный“, но
..ь его литература есть самая обширная по объему
..держанію славянская литература, и если ея поэти-
..еденія получаютъ въ послѣднее время такое широкое
..еніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои
..ельные вклады въ содержаніе науки европейской, то, ду-
.. они могли бы съ пользой послужить и для галичанъ: имъ
..ственнѣе было бы примкнуть къ этому родственному движенію,
..ъ нуждаться во „всемірной литературѣ“ чужого языка, которая
..юмному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ
..ѣть на слабую народность подавляющее вліяніе [1].

Оставался невыясненнымъ вопросъ о внутренней исторіи южно-
..скаго языка, поставленный въ спорѣ Погодина съ Максимовичемъ.
.. послѣдніе годы онъ былъ поднятъ опять и, быть можетъ, подъ
..вецъ еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ. Не вдаваясь въ спеціаль-
..й филологическій вопросъ, укажемъ лишь главные, сюда относя-
..еся труды.

На очереди очевидно стояло историческое изслѣдованіе языка
.. связи съ исторіей племени, особливо по памятникамъ. Такъ кос-
..юсь этого вопроса изслѣдованіе рано умершаго филолога Коло-
..ва [2]); спеціально ему посвящено изслѣдованіе г. Житецкаго [3]). Ста-
..ясь выяснить исторію звуковъ малорусскаго языка и пользуясь
..я этого, между прочимъ, архаическими остатками въ нарѣчіяхъ со-
..еменныхъ, г. Житецкій полагалъ, что „главныя черты малорусскаго
..ализма въ XII--XIII ст. вполнѣ обнаружились“. „Не было еще
..раинскаго говора, который выдѣлился позже изъ волынскихъ раз-

---

[1]) Писано въ 1886 г. Выше мы приводили (стр. 233), что позднѣе г. Огоновскій ..торилъ въ сущности тѣже мнѣнія въ своей „Исторіи русской (южно-русской) ..тературы“, на которую сдѣланы были мною замѣчанія въ „В. Евр.“, 1890. Въ ..еніе печатанія настоящаго тома появился отвѣтъ г. Огоновскаго: „Моему крити..“. Львовъ, 1890.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст., 1872. ..оръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, 1878.

[3]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876. Разборъ этой ..ги въ Archiv für slavische Philologie, т. I, и въ подробной рецензіи г. Потебни, отчетѣ объ Уваровскихъ наградахъ, 1878.

— Описаніе Пересопницкой рукописи XVI вѣка, съ приложеніемъ текста Еван..ія Луки. Кіевъ, 1876.

норѣчій, но самыя эти разнорѣчія, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ ихъ въ галицкомъ вокализмѣ, уже существовали. Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго пра-языка, выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ, сѣвернымъ, отъ котораго къ концу кіевской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волынскій. Тотъ же процессъ образованія мы должны допустить и для великорусскаго нарѣчія, въ которомъ только древнѣйшіе говоры, бѣлорусскій и сѣверно-великорусскій, непосредственно примыкаютъ къ русскому пра-языку"... Изъ нихъ сложился южно-великорусскій языкъ будущаго московскаго княжества, корень позднѣйшаго великорусскаго языка. Эти развѣтвленія языка совершались параллельно съ историческими судьбами народа. „Въ концѣ XII вѣка,—говоритъ г. Житецкій,—Русь южная, кіевская, и Русь сѣверная, владиміро-суздальская, встрѣтились между собою въ борьбѣ за преобладаніе въ русской землѣ, и этотъ политическій моментъ, безъ сомнѣнія, былъ плодомъ бытовыхъ различій между двумя главными половинами русской земли, различій, постепенно нароставшихъ въ предшествующее время. Намъ кажется, нельзя игнорировать этого факта для исторіи русскаго языка, если только вполнѣ убѣждены мы, что въ жизни языка отражаются бытовыя настроенія народнаго духа, народныхъ понятій, вѣрованій и идеаловъ. А что идеалы южной и сѣверной Руси въ то время были не одинаковы, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только политическая исторія, но и такія крупныя литературныя произведенія, какъ слово о полку Игоревѣ и всѣ вообще южныя лѣтописи. Мы можемъ пожалѣть только о томъ, что произведенія эти дошли до насъ въ не-южныхъ, и притомъ позднихъ редакціяхъ, и оттого собственно звуковая сторона южно-русскаго нарѣчія XII—XIII вѣка намъ неизвѣстна во всѣхъ подробностяхъ" [1]).

Для г. Житецкаго не подлежитъ сомнѣнію, что люди кіевской Руси были именно предками нынѣшняго малорусскаго народа, что съ тѣхъ поръ и донынѣ, не прерываясь, шло *въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ* развитіе малорусской народности, быта и языка. Но указанное состояніе памятниковъ, вмѣстѣ съ темной исторіей южно-русской земли и населенія въ XIII—XV вѣкахъ, оставляли поле для недоумѣній и разнорѣчій, и въ послѣднее время старая мысль Погодина, отчасти поддержанная Лавровскимъ, была снова поднята, съ филологической точки зрѣнія, г. Соболевскимъ. Послѣдній [2]), принимая,

---

[1]) Житецкій, стр. 269—273.

[2]) „Очерки изъ исторіи русскаго языка", часть I. Кіевъ, 1884. Передъ тѣмъ изданы были имъ: „Изслѣдованія въ области русской грамматики". Варшава, 1881 (отдѣльно изъ Рус. Фил. Вѣстника) и „Статьи по славяно-русскому языку", Варшава 1883.

что „русскій языкъ, уже въ древнѣйшую эпоху своего существованія, дѣлился на нѣсколько нарѣчій или говоровъ, болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга", поставилъ свое изслѣдованіе такъ: изъ древнихъ русскихъ рукописей, хранящихся въ нашихъ библіотекахъ, онъ выдѣлилъ нѣсколько группъ съ тожественнымъ правописаніемъ,—опредѣляя тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ указаній на мѣсто и время написанія, по сравненію съ тѣми, въ которыхъ имѣются эти даты,—и извлекалъ изъ нихъ особенности правописанія, могущія служить къ характеристикѣ древнихъ говоровъ, чтобы прослѣдить развитіе этихъ особенностей и сравнить ихъ съ особенностями нарѣчій современныхъ. Въ первой части этого труда находится изслѣдованіе памятниковъ группы южно-русской, съ XII до XV вѣка. Путь изслѣдованія былъ бы совершенно точный, еслибы нашлось достаточное количество памятниковъ и комментарій соотвѣтствовалъ матеріалу. Къ сожалѣнію, число памятниковъ южно-русскихъ чрезвычайно скудно (въ трудѣ г. Соболевскаго, за время съ XII по XV вѣкъ собрано только 15 рукописей, кромѣ грамотъ). Общій выводъ автора привелъ бы въ ужасъ покойнаго Максимовича. Изслѣдуя собранныя имъ южно-русскія рукописи, г. Соболевскій нашелъ, что ни одна изъ нихъ „не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ", а памятники, которые могутъ быть отнесены къ Кіеву, не имѣютъ южно-русскихъ особенностей. Поэтому тотъ южно-русскій говоръ, проявленія котораго нашлись въ собранныхъ имъ рукописяхъ, онъ призналъ не кіевскимъ, а *волынско-галицкимъ*, а „древній кіевскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицко-волынскаго нарѣчія и принадлежалъ къ числу *великорусскихъ* говоровъ" [1]). Эти положенія встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ кіевскихъ изслѣдователей южно-русской старины,—не были также приняты тогда и г. Ягичемъ [2]),—а именно, положенія г. Соболевскаго послужили предметомъ повидимому весьма любопытныхъ преній въ кіевскомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, въ 1884 году. Поставленъ былъ вопросъ—„Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV вѣкахъ?" гдѣ г. Соболевскій изложилъ выводы своихъ „Очерковъ", что: „въ Кіевѣ XIV и XV в., а слѣдовательно и раньше, было великорусское нарѣчіе, и что нынѣшнее малорусское населеніе мѣстъ, ближайшихъ къ Кіеву, какъ и всей страны къ востоку отъ Днѣпра, — населеніе пришлое, пришедшее

---

[1]) Стр. 68—69, 116—117.

[2]) „Четыре критико-палеографическія статьи", И. Ягича. Спб. 1884, стр. 88—90, 98—102. Въ разборѣ „Четырехъ статей" г. Соболевскій остался при своемъ мнѣніи; соотвѣтственно этому онъ оспаривалъ и изслѣдованіе В. Б. Антоновича о судьбѣ Кіева въ XIV—XVI столѣтіяхъ.

приблизительно въ XV в. сюда съ запада, изъ Подоліи, Волын
Галиціи и ассимилировавшее собою остатки стараго кіевскаго н
ленія". Этотъ взглядъ вызвалъ возраженія гг. Голубева, Житецк
Антоновича, Дашкевича и др. [1]). Тотъ же взглядъ изложенъ б
опять въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка", г. Соболевс
(Кіевъ, 1888) и снова встрѣтилъ возраженія со стороны г. Ягича
рецензіи „Лекцій" [2]).

Тридцать пять лѣтъ назадъ, Погодинъ въ „Запискѣ", о кото
мы выше упоминали, говорилъ: „Малороссійскаго нарѣчія, къ ст
своему, мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессор
для всѣхъ славянскихъ нарѣчій". Тогда же о необходимости
ченія малорусскаго нарѣчія говорилъ Лавровскій; но съ тѣхъ п
и донынѣ дѣло подвинулось очень мало. У насъ доселѣ нѣтъ ма
русской грамматики, нѣтъ и такой цѣльной книги, какъ „Studi
Огоновскаго; малорусскій словарь остановился на опытахъ Закр
скаго, Пискунова, Левченка, Аѳанасьева-Чужбинскаго, и опять лучі
словарь является въ маленькой галицко-русской литературѣ, въ тру
покойнаго Желеховскаго. — Надо пожелать, чтобы, хотя для сох
ненія научнаго достоинства нашей литературы, этому вопросу дано бы
вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ, и чтобы „споръ между юж
нами и сѣверянами" кончился на спокойной и свободной научн
почвѣ.

---

[1]) См. „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца", кн. II, Кіевъ, 1888
стр. 215—227. Пренія изложены здѣсь кратко, по сообщеніямъ тогдашнихъ газетъ
особливо „Кіевлянина", безъ ручательства за полную точность.

[2]) „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка". Спб. 1889. Грубый отвѣтъ
г. Соболевскаго въ „Р. Филологич. Вѣстникѣ", 1890.

ГЛАВА XI.

Съ шестидесятыхъ годовъ.

Оживленіе этнографическихъ изслѣдованій съ 1880-хъ годовъ.—Предшественники: Н. А. Маркевичъ, Н. В. Закревскій.

Экспедиція Чубинскаго. Кіевскій отдѣлъ Географическаго Общества.

Труды В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, Номиса, И. Я. Рудченка, П. И. Житецкаго, А. Лоначевскаго и др.

Изученіе малорусскаго народа въ послѣднее время доставило обширный научный матеріалъ, который несомнѣнно былъ бы еще значительнѣе, еслибы оно не встрѣчало разныхъ трудно одолимыхъ препятствій. Эти изслѣдованія шли параллельно съ успѣхами этнографіи обще-русской, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ представили, при собираніи матеріала, примѣръ замѣчательно единодушнаго интереса къ изучаемому предмету, — и это единодушіе сдѣлало возможнымъ осуществленіе такихъ широкихъ предпріятій, какъ экспедиція Чубинскаго,—самое капитальное дѣло малорусской этнографіи.

Оживленіе интереса къ малорусской народности, въ началѣ прошлаго царствованія было, какъ мы объясняли выше, результатомъ цѣлаго умственнаго и нравственнаго оживленія русскаго общества въ тѣ годы.

Прежде чѣмъ перейти къ новымъ трудамъ въ малорусской этнографіи, начавшимся тогда съ журнала „Основа“, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ прежнихъ дѣятеляхъ въ этой области, которые стояли на границѣ между старымъ и новымъ періодомъ этихъ изученій, именно о Маркевичѣ и Закревскомъ. Оба они были своего рода типическими представителями старой этнографіи.

Какъ большинство тогдашнихъ любителей народности, Николай Андреевичъ Маркевичъ былъ этнографъ-самоучка, далекій отъ какого-нибудь научнаго пониманія предмета, но весь проникнутый тѣмъ

инстинктомъ, который безъ пособій науки угадывалъ важность народныхъ изученій, какъ научную—для болѣе правильнаго уразумѣнія народнаго характера и исторіи, такъ и нравственную — для установленія болѣе разумныхъ общественныхъ отношеній къ народу. Это былъ типъ весьма привлекательный. Любители этого рода не имѣли понятія о томъ, что̀ дѣлается въ наукѣ для изученія народнаго языка, преданій, поэзіи, но этотъ языкъ, преданія и поэзія были исполнены для нихъ величайшей прелести, и они, часто не пытаясь вовсе раскрывать ихъ внутренній смыслъ, старались по крайней мѣрѣ собрать сколько можно больше проявленій народной личности въ пѣсняхъ, обрядѣ, быту и пр. Когда иной разъ они пробовали давать этому матеріалу свои объясненія, эти послѣднія всего чаще оказывались совершенно неудовлетворительными; но они тѣмъ не менѣе дѣлали свое полезное дѣло, собирая матеріалъ, который и до сихъ поръ остается цѣннымъ.

Маркевичъ родился 26 января 1804 года, въ селѣ Дунайцѣ глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи, въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Прилукахъ, въ частномъ пансіонѣ Белецкаго-Носенка, который въ свое время (съ конца прошлаго вѣка и въ первыя десятилѣтія нынѣшняго) самъ былъ дѣятельнымъ малорусскимъ писателемъ и этнографомъ [1]) и по своему педагогическому характеру могъ поддержать въ Маркевичѣ впечатлѣнія малорусской жизни. Въ 1817 году, Маркевичъ поступилъ въ открывшійся тогда пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Однимъ изъ преподавателей въ этомъ пансіонѣ былъ извѣстный В. К. Кюхельбекеръ (впослѣдствіи декабристъ), наивный, но благородный энтузіастъ и страстный любитель поэзіи. Кюхельбекеръ полюбилъ даровитаго Маркевича и, какъ говорятъ, „много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса“. Вкусъ, по тому времени, былъ конечно романтическій. Кюхельбекеръ ввелъ Маркевича въ литературный кружокъ, къ которому самъ принадлежалъ: черезъ него Маркевичъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Баратынскимъ, барономъ Дельвигомъ и пр. Здѣсь проводилъ онъ время въ пребываніе свое въ Петербургѣ до 1820 года. Онъ былъ еще очень юнъ, но повидимому привлекалъ на себя вниманіе своей талантливостью: ему было только 13 лѣтъ, когда Жуковскій напечаталъ въ 1817 его первое стихотвореніе, написанное гекзаметромъ. Въ 1821, онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейскій полкъ, но уже вскорѣ оставилъ

[1]) Объ его біографіи и трудахъ см. въ „Очеркахъ“ г. Петрова, Кіевъ, 1884, стр. 36—56.

службу, по желанію отца, вызвавшаго его къ себѣ въ деревню. Въ 1829, мы видимъ Маркевича въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ въ свѣтскомъ кругу, но пріобрѣлъ также много друзей въ мірѣ ученомъ и артистическомъ. Занявшись здѣсь музыкой, онъ сдѣлался, подъ руководствомъ Фильда, прекраснымъ піанистомъ. Въ это время онъ выступилъ и въ литературѣ въ томъ двоякомъ направленіи, которое было дано его литературной школой и домашними малорусскими вкусами: въ 1829 г. онъ издалъ въ Москвѣ свои русскія стихотворенія (элегіи, еврейскія мелодіи и стихотворенія эротическія), а въ 1831 „Украинскія мелодіи". Въ 1830, онъ женился и, получивъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь любовь къ малорусской родинѣ внушила ему многолѣтній и обширный трудъ—„Исторію Малороссіи", которая вышла въ Москвѣ, 1842—43, въ пяти томахъ. Это была новая, послѣ Бантышъ-Каменскаго, попытка цѣльнаго обзора малорусской исторіи, попытка далеко несовершенная по тогдашнему состоянію исторической критики и разработки самыхъ источниковъ, но цѣнная въ этомъ послѣднемъ отношеніи, по новымъ введеннымъ въ обращеніе матеріаламъ. Маркевичъ понималъ всю важность первыхъ источниковъ и занялся собираніемъ старыхъ рукописей, дѣлъ и документовъ, такъ что наконецъ у него образовалось обширное собраніе, до шести тысячъ нумеровъ, къ которому онъ составилъ каталогъ.

Окружающій бытъ онъ изучалъ съ разныхъ сторонъ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ издалъ рядъ книжекъ: о климатѣ полтавской губерніи; о табакѣ въ Малороссіи; объ овцеводствѣ въ Малороссіи; о народонаселеніи полтавской губерніи и др. По его смерти вышелъ въ свѣтъ и его этнографическій трудъ, о которомъ скажемъ далѣе.— Проживъ многіе годы въ деревнѣ, Маркевичъ успѣлъ хорошо узнать народный малорусскій бытъ. Это былъ образчикъ мѣстнаго патріота и практическаго этнографа-любителя, который представляетъ переходъ отъ непосредственнаго чувства народности къ сознательному и научному. Люди, близко знавшіе Маркевича, рисуютъ въ привлекательныхъ чертахъ его личный характеръ. „Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера,— писалъ одинъ изъ его земляковъ:—гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Н. А. бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе

крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ „розумнимъ паномъ".

Маркевичъ умеръ 9 іюня 1860 года. Въ томъ же году вышла его упомянутая этнографическая книжка [1]), которая была отдана въ печать еще при его жизни, но вышла, когда онъ умеръ [2]). Издатель въ предисловіи объясняетъ, что Маркевичъ еще въ 1850 г. задумалъ составить обширный сборникъ подъ заглавіемъ: „Внутренняя жизнь Малороссіи отъ 1600 года до нашего времени" и неутомимо работалъ надъ нимъ, не смотря на тяжкую болѣзнь, которая въ томъ же году постигла его и наконецъ свела въ могилу. Но сборникъ „не былъ приведенъ въ одно цѣлое", а потому для изданія изъ него выбрана только часть. За книжкой объ „Обычаяхъ и повѣрьяхъ" должны были послѣдовать: „Сравненіе мѣръ, вѣсовъ, а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1855 годъ" и „Исторія монастырей въ Малороссіи", — которыя, однако, остались, кажется, неизданными.

Предметы, названные въ заглавіи книги Маркевича, излагаются имъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ: праздничные обряды и повѣрья, въ календарномъ порядкѣ, начиная съ новаго года—гаданье, колядки, весеннія пѣсни и игры; отдѣльныя повѣрья и суевѣрья; знахарская ботаника [3]) и леченье болѣзней; заговоры (любощи); подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ; простонародная кухня и напитки. Въ описаніи рождественскихъ праздниковъ Маркевичъ далъ подробное изложеніе „Вертепа" (стр. 27—65). Этнографическій матеріалъ, изложенный Маркевичемъ, далекъ отъ полноты, но книга любопытна какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ правильнаго собиранія матеріала. Изданный имъ „Вертепъ" тогда въ первый разъ явился въ печати.

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Маркевича, нашлось много литературныхъ работъ, какъ напримѣръ переводы изъ „Донъ-Жуана" Байрона, переводъ чуть ли не всего Шиллера (отсюда нѣкоторыя пьесы помѣщены въ изданіи Гербеля), множество стихотвореній, начало энциклопедическаго словаря, и кромѣ упомянутыхъ трудовъ о малорусскомъ бытѣ, начало словаря малорусскаго языка, и служившая

---

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Извлечено изъ книжки го народнаго быта и составлено Николаемъ Маркевичемъ. Издалъ И. Давиденко. Кіевъ, 1860. 8°. 171 стр. Съ эпиграфомъ, который, повидимому, прибавленъ издателемъ: „Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества.—Изъ частной переписки автора".

[2]) Цензурное разрѣшеніе на книгѣ—отъ 7 марта; на добавочномъ листкѣ, гдѣ помѣщено предисловіе издателя Давиденко,—цензурная помѣта отъ 15 сентября 1860.

[3]) Излагая эту знахарскую ботанику, Маркевичъ замѣчаетъ (стр. 86): „Въ 1829 году въ „Телеграфѣ" и въ 1832 году особенной книжкою я издалъ [illegible] [illegible] почти всѣхъ этихъ травъ въ стихахъ".

всѣмъ этимъ работамъ значительная библіотека. Наконецъ, Маркевичъ не оставлялъ и малорусской музыки. „Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью,—говоритъ знавшій его Л. М. Жемчужниковъ, — и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсенъ, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсенъ въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсенъ, одной думы „Савва Чалий“, „Вертепа“ съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсенъ и 14 коровайныхъ“. Г. Жемчужниковъ не брался оцѣнивать этотъ трудъ, ссылаясь на „давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго“ (надо думать, что этой полной вѣрности въ записяхъ Маркевича не доставало), но онъ находитъ въ этомъ трудѣ Маркевича другое достоинство, а именно, вѣрное пониманіе характера малорусской музыки. „Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье, и на авторитетъ старыхъ людей“. Этотъ сборникъ остался неизданнымъ. Упомянутое богатое собраніе рукописей и документовъ, относящихся къ малорусской исторіи, Маркевичъ, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни уже сильно больной и неспособный къ работѣ, рѣшился продать другому замѣчательному любителю и собирателю, помѣщику полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. Къ счастію, этимъ коллекція Маркевича была сохранена. Впослѣдствіи этотъ „Маркевичевскій архивъ“, въ составѣ богатаго собранія самого Лукашевича, изъ множества цѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, былъ пріобрѣтенъ въ Московскій Румянцовскій музей въ 1870 году [1]).

Другимъ подобнымъ этнографомъ стараго вѣка былъ Николай Вас. Закревскій (ум. 29 іюля 1871, въ Москвѣ). Онъ извѣстенъ двумя трудами. Одинъ изъ нихъ посвященъ былъ исторіи и описанію Кіева и вышелъ въ первый разъ въ 1858 г. [2]), а затѣмъ, въ весьма рас-

---

[1]) См. Воспоминанія о Н. А. Маркевичѣ, Н. Макарова, „Основа“, 1861, январь, стр. 293—287; Замѣтка къ этой статьѣ, Л. Жемчужникова, тамъ же, февр. 185—187: ср. замѣтку Ив. Павловскаго, въ „Р. Старинѣ“, 1874, май, стр. 206; о собраніи Лукашевича—въ „Отчетѣ Моск. Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1870—1872 годъ“, М. 1878, стр. 8 и слѣд. и въ частности объ архивѣ Маркевича, стр. 32—34.

Относительно литературной дѣятельности Маркевича надо еще прибавить, что свои историческіе матеріалы и изслѣдованія онъ сообщалъ частію въ „Маякѣ“ (до изданія „Исторіи Малороссіи“), 1840, кн. 5; 1841, кн. 13, 22, 24; 1842, т. I; и въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847—48, кн. IX; 1848, кн. I; 1858, кн. IV.

[2]) Лѣтопись и описаніе города Кіева. Н. Закревскаго. Съ 4-мя рис. и планомъ Кіева. М. 1858.

ширенномъ изданіи, сдѣланномъ на счетъ московскаго Археологическаго Общества, въ 1868 году [1]). Книга встрѣчена была вообще съ большимъ сочувствіемъ. Максимовичъ писалъ о ней какъ о дорогомъ подаркѣ для Кіева: „Честь и слава графу А. С. Уварову и всему московскому Археологическому Обществу, не пощадившему иждивенія на изданіе этой обширной книги. Хвала трудолюбивому уроженцу кіевскому, такъ усердно и долго работавшему надъ описаніемъ древней матери городовъ русскихъ! Полнотою содержанія оно превосходитъ всѣ бывшія доселѣ описанія и обозрѣнія Кіева: это, можно сказать, запасный магазинъ всякихъ извѣстій, свѣдѣній, мнѣній и соображеній, древнихъ и новыхъ, о богохранимомъ градѣ" [2]). Но Максимовичъ находилъ уже крупные недосмотры въ книгѣ Закревскаго; и еще больше видѣлъ ихъ Костомаровъ [3]), хотя находилъ въ ней и немало соображеній справедливыхъ и проницательныхъ. Историческіе взгляды Закревскаго не шли глубже Карамзина, нерѣдко неточны или совсѣмъ ошибочны; изъ массы приводимыхъ имъ отдѣльныхъ фактовъ и указаній онъ не создаетъ цѣльной послѣдовательной картины. Книга была вообще старомодная, въ томъ родѣ, какъ въ тѣ же годы писалъ исторію Москвы Снегиревъ; въ ней было собрано, однако, много матеріала и она все-таки была лучшей книгой по своему предмету.

Къ этнографіи относится другой трудъ Закревскаго: „Старосвѣтскій Бандуриста", изданный въ 1860—61 годахъ [4]).

Мы не имѣемъ біографическихъ свѣдѣній о Закревскомъ. Въ предисловіи своего „Бандуристы" онъ подписался кіевляниномъ; малорусскій языкъ называетъ своимъ природнымъ, хотя замѣчаетъ, что многіе годы провелъ внѣ своей родины; онъ ревностный малорусскій патріотъ—напр., съ жаромъ защищаетъ право малороссіянъ имѣть маленькую литературу на своемъ родномъ языкѣ, хотя защита не совсѣмъ удовлетворительна по своимъ аргументамъ, и самую литературу онъ понимаетъ только въ очень скромныхъ предѣлахъ. Въ этнографіи, Закревскій былъ опять любитель старомодный. Въ его

---

[1]) Описаніе Кіева. Сочиненіе Николая Закревскаго. Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано иждивеніемъ Московскаго Археологическаго Общества. Два тома, съ атласомъ въ 18 листовъ. М. 1868. 955 стр.

[2]) Въ „Письмахъ о Кіевѣ", въ газетѣ Погодина „Русскій", 1868, и въ отдѣльномъ изданіи (Спб 1871).

[3]) Рецензія въ „Вѣстн. Евр." 1868, кн. 4, стр. 949—958.

[4]) Старосвѣтскій Бандуриста. Книга первая: Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. Книга вторая: Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки. Книга третья: Словарь малороссійскихъ идіомовъ. Составилъ Николай Закревскій. М. 1860—61. Всѣ три книги въ одномъ томѣ, VIII и 628 стр.

собраніяхъ, — кромѣ словаря, — немногое принадлежитъ ему самому, но онъ желалъ соединить разбросанный матеріалъ, пополняя его своимъ собственнымъ, съ цѣлью облегчить знакомство съ малорусской народностью для желающихъ.

Въ собраніи пѣсенъ (къ которымъ иногда прибавлялъ бытовые и историческіе комментаріи) Закревскій не гонится за непремѣнной народностью ихъ происхожденія, и рядомъ съ народными помѣщаетъ пѣсни литературныя, напр., Котляревскаго—на томъ, конечно, основаніи, что онѣ были очень распространены и любимы въ малорусской публикѣ.

Въ собраніи пословицъ, Закревскій воспользовался многими прежними изданіями: книгой „Галицкихъ приповѣдокъ и загадокъ" Гр. Ильковича (Вѣна, 1841), „Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ", собранныхъ В. Н. С. (Смирницкимъ, Харьковъ, 1834), небольшими собраніями въ „Грамматикѣ" І. Левицкаго (по-нѣмецки, Перемышль, 1834), Павловскаго (Спб. 1818), въ „Ужинкѣ" Н. Гатцука; пословицами, разбросанными въ сочиненіяхъ на малорусскомъ языкѣ, и наконецъ прибавилъ до 300 пословицъ, которыя ему самому „удалось удержать въ памяти отъ молодыхъ лѣтъ" [1]). Небольшое собраніе загадокъ также собрано изъ книгъ: изъ того же Ильковича, изъ „Ластовки" Гребенка (сборничекъ Л. Боровиковскаго), изъ „Малорусскихъ и галицкихъ загадокъ" Сементовскаго (Кіевъ, 1851); нѣсколько прибавлено самимъ издателемъ.

Третью книгу составляетъ словарь. Здѣсь было всего больше работы самого Закревскаго: онъ опять воспользовался прежнимъ матеріаломъ—списками словъ, прибавленными къ нѣкоторымъ сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ, но такъ какъ эти списки были очень незначительны по количеству словъ, то главнымъ источникомъ словаря послужили самыя сочиненія на малорусскомъ языкѣ, выходившія въ Россіи и Галиціи, не только новѣйшія, но также старыя и рукописныя, и наконецъ составитель словаря пользовался собственнымъ знаніемъ родного языка. Словарь (стр. 255—615) вышелъ довольно значителенъ и можетъ быть полезнымъ матеріаломъ для будущаго полнаго малорусскаго словаря. Здѣсь указываются иногда сходныя слова польскія, особое значеніе словъ, извѣстныхъ въ русскомъ языкѣ; указывается иногда, гдѣ слово употреблено у новѣйшихъ писателей или въ старыхъ памятникахъ, т.-е. дѣлается отчасти то, что требуется теперь въ правильныхъ историческихъ словаряхъ языка, —но словарь остается не весьма удовлетворителенъ. Въ концѣ приложенъ

[1]) Въ сборникѣ Ильковича было до 2700 пословицъ, у В. Н. С.—587, у Левицкаго-148, у Павловскаго—146, у Гатцука—нѣсколько сотъ.

длинный рядъ указаній на тѣ старые памятники и новѣйшія сочиненія, изъ которыхъ Закревскій почерпалъ свой лексическій матеріалъ. Въ предисловіи онъ останавливается на вопросахъ о началѣ малорусскаго языка, различныхъ мнѣніяхъ ученыхъ по этому предмету, на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и т. д., все это опять въ старомодномъ стилѣ безъ знакомства съ научнымъ филологическимъ методомъ, но не безъ практическаго знанія и здраваго смысла. Списокъ сочиненій, служившихъ источникомъ для словаря, былъ въ свое время довольно полнымъ обзоромъ тогдашней малорусской литературы, и къ названіямъ книгъ Закревскій нерѣдко прибавлялъ краткую оцѣнку ихъ значенія. Въ послѣсловіи къ словарю онъ такъ говоритъ объ этомъ спискѣ и о самой своей работѣ: „Здѣсь показаны тѣ только источники, коими я пользовался; чего не видалъ, о томъ и не говорю. Понятно, что краткія замѣтки, сопровождающія названія книгъ, предназначены не для знатоковъ; но есть люди, и ихъ не мало, коимъ и эти намеки будутъ не безполезны. Въ заключеніе почитаю нужнымъ сказать, что составленіемъ этого словаря началъ я заниматься съ 1840 г., а окончилъ этотъ трудъ вмѣстѣ съ изданіемъ онаго въ половинѣ 1861 года. Въ теченіе всего времени собрано мною 11,127 идіомовъ. Но этимъ исчерпана только небольшая часть богатства выраженій Южно-Русскаго нарѣчія. Многаго не удалось мнѣ замѣтить, а еще бо̂льшаго числа словъ я и не слыхалъ потому, что съ 1829 года я постоянно былъ удаленъ отъ моей родины и не имѣлъ средствъ побывать въ разныхъ мѣстахъ оной. Впрочемъ, для составленія полнаго словаря, съ означеніемъ всѣхъ оттѣнковъ каждаго идіома, недостаточно одной жизни человѣческой и однѣхъ силъ его, какъ бы онѣ велики ни были. Чтобы достигнуть этой цѣли, потребны и время, и совокупныя силы многихъ любителей и знатоковъ народности, что, впрочемъ, при нынѣшнемъ развитіи (прогрессѣ), не замедлитъ исполниться. Съ этимъ убѣжденіемъ и я охотно приношу свою посильную лепту въ общую сокровищницу народнаго образованія. Для будущихъ составителей, коихъ оказывается не малое число, трудъ мой будетъ служить матеріаломъ и̯ пособіемъ. Помогай, Боже!—До готовои колоди добре огонь пôдкладати“.

Какъ расходились этнографическіе понятія и пріемы Закревскаго съ тѣми, какіе вырабатывались уже въ новомъ поколѣніи работниковъ въ этой области, можно было видѣть изъ разбора „Бандуриста“ въ статьѣ тогда очень молодого дѣятеля, П. С. Ефименка [1]. Критикъ внимательно разобралъ всѣ отдѣлы книги Закревскаго и никакъ не могъ съ ней помириться,—ни въ отдѣлѣ пѣсенъ, куда За-

[1]) „Основа“, 1862, октябрь, стр. 27—48.

кревскій не задумываясь подбавлялъ новѣйшихъ стихотвореній; ни въ пословицахъ, гдѣ многое издано неправильно и не имѣетъ объясненій, которыя бывали бы нужны и возможны; ни наконецъ въ словарѣ, гдѣ много словъ объяснено совершенно неправильно и гдѣ было видно, что составитель, давно покинувъ Малороссію, позабылъ языкъ.—Закревскій собирался продолжать свой сборникъ и помѣстить въ слѣдующихъ его частяхъ выборъ изъ современныхъ писателей, статьи историческія, статьи нравоучительныя изъ старопечатныхъ малороссійскихъ книгъ, наконецъ грамматику. Критикъ не ждалъ здѣсь ничего путнаго и свой разборъ оканчивалъ тоже малорусской поговоркой: „Впрочемъ,—дай, Боже, нашому теляті вовка піймати".

Мы не будемъ останавливаться на другихъ этнографическихъ работахъ того времени, какъ, напр., Сборникъ пословицъ В. Н. С., Загадокъ—Сементовскаго и т. п., представляющихъ тотъ же характеръ, какой мы видѣли въ трудахъ Маркевича и Закревскаго, и перейдемъ къ тѣмъ новымъ этнографическимъ собраніямъ и изслѣдованіямъ, которыя принадлежатъ уже новѣйшему періоду малорусской этнографіи и характеризуются гораздо болѣе широкимъ объемомъ изысканій, а вмѣстѣ и болѣе серьезнымъ пониманіемъ научныхъ требованій.

Съ шестидесятыхъ годовъ въ малорусской этнографіи выступаютъ новыя силы, выроставшія въ условіяхъ нашей общественной жизни конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, проникнутыя если не болѣе теплымъ чувствомъ къ малорусской родинѣ, чѣмъ ихъ предшественники, то едва ли не съ большей ревностью въ самой работѣ и съ большимъ чувствомъ солидарности въ предпріятіяхъ, которыя должны были служить и для пользы науки, и для пользы родного общества и народа. Новый рядъ дѣятелей уже выступалъ въ „Основѣ" и затѣмъ, вмѣстѣ съ другими молодыми силами, заявилъ себя замѣчательными трудами какъ въ малорусской этнографіи, такъ и въ исторіи и археологіи.

Остановимся прежде всего на дѣятельности лица, труды котораго занимаютъ первостепенное мѣсто въ новѣйшей малорусской этнографіи. Безвременно кончившій свою жизнь, Чубинскій, въ немногіе годы совершившій замѣчательный трудъ по собиранію и истолкованію обширнаго этнографическаго матеріала, можетъ служить типическимъ представителемъ научно-литературнаго труда и мѣстнаго патріотизма, развитіемъ которыхъ отмѣчены шестидесятые годы. Это былъ своеобразный талантъ, человѣкъ неутомимой энергіи и глубокой преданности своему дѣлу. Тѣ обвиненія, которыхъ такъ много бросалось въ

послѣднее время противъ „украинофильства", падали передъ трудами этого человѣка, который былъ именно искренній украинофилъ и мѣстный патріотъ. Счастливый случай далъ ему возможность, хотя въ одномъ отношеніи, проявить одушевлявшее его чувство и запечатлѣть его положительнымъ трудомъ.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій происходилъ изъ небогатой дворянской семьи и родился 15 января 1839 года въ мѣстечкѣ Борисполѣ, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи. Онъ учился во второй кіевской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1861 году, кандидатомъ по юридическому факультету. По окончаніи курса, Чубинскій вернулся на родину, но уже въ 1862 году, вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, былъ высланъ изъ Кіева въ архангельскую губернію. Въ трудномъ положеніи ссыльнаго поднадзорнаго человѣка, Чубинскій успѣлъ найти возможность работы, которая мало-по-малу улучшила его положеніе и вмѣстѣ положила начало его обширнаго этнографическаго опыта. Въ короткое время онъ сдѣлался виднымъ человѣкомъ, знанія и рабочая сила котораго очень цѣнились мѣстной администраціей. Съ начала 1863 года онъ поступилъ на службу въ архангельскомъ краѣ, которую продолжалъ до марта 1869 года, и за это время проходилъ самыя разнообразныя должности, напр., слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, младшаго, а потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія; смотря по надобности въ его работѣ, онъ занималъ то одну, то другую изъ этихъ должностей, не измѣняя только своей службѣ въ статистическомъ комитетѣ. Въ эти годы Чубинскій своими трудами по изученію сѣвернаго края уже обратилъ на себя вниманіе самой петербургской администраціи и ученаго статистико-этнографическаго круга. Въ невольное пребываніе на сѣверѣ онъ успѣлъ столько работать, что уже тогда избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ импер. московскаго Общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ импер. Вольно-экономическаго Общества, членомъ-сотрудникомъ импер. Географическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Тогда же Географическое Общество присудило ему серебряную медаль „въ изъявленіе особенной признательности за полезные его труды, сообщенные Обществу". Въ 1867 году онъ получаетъ уже, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ обществъ Географическаго и Вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ бассейнѣ Сѣверной Двины; съ апрѣля до октября этого

года онъ объѣхалъ семь губерній сѣвернаго края и, обработавъ добытые матеріалы, представилъ ихъ упомянутымъ обществамъ, отъ имени которыхъ они изданы были вмѣстѣ съ изслѣдованіями другихъ бассейновъ. Около того же времени, Чубинскій участвовалъ въ работахъ оффиціальной коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края. Въ 1869 году его труды приняли другое направленіе. Еще со времени польскаго возстанія, Географическое Общество задумало спеціальное изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніи; предпріятіе долго не осуществлялось за неимѣніемъ лицъ, которымъ оно могло быть поручено; теперь для края юго-западнаго Общество остановило свое вниманіе на Чубинскомъ, который пріобрѣлъ уже репутацію опытнаго изслѣдователя. Заручившись предложеніемъ Общества, Чубинскій вышелъ въ отставку, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе жить въ столицахъ и юго-западномъ краѣ; въ мартѣ 1869, выбранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества, а въ маѣ на него возложена была, съ высочайшаго соизволенія, экспедиція въ юго-западный край для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій. Въ январѣ 1870 онъ во второй разъ получилъ отъ Географическаго Общества серебряную медаль за изданный имъ „Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи". Любопытно, что это была еще юношеская работа его, а именно кандидатская диссертація, которая была теперь имъ вновь пересмотрѣна и дополнена.

Экспедиція Чубинскаго — одно изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій, какія только были сдѣланы въ нашей этнографіи; на ряду съ нимъ иные ставили развѣ только знаменитый трудъ Оскара Кольберга; изъ этнографовъ русскихъ подобную энергію показалъ, можетъ быть, только Гильфердингъ—въ изслѣдованіи олонецкаго края. Экспедиція Чубинскаго весьма знаменательна и относительно малорусской народности—по богатству собраннаго здѣсь народно-поэтическаго содержанія, и относительно малорусскаго общества — по обилію готовыхъ трудовъ, которыми Чубинскій могъ воспользоваться въ своемъ предпріятіи. Краткость срока, въ теченіе котораго онъ исполнилъ возложенную на него задачу, дѣлаетъ его успѣхъ по-истинѣ изумительнымъ. По плану Географическаго Общества, изслѣдованіе должно было обнять три юго-западныя губерніи: кіевскую, волынскую и подольскую. Чубинскій распространилъ изслѣдованіе и на части губерній минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ малорусскимъ народомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1869 и 1870, онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по юго-западному краю, много работалъ самъ, съ содѣйствіемъ пяти молодыхъ людей,

ких этнографическихъ изысканій, то цѣнность собраннаго матеріала окажется еще болѣе высокой.

Результаты трудовъ Чубинскаго начали поступать въ Географическое Общество съ половины 1870 года. Особая коммиссія, составнная въ Обществѣ по экспедиціи въ западный край, разсматривала, своей средѣ и при содѣйствіи другихъ спеціалистовъ, поступавшій теріалъ и отнеслась къ нему вообще съ полнымъ одобреніемъ. Въ нцѣ 1871 года рѣшено было приступить къ ихъ изданію и „Труды нографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, ряженной Имп. Р. Географическимъ Обществомъ (юго-западный дѣлъ: матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинимъ)"—вышли въ свѣтъ въ теченіе 1872—78 годовъ въ семи томахъ, составившихъ въ сложности около 300 печатныхъ листовъ. атеріалъ малорусской этнографіи разросся здѣсь до размѣровъ, даю превысившихъ все то, чѣмъ она владѣла до сихъ поръ. Такъ, ѣдѣнія, собранныя здѣсь относительно народныхъ вѣрованій (перй томъ „Трудовъ"), дали цѣлый обширный обзоръ народныхъ юдставленій, о которыхъ прежняя литература сообщала только отрывочныя безсвязныя данныя [1]). Томъ трудовъ (II-й), посвященный родному дневнику, т.-е. изложенію повѣрій и обычаевъ, относяихся къ годовому народному быту, также гораздо обширнѣе того, о являлось до тѣхъ поръ въ литературѣ, напр. у Максимовича Дни и мѣсяцы украинскаго селянина") или въ упомянутой книжкѣ аркевича, или доставляло важныя дополненія и варіанты къ пообнымъ дневникамъ Петрушевича, Калинскаго, Селиванова и др. дѣлъ сказокъ (томъ третій) весь былъ собранъ вновь и также по ъему превосходитъ всѣ прежнія собранія [2]). Томъ IV-й посвященъ ту домашнему: примѣтамъ, обрядамъ и пѣснямъ, относящимся до

[1]) Вотъ, напр., краткій обзоръ содержанія перваго тома, посвященнаго вѣровамъ и суевѣріямъ, загадкамъ и пословицамъ и колдовству. Глава I—Небо, солнце, на, звѣзды, млечный путь, кометы, громъ и молнія, тучи, снѣгъ, морозъ, вихрь т. д. Глава II — Земля, вырій, море, вода, огонь, горы, пропасти и курганы. ава III—Царство животныхъ; леченіе болѣзней домашнихъ животныхъ, птицы, гады, бы, насѣкомыя, заклинанія, относящіяся къ животнымъ. Царство растеній: разныя ревья и растенія. Заклинанія, относящіяся къ растеніямъ. Глава IV — Человѣкъ. іены человѣческаго тѣла. Разныя дѣйствія. Заклинанія. Жилище, хозяйственныя стройки, орудія и утварь. Хозяйственныя орудія. Одежда, пища и сосуды для нея. леченіе болѣзней. Глава V — Міръ духовный, духовныя пѣсни. Черти. Духи-человѣки. Миѳическія существа. Олицетворенія. Превращенія. Загадки и пословицы. Колдовство.

[2]) Сосчитано было, что до появленія сборника Чубинскаго, всѣхъ малорусскихъ сказокъ было напечатано только до 170; сборникъ Рудченка заключалъ 137 сказокъ; великорусскій сборникъ Аѳанасьева—252 и варіанты, въ собраніи Чубинскаго—296 номеровъ.

родинъ, крестинъ и, главное, до свадьбы со всѣми подробностями сватанья, вѣнчанья и свадебныхъ обрядовъ и празднованія; кромѣ общаго изложенія обряда, сведеннаго изъ множества частныхъ наблюденій, здѣсь описано еще нѣсколько отдѣльныхъ обрядовъ и помѣщено 1,943 свадебныхъ пѣсенъ. Пятый томъ занятъ громаднымъ собраніемъ пѣсенъ бытовыхъ: пѣсенъ любовныхъ, изображающихъ всякія обстоятельства подобныхъ отношеній, счастливыя и несчастныя; пѣсенъ семейныхъ, изображающихъ всякія положенія лица въ семьѣ; пѣсенъ бытовыхъ — козацкихъ, гайдамацкихъ, рекрутскихъ, солдатскихъ, бурлацкихъ, чумацкихъ, пѣсенъ изъ временъ крѣпостной зависимости, сословныхъ, пьяницкихъ, наконецъ, пѣсенъ шуточныхъ. Всѣхъ пѣсенъ помѣщено въ этомъ томѣ 1884. Шестой томъ посвященъ народнымъ юридическимъ обычаямъ: здѣсь помѣщенъ упомянутый трудъ профессора Кистяковскаго: „Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее ихъ положеніе"; затѣмъ, статья самого Чубинскаго: „Краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленный на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній", и при этомъ цѣлая масса рѣшеній волостныхъ судовъ, съ подробнымъ предметнымъ указателемъ. Наконецъ послѣдній, седьмой, томъ заключаетъ въ себѣ статьи этнографическія и статистическія о полякахъ, евреяхъ и другихъ племенахъ не-малорусскаго происхожденія, и во второй половинѣ этого тома даны слѣдующія статьи: Краткая характеристика малоруссовъ; Статистическія данныя о малорусскомъ населеніи; Жилище, утварь, хозяйственныя постройки и орудія; Одежда, пища и увеселенія малоруссовъ; Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины; Нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ-собственниковъ юго-западнаго края. Наконецъ, къ седьмому тому прибавлено три большихъ и прекрасно исполненныхъ карты, представляющихъ: 1) южно-русскіе нарѣчія и говоры, 2) еврейское населеніе юго-западнаго края и 3) карту католиковъ, а въ томъ числѣ и поляковъ юго-западнаго края.

Таково было грандіозное предпріятіе, совершенное Чубинскимъ въ очень короткій промежутокъ времени. Оно не могло не вызвать полной дани уваженія къ научно-патріотической ревности, съ какою оно было исполнено. Географическое Общество въ 1873 году присудило Чубинскому золотую медаль „за совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное пріобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію". А затѣмъ (что было весьма необычно), оно ходатайствовало въ 1877 г. о зачисленіи ему въ государственную

службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и соединеннымъ съ нею работамъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неусыпнымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народной поэзіи населенія юго-западнаго края“, и ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. На международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1875 году, Чубинскій получилъ золотую медаль второго класса за труды по этнографіи и статистикѣ, а въ 1879, Академія наукъ назначила ему Уваровскую премію за „Труды экспедиціи“, по рецензіи А. Н. Веселовскаго [1]).

Рецензія г. Веселовскаго даетъ понятіе о богатомъ матеріалѣ для изученія народнаго быта и поэзіи, какой заключенъ въ „Трудахъ экспедиціи“ и который представлялъ обильную почву для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Этотъ матеріалъ открывалъ множество новыхъ чертъ народно-поэтическаго содержанія, вызывалъ новыя изысканія, снова возбуждалъ вопросъ о методѣ; само собой разумѣется, что въ тоже время этотъ трудъ не разъ долженъ былъ вызывать замѣчанія критики, — но отношеніе критики къ труду Чубинскаго прекрасно выражено словами г. Веселовскаго: „передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны бы опуститься стыдливо — потому именно, что его добыча легка и побѣда ничтожна, и что въ трудѣ, потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала, не могутъ не встрѣтиться мелкіе промахи и недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія“. Въ концѣ рецензіи, г. Веселовскій говоритъ: „я долженъ признаться, что часто отвлекался отъ критики въ область соображеній и развитій „по поводу“. Таково свойство труда, обильнаго внутреннимъ содержаніемъ, что онъ вызываетъ и не разъ еще вызоветъ подобныя увлеченія. По богатству этнографическихъ данныхъ, по общему сходству плана, я знаю лишь два труда, съ которыми можно сравнить „Матеріалы и изслѣдованія“: „Людъ“ Кольберга и неконченную пока Bibliotеca delle tradizioni popolari siciliane, Питре, разсчитанную на 15 томовъ. Богатство собранныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ не только о значительной затратѣ знанія и силъ, но и объ организаторской способности и „неутомимой энергіи“, которую признала и оцѣнила въ г. Чубинскомъ коммиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“.

Къ сожалѣнію, всѣ эти труды, такъ высоко оцѣненные строгою научною критикой, далеко не обезпечивали матеріальнаго положенія Чубинскаго и, живя на югѣ, онъ принужденъ былъ отъ работъ по

[1]) См. Отчетъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1880.

[illegible] Чубинскій пролежалъ четыре года [illegible] его страданій[4]. Онъ умеръ [illegible] мая 1884 года.

По складу ума, личному характеру, по пріемамъ изс[illegible] Чубинскій былъ замѣчательнымъ этнографомъ-собирателе[illegible] отличнымъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ въ этой области русск[illegible] Это былъ человѣкъ разнообразно даровитый: мы говорили [illegible] утомимомъ трудолюбіи; но, какъ показываютъ самыя его ра[illegible] былъ вмѣстѣ умъ практическій, который быстро освоивался [illegible] жающимъ бытомъ въ самыхъ разнообразныхъ его сторон[illegible] умѣлъ мѣтко наблюдать народный обычай, схватывая его су[illegible] ими черты, выслушать и записать пѣсню и сказку, тутъ ж[illegible] статистическія данныя, разыскать на мѣстѣ знающихъ люде[illegible] дать своей работѣ цѣльность и многосторонность. Это бы[illegible] мѣнный организаторскій талантъ, способный предначерта[illegible] работы, выбрать исполнителей и довести до конца слож[illegible]

кій,—говорилъ о немъ близкій ему и нынѣ также покойный
скій,—отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотли-
нъ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не
ороссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда
кности рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ. Не это ли до-
ему привязанность многихъ? Въ общественныхъ дѣлахъ это
практическій, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ
ь большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и
залъ выполненіемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ,
щенныхъ, тратилъ и свои. Если бы не правительственная
которою онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ
овъ, болѣзнь постигла бы его въ тяжкомъ экономическомъ
и и семья его осталась бы вполнѣ необезпеченною. Покой-
ерпѣлъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были
нпаго, а не личнаго свойства". Тотъ же біографъ прибав-
обопытную, мало извѣстную, черту характера Чубинскаго:
ѣлъ прекраснымъ даромъ слова и не былъ лишенъ поэти-
вдохновенія; одно изъ неизданныхъ его стихотвореній такъ
но и оригинально, что галицкіе русины сочли его за про-
Шевченка и помѣстили въ своемъ полномъ собраніи сочи-
го малорусскаго поэта.
кладу понятій, Чубинскій принадлежитъ къ той начальной
ошлаго царствованія, когда, съ новымъ поворотомъ общества
правительства, въ благороднѣйшихъ умахъ и сердцахъ вы-
глубокое стремленіе служить народу, посвятить ему свой
знаніе, когда съ небывавшей до тѣхъ поръ силой стало раз-
изученіе народной жизни и когда вмѣстѣ съ этимъ оживи-
но забытые мѣстные элементы. Наилучшимъ выразителемъ
ремленія въ обществѣ малорусскомъ явился Чубинскій. Въ
колько помнимъ, не было еще разсказано, какой поводъ по-
причиною первой высылки Чубинскаго съ его родины. Къ
для него явилась возможность работы; его энергія нашла
ходъ въ дѣлѣ, также народномъ, и это одушевило его въ
, нелегкомъ трудѣ, который выдвинулъ его и въ глазахъ
редубѣжденныхъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, открылъ снова
любимую родину и на то же дѣло, къ какому давно лежала
. Здѣсь, вмѣстѣ съ свойствами его дарованія, заключается
іе успѣха его громадной работы, не имѣющей себѣ при-
исторіи нашей этнографіи, — и здѣсь указаніе на то, что̀
совершить чистое чувство къ родинѣ, когда ему открытъ
дѣятельности въ области науки и народоизученія.
роткой біографіи, написанной Кистяковскимъ, — другимъ

Г. П. Галаганъ [1]), и дѣлопроизводителемъ — Чубинскій, а заступающимъ его мѣсто — А. А. Русовъ. Чубинскій произнесъ при этомъ рѣчь о задачахъ, предстоявшихъ новому Отдѣлу Географическаго Общества. По мнѣнію Чубинскаго, было не случайно то, что юго-западный Отдѣлъ Географическаго Общества возникъ послѣ другихъ, послѣ оренбургскаго, сибирскаго и кавказскаго. На востокѣ русскіе представляли единственную интеллигенцію и, какъ единственные представители образованія, должны были поставить себѣ задачу изученія инородческаго востока; покоряя восточно-азіатскія страны, русскій элементъ завоевывалъ ихъ и для науки.

„Не то было въ западныхъ окраинахъ: на западѣ Россіи, до недавняго времени, первенствовала не русская интеллигенція. Русскій человѣкъ здѣсь стушевывался; конечно, были и поборники русской идеи, но все вліяніе ихъ было незначительно. Освобожденіе крестьянъ и, затѣмъ, политическія событія 1863 года перемѣнили роли.

„Русскій элементъ ожилъ. Общественное мнѣніе всей Россіи сознало свои обязанности по отношенію къ колыбели русской земли. Упрочивается бытъ русскаго крестьянина, перенесшаго вѣковое иго.

„Притекаютъ въ край русскія силы къ разнымъ поприщамъ дѣятельности.

„Развивается экономическая и умственная дѣятельность.

„Возникаютъ новыя промышленныя предпріятія, новыя ученыя общества, открываются школы для народа... Однимъ словомъ, на каждомъ шагу проявляется самодѣятельность русскаго общества; результатъ ея и—нашъ Отдѣлъ.

„Задача его — всестороннее изученіе края, а преимущественно ...нографическо-статистическое".

Чубинскій указалъ потомъ, что было уже сдѣлано для изученія ...ия въ прежнее время трудами Коммиссіи для описанія губерній ...скаго учебнаго округа, изучавшей край въ географическомъ, ...твенно-историческомъ и статистическомъ отношеніи; далѣе, военнымъ вѣдомствомъ, составившимъ подробныя топографическія карты; ...гическими комитетами; одна этнографія предоставлена была ...ъ частныхъ лицъ и только въ послѣднее время предпринята ...атистико-этнографическая экспедиція Географическаго Обще...

...порученіе пало на меня,—продолжалъ Чубинскій,—и хотя ...годаря сотрудничеству разныхъ лицъ, собрано много этно...ихъ матеріаловъ, но я могу положительно сказать, что все ...ранное, составляетъ еще небольшую долю того, чѣмъ бо...

---

[1]) ...ъ Галагана (1819—1888) въ „Кіевской Старинѣ", 1838, декабрь.

гата народная жизнь. Экспедиція, какъ учрежденіе временное, можетъ осилить только часть явленій народной жизни.

„Только постоянное учрежденіе и лишь при энергической дѣятельности можетъ мало-по-малу исчерпывать и разработывать массы произведеній народнаго быта. Отдѣлу предстоитъ широкое поприще дѣятельности. Ему предстоитъ изученіе трехъ этнографическихъ типовъ—малорусскаго, польскаго и еврейскаго, а равно экономической роли и значенія каждаго изъ этихъ элементовъ. Само собою разумѣется, что изученіе это должно стоять на *объективной почвѣ, свойственной всякой научной дѣятельности.* Тенденціозность и публицистика не сообразны съ ролью и задачей Отдѣла. Мы не должны предполагать, не должны предлагать, наше дѣло—излагать.

„Мы будемъ давать матеріалы о явленіяхъ жизни, не руководствуясь симпатіями или антипатіями,—такъ поступаетъ и наше почтенное центральное Общество: оно съ одинаковою любовью изучаетъ и великоруссовъ, и бѣлоруссовъ, и малоруссовъ, и евреевъ, и чукчей, и тунгузовъ и др.

„Намъ нужно отрѣшиться отъ естественнаго въ нашей жизни въ этомъ краѣ раздраженія, впрочемъ, законнаго тамъ, гдѣ исторія породила ненормальность явленій жизни. Мы будемъ изучать эти ненормальности, — эти патологическія явленія общественной жизни; но изучать такъ, какъ изучаютъ патологи подобныя явленія въ человѣческомъ организмѣ“.

Въ другомъ собраніи, говорилъ о задачахъ новаго общества предсѣдатель Отдѣла, Галаганъ, указывая тѣ же трудности въ краѣ, представляющемъ столько сложныхъ и противорѣчивыхъ условій жизни, и заявляя необходимость научнаго безпристрастія, ищущаго только истины.

Въ новомъ Обществѣ открылась съ самаго начала чрезвычайно оживленная дѣятельность: составлялись програмы по разнымъ отраслямъ изслѣдованія, заявлялись и представляемы были ученыя работы, дѣлались пожертвованія различныхъ предметовъ, имѣющихъ географическій и этнографическій интересъ, и это послѣднее побудило правителя дѣлъ, въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій заявить о необходимости основанія при Отдѣлѣ особаго музея предметовъ, характеризующихъ край въ этнографическомъ, промышленномъ и археологическомъ отношеніяхъ. Въ половинѣ 1873 года, Отдѣлъ предложилъ мѣстной администраціи свои услуги при производствѣ однодневной переписи города Кіева; въ Отдѣлѣ составилась для разработки этого вопроса особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Чубинскаго, который занимался уже подобнымъ предметомъ въ Архангельскѣ. Эта работа и была впослѣдствіи исполнена членами новаго

Общества. Отдѣлъ вступилъ далѣе въ сношенія съ различными учеными обществами и административными вѣдомствами и вскорѣ началъ получать довольно обильныя сообщенія ихъ трудовъ, книгъ и изданій. Число членовъ Отдѣла размножалось съ каждымъ засѣданіемъ и ко второй половинѣ года количество пожертвованныхъ этнографическихъ предметовъ доходило уже до нѣсколькихъ сотъ. Лѣтомъ того же года, г. Русовъ сдѣлалъ поѣздку по западно-славянскимъ землямъ, ознакомился съ дѣятельностью славянскихъ ученыхъ обществъ; по возвращеніи, онъ докладывалъ Отдѣлу, что всѣ славянскіе дѣятели науки и образовательной литературы, которымъ ему случалось сообщать объ основаніи новаго общества (Милетичъ, Рачкій, Сушкевичъ, Паулини, Юрчичъ, Новаковичъ и др.), очень сочувственно принимали извѣстіе о новомъ ученомъ обществѣ въ Кіевѣ городѣ, напоминающемъ всякому славянину древность его племени и взаимное родство отдѣльныхъ вѣтвей славянскаго міра, и высказывали желаніе вступить съ Отдѣломъ въ такія же отношенія, въ какихъ они находятся съ центральнымъ Обществомъ въ Петербургѣ. Г. Русовъ указывалъ особенно на необходимость вступить въ ближайшія сношенія съ литературными обществами въ Галиціи и Буковинѣ, въ изданіяхъ которыхъ заключается огромная масса этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, весьма важныхъ для работъ самаго Отдѣла. Обильныя пожертвованія этнографическими предметами, поступавшія въ отдѣлъ, внушали ревностнымъ его членамъ мечту о цѣломъ учрежденіи въ родѣ народныхъ музеевъ у западныхъ славянъ. „Г. Русовъ, — читаемъ мы въ протоколѣ засѣданія Отдѣла 23 сентября 1873 года,—заявилъ, что, по его мнѣнію, въ Кіевѣ, центрѣ большого края, съ населеніемъ далеко не бѣднымъ, Отдѣлъ всегда можетъ надѣяться на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны общества, которое, при дѣятельной пропагандѣ идеи о музеѣ со стороны Отдѣла, легко можетъ быть заинтересовано этимъ учрежденіемъ, касающимся цѣлаго края. Въ подтвержденіе такой мысли, онъ указалъ на примѣръ подобнаго сочувствія въ средѣ общества славянскихъ народовъ, съ какимъ случилось ему познакомиться лѣтомъ нынѣшняго года. Въ особенности онъ указывалъ на примѣръ малочисленной и бѣдной словацкой народности, которая съ такою энергіею отозвалась на оповѣщеніе Матицы по этому предмету лѣтъ 10—12 тому назадъ, что къ настоящему времени администрація Матицы имѣла возможность выстроить для музея большой трехъ-этажный домъ въ С.-Мартонѣ. Городокъ этотъ имѣетъ всего 2000 жителей, но въ немъ помѣщается зданіе, передъ которымъ приходится краснѣть многочисленному населенію г. Кіева и Юго-Западнаго края. Нечего и говорить уже о такихъ музеяхъ, какъ

чешскій въ Прагѣ, словинскій въ Люблянѣ (Лайбахъ), хорватскій въ Загребѣ".

Впрочемъ, оставимъ исторію благихъ начинаній и мечты дѣятелей Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества: этимъ начинаніямъ не суждено было исполниться и мечты остались мечтами, потому что самое учрежденіе, которое явилось результатомъ мѣстныхъ научныхъ стремленій и нашло такой оживленный отголосокъ въ средѣ образованнѣйшихъ людей края, уже вскорѣ должно было прекратить свое существованіе. Упомянемъ лишь о томъ, что успѣлъ сдѣлалъ юго-западный Отдѣлъ.

Въ двухъ томахъ „Записокъ" (за 1873 и 1874 годъ), которыя успѣлъ издать Отдѣлъ въ свое кратковременное существованіе, помѣщено много любопытныхъ изслѣдованій по разнымъ предметамъ географіи, статистики и этнографіи края. Такъ, здѣсь находимъ статью г. Клоссовскаго (нынѣ извѣстнаго метеоролога) по климатологіи Кіева; Антоновича—о промышленности юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи; Чубинскаго — о селѣ Сокиринцахъ; Ѳ. К. Волкова — о сельскихъ ярмаркахъ и кустарной промышленности; Лисенко — „Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаемъ"; М. П. Драгоманова—„Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ"; П. С. Иващенка — „Религіозный культъ южнорусскаго народа въ его пословицахъ"; Чубинскаго — инвентарь крестьянскаго хозяйства и пр. Въ числѣ матеріаловъ помѣщено нѣсколько любопытнѣйшихъ собраній памятниковъ народной поэзіи, напримѣръ,—Думы и пѣсни кобзаря Остапа Вересая; обширный сборникъ пѣсенъ буковинскаго народа, А. Лоначевскаго, съ историко-географическими данными о Буковинѣ, г. Купчанко,—матеріалъ совершенно новый въ русской этнографической литературѣ. Въ протоколахъ засѣданій разсѣяно не мало любопытныхъ замѣтокъ по изученію южно-русскаго края.

Отдѣльною книгой изданы были позднѣе: „Малорусскіе народные преданія и разсказы", собранные г. Драгомановымъ (Кіевъ, 1876)— также своеобразный сборникъ, какихъ еще мало представляла наша этнографическая литература, гдѣ собраны нѣкоторые мотивы сказочные, легендарныя повѣсти, мѣстныя историческія или баснословныя преданія, повѣрья и суевѣрья, народные анекдоты и т. п., доставляющіе любопытный матеріалъ для исторіи народныхъ вѣрованій и сказаній.

Таковы были разнообразныя задачи, которыя ставились и уже частію исполнялись въ новомъ обществѣ и, надо признать, ставились и исполнялись оригинально, расширяя обычные этнографическіе

пріемы новыми точками зрѣнія и интересами. То время отличалось вообще живымъ умственнымъ движеніемъ въ южно-русскомъ обществѣ, которое выразилось большимъ участіемъ въ трудахъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества; съ большимъ интересомъ встрѣчены были работы Археологическаго съѣзда, собравшагося въ Кіевѣ въ 1874 году, потому что здѣсь опять выступала между прочимъ разнообразная старина южно-русскаго края... Но это общественное оживленіе въ интересѣ науки и мѣстнаго изученія было не продолжительно. Въ 1876 году, по какимъ-то причинамъ, до сихъ поръ не выясненнымъ въ нашей печати, юго-западный Отдѣлъ Географическаго Общества былъ „временно" закрытъ; въ то же время стѣснено было печатаніе книгъ на малорусскомъ языкѣ, подвергалось запрещенію появленіе малорусскихъ пьесъ на сценѣ и малорусскихъ народныхъ пѣсенъ въ публичныхъ концертахъ; въ то время и позднѣе многіе изъ дѣятелей малорусской литературы и этнографіи, между прочимъ изъ членовъ самого юго-западнаго Отдѣла, должны были покинуть Кіевъ... Понятно, что та дѣятельность, развитіе которой мы указывали, была окончательно подорвана. Какъ дальше упомянемъ, богатство мѣстнаго историческаго и бытового интереса продолжало вызывать научную и литературную дѣятельность, но совершившіяся событія не могли не оказать своего гнетущаго дѣйствія, подавили въ зародышѣ много полезныхъ начинаній по изученію южнорусскаго народа, отнимая и нравственную бодрость, и самую возможность матеріальную... Около того же времени стали возобновляться старыя нападенія на украинофильство, заподозриванія его въ сепаратизмѣ (хотя бы даже литературномъ), — и нападенія эти, въ которыхъ было очень мало рыцарскаго, такъ какъ самимъ нападавшимъ было извѣстно, что противникъ не имѣлъ возможности отвѣчать, достигали своего печальнаго успѣха...

Въ лучшей части русской литературы и общества закрытіе юго-западнаго Отдѣла произвело тягостное впечатлѣніе. Приводимъ для примѣра корреспонденцію, писанную нѣсколько лѣтъ спустя и помѣщенную въ газетѣ, которой никто не заподозритъ въ сочувствіи какому-нибудь сепаратизму: здѣсь найдутся и любопытные факты о дѣятельности Отдѣла.

„Печальная судьба Кіевскаго Географическаго Общества, — писали изъ Кіева въ январѣ 1881 г.,—закрытаго въ 1876 году „по независящимъ обстоятельствамъ", обратила въ послѣднее время вниманіе столичной печати. Всѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ незаслуженную пріостановку дѣятельности этого ученаго общества. Но въ то время какъ столичная печать свободно сожалѣетъ о печальной исторіи съ Географическимъ Обществомъ, наши мѣстныя газеты, „по независящимъ обстоятельствамъ", хранятъ объ этомъ полнѣйшее молчаніе.

„Юго-западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества открытъ въ Кіевѣ въ 1873 году, къ концу котораго состояло дѣйстви-

тельныхъ членовъ общества 90, членовъ-соревнователей 12; всѣхъ — 102. Къ 1875 году дѣйствительныхъ членовъ было 145 и членовъ-соревнователей 13 всѣхъ—158. Мы укажемъ на дѣятельность общества только за двухлѣтній періодъ времени (1873—75). „Не смотря на эту кратковременность,—говорится въ Отчетѣ Географическаго Общества за 1874 годъ,—юго-западный „Отдѣлъ" успѣлъ занять достойное мѣсто въ ряду ученыхъ обществъ". И въ самомъ дѣлѣ: за два года изданы такіе капитальные труды въ области географіи и этнографіи, какъ „Записки Географическаго Общества", „Историческія пѣсни малорусскаго народа", „Чумацкія народныя пѣсни" (сводъ И. Я. Рудченка), „Матеріалы для исторической топографіи Кіева", брошюра „Остапъ Вересай" и другіе [1]). Объ этихъ трудахъ весьма сочувственно отозвалась не только русская печать („Знаніе", „Отечественныя Записки", „С.-Петербургскія Вѣдомости" и друг.), но и заграничная: „Revue des deux Mondes", „le Temps", „Athenaeum", „Rivista Europea", „Revue politique et littéraire", Правда (львовская), и друг. „Athenaeum", говоря объ изданіяхъ юго-западнаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества, пишетъ между прочимъ: „они даютъ чрезвычайно высокое понятіе объ ученыхъ, которыхъ горячимъ трудолюбіемъ они произведены. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ не издаютъ подобныхъ книгъ лучше, чѣмъ въ Россіи. Она чрезвычаной счастлива въ этомъ отношеніи, такъ какъ рѣдко въ другомъ мѣстѣ можно найти столь богатое поле для изслѣдованія этнологу и миѳологу".

„Если взять во вниманіе, что иностранцы, особенно нѣмцы, не очень лестнаго о насъ, русскихъ, мнѣнія, то увидимъ, что приведенная выше рецензія англійскаго ученаго журнала вызвана конечно самыми высокими достоинствами изданій „Отдѣла". Благодаря кіевскому Географическому Обществу, состоялся въ Кіевѣ въ 1874 году третій русскій Археологическій съѣздъ. Почтенный предсѣдатель съѣзда графъ Уваровъ, закрывая съѣздъ, высказалъ, что съѣздъ своимъ блистательнымъ успѣхомъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ кіевскимъ ученымъ (Антоновичъ, Житецкій, Лебединцевъ, Левченко и многіе др.), членамъ Географическаго Общества. Въ 1875 году парижскій географическій конгрессъ сдѣлалъ нашему кіевскому „Отдѣлу" весьма лестное предложеніе участвовать на выставкѣ конгресса. Участіе нашего „Отдѣла" было двоякое: во-первыхъ, въ выставкѣ коллекцій по этнографіи (модели построекъ, хозяйственныхъ орудій и инструментовъ, образцы домашней утвари, народные музыкальные инструменты, народныя игрушки, типическіе костюмы различныхъ мѣстностей юго-западнаго края, узоры, вышивки и вообще образцы малорусской орнаментики, этнографическіе альбомы и пр. и пр.), и во-вторыхъ, въ составленіи библіографическаго обзора главнѣйшихъ трудовъ, касающихся нашего края, по географіи естественно-исторической, по исторической географіи и по этнографіи.

„Сверхъ того мы укажемъ на капитальнѣйшія работы юго-западнаго „Отдѣла" русскаго Географическаго Общества по однодневной переписи города Кіева, произведенной 2 марта 1874 года. Перепись эта совершена была по просьбѣ, обращенной къ „Отдѣлу" (бывшаго) начальника края, князя Дондукова-Корсакова. „Отдѣлъ" исполнилъ чрезвычайно сложный трудъ выработки плана и научныхъ основаній переписи, подготовилъ населеніе города къ тре-

[1]) Эти указанія не вполнѣ точны: „Чумацкія пѣсни" не были изданіемъ Отдѣла, какъ и „Матеріалы для исторической топографіи Кіева"; вѣрно только, что составители обѣихъ книгъ были членами Отдѣла.

бованіямъ комитета, наконецъ блистательно совершилъ самую перепись. Трудъ разработки переписи составляетъ болѣе 50 печатныхъ листовъ in quarto. „Разработка эта,—говорится въ отчетѣ „Отдѣла“ за 1874 годъ,—произведена была согласно новѣйшимъ указаніямъ науки, и этотъ трудъ нашего „Отдѣла“ займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду статистическихъ трудовъ“. Начальникъ края, князь Дондуковъ-Корсаковъ, писалъ, между прочимъ, что, „благодаря участію и содѣйствію членовъ Общества, усердію ихъ, а главное, раціональнымъ и просвѣщеннымъ пріемамъ, перепись окончена безъ малѣйшихъ затрудненій и какихъ-либо недоразумѣній, встрѣтивъ сочувствіе жителей къ мѣрѣ, имѣющей, кромѣ научнаго значенія, еще и хозяйственный интересъ для населенія Кіева“. Таковъ отзывъ высокопоставленнаго лица о капитальной работѣ географическаго „Отдѣла“.

„За два года „Отдѣлъ“ составилъ довольно-значительную библіотеку, содержащую болѣе 1,000 книгъ и брошюръ по этнографіи, статистикѣ, земскому дѣлу, археологіи, исторіи, географіи, естественной исторіи и проч. Кромѣ того, географическое Общество имѣло музей (по географіи и этнографіи), содержащій болѣе 3,000 предметовъ одежды, украшеній, дѣтскихъ игрушекъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, коллекцій монетъ, птицъ, минераловъ и проч., и проч. Какъ библіотеку, такъ и музей, предполагалось открывать для публики. Сверхъ этихъ ученыхъ учрежденій, кіевскій „Отдѣлъ“ располагалъ также значительными денежными средствами: въ 1875 году наличными деньгами было около 4,000 рублей. Въ концѣ 1875 и въ началѣ 1876 года „Отдѣлъ“ имѣлъ въ своемъ распоряженіи такую массу этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ, что предполагалось издать болѣе десяти капитальныхъ трудовъ. Такъ отъ С. Д. Носа „Отдѣлъ“ получилъ 1,173 пѣсни, 4,873 изреченія, 158 загадокъ, 881 слово для лексикона; на 15 листахъ описаніе одежды, на 9 листахъ описаніе народнаго помѣщенія; отъ г. Манжуры получены два громадные сборника этнографическихъ матеріаловъ; отъ г. Залюбовскаго копіи рѣшеній волостныхъ судовъ въ 7 волостяхъ Екатеринославскаго уѣзда; отъ него же метеорологическія таблицы за 6 лѣтъ; отъ уѣздныхъ земскихъ управъ Полтавской и Черниговской губ. доставлены свѣдѣнія о кустарной промышленности; такія же свѣдѣнія доставлены мировыми посредниками Кіевской, Подольской и Волынской губ. Больше я не стану перечислять поступившихъ въ распоряженіе „Отдѣла“ матеріаловъ. Не касаясь другихъ матеріаловъ, укажемъ только, что пѣсенный матеріалъ долженъ былъ выйти въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ: 1) Пѣсни культа и періодическія; 2) Пѣсни жизни личной; 3) Пѣсни семейныя; 4) Пѣсни экономическія; 5) Сословныя; 6) Историческія; 7) Искусство и поученіе. Пять изъ этихъ отдѣловъ еще не тронуты, а изъ двухъ (историческія и экономическія) издана только незначительная часть. Много, много обѣщалъ для науки и жизни нашъ кіевскій „Отдѣлъ“, но, къ сожалѣнію, онъ въ 1876 году долженъ былъ пріостановить временно свою ученую дѣятельность. Съ тѣхъ поръ прошло уже четыре слишкомъ года, и за это время наука потеряла, конечно, очень много“ [1]).

„Временная“ пріостановка дѣятельности Отдѣла продолжается и до сихъ поръ.

---

[1]) Современныя Извѣстія, 1881, № 53.

Остановимся въ частности на другихъ предпріятіяхъ и дѣятеляхъ этого движенія.

Въ ряду важнѣйшихъ трудовъ по изученію Южной Руси, между прочимъ этнографическому, стоятъ изслѣдованія г. Антоновича (Владим. Бониф., род. 1834). Родомъ изъ дворянъ кіевской губ., онъ учился въ одесской гимназіи, пробылъ пять лѣтъ (1850 — 55) на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, затѣмъ перешелъ на историко-филологическій и кончилъ курсъ по этому факультету въ 1860. Пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ гимназіи и кадетскаго корпуса, онъ въ 1863 причисленъ былъ къ Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, въ которой и работалъ многіе годы. Въ 1870 онъ получилъ степень магистра по русской исторіи и занялъ каѳедру по этому предмету въ Кіевскомъ университетѣ; въ 1878 онъ получилъ степень доктора и ординатуру. Онъ былъ въ числѣ дѣятельныхъ лицъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и однимъ изъ членовъ-основателей историческаго Общества Нестора-лѣтописца, гдѣ съ 1881 былъ предсѣдателемъ. Извѣстно, какъ въ самомъ началѣ дѣятельности г. Антоновича историческое убѣжденіе повело къ глубокому перевороту въ его личной жизни; тоже убѣжденіе стало навсегда руководящей основой его научной и общественной дѣятельности.

Труды г. Антоновича всѣ сосредоточены на исторической судьбѣ Южной Руси. Они распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Во-первыхъ, труды по редакціи и изданію историческихъ памятниковъ. Онъ издалъ нѣсколько томовъ „Архива юго-западной Россіи“, „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“ (совмѣстно съ Ф. Х. Терновскимъ), „Записки Станислава Освѣцима“ („Кіевская Старина“, 1882), „Записки Карла Хоецкаго“, 1868 — 76 (тамъ же, 1883), и т. д. Въ послѣдніе годы онъ предпринялъ въ томъ же журналѣ систематическое изданіе, въ извлеченіяхъ, мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи.

Другой отдѣлъ составляютъ историческія изслѣдованія, между прочимъ вызванныя изученіемъ архивныхъ матеріаловъ. Такъ въ „Архивѣ юго-зап. Россіи“ были помѣщены изслѣдованія: „о козачествѣ“ (1863); „о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи“ (1867); „Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра“ (1868); „о городахъ въ юго-западной Руси“ (1869); „о крестьянахъ“ (1870); „объ уніи и состояніи православной церкви съ половины XVII до конца XVIII стол.“ (1871); „о гайдамачествѣ“ (1876)—какъ видимъ, изслѣдованія, касающіяся самыхъ существенныхъ отношеній внутренней жизни южной Россіи въ старое время. Другія изслѣдованія помѣщались имъ въ „Кіевскихъ Университет-

скихъ Извѣстіяхъ", какъ „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго" (1877—78, докторская диссертація); въ „Кіевской Старинѣ", напр. статья: „Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV — XVI стол". 1882) и др. Въ изданіяхъ Географическаго Общества, именно въ „Трудахъ" экспедиціи Чубинскаго, помѣщено имъ изслѣдованіе о колдовствѣ съ приложеніемъ большого количества документовъ (т. I, 1877). Не перечисляемъ многихъ другихъ частныхъ изслѣдованій. Въ 1885 г. Антоновичъ началъ цѣльное изданіе своихъ трудовъ: „Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи" (до сихъ поръ пока одинъ первый томъ). Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этихъ историческихъ трудовъ: ихъ высокое значеніе извѣстно всѣмъ, чьи занятія соприкасались съ древней и средней южно-русской исторіей. Укажемъ только одну господствующую черту этихъ изслѣдованій: въ давнихъ событіяхъ, въ отношеніяхъ населеній, въ бытовыхъ формахъ, учрежденіяхъ, въ народныхъ волненіяхъ, этотъ историкъ стремится всегда разыскать ихъ внутреннюю основу, объяснить ихъ историческую логику; его разсказъ не есть только сводъ фактовъ, анекдотическая картина быта; это—логическое разъясненіе явленій, въ которыхъ онъ старается найти руководящую черту и провести ея естественное развитіе среди сложныхъ условій, сплетающихся изъ международныхъ отношеній, изъ старыхъ преданій, народнаго характера, новыхъ возникающихъ обстоятельствъ и пр. Немногіе изъ нашихъ историковъ обладаютъ этимъ качествомъ въ такой степени и оно даетъ особенную цѣну трудамъ кіевскаго ученаго. Быть можетъ, онъ не вездѣ правъ въ частностяхъ; при недостаточной разработкѣ первоначальнаго матеріала, отъ него могли ускользнуть иныя черты историческаго явленія, но противъ его взгляда можно спорить только такимъ же оружіемъ исторической логики.

Третій отдѣлъ трудовъ его составляютъ спеціально археологичеціе, какъ въ древности исторической, такъ въ особенности до-исторической; не перечисляя длиннаго ряда его изысканій въ этой части, не относящихся къ нашему предмету, достаточно сказать, г. Антоновичъ пользуется здѣсь извѣстностью первостепеннаго ока. Наконецъ, какъ дальше скажемъ, ему принадлежатъ работы о этнографическаго характера [1]).

ъ шестидесятыхъ годовъ ревностно работалъ въ области южноой исторіи и этнографіи М. П. Драгомановъ. Полтавскій уроъ (род. 1841), онъ учился въ полтавской гимназіи и въ Кіевуниверситетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1863. Въ слѣдующемъ

[1]) іографическія свѣдѣнія см. въ „Біографическомъ словарѣ" профессоровъ университета. Кіевъ, 1884.

Остановимся въ частности на другихъ предпріятіяхъ теляхъ этого движенія.

Въ ряду важнѣйшихъ трудовъ по изученію Южной Руси прочимъ этнографическому, стоятъ изслѣдованія г. Антоновича (Бониф., род. 1834). Родомъ изъ дворянъ кіевской губ., онъ въ одесской гимназіи, пробылъ пять лѣтъ (1850 — 55) на м скомъ факультетѣ Кіевскаго университета, затѣмъ перешелъ і рико-филологическій и кончилъ курсъ по этому факультету в Пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ гимназіи и кад корпуса, онъ въ 1863 причисленъ былъ къ Временной комис разбора древнихъ актовъ, въ которой и работалъ многіе г 1870 онъ получилъ степень магистра по русской исторіи и каѳедру по этому предмету въ Кіевскомъ университетѣ; въ 1 получилъ степень доктора и ординатуру. Онъ былъ въ чис тельныхъ лицъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и изъ членовъ-основателей историческаго Общества Нестора-лѣ гдѣ съ 1881 былъ предсѣдателемъ. Извѣстно, какъ въ самомъ дѣятельности г. Антоновича историческое убѣжденіе повело бокому перевороту въ его личной жизни; тоже убѣжденіе с всегда руководящей основой его научной и общественной ности.

Труды г. Антоновича всѣ сосредоточены на историческо Южной Руси. Они распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Во труды по редакціи и изданію историческихъ памятниковъ. далъ нѣсколько томовъ „Архива юго-западной Россіи", „ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окр (совмѣстно съ Ф. Х. Терновскимъ), „Записки Станислава ((„Кіевская Старина", 1882), „Записки Карла Хоецкаго", (тамъ же, 1883), и т. д. Въ послѣдніе годы онъ пред томъ же журналѣ систематическое изданіе, въ извлечені ровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи.

Другой отдѣлъ составляютъ историческія изслѣдов прочимъ вызванныя изученіемъ архивныхъ матеріало „Архивѣ юго-зап. Россіи" были помѣщены изслѣдов чествѣ" (1863); „о происхожденіи шляхетскихъ родовъ ной Россіи" (1867); „Послѣднія времена козачества н ронѣ Днѣпра" (1868); „о городахъ въ юго-западной „о крестьянахъ" (1870); „объ уніи и состояніи право съ половины XVII до конца XVIII стол." (1871); „о (1876)—какъ видимъ, изслѣдованія, касающіяся с ныхъ отношеній внутренней жизни южной Рос Другія изслѣдованія помѣщались имъ въ „К

идущему. Это было собраніе малорусскихъ пословицъ, которое можетъ стать рядомъ съ собраніемъ Даля. Номисъ есть псевдонимъ или анаграмма фамиліи Симоновъ или Симонъ. Симоновы или Симоны были стародавній малорусскій козачій родъ; окончаніе *овъ* прибавилось къ имени еще въ прошломъ столѣтіи, когда уже начиналось оффиціальное обрусѣніе, которое между прочимъ выражалось тогда прибавкой къ малорусскимъ именамъ русскихъ окончаній. Симоновъ (Матвѣй Терентьевичъ) родился въ 1823 году; въ 1848 онъ кончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ по такъ называвшемуся тогда словесному факультету, и съ тѣхъ поръ до 1877 года, съ небольшими перерывами, состоялъ на государственной службѣ, въ разнообразныхъ должностяхъ—напримѣръ учителемъ словесности въ гимназіяхъ нѣжинской и немировской, въ государственномъ контролѣ въ Петербургѣ, въ контрольныхъ палатахъ псковской, екатеринославской, волынской, наконецъ директоромъ открытой на средства земства Лубенской гимназіи; по выходѣ въ отставку былъ одно время предсѣдателемъ лубенской земской управы, а послѣднія пять лѣтъ передъ уничтоженіемъ въ полтавской губерніи мирового суда (1 сентября, 1890) былъ въ лубенскомъ уѣздѣ мировымъ судьей и предсѣдателемъ мирового съѣзда. Литературная дѣятельность г. Симонова была немногосложна. Первымъ печатнымъ трудомъ его былъ отрывокъ изъ „Автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка" (въ Рус. Бесѣдѣ, 1858). Затѣмъ въ 1860—1864 нѣсколько работъ его было помѣщено въ сборникѣ г. Кулиша „Хата" (1860), въ „Основѣ" („Різдвяні святки", 1861, № 1, 5 — 6), въ „Черниговскомъ Листкѣ" Глѣбова (1862—63). Но главнѣйшимъ трудомъ г. Симонова было упомянутое собраніе пословицъ, которое остается до нынѣ однимъ изъ капитальнѣйшихъ произведеній малорусской этнографіи: „Украінські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. Спорудив М. Номис". Спб. 1864 (VII, 304 и XV стр. въ большую восьмушку, въ два столбца мелкой печати; до 14½ тысячъ пословицъ и до 500 загадокъ).

Это былъ уже трудъ иного рода, чѣмъ у кого-либо изъ прежнихъ собирателей: г. Симоновъ-Номисъ не довольствовался компиляціей печатныхъ сборниковъ, но имѣлъ въ рукахъ также массу собраній, составленныхъ вновь изъ устъ народа, со множествомъ варіантовъ и сличеній, съ указаніемъ при каждой пословицѣ той мѣстности, гдѣ она употребляется, и часто лица, которымъ была записана, а иногда и съ указаніемъ самыхъ источниковъ изученія, т.-е. тѣхъ разсказовъ, народныхъ анекдотовъ и сказокъ, которыхъ отдѣльныя выраженія стали пословицами. Пословицы расположены уже не по азбучному порядку перваго слова (которое легко мѣняется въ варіан-

тахъ), а по рубрикамъ содержанія, напр. въ началѣ: „вѣра, Богъ, грѣхъ, постъ, говѣть, молитва, церква, свято, чортъ, пекло, чернецъ“ и т. д., или дальше: „добрый, просьба, дарованный, старецъ, скупой, завидно, добрая надежда“ и т. д. Въ концѣ прибавленъ особый указатель для прінсканія пословицъ, по главному слову или понятію, по упоминаемымъ въ нихъ предметамъ, напр. баба, бить, братство, брехня, бурлакъ, вѣтеръ, гетманъ, глухой, голодъ, господарь, дерево (и всякія растенія), дурень, жидъ, животныя (всякаго рода), здоровье, земля, коляда, монастырь, нѣмецъ—и т. д. Указатель—чрезвычайно подробный. Словомъ, собиратель съ своей стороны положилъ много труда на то, чтобы сколько возможно облегчить пользованіе своимъ собраніемъ, т.-е. раскрыть содержаніе народнаго присловья со всѣхъ его сторонъ, чего, напр., далеко не сдѣлано въ такой степени въ собраніи Даля. Составитель сборника не принадлежалъ къ тогдашнему молодому поколѣнію этнографовъ, — но онъ былъ знакомъ съ научнымъ положеніемъ вопроса.

Обширное количество пословицъ въ книгѣ Номиса собрано было, какъ мы замѣтили, изъ коллекцій многихъ лицъ, и главное мѣсто между ними занимало собраніе Аѳ. Вас. Марковича (это былъ ревностный малорусскій патріотъ, давно уже умершій, мужъ г-жи Маркович, Марка-Вовчка). Любопытно отмѣтить здѣсь единодушіе, съ какимъ отдѣльные собиратели предоставляли свой матеріалъ для общаго дѣла [1]).

Другимъ замѣчательнымъ трудомъ новаго поколѣнія этнографовъ были сборники г. Рудченка. Новый этнографъ былъ опять связанъ съ народною жизнью родовыми воспоминаніями. Предки г. Рудченка принадлежали къ мелкому малороссійскому служилому сословію, которое несло сначала службу въ рядахъ мѣстной козацкой старшины, а потомъ въ русской службѣ; дѣдъ по отцу былъ ветеранъ 1812 года; прадѣдъ по матери, „человѣкъ греческой націи“, сражался въ семилѣтнюю войну; дѣдъ по матери былъ профессоромъ элоквенціи въ Кіево-могилянской академіи; отецъ былъ небольшимъ чиновникомъ въ Миргородѣ, гдѣ было гнѣздо этого рода. Иванъ Яковл. Рудченко родился въ Миргородѣ въ 1845 году; онъ учился въ миргородскомъ, потомъ гадячскомъ уѣздномъ училищѣ и окончивъ дважды этотъ курсъ, надѣялся поступить въ гимназію, но скудныя средства семьи не дали ему этой возможности и, вмѣсто того, его, четырнадцатилѣтняго мальчика, опредѣлили на службу въ гадячское казначейство. Дѣтство, проведенное въ Миргородѣ, въ непосредственной близости

[1]) Однимъ не малымъ недостаткомъ изданія мы считали бы чрезмѣрную краткость примѣчаній и сжатость печати. Нелегко пользоваться книгой, напечатанной сплошь мелкимъ шрифтомъ въ родѣ петита; а указатель напечатанъ нонпарейлемъ.

съ народною жизнью, привило будущему этнографу любовь къ народной поэзіи и первую мысль о собираніи ея произведеній. Когда начато было изданіе „Основы“ (1861), г. Рудченко не замедлилъ стать не только ея корреспондентомъ, но и усерднымъ этнографическимъ вкладчикомъ и въ изобиліи посылалъ сюда записанныя имъ пѣсни, сказки, преданія; но журналъ больше былъ заинтересованъ текущею жизнью, чѣмъ этнографіей,—корреспонденціи печатались, а изъ народныхъ произведеній напечатана была одна легенда [1]. Весь остальной посланный матеріалъ съ прекращеніемъ журнала затерялся.

Въ 1863, г. Рудченко перешелъ на службу въ Полтаву и получилъ повышеніе, но служба его не удовлетворяла, онъ чувствовалъ недостатки своего образованія и стремился пополнить его; въ 1864 онъ вышелъ въ отставку и на небольшія сбереженныя средства отправился въ Кіевъ, въ надеждѣ подготовиться къ университету. Надежда не осуществилась, но работалось всетаки не мало; г. Рудченко сблизился съ кіевскимъ учено-литературнымъ кругомъ и между прочимъ принялъ участіе въ „Кіевлянинѣ“, основанномъ тогда извѣстнымъ профессоромъ Виталіемъ Шульгинымъ; между прочимъ г. Рудченко помѣстилъ здѣсь и нѣсколько статей, касавшихся малорусской этнографіи [2]).

Затѣмъ снова возобновилась служебная дѣятельность: сначала въ Житомирѣ по контролю и при губернаторѣ, потомъ въ Кіевѣ, чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ при генералъ-губернаторѣ, наконецъ управляющимъ казенною палатою въ Витебскѣ и въ Херсонѣ.

Въ 1869 — 70 годахъ г. Рудченко издалъ въ Кіевѣ „Народныя южно-русскія сказки“, въ двухъ выпускахъ. До тѣхъ поръ малорусскія сказки были мало извѣстны: въ печати были только небольшіе сборнички подлинныхъ сказокъ; передавались онѣ также въ литературныхъ обработкахъ (напр. въ русскихъ сочиненіяхъ Гр. Данилевскаго или малорусскихъ — Бодянскаго, Марка-Вовчка, Стороженка) или у польскихъ этнографовъ,—но, какъ справедливо замѣчалъ новый издатель, литературная передѣлка дѣлала сказку уже негодной къ этнографическому употребленію, потому что вносился авторскій произволъ; польскіе пересказы и обработки (какъ, напр., у Новосельскаго, Руликовскаго, Осташевскаго, въ виленскомъ „Атенеѣ“ сороковыхъ годовъ) также не удовлетворяли издателя, потому что почти всегда выдавали политическую тенденцію. „При этомъ,—говорилъ г. Руд-

---

[1]) „Про зозуль, посміттюхъ и гадюкъ“, „Основа“, 1862, сентябрь.

[2]) Напримѣръ: „О чумакахъ и чумачествѣ“ (Кіевлянинъ, 1866, № 112; 1866, № 127; 1870, № 25); „Этнографическія работы въ Западномъ краѣ въ 1866 г.“ (1867, № 61, 62, 65).

ченко,—всегда имѣлось въ виду доказать, или хотя дать почувствовать читателю, что издаваемыя произведенія народнаго творчества принадлежатъ народу, который составляетъ только разновидность польскаго: понятно, что искаженныя такимъ образомъ народныя произведенія, и притомъ освѣщенныя подобнымъ свѣтомъ, оказывались далеко непригодными для изученія южно-русскаго народа". Такимъ образомъ нужно было начать самостоятельное собираніе изъ народныхъ устъ, причемъ издатель воспользовался также сообщеніями нѣсколькихъ другихъ любителей. Онъ намѣревался помѣщать въ своемъ изданіи исключительно сказки, записанныя изъ народныхъ устъ и еще нигдѣ не печатанныя, кромѣ только нѣсколькихъ сказокъ, помѣщенныхъ въ „Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ", такъ какъ это изданіе составляло библіографическую рѣдкость; но во второмъ выпускѣ г. Рудченко помѣстилъ, съ разрѣшенія собирателей, также сказки, записанныя Костомаровымъ и М. Т. Симоновымъ-Номисомъ и помѣщенныя въ почти столько же рѣдкихъ „Молодикѣ" и „Черниговскомъ Листкѣ". Онъ впрочемъ, указалъ, сколько могъ, явившіеся въ разныхъ изданіяхъ тексты малорусскихъ сказокъ. Издатель обѣщалъ и третій выпускъ своей книги. Относительно редакціи изданія, г. Рудченко не хотѣлъ принимать никакого „строго научнаго" дѣленія сказокъ (напр., на сказки миѳическаго, героическаго періода, сказки быта пастушескаго и т. п.), полагая, что такое дѣленіе являлось бы искусственнымъ въ примѣненіи къ памятникамъ, которые въ дѣйствительности могли въ одномъ и томъ же произведеніи отражать черты весьма различныхъ періодовъ народнаго развитія. Въ этомъ дѣйствительно могло не быть надобности: указывать подобныя черты было бы дѣломъ научнаго изслѣдованія, которое въ этомъ случаѣ еще не пришло пока къ положительнымъ результатамъ. Г. Рудченко руководился простымъ народнымъ дѣленіемъ, напр., помѣщалъ рядомъ сказки про звѣрей, про птицъ, про нечистую силу, про богатырей и т. п. При передачѣ текстовъ онъ не хотѣлъ пропускать ничего, что̀ могло служить также для характеристики малорусскихъ нарѣчій въ фонетическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Намъ случалось замѣчать, что подобное намѣреніе сообщать, вмѣстѣ съ *текстомъ* памятниковъ, и матеріалъ для изученія нарѣчій вообще трудно исполнимо, какъ потому, что относительно текста не совсѣмъ основательно пріурочивать къ одной мѣстности сказку или пѣсню, которая можетъ быть извѣстна на всемъ пространствѣ племени, такъ и потому, что у разныхъ, и обыкновенно мало къ тому приготовленыхъ, записывателей передача мѣстнаго говора будетъ слишкомъ неравномѣрна, а при нынѣшней постановкѣ этого дѣла въ наукѣ и требуетъ особой внимательности и спеціальной филологической

подготовки: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ изученіе памятниковъ и изученіе частныхъ говоровъ рѣдко у насъ были рядомъ исполнены удовлетворительно. Какъ увидимъ, въ другомъ своемъ трудѣ самъ г. Рудченко призналъ неудобоисполнимость подобнаго плана. Гораздо больше основаній имѣлъ другой пріемъ, а именно, что издатель далъ въ своемъ собраніи мѣсто и такимъ произведеніямъ, которыя не принадлежатъ средѣ чисто народной. Это—разсказы, „созданные полуграмотной, лакейской или солдатской жизнью, вообще жизнью промежуточныхъ слоевъ общества. Но какъ эти слои все-таки связаны сословно съ народомъ и даже, къ сожалѣнію, вліяютъ на народъ, показываясь ему въ блескѣ якобы высшей и образованной жизни,—то я не счелъ себя въ правѣ исключить изъ своего сборника и произведеній подобной среды. Я полагаю, между прочимъ, не лишено интереса видѣть, что̀ становится съ народнымъ языкомъ, поэтическими образами и самыми нравами, когда они отъ одного отстаютъ, а къ другому не пристаютъ".

Другимъ предпріятіемъ г. Рудченка были „Чумацкія народныя пѣсни" (Кіевъ, 1874). Это — одинъ изъ наилучше обставленныхъ сборниковъ народной поэзіи въ нашей этнографіи. Чумаками называются, какъ извѣстно, малорусскіе торговцы или возчики, которые отправлялись на волахъ къ Черному и Азовскому морю за солью и рыбой и развозили ихъ по южнымъ ярмаркамъ, или также занимались доставкой другихъ товаровъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ это былъ цѣлый обширный промыселъ, занимавшій много людей; чумачество создало особые нравы, обычаи и наконецъ поэзію, и г. Рудченко предпринялъ собрать пѣсни, относящіяся къ чумацкому быту, и освѣтить исторически самое явленіе. Весьма естественно принять, что чумачество сложилось не со вчерашняго дня, а напротивъ, имѣло свою давнюю исторію. Г. Рудченко полагаетъ, что начало промысла можно возвести къ первымъ извѣстнымъ вѣкамъ нашей исторіи. Въ предисловіи онъ объясняетъ этнографическій интересъ предмета, составъ своего изданія, пріемы редакціи, а затѣмъ помѣстилъ обширное введеніе, гдѣ даетъ обстоятельный этнографическій очеркъ чумачества по историческимъ памятникамъ и народнымъ пѣснямъ. Онъ говоритъ о происхожденіи этого промысла, о томъ, чѣмъ были чумаки въ старину, объ ихъ современномъ бытѣ, какъ чумаки живутъ дома, какъ совершается выѣздъ и проводы, какъ остаются домашніе послѣ проводовъ, затѣмъ „чумаки въ дорогѣ", „нападенія на чумаковъ", „чумацкіе печали и разгулъ", „смерть чумака въ дорогѣ", „ожиданіе домашнихъ и возвращеніе чумаковъ". Пѣсни собраны г. Рудченкомъ, во-первыхъ, изъ рукописныхъ сборниковъ, сообщенныхъ ему гг. Кулишомъ, И. П. Новицкимъ

. В. Ильницкимъ, Шевченкомъ, А. А. Русовымъ, и изъ записей, сделанныхъ имъ самимъ; и во-вторыхъ, изъ печатныхъ собраній русскихъ, малорусскихъ, галицкихъ и польскихъ. Въ прежнихъ изданіяхъ чумацкія пѣсни помѣщались случайно среди другого матеріала и потому давали меньше возможности для цѣльнаго обзора этого отдѣла народной поэзіи: г. Рудченко, посвятившій свой сборникъ пѣснямъ исключительно чумацкимъ или имѣющимъ отношеніе къ чумацкому быту, считалъ нужнымъ исчерпать весь сюда принадлежащій матеріалъ и привести пѣсни въ извѣстную систему. Въ этихъ пѣсняхъ издатель справедливо видѣлъ такой памятникъ народнаго творчества, который можетъ освѣтить черты быта, не записанныя исторіей. „Въ чумацкихъ пѣсняхъ,—говорилъ г. Рудченко,—до такой степени ярко и полно отпечатлѣлся не только духъ чумачества, но и строй его жизни, съ картиною быта, нравовъ, обычаевъ и обрядовъ, что пѣсни эти должны лечь въ основаніе при изученіи оригинальнаго типа малорусскаго торговца. Ему предстоитъ на нашихъ, быть можетъ, глазахъ вымираніе. По всей вѣроятности, и произведеніямъ его духа придется пережить творцовъ своихъ недолго. Вотъ почему настало время заняться систематическимъ собраніемъ и изученіемъ чумацкихъ пѣсенъ, чтобы сохранить эти драгоцѣнные памятники народнаго творчества для науки“.

Въ редакціи изданія здѣсь введенъ новый пріемъ печатанія варіантовъ, принятый тогда же гг. Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ, а потомъ и другими собирателями. Этотъ пріемъ заключается въ томъ, что издатель, чтобы избѣжать печатанія многихъ тождественныхъ стиховъ въ варіантахъ одной пѣсни, выбиралъ болѣе полный и отчетливый текстъ пѣсни и, ставя его въ основаніе, выписывалъ изъ дальнѣйшихъ варіантовъ лишь тѣ стихи, которые не были сходны съ этимъ прототипомъ, и отмѣчалъ ихъ цифрами и буквами для сравненія съ текстомъ основнымъ. Такимъ образомъ пріобрѣтался способъ сокращеннаго изданія варіантовъ, который, не загромождая сборника повтореніями [1]), отмѣчаетъ существенныя различія, и даетъ вмѣстѣ возможность, если понадобится, возстановить данный варіантъ въ цѣлости; но должно сказать, что для обыкновеннаго читателя, который не можетъ скоро привыкнуть къ дешифровкѣ сокращеній, этотъ пріемъ не совершенно удобенъ и вѣроятно заставляетъ просто пропускать эти сокращенные варіанты. Намъ кажется, что всего лучше было бы принять въ подобныхъ случаяхъ средній терминъ, а именно, сокращая варіанты немногосложные, печатать, вмѣсто длиннаго ряда цифръ и сносокъ, цѣликомъ тѣ ва-

[1]) Какъ это напр. до утомительной степени дѣлалось въ изданіяхъ г. Безсонова.

ріанты, въ которыхъ число отличій довольно значительно... Эта работа надъ варіантами дала, между прочимъ, и свои любопытные выводы. „Посводивши такимъ образомъ всѣ находившіеся у меня варіанты,—говоритъ издатель „Чумацкихъ пѣсенъ“,—я достигъ результатовъ, какихъ самъ не ожидалъ: оказалось, что всѣ варіанты эти уложились въ 65—70 пѣсенъ! Но за то пѣсни эти явились въ такомъ видѣ, въ какомъ только и возможно ихъ изученіе, а именно: все однородное сведено вмѣстѣ, все разнородное—выдѣлено“.

Изучивъ такимъ образомъ подробно чумацкія пѣсни по ихъ содержанію, г. Рудченко имѣлъ возможность расположить ихъ въ систематическомъ порядкѣ по главнымъ сторонамъ самаго чумацкаго быта, какъ онъ изложилъ ихъ во введеніи. Въ ряду пѣсенъ чисто народныхъ ему встрѣтилось и нѣсколько пѣсенъ происхожденія не народнаго, вышедшихъ изъ панскаго увлеченія народностію, но черезъ дворню и оффиціалистовъ дошедшихъ и до народа.

Что касается до языка, то послѣ новаго опыта издатель увѣрился, что при томъ способѣ собиранія, какимъ онъ долженъ былъ пользоваться, соблюденіе мѣстныхъ нарѣчій было невозможно. Онъ долженъ былъ признать, что большинство собирателей, въ томъ числѣ и тѣ, у кого онъ заимствовалъ пѣсни чумацкія, руководились вовсе не филологическими, а только тѣсно-этнографическими цѣлями, и тамъ, гдѣ отмѣчался мѣстный говоръ, невозможно было провѣрить точность записи. Въ концѣ книжки приложены ноты напѣвовъ, указатель пѣсенъ по мѣсту записи, и наконецъ небольшой словарь менѣе употребительныхъ словъ [1]).

Какъ мы сказали, издатель предполагалъ дать еще третій выпуска сказокъ. Продолженіе пока не состоялось, между прочимъ, потому что усложнялась самая работа: по выходѣ первыхъ выпусковъ (какъ сообщаетъ намъ г. Рудченко) продолжалъ прибывать матеріалъ не только со всѣхъ концовъ южной Россіи, но также изъ Галиціи (сказки, записанныя львовскими и вѣнскими студентами); издавать ихъ цѣликомъ, какъ изданы были, вслѣдствіе скудости матеріала, первые два выпуска, издатель нашелъ невозможнымъ, — это была бы большая масса совсѣмъ не систематизированнаго матеріала. Теперь, ознакомившись съ дѣломъ ближе, г. Рудченко находитъ возможнымъ, вмѣсто третьяго выпуска, повторить изданіе въ гораздо болѣе ши-

[1]) Въ примѣчаніяхъ ко 2-му выпуску „Запорожской Старины“ (стр. 109—1..), какъ сообщаетъ намъ В. П. Горленко, помѣщены двѣ очень интересныя, несомнѣнно древнія и подлинныя чумацкія пѣсни; въ сборникѣ г. Рудченка онѣ не вошли; если это не простой пропускъ, то надо думать, что онѣ не были включены въ сборникъ вслѣдствіе того, что репутація „Запор. Старины“ была слишкомъ подорвана обнаружившимися поддѣлками.

къ объемѣ, въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ и съ нѣко-рыми объясненіями.

Изслѣдованіямъ по исторіи малорусскаго языка посвящены труды Житецкаго. Сынъ священника въ Кременчугѣ, г. Житецкій (Пав. гн., род. 1836) учился въ переяславской семинаріи, въ 1857 по-анъ былъ къ Кіевскую духовную академію, отсюда въ 1860 г. по-упилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1864. Съ ихъ поръ его дѣятельность была исключительно преподавательская, › русскому языку и словесности, и научная особливо по исторіи малорусскаго языка и литературы. Преподаваніе онъ началъ въ каменецъ-подольской гимназіи, потомъ въ кіевскихъ учебныхъ за-веденіяхъ; 1880—1882 г. пробылъ въ Петербургѣ и затѣмъ снова вернулся въ Кіевъ. Первый печатный трудъ его относится ко времени Основы"; въ началѣ 1870-хъ г. онъ принималъ участіе въ трудахъ Кіевскаго отдѣла Географическаго Общества, гдѣ между прочимъ въ этнографической программѣ составленъ былъ имъ отдѣлъ о языкѣ; алѣе, принималъ участіе въ трудахъ Кіевскаго археологическаго съѣзда и здѣсь были имъ изданы отрывки извѣстнаго Пересопниц-каго Евангелія со вводною статьею. Въ 1876 изданъ былъ имъ упо-мянутый раньше „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія", составившій магистерскую дисертацію и вознагражденный Уваровскою преміею по обстоятельной рецензіи А. А. Потебни. Затѣмъ напеча-тано было имъ двѣ статьи въ „Архивѣ" Ягича: одна заключала разборъ книги Огоновскаго о Словѣ о полку Игоревѣ; въ другой былъ имъ установленъ текстъ думы о пораженіи Богдана Хмельниц-каго подъ Берестечкомъ, открытой г. Петровымъ на пустыхъ стра-ницахъ старинной книги, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627—1630 годахъ. Съ 1879 года онъ принималъ участіе въ трудахъ кіевскаго Историческаго Общества лѣтописца Нестора: выше мы упоминали [1]) споръ, какой велся въ этомъ Обществѣ по вопросу о томъ, какъ говорили кіевляне въ XIV и XV столѣтіяхъ; г. Житецкій читалъ о немъ особый докладъ [2]). Съ 1882 года, съ основаніемъ „Кіевской Старины", онъ принялъ участіе въ этомъ изданіи, гдѣ ему принад-лежитъ, напримѣръ, предисловіе къ статьѣ Галагана о малорусской вертепной драмѣ (1882), „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ" (1883); рядъ статей подъ заглавіемъ: „Очеркъ лите-ратурной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ" (1888), изъ которыхъ составилась отдѣльная книга съ тѣмъ же заглавіемъ (Кіевъ, 1889).

---

[1]) Глава X.

[2]) Вкратцѣ изложенъ въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣ-тописца". Кн. II, Кіевъ, 1888, стр. 218—223.

Эта книга представляетъ только первую часть предположеннаго авторомъ труда и обнимаетъ исторію малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ. Книга раздѣляется на три отдѣла: въ первомъ, разсматривается книжная рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка; далѣе книжная малорусская рѣчь въ XVIII вѣкѣ, наконецъ грамматическая наука въ южно-русской церкви во второй половинѣ XVII вѣка. Въ приложеніи помѣщенъ словарь книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка подъ названіемъ: „Синонима славенороская", принадлежащей библіотекѣ Кіево-Печерской лавры.

Въ 1866 году г. Житецкій напечаталъ въ Журналѣ министерства просвѣщенія статью о разсказѣ [illegible] „[illegible]".

Къ тому же поколѣнію принадлежалъ рядъ другихъ дѣятелей, менѣе извѣстныхъ, менѣе работавшихъ, но столь же преданныхъ дѣлу въ скромныхъ условіяхъ, выпадавшихъ на ихъ долю. Назовемъ между ними г. Лоначевскаго (Александръ Ив., род. 1841). Уроженецъ Волыни, онъ учился въ новградъ-волынскомъ приходскомъ училищѣ, потомъ въ Нѣжинѣ, затѣмъ въ 1861 году поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1865 году. Онъ былъ потомъ учителемъ гимназіи въ Житомірѣ, но въ 1874 году, оставивъ эту службу, сдѣлался начальникомъ ремесленнаго училища въ Кіевѣ, имъ же и устроеннаго по порученію кіевскаго городского управленія, потомъ такого же училища въ полтавской губерніи, устроеннаго имъ по порученію полтавскаго губернскаго земства; въ настоящее время завѣдуетъ желѣзно-дорожнымъ училищемъ въ Гомелѣ. Любовь къ этнографическому собиранію возникла у него, какъ и у другихъ дѣятелей этого поколѣнія, еще со школьной скамьи; гимназистомъ и студентомъ онъ былъ уже ревностный собиратель.

Приводимъ нѣсколько подробностей, сообщенныхъ намъ г. Лоначевскимъ и рисующихъ эту пору особеннаго развитія украинскаго народолюбія. „Родина моя, Волынь, считалась тогда совершенно польскимъ краемъ. Хотя всѣ мужики и говорили по-малорусски, но въ то время мужикъ не принимался въ разсчетъ. Не только паны и подпанки, даже горничныя и лакеи коверкали родную рѣчь на польскій ладъ; всѣ священники владѣли свободно польской рѣчью, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ польскій языкъ составлялъ преобладающій языкъ семьи. Рѣдко приходилось слышать русскую рѣчь (великорусскую). Отецъ мой служилъ управляющимъ имѣніемъ генерала Уварова, семья котораго принадлежала къ чрезвычайно рѣдкимъ — съ русскимъ языкомъ. Въ нашей семьѣ говорили по-малорусски, но если являлся хоть одинъ полякъ или полька — по-польски. Жили мы въ городѣ Новгородъ-Волынскѣ (мѣстное названіе — Звягель). Въ городѣ было единственное учебное заведеніе — „приходское училище", какъ гласила надпись; но въ разговорной рѣчи оно называлось „профорной". Учитель былъ полякъ. Разговорный языкъ профорны — польскій. Русская рѣчь слышна была только при отвѣтѣ уроковъ, которые вызубривались по книгѣ. Большинство учениковъ — поляки. Все русское и православное было въ пренебреженіи... Въ

ои православные земляки, обучавшіеся около этого времени въ волынскихъ чебныхъ заведеніяхъ, навсегда сохранили воспоминаніе объ оскорбленномъ увствѣ національности вмѣстѣ съ любовью ко всему мѣстному національному, отсюда какъ бы врожденная наклонность къ собиранію мѣстныхъ этнографических матеріаловъ".

Когда по семейнымъ обстоятельствамъ г. Лоначевскій попалъ съ Волыни ь Нѣжинскую гимназію, условія перемѣнились: поляковъ здѣсь было очень ало, не болѣе 8%, остальные были почти исключительно малоруссы, и предметомъ издѣвательства были теперь поляки. Въ 1861 году, какъ мы сказали, . Лоначевскій поступилъ въ университетъ. „Это было время національнаго и робужденія и возбужденія. У рѣдкаго изъ студентовъ малороссовъ не было етрадки съ разнымъ этнографическимъ матеріаломъ, преимущественно пѣснями. Каждый записывалъ изъ устъ народа. Выше меня курсомъ или двумя ылъ А. И. Стояновъ. По его предложенію составленъ былъ проектъ грандіознаго сборника пѣсенъ, составленіе котораго взяли на себя студенты, а именно: А. И. Стояновъ — историческія пѣсни, И. П. Новицкій—бытовыя, Н. А. Вербицкій—семейныя, а я—любовныя; кромѣ того я собиралъ отъ товарищей и сказки".

Уже вскорѣ матеріалъ, собранный г. Лопачевскимъ, сталъ появляться въ печати; такъ, по словамъ его онъ передалъ часть своихъ пѣсенъ студенту Б. Лавренку, который сгруппировалъ ихъ и издалъ подъ заглавіемъ: „Пісні про кохання" (Кіевъ, 1864). Это былъ сборникъ замѣчательный по своему времени, когда по прекращеніи „Основы" наступило для малорусской литературы глухое время и стали усиливаться враждебные толки объ украинофильствѣ, сопоставляемомъ съ польскою интригой. Сборникъ расположенъ въ особой системѣ, такъ сказать по періодамъ развитія любовной исторіи. Нѣсколько позднѣе г. Лоначевскій сообщилъ свое собраніе сказокъ г. Рудченку, въ сборникѣ котораго онѣ и появились. Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ принялъ участіе въ работахъ Кіевскаго отдѣла Географическаго Общества. Здѣсь принадлежатъ ему двѣ работы: небольшая замѣтка—„Криница", бытовая картинка изъ малорусской народной жизни, и редакція пѣсенъ, собранныхъ въ Буковинѣ Г. И. Купчанкою, который сообщилъ при этомъ „Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ" [1]).

Собраніе Купчанки, доставленное въ Кіевскій отдѣлъ Общества, заключало пѣсни, сказки, пословицы и проч.; изданіе пѣсенъ составляло только начало цѣлаго собранія. Редакція г. Лоначевскаго состояла въ слѣдующемъ:—„Пѣсни,—говоритъ онъ,—раздѣлены мною

---

[1]) „Записки юго-западнаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества", т. II, Кіевъ, 1874, стр. 289—369; самыя пѣсни тамъ же, стр. 371—600, всего до 400 пѣсенъ. Описаніе ярмарки въ Криницѣ повторено г. Мордовцовымъ въ статьѣ: „О внутреннихъ признакахъ русскаго народа" (въ „Отечеств. Запискахъ", 1876, № 1, подпись: Д. С..о—М..ь) и въ его книжкѣ „Афоризмы", Спб. 1886.

на шесть отдѣловъ, которые приняты въ засѣданіи для будущаго общаго сборника пѣсенъ; вотъ эти отдѣлы: пѣсни культа, пѣсни жизни личной, пѣсни семейныя, политическія, искусство и поученіе въ пѣсняхъ. Внутреннее расположеніе пѣсенъ каждаго отдѣла я старался сдѣлать строго послѣдовательнымъ а для большаго удобства при пользованіи сборникомъ, къ каждой пѣсни написано мною заглавіе, въ которомъ я старался передать сущность содержанія. Всѣ пѣсни объ одномъ и томъ же предметѣ, или о предметахъ близкихъ, поставлены рядомъ". Относительно перваго отдѣла онъ дѣлаетъ еще слѣдующую оговорку: „Кромѣ собственныхъ пѣсенъ, я внесъ сюда народныя суевѣрія, заговоры и молитвы, желая такимъ образомъ соединить все, что касается народныхъ вѣрованій,—такъ какъ онѣ составляютъ для этнографа наиболѣе интересную сторону народной жизни".

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное распредѣленіе пѣсеннаго и легендарнаго матеріала весьма облегчаетъ обозрѣніе его содержанія: этотъ матеріалъ несомнѣнно распадается на извѣстныя группы,—но нельзя не замѣтить, что это распредѣленіе и обозначеніе содержанія пѣсни, легенды, преданія и т. д. не можетъ считаться вполнѣ точнымъ и исчерпывающимъ предметъ. Кромѣ той черты содержанія, которая поставлена редакторомъ какъ его характеристическій признакъ, это содержаніе очень часто, если не всегда, представитъ и другія черты, по которымъ данная пьеса могла бы быть приведена и въ другую классификацію: пѣсни культа по извѣстнымъ подробностямъ могутъ быть поставляемы въ параллель съ пѣснями жизни личной, семейной, съ поученіемъ и т. д.; во всякомъ случаѣ вполнѣ исчерпать содержаніе пѣсенъ могло бы только всестороннее изслѣдованіе, которое непремѣнно выходило бы изъ предѣловъ классификаціи, поставленной въ этой редакціи; послѣдняя однако представляетъ не безъинтересную попытку ближе войти въ содержаніе пѣсеннаго матеріала. Такая же система классификаціи была принята потомъ г. Драгомановымъ въ его изданіи „Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ"[1].

Отмѣтимъ наконецъ послѣднія работы г. Лоначевскаго, имѣющія отношеніе къ этнографіи: „Представленіе украинцевъ о царѣ" (въ „Историч. Вѣстникѣ", 1887, № 3)—пересказъ наблюденій автора изъ народной жизни; и статью въ журналѣ „Природа и Охота" (1887, февраль), гдѣ кромѣ описанія мѣстныхъ бобровъ, приводится народный взглядъ на бобра и нѣкоторыя объ немъ суевѣрія.

Къ тому же поколѣнію ревностныхъ мѣстныхъ патріотовъ, этно-

---

[1]) Та же система примѣняется, со ссылкой на Кіевскій Отдѣлъ и на работу г. Лоначевскаго, въ новѣйшемъ изданіи болгарскихъ пѣсенъ въ упомянутомъ выше „Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина", т. I, стр. IX.

графовъ и историковъ принадлежалъ несравненно больше работавшій въ литературѣ Ив. Петр. Новицкій (род. 1844, ум. въ іюлѣ 1890). Это былъ опять человѣкъ изъ стараго мѣстнаго рода, изъ русскаго православнаго дворянства кіевской губерніи. Онъ учился въ кіевской гимназіи, но по несчастно сложившимся обстоятельствамъ, не могъ кончить курса. Очень одаренный отъ природы, онъ продолжалъ учиться самъ и вмѣстѣ съ прежними товарищами, которые перешли въ университетъ, онъ получилъ возможность, по тогдашнему времени, слушать университетскія лекціи. Общественное оживленіе той эпохи и политическія событія 1863 года, окончательно опредѣлили и направленіе его учено-литературной дѣятельности. „Событія эти,—говоритъ г. Каманинъ въ некрологѣ Новицкаго [1]),—отразились на университетѣ, раздѣливъ учащихся (студентовъ и посторонних слушателей) на два лагеря по національности. Въ то время, многіе слушатели изъ поляковъ оставили университетъ, оставшіеся русскіе сблизились тѣснѣе, составили изъ себя кружокъ, несочувственный польскому движенію, и толковали о возможности существованія чисто русскаго университета въ Кіевѣ. Выдающіеся представители этого кружка положили начало изученію прошлой жизни южно-русскаго края съ цѣлью на почвѣ науки доказать господство въ немъ началъ русской жизни, языка и вѣрованій; къ нимъ примкнулъ и Ив. П. и съ тѣхъ поръ до послѣдней минуты своей жизни онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, защищая интересы южно-русской народности. Мѣстная исторія, этнографія, географія и вообще всѣ стороны и вопросы жизни юго-западнаго края были изучены покойнымъ глубоко и всесторонне. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго общественнаго, мѣстнаго вопроса, по которому покойный не выступилъ бы печатно со своимъ мнѣніемъ, всегда раціональнымъ и основательнымъ".

По его внѣшнимъ обстоятельствамъ и по обнаружившейся тогда психо-физической болѣзни, Новицкій не могъ получить никакого оффиціальнаго служебнаго положенія и существовалъ литературнымъ трудомъ въ кіевскихъ изданіяхъ, отъ „Кіевлянина" до „Кіевской Старины"; но онъ уже вскорѣ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ различныхъ вопросахъ мѣстной исторіи, этнографіи, статистики, управленія, такъ что его не однажды призывали и въ оффиціальныя вѣдомства и въ спеціальныя коммиссіи. Такъ работалъ онъ въ Центральномъ Архивѣ при университетѣ, въ Археографической коммиссіи и въ Кіевскомъ Статистическомъ комитетѣ. Въ коммиссіи онъ собралъ между прочимъ два тома матеріаловъ по исторіи крестьянъ въ XV—XVIII вѣкѣ и этому изданію предпослалъ весьма обстоятельный

[1]) Кіевская Старина, 1890, сент., стр. 486—491.

„Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи XV — XVIII вѣкѣ“ (1877). Въ то же время онъ составлялъ въ тральномъ Архивѣ описи актовыхъ книгъ, чрезвычайно важныя пособіе для изученія матеріала; и по порученію Археографиче коммиссіи составилъ обширные объяснительные указатели именъ ныхъ и географическихъ ко всѣмъ ея изданіямъ съ 1844 год указатель географическій, составляя сводъ множества мелкихъ товъ и изслѣдованій, имѣетъ въ особенности значеніе какъ пе опытъ исторической географіи края за средній періодъ его истор мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ онъ печаталъ матеріалы о низаціи юго-западнаго края въ эпоху войнъ Хмельницкаго; нако для объясненія юридическихъ терминовъ стараго актоваго я онъ составилъ небольшой словарь („Университетскія Извѣстія“, 1 Затѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ Кіевскомъ от Географическаго Общества и въ самой экспедиціи Чубинскаго: пятаго тома ея „Трудовъ“ Новицкій доставилъ до 5000 пѣсе приготовилъ къ печати пѣсни бытовыя. Съ основанія „Кіевской рины“ Новицкій сталъ ея дѣятельнымъ сотрудникомъ; изъ б крупныхъ его работъ отмѣтимъ здѣсь статьи: „Князья Ружинс „Историческая пѣсня о взятіи козаками Азова въ 1637 году“; „А Кисель воевода кіевскій“ (послѣдняя вышла также отдѣльно, 1 Въ его историческихъ трудахъ, исполненныхъ обыкновенно съ шимъ знаніемъ, разсѣяно не мало данныхъ для исторіи быта: работъ чисто этнографическихъ, кромѣ упомянутаго собранія пѣ Новицкимъ составленъ былъ любопытный этнографическій очо „Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсня въ альманахѣ „Кіевлянка“, 1884.

О трудахъ другихъ дѣятелей того же и болѣе молодого пок нія скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XII.

Новѣйшие труды по южнорусской старинѣ и народности.

Общія замѣчанія: связь историческихъ изысканій и народолюбивыхъ стремленій съ этнографіей.

Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ.—Н. Д. Иванишевъ.—Работы ученыхъ учрежденій и обществъ.—Описанія архивовъ, изданія актовъ, русскія и галицко-польскія.

„Кіевская Старина".—Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Труды по археологіи и старой исторіи Южной Руси. — Исторія земель и княженій, городовъ, колонизаціи. — Труды гг. Антоновича, Дашкевича, Голубовскаго, Багалѣя и др.

Исторія Запорожья и козачества: Скальковскій, Эварницкій, Попко, Короленко и др. — Исторія малорусскихъ фамилій: А. Лазаревскій. — Исторія нравовъ: О. И. Левицкій.—Изданія старыхъ и новѣйшихъ мемуаровъ: Освѣцимъ, Ханенко, Евлашевскій, Селецкій, Чалый и пр.

Изслѣдованія экономическаго быта и общины, исторія крестьянства, обычное право: Ив. Новицкій, Щербина, Русовъ, Лучицкій, Кистяковскій и др.

Изслѣдованія бытового обычая и народно-поэтическаго творчества: труды Сумцова, Науменка, Кузьмичевскаго, В. Горленка, Неймана, Комарова, П. Ефименка и др.

Краткія свѣдѣнія объ этнографическихъ трудахъ по Галицкой и Угорской Руси.

Съ этнографіей всегда тѣсно соединены изслѣдованія историческія. Внутренняя исторія народной жизни есть этнографія прошедшаго, и исторія мѣстная бываетъ нерѣдко въ особенности связана съ этнографической характеристикой народа, разъясняя свойства мѣстнаго племени, областныя черты быта и народно-поэтическаго содержанія. Исторія малорусская представляетъ богатый матеріалъ мѣстныхъ отличій этого рода, съ которыми еще не могли сосчитаться ни обще-русскіе, ни южно-русскіе историки, и которыя до сихъ поръ подаютъ поводъ къ столкновеніямъ, исполненнымъ нетерпимости. Въ этихъ столкновеніяхъ все бывало вопросомъ: и племя, и языкъ и

историческая принадлежность событій и, безъ сомнѣнія, для примиренія спора, кромѣ нравственнаго воздѣйствія иныхъ болѣе благопріятныхъ общественныхъ условій, нужны еще и новые успѣхи историко-этнографическаго знанія. Въ дѣйствительности, исторія юга и сѣвера Россіи, двухъ странъ и двухъ народовъ,—при всѣхъ племенныхъ и бытовыхъ отличіяхъ, частью издавнихъ, частью образовавшихся исторически,—соединена тѣснѣйшими, неразрывными связями, которыя сказывались съ древнѣйшихъ временъ и по-нынѣ. Древняя исторія Кіева есть самая колыбель всей исторіи русской народности; его церковная древность есть драгоцѣнная святыня для всего православнаго русскаго люда безъ различія; древняя кіевская письменность—лѣтопись, поученіе, церковная легенда, поэтическая повѣсть —составляютъ исходный пунктъ всей русской литературы, и т. д. Безъ этого начала русская исторія немыслима, и южная, какъ сѣверная. Являлись въ жизни новые элементы, совершались глубокіе перевороты и во внѣшней, и во внутренней судьбѣ русскаго народа; сѣверъ и югъ были отрѣзаны одинъ отъ другого до того, что, наконецъ, этнографія заговорила о „двухъ русскихъ народностяхъ", —но передъ каждой изъ двухъ народностей носилось въ глубинѣ вѣковъ воспоминаніе объ одномъ общемъ корнѣ ихъ племени, вѣры и исторіи. Южная Русь нѣсколько вѣковъ прожила въ союзѣ съ инымъ государствомъ, тоже славянскимъ, но историческія начала котораго были иного склада,—и при всѣхъ усиліяхъ со стороны польской и при усиліяхъ очень многихъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ, со стороны южно-русской, два элемента не могли ужиться между собою, и борьба съ Польшей, то скрытая, то явная съ оружіемъ въ рукахъ, наполняетъ вѣка этой общей жизни до тѣхъ поръ, пока освобожденіе не было достигнуто соединеніемъ двухъ вѣтвей русскаго племени. Соединеніе совершилось въ условіяхъ не равныхъ. Обѣ стороны успѣли въ своей отдѣльной жизни сложиться въ два, весьма несходные, народные типа: одна, подъ чужимъ гнетомъ, среди внѣшнихъ опасностей, потерявъ большую долю своего высшаго сословія, принявшаго чужую вѣру и народность, успѣла, однако, въ борьбѣ за вѣру и свободу выработать извѣстное чувство независимости и извѣстную степень школьнаго образованія; другая въ обстоятельствахъ, быть можетъ, еще болѣе тяжкихъ, сложилась въ государство, гдѣ, цѣною утраченной гражданской свободы, пріобрѣтена была внѣшняя сила, съ грубыми формами административнаго быта, потерявшая средства образованія и въ большинствѣ самую охоту къ нему,—въ борьбѣ съ азіатскимъ востокомъ, въ концѣ концовъ побѣдоносной, исполнившаяся національнаго высокомѣрія, которое слишкомъ легко впадало въ чрезмѣрность и могло найти себѣ оправда-

только въ будущемъ повороте на дорогу просвѣщенія и успѣховъ общежитія. Встрѣча двухъ народностей, настроенныхъ подобнымъ образомъ, не могла обойтись безъ многихъ столкновеній и шероховатостей. Избавившись отъ національной опасности, южная Русь въ новомъ строѣ государственной жизни, въ который она теперь вступила, должна была пожертвовать многими изъ своихъ особенностей, которыя стали ея природой. Объединительная система большого русскаго государства, сопровождаемая неограниченностью царской власти, какъ естественно было ожидать по природѣ вещей, не могла охотно дѣлать уступокъ изъ обычнаго порядка вещей иначе, какъ въ исключительныхъ условіяхъ, и когда первое присоединеніе миновало и установилось, мѣстныя особенности должны были все больше уступать передъ московскими идеями и порядкомъ вещей, и стираться между прочимъ также сами собой, подъ вліяніемъ государственнаго, бытового и образовательнаго общенія. Въ сущности, Малороссіи пришлось пережить, въ концѣ московскаго царства и при петербургской имперіи, тотъ же процессъ объединенія, какой нѣкогда постигъ старыя удѣльныя княжества и Новгородъ. Процессъ нивеллировки мало-по-малу охватилъ всѣ особенности южно-русской жизни: въ XVII столѣтіи московскіе бояре вмѣшивались въ дѣйствовавшую еще власть гетмановъ; въ XVIII столѣтіи эта власть была уже номинальная, но и въ этомъ видѣ была отмѣнена; Запорожская Сѣчь была уничтожена и выселившееся козачество стало просто иррегулярнымъ войскомъ; „малороссійскія права" все больше падаютъ, администрація и судъ подводятся подъ общіе порядки; въ XIX столѣтіи подвергается сомнѣнію, и наконецъ, внѣшнему стѣсненію самый малорусскій языкъ. Съ другой стороны, Малороссія вовсе не была только пассивнымъ придаткомъ, прибавившимся къ русской имперіи. Всякій безпристрастный историкъ долженъ признать, что ея вступленіе въ общую русскую жизнь сопровождалось многими благотворными и, кажется, еще не вполнѣ оцѣненными послѣдствіями. Съ присоединеніемъ Малороссіи русское государство расширилось вдругъ на новыя громадныя пространства; съ тѣмъ вмѣстѣ умножились вообще государственныя силы и въ частности облегчена давнишняя задача усмиренія, а потомъ покоренія юго-восточнаго азіатскаго сосѣдства. Въ XVII вѣкѣ, еще до присоединенія Малороссіи, Москва, почувствовавши необходимость въ ученыхъ силахъ для церковнаго исправленія, для заведенія школъ, для декорума царскаго двора и, наконецъ, для воспитанія царскихъ дѣтей, нашла ученыхъ людей въ Малороссіи, гдѣ школа знаменитаго Петра Могилы имѣла уже замѣчательныхъ богослововъ и классическихъ филологовъ, хотя еще въ старомъ схоластическомъ стилѣ. Эта впервые прочно основавшаяся русская наука

была вполнѣ дѣломъ южно-русскимъ; она поставлена была на томъ же старомъ православіи, церковный матеріалъ котораго приходилъ сюда и изъ сѣверной Россіи, какъ изъ Москвы доставлены были рукописи для изданія знаменитой Острожской Библіи. Въ Петровское время и послѣ, южно-русская школа доставила много ученыхъ людей, которые работали въ русской церковной жизни, въ школѣ и управленіи; малорусскія силы входятъ въ русскую литературу, какъ перешелъ въ нее извѣстный запасъ понятій, выработанныхъ южно-русскимъ образованіемъ, и въ литературный языкъ вошли изъ того же источника многіе книжные элементы. Въ нашемъ вѣкѣ, независимо отъ того расширенія народной идеи, которое внесено было возрожденіемъ малорусской литературы съ конца прошлаго столѣтія, одна изъ величайшихъ силъ новѣйшей русской литературы, конечно, не случайно была дана именно малорусской народностью: мы говоримъ о Гоголѣ, въ лицѣ котораго Малороссія снова внесла свой плодотворный вкладъ въ общее дѣло русской поэзіи и просвѣщенія...

Въ этомъ мірѣ сложныхъ историческихъ явленій,—дававшихъ матеріалъ для всякихъ направленій и критической мысли, и племенного чувства, должно было вращаться научное изслѣдованіе, приступавшее къ южно-русской исторіи, а также и этнографіи. Новѣйшія условія нашей общественной жизни, какъ указано выше, не благопріятствовали свободному выраженію не только общественныхъ, но и научныхъ взглядовъ, такъ что не могъ имѣть мѣста открытый, правдивый обмѣнъ мнѣній за, и противъ, и въ концѣ концовъ изъ различія воззрѣній и племенного инстинкта рождалось взаимное недовѣріе и несправедливость, причемъ въ наименѣе выгодномъ положеніи были тѣ, кому приходилось говорить противъ рутины. Было совершенно естественно, что у малорусскихъ историковъ и этнографовъ, издавна и до сихъ поръ, складывалась особая любовь къ своей старинѣ и народности,—мы приводили примѣры, что это былъ при[illegible] врожденный инстинктъ, которому научное знаніе давало только ни[illegible] и опредѣленность. Было время, когда мѣстный малорусскій патріо[illegible] тизмъ увлекался временами гетманщины и мечталъ о томъ, [illegible] могла бы быть Украйна при иномъ оборотѣ историческихъ собы[illegible] ближайшее историческое знакомство съ эпохой разубѣдило патріот[illegible] въ особой привлекательности тогдашняго порядка вещей, но, [illegible] можетъ, еще болѣе укрѣпило въ нихъ привязанность къ лучш[illegible] явленіямъ своего прошедшаго и своей народности. Но это про[illegible] шее давно и невозвратно миновало, говорили ихъ противники; [illegible] также, однако, миновало то московское царство, изъ котораго [illegible] лала свой идеалъ славянофильская школа, еще недавно призыва[illegible] русскій народъ и государство вернуться туда, „домой", бросивъ [illegible]

шія пріобрѣтенія ихъ исторіи. До такого понятнаго идеализма, ергавшаго самую цивилизацію, достигнутую человѣчествомъ, ношее украинофильство не доходило. Обращенія малорусскихъ патовъ къ прошедшему вызываются прежде всего стремленіемъ изуъ, сколько возможно ближе, въ прошедшемъ истинный характеръ его народа. Если бывали преувеличенія въ этомъ направленіи, ѣтомъ на нихъ, съ нашей стороны, должна быть спокойная крита, разъясненіе дѣла, а не тѣ юридическія инсинуаціи, къ котоъ такъ часто прибѣгали и прибѣгаютъ противники украиноьства.

По этимъ сложнымъ и спорнымъ вопросамъ южно-русской исторіи, ымъ и въ этнографическомъ смыслѣ, собралась въ послѣднія деилѣтія обширная литература матеріаловъ и изслѣдованій, перелять которые сполна было бы здѣсь не мѣсто и которые мы жемъ въ главнѣйшихъ направленіяхъ и фактахъ. Замѣтимъ бще, что наибольшая часть этихъ трудовъ совершена мѣстными си, людьми иногда разныхъ взглядовъ, но въ большинствѣ именно ушевленныхъ любовію къ родной мѣстной старинѣ и современной родности.

Уже тѣмъ самымъ, что дѣло шло о разновидности русскаго плени, малорусская исторія доставляетъ множество указаній чисто юграфическаго характера; но затѣмъ съ большою ревностью разботывалась и этнографія собственно. Послѣ экспедиціи Чубинскаго, торая между прочимъ изчерпала нѣсколько частныхъ собраній, ланныхъ ранѣе, мы уже не встрѣчаемъ предпріятія такого объема такой цѣнности; по всей вѣроятности не мало участвовало въ неостаткѣ крупныхъ работъ то неблагопріятное положеніе, въ какомъ ходится малорусская литература съ 1876 года. Взамѣнъ того новѣйшее время представляетъ массу небольшихъ отдѣльныхъ трудовъ разнымъ отраслямъ этнографіи, въ которыхъ заключается множено новаго и нерѣдко любопытнѣйшаго матеріала. За неимѣніемъ кого объединяющаго учрежденія, какимъ былъ одно время Кіевй отдѣлъ Географическаго Общества, эти труды по неволѣ разсеяны по изданіямъ другихъ ученыхъ обществъ, по журналамъ, альманахамъ, провинціальнымъ газетамъ и т. д. Понятно, что обозрѣніе такого разбросаннаго матеріала представляетъ довольно значительную трудность и въ настоящемъ случаѣ полное его указаніе не можетъ быть нашею цѣлью. Мы отмѣтимъ лишь главнѣйшія направленія и органы этихъ изысканій, и перечислимъ труды болѣе интересные въ томъ или другомъ отношеніи.

Главное учрежденіе, работавшее по изысканію и изданію источниковъ малорусской исторіи, по преимуществу средняго періода, была давнишняя „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", издавшая въ „Архивѣ юго-западной Россіи" множество существеннаго историческаго матеріала, важность котораго увеличивается замѣчательными вводными статьями, сопровождающими тексты актовъ. Здѣсь съ самаго основанія Коммиссіи (1843) дѣятельнѣйшимъ лицомъ былъ извѣстный профессоръ Кіевскаго университета Николай Дмитр. Иванишевъ (1811—1874), благодаря трудамъ котораго Коммиссія собрала громадное количество актовъ, сосредоточенныхъ потомъ въ „Центральномъ Архивѣ" при университетѣ и служившихъ основой для „Архива" и другихъ изданій. „Иванишевъ, — по словамъ его біографа, — былъ душою Коммиссіи и главнымъ ея работникомъ — сначала въ должности главнаго редактора, а потомъ вице-предсѣдателя. По указаніямъ этой Коммиссіи, онъ производилъ раскопку могилъ и кургановъ, предпринималъ поѣздки въ разные города юго-западнаго края, отыскивая вещественные и письменные историческіе памятники, принимая то непосредственное, то посредственное участіе во всѣхъ изданіяхъ этой Коммиссіи. Наконецъ, онъ завершилъ служеніе этому дѣлу организаціей кіевскаго Центральнаго Архива, въ которомъ собралось болѣе трехъ милліоновъ историческихъ памятниковъ, столь важныхъ для изученія нашей юго-западной исторіи; онъ обработалъ программу изданій архива, которой неуклонно слѣдуетъ его достойный преемникъ, В. Б. Антоновичъ. Какъ колоніи устр... вались по образцу своей метрополіи, такъ по образцу кіевскаго Це... тральнаго Архива организовались центральные архивы въ Витебс... и Вильно, въ которыхъ собралась масса историческихъ памятнико... сѣверо-западнаго края. Начало всему этому, великому для русс... исторической науки, дѣлу положилъ незабвенный Иванишевъ. Бла... даря его трудамъ, университетъ св. Владиміра въ стѣнахъ свои... скрываетъ такія сокровища для уразумѣнія прошлыхъ судебъ р... ной земли, какихъ, конечно, не имѣетъ ни одинъ русскій универ... тетъ" [1]).

Въ біографіи, составленной г. Романовичемъ-Славатинскимъ, чит... найдетъ достаточно подробностей о научномъ и общественномъ поло...

---

[1]) Біографія Иванишева разсказана въ книгѣ А. В. Романовича-Слава... „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, ректора университета св. Влади... вице-предсѣдателя кіевской Археографической Коммиссіи". Спб. 1876 (отд... оттискъ изъ „Древн. и Новой Россіи", 1876); другая подробная біографія и ... сленіе сочиненій въ „Біографическомъ Словарѣ" профессоровъ Кіевскаго ун... тета, 1884. „Собраніе сочиненій Н. Д. Иванишева" издано било универс... въ 1876.

Иванишева. Приводимъ нѣкоторыя указанія. Иванишевъ, какъ большинство дѣятелей малорусской исторіографіи и этнографіи, былъ человѣкъ мѣстный, по отцу поповичъ, по роду дворянинъ, шляхтичъ; послѣднему онъ продавалъ важность. Значительная часть его дѣятельности, именно въ началѣ, проходила въ извѣстное генералъ-губернаторство Бибикова, время борьбы противъ полонизма путемъ инвентарей и путемъ историческаго разъясненія малорусско-польскихъ отношеній; но въ Бибиковѣ кромѣ человѣка съ „національными порывами“ былъ еще и правитель въ родѣ римскаго проконсула и какъ попечитель учебнаго округа (званіе котораго соединялось съ генералъ-губернаторствомъ) онъ оставилъ память порядочнаго обскуранта.

Сравни отзывъ о Бибиковѣ въ запискахъ Никитенка, который зналъ его уже въ Петербургѣ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Далѣе у Славатинскаго (стр. 118, 187, 194) читаемъ:

„Ошибка генерала Бибикова состояла въ томъ, что онъ не умѣлъ подобрать персоналъ подчиненной ему администраціи въ уровень съ своей патріотической программой. Для этого персонала, патріотическая политика генерала Бибикова сдѣлалась только новымъ источникомъ лихоимства: польское панство и католическое духовенство цѣною денегъ съумѣло удержать свое прежнее господство въ краѣ, а инвентарныя положенія, сдѣлавшись оброчной статьей для исправниковъ и становыхъ, только номинально улучшали бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.

„Другая ошибка генерала Бабикова состояла въ томъ, что, угнетая польское господство въ краѣ, онъ угнеталъ и всякую свободную мысль, и всякое движеніе“.

Г. Славатинскій замѣчаетъ, что въ то время люди „съ космополитическими целями“ (!) не умѣли оцѣнить „національныхъ порывовъ“ Бибикова; вѣрнѣе, кажется, было бы сказать, что эти люди находили, что пріемы, описанные въ приведенной сейчасъ цитатѣ, сами способны были подорвать значеніе національныхъ стремленій Бибикова, когда прежде всего бросались въ глаза не какая-нибудь историческая правда, а произволъ и насиліе.

„Съ генераломъ Бибиковымъ,—разсказываетъ г. Славатинскій,—Иванишевъ жилъ душа въ душу, не потому, конечно, чтобы заискивалъ въ немъ. Не въ его натурѣ—свободнаго и независимаго малорусскаго хуторянина—было какое бы то ни было заискиванье: какъ мы знаемъ, онъ скорѣе готовъ былъ острить надъ своимъ начальствомъ, чѣмъ искать въ немъ. Но въ генералѣ Бибиковѣ онъ инстинктивно чтилъ истинно-русскаго человѣка и сочувствовалъ его политикѣ, направленной на приниженіе польско-католическаго шляхетства и развитіе русско-православнаго крестьянства. Генералъ же Бибиковъ былъ настолько уменъ, чтобы не понять, какого союзника его русская политика находила въ такомъ ученомъ, какимъ былъ Иванишевъ. Ради этой русской политики, Ник. Дмитр. многое прощалъ Бибикову.

„На охраняемый послѣднимъ обскурантный порядокъ вещей онъ смотрѣлъ спокойно, глазами терпѣливаго мудреца: „перемелется—мука будетъ!“

Мука вышла, впрочемъ, не важная.

Любопытной и характерной чертой не для одного Иванишева является отношеніе къ тогдашнему литературному движенію. Біографъ, какъ слушатель Иванишева, разсказываетъ, что послѣдній, занятый славянскими законодательствами и старыми актами, не былъ преподавателемъ популярнымъ, потому что слушатели больше увлекались тогда профессорами, „слѣдовавшими космополитическимъ (?) и гуманнымъ идеямъ сороковыхъ годовъ, идеямъ про-

теста противъ тогдашняго порядка вещей". „Глубоко національный (?), Иванишевъ всегда оставался чуждымъ этимъ идеямъ. Наши кумиры были въ его глазахъ „не святыми, лѣпящими горшки".... Къ „властителю думъ" нашего поколѣнія, Грановскому, Иванишевъ относился не сочувственно. Онъ не сочувствовалъ страстнымъ статьямъ Бѣлинскаго, не давалъ себѣ труда вникнуть въ смыслъ пропаганды автора „Записокъ доктора Крупова", едва-ли ясно понималъ глубокое значеніе сатиры Гоголя, который только потѣшалъ его, какъ забавный разсказчикъ, еще меньше вдумывался въ повѣсти Тургенева и во всю мыслящую беллетристику того времени".

Его собственныя идеи складывались такъ: „Еще въ молодые годы, когда онъ изучалъ исторію славянства, въ немъ развилось и укрѣпилось вѣрованіе въ великую историческую миссію Россіи, среди сродныхъ ей разрозненныхъ и безгосударственныхъ славянскихъ племенъ. Это вѣрованіе усиливалось въ немъ съ лѣтами, по мѣрѣ изученія западно-русскихъ актовъ, заключавшихъ въ себѣ неопровержимыя доказательства неспособности польскаго племени стоять во главѣ славянства и руководить его судьбами".

Главнѣйшимъ преемникомъ Иванишева по Коммиссіи остался В. Б. Антоновичъ, о многочисленныхъ трудахъ котораго по южно-русской исторіи и изданію памятниковъ мы говорили выше, и скажемъ еще далѣе.

Большую массу историческихъ документовъ сообщали также изданія Археографической Коммиссіи въ Петербургѣ, которая, кромѣ „Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи", издала важные матеріалы въ „Русской Исторической Библіотекѣ", гдѣ напечатаны были любопытнѣйшіе памятники старой церковно-полемической литературы. Далѣе, рядъ болѣе или менѣе важныхъ трудовъ по исторіи и также этнографіи южной Россіи, доставили изданія ученыхъ обществъ и учрежденій, какъ изданія Кіевскаго Университета („Извѣстія"), Кіевской Духовной Академіи („Труды"), Одесскаго Общества исторіи и древностей, Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ („Чтенія"), наконецъ, „Чтенія" Московскаго Общества исторіи и древностей, гдѣ также находилъ мѣсто важный историческій и этнографическій матеріалъ и пр. Болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ исторіи южной Россіи имѣютъ изданія памятниковъ и изслѣдованія объ исторіи Россіи западной, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Не мало важныхъ указаній доставляютъ описанія рукописей, какъ, напримѣръ, описаніе рукописей Церковно-археологическаго Музея, въ Кіевѣ, г. Петрова; описаніе рукописей Виленской библіотеки, г. Добрянскаго; укажемъ еще „Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ", Амфіана Лебедева (М. 1885); далѣе приведемъ архивныя изслѣдованія Ал. Лазаревскаго, и проч. По изслѣдованію архивовъ болѣе мѣстнаго значенія укажемъ „Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія", собранные редакторомъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губ.

Вѣдомостей" А. Андріевскимъ (Кіевъ 1882—86, 10 вып.), и его же „Матеріалы для исторіи южно-русскаго края XVIII столѣтія (1715—1794), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губ. архива", изданные Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей; „Акты воронежскіе", изданные мѣстнымъ статист. комитетомъ (1887), и проч.

Къ прежнимъ органамъ ученой дѣятельности въ южной Россіи прибавилось въ послѣдніе годы Историко-Филологическое Общество при харьковскомъ университетѣ, издавшее до нынѣ три тома своихъ трудовъ („Сборникъ").

По древнимъ и средневѣковымъ тѣснымъ связямъ южной Россіи и Галицкой Руси важны археографическіе труды польскихъ ученыхъ въ Галиціи. Таковы изданія заслуженнаго галицко-польскаго ученаго стараго поколѣнія Авг. Бѣлёвскаго (1806—1876), гр. Алекс. Стадницкаго (ум. 1861: Akta grodzkie, Lwów, 1868—87, 12 томовъ, изданные на завѣщанныя имъ средства), Войтѣха Кентржинскаго (Katalog rękopisów zakładu nar. im. Ossolińskich, Lwów, 1880 и дал.) и др. Галицкіе архивы, прежде мало или совсѣмъ недоступные, были наконецъ изучаемы и нашими учеными; назовемъ особенно работу И. А. Линниченка: „Архивы въ Галиціи" („Кіевская Старина", 1888, августъ, октябрь), гдѣ указаны также мѣстные польскіе труды по разработкѣ этихъ архивовъ.

Единственнымъ литературнымъ органомъ, въ которомъ сосредоточиваются разнообразныя изысканія по южно-русской исторіи и этнографіи была, въ послѣдніе годы, основанная въ 1882 г. „Кіевская Старина". Съ тѣхъ поръ и донынѣ это изданіе успѣло дать столько любопытнаго матеріала, что стало необходимымъ для всякаго, кого занимаютъ вопросы южно-русской археологіи, исторіи и различныхъ отраслей этнографіи. Содержаніе журнала касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ этихъ предметовъ, начиная отъ древности до современнаго народнаго быта. Здѣсь, между прочимъ, появлялись труды наиболѣе авторитетныхъ писателей по изученію южной Руси, какъ напр. Костомарова, Антоновича, П. Житецкаго, И. Малышевскаго, М. Владимірскаго-Буданова, И. Линниченка, Ѳ. Сумцова, А. Потебни, Ѳ. Рыльскаго, А. Лазаревскаго, В. Науменка, В. Горленка, Ц. Неймана, П. Ефименка, и т. д. Множество изслѣдованій, отдѣльныхъ свѣдѣній и замѣтокъ—о старыхъ временахъ края, о козачествѣ, Запорожьѣ и гайдамачествѣ, о народной поэзіи, кобзаряхъ и лирникахъ; множество народныхъ пѣсенъ, народныхъ преданій, наговоровъ и чародѣйствъ; старые дневники и воспоминанія (какъ напр. Ханенка, Освѣцима и др.); старый малорусскій театръ (статьи П. Житецкаго, Кузьмичевскаго); бытовые разсказы современные, изъ давняго и недавняго прошлаго (напр. И. Левицкаго, Б. Познанскаго и др.); опи-

санія отдѣльныхъ земель южнаго края и, наконецъ, весьма отчетливая библіографія и критическая оцѣнка новыхъ книгъ и изданій, касающихся южно-русской исторіи и народовѣдѣнія,—все это дѣлаетъ „Кіевскую Старину" богатымъ запасомъ историческихъ объясненій и матеріаловъ и ставитъ это изданіе въ число первостепенныхъ пособій по малорусской этнографіи. Здѣсь являются, наконецъ, свѣденія о галицкой литературѣ, у насъ вообще мало извѣстной, и т. д. „Кіевская Старина" стоитъ вдалекѣ отъ полемическихъ вопросовъ, которые поднимаются у насъ отъ времени до времени по поводу малорусской литературы и народности, и довольствуется изученіемъ фактовъ: содержаніе описываемой ею старины нерѣдко бываетъ исполнено интереса, и остается жалѣть, что къ сохраненію и болѣе пристальному изученію этой старины недостаетъ тѣхъ средствъ, пособій и возбужденій, какія даются болѣе свободнымъ развитіемъ мѣстной образовательной жизни: такъ, напримѣръ, въ Кіевѣ до сихъ поръ нѣтъ мѣстнаго историческаго и этнографическаго музея, объ основаніи котораго помышляли уже (и положили начало самымъ коллекціямъ) лѣтъ двадцать тому назадъ, со времени основанія Кіевскаго отдѣла Географическаго Общества.

Основателемъ „Кіевской Старины" былъ Ѳеофанъ Гавр. Лебединцевъ. Мѣстный уроженецъ, питомецъ кіевской духовной академіи, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1851 со степенью магистра, онъ былъ преподавателемъ въ воронежской и кіевской семинаріяхъ, а потомъ профессоромъ въ той самой академіи. Въ 1864 году онъ занялъ должность начальника холмской учебной дирекціи, въ 1872 перемѣщенъ на такую же должность въ Радомъ и, по выходѣ въ отставку въ 1882, предпринялъ изданіе „Кіевской Старины", которое велъ до 1888, когда по болѣзни передалъ изданіе въ другія руки. Въ холмскомъ краѣ ему пришлось дѣйствовать въ то самое время, когда совершалось тамъ воздѣйствіе на греко-уніатское населеніе въ духѣ присоединенія его къ православію и тѣснѣйшаго сближенія съ русской народностью. Лебединцеву,—говоритъ его біографъ,—„пришлось работать въ этомъ краѣ въ самую трудную пору переходнаго его состоянія отъ укоренившихся въ странѣ польско-католическихъ культурныхъ вліяній къ южно-русскому строю жизни, сохранившемуся въ языкѣ и бытѣ простого народа"; какъ говорятъ, онъ дѣйствовалъ при этомъ „съ соблюденіемъ уваженія къ языку и мѣстнымъ обычаямъ населенія". Литературная дѣятельность Лебединцева началась въ 1860 году въ періодическомъ изданіи „Руководство для сельскихъ пастырей", которое было имъ задумано и въ первые годы выходило подъ его редакціей: здѣсь помѣщено было имъ нѣсколько статей церковно-поучительнаго содержанія; затѣмъ

подобныя статьи его печатались въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", въ „Трудахъ кіевской Духовной Академіи", въ „Вѣстникѣ юго-западной Россіи"; одна бесѣда съ поселянами, на народномъ языкѣ, напечатана была въ „Основѣ". Въ 1864 былъ имъ изданъ второй томъ „Архива" юго-западной Россіи съ документами о борьбѣ православія съ уніей въ кіевскомъ краѣ, въ половинѣ XVIII вѣка, и во введеніи—изслѣдованіе объ извѣстномъ архимандритѣ Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ. Въ 1882—1887 годахъ Лебединцевъ положилъ много труда, знанія и искусства на изданіе „Кіевской Старины", гдѣ помѣщено между прочимъ много его статей, почти всегда однако имъ не подписанныхъ.

Одно изъ лицъ, близко знавшихъ Лебединцева, говоритъ о трудѣ, положенномъ имъ на изданіе „Кіевской Старины": „Этотъ трудъ на поприщѣ новомъ, обставленномъ многими тяжелыми данными, съ слабой и вялой общественной поддержкой, требуетъ всего человѣка. Какъ въ театрѣ публика не думаетъ о режиссерѣ, такъ, читая журналъ, она забываетъ о редакторѣ. Публика знаетъ только то, что появляется изъ журнальнаго матеріала въ книгѣ... Кто знаетъ размѣры этого труда, тотъ забудетъ и проститъ ошибки покойнаго, если онѣ были, и вспомнитъ только то высокое и доброе, что было плодами его работы... Знающимъ его изслѣдованія о южно-русскихъ церковно-общественныхъ братствахъ или о Мелхиседекѣ Яворскомъ кажется непонятнымъ, почему писатель, заявившій себя, хоть бы въ этихъ двухъ работахъ, крупнымъ историческимъ изслѣдователемъ, какъ бы воздерживался отъ участія въ своемъ собственномъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что Ѳ. Г. обладалъ большою авторскою скромностью и писалъ постоянно подъ псевдонимами. На большое изслѣдованіе, на затяжную работу обязанности редактора не оставляли ему рѣшительно времени. Не успѣлъ онъ приступить и къ воспоминаніямъ своимъ, которыя для всѣхъ знавшихъ его талантъ разсказчика и неисчерпаемый юморъ обѣщали любопытнѣйшее явленіе. Имъ написано за шесть лѣтъ множество рецензій, замѣтокъ и маленькихъ очерковъ, никогда не превышавшихъ размѣра печатнаго листа и всегда писавшихся къ выходу книжки. Чаще всего писалъ онъ подъ псевдонимомъ: К. Цыбульскій, имѣвшимъ анекдотическое происхожденіе. Другими псевдонимами его были: Лобода, Кулюмбашъ, Б. Д-ръ, Холмскій старожилъ, Холмскій Братчикъ, Фратеркулусъ и въ послѣднихъ книжкахъ прошлаго года—Т. Шнейдеръ, разсчитанный на полное недоумѣніе лицъ, близко знавшихъ весь кругъ сотрудниковъ. Всѣ редакціонныя статьи и замѣтки принадлежатъ ему, также какъ и многія изъ появившихся безъ подписи. Изъ статей, имъ совершенно переработанныхъ, укажемъ для примѣра на любопытныя „Воспоминанія отшельника", помѣщенныя въ послѣдней книгѣ прошлаго года" [1]).

Переходимъ къ обзору того, что сдѣлано было въ послѣднее время по изученію южно-русской народности, касаясь лишь мимо-

[1]) Свѣдѣнія о біографіи и литературныхъ трудахъ Лебединцева см. въ „Кіевской Старинѣ", 1888, апрѣль (документы, извѣстія и пр., стр. 28—31); май (тамъ же, стр. 65—66); 1889, мартъ: „Памяти Ѳ. Г. Лебединцева", г. Сумцова, и его же статьи въ „Русской Старинѣ", 1889, іюнь, стр. 725—732, и др.

ходомъ тѣхъ изученій, которыя имѣютъ только косвенное отношеніе къ собственной этнографіи. Во-первыхъ, предприняты были въ последнее время довольно обширныя изслѣдованія по археологіи края, цѣлью которыхъ должно быть нѣкогда опредѣленіе тѣхъ періодовъ культуры и тѣхъ этнологическихъ элементовъ, которые прошли въ въ странѣ, ставшей потомъ наслѣдіемъ южно-русскаго племени. Таковы археологическія изысканія, раскопка кургановъ, изслѣдованіе Днѣпровскихъ пещеръ, собираніе остатковъ каменнаго и металлическихъ вѣковъ и т. п., произведенныя трудами В. Б. Антоновича, Д. И. Эварницкаго, Д. Я. Самоквасова, гр. А. А. Бобринскаго, г. Мазараки, Е. Дверницкаго, г-жи Мельникъ и др. По географіи старой Малороссіи упомянутъ выше трудъ И. П. Новицкаго; кромѣ того, работали здѣсь П. Голубовскій, Эварницкій, Сумцовъ и др. По археологіи стараго Кіева, кромѣ упомянутой раньше книги Закревскаго и стараго сочиненія Крыжановскаго („Обозрѣніе Кіева", изд. Фундуклеемъ, 1847), многое сдѣлано въ послѣднее время г. Антоновичемъ (подъ редакціей котораго изданъ былъ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей", Кіевъ, 1874), прот. П. Г. Лебединцевымъ, г. Праховымъ (реставрація древнихъ фресковъ въ Софійскомъ соборѣ и въ особенности въ Кирилловскомъ монастырѣ, близь Кіева) и другими. Изданіе фресковъ Кіево-Софійскаго собора въ особенности выдвинуло вопросъ о древнемъ художествѣ и здѣсь замѣчательныя объясненія даны были извѣстнымъ знатокомъ древняго византійскаго искусства Н. П. Кондаковымъ [1]).

Обширную литературу представляютъ изслѣдованія историческія, съ той поры, когда исторіографія слѣдуетъ непосредственно за археологіей и до разсказовъ о самомъ недавнемъ прошломъ. Къ археологіи памятниковъ непосредственно примыкаютъ изслѣдованія о древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствахъ относительно странъ нынѣшней южной Россіи. По археологіи памятниковъ извѣстна книга: „Русскія древности въ памятникахъ искусства", издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ (Спб. 1889—1891, три выпуска). Здѣсь, кромѣ обзора памятниковъ, приводятся и тѣ письменныя свидѣтельства классической древности, которыя являются первыми указаніями о гиперборейскихъ и скиѳскихъ странахъ, гдѣ для древнихъ было столько загадочнаго. Первый болѣе отчетливый повѣствователь объ этихъ странахъ, „отецъ исторіи", Геродотъ явился въ послѣднее

[1]) Для путешественниковъ и почитателей кіевской святыни составилъ книжку Н. Сементовскій (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; 6-е изданіе, 1881); укажемъ еще: „Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ", В. Бублика (2-е изд., 1890, съ многочисленными фототипіями), и книгу: „Кіевъ теперь и прежде", М. Захарченка, съ фототипіями Кульженко, предназначенную къ 900-лѣтнему юбилею крещенія Руси.

время въ новомъ переводѣ Ѳ. Мищенка и снова подвергся разнообразнымъ толкованіямъ, которыя между прочимъ съ большой смѣлостью придвигали его извѣстія прямо къ даннымъ нашей начальной лѣтописи (какъ у г. Забѣлина). Новѣйшія изысканія о началѣ Руси постоянно соприкасались съ вопросомъ о судьбѣ южнаго русскаго края; рядомъ съ тѣмъ появлялись и ближайшія изслѣдованія о русской колонизаціи этихъ земель. Для древняго періода подобная работа предпринята была И. А. Житецкимъ въ рядѣ статей: „Смѣна народностей въ южной Россіи" [1]).

Въ изслѣдованіяхъ по древней исторіи южной Руси память крещенія Руси привлекала особое вниманіе ученыхъ къ первому славянскому и русскому христіанству: таковы были важныя изысканія Е. Голубинскаго, И. Малышевскаго, А. Соболевскаго, Бережкова, Фортинскаго. Далѣе, кромѣ общихъ сочиненій о древней Руси, упомянутыхъ нами въ другомъ мѣстѣ, рядъ сочиненій посвященъ былъ изслѣдованію о южно-русскихъ земляхъ и княженіяхъ, каковы напр. труды В. Б. Антоновича, Н. П. Дашкевича (княженіе Даніила Галицкаго; Болоховская земля; Литовско-русское государство), Н. Молчановскаго (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года); П. Голубовскаго (Исторія Сѣверской земли до половины XIV вѣка); А. В. Лонгинова (Червенскіе города, историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси, 1885); „Холмская Русь" и „Волынь", въ изданіяхъ П. Батюшкова; изслѣдованія по исторіи городовъ (Кіевъ, Черниговъ, Холмъ, Замостье, Бѣлгородъ, Полтава и др.).

Примыкая къ изслѣдованіямъ г. Житецкаго о смѣнѣ народностей и къ исторіи земель, поднимаетъ вопросъ объ этнологическихъ отношеніяхъ старой Руси замѣчательная книга П. Голубовскаго: „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-рус-

---

[1]) „Кіевская Старина", 1883, май, іюль; 1884, августъ, сентябрь и ноябрь. Предстоитъ еще продолженіе этихъ статей.

Труды этого изслѣдователя сложились особеннымъ образомъ, вслѣдствіе біографическихъ обстоятельствъ. Г. Житецкій (Иродіонъ Алексѣевичъ, род. 1851), полтавскій уроженецъ, питомецъ полтавской семинаріи и кіевскаго университета (по филологическому факультету), въ 1875—1877 былъ преподавателемъ учительскаго института въ Глуховѣ, въ 1877 поступилъ вновь въ кіевскій университетъ по медицинскому факультету, но вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ прожилъ 1880—1881 въ вятской губерніи, затѣмъ въ 1882—1885 годахъ въ астраханской. Здѣсь онъ описывалъ историческій отдѣлъ архива главнаго калмыцкаго управленія и калмыцкія дѣла центральнаго архива при губернскомъ правленіи въ г. Астрахани, и потомъ въ 1885 и лѣтомъ 1886 г., по порученію калмыцкаго управленія, занимался собираніемъ этнографическаго матеріала среди астраханскихъ калмыковъ. Съ конца 1885 состоитъ на службѣ во Владимірѣ; труды его по этнографіи калмыковъ будутъ упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

скихъ степей IX—XIII вв." (Кіевъ, 1884), гдѣ авторъ, на основаніи первыхъ источниковъ русскихъ, византійскихъ и арабскихъ, старается выяснить вопросъ о тюркскихъ племенахъ, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ южною Русью и о томъ, какія были отношенія между этими тюрками и славянами и какое вліяніе оказало сосѣдство кочевниковъ на политическую жизнь древней Руси. Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: степи до появленія печенѣговъ: племенное родство и происхожденіе кочевниковъ; Русь и кочевники; судьбы окраиннаго славянскаго населенія; кочевники у себя; нашествіе татаръ и выселеніе половецкаго народа [1]). На томъ же интересномъ вопросѣ остановился г. Безсоновъ въ статьѣ: „Мнимый туранизмъ русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ въ Россіи" (въ московскихъ „Чтеніяхъ", 1885, кн. II). По поводу извѣстной теоріи о туранствѣ русскихъ, выдѣляющей изъ него малоруссовъ, г. Безсоновъ, собирая данныя о соприкосновеніяхъ туранства съ міромъ русскимъ съ древнѣйшихъ временъ, находитъ его скорѣе именно въ Руси южной. Къ сожалѣнію, какъ почти всегда у этого писателя, факты и соображенія, не лишенныя важности, перемѣшаны съ фантазіей [2]). По исторіи разселенія малорусскаго племени въ болѣе позднюю эпоху, обширныя работы исполнены были Д. И. Багалѣемъ въ книгѣ: „Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства" (М. 1887, изъ „Чтеній" 1886 г.), гдѣ рѣчь идетъ о земляхъ нынѣшней харьковской, и частію курской и воронежской губерній. За этимъ трудомъ слѣдовали два тома „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ.". Книга представляетъ обширный трудъ, построенный на архивныхъ документахъ.

Содержаніе этого сочиненія слѣдующее: историко-топографическій очеркъ степной окраины моск. государства; московская государственная колонизація до Алексѣя Михайловича; переселеніе въ московское государство малороссіянъ до Алексѣя Мих.; русская государственная колонизація со временъ Алексѣя Мих.; малорусская колонизація съ того же времени. „Матеріалы" заняты массою архивныхъ документовъ изъ разныхъ собраній, съ 1599 г. до конца XVIII вѣка, причемъ обзоръ содержанія облегченъ указателями географическимъ, личнымъ и предметнымъ (послѣдній къ обоимъ томамъ вмѣстѣ).

Дм. Ив. Багалѣй (род. въ 1857, въ Кіевѣ, въ мѣщанской малорусской семьѣ), прошедши гимназію и университетъ въ Кіевѣ, въ качествѣ стипендіата занимался русской исторіей подъ руководствомъ проф. Антоновича и

---

[1]) Рецензія этой книги, А. А. Куника и В. Радлова, въ Отчетѣ о XXIX присужденіи Уваровскихъ наградъ. Рядъ менѣе крупныхъ работъ г. Голубовскаго въ „Кіевской Старинѣ" съ самаго ея основанія

[2]) Объ этой статьѣ суровый отзывъ въ „Кіев. Старинѣ", 1886, кн. 2-я: „Безсоновское туранство малороссіянъ".

Иконникова, въ 1883 былъ избранъ доцентомъ въ харьковскій университетъ, и съ 1889 занимаетъ здѣсь ординатуру. Многочисленные труды его относятся частію вообще къ русской исторіи, частію къ южнорусской исторіи, географіи и этнографіи. Отмѣтимъ нѣкоторые:

— Исторія Сѣверской земли до половины XIV стол. Кіевъ, 1882.

— Удѣльный періодъ и его изученіе. К. 1883.

— Генеральная опись Малороссіи. К. 1883.

— Займанщина въ Лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст. (въ „К. Старинѣ" и отдѣльно), 1883.

— Что желательно для русской исторической географіи? (въ трудахъ Ярославскаго археологич. съѣзда).

— Основаніе г. Харькова (въ Харьковскомъ Календарѣ, 1886).

— О необходимости изученія Курской губ. въ историко-географическомъ отношеніи (Памятная книжка Курск. губ. стат. комит. 1888).

— Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета (актовая рѣчь, Харьк. 1889).

— Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры (въ „К. Старинѣ" и отдѣльно, 1889).

— Три Черкасскія слободы XVIII вѣка по современному ихъ описанію („К. Стар." 1887, іюнь — іюль).

— Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества (Харьковскій Сборникъ, 1888).

— Описаніе Слободско-украинской губ. 1802 г. (Харьковскій Сборникъ, 1889).

О малорусской колонизаціи въ новѣйшее время можно указать статьи и замѣтки г. Щербины — о колонизаціи Кубанской области („К. Старина", 1883, декабрь), Евг. Максимова—о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ слободской Украйнѣ (тамъ же, 1887, сентябрь), Лебединца — Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи (тамъ же, 1885, февраль) и пр.

Средній періодъ исторіи южной Руси вызвалъ многочисленныя изысканія, обнимавшія какъ внѣшнюю политическую судьбу страны въ союзѣ и въ борьбѣ съ Польшей, такъ и ея внутренній бытъ: просвѣщеніе, нравы и пр. Къ изслѣдованіямъ Костомарова и Кулиша примыкаютъ труды новаго поколѣнія ученыхъ; мы называли изслѣдованія о внутреннемъ бытѣ Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ и въ XVIII вѣкѣ гг. Антоновича, И. П. Новицкаго, Ѳ. Лебединцева; сюда принадлежатъ еще труды И. Левицкаго, Ф. Терновскаго, Ал. Лазаревскаго, г. Владимірскаго-Буданова, Иконникова, Теличенка и мн. др. Въ числѣ новѣйшихъ трудовъ г. Антоновича отмѣтимъ, въ ряду изданій Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, новое собраніе южно-русскихъ лѣтописей: „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи" (Кіевъ, 1888). Время Богдана Хмельницкаго было предметомъ изслѣ-

дованія П. Буцинскаго [1]). По исторіи Запорожья, давняя книга А. Скальковскаго („Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша запорожскаго", второе изд., Одесса, 1846) вышла въ новомъ изданіи, дополненномъ многими документами по исторіи Запорожья (Одесса, 1885—1886, три части). Цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи Запорожья принадлежитъ Д. Эварницкому; назовемъ изъ нихъ въ особенности: „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа" (Спб. 1888), со многими рисунками и планами, съ замѣчательными данными для бытовой археологіи, и „Вольности запорожскихъ козаковъ", историко-топографическій очеркъ (Спб. 1890), съ подробной географіей старыхъ запорожскихъ земель и картами; далѣе: „Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ", „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ", „Число и порядокъ Сѣчей" и пр.,—все это на основаніи обширнаго изученія архивныхъ матеріаловъ, частью здѣсь же изданныхъ, и изслѣдованій на мѣстахъ. По исторіи гайдамачины, кромѣ упомянутаго выше изслѣдованія Ѳ. Лебединцева, труды В. Б. Антоновича, Скальковскаго („Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины", „К. Старина", 1885, октябрь; „Наѣзды гайдамакъ"), книга Мордовцева (Гайдамачина, 2-е изд. Спб. 1884), изданіе современныхъ записокъ Вероники Кребсъ („Уманьская рѣзня", переводъ съ польскаго г. Ревы, Кіевъ, 1879), матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 года, Костомарова („К. Старина", 1882, августъ), „Разсказъ современника о приключеніяхъ его во время Коліивщины", съ предисловіемъ Ѳ. Рыльскаго („К. Старина", 1887, январь) и пр., и особенно книга Я. Шульгина, представляющая также отдѣльное изданіе изъ „Кіевской Старины": „Очеркъ Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ" (Кіевъ, 1890).

Затѣмъ въ „К. Старинѣ" разсѣяно множество отдѣльныхъ изслѣдованій, замѣтокъ и матеріаловъ о позднѣйшей исторіи козачества, его остаткахъ и развѣтвленіяхъ. Напримѣръ—свѣдѣнія о бугскихъ козакахъ А. Рудковскаго („К. Старина", 1882, ноябрь) и Скальковскаго (тамъ же, декабрь; 1883, май), А. Пишчевича (тамъ же, 1886, февраль), Лобачевскаго (1887, декабрь); „Задунайская Сѣчь", по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, Ѳ. Кондратовича (тамъ же, 1883, январь) и „Русскія въ колоніи Добруджѣ", Лупулесу (1889, январь—мартъ); „Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ" (тамъ же, 1882, іюнь) и пр.

Новѣйшая исторія козачества, превратившагося въ отдѣльныя

[1]) Разборъ его книги о Богданѣ Хмельницкомъ (Харьковъ, 1882), В. Антоновича, въ „Кіевской Старинѣ", 1883, февраль.

ласти и вѣдомства козацкихъ войскъ, вызывала гораздо болѣе уды спеціально военные и административные, чѣмъ бытовые и этноафическіе. Таковы были напримѣръ труды г. Ивана Попко, по исторіи йска черноморскаго, которое было прямымъ преемникомъ стараго порожья: „Черноморскіе козаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ гту" (Спб. 1858); его же „Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. торическій очеркъ (вып. первый). Гребенское войско" (Спб. 1880). ѣ книги заняты больше описаніемъ внѣшняго устройства и истоей военной службы, чѣмъ этнографическими особенностями козацго населенія, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи исторія черноорцевъ представляла бы особенный интересъ [1]). Черноморскому йску посвящены также труды г. Короленка, въ особенности его нига: „Черноморцы" (Спб. 1874), хотя также занятая всего болѣе оенной исторіей. Отмѣтимъ еще труды Кубанскаго областного статистическаго комитета („Кубанскій Сборникъ" и „Кубанская справочная книжка". Екатеринодаръ, 1883), изданные подъ редакціей секретаря этого комитета Е. Д. Фелицына.

Какъ большею частью писавшіе объ этихъ предметахъ были мѣстные уроженцы, такъ и Прокопій Петр. Короленко (род. 1834). Сынъ миргородскаго дворянина, прибывшаго въ Черноморье въ числѣ переселенцевъ, вызванныхъ правительствомъ на пополненіе черноморскаго козачьяго войска, онъ, безъ школьной подготовки, поступилъ 17-ти лѣтъ на службу, отчасти въ рядахъ козачьяго войска, отчасти въ войсковыхъ вѣдомствахъ Черноморья и Кубанской области. Въ 1852 году, за отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ произведенъ въ урядники, потомъ въ хорунжіе, сотники, и въ 1886 оставилъ службу, переименованный уже въ гражданскій чинъ. Его первые литературные труды появляются съ 1863 года въ мѣстныхъ изданіяхъ („Кубанскія Вѣдомости", позднѣе „Казачій Вѣстникъ", 1880-хъ годовъ) и состояли отчасти въ стихотвореніяхъ, отчасти въ разсказахъ (также на малорусскомъ языкѣ) съ этнографическими чертами мѣстнаго быта; между прочимъ находимъ у него описаніе черноморской свадьбы, съ пѣснями и прибаутками („Куб. Вѣдом." 1865, № 1 — 4), и весеннихъ хороводовъ (на русскомъ яз.) съ пѣснями (тамъ же). Главнымъ трудомъ П. П. Короленка была названная книга „Черноморцы" (въ двухъ отдѣлахъ: Черноморцы за Бугомъ и Черноморцы на Кубани, изъ которыхъ первый изданъ былъ сначала въ „Военномъ Сборникѣ"), гдѣ исторія Черноморскаго войска изложена со времени упраздненія Запорожской Сѣчи, въ 1775, до 1842 г., когда войско было сформировано по новому положенію.

Затѣмъ нѣсколько статей г. Короленка посвящено практическимъ бытовымъ вопросамъ мѣстной жизни — поземельному дѣлу, рыболовству; отмѣтимъ еще „Путевыя замѣтки о поѣздкѣ по Закубанскому краю, въ 1866 году" (Куб. Вѣдом. 1889, № 23–29).

Войско Донское, въ которомъ значительный процентъ занятъ пле-

---

[1]) Первая изъ этихъ книгъ была вознаграждена Демидовской преміей. См. 30-е присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб. 1861, рецензія Костомарова.

менемъ малорусскимъ, имѣло цѣлый рядъ историковъ и описателей, изъ которыхъ назовемъ Н. Краснова: „Земля Войска Донского" (Спб. 1863); „Историческое описаніе земли Войска Донского" (Новочеркасскъ, 1867—72), изданное донскимъ статистическимъ комитетомъ, которому принадлежитъ также нѣсколько другихъ изданій, съ статистико-этнографическимъ матеріаломъ; „Трехсотлѣтіе войска Донского", А. Савельева (Спб. 1870) и др. О слободскихъ козачьихъ полкахъ изслѣдованіе П. Головинскаго (Спб. 1864).

Много общихъ и детальныхъ изслѣдованій относится къ исторіи быта и нравовъ. Мы указывали уже многія работы, имѣющія отношеніе къ этой сторонѣ старой жизни. Таковы были напр. многія изслѣдованія В. Б. Антоновича („Ходыки, воротилы кіевскаго самоуправленія въ XVI – XVII в." и др.), И. П. Новицкаго и др. По исторіи внутренней жизни и нравовъ общества укажемъ еще въ особенности труды О. И. Левицкаго: „Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси" (въ „К. Старинѣ" и отдѣльно, 1882); Анна-Элоиза, княжна острожская" („К. Стар." 1883, ноябрь); „Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII в." (тамъ же, 1884, авг.); „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI столѣтія и Унія", во введеніи къ „Архиву" (т. VI, ч. 1-я, 1884) „Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни" (тамъ же, 1887, мартъ); „Ганна Монтовтъ; изъ жизни волынскаго дворянства XVI в." (тамъ же, 1888, январь—мартъ); „Очерки стариннаго быта Волыни и Украины" (тамъ же, 1889, апрѣль, ноябрь; 1891, январь) и друг. [1]). А. М. Лазаревскій, давно уже, съ шестидесятыхъ годовъ, работающій много по малорусской исторіи, съ самаго основанія „Кіевской Старины" участвовалъ въ этомъ жур-

[1]) Орестъ Ив. Левицкій, полтавскій уроженецъ (род. 1849), учился въ полт. духовной семинаріи, потомъ въ Кіевскомъ университетѣ, и съ 1874 состоитъ учителемъ гимназіи и секретаремъ Кіевской археографической коммиссіи. Кромѣ работъ, названныхъ въ текстѣ, укажемъ еще:

— Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во 2-й половинѣ XVII ст., въ „Униерс. Извѣстіяхъ", 1874—75.

— Шалопутство на границахъ полт. и екатеринославской губ., — рефератъ въ К. отдѣлѣ Геогр. Общ., напечатанъ въ „К. Телеграфѣ", 1875.

— Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, и его дѣятельность въ защиту православія противъ уніи,—въ „Универс. Извѣстіяхъ", 1878.

— Опытъ изслѣдованія о лѣтописи Самовидца, при новомъ изданіи этой лѣтописи Кіевской Коммиссіей, 1878.

— О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII ст., въ „Русской Старинѣ", 1880.

— Біографіи Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, въ „Памятникахъ русской старины въ зап. губ.", Батюшкова, т. VIII, 1885,—и друг.

лгѣ многочисленными работами по малорусской исторіи послѣднихъ ѣковъ, преимущественно по исторіи малорусскихъ наиболѣе извѣстныхъ фамилій и по исторіи быта. Таковъ длинный рядъ его статей эдъ названіемъ: „Люди старой Малороссіи", гдѣ проходятъ передъ ами Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки, Марковичи, олубы, Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Борозды, Жураковскіе т. д. Затѣмъ отдѣльная работа была имъ посвящена фамильному рхиву Сулимъ [1]), и въ той же „Кіевской Старинѣ" много отдѣльыхъ статей и замѣтокъ къ исторіи гетманщины, Запорожья и вобще старыхъ нравовъ. Наконецъ, обильныя данныя для исторіи млевладѣнія и сословныхъ отношеній представляетъ новый трудъ Лазаревскаго: „Описаніе старой Малороссіи (Кіевъ, 1888—89; разэръ Лучицкаго, въ „Универс. Извѣстіяхъ", 1889, кн. 12). Назовемъ акже „Обозрѣніе Румянцовской описи Малороссіи", Н. Константиноича. Чрезвычайно любопытный историческій матеріалъ доставляютъ зданныя въ „К. Старинѣ" записки, дневники, исторіи отдѣльныхъ роовъ, какъ напр. дневникъ Николая Ханенка („К. Стар." 1884—86), дневникъ новгородскаго подсудка Евлашевскаго, дневникъ Освѣцима 1882, въ извлеченіи и въ переводѣ), записки кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ 1612 г. (1882), записки Карла Коецкаго, 1768—76 г. (1883), записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Новосербію (1883), путевыя записки отъ Смоленска до Кіева конца XVIII в. (1887); изъ новѣйшаго времени —записки новоосколькаго дворянина Островскаго-Лохвицкаго, 1771—1846 г. (1886), П. Д. Селецкаго, 1821—46 (1884); М. К. Чалаго; „Воспоминанія о польскомъ возстаніи въ Украйнѣ 1863 г.", Б. Познанскаго (1885) и его же другіе разсказы: „Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго" (о школѣ и грамотности въ Кіевской губ.), „Воронежскіе хохлы" (1885), „Что слышалось и что видѣлось" (1886), „Воспоминаніе о рекрутчинѣ по прежнему порядку" (1889) и др. Къ работамъ А. Лазаревскаго примыкаютъ далѣе изслѣдованія о старыхъ фамиліяхъ — Вишневскихъ, Полуботкахъ, Горленкахъ, Стороженкахъ и пр. Множество отдѣльныхъ статей и замѣтокъ доставляютъ матеріалъ для исторіи церкви, школы, управленія, суда и т. д. Наконецъ, отмѣтимъ изображенія старыхъ нравовъ въ беллетристикѣ, какъ напр. „Старосвѣтскіе батюшки и матушки" (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія), И. Левицкаго („К. Стар.", 1884—85).

Мы указывали раньше, что малорусскіе этнографы-собиратели и

---

[1]) Сулимовскій архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами. Кіевъ, 1884.

самые изслѣдователи всего чаще развивались подъ прямыми возбужденіями народной жизни, нерѣдко жили въ самой ея средѣ. Въ малорусскомъ обществѣ совершалось и совершается въ послѣднія десятилѣтія явленіе, весьма параллельное, иногда совсѣмъ однородное съ тѣмъ, что у насъ называется народничествомъ. Это послѣднее, при различныхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, въ существѣ своемъ и главныхъ проявленіяхъ исходитъ изъ благороднѣйшихъ побужденій сблизиться съ народомъ, отъ котораго общество такъ долго было удалено рабствомъ этого народа и собственнымъ стѣсненнымъ положеніемъ,—и послужить народу полезнымъ знаніемъ и практическимъ содѣйствіемъ. Таже потребность нравственнаго единенія господствуетъ и здѣсь; постоянно чувствуешь, что въ подкладкѣ разнообразныхъ поисковъ въ народной старинѣ, преданіи, обычаѣ, поэзіи, лежитъ беззавѣтная преданность своему народу, желаніе сберечь характерныя выраженія его исторической и современной личности,— въ которыхъ нерѣдко видится столько своеобразнаго и симпатичнаго,—послужить ему тѣмъ, что даетъ знаніе, указать и облегчить самому обществу путь сближенія съ народною жизнью,—и все это нерѣдко съ рискомъ остаться непонятымъ, навлечь подозрѣнія, испытать весьма серьезныя практическія неудобства. Одни со страстью предаются разысканіямъ археологическимъ, собирая остатки давнопрошедшихъ временъ; другіе роются въ книжной старинѣ, которая вознаграждаетъ ихъ любопытными находками, собираютъ памятники народной поэзіи и факты обычая; безвѣстные труженики ставятъ себѣ задачей изученіе живой народной рѣчи въ разныхъ краяхъ ея территоріи, предоставляя спеціалистамъ свои собранія; неутомимые, можно сказать — самоотверженные труды посвящены были здѣсь, какъ и въ области великорусской, изученію экономическаго быта, земской статистикѣ.

Вопросы этого послѣдняго рода привлекали уже вниманіе экспедиціи Чубинскаго и въ послѣднее время вызвали нѣсколько любопытныхъ трудовъ по исторіи южно-русскаго крестьянства, его обычая въ экономической жизни и наконецъ современнаго хозяйственнаго положенія. Еще въ шестидесятыхъ годахъ вышло замѣчательное изслѣдованіе А. Лазаревскаго: „Малороссійскіе посполитые крестьяне, 1648—1783“ (въ запискахъ Черниговскаго губ. статистическаго комитета, кн. I. Черниговъ, 1866). Далѣе, Козловскаго: „Судьба малороссійскаго крестьянства XVII — XVIII вѣка“ (Кіевъ, 1871); упомянутое прежде изслѣдованіе Ив. Новицкаго о крестьянскомъ сословіи юго-западной Россіи въ XV—XVIII в. (1876); статьи Котелянскаго: „Очерки подворной Россіи“ (Отеч. Зап., 1878, № 2, 8, 9); изслѣдованіе Е. Филимонова: „О формахъ землевладѣнія въ Суражскомъ

здѣ Черниговской губерніи" (въ „Матеріалахъ для оцѣнки земельхъ угодій, собр. статистическимъ отдѣленіемъ Черниговскаго земва", т. IX), и вообще богатый матеріалъ, собранный въ послѣднее емя трудами земскихъ статистиковъ, трудами, которые представютъ небывалый прежде фактъ внимательнаго изученія народнаго ыта.

Вопросъ о внутреннемъ распорядкѣ народной хозяйственной изни былъ поднятъ уже въ извѣстномъ изслѣдованіи Иванишева: О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Руси" (изд. 1857 1863). Передъ тѣмъ обратило на себя вниманіе изслѣдованіе . Тарновскаго: „О дѣлимости семей въ Малороссіи" (1854). Теперь, бщина въ разныхъ ея проявленіяхъ стала особеннымъ интересомъ жно-русскихъ изслѣдователей. Назовемъ, напр. книгу г Щербины: Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ" Одесса, 1881) и другія его изслѣдованія.

Ѳедоръ Андр. Щербина принадлежитъ къ ряду наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей народовѣдѣнія и земской статистики. По происхожденію онъ—козакъ Черноморскаго, нынѣ Кубанскаго войска (род. 1849); отецъ его, простой козакъ-самоучка, за знаніе грамоты и „добру гортань" возведенъ былъ войскомъ, по старому козачьему обычаю, въ „духовника", а потомъ архіереи, согласно общественному приговору, произвели въ дьячки, діаконы и священники. Послѣ войскового уѣзднаго училища въ Екатеринодарѣ и семинаріи въ Ставрополѣ, съ 1872 по 1874 г. Щербина былъ студентомъ Петровской земледѣльческой академіи, а потомъ одесскаго университета, гдѣ числился естественникомъ, но увлекался юридическими и общественными науками. Какъ войсковой стипендіатъ, строевой службы не несъ, и съ 1880-хъ годовъ спеціально занялся земской статистикой, между прочимъ и на своей родинѣ. Первыя работы его явились въ „Кубанскихъ Вѣдомостяхъ" (съ 1869 г.), а главнымъ образомъ съ 1876 г. въ газетахъ и журналахъ („Р. Мысль", „Сѣв. Вѣстникъ", „Отеч. Записки", „Дѣло", „К. Старина", „Устои", „Юридическій Вѣстникъ"). Работы его были посвящены исключительно народовѣдѣнію въ обширномъ смыслѣ слова. Въ „Недѣлѣ", 1876, неподписанная статья его „Малорусская штунда" доставила первыя по времени подробныя свѣдѣнія объ этой сектѣ; позднѣе: „Двойственность русскаго сектантства" („Недѣля", 1881) и „Кубанскіе шалапуты" (рядъ очерковъ въ „Р. Курьерѣ").

Общему складу умственной жизни народа посвящены его статьи: „Задачи русской общественной мысли", какъ вступленіе („Р. Мысль", 1881, мартъ); „Передача и обращеніе народныхъ знаній" (Устои", 1882, № 5); „Народное мышленіе", въ „Сѣв. Вѣстникѣ", 1890, и тамъ же „Областныя замѣтки (подъ псевдонимомъ Ф. Андреева).

Изъ бытовыхъ описаній отмѣтимъ статьи: „Русскіе черкесы", „Народный самосудъ и расправа" („Недѣля", 1877); „На путикахъ", изъ жизни вологодскихъ крестьянъ-охотниковъ („Р. Вѣдом." 1879); „Шабаи и шабайство" „Еврейскій корпоратизмъ" („Дѣло", 1884) и др.

По изученію общины, кромѣ упомянутой книги, рядъ статей: „Община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ таврической губерніи" („Р. Мысль", 1880), гдѣ сообщены

первыя по времени свѣдѣнія о современной малорусской земельной общинѣ; нѣсколько статей о землевладѣніи и земельной общинѣ у Кубанскихъ козаковъ въ „Кубанскомъ Сборникѣ", 1881, и въ „Р. Курьерѣ", 1882, и особая книга: „Земельная община Кубанскихъ козаковъ", 1889. Упомянемъ еще „Историческій очеркъ Кубанскаго козачьяго войска", въ сборникѣ „Кубанское войско", 1888. Наконецъ спеціальныя работы по земской статистикѣ Воронежской губерніи.—Одно время живалъ и въ Вологодской губерніи.

Не менѣе разнообразны труды другого неутомимаго дѣятеля земской статистики и этнографіи, А. А. Русова. Кіевскій уроженецъ (род. 1847), онъ учился въ одной изъ кіевскихъ гимназій во времена Пирогова-попечителя, потомъ въ кіевскомъ университетѣ, былъ учителемъ въ Злотополѣ и Кіевѣ; въ 1871 былъ посланъ министерствомъ за границу для осмотра гимназій; въ 1873 и въ 1875 — 76 ѣздилъ въ славянскія земли австрійскія и турецкія, занимаясь одно время славистикой. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и тогда, въ „Запискахъ" этого Отдѣла, была имъ издана чрезвычайно любопытная работа о кобзарѣ Остапѣ Вересаѣ и исполняемыхъ имъ народныхъ пѣсняхъ, при чемъ были сообщены и ихъ напѣвы (1874); далѣе: „Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ" (1876); „Нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія" (1876). Оставивъ въ 1874 учительство, онъ сталъ изучать экономическую статистику—сначала въ Черниговской губерніи (1876—80); по командировкѣ отъ московскаго Археологическаго Общества ѣздилъ въ Дагестанъ и раскапывалъ курганы; въ 1881—82 много работалъ въ газетахъ „Трудъ" и „Заря"; потомъ въ 1882—89 былъ опять статистикомъ въ Херсонской губерніи, въ послѣдніе годы—въ Харьковѣ и Полтавѣ. Въ „Земскомъ Сборникѣ" Черниговской губерніи, издав. съ 1877, была напечатана имъ „объяснительная записка къ программамъ для статистико-экономическаго описанія Черниговской губерніи" и нѣсколько подобныхъ описаній разныхъ мѣстностей этой губерніи, и отдѣльною книгой: „Нѣжинскій уѣздъ, статистико-экономическое описаніе" (Кіевъ, 1880). Въ „Сборникѣ Херсонскаго земства", съ 1883, ему принадлежитъ, кромѣ самыхъ статистическихъ работъ съ другими сотрудниками: „Программа для описанія Херсонской губерніи", „Нѣсколько выводовъ изъ статистическихъ трудовъ по Черниговской и Херсонской губерніямъ" (1888) и нѣсколько описаній отдѣльныхъ мѣстностей Херсонской губерніи. Далѣе, „Итоги земской статистики въ Харьковской губерніи" въ Харьковскомъ Сборникѣ", 1890, и „Областное начало въ земской статистикѣ" въ сборникѣ „Степь" (Херсонъ, 1886).

Въ ряду мѣстныхъ дѣятелей, работающихъ въ томъ же направленіи, назовемъ далѣе г. Шиманова (Андр. Льв., род. 1836). Харь-

ковскій уроженецъ, изъ стараго мѣстнаго рода, и питомецъ Харьковскаго университета, г. Шимановъ, какъ очень многіе въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи, увлекался ожиданіями всеобщаго русскаго „возрожденія“ и довѣрялся его нѣкоторымъ симптомамъ; но дѣйствительность скоро напомнила о себѣ. Предположивъ сдѣлать путешествіе по Украйнѣ, чтобы ознакомиться шире съ своей родиной [1]), онъ долженъ былъ однако въ 1862 противъ собственнаго желанія побывать въ Петербургѣ и затѣмъ водвориться въ Курскѣ, гдѣ послѣ былъ редакторомъ мѣстныхъ губ. вѣдомостей (1864 — 65), работалъ въ статистическомъ комитетѣ и пр., наконецъ здѣсь, потомъ въ Харьковѣ, занялся частной адвокатурой, особливо по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣ упомянутаго начала, г. Шимановъ, помѣстилъ нѣсколько статей о вопросахъ провинціальнаго и народнаго быта въ „Современникѣ“ [2]) и „Отеч. Запискахъ“ начала 70-хъ годовъ, затѣмъ въ „Трудахъ“ Курскаго губ. статистическаго комитета: „Матеріалы для статистики Кур. губ. за трехлѣтіе 1864 — 66 г.“, гдѣ между прочимъ разработана статистика пожаровъ, любопытная по сравненію съ тогдашними утвержденіями Каткова о присутствіи „политическихъ“ причинъ пожаровъ. Далѣе, „Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губ.“ (въ нѣсколькихъ книгахъ „К. Старины“, 1882—83), статья любопытная по отношенію къ вопросу о старозаимочныхъ земляхъ, по которымъ велись дѣла у крестьянъ съ казною. Отмѣтимъ еще статью: „Предсмертная поземельная борьба Запорожья“ („К. Старина“, 1883, декабрь).

Не мало любопытныхъ работъ по изученію народной жизни представляютъ труды Викт. Ив. Василенка (род. 1839). Полтавскій уроженецъ, изъ стараго козацкаго рода, почти съ дѣтскихъ лѣтъ выведенный нуждою на „службу“ и потомъ занимавшій мѣста, сближавшія съ непосредственною народною жизнью—по земству и по крестьянскимъ дѣламъ, г. Василенко пріобрѣлъ большой опытъ въ этой области, который примѣнялъ и въ практическихъ дѣлахъ народной жизни, и въ литературѣ. Одной своей работой онъ участвовалъ въ „Трудахъ“ Коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ; затѣмъ ему принадлежатъ статьи: „Юридическіе обычаи въ земледѣліи въ Малороссіи“ (Юридич. Вѣстникъ, 1881, № 9); „Очерки хозяйства сельскихъ сословій“, въ Полтавскомъ статистическомъ сборникѣ, т. II — III, и отдѣльная работа о „Кустарныхъ промыслахъ сельскихъ сословій Полтавской губерніи“; „Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ“ („К. Старина“, 1885); „Памьятковый прочуханъ“ (тамъ же); „Очерки

[1]) Небольшой литературный результатъ этого, замѣтка „О путешествіи по Украинѣ“, въ „Основѣ“, 1862, январь.

[2]) „Изъ провинціи“, „Совр.“ 1865, ноябрь и декабрь, и др.

Полтавщины" („Сѣверный Вѣстникъ", 1885—87), наконецъ, много мелкихъ статей по народному хозяйству, статистикѣ, школѣ и пр. въ мѣстныхъ южно-русскихъ изданіяхъ.

Извѣстно, наконецъ, имя заслуженнаго дѣятеля по земской статистикѣ и народовѣдѣнію, П. П. Червинскаго, члена Черниговской губернской управы, завѣдующаго статистическими работами. Замѣчательно изданіе: „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собр. Черниговскимъ статист. отдѣленіемъ при губ. земской управѣ" (15 томовъ, 1877—1887), гдѣ кромѣ обычныхъ статистическихъ данныхъ приведены также данныя изъ открытой недавно Румянцовской описи Малороссіи и по сличенію этихъ историческихъ цифръ съ нынѣшними сдѣланы любопытные выводы [1]).

Укажемъ, далѣе, статистико-этнографическія изслѣдованія профессора Кіевскаго университета И. В. Лучицкаго: „Общинное землевладѣніе въ Малороссіи" („Устои", 1882, № 7), „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ" („Отеч. Зап." 1882, № 11), „Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ" (въ „Земскомъ Обзорѣ", 1883, № 6), книгу его: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ" (Кіевъ, 1884); „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи" (Спб. 1889; разборъ, Ив. Новицкаго въ „К. Стар." 1889, іюль) [2]). Изслѣдованіе по этому предмету сдѣлано было также М. М. Ковалевскимъ („Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ", въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", 1885, январь). Вышелъ первый выпускъ любопытнаго изслѣдованія Мих. Харузина: „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону—матеріалы для обычнаго права" (Москва, 1885).

Обычное право возбудило у насъ особенное вниманіе этнографовъ и юристовъ съ тѣхъ поръ, какъ сама жизнь поставила вопросъ объ установленіи новыхъ началъ народнаго быта—съ прошлаго царствованія, именно съ крестьянской и судебной реформы. Какъ замѣчено выше, диссертація объ обычномъ правѣ была первой научной работой Чубинскаго. Пока еще собирается отдѣльными частностями матеріалъ для полнаго изложенія обычнаго малорусскаго права; не перечисляя работъ подобнаго рода, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ, отмѣтимъ

---

[1]) Ср. объ этомъ любопытную рецензію А. Русова, „К. Старина", 1888, кн. 1—3, стр. 28—39, критика.

[2]) Прибавимъ еще: „Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губ., въ XVIII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Казачьи владѣнія Золотоношскаго уѣзда; вып. I, статистическія таблицы землевладѣнія въ Полтавской губ., составленныя по „Описи малороссійскихъ полковъ" 1767 г. губернскимъ гласнымъ полтавскаго земства, И. В. Лучицкимъ". Кіевъ, 1883, 4°.

только труды А. Ѳ. Кистяковскаго. Историко-юридическіе вопросы были съ самаго начала его особымъ ученымъ интересомъ. Въ 1861 году, имъ былъ уже написанъ краткій, но весьма цѣнный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Малороссіи, и впослѣдствіи онъ много работалъ для собиранія и объясненія обычнаго права; въ „Трудахъ экспедиціи" Чубинскаго, какъ упомянуто выше, было имъ сообщено изслѣдованіе объ исторіи и настоящемъ положеніи волостного суда; затѣмъ, имъ составлена была „Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву" (въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ" 1874, и 2-е дополненное изданіе, 1878), далѣе статьи: „Собраніе и разработка матеріаловъ по обычному праву" (тамъ же, 1876, № 6), „Обозрѣніе работъ по обычному праву" за 1873—78 г. (тамъ же, 1878, № 4), „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа" (Зап. Географ. Общества по отдѣл. этнографіи, т. VIII), наконецъ обширное изданіе „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ" и пр., съ историческимъ объясненіемъ (въ „Университ. Извѣстіяхъ" 1875 — 1878 г., и отдѣльною книгой, Кіевъ, 1879). Работая много самъ по этому предмету, онъ старался создать школу работниковъ для изученія этой важной области, и при кіевскомъ Юридическомъ обществѣ устроилъ спеціальное отдѣленіе обычнаго права [1])...

Обильная масса данныхъ объ экономическомъ бытѣ южно-русскаго населенія, а иногда и подробностей этнографическихъ, разсѣяна въ мѣстныхъ изданіяхъ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ трудахъ статистическихъ комитетовъ.

Мы указывали то отношеніе къ этнографіи, которое имѣетъ изученіе старой южнорусской письменности и новѣйшей литературы. Къ тому, что̀ упомянуто выше объ изслѣдованіяхъ по древнѣйшей кіевской письменности, присоединяются изысканія о среднемъ періодѣ малорусской литературы, гдѣ важные и полезные труды принадлежатъ П. Житецкому, И. Малышевскому, С. Голубеву, Н. П. Петрову, О. Левицкому, В. Науменку, В. Горленку, П. Владимірову, Засадкевичу, Н. Ѳ. Сумцову, И. Шляпкину (Димитрій Ростовскій), Селецкому и др. Относительно литературы XVIII и XIX вѣка замѣчательныя работы сдѣланы были особливо въ цитированныхъ выше книгахъ П. Н. Петрова, профессора Кіевской духовной академіи, вообще много трудившагося по изученію малорусской старины и заботамъ котораго обязано учрежденіе Церковно-археологическаго Музея при Кіевской дух. академіи. Въ изученіи малорусской литературы въ связи съ новѣйшею судьбою народности и разработкою этнографіи замѣчательная

[1]) О Кистяковскомъ см. автобіографическую записку въ „Біограф. Словарѣ" проф. кіевскаго унив. стр. 252—260, и некрологъ его, проф. Лучицкаго, въ „К. Старинѣ" 1885, февр., стр. 406—415; въ „Нови", 1885, и др.

работа, не однажды нами цитированная, исполнена была Н. П. Дашкевичемъ, труды котораго по русскому эпосу были упомянуты нами раньше [1]). Эта работа, представляя разборъ сочиненія г. Петрова объ украинской литературѣ XIX столѣтія [2]), выясняетъ вопросъ о ней въ связи съ различными отношеніями предъидущаго ея развитія и вліяніемъ новѣйшихъ условій. Трудъ г. Дашкевича распадается на нѣсколько главъ: общій взглядъ г. Петрова на ходъ развитія украинской литературы; анализъ произведеній И. П. Котляревскаго и выясненіе первоначалъ украинской литературы; отношеніе украинской литературы къ обще-русской; любовь къ народности и пробужденіе самосознанія, какъ первоисточники украинской литературы; идея народности, романтическое увлеченіе народностью и идеализація старины въ украинской литературѣ; польско-украинскіе поэты и ихъ вліяніе на украинскую поэзію; украинофильскій панславизмъ въ соединеніи съ народничествомъ; украинская литература съ начала прошлаго царствованія и общее заключеніе объ украинской литературѣ; наконецъ, разборъ группировки украинскихъ писателей, дѣленія украинской литературы на періоды, и отдѣльныхъ очерковъ жизни и дѣятельности ея писателей въ книгѣ г. Петрова, и общій выводъ. Такъ какъ книга г. Петрова была первымъ подробнымъ изложеніемъ предмета, то и разборъ г. Дашкевича получаетъ особый интересъ, тѣмъ болѣе, что рецензія во многихъ случаяхъ послужила только поводомъ къ самостоятельнымъ поискамъ и особливо къ опредѣленію общихъ принципіальныхъ условій вопроса. Укажемъ нашему читателю на этотъ трудъ г. Дашкевича, какъ на весьма полезное собраніе фактовъ и историческихъ соображеній, важное и для исторіи собственной этнографіи,—хотя нѣкоторые изъ принципіальныхъ вопросовъ остаются не отвѣченными.

Переходя къ описаніямъ непосредственнаго народнаго быта, собиранію памятниковъ, обычаевъ и поэзіи, укажемъ во-первыхъ труды уже названнаго нами [3]) П. С. Ефименка, работавшаго вообще по разнымъ отраслямъ народовѣдѣнія, и въ послѣдніе годы особливо по южной Руси. Въ „К. Старинѣ“ было помѣщено много его статей по старой исторіи, обычаю, народнымъ преданіямъ и поэзіи.

Въ 1882: „Архивъ малороссійской коллегіи при Харьковскомъ университетѣ“ (январь); „Образцы обличительной литературы въ Малороссіи“ (мартъ) „Экстренные расходы изъ суммъ малоросс. коллегіи“ (май); „Послѣдній писарь войска Запорожскаго Глоба“ (августъ); „Ссыльные малороссіяне въ архан-

---

[1]) Т. II, глава IX.

[2]) Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ Графа Уварова. Приложеніе къ LIX-му тому записокъ импер. академіи наукъ, № 1. Спб. 1888, стр. 37—301.

[3]) Т. II, глава X.

гельской губерніи 1708—1802 г.“ (сентябрь); „Откуда взялись запорожцы“, народное преданіе (декабрь).

Въ 1883: „Шпитали въ Малороссіи“ (апрѣль); „Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору“ (май); „Упыри“, изъ исторіи народныхъ вѣрованій (іюнь); „Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра“ (іюль); „Братства и союзы нищихъ“ (сентябрь); „Судъ надъ вѣдьмами“ (ноябрь).

Въ 1884: „Попытка околдовать волостной судъ“ (мартъ); „Могилы гетманцевъ въ г. Лебединѣ“ (апрѣль); „Присяга духовенства“ (май).

Въ 1886: „Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ“ (мартъ); „Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 г.“ (май); „Околдованіе начальства“ (май); „Переобмундированіе воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII столѣтія“ (іюль).

Въ 1887: „Псальма XVIII столѣтія“ (августъ).

Въ 1888: „Экономическія замѣтки и матеріалы“ (апрѣль).

Г-жѣ А. Е. Ефименко принадлежатъ статьи: „Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ“ (К. Стар. 1885, октябрь); „Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова“ (1888, октябрь); „Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в.“ (1890, іюнь).

Выше было говорено о трудахъ г. Сумцова, посвященныхъ разнымъ вопросамъ общей русской этнографіи [1]). Въ частности много другихъ трудовъ его посвящено южнорусской литературной старинѣ и этнографіи. Таковы его изслѣдованія по малорусской литературѣ XVI вѣка („Іоаннъ Вышенскій“, К. Стар. 1885, апрѣль), „Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка“ (1885, январь) и нѣсколько монографій о писателяхъ этого вѣка, наконецъ рядъ статей по малорусской народной словесности, обычаямъ и преданіямъ, печатанныхъ главнымъ образомъ въ „Кіевской Старинѣ“.

Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ работъ:

Въ 1885: Малорусскія фамильныя прозванія; Губернскія вѣдомости, какъ пособія при изученіи русской исторіи и этнографіи (февраль); Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свободы (мартъ); Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ (іюль).

Въ 1886: Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу (январь); Научное изученіе колядокъ и щедривокъ (февраль); Досвѣтки и посидѣлки (мартъ); Коломыйки (апрѣль); Малорусскія пьяницкія пѣсни (іюнь); малорусская географическая номенклатура (іюль); мѣстныя названія въ украинской народной словесности (октябрь).

Въ 1887: Туръ въ народной словесности (январь); очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ (іюнь—іюль, сентябрь, ноябрь).

Съ 1888, г. Сумцовъ началъ печатаніе въ „Кіевской Старинѣ“ статей подъ названіемъ: „Культурныя переживанія“, которыя вышли затѣмъ отдѣльною книгой (Кіевъ, 1890).

Въ сборникѣ Харьковскаго историко-филологическаго Общества (Харьковъ, 1891, т. III) г. Сумцовъ напечаталъ статью: „Колдуны, вѣдьмы и упыри“ (библіографическій указатель).

---

[1]) Т. II, глава IX.

Нѣсколько работъ по старой южно-русской письменности, народной поэзіи и языку принадлежитъ г. Науменку. Изъ стараго козацкаго рода полтавской губерніи, г. Науменко (Владим. Павл., род. 1852) изъ семьи вынесъ любовь къ народной рѣчи, опредѣлившую и дальнѣйшія его занятія; съ 1869 по 1873 онъ былъ въ кіевскомъ университетѣ по филологическому факультету и съ окончанія курса состоитъ преподавателемъ одной изъ кіевскихъ гимназій.

Ему принадлежатъ слѣдующія работы, имѣющія отношеніе къ исторіи малорусской литературы и къ этнографіи:

— Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ („Кіев. Стар.", 1883, іюнь).

— Хронографы южно-русской редакціи („Журн. мин. просв." 1885, май).

— Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ („Кіев. Стар." 1885, май).

— Новелла Боккаччьо въ стихотворномъ южно-русскомъ пересказѣ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣка (тамъ же, 1885, іюнь).

— Къ литературной исторіи рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ (тамъ же, 1888, № 1—3).

— Къ 50-тилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго (тамъ же, 1888, ноябрь).

— Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1880—82 гг. (тамъ же, 1889, февраль).

— Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ, 1889.

То направленіе изученій народной поэзіи, которое выразилось изданіемъ „Историческихъ пѣсенъ" и сравнительными изслѣдованіями народныхъ поэтическихъ миѳовъ и преданій, г. Драгоманова, продолжается потомъ другими трудами въ этой области. Таковы изслѣдованія М. Т—ва, въ статьѣ по поводу экспедиціи Чубинскаго („Вѣстн. Евр.", 1877, мартъ); въ „Матеріалахъ и замѣткахъ объ украинской народной словесности" („К. Старина", 1882, ноябрь; 1883, декабрь), гдѣ авторъ останавливается на пѣснѣ о взятіи Азова, на сближеніи: „Степанъ Разинъ — козакъ Гарасимъ", на вопросѣ о малорусской вертепной комедіи, на преданіи о песиголовцахъ. Таково далѣе изслѣдованіе К. Ѳ.: „Корделія-Замарашка" („Вѣстн. Евр." 1884, ноябрь), гдѣ между прочимъ указаны и малорусскія повторенія того сказочнаго мотива, который послужилъ темой шекспировскаго „Короля Лира"; другая статья, К. Г., даетъ подобныя сравненія сюжетовъ: „Два малороссійскихъ *фаблю* и ихъ источники" („Вѣстн. Евр." 1887, іюль). Нѣсколько изслѣдованій въ томъ же сравнительно-историческомъ направленіи помѣстилъ П. Кузьмичевскій въ „К. Старинѣ": „Старѣйшія русскія драматическія сцены" (1885, ноябрь); „Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности" (1886, февраль, мартъ; и замѣтка по ихъ поводу, октябрь); „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ" (1887, мартъ, апрѣль); „Шолудивый

Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ" (1887, августъ, октябрь). Всѣ названныя изслѣдованія чрезвычайно интересны какъ первые опыты сравнительнаго изученія малорусскихъ легендарныхъ темъ и представляютъ для этого сравненія матеріалъ, собранный изъ большой начитанности.

Упомянемъ далѣе многочисленныя статьи и замѣтки В. П. Горленка, разсѣянныя также въ „Кіевской Старинѣ". Не упоминая тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ рецензіи и замѣтки по современной южно-русской литературѣ, по исторіи и экономіи, замѣтимъ статьи, имѣющія ближайшее отношеніе къ этнографіи и обыкновенно богатыя любопытными указаніями.

— Бандуристъ Иванъ Крюковскій. Текстъ девяти думъ, съ біографической замѣткой („К. Стар." 1882, декабрь), и позднѣе, его некрологъ (1885 августъ).

— Старинные малороссійскіе портреты (1882, декабрь).

— Три псальмы (1883, февраль).

— Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго (1883, май), — любопытныя черты къ біографіи начинателя новой малорусской литературы.

— Варіантъ пѣсни о правдѣ (тамъ же, августъ).

— Кобзари и лирники (1884, январь, декабрь).

— Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными (1884, февраль).

— Кіевъ въ 1799 году (1885, мартъ).

— Французскій путешественникъ на Украйнѣ (1885, декабрь) — о книгѣ графа де-Лагарда: Voyage de Moscou à Vienne, 1824.

— Картинки старины (1887, апрѣль), кіевскій спектакль начала XVIII вѣка.

— Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (1887, іюнь — іюль), сборникъ С. Н. Исаевича съ предисловіемъ г. Горленка, гдѣ указано, что было писано раньше о малорусскихъ играхъ.

— Украинскія легенды во французскомъ журналѣ (1888, май: рѣчь идетъ о Revue des traditions populaires).

Нѣсколько весьма цѣнныхъ работъ по старинѣ и объясненію малорусской народной поэзіи далъ г. Нейманъ (Цеславъ Гермог.), одинъ трудъ котораго мы упомянули выше, говоря объ этнографическихъ изданіяхъ Краковской Академіи. Кромѣ многихъ рецензій въ „К. Старинѣ", онъ помѣстилъ тамъ же статьи: „Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни" (1883, августъ); „Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка" (1884, май); „Судъ божій надъ душой грѣшника" (1884, іюнь)—южнорусская драма конца XVII вѣка, съ предисловіемъ; „Любопытная книжка конца XVIII столѣтія" (1884, іюль)— „Книжиця для господарства", безъ заглавнаго листа, потому неизвѣстно, гдѣ и когда печатанная, на малорусскомъ языкѣ; „Старая Брацлавщина и ея люди" (1889, октябрь; 1890, августъ). Отмѣтимъ еще рецензіи книги А. А. Потебни: „Объясненія малорусскихъ и срод-

ныхъ нар. пѣсень" (1884, апрѣль) и „Покутья", Оскара Кольберга (1884, май), и замѣтку объ „украинской злополучницѣ" (1883, май).

Назовемъ дальше трудъ Х. Ящуржинскаго: „Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя", въ сравненіи съ великорусскими (Варш. 1880,—изъ „Р. Филол. Вѣстника"); — изслѣдованіе Н. А. Янчука, секретаря Этнографическаго Отдѣла въ Московскомъ Обществѣ Ест., Антр. и Этн. и редактора „Этнографическаго Обозрѣнія": „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Сѣдлецкой губерніи", по собраннымъ лично матеріаламъ (М. 1886, 4°); С. Брайловскаго: „Похоронныя причитанія южнаго края" (Р. Филол. Вѣстникъ, 1884, т. XII, стр. 181 и др.) и „Малорусская похоронная причеть и миѳическое ея значеніе" (К. Стар. 1885, сентябрь); — В. Каллаша, „Палій и Мазепа въ народной поэзіи" (Этногр. Обозрѣніе, 1889, кн. II); Валеріана Боржковскаго, „Лирники" (К. Старина, 1889, сентябрь) — по наблюденіямъ въ разныхъ мѣстахъ Подоліи; М. К. Васильева, „Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ" (тамъ же. 1889, августъ, сентябрь).

Значительную массу важнаго матеріала представили, кромѣ упомянутыхъ ранѣе, частные сборники произведеній народной поэзіи, преданій, суевѣрій, легендъ и т. д. Таковы напр.: А. А. Потебни, „Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII вѣка" (К. Старина, и отдѣльно, 1890), тексты съ предисловіемъ;—Заговоры на просо и пшеницу, Н. И. („К. Стар. 1884, дек.);—Знахарство, шептанье и заговоры (1885, дек.);—Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту, А. Ѳ. Кистяковскаго (1882, іюль);—Всенародное купанье вѣдьмъ, Цыбульскаго (Ѳ. Лебединцева; 1885, ноябрь);—„Письмо къ 3 дьяволамъ" (1884, іюнь);—В. Б. Антоновича, „Заклинанія противу чаръ" (Этнограф. Обозрѣніе, 1890, кн. V), два текста XVII-го столѣтія;— П. И., „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ" (тамъ же, кн. V—VI) и др.

Рядъ небольшихъ сообщеній историческо-бытового содержанія далъ г. Манджура въ „К. Старинѣ": „Запорожское расхищеніе" (1882, февраль), двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли; „Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ" (тамъ же, мартъ); „Панщина въ пѣсняхъ и молитвахъ" (тамъ же, май); „Украинская гетера" (1883, январь), типъ, изображенный въ пѣснѣ; „Талавира" (тамъ же, апрѣль), пастушеская пѣсня; „О богатыряхъ" (1888, августъ); „Легенда о нюхаряхъ" (1888, май); „Рождественская вечеря" (1889, январь) „Легенда о Петровомъ батогѣ" (тамъ же, сентябрь). Не перечисляемъ подобныхъ сообщеній Левченка, Мацѣевича и иныхъ съ изложеніемъ народныхъ преданій и разсказовъ, вѣрованій и примѣтъ, текстами народныхъ пѣсень, особливо въ „К. Старинѣ", и упомянемъ еще о

трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада“ (Кіевъ, 1883) помѣстилъ весьма полезный „Покажчикъ“, т.-е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кіевской Старинѣ“ и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливъивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь“ (Одесса, 1890), гдѣ въ послѣсловіи читатель найдетъ подробный указатель литературы этого предмета, начиная съ 1829 года.

Были сдѣланы попытки изложенія общаго характера и содержанія малорусскаго народнаго міросозерцанія, напр. работы П. И.: „Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру“ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда Харьк. губ.,—въ „Харьковскомъ Сборникѣ“, вып. 2-й, 1888) и „Народные обычаи, повѣрья, примѣры, пословицы и загадки, относящіеся къ малорусской хатѣ“ (тамъ же, вып. 3-й, 1889); М. К. Васильева, „Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа“ (Этнограф. Обозрѣніе, 1890, кн. IV); статьи Ѳаддея Рыльскаго: „Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія“ („К. Стар.“ 1888, ноябрь; 1890, сентябрь—ноябрь).

Наконецъ, изслѣдованія по языку. Онѣ не были многочисленны. Кромѣ упомянутыхъ работъ по старой исторіи малорусскаго языка А. Соболевскаго, П. Житецкаго, книжки В. Наумeнка, назовемъ второе изданіе „Словаря живаго народнаго языка русскихъ южанъ“ Ф. Пискунова (Кіевъ, 1882; разборъ А. Соболевскаго въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, 1883, т. IX); отрывки словаря К. Шейковскаго [1]); опыты изученія мѣстныхъ нарѣчій, какъ напр. замѣтки о русскихъ говорахъ Сѣдлецкой губерніи, свящ. С. Желеховскаго (Р. Филол. Вѣстн. 1884, т. XI); образцы народнаго говора южной части Курской и сѣверной части Харьковской губ., М. Халанскаго (тамъ же, 1882, т. VII). Въ упомянутой статьѣ В. Боржковскаго о лирникахъ сообщены были замѣчанія объ особомъ языкѣ лирниковъ; на томъ же вопросѣ остановился Ѳ. Д. Николайчикъ, въ статьѣ: „Отголосокъ лирницкаго языка“ (К. Стар., 1890, апрѣль), гдѣ онъ между прочимъ указывалъ большое совпаденіе лирницкаго языка съ языкомъ шаповаловъ Черниговской губерніи. Отмѣтимъ еще В. Долопчева, „Опытъ словаря неправильностей русской разговорной рѣчи, преимущественно въ южной Россіи“ (Р. Филол. Вѣстн. 1886, т. XV).

Въ „К. Старинѣ“ 1884 (мартъ) г. Горленко вспомнилъ „107 лѣтъ южнорусской этнографіи“ по тому случаю, что столько лѣтъ прошло съ изданія

---

[1]) См. также его замѣтки о галицкомъ словарѣ Верхратскаго (Львовъ, 1877) въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, 1880, т. III, также т. IV; 1885, т. XIII.

книжки Григорія Калиновскаго: „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“, весьма любопытной для того времени. Книжка давно составляетъ библіографическую рѣдкость, была поэтому перепечатана въ „Архивѣ“ Калачова и недавно снова повторена въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ (вып. 3, 1889), гдѣ она умѣстилась на двѣнадцати страницахъ [1]).

Собственно, южнорусской этнографіи можно считать больше времени. Не говоря о множествѣ фактовъ этнографическаго интереса, разсѣянныхъ безнамѣренно въ собственной южнорусской литературѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ, у польскихъ историковъ казацкихъ войнъ, еще съ XVII-го вѣка появляются, у писателей иностранныхъ, опыты описанія самой страны съ замѣтками этнографическаго содержанія. Такова была извѣстная книга Боплана (первое изданіе, Руанъ, 1651); затѣмъ можно назвать рядъ иностранныхъ книгъ и брошюръ, вызванныхъ въ свое время особливо отношеніями южной Россіи и козачества къ Польшѣ, Турціи и татарамъ. Напримѣръ:

— Pierre Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. Paris, 1663.

— A Discourse of the original, countrey, manners, government and religion of the Cossacks, with another of the Precopian Tartars, and the History of the wars of the Cossacks against Poland. (Изъ Шевалье перевелъ Edw. Brown). Лонд. 1672.

— Summarisch, doch gründliche Beschreibung des Königreichs Polen. Insonderheit Podolien (oder der sogenannten Ukranie) und angräntzender Landschaften etc. durch J. H. S. Nürnberg, 1672.

— Joach. Pastorius, Bellum Scythico-Cosacicum и пр. Dantisci, 1652, и его же Historiae polonae plenioris partes duae (или Historiae polonae pars prior. Interserta Cosacorum et Tartaricae simul gentis descriptio, ac multa alia. Gedani, или Dantisci, 1680—85).

— Hauteville, Polnischer Staat... insonderheit aber von dem Zustande des Landes Ukraine und der Vestung Caminieck Podolsky deutlich gehandelt wird. Cölln, 1697.

— Lo stato presente di tutti i paesi e popoli del mondo. Vol. VII. Della Turchia... e de' Cosacchi Zaporowski. Venezia, 1739.

Прибавимъ еще нѣсколько болѣе позднихъ изданій.

— Ausführliche und wahrhafte Schilderung der Saporogen Kosacken vom Fähndrich von Händlowick, der sich geraume Zeit um die Gegend der Wohnungen dieser Leute aufgehalten hat. Mit dem genauen Portraite eines Befehlshabers dieser Kosacken. Pappenheim in Franken, 1789.

— J. P. Pöhlmann, Die Kosaken oder historische Darstellung ihrer Sitten, Gebräuche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu führen. Mit einem illuminirten Kupfer. Petersb. 1799. Тоже, Wien und Prag, 1812.

— Die Kosaken, wie solche im Jahre 1799 waren, und durch Deutschland zogen. S. l. et a.

— (Reuschel), Statistisch-psychologischer Schattenriss der ehemaligen Provinzen Volhynien und der Ukraïne. Petersb. 1804.

— The history of the manners and customs of the Cossacks и пр., 3-е изданіе, „with considerable additions“. Лонд. 1813. Всего 20 страничекъ; между

[1]) Отмѣтимъ неаккуратность. Въ предисловіи Н. С. говорится постоянно о выходѣ книжки въ 1777 г., а въ заглавіи поставленъ 1776.

прочимъ: specimens of their love songs, и пр. Приведено два образчика любовныхъ пѣсенъ, въ англійскомъ переводѣ.

Упомянемъ еще вкратцѣ объ этнографической литературѣ южноруссовъ внѣ предѣловъ Россіи [1]). Въ разработкѣ исторіи этого отдѣла южно-русскаго племени, кромѣ названныхъ выше русскихъ ученыхъ, много работали ученые галицкіе, изъ которыхъ давнею и заслуженною извѣстностью пользуются имена Исидора Шараневича (писавшаго по галицко-русски и по польски), Ант. Петрушевича [2]); трудъ Качалы, писанный по-польски, переведенъ былъ на русскій языкъ въ „Кіевской Старинѣ“ [3]). По исторіи южно-русской литературы мы указывали выше трудъ Е. Огоновскаго. Въ частности, для обозрѣнія новѣйшей галицко-русской литературы можетъ съ пользою служить весьма обстоятельно составленная „Библіографія“ Левицкаго [4]); въ законченномъ первомъ томѣ заключаются данныя до 1860 г., за періодъ „до-конституціонный“. Каталогъ расположенъ погодно; для изданій рѣдкихъ и важныхъ приведены подробныя оглавленія; за каталогомъ слѣдуетъ азбучный указатель—по именамъ писателей, по заглавіямъ сочиненій безъименныхъ, наконецъ, по рубрикамъ самыхъ произведеній (напр., грамматика, драмы, „музыкалія“, переводы, пѣсни, повѣсти и т. д.); въ предисловіи сдѣланы подробныя статистическія вычисленія—выведены цифры о числѣ книгъ по *годамъ*, по *языку*, по *мѣстамъ печати* (въ Галиціи или внѣ ея), по *шрифтамъ* (кирилловскій, гражданскій, латинскій), по *отраслямъ наукъ*, по объему книгъ [5]).

Въ собственно этнографическихъ изученіяхъ самымъ капитальнымъ трудомъ является сборникъ Я. Ѳ. Головацкаго: „Народныя

---

1) См. о литературѣ галицкой и угорской (венгерской) Руси въ „Ист. слав. литер.“, т. I.

2) Изъ сочиненій Петрушевича отмѣтимъ книгу, имѣющую отношеніе къ этнографіи: „Общерусскій дневникъ церковныхъ, народныхъ, семейныхъ праздниковъ и хозяйственныхъ занятій, примѣтъ, гаданій“. Львовъ, 1865 (104 стр.; изъ „Временника“ Ставропигійскаго института за 1866 г.).

3) О новѣйшей разработкѣ галицкой исторіи см. статьи И. А. Линниченка: „Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси“, въ Журн. мин. просв., 1891, май и дал.

4) Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненьемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ, 1887—1888, 7 вып., составившихъ 1-й томъ, 4°. (См. объ этой книгѣ „В. Евр.“, 1889, октябрь; отзывъ въ „К. Старинѣ“).

5) Тѣмъ же И. Е. Левицкимъ составлена „Галицко-русская библіографія“ за 1887 и за 1888 годы, — то и другое какъ отдѣльный оттискъ изъ „Литературнаго Сборника“ за 1887—1888 г.

пѣсни Галицкой и Угорской Руси", печатаніе которыхъ начато было въ „Чтеніяхъ" Московскаго Общества исторіи и древностей въ 1863 и закончено въ 1878, составивъ три части, въ четырехъ большихъ томахъ, съ этнографической картой и многими объясненіями къ пѣснямъ. Не повторяя того, что было говорено нами въ другомъ мѣстѣ [1]), упомянемъ только, что въ послѣдніе годы явились новые матеріалы для исторіи старой дѣятельности Головацкаго на родинѣ,—главнымъ образомъ изъ его собственныхъ сообщеній. Его послѣдняя жизнь прошла въ Россіи: онъ состоялъ предсѣдателемъ виленской археографической коммиссіи [2]).

Для этнографическаго изученія Галицкой и Угорской (Венгерской) Руси, послѣ сборника Головацкаго не было сдѣлано сколько-нибудь значительнаго собранія подобнаго рода; появлялись только небольшіе отдѣльные сборники пѣсенъ и другихъ произведеній народной поэзіи, описанія обычаевъ и т. п., разсѣянные по сборникамъ, журналамъ и газетамъ,—какъ напр., „Временникъ Ставропигійскаго Института", „Литературный Сборникъ", издаваемый галицко-русской Матицей подъ ред. Дѣдицкаго, „Правда", „Зоря", „Бесѣда" (приложеніе къ „Страхопуду"), „Миръ", „Дѣло", „Слово", „Школьная Часопись" и др., гдѣ помѣщались подобные матеріалы и замѣтки Генрика Полянскаго, Даніила Лепкаго, Ореста Авдыковскаго, Евгенія Фенцика, Романа Заклинскаго, Ольги Франко и др.

Замѣчательная, въ галицко-русскихъ условіяхъ, работа сдѣлана была Е. Желеховскимъ по малорусскому словарю. Евгеній Желеховскій род. въ 1844, учился въ гимназіи и въ университетѣ въ Бережанахъ и во Львовѣ, былъ потомъ учителемъ въ Перемышлѣ и, наконецъ, преподавателемъ классической филологіи и русской словесности въ Станиславовѣ. Еще на школьной скамьѣ онъ былъ въ числѣ основателей товарищества „Просвѣта", въ которомъ послѣ былъ ревност-

---

[1]) Исторія слав. литературы, 2-е изд., т. I; ср. выше, глава IV и VIII.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о Головацкомъ (1814—1888) см. въ некрологѣ, Журн. мин. просв. 1888, № 6; біографія и портретъ въ „Нивѣ" 1888, № 39; біографическій очеркъ, Ѳ. Истомина, въ „Извѣстіяхъ Спб. слав. благотворит. Общества", 1888, № 4—5; см. также „Историч. Вѣстникъ", 1888, № 7; „Правосл. Обозрѣніе", 1888, № 5—6.

Сочиненія его молодыхъ лѣтъ были переизданы, вмѣстѣ съ сочиненіями его современниковъ и друзей Маркіана Шашкевича и Вагилевича, въ „Русской Библіотекѣ", И. Онышкевича (Львовъ, 1884), гдѣ сообщено много важныхъ библіографическихъ указаній, между прочимъ объ его анонимныхъ нѣмецкихъ брошюрахъ въ защиту галицко-русской народности. Затѣмъ, выше упомянуты отрывки изъ его воспоминаній въ „Литературномъ Сборникѣ" Богдана Дѣдицкаго, 1885; въ томъ же сборникѣ, за 1886—продолженіе воспоминаній, о путешествіяхъ Головацкаго въ Прикарпатской Руси и въ Венгріи, стр. 88—100.

нымъ дѣятелемъ въ Станиславовѣ. Это былъ горячій патріотъ, неустанно работавшій на пользу народнаго образованія.

„Не було руско-народного товариства, — говоритъ одинъ изъ его біографовъ, — котрогобъ не бувъ основателемъ, дѣйстнымъ або хочь спомагаючимъ членомъ, не було часописи и якого нибудь выдавництва зъ щиро рускою тенденціею, котрôбъ не числили его мѣжь своимы постôйными вôдбирателями и предплатниками. Горячій патріотизмъ, правôсть характеру, тверда вѣра въ красшу будучнôсть народу руско-украиньского, незвычайно вытревала праця зъ посвяченемъ личныхъ взглядôвъ и выгôдъ знаменували кождый его подвигъ. Справою руско-украиньскою вôнъ живъ и дыхавъ... Нѣ одно літературне або и політичне выдавництво, почавши вôдъ „Правды" въ 70-тыхъ рокахъ, не лишилось безъ его помочи и цѣнной рады...

„Въ цѣлой Станіславôвщинѣ мавъ покôйникъ велике поважане у всѣхъ, котрî его знали; нарôдъ любивъ его мовь рôдного батька. Не було днины, въ котрôй бы селяне не вôдвѣдували свого найщиршого друга, що приймавъ ихъ зъ отвертыми раменами, запомагаючи ихъ цѣнными радами, книжками, та заохочуючи ихъ до закладаня читалень, брацтвъ тверезости, шпихлѣрôвъ, крамниць и т. п. Но не тôлько селяне его вôдвѣдували: вôнъ також вразъ зъ иншими выбиравъ ся въ гостѣ до нихъ, уряджуючи по селамъ або також и въ Станіславовѣ дуже занимаючî выклады, въ котрыхъ дотычнî науки яко приобранî въ незвычайно приманюючу и легку форму лишалися на довго въ памяти цѣкавыхъ слухачѣвъ; згаданî выклады стягали сотки охочихъ науки—а покôйникъ несучи свѣтло науки мѣжь меншихъ незрячихъ братôвъ чувъ ся найщасливѣйшій и справдѣ раювавъ. Та не лише мѣжь селянами мавъ вôнъ такъ велике значѣне и повагу: вся интелігентна верства рускои суспôльности въ Станіславôвщинѣ вважала его своимъ провôдникомъ, на котре то почестне мѣсце завели его незвычайна приступнôсть для кождого, невымушена щирôсть и сердечнôсть, ангельска доброта серця, правый характеръ и взорцевый та мовь кришталь чистый патріотизмъ".

Это былъ такимъ образомъ „народникъ" въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ просвѣщенный, ревностно работавшій для народа и непосредственно ему извѣстный и близкій. Еще въ молодые годы желаніе познакомиться съ народною словесностью побудило его записывать народныя пѣсни и разсказы, и отсюда же возникла мысль предпринять его важнѣйшій трудъ, Словарь. Желеховскій умеръ въ 1885 году, и его похороны собрали массы людей изъ всѣхъ слоевъ народа.

Главнымъ трудомъ его былъ малорусско-нѣмецкій словарь [1]). Онъ началъ выходить выпусками съ 1882 года и остался неконченнымъ; по смерти Желеховскаго довершеніе словаря взялъ на себя, по высказанному имъ желанію, одинъ изъ его друзей, Софронъ Недѣльскій (Недільский): матеріалъ, далеко не вполнѣ подготовленный, былъ дополненъ Недѣльскимъ по книжнымъ источникамъ, а именно по тру-

[1]) Малоруско-німецкий Словар, уложивъ Євгений Желеховский. Два тома. Львовъ, 1886; VIII и 1117 стр.

дамъ Закревскаго, Пискунова, Верхратскаго, Магуры [1]) и (буква *т*) Шейковскаго [2]).

Главнѣйшій авторитетъ по малорусскому языку и словесности есть въ Галиціи Ем. Огоновскій, многократно нами упомянутый какъ авторъ „Studien" и исторіи русской (южно-русской) словесности.

Докторъ Емельянъ (Омелянъ, Emil) Огоновскій есть одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей галицко-русской литературы. Онъ происходитъ, какъ многіе изъ этихъ дѣятелей, изъ семьи сельскаго священника (род. 1833), прошелъ низшую школу и гимназію въ Бережанахъ и во Львовѣ и кончивъ, въ 1857, теологическій курсъ, въ 1858 посвятился въ духовное званіе, былъ помощникомъ катехизатора во львовской гимназіи и преподавателемъ классической филологіи, и получивъ въ 1865 степень доктора по классической филологіи, русскому и польскому языку, вступилъ во львовскій университетъ, по нашему, адъюнктомъ, а съ 1870 профессоромъ. Свое литературное поприще онъ началъ, съ 1860 года, стихотвореніями, повѣстями, драмами (еще въ 1885 онъ написалъ для народнаго русскаго театра трагедію „Гальшка Острожска", которая и дана была съ большимъ успѣхомъ), но затѣмъ отдался почти исключительно трудамъ по языку и исторіи литературы, въ ученомъ и учебномъ направленіи. Главные труды его были нами цитированы выше. По исторіи новѣйшей литературы укажемъ еще его книжки: „Маркіянъ Шашкевичъ. Про его жите и письма... читанка для селянъ и мѣщанъ" (Львовъ, 1886); „Критично-естетичный поглядъ"—на разныя произведенія Шевченка, и др. Его точка зрѣнія на исторію и современное положеніе южной Руси была нами отмѣчена по поводу его исторіи литературы и книги о языкѣ: это—крайне исключительный взглядъ галицкаго патріотизма, противопоставляющій „Русь" и „москалей" и къ послѣднимъ весьма неблагосклонный. Такой взглядъ онъ внушаетъ читателямъ даже въ популярныхъ книжкахъ, какъ напр. въ названной біографіи Шашкевича. Объ этой крайности мы пожалѣли бы тѣмъ болѣе, что русская жизнь бытовая и литературная въ Галиціи очень мало извѣстны [3]). Само собою разумѣется, что это—не личная точка зрѣнія, а взглядъ цѣлой доли галицкаго общества, созданный многоразличными условіями мѣстныхъ отношеній.—Упомянемъ еще, что Огоновскому принадлежитъ статья: Kleinrussen (ethnographisch, ge-

---

[1]) Въ „Галичанинѣ", I.

[2]) О Желеховскомъ см. некрологи въ галицкихъ изданіяхъ, и „Кіев. Старину" 1885, мартъ, стр. 594; также „Илюстрованный Календарь" товарищества „Просвѣта" на 1886 г.

[3]) Біографическія свѣдѣнія въ „Илюстрованомъ Календарѣ" товарищества Просвѣта за 1886 г. (Львовъ, 1885, стр. 47—51).

schichtlich und literarhistorisch), въ извѣстной энциклопедіи Эрша и Грубера.

По описанію старыхъ памятниковъ галицко-русской письменности, въ связи съ вопросами о языкѣ и народной жизни, упомянемъ труды Я. Головацкаго, А. Петрушевича, Ис. Шараневича, и въ новѣйшее время профессора славянской филологіи въ Черновцахъ, Е. І. Калужняцкаго [1]; далѣе, трудъ В. В. Макушева: „Южно-русскія сказанія по рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ" (Журн. мин. просв. 1881, № 9), и тѣ же сказанія изданы были потомъ въ Галиціи д-ромъ Ом. Калитовскимъ, въ книжкѣ: „Матеріалы до рускои литературы апокрифичнои" (Львовъ, 1884; „библіотека Зорѣ").

Нѣсколько работъ по малорусскому языку появилось въ послѣдніе годы въ „Архивѣ" Ягича. Таковы изслѣдованія Клем. Ганкевича [2], Ст. Смаля-Стоцкаго [3] и рано умершаго талантливаго польскаго филолога Яна Гануша [4].

Для Руси Угорской лучшій этнографическій трудъ представляетъ книга Гр. А. Де-Воллана: „Угро-русскія народныя пѣсни" (Спб. 1885, изъ XIII-го тома Записокъ Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи). Составитель книги былъ самъ на мѣстахъ и получилъ отъ нѣсколькихъ мѣстныхъ собирателей довольно обширный матеріалъ, который изданъ имъ съ объяснительными свѣдѣніями; Ѳ. М. Истоминъ, подъ редакціею котораго печатался сборникъ г. Де-Воллана, присоединилъ также указаніе того, что́ имѣется въ нашей литературѣ о русскихъ въ Венгріи [5].

Къ тому, что́ было приведено мною въ другомъ мѣстѣ [6], можно указать еще лишь немногое въ нашей литературѣ,—напр., изслѣдованіе А. Г. Семеновича: „объ особенностяхъ угро-русскаго говора" [7];

---

[1]) Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ. Кіевъ, 1877. (Краткій разборъ въ „Архивѣ" Ягича, III, стр. 180—181).

— Его же: „О распространеніи и современномъ значеніи славянскаго крачунъ-корочунъ"; „Къ исторіи странствованій Сна Богородицы", въ томъ же „Архивѣ", т. XI.

[2]) Разборъ грамматики Осадцы, переизданной Онуфріемъ Лепкимъ и И. Онышкевичемъ, въ „Архивѣ" Ягича, т. III; „Къ ученію о малор. удареніи", тамъ же, т. II, и Ein Beitrag zur Volksetymologie im Kleinruss., тамъ же, т. XI.

[3]) Ueber die Wirkung der Analogie in der Declination des Kleinrussischen, въ „Архивѣ", т. VIII—IX.

[4]) Объ удареніи существительныхъ въ малорусскомъ языкѣ, въ „Архивѣ", т. VII.

[5]) О книгѣ Де-Воллана см. замѣчанія В. Горленка въ „К. Старинѣ", 1886, январь.

[6]) Исторія слав. литературы, т. I.

[7]) Въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію", Спб. 1883.

...графическихъ сочиненій о
...ому, Кайндлю, Монастыр-
...ской семинаріи во Львовѣ,
...Русь галицка, буковиньска
...ческаго и административ-
...ескія и этнографическія,
...освѣщеніи, причемъ пере-
...ующія для этой послѣдней
...тѣ съ Буковиною, считаютъ
...16). Въ концѣ приведена ли-
...илъ, подъ заглавіемъ: „Der
...или: zur Kunde) der Bukowina“,
...орыхъ одно, составленное вмѣстѣ
...мѣетъ ближайшее отношеніе къ
...писаніе быта и народныхъ вѣро-

...eschichte der Stadt Czernowitz und ihrer
...орія доведена до конца XVIII столѣтія).
...ern. 1888 (до основанія княжества Мол-
...а).
...na. Czern. 1889 — 1890, два выпуска (88 и
...ложеніе этихъ сочиненій.
...ихъ сочиненій по исторіи Буковины, русской
...нца Адольфа Викенгаузера; Лудвигъ Адольфъ
...lkergruppen der Bukowina“, 1884, и „Volkssagen
...орыхъ мы не имѣли подъ руками.
...ахъ въ Буковинѣ см., по поводу „Буковинскаго
...Старинѣ“ 1886, августъ, стр. 735 — 738. См. также
...вины во львовской газетѣ „Народъ“, 1890, издавае-
... Франкомъ, и пр.

В. Терлецкаго, „Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи" (Кіевъ); „Угорская Русь", Ир. Пол—на, въ „Извѣстіяхъ Спб. славянскаго благотвор. общества" (1888, № 10) и др. Въ „К. Старинѣ" (1887, ноябрь) напечатана была, какъ неизданная, статья Дешка объ Угорской Руси; но на дѣлѣ она явилась еще въ 1850 г., въ „Кіевлянинѣ", затѣмъ въ 1855 перепечатана во „Львовской Семейной Библіотекѣ" Северина-Шеховича, гдѣ прибавлены къ ней примѣчанія Дениса Зубрицкаго.

Изъ трудовъ галицко-русскихъ укажемъ статью: „Угорщина" въ газетѣ „Батьковщина" (1886); книжку: „Угôрська Русь, еи розвôй и теперѣшній станъ", Василя Лукича (Львовъ, 1887; 30 стр.). Нѣсколько пѣсенъ и этнографическихъ замѣтокъ разсѣяно въ галицко-русскихъ (названныхъ выше) и венгерско-русскихъ изданіяхъ; изъ послѣднихъ отмѣтимъ духовно-литературный „Листокъ", издаваемый въ Унгварѣ, Евгеніемъ Фенцикомъ, гдѣ между прочимъ М. А. Вр—ль сообщилъ, въ 1888, нѣсколько народныхъ пѣсенъ; сообщенія того же Фенцика (въ „Словѣ"), Даніила Лепкаго и др. [1]).

Немногочисленны также свѣдѣнія о русскихъ въ Буковинѣ. Народническій центръ составляютъ здѣсь Черновцы, съ университетомъ, основаннымъ въ 1875, къ которому примкнулъ немногочисленный кружокъ патріотической молодежи (студенческое общество „Союзъ"), ставящій себѣ цѣлью поддержаніе любви къ своей народности и служеніе своему народу: задача тѣмъ болѣе трудная, что въ Буковинѣ русскіе не имѣютъ своей средней школы, а есть только румынская и нѣмецкая, и русской народности приходится бороться за свое существованіе на двѣ стороны. Буковинскія силы присоединяются конечно къ галицко-русскимъ, и отсюда вышли два извѣстные писателя—Федьковичъ и Данило Млака (Исидоръ Воробкевичъ). Въ Буковинѣ издаются двѣ русскія газеты: „Буковина" и „Русская Правда", но патріоты скорбятъ, что и эти два изданія не могутъ жить въ мирѣ и согласно работать для народнаго дѣла, интересъ къ которому только-что зарождается. Собственно для Буковины главный этнографическій трудъ представляетъ упомянутый выше пѣсенный сборникъ Купчанки. Изъ цитатъ узнаемъ о сочиненіи его же: Die Haidamachen [2]).

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о русскихъ въ Венгріи, напр., о внѣшнихъ отношеніяхъ племени, его численности и т. п., находятся въ нѣмецко-венгерскихъ сочиненіяхъ о Венгріи, и въ путешествіяхъ. Въ „Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn (Budapest, 1888) мы встрѣтили пѣсни, сообщенныя Алекс. Павловичемъ, съ нѣмецкимъ переводомъ.

[2]) Czernowitz, 1886. Намъ встрѣтилось также упоминаніе о конфискованной брошюрѣ: Die Schicksale der Ruthenen (von Gregor Kupczanko. Leipz. 1887).

Нѣсколько описательныхъ, историко-географическихъ сочиненій о Буковинѣ принадлежитъ Роману Заклинскому, Кайндлю, Монастырскому и др. Первый, преподаватель въ учительской семинаріи во Львовѣ, издалъ „Географію Руси“ (Часть перша: Русь галицка, буковиньска и угорска. Львовъ, 1887), гдѣ кромѣ физическаго и административнаго описанія приведены данныя историческія и этнографическія, свѣдѣнія объ экономической жизни и просвѣщеніи, причемъ перечислены учрежденія и общества, существующія для этой послѣдней цѣли (между прочимъ, въ Галиціи, вмѣстѣ съ Буковиною, считаютъ болѣе 600 народныхъ читаленъ; стр. 116). Въ концѣ приведена литература предмета. Кайндль предпринялъ, подъ заглавіемъ: „Der Buchenwald, Beiträge zur Geschichte (или: zur Kunde) der Bukowina“, рядъ небольшихъ сочиненій, изъ которыхъ одно, составленное вмѣстѣ съ Александромъ Монастырскимъ, имѣетъ ближайшее отношеніе къ этнографіи, а именно заключаетъ описаніе быта и народныхъ вѣрованій на сѣверѣ Буковины.

Raimond Friedrich Kaindl, Zur Geschichte der Stadt Czernowitz und ihrer Umgegend. Czern. 1888 (брошюра; исторія доведена до конца XVIII столѣтія).

— Geschichte der Bukowina. Czern. 1888 (до основанія княжества Молдавіи въ половинѣ XIV в., брошюра).

— Die Rutenen in der Bukowina. Czern. 1889 — 1890, два выпуска (88 и 98 стр.). Должно быть еще продолженіе этихъ сочиненій.

Назовемъ еще рядъ небольшихъ сочиненій по исторіи Буковины, русской и румынской, Іог. Полека, Франца Адольфа Викенгаузера; Лудвигъ Адольфъ Симигиновичъ издалъ: „Die Völkergruppen der Bukowina“, 1884, и „Volkssagen aus der Bukowina“, 1885, которыхъ мы не имѣли подъ руками.

О литературныхъ опытахъ въ Буковинѣ см., по поводу „Буковинскаго альманаха“, 1885, въ „К. Старинѣ“ 1886, августъ, стр. 735 — 738. См. также корреспонденціи изъ Буковины во львовской газетѣ „Народъ“, 1890, издаваемой М. Павликомъ и Ив. Франкомъ, и пр.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Томъ II, глава V (стр. 142). Въ 1891 г. Тихонравовъ издалъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (кн. VIII и отдѣльно): „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка“, съ историко-литературными объясненіями.

(Стр. 147). Мы говорили выше (т. II, стр. 422) о томъ интересѣ, какой представляетъ въ развитіи науки ходъ личнаго развитія ея дѣятелей, особливо тѣхъ, чьи труды были наиболѣе вліятельны. Подобныя свѣдѣнія (за которыми мы обращались къ самымъ лицамъ) могутъ быть особенно поучительны въ исторіи науки, какъ наша этнографія, которая еще не можетъ считаться установившейся и продолжаетъ складываться, искать своихъ путей и въ собираніи матеріала, и въ его истолкованіи. Намъ пріятно было получить свѣдѣнія этого рода отъ А. А. Потебни, которыми не могли воспользоваться ранѣе, при печатаніи II-го тома. Приводимъ здѣсь данныя изъ его письма, принося ему искреннюю признательность за его сообщеніе. Читатель, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ интересъ приводимыхъ данныхъ, указывающихъ пути, какими двигалась наша наука въ этой новой области.

„Родился я въ Роменскомъ у. Полтавской губерніи, дворянинъ. Учился сначала въ Радомской гимназіи (въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ), гдѣ мой дядя по матери былъ учителемъ. Въ 1871 г., несполна 16-ти лѣтъ, поступилъ въ Харьковскій университетъ (потому что въ немъ въ 20-хъ, 30-хъ годахъ кончило курсъ трое моихъ дядей по матери), на юридическій факультетъ.

„Однокашники познакомили меня съ Мих. Вас. Нѣговскимъ, тогда медикомъ 5-го курса, любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя думы, записанныя имъ, напечатаны у Антоновича и Драгоманова; но, кажется, большая часть его

собранія, сколько помню, по виду очень объемистаго, затеряна. Въ завѣдованіи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою библіотечкою я пользовался, что̀ не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія.

„Въ слѣдующемъ году, отчасти по совѣту Нѣговскаго, я перешелъ на историко-филологическій факультетъ и тогда же поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Окончилъ въ 1856 кандидатомъ и утвержденъ въ этой степени по представленіи диссертаціи: „*Первые годы войны Хмельницкаго*“ (по Пасторія „Bellum scythico-cosacicum“, по Величку и народнымъ пѣснямъ). Сочиненіе это не напечатано. Какъ казеннокоштный и за неимѣніемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, былъ назначенъ комнатнымъ надзирателемъ въ 1-ую харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ возможность замѣстить себя на службѣ другимъ, отказавшись отъ жалованья (по нынѣшнему ничтожнаго: 223 р. съ коп.) и, по совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о систематическихъ занятіяхъ, ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ благодаря снисходительности П. А. и Н. А. Лавровскихъ, я оставленъ при университетѣ. Первыя мои печатныя сочиненія: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ и „Мысль и языкъ“. Это было, какъ извѣстно, время, когда, послѣ долгаго перерыва, стали заботиться о пополненіи университетовъ новыми преподавательскими силами. Я былъ въ числѣ первыхъ, отправленныхъ изъ Харьковскаго университета за границу въ 1862 г. Воротился черезъ годъ, затѣмъ до защиты докторской диссертаціи: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ, I и II“, въ 1874 г., былъ доцентомъ, потомъ э.-орд. и орд. профессоромъ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности.

„Мнѣ кажется, я вижу помочи, на которыхъ вела меня судьба. Нѣкоторая наклонность къ вопросамъ, не имѣющимъ непосредственнаго такъ-наз. житейскаго значенія (каковъ исчерпывающій все языковѣдѣніе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову), не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многіе, иные гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики Полтавской гимназіи, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Полевичъ (полякъ; его ученикъ между прочимъ—А. Котляревскій). Таковы же были и мои однокурсники, ученики Курской гимназіи. Я нахожу сходство между собою и нѣкоторыми давноумершими родственниками по отцу, получившими (по старинному) буквально-грошовое образованіе (за выучку у дьяка — копа грошей и горшокъ каши). Тетка моя по

Четьимъ-Минеямъ рѣшала философскіе вопросы, а дядя, рано убитый на Кавказѣ, какъ мнѣ говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько горскихъ нарѣчій.

„Въ Радомской гимназіи, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже посредственности. Если впослѣдствіи меня не пугала грамматика, то это, я думаю, потому, что смолоду не зналъ *никакихъ* грамматическихъ учебниковъ. Тамъ я выучился польскому (на этомъ языкѣ преподавалось большинство предметовъ; русскихъ въ гимназіи было всего нѣсколько) и въ семьѣ дяди — нѣмецкому. Тамъ же пріобрѣлъ охоту къ легкому чтенію. Объ университетѣ могу сказать, что въ общемъ онъ давалъ болѣе, чѣмъ можно бы ожидать, разсматривая порознь преподавательскія силы. Бываетъ и иначе, когда много дается и мало получается. Тогда многое бралось съ вѣтру. Напр. въ преподаваніи—полное отсутствіе философіи. Логику и психологію читалъ профессоръ богословія, св. П. И. Лебедевъ. Записокъ всего нѣсколько листовъ. Однако первыя, буквально повторявшіяся изъ году въ годъ строки вступительной лекціи всеобщей исторіи Рославскаго-Петровскаго („М. Г. Истина состоитъ въ согласіи нашихъ представленій съ дѣйствительнымъ бытіемъ вещей; но, обуреваемый страстьми, ограниченный вліяніемъ матеріи, человѣкъ“ и пр.) возбуждали движеніе мысли, какъ теперь вижу, довольно самостоятельное, потому что о Кантѣ и т. п. тогда ни я, ни мои товарищи не слыхали. Два изъ трехъ преподавателей классической филологіи были люди со свѣдѣніями; А. О. Валицкій считался даже очень хорошимъ преподавателемъ; однако вѣрно, что въ мое время по-латыни, по-гречески въ университетѣ словесники забывали, чтó знали, а знали, какъ я сказалъ, полтавскіе и курскіе гимназисты достаточно (семинаристовъ въ числѣ моихъ 9-ти товарищей не было). Древности и исторія литературы греческой и римской состояли изъ негодной библіографіи и номенклатуры. Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ (тогда еще этого термина не было) и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ „Южнор. нар. пѣсенъ“ былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка Позднѣе Н. А. Лавровскій, перешедшій съ каѳедры педагогики на каѳедру русской словесности, указалъ на „Мысли объ исторіи русскаго языка“, Срезневскаго. П. А. Лавровскій на первыхъ порахъ читалъ по запискамъ, составленнымъ по лекціямъ и указаніямъ Срезневскаго. Фонетика славянскихъ нарѣчій была тогда у насъ новостью, для большинства страшною. Студенты другихъ факультетовъ совсѣмъ понапрасну прозывали словесниковъ юсами и буквоѣдами: юсовъ словесники обыкновенно не одолѣвали и сами чувствовали къ нимъ не

меньше отвращенія, чѣмъ нынѣшняя молодежь къ греческой и латинской грамматикѣ. Русская исторія читалась хорошо. А. П. Зерниинъ говорилъ растянуто, некрасиво, но дѣльно и свободно не по тетрадкѣ и не выучивая дома наизусть, какъ дѣлали нѣкоторые другіе. Составленіе за нимъ записокъ было мнѣ полезно во многихъ отношеніяхъ. Я черезъ П. Лавровскаго познакомился съ грамматикой Миклошича, трудами Караджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на меня вліяніе, укажу Костомарова: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи", сочиненіе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ не нравилось, и статью Буслаева: „Объ эпической поэзіи". Затѣмъ, къ сожалѣнію, ничьими совѣтами я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, вполнѣ уединенно. Благодаря П. Лавровскому, я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ; но послѣдователемъ его я себя не считаю. Большіе пробѣлы школьнаго образованія я замѣтилъ въ себѣ слишкомъ поздно, когда садиться за указку было уже неудобно. Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ, сдавалъ урокъ; характерно, что, сидя одинъ-на-одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку (А. Губернатисъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей бывало 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои позднѣйшія занятія, если бы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; стала одолѣвать тоска и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію.

„О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языкознанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза" (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка". Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построенный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія—для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ", для меня: „объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми" или „о борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно-научнымъ въ области грамматическихъ категорій" (по даннымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр. матема-

тика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціальности, вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пиѳагоръ, долженъ будетъ остаться на этой субстанціальности.

„Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п., въ печать попадали только строки, напр. въ разборѣ „Пѣсенъ Головацкаго".

(Стр. 153). О трудахъ А. А. Потебни, по случаю 30-лѣтія его ученой дѣятельности, см. въ „Кіевской Старинѣ", 1887, кн. 6—7, стр. 567.

Глава VIII (стр. 227). Біографіи и обзору ученыхъ трудовъ Порфирьева (1823—1890) посвящена книжка П. Знаменскаго: „Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи", Казань, 1891 (изъ „Православнаго Собесѣдника" за 1890).

Глава IX (стр. 295). Изслѣдованію Мочульскаго о Голубиной книгѣ посвященъ подробный разборъ, составленный Порфирьевымъ— въ Отчетѣ объ уваровскихъ наградахъ, 1890.

Изъ новыхъ сочиненій въ этой области упомянемъ книгу А. Карнѣева: „Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога" (Спб. 1890, въ изданіяхъ Имп. Общества любителей древней письменности), обширное и внимательное изученіе происхожденія и дальнѣйшей судьбы средневѣковаго „Физіолога", по отношенію къ славянскому тексту, который изданъ здѣсь въ подробномъ сличеніи съ его греческимъ подлинникомъ и другими текстами.

Ѳед. Дм. Батюшковъ издаетъ, въ Журн. мин. нар. просв. 1890—1891, свое обширное изслѣдованіе: „Сказаніе о спорѣ души съ тѣломъ въ средневѣковой литературѣ" — въ связи съ славянскими и русскими преданіями.

Л. Шепелевичъ издалъ начало своего изслѣдованія: Этюды о Дантѣ. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла" (Часть I. Харьковъ, 1891), также въ связи съ памятниками славяно-русской письменности и отголосками ихъ въ народно-поэтическомъ преданіи.

Укажемъ еще труды Андрея Ив. Пономарева, профессора Спб. духовной академіи, которые касаются также народной стороны старой письменности:

— Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи. Опытъ изслѣдованія памятниковъ христіанской агіологіи и эсхатологіи. Спб. 1886.

— Славяно русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Рѣчь на актѣ Спб. духовной академіи 19-го февраля 1890. Спб. 1890, и др.

Въ Нео-филологическомъ Обществѣ при Спб. университетѣ были имъ читаны рефераты по сравнительному изученію народно-поэтическихъ преданій.

Глава XI. Относительно изображеній народа въ литературѣ см., кромѣ „Сочиненій" (Спб. 1890, два тома), вышедшую недавно новую книгу г. Скабичевскаго: „Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890)". Спб. 1891, гдѣ разсѣяно объ этомъ много любопытныхъ и полезныхъ замѣчаній.

Томъ III, глава IV (стр. 138). Въ польскомъ журналѣ „Wisła", посвященномъ этнографіи, 1888, іюль—сентябрь (стр. 653—662), помѣщена краткая біографія Жеготы Паули (съ портретомъ), г. Карловича, гдѣ, между прочимъ, опровергается обвиненіе въ плагіатѣ, выставленное Головацкимъ.

Глава XI (стр. 344). О Н. В. Закревскомъ намъ доставлены были слѣдующія свѣдѣнія изъ дѣлъ Ревельской нѣмецкой (alias губернской) гимназіи.

Закревскій родился въ 1805 г. въ Кіевѣ, посѣщалъ тамошній (?) лицей, потомъ учился въ Харьковскомъ университетѣ и кончилъ въ немъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. Затѣмъ, въ 1829—31, онъ изучалъ въ Дерптѣ юриспруденцію, 1 янв. 1834 г. опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ Ревельскую гимназію; въ сентябрѣ 1847, уволенъ отъ службы съ чиномъ надворнаго совѣтника и проживалъ послѣ то въ Ревелѣ, гдѣ женился на нѣмкѣ, то въ „Россіи".

(Стр. 366). Во львовской газетѣ „Народъ" (1890, № 2 — 3, стр. 30—32) читаемъ о новомъ сочиненіи г. Драгоманова: „Австро-руські спомини (1867—1877)", части 1—2. Львовъ, 1889, представляющемъ много автобіографическаго.

Глава XII (стр. 393). Относительно вопроса о смѣнѣ народностей въ южной Россіи укажемъ еще брошюру Влаха: Die ethnographischen Verhältnisse Südrusslands in ihren Hauptepochen von den ältesten Zeiten bis auf das erste Erscheinen der Slaven. Eine historisch-ethnographische Studie von Dr. Jar. Vlach. Вѣна, s. a.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.